А. А. ЗИМИН

Россия на пороге нового времени

РОССИЯ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

А. А. Зимин

Россия на пороге нового времени

(Очерки политической истории России первой трети XVI в.)

Издательство «Мысль» . Москва 1972.

9(С)13
З—62

Главная редакция
социально-экономической литературы

1—6—4
2-БЗ-22-71

ОТ АВТОРА

Когда заходит речь об истории России в XVI в., то прежде всего вспоминаются эпизоды отечественной истории, связанные с деятельностью Ивана Грозного (1533—1584 гг.). И это в общем понятно: вторая половина века наполнена событиями такого драматического накала, перед которым, казалось бы, стушевывается все то, что происходило в судьбах нашей страны за первую половину века.

Однако наблюдательный и пытливый любитель отечественной истории, совершенно естественно, должен спросить: чем же объясняются поистине грандиозные успехи государственного строительства и внешней политики, которые были достигнуты Россией в середине XVI в.? Задав же себе этот вопрос, читатель обратится к литературе, рассказывающей о Русском государстве накануне вступления Ивана IV на престол. И вот тут-то выяснится, что русская история первой трети XVI в. до сих пор еще не была предметом специального монографического изучения. Не то чтоб ею вовсе не интересовались. Нет. Различные стороны жизни русского общества привлекали к себе внимание исследователей. Писали и о внешней политике России. Много размышляли о развитии общественной мысли. В то же самое время движение исторического процесса в этот период еще представлялось только в самом общем виде. Когда вспоминаешь важнейшие факты русской истории первой трети XVI в., то сразу же приходят на ум присоединение Пскова в 1510 г., взятие Смоленска в 1514 г. да, может быть, осуждение видных публицистов Вассиана Патрикеева и Максима Грека в 1525 и 1531 гг. Фигура державного правителя Русского государства Василия Ивановича, великого князя всея Руси, рисуется какой-то бледной тенью его отца Ивана III, при котором в основном было завершено объединение русских земель под эгидой московского государя, или безликим предтечей своего грозного сына.

Однако все это совсем не так. За последние годы советские историки проделали большую работу по изучению отечественной истории XVI в. Среди них выделяются труды академика М. Н. Тихомирова, еще ранее академика С. Б. Веселовского, а также исследования нового поколения ученых — Н. А. Казаковой, С. М. Каштанова, В. Б. Кобрина, Я. С. Лурье, Н. Е. Носова, В. М. Панеяха, Р. Г. Скрынникова и многих других.

Методологической основой поисков советских ученых является классическая характеристика истории России периода Московского царства, данная В. И. Лениным, который подчеркивал, что в то время существовали «живые следы прежней автономии», ибо «государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества...» [1]. Борьба с пережитками феодальной расчлененности Русского государства на отдельные земли и явилась как бы основным нервом всей политической истории России XVI столетия. Новый период русской истории В. И. Ленин датирует временем «примерно с 17 века», характеризующимся «действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое» [2]. До этого Россия как бы находилась еще *на пороге нового времени*. Ленинская оценка самой сути государственной структуры Московского царства позволяет избавиться от той переоценки степени централизации государственного аппарата в России, которая долгое время существовала в литературе. В самом деле, объединение земель под великокняжеской властью само по себе не означало еще создания централизованного государства. Только в середине XVI в. складывается на Руси сословно-представительная монархия, явившаяся ступенью к созданию абсолютистской монархии, становление которой относится лишь к середине следующего, XVII столетия.

История России первой трети XVI в. была отмечена решительной, хотя и осторожной борьбой правительства Василия III за преодоление тех следов «живой автономии» русских земель, которая особенно ощущалась в этот период. Объединение русских земель в рамках единого государства, постепенная ликвидация удельных княжеств и других полугосударственных образований сочетались с хорошо продуманной и умело осуществлявшейся внешней политикой, которая привела к росту международного престижа России и успешному осуществлению важных внешнеполитических планов русского правительства. Все это содействовало тому, что первая треть XVI столетия была временем экономического и политического подъема страны.

Настоящая книга посвящена преимущественно вопросам

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.
[2] Там же, стр. 153—154.

политической истории России и общественно-политической мысли в годы правления Василия III. Социально-экономические предпосылки объединения русских земель изучены Л. В. Черепниным [3], общие контуры сдвигов, происшедших в экономике страны, также известны сравнительно хорошо [4]. Некоторые дополнительные соображения и материалы по этому поводу приводятся и в настоящей книге. Всестороннее же изучение социально-экономической жизни России первой половины XVI в. еще предстоит исследователям. В рамках настоящей книги автор делает попытку подвести итоги изучения внутри- и внешнеполитической истории России в годы правления Василия III в тесной связи с историей государственного аппарата и общественной мысли. В целом же проблеме развития политического строя Русского государства предполагается посвятить специальное исследование. Вместе с тем автор считает возможным поставить ряд дискуссионных вопросов, окончательное решение которых, как он полагает, сможет продвинуть вперед изучение политической истории России первой трети XVI столетия.

Предлагаемая вниманию читателя книга имеет самостоятельное значение и вместе с тем входит в серию монографий автора по истории России XVI в.[5]

Автор пользуется случаем и выражает глубокую благодарность С. М. Каштанову, Е. П. Маматовой и другим коллегам, оказавшим ему добрым советом и архивными разысканиями дружескую помощь при подготовке данной книги к печати.

---

[3] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки экономической и политической истории Руси. М., 1960.

[4] Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955, стр. 30—101.

[5] *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. (далее — *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного). М., 1960; *его же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Дореволюционная историография

Первыми дают оценку происходящим событиям современники. Их мнения часто оказывают большое влияние на позднейшую историографию, проникая в нее вместе с фактами, из которых историки возводят свои, порой весьма причудливые, построения. В соответствии со средневековым мировоззрением русские публицисты первой трети XVI столетия усматривали в деяниях людей результат воздействия божьего промысла. Важнейшие события истории России той эпохи они связывали прежде всего с деятельностью великого князя всея Руси Василия III. Их политические представления различались в той мере, в какой ими давались разные оценки деяний московского государя. Для Иосифа Волоцкого Василий III прежде всего самодержавный царь, который только по своему «естеству» напоминает других людей, поскольку властью он подобен самому богу [1].

Иосифу Волоцкому вторил старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей, создатель теории «Москва — III Рим». Он называл Василия III царем христиан всей Вселенной [2]. Анонимный автор Похвального слова, написанного по случаю рождения у Василия III наследника престола в 1530 г., обращаясь к великому князю, говорил, что он — единодержавный властелин своей земли, который покорил все окружающие его земли мечом или миром [3].

---

[1] Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 184.

[2] *В. Малинин.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (далее — *Малинин*). Киев, 1901, прил., стр. 49—55.

[3] *Н. Н. Розов.* Похвальное слово великому князю Василию III.— «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 282.

В панегиристах, как мы видим, недостатка не было.

Но существовала и другая оценка деятельности державного государя. Она принадлежала одному из придворных великого князя — И. Н. Берсеню Беклемишеву, и именно она привела строптивого сына боярского в 1525 г. к плахе. Оказывается, добрым-то правителем был отец Василия Ивановича Иван III, ибо он держался «старых обычаев». Но уже при нем обычаи стали меняться, когда пришла на Русь София Палеолог с ее греками: Василий III и вовсе не слушал советников, а сам решал все дела [4].

При всей разнице оценок деятельности Василия III между ними можно подметить и некоторое сходство: и панегиристы московского государя, и его хулители невольно (первые) или нарочито (вторые) подчеркивали существенную разницу между его временем и великим княжением его отца. Обе стороны сходились на том, что годы великого княжения Василия III отмечены утверждением единодержавия.

В бурные годы правления Ивана IV обе оценки деятельности его отца полностью сохранялись. Так, для автора Степенной книги (начало 60-х годов XVI в.), широко использовавшего Послание Иосифа Волоцкого Василию III и Похвальное слово, великий князь Василий Иванович — «истовый вождь, умный правитель, вседоблий наказатель, истинный кормчий» [5]. Да и сам Иван Грозный производил «истинного Российского царствия самодержавство божиим изволением почен» от Владимира Святославича и до своего отца [6]. Так создается уже четко выраженное представление о том, что история России — это история самодержавия, существовавшего на Руси «изначала». Это представление в последующем — XVII и XVIII вв.— стало основой исторических воззрений дворянских историографов.

Берсеньевскую традицию продолжал позднее князь Андрей Михайлович Курбский, ярый враг грозного царя. Рационалист по своим взглядам, он склонен был приписывать реальное влияние на ход истории живым людям и их стра-

---

[4] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (далее — ААЭ), т. 1. СПб., 1836, № 172, стр. 141—142.

[5] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. XXI, 2-я половина. СПб., 1913, стр. 610—611.

[6] Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 9—10.

стям, а не божьему «промыслу», как то делали его предшественники. В своем основном труде — «Истории о великом князе Московском» (1573 г.) — Курбский считал, что «злые нравы» русских князей объясняются «наипаче женами их злыми и чародейцами». Так, Иван IV родился от незаконного второго брака его отца, который отличался многими злыми и богопротивными делами [7]. Характеристика Курбского определялась его близостью к политическим и идеологическим противникам Василия III и самого царя Ивана, в частности к Максиму Греку и нестяжателям.

Трагические события опричных лет, а позднее и грозовой вал «смуты» заслонили публицистам конца XVI и начала XVII в. предания о сравнительно спокойном времени правления Василия III. Но и в этот период изредка вспоминались дела и дни отца царя Ивана, причем снова очень противоречиво. Так, составитель Хронографа редакции 1617 г. в духе официального славословия писал: «Бе бо мужествен государь царь и великий князь Василей Иванович всея Русии и на сопротивныя враги велие храбръство показа, яко и цари окрестные мнози с державами своими приходяще к нему и покоряющеся служити ему». Будучи близким к канцелярии Посольского приказа, составитель Хронографа особенно отмечал, что Василий III «титлу великия державы себе состави» (т. е. стал именоваться уже царем), причем никто из его предшественников «таковым самодержательством не писашеся и не нарицашеся» [8].

С другой стороны, автор «Выписи о втором браке Василия III», в духе традиции Берсеня и Курбского осуждая великого князя за развод с Соломонией Сабуровой и заточение Максима Грека и Вассиана Патрикеева, задним числом предсказывал, что от незаконного брака у Василия Ивановича родится сын, который будет «грабитель чужаго имения», а царство Российское наполнится «страстми и печалми» [9].

---

[7] Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. XXXI. СПб., 1914, стб. 161—165.

[8] *А. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 181—182.

[9] *С. Белокуров.* О библиотеке московских государей. М., 1898, прил., стр. LX.

«Отец русской исторической науки» В. Н. Татищев довел систематическое изложение истории российской только до нашествия татаро-монголов на Русь. Последующее время, и в частности годы правления Василия III, отразилось в его подготовительных материалах в виде переложения текста Никоновской летописи [10]. Общее представление В. Н. Татищева о происходивших в конце XV—XVI вв. событиях более или менее ясно. Для Татищева, как дворянского историка, история России сводилась преимущественно к истории русского самодержавия. Иван III Великий, «спровергнув власть татарскую, паки совершенную монархию возставил». Василий III, которого Татищев вслед за польскими авторами называет Храбрым, привлек его внимание тем, что он взял Смоленск, «все Северское княжение от Литвы возвратил» и построил на Суре город Василь [11]. Итак, Василий III лишь продолжил дело своего отца. В «Разговоре о пользе наук» Татищев говорит, что Иван III основал монархию, которую «сын и внук в лучшее состояние привели» [12].

Первый обстоятельный очерк деятельности Василия III составлен был князем М. М. Щербатовым, поместившим его в своей «Истории Российской» [13]. Автор для его создания привлек большой комплекс сохранившихся материалов, большей частью рукописных. Среди них — Никоновская летопись, Воскресенская летопись [14], Летописец начала царства и краткий Кириллов летописец [15], Типографская летопись [16],

---

[10] *В. Н. Татищев.* История Российская (далее — *Татищев*), т. VI. М.—Л., 1966.

[11] *Татищев,* т. 1. М.—Л., 1962, стр. 367; ср. стр. 436.

[12] *В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (далее — Чтения ОИДР), 1887, кн. 1, стр. 138.

[13] *М. М. Щербатов.* История Российская (далее — *Щербатов*), т. IV, ч. II. СПб., 1783.

[14] «Типогр. 53» (ныне Государственный Исторический музей (далее — ГИМ), Синодальное собрание (далее — Синод.), № 144); ср. ПСРЛ, т. VIII.

[15] «Типогр. 55» (ныне ГИМ, Синод. № 486); ПСРЛ, т. XXIII, XXIX.

[16] «Типогр. 57» (ныне ГИМ, Синод. № 789); ср. ПСРЛ, т. XXIV. Издана была М. М. Щербатовым в 1784 г. (Летописец, содержащий Российскую историю от 6714 (1206) лета до 7042 (1534) лета. М., 1784).

Степенная книга [17], Царственная книга [18], Казанский летописец и некоторые другие [19]. Из архива коллегии иностранных дел М. М. Щербатов черпал духовные, договорные грамоты великих и удельных князей, поручные бояр и крымские посольские дела. Много этих материалов он опубликовал в приложении к своей «Истории» [20]. Из исторических трудов XVI—XVIII вв. М. М. Щербатов использовал «Хронику» М. Стрыйковского, «Опыт» П. Рычкова [21], «Ядро» А. И. Манкиева, в меньшей мере разрядные и родословные книги, списки думных чинов. Знал Щербатов также ряд работ по истории Турции (Д. К. Кантемира), Польши и других европейских стран.

Словом, в своем труде М. М. Щербатов выступал во всеоружии имевшихся в распоряжении исследователя XVIII в. источников. Общая оценка истории России первой трети XVI в. сводилась у него к характеристике деятельности Василия III. М. М. Щербатов подчеркивал, что этот великий князь «усилил Россию», «содержал себе в союзе» ближайшие к России народы, стараясь избегать войны, ибо «почитал ее всегда вредною государству». В целом же «хотя не обретем мы в нем столь блистательных качеств, каковыми отличался его родитель... однако обретаем в нем сие набожие не суеверное и на добродетели основанное, которое есть основание твердых правил мудрого правителя» [22].

Откровенная монархическая концепция сочеталась у Щербатова с осторожной защитой привилегий аристократии. Так, прямо не осуждая заточение Василием III князя В. Д. Холмского, он замечает, что желательно было бы узнать причины этой опалы. Ведь бывали в истории случаи,

---

[17] «Типогр. 56» (ныне ГИМ, Синод. № 358); ср. Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую с начала оныя до время государя, царя и великого князя Ивана Васильевича (далее — Книга Степенная), ч. I—II. М., 1775; ПСРЛ, т. XXII, ч. 2.

[18] Царственный летописец. СПБ., 1772 (издал М. М. Щербатов).

[19] «Типогр. 50», «Патр. 305». Обзор летописей см.: *Щербатов,* т. I—II. СПб., 1901, стб. 19—24.

[20] *Щербатов,* т. IV, ч. III. М., 1784.

[21] *П. Рычков.* Опыт Казанской истории. СПб., 1767.

[22] *Щербатов,* т. IV, ч. II, стр. 541—542.

когда «любимцы» государя творили его именем «неправосудия» [23].

Касаясь известия, что Василий III уморил в темнице голодом своего соперника Дмитрия, М. М. Щербатов ставил вопрос: не было ли это вызвано тем, что В. Д. Холмский хотел возвести Дмитрия Ивановича на престол, что и вынудило Василия III принять такие суровые меры против обоих лиц [24]. Возможно, это был своеобразный намек на события 1764 г., когда подпоручик Мирович хотел освободить находившегося в заточении Ивана VI Антоновича, но тот был, согласно распоряжению Екатерины II, убит, а сам Мирович казнен.

При описании присоединения Пскова М. М. Щербатов отмечал социальную рознь в городе («часть псковского народа быв утеснена другою»), в результате чего угнетенная псковским боярством часть населения надеялась в лице Василия III найти себе защиту [25].

Итоги дворянской историографии XVIII в. подвел Н. М. Карамзин. Подходя с консервативно-охранительных позиций к освещению русского исторического процесса, он писал, что Россия всегда спасалась «мудрым самодержавием» [26]. А раз так, то именно самодержцы и их деяния, а не народ стояли в центре внимания придворного историографа государя императора Александра Благословенного. «Два государя — Иоанн и Василий, — писал Карамзин, — умели навеки решить судьбу нашего Правления и сделать Самодержавие как бы необходимою принадлежностию России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия». Но крупнейшей исторической фугурой Карамзин считал именно великого князя всея Руси Ивана III, который, по его словам, был «герой не только Российской, но и всемирной истории».

Василий III уступал в «природных дарованиях» и Ивану III, и Ивану Грозному, «был не гением, но добрым правителем», «шел путем, указанным ему мудростию от-

---

[23] Там же, стр. 398.
[24] Там же, стр. 401.
[25] Там же, стр. 408.
[26] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 10, 47, 127.

ца»[27]. «Рожденный в век еще грубый и в самодержавии новом, для коего строгость необходима, Василий по своему характеру искал средины между жестокостию ужасною и слабостию вредною»[28].

Н. М. Карамзин сравнительно с М. М. Щербатовым значительно расширил круг привлеченных к исследованию источников. Кроме известных Щербатову он использовал изданные к его времени Архангелогородский летописец[29], Львовскую летопись[30], Никоновскую летопись[31], Типографскую летопись[32] (последние две Щербатов знал по рукописям). Он ссылается на Псковскую летопись А. Ф. Малиновского и Ф. Толстого[33]. Широко привлекает он так называемую Ростовскую летопись (Новгородский свод 1539 г.)[34]. Важным летописным источником для него была Вологодско-Пермская летопись[35]. Знал Н. М. Карамзин и Новгородскую II летопись[36]. В его архиве находились списки

---

[27] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского (далее — *Карамзин*), кн. II, т. VII. СПб., 1842, стб. 121; т. VI. СПб., стр. 210; т. VII, стр. 105.

[28] Там же, кн. II, т. VII, стб. 106.

[29] Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года. М., 1781. См. Устюжский летописный свод (далее — УЛС). М.—Л., 1950.

[30] Летописец русский от пришествия Рюрика до кончины царя Иоанна Васильевича (далее — Летописец русский). М., 1792; ПСРЛ, т. XX, ч. I—II, СПб., 1910—1914.

[31] Русская летопись по Никонову списку, ч. VI. СПб., 1790.

[32] Летописец, содержащий российскую историю от 6714 (1206) лета до 7042 (1534) лета. М., 1784.

[33] *Карамзин,* т. VII, прим. № 77. В первом случае речь идет о рукописях Центрального государственного архива древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 181, № 69/92 и 447/915. См. *О. А. Яковлева.* К истории псковских летописей. — «Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», вып. 9. Саранск, 1947, стр. 218—228.

В собрании Н. М. Карамзина находился также Горюшкинский список летописи (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ), F, IV, № 602) и Карамзинский (ГПБ, F, IV, № 603). См. Псковские летописи (далее — ПЛ), вып. 1. М.—Л., 1941, стр. XIX—XXVI.

[34] ЦГАДА, ф. 181, № 20/25. См. *А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

[35] «Синод. № 365» (ныне ГИМ, Синод. № 485). См. ПСРЛ, т. XXVI.

[36] ЦГАДА, ф. 181, № 62/85. См. ПСРЛ, т. XXX.

и других летописей (в том числе Воскресенской)[37]. Встречаются у историка ссылки и на Русский временник[38].

Более широко привлекаются Карамзиным и дипломатические материалы. Кроме крымских дел он уже знает весь основной комплекс посольских дел (прусские, имперские, польские, турецкие и ногайские). Он использует договоры с Данией, ганзейскими городами и Ливонией, а также хранившиеся у него «кёнигсбергские бумаги». Карамзин широко привлекает свидетельства современных Василию III иностранцев (С. Герберштейна, А. Кампензе, П. Иовия, Ф. да Колло). Он обращает большее, чем Щербатов, внимание на внутреннее состояние России в первой трети XVI в. Ему известна «Выпись о втором браке Василия III»[39], несколько списков разрядных книг[40], судное дело Берсеня и Максима Грека[41], родословные[42].

Яркость изложения и богатый фактический материал сделали труд Н. М. Карамзина на долгое время одним из популярнейших сочинений по русской истории, несмотря на консервативный характер его общих представлений.

Первый русский революционер А. Н. Радищев по-новому подошел к проблеме создания единого Русского государства. Для него этот процесс не был благоденственным, а означал торжество деспотизма, попрание народных прав и вольностей, столь ярко проявившихся в истории Новгорода и Пскова[43].

Радищевскую традицию продолжали декабристы, которые в своих литературных занятиях охотно пользовались примерами истории для разоблачения ужасов самодержавия. Они нанесли решительный удар по карамзинской концепции истории России. Восхвалению самодержавия они, как и Радищев, противопоставляли идеализацию древнерусских городов-республик. Полемизируя с Карамзиным, Н. И. Тургенев

---

[37] ГПБ, F, IV, № 601.

[38] Русский временник, ч. 1—2. М., 1790; 2-е изд. М., 1820.

[39] ГИМ, Синод. № 466.

[40] ЦГАДА, ф. 181, № 99; ГПБ, Q, XVII, № 150, 30. См. *В. И. Буганов.* Разрядные книги. М., 1962, стр. 44, 66, 76.

[41] ЦГАДА, ф. 52, без номера.

[42] Родословная книга князей и дворян российских, ч. 1—2. М., 1787.

[43] *А. Н. Радищев.* Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, стр. 263; т. III. М.—Л., 1952, стр. 36.

писал, что после падения татаро-монгольского ига Россия «восстает из своего уничижения, но встает заклейменная знаками рабства и деспотизма, доказывающими, чего она лишилась и что приобрела» [44]. Итак, политический деспотизм и социальное порабощение — вот следствия создания единой монархии при Иване III. А. И. Одоевский [45] с горечью вспоминал падение независимости Новгорода и Пскова. К изучению истории Новгорода и Пскова призывал А. Е. Розен [46]. Декабристы меньше всего склонны были идеализировать русских монархов той поры. Н. М. Муравьев говорил о том, как унизительна была «для нравственности народной эпоха возрождения нашего, рабская хитрость Иоанна Калиты; далее, холодная жестокость Иоанна III, лицемерие Василия и ужасы Иоанна IV» [47]. М. А. Фонвизин клеймил самовластие Ивана III и его сына Василия, которые покорили оружием Новгород и Псков и «уничтожили их общинные права и вольности» [48]. Исторический идеализм в построениях декабристов сочетается с их революционным устремлением.

Несмотря на идеалистические представления о ходе исторического процесса, декабристы внесли в историческую науку революционную страсть борцов с социальной и политической несправедливостью, которая помогла им избавиться от непомерной идеализации царизма, господствовавшей до них в русской историографии.

В середине XIX в. складывалась так называемая юридическая, или государственная, школа историков (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев и др.), представлявшая собой либерально-буржуазное направление в исторической науке. Отстаивая тезис о закономерном ходе исторического процесса, С. М. Соловьев рассматривал историю России конца XV — начала XVI в. как время перехода родовых отношений меж-

---

[44] Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг., т. III.— «Архив братьев Тургеневых», вып. 5. Пг., 1921, стр. 123.

[45] *А. И. Одоевский.* Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л., 1934, стр. 130.

[46] *А. Е. Розен.* Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 275.

[47] Записки Никиты Муравьева. — «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, стр. 585.

[48] *М. А. Фонвизин.* Обозрение проявлений политической жизни в России. — «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I. СПб., 1905, стр. 104.

ду князьями в государственные. Борьба старого порядка с новым, начавшаяся при Иване III, продолжалась при Василии и завершилась при Иване Грозном. В деятельности же самого Василия III С. М. Соловьев отмечал «необыкновенное постоянство, твердость в достижении раз предположенной цели, терпение, с каким он истощал все средства при достижении цели, важность которой он признал». В целом же у Василия III С. М. Соловьев вслед за Карамзиным не видел ничего существенно нового по сравнению с княжением его отца, только «Василий не был так счастлив, как Иоанн» [49].

Основной комплекс летописных источников и посольских дел у С. М. Соловьева не превышал то, что было известно Н. М. Карамзину. Шире привлечены были им актовые материалы, опубликованные в 30-х — начале 50-х годов XIX в. (Акты Западной России, Акты Археографической экспедиции, Акты исторические, Дополнения к Актам историческим, Акты юридические, Пискарев. Грамоты Рязанского края), памятники публицистики (сочинения Максима Грека, Вассиана Патрикеева). В этом сказывался интерес ученого к проблемам внутренней истории России.

С критикой построений С. М. Соловьева выступил в 50-е годы XIX в. идеолог славянофилов К. С. Аксаков. Концепция Аксакова сводилась к резкому противопоставлению русского исторического процесса западноевропейскому. Особенность русской истории Аксаков видел в том, что в основании Русского государства лежали «добровольность, свобода и мир», тогда как западное государство основывалось на «насилии, рабстве и вражде». «Взаимная доверенность» земли и государства — вот, по К. С. Аксакову, основа русской истории. Устанавливая этапы русской истории по столицам государства, К. С. Аксаков третьим периодом считал Московскую Русь, когда «общины или города соединяются в одно целое». В это время «государство крепнет, опираясь на земское чувство единства всея Руси» [50]. Идеалистическая схема К. С. Аксакова носила статический характер, т. е.

---

[49] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен (далее — *Соловьев)*, кн. III. М., 1960, стр. 296.

[50] *К. С. Аксаков.* Сочинения исторические. М., 1889, стр. 17, 19, 52, 53.

по существу была лишена всякого историзма. Вместе с тем Аксаков верно подметил и слабость «Истории России» С. М. Соловьева, которая сводила исторический процесс к деяниям князей и царей. Призывая изучать судьбы народа, быт страны, К. С. Аксаков и другие историки славянофильского направления стимулировали исследование важных сторон исторического процесса.

История России первой трети XVI в. не принадлежала к числу тех, которые привлекали к себе внимание революционеров-демократов. Ее они рассматривали только в связи с общим освещением проблемы становления самодержавия в России. Так, В. Г. Белинский время правления Василия III не выделял из общей характеристики периода утверждения российского самодержавия. Его интересовали в первую очередь личности двух Иванов — Ивана III и его грозного внука. Он писал: «Падение уделов, укрепление самодержавия, государственные формы, нравы, обычаи, сделавшиеся status quo, — вот содержание русской истории от Иоанна III до периода междуцарствия». Падение уделов и становление самодержавия — вот, по мнению В. Г. Белинского, альфа и омега того «великого переворота», который совершился в конце XV — начале XVI в.[51] Его привлекала «идея самодержавного единства Московского царства, в лице Иоанна III торжествовавшая над умирающей удельной системой». Будучи, таким образом, близким по взглядам к С. М. Соловьеву, В. Г. Белинский положительно оценивал не само по себе самодержавие, а то, что оно принесло с собой цивилизацию («с Ивана III развивалась полувосточная цивилизация Московского царства»)[52].

В отличие от В. Г. Белинского А. И. Герцен не склонен был идеализировать утверждение самодержавия в России. Признавая «необходимость централизации», без которой, по мнению А. И. Герцена, не удалось бы «ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства», он в то же время не думал, что «московский абсолютизм был единственным средством спасения для России»[53]. В XV «и даже в на-

---

[51] *В. Г. Белинский.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, стр. 57; т. IX. М., 1955, стр. 506.

[52] Там же, т. VII, стр. 20—21, 199.

[53] *А. И. Герцен.* Собр. соч., т. VII. М., 1956, стр. 160.

чале XVI века» оставалось еще неясным, какой из двух принципов возьмет верх: «князь или община, Москва или Новгород». События сложились в пользу самодержавия, но цена была велика: «Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни» [54]. Как мы видим, А. И. Герцен был в данном случае близок к декабристам, хотя с поправками на идеологические споры западников и славянофилов 40-х годов XIX в.

В конце 50—70-х годов XIX в. появилось несколько работ, посвященных русским землям, вошедшим в первой трети XVI в. в состав единого государства. В книге Д. И. Иловайского о Рязанском княжестве подчеркивается наличие в рязанском боярстве двух партий — промосковской и «патриотов», т. е. сторонников независимости Рязани, борьба между которыми и привела к падению самостоятельности княжества [55].

Не содержали каких-либо новых идей или фактических материалов разделы «Истории России» Д. И. Иловайского, посвященные времени правления Василия III. Чисто монархическая концепция автора сводилась к тому, что «особенно трудами Ивана III и Василия III» было укреплено «патриархальное и вместе строгое самодержавие Московское», которое при Иване IV «приняло характер восточной деспотии» [56]. Правлением Василия III Д. И. Иловайский начинает «московско-царский период» истории России, который, по его мнению, продолжался в XVI и XVII вв.

В силу своего общего подхода к историческим явлениям Д. И. Иловайский решающую роль в политической истории страны придавал князьям и царям. Василий III, как он полагал, «уступал своему отцу» в талантах, но «владел замечательною твердостью характера и упорным постоянством в достижении целей» [57]. Характеристика чисто карамзинская.

Иной была оценка событий 1510 г., данная Н. И. Костомаровым в книге «Севернорусские народоправства» (1863 г.), хотя источниковедческая база его книги по сравнению

---

[54] Там же, стр. 161.
[55] *Д. И. Иловайский.* История Рязанского княжества. М., 1858.
[56] *Д. И. Иловайский.* История России, т. III. М., 1890, стр. VII.
[57] Там же, стр. 69.

с трудами предшественников не изменилась. Ликвидация свободы древнего Пскова оценивалась Н. И. Костомаровым резко негативно. «Оставшиеся во Пскове прежние жители, — писал он, — пришли в нищету и скоро под гнетом нужды и московского порядка поневоле забыли старину свою и сделались холопами» [58]. Либерально-буржуазные представления у Н. И. Костомарова сочетались с идеалами федералистского устройства России.

В общей оценке деятельности Василия III Н. И. Костомаров повторял С. М. Соловьева, усиливая несколько критику деспотического характера правления этого великого князя. «Василий Иванович, — писал он, — шел во всем по пути, указанному его родителем, доканчивая то, на чем остановился его предшественник, и продолжая то, что было начато последним. Самовластие шагнуло далее при Василии» [59].

К. Н. Бестужев-Рюмин, испытавший воздействие как славянофилов, так и С. М. Соловьева, также считал, что «о деятельности Василия самый верный приговор произнес Карамзин» [60].

Присоединение Пскова к Москве послужило одной из тем исторического исследования историка-славянофила И. Д. Беляева. Противоречивость славянофильской концепции в его труде выразилась особенно наглядно. В самом деле, И. Д. Беляев на основе летописных источников рисует идиллическую картину народовластия во Пскове. Но одновременно умилительно рассказывает и о торжестве московского самодержавия. Так как же в конечном счете следует оценить присоединение Пскова к Москве в 1510 г.? На этот вопрос И. Д. Беляев дает однозначный ответ: «Псковское вече обратилось в шумное сборище бессмысленных крикунов». Псковичи «клеветали друг на друга в судах, шумели на вече». «Сии вольные люди уже чувствовали, что они бессильны, что сила не на их стороне, а одной свободой, без силы немного сделаешь». Поэтому Псков «смиренно вошел в разряд московских городов, признающих власть великого князя» [61].

[58] *Н. И. Костомаров.* Собр. соч., кн. III. СПб., 1904, стр. 181.

[59] *Н. И. Костомаров.* Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей, т. I. СПб., 1880, стр. 349.

[60] *К. Н. Бестужев-Рюмин.* Русская история, т. 2. СПб., 1885, стр. 175.

[61] *И. Д. Беляев.* История города Пскова и Псковской земли. М., 1867, стр. 367, 374, 381.

Итак, начав с гимна «вольному городу», И. Д. Беляев пришел к апологии силы и самодержавия. Таков путь славянофильской концепции исторического развития России.

А. И. Никитский, сделавший много для изучения экономической истории и политического устройства Пскова, считал присоединение Пскова к Москве закономерным явлением, вызванным необходимостью противостоять агрессивным соседям России [62].

Рассматривая русскую историю конца XV—XVII вв. под углом зрения борьбы растущего самодержавия с боярством, Е. А. Белов особенности этого процесса, характерные для первой трети XVI в., сводил к личным качествам и стремлениям монарха. «При Василии III, — писал он, — титулованные бояре, т. е. князья, сначала еще более оттеснили старых московских бояр». Но в конце княжения Василий III «стал опасаться потомков удельных князей и искать сближения со старыми боярскими родами в лице Захарьиных-Юрьевых». Это построение восходило к схеме, предлагавшейся в свое время еще С. М. Соловьевым. В деле о втором браке Василия III Е. А. Белов видел стремление боярства опереться на одного из братьев, который был бы в случае смерти бездетного великого князя Василия Ивановича «способнее возвратиться к старине». Опорой Василия III было старомосковское боярство, иосифляне и дьяки. Сам же великий князь «был очень жесток и беспощаден» [63].

Крупнейший буржуазный историк В. О. Ключевский рассматривал вслед за С. М. Соловьевым создание единого Русского государства как процесс превращения княжеской вотчины в великорусское государство, происходивший при Иване III и его преемниках. *«Завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство»* [64]. Причины этого Ключевский усматривал в народной колонизации и своекорыстной деятельности московских кня-

---

[62] *А. И. Никитский.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 272, 275—276.

[63] *Е. А. Белов.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. — «Журнал министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), 1886, № 1, стр. 102—103, 109—110.

[64] *В. О. Ключевский.* Соч. (далее — *Ключевский*), т. II. М., 1957, стр. 114.

зей. В данном случае историк лишь развивал общую схему С. М. Соловьева.

Если общее построение истории России первой трети XVI в., данное Ключевским, не вносило чего-либо существенно нового в историческую науку, то его конкретные исследования значительно обогатили ее. В работах о древнерусских житиях святых, о сказаниях иностранцев и других В. О. Ключевский обратил большое внимание на те черты социально-экономического строя, государственного аппарата и народного быта, которые ранее оставались, как правило, в тени. Он также создал стройную концепцию истории Боярской думы, которая надолго сохранилась в исторической литературе. Считая, что «княжье численно преобладало в составе думы великого князя Василия, его сына и внука», В. О. Ключевский сделал вывод об аристократическом характере состава этого учреждения [65]. Отсюда вытекало представление В. О. Ключевского о Московском государстве XVI в. как об абсолютной монархии с аристократическим управлением [66]. Борьба великого князя с аристократическим консервативным боярством становилась у В. О. Ключевского лейтмотивом политической истории России XVI в.

Характерной чертой кризиса буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. была отчетливо прослеживаемая тенденция возврата к представлениям государственной школы. Наглядно проявилась она в работах С. Ф. Платонова. В лекциях по русской истории он сводил историю России XVI в. к борьбе великокняжеской власти и боярства. «В начале XVI века, — писал он, — стали друг против друга государь, шедший к полновластию, и боярство». При этом «за московского государя стоят симпатии всего населения». К общей оценке правления Василия III С. Ф. Платонов не прибавил ничего нового по сравнению с С. М. Соловьевым и Н. И. Костомаровым. «Василий III, — писал он, — наследовал властолюбие своего отца, но не имел его талантов. Вся его деятельность была продолжением того, что делал его отец. Чего не успел довершить Иван III, то докончил Василий» [67].

---

[65] *В. О. Ключевский.* Боярская дума. Пг., 1919, стр. 217—218.
[66] *Ключевский,* т. II, стр. 180.
[67] *С. Ф. Платонов.* Лекции по русской истории, 8-е изд. СПб., 1913, стр. 171, 166.

Н. П. Павлов-Сильванский в своих работах обосновал тезис о том, что на Руси в XII—XV вв., как и в других европейских странах, существовал феодализм. Попытка Павлова-Сильванского рассмотреть историю России в сравнительно-историческом аспекте заслуживала внимания. Однако общие черты процесса автор объяснял не тождеством путей социально-экономического развития, а только сходством юридических форм и правовых институтов [68]. Павлов-Сильванский считал, что «феодальный порядок постепенно падал у нас с Ивана III». Окончательно «политический феодализм» пал в России при Иване Грозном [69]. Первую треть XVI в. Павлов-Сильванский не выделял как особый этап в историческом развитии России.

С позиций экономического материализма подходил к освещению истории России Н. А. Рожков. Он рассматривал XIV — первую половину XVI в. как период падения феодализма [70]. Объединение Руси он стремился объяснить чисто хозяйственными причинами (разложением натурального хозяйства и переходом от него к денежному). Первые «слабые ростки» самодержавия Н. А. Рожков видел уже в конце XV в. С конца этого века до половины XVI в. протекал «зачаточный период» развития самодержавной власти русских государей. В этот период определились силы, борьба которых привела к утверждению самодержавия: думная аристократия, среднее и мелкое провинциальное дворянство [71].

«Историю русской общественной мысли» Г. В. Плеханов писал в последний период своего творчества (1914 г.). Концепция истории России XV—XVI вв. в этой книге приближалась к той, которую давали С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. «История России, — писал Плеханов, — была историей страны, колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства». Отсюда он делал вывод, что «все общественные силы страны были закрепощены государством». Ссылаясь на

---

[68] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в удельной России. СПб., 1910.

[69] *Н. П. Сильванский.* Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907, стр. 124.

[70] *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. III. Пг., 1923, стр. 5.

[71] *Н. А. Рожков.* Происхождение самодержавия в России, 2-е изд. Пг., 1923, стр. 133.

«Записки» С. Герберштейна, Плеханов утверждал, что в первой половине XVI в. служилое сословие «оказывается совершенно закрепощенным государством и это его закрепощение... уподобляет общественно-политический строй Московской Руси строю великих восточных деспотий» [72].

Историк-большевик М. Н. Покровский впервые в рамках общего курса истории России еще в 1910 г. попытался дать марксистское освещение процесса образования единого Русского государства. Образование Московского государства М. Н. Покровский относит к XIV — началу XVI в. (включая время правления Василия III). Покровский исходил из марксистского понимания государства как аппарата насилия. Московские князья этого времени, по его мнению, были «типичными феодальными владельцами». Политическое единство великорусской народности, по М. Н. Покровскому, сложилось только к началу XVII в. Подчеркивая наличие черт феодальной обособленности в России конца XV — начала XVI в., М. Н. Покровский был, конечно, прав. Но противопоставление «собирания Руси» образованию единого государства не выдерживает никакой критики. М. Н. Покровский явно смешивает два явления: создание единого государства и абсолютную монархию, становление которой относится к середине XVII в. Очень глубоким было наблюдение М. Н. Покровского о том, что «шаблонное противопоставление «боярства» и «государя» как сил центробежной и центростремительной в молодом Московском государстве — один из самых неудачных пережитков идеалистического метода, представлявшего «государство» как некую самостоятельную силу, сверху воздействующую на «общество»». Нечеткой была оценка присоединения Пскова к Москве. Он отмечал в первую очередь «консерватизм московского завоевания» [73], забывая, что процесс объединения Руси в единое государство имел в целом прогрессивное значение для судеб нашей страны, и Пскова в частности.

---

[72] *Г. В. Плеханов.* Собр. соч., т. XX. М.—Л., 1925, стр. 104, 139, 78.

[73] *М. Н. Покровский.* Избранные произведения, т. I. М., 1966, стр. 266, 215, 236.

Классики марксизма-ленинизма и советская историография

Единое Русское государство является одной из форм феодальной монархии, складывавшейся в условиях позднего средневековья. К. Маркс и Ф. Энгельс в работах «Немецкая идеология», «О разложении феодализма и возникновении национальных государств» и других дали развернутую картину, рисующую предпосылки возникновения крупных европейских монархий. Эти предпосылки они видели прежде всего в развитии производительных сил. В связи с ростом феодального землевладения и усилением эксплуатации крестьянства, особенно резко проявившимися в странах Восточной Европы, основная масса феодалов все более ощущает настоятельную потребность создания прочного государства, способного еще крепче держать в узде крестьян. На это усиление гнета народные массы отвечают волной антикрепостнических движений.

С другой стороны, рост общественного разделения труда, развитие средневекового города как центра ремесла и торговли постепенно нарушали натурально-замкнутый характер феодального хозяйства. Города приобретали все большее значение и как центры расширяющихся торговых отношений, облегчающие взаимное общение до той поры замкнутых областей страны и ликвидацию политической раздробленности [74]. «...В конце XV века, — по словам Ф. Энгельса,— деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему...» [75]

Социально-экономические сдвиги не замедлили сказаться и на политической жизни средневековья к концу XV в. «...Повсюду, как в городах, так и в деревне, — писал Энгельс, — увеличилось количество таких элементов населения, которые прежде всего требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры между феодалами... Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы всего феодального порядка — в королевской власти» [76].

---

[74] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 24, 53—55 и др.
[75] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 408.
[76] Там же, стр. 409.

Создание крупных феодальных государств, отвечавшее интересам дворянства и городов, в условиях позднего средневековья возможно было только в форме монархии.

Королевская власть восторжествовала «повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин». При этом Энгельс не выделял Россию из числа европейских стран, а говорил об общих закономерностях процесса. Он писал, что «даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» [77].

Развивая марксистское понимание истории, В. И. Ленин наметил основные этапы русского исторического процесса, углубив представление о движущих силах истории России периода феодализма. В. И. Ленин вскрыл сущность и основные черты барщинной системы хозяйства. Он показал пути превращения ремесла в мелкотоварное производство. В трудах Ленина содержится характеристика особенностей классовой борьбы крестьянства.

Классические труды В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России» появились в период кризиса буржуазной историографии и знаменовали собой утверждение нового (марксистского) этапа русской исторической науки. В трудах В. И. Ленина показано, что русский исторический процесс в средние века шел теми же путями, что и в других европейских странах, что Россия переживала период развития феодализма. В. И. Ленин, как историк-марксист, объяснял политическое объединение русских земель глубокими социально-экономическими причинами. В эпоху Московского царства, по В. И. Ленину, «государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими

[77] Там же, стр. 415, 416.

полками), особые таможенные границы и т. д.»[78]. Никто в исторической литературе до В. И. Ленина не смог так четко вскрыть социально-экономическую сущность Московского царства и показать особенности его политической структуры.

Советская историческая наука, вооруженная марксистско-ленинской методологией, за 50 лет своего существования достигла значительных успехов в изучении процесса образования и укрепления единого Русского государства. В центре ее внимания находилась прежде всего история трудящихся масс и их напряженная борьба за освобождение от социального гнета. Советская наука прошла долгий путь своего развития, решительно борясь с рецидивами буржуазных концепций прошлого и вульгарно-социологической интерпретацией истории. После исторических решений XX съезда КПСС наша наука, вступив в период своего расцвета, достигла крупных успехов и в изучении истории России периода феодализма. В трудах М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и других ученых тщательно изучено складывание единого государства в XIV—XV вв. и упрочение его в годы правления Ивана IV. Исследованы и отдельные стороны исторического процесса, протекавшего в первой трети XVI столетия.

Так, вопросы социально-экономического развития России получили детальное освещение в капитальных трудах по истории феодального землевладения (С. Б. Веселовский[79], А. И. Копанев[80], Ю. Г. Алексеев[81] и др.). История крестьянства и феодального хозяйства изучалась Б. Д. Грековым[82], В. М. Панеяхом[83] и другими исследователями.

Очень плодотворной, хотя и не во всех звеньях достаточно обоснованной была попытка Д. П. Маковского рассмотреть развитие товарно-денежных отношений в сельском

---

[78] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

[79] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947.

[80] *А. И. Копанев.* Истории землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

[81] *Ю. Г. Алексеев.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.—Л., 1966.

[82] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. II. М., 1954.

[83] *В. М. Панеях.* Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967. См. также: *Е. И. Колычева.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971.

хозяйстве. Автор на большом конкретно-историческом материале отстаивает тезис о генезисе капиталистических отношений в России уже в первой половине XVI в.[84] Дальнейшие исследования должны подтвердить или внести коррективы в это пока еще дискуссионное положение.

Чрезвычайно интересно наблюдение Н. Е. Носова о том, что в развитии Поморья XVI в. происходило «постепенное зарождение в недрах старого феодального хозяйства Севера, особенно среди черносошного крестьянства, новых социальных отношений, в известной мере уже предбуржуазных»[85].

Истории русского ремесла, города и цен XVI в. посвятили свои работы С. В. Бахрушин[86], В. С. Барашкова[87], А. Г. Маньков[88], А. А. Введенский[89], М. В. Фехнер[90] и др.[91]

Из отдельных русских земель XVI в. наиболее изучены Псков, особенно его присоединение к Москве (Н. Н. Масленникова[92], С. М. Каштанов[93]) и Новгород (А. П. Пронштейн)[94].

---

[84] *Д. П. Маковский.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI в. Смоленск, 1963.

[85] *Н. Е. Носов.* Становление сословно-представительных учреждений в России (далее — *Носов*). Л., 1969, стр. 241.

[86] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. I. М., 1952.

[87] *В. С. Барашкова.* Соляная торговля г. Белоозера в конце XV — 60-х гг. XVI в. — «Очерки социально-экономической и политической истории СССР». М., 1963, стр. 321—329; *ее же.* Промыслы и ремесла города Белоозера в XVI — начале XVII в. — «Материалы и исследования по истории СССР». М., 1965, стр. 331—354; *ее же.* Очерки хозяйственного развития Белозерского края в XVI — начале XVII в. М., 1968. Автореферат канд. дисс.

[88] *А. Г. Маньков.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л., 1951.

[89] *А. А. Введенский.* Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962.

[90] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.

[91] *А. А. Зимин.* Состав русских городов XVI в. — «Исторические записки», кн. 52, 1955, стр. 336—347.

[92] *Н. Н. Масленникова.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

[93] *С. М. Каштанов.* Две жалованные грамоты 1510 года псковским монастырям. — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина» (далее — «Записки отдела рукописей ГБЛ»), вып. 24. М., 1961, стр. 221—258.

[94] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.

В содержательной книге по исторической географии России XVI в. М. Н. Тихомиров нарисовал широкую картину разнообразия русских земель, отличавшихся социально-политическими условиями жизни. «Россия XVI в., — писал М. Н. Тихомиров,— включала в свой состав многие земли с разной социальной структурой. Без понимания этого факта представление о Российском государстве будет неправильным, непонятны будут и причины, вызвавшие ожесточенную и длительную борьбу с пережитками феодальной раздробленности» [95].

Из сложного комплекса тем, связанных с классовой борьбой в первой трети XVI в., изучена по преимуществу борьба крестьян с монастырями-вотчинниками [96].

Много сделано для изучения политической структуры Русского государства первой трети XVI в. Еще С. Б. Веселовский проследил судьбу основных удельных княжеств, существовавших в это время [97]. История иммунитетной политики уделов, а также их отношений с великокняжеской властью была объектом исследования С. М. Каштанова [98].

Изучался состав Боярской думы [99]. Выяснено также, какую большую роль среди правительственных учреждений играли областные дворцы [100]. Господство территориального

---

[95] *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 64.

[96] *В. И. Корецкий.* Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в. — «Вопросы истории религии и атеизма», т. VII. М., 1958, стр. 169—215; *И. У. Будовниц.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М., 1966; *И. И. Смирнов.* Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 84—87; *А. А. Зимин.* Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI века. — «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 38—44.

[97] *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. — «Исторические записки», кн. 22, 1947, стр. 101—131.

[98] *С. М. Каштанов.* Из истории последних уделов. — «Труды Московского государственного историко-архивного института» (далее — Труды МГИАИ), т. II. М., 1958, стр. 269—296; *его же.* Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 25—29.

[99] *А. А. Зимин.* Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 41—87.

[100] *А. А. Зимин.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. — «Исторические записки», 1958, кн. 63, стр. 180—205.

принципа управления в первой половине XVI в. отражало неизжитые следы экономической и политической расчлененности страны. Установлено, что в процессе образования Русского централизованного государства приказная система не сложилась в XV в., как это принято было считать раньше, а только зарождалась в недрах казны, дворца и Боярской думы в первую половину XVI в. Ее сложение относится только к середине — второй половине XVI столетия [101].

Серьезному исследованию подверглось местное управление России первой трети XVI в. В работах Н. Е. Носова и С. М. Каштанова выяснено значение нового института городовых приказчиков, существенно ограничившего власть наместников и волостелей [102]. Менее обстоятельно изучена сама власть наместников и система кормлений [103]. Наиболее глубокое исследование этой системы, проведенное Н. Е. Носовым, посвящено уже середине XVI в.[104]

В результате тонкого правового анализа формы Русского государства конца XV — первой половины XVI в. Г. Б. Галь-

---

[101] *А. А. Зимин.* О сложении приказной системы на Руси. — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. III. М., 1954, стр. 164—176; *А. К. Леонтьев.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961; *А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов.* Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII в. Л., 1957, стр. 68—72 (раздел Н. Е. Носова). К концу XV в. относил складывание приказной системы А. В. Чернов (*А. В. Чернов.* О зарождении приказного управления в процессе образования Русского централизованного государства. — Труды МГИАИ, т. 19. М., 1965, стр. 273—293).

[102] *Н. Е. Носов.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л., 1957; *его же.* «Новое» направление в актовом источниковедении. — «Проблемы источниковедения», кн. X. М., 1962, стр. 261—348; *его же.* О статистическом методе в актовом источниковедении. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 41—55; *С. М. Каштанов.* К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. — «История СССР», 1959, № 6, стр. 134—148; *А. А. Зимин.* О методике актового источниковедения по истории местного управления России первой половины XVI в. — «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 33—45.

[103] *А. А. Зимин.* Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962, стр. 27—42; *Б. Н. Флоря.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI века. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 92—97.

[104] *Носов,* стр. 367 и др.

перин пришел к выводу, что для этого периода мы можем говорить о наличии в России сословной монархии [105].

Очень плодотворна новая постановка вопроса о путях политического развития России, которую в последнее время выдвинул Н. Е. Носов. Он пишет, что эти пути были «отнюдь не прямолинейны». В частности, «боярство боролось (и то не всегда и далеко не все) не вообще против всякой централизации, а за такую централизацию, которая более соответствовала бы его социальным и политическим интересам в новом государственном порядке, и главным условием этого ставило ограничение самодержавия Боярской думой — палатой лордов, казалось бы, зарождавшегося в XVI в. русского парламента» [106].

К сожалению, сам ход политической истории первой трети XVI в. изучен совершенно недостаточно. Общие очерки, посвященные политической борьбе в это время (см. в книге Н. И. Шатагина и др.) [107], отличаются краткостью или просто устарели. Наиболее содержательный опыт рассмотрения внутренней политики правительства Василия III принадлежит С. М. Каштанову [108]. Автор впервые привлек к исследованию большой фонд иммунитетных грамот и проследил направление финансовой и судебной политики в связи с перипетиями борьбы Василия III с его удельными братьями и корпоративными правами церкви. Очень интересна периодизация политики правительства (первый период — до 1511 г., когда заметна иосифлянская тенденция в отношении к монастырям; второй — до начала 1522 г., т. е. после приближения ко двору нестяжателей; третий — до 1533 г., т. е. после назначения на митрополию иосифлянина Даниила).

Из отдельных вопросов политической истории наибольшее

---

[105] *Г. Б. Гальперин.* Формы правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964, стр. 55.

[106] *Носов,* стр. 11.

[107] *Н. И. Шатагин.* Русское государство в первой половине XVI века. Свердловск, 1940; *В. Мальцев.* Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1948; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.». М., 1955, стр. 108—112 (автор Я. С. Лурье); *В. В. Мавродин.* Образование единого Русского государства. Л., 1951.

[108] *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, стр. 239—274.

внимание уделялось процессам над Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком. Источниковедчески исследовалось так называемое судное дело Максима Грека и материалы следствия по делу Берсеня Беклемишева [109]. И. И. Смирнов высказал мысль о том, что Максим Грек был осужден как тайный эмиссар турецкого султана [110]. Эта мысль подавляющим большинством историков была отвергнута.

Более изучены вопросы внешней политики России первой трети XVI в. На широком фоне международных отношений Восточной Европы их рассматривает в обобщающей работе И. Б. Греков [111]. Всю сумму отношений России с Крымом и Казанью при Василии III изучал И. И. Смирнов [112]. Сложную расстановку политических группировок в Крыму при Мухаммед-Гирее выяснил В. Е. Сыроечковский [113]. Борьба за западнорусские земли и русско-литовские отношения явилась предметом специального исследования А. Б. Кузнецова [114]. Интересные наблюдения на большом фактическом

---

[109] *С. Н. Чернов.* К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 48—71; *его же.* Заметки о следствии по делу Максима Грека. — «Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 465—474; *Н. А. Казакова.* О «судном списке» Максима Грека. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 25—36.

[110] *И. И. Смирнов.* К вопросу о суде над Максимом Греком. — «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 118—126.

[111] *И. Б. Греков.* Очерки международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, стр. 233—287 (ср. критические замечания в адрес автора: *Г. Д. Бурдей.* Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. — «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966, стр. 192—212).

[112] *И. И. Смирнов.* Восточная политика Василия III. — «Исторические записки», 1948, кн. 27, стр. 18—66.

[113] *В. Е. Сыроечковский.* Мухаммед-Гирей и его вассалы. — «Ученые записки МГУ», вып. 61. Серия историческая, т. 2. М., 1940, стр. 3—71.

[114] *А. Б. Кузнецов.* О некоторых аспектах деятельности русской дипломатии в Европе в первой четверти XVI в. — «Ученые записки Мордовского государственного университета». Серия историческая, вып. 28. Саранск, 1963, стр. 177—193; *его же.* К вопросу о борьбе Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в. — «Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР». Серия историческая, вып. 27. Саранск,

материале по русско-орденским отношениям в первой четверти XVI в. сделаны В. Н. Балязиным [115]. Много и плодотворно работает по изучению русско-ливонских отношений Н. А. Казакова [116].

Но пожалуй, из всех аспектов русского исторического процесса первой трети XVI столетия наиболее разносторонне изучены пути развития русской общественной мысли. В результате исследований определена сущность идеологии воинствующих церковников (иосифлян), развитие ими идей теократического происхождения самодержавия [117]. Выяснено, что корпоративные интересы иосифлян сказывались и на представлениях их о преимуществе духовной власти над светской; в частности, этим объясняется то, что теория «Москва — III Рим», созданная старцем Филофеем, не смогла «стать, — по заключению Н. С. Чаева, — политической программой Русского централизованного государства в период его образования» [118].

Обстоятельными исследованиями Н. А. Казаковой рас-

1964, стр. 26—43; *его же.* Русское наступление на Смоленск и его освобождение в 1514 г. — Там же, вып. 30. Саранск, 1966, стр. 148—159; *его же.* Борьба Русского государства за воссоединение западнорусских земель. М., 1966. Автореферат канд. дисс.

[115] *В. Н. Балязин.* История одной коллекции документов. — «Вестник МГУ». Исторические науки, 1963, № 3, стр. 34—36; *его же.* Россия и Тевтонский орден. — «Вопросы истории», 1963, № 6, стр. 60—72; *его же.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах. М., 1963. Автореферат канд. дисс.

[116] *Н. А. Казакова.* Русско-ганзейский договор 1514 г. — «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М.—Л., 1963, стр. 557—586; *ее же.* Русско-датские торговые отношения в конце XV — начале XVI в. — «Исторические связи Скандинавии и России в IX—XX вв.». Л., 1970, стр. 89—104 (ср. *И. П. Шаскольский.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — Там же, стр. 16—20).

[117] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960; *А. А. Зимин.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого.— «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР» (далее — ТОДРЛ), т. IX. М.—Л., 1953, стр. 159—177.

[118] *Н. Н. Масленникова.* Присоединение Пскова, стр. 154. Ранее Н. С. Чаев предполагал, что теория «Москва — III Рим» находилась в основании «московской официальной идеологии XVI в.» (*Н. С. Чаев.* «Москва — Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века.— «Исторические записки», 1945, кн. 17, стр. 22).

смотрены основные аспекты идеологии нестяжательства в первой трети XVI в.[119] Ею вскрыты классовые и политические основы взглядов одного из крупнейших мыслителей, живших в России в конце XV — первой половине XVI в., — Вассиана Патрикеева. Продолжая работу, начатую еще В. Ф. Ржигой[120], Н. А. Казакова выяснила важнейшие черты нестяжательской идеологии Максима Грека и впервые в литературе дала очерк жизни и деятельности примечательного книгописца и публициста нестяжательского толка Гурия Тушина.

Много нового для изучения официальной идеологии первой трети XVI в. сделала Р. П. Дмитриева, проследившая литературную историю важнейшего памятника официальных политических идей — Сказания о князьях владимирских[121], хотя вопрос о создании его первоначальной редакции остается все еще спорным[122].

После капитального труда В. Ф. Ржиги[123] о талантливом писателе и дипломате Федоре Карпове этому своеобразному представителю русской культуры было посвящено несколько работ, и в их числе диссертационное исследование Н. В. Си-

---

[119] *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века (далее — Очерки). Л., 1970. См. также во многом спорную статью: *Г. Н. Моисеева.* Об идеологии «нестяжателей».— «История СССР», 1961, № 2, стр. 88—101.

[120] *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 5—120.

Ряд соображений о биографии Максима Грека и его взглядах высказан в статьях: *А. И. Клибанов.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — «Византийский временник», т. XIV. М., 1958, стр. 148—174; *С. М. Каштанов.* Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах.— Там же, стр. 284—295; *Н. В. Синицына.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей.— Там же, т. XXVI. М., 1965, стр. 110—136.

[121] *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; *ее же.* К истории создания «Сказания о князьях владимирских».— ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 342—347.

[122] *А. А. Зимин.* Рецензия на кн.: *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских. — «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 235—238.

[123] *В. Ф. Ржига.* Боярин-западник XVI в. (Ф. И. Карпов).— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV. М., 1929, стр. 39—48.

ницыной [124]. Своеобразный мыслитель, доктор и публицист Николай Немчин также привлекал к себе внимание исследователей [125]. Изучение реформационных и гуманистических идей на широком европейском фоне ведет А. И. Клибанов [126]. Его историко-философский подход к этой проблематике позволил отчетливо представить содержание и пути развития передовой общественной мысли в России.

Таковы основные итоги изучения истории России первой трети XVI в. Как мы могли убедиться, советскими историками проделана большая и разносторонняя работа в различных областях этой темы. И в то же самое время существуют еще явные пробелы, необходимость заполнения которых совершенно очевидна.

К настоящему времени вопросы социально-экономического развития России рассматриваются, как правило, в целом для XVI в. без особого выделения его первой трети или половины [127], в то время как до середины века происходил экономический подъем в отличие от спада, характеризующего вторую половину века. Создание трудов по экономической истории России первой половины XVI в. — насущная задача советских историков. К ее выполнению они уже приступают. В Ленинграде коллектив ученых под руководством А. Л. Шапиро завершил книгу по истории северно-русского крестьянства в этот период на основе тщательного изучения

---

[124] *Е. Н. Кимеева.* «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова.— ТОДРЛ, т. IX, стр. 220—234; *А. А. Зимин.* Общественно-политические взгляды Ф. И. Карпова.— ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 160—173; *его же.* Федор Карпов, русский гуманист XVI века.— «Прометей», т. 5. М., 1968, стр. 364—370; *Н. В. Синицына.* Федор Иванович Карпов — публицист, дипломат XVI века. М., 1966. Автореферат канд. дисс.

[125] *А. А. Зимин.* Доктор Николай Булев — публицист и ученый-медик.— «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, стр. 78—86.

[126] *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960; *А. И. Клибанов* и *В. И. Корецкий.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину.— ТОДРЛ, т. XVII, стр. 201—224.

[127] Существуют только самые общие очерки социальных отношений в русском обществе первой половины XVI в. (см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.» (авторы Я. С. Лурье, А. Г. Маньков, А. Н. Насонов и М. Г. Рабинович); *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного, стр. 63—165).

новгородских писцовых книг и других, в том числе актовых, материалов [128].

Несмотря на специальные работы по истории создания государственного аппарата в России XV—XVI вв. все еще отсутствуют обобщающие труды, в которых бы были выявлены специфические черты процесса, происходившего в первой трети XVI в.

---

[128] «Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV — начало XVI в.». Л., 1971.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Для изучения политической истории России первой трети XVI в. первостепенное значение имеют русские летописи [1]. В них находятся важнейшие сведения о внешней политике Русского государства (о войнах и дипломатических сношениях), об объединении русских земель и ликвидации уделов, о высших церковных иерархах, о каменном строительстве (церквей и крепостей), о стихийных бедствиях в стране и многие другие.

На протяжении всего изучаемого времени в Москве систематически велось официальное летописание. Первым летописным сводом, созданным в канцелярии Василия III, был, очевидно, свод 1508 г. В непосредственном виде он до нас не дошел, но составил основу всех дальнейших памятников официального летописания (в составе Воскресенской и сходных летописей). Кроме того, некоторые сведения свода 1508 г. сохранились в так называемой Софийской I летописи по списку Царского, которая доводит изложение до 26 ноября 1508 г.[2] Как установил Н. Ф. Лавров, с 1506 по конец 1508 г. список Царского близок к Воскресенской летописи, а Софийская II — к Никоновской (и соответственно к Иоаса-

---

[1] См. обзоры рукописных текстов: *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы.— «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955; *его же.* Материалы и исследования по истории русского летописания.— «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958; *М. Н. Тихомиров.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. Краткий обзор памятников см.: *А. А. Зимин.* Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960. Библиографию см.: «Библиография русского летописания» (составила Р. П. Дмитриева). М.—Л., 1962.

[2] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 54. См. также: *Л. Н. Пушкарев.* К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи.— «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, стр. 432—444.

фовской), Львовской[3] и — добавим от себя — Вологодско-Пермской и Уваровской[4]. Софийская I и Софийская II летописи вплоть до конца 1508 г. сохраняют между собой сходство, что делает возможным предположить наличие в них общего источника, которым мог быть летописный свод 1508 г.[5]

Следующий памятник официального московского летописания — свод 1518 г. — сохранился с 1485 г. в составе так называемой Уваровской летописи, представленной двумя списками XVI в. (ГИМ, Уварова, № 188, и ГИМ, Синод. № 645). Уваровская летопись издана совсем недавно[6]. Следуя за А. Н. Насоновым и М. Н. Тихомировым, считаем ее общерусским летописным сводом, который в интересующей нас части воспринял записи митрополичьей кафедры. Непосредственный протограф Уваровского и Синодального списков, по К. Н. Сербиной, составлен между 1525—1530 гг. в Троице-Сергиевом монастыре[7]. Летописный свод 1518 г. в переработанном виде дошел до нас и в составе летописного свода 1520 г. (Иоасафовская и соответственно Никоновская летописи), и в составе свода 1526 г. — в Софийской II, Львовской и Воскресенской летописях и в Вологодско-Пермской летописи[8].

Своду 1518 г. сопутствует ряд дополнительных статей,

---

[3] *Н. Ф. Лавров.* Заметки о Никоновской летописи.— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. I (34). Л., 1927, стр. 64.

[4] Близок к Софийской II летописи отрывок, помещенный в сборнике с Ермолинской летописью и содержащий сведения за сентябрь 1505 — весну 1507 г. (Иоасафовская летопись (далее — ИЛ). М., 1957, стр. 197—200).

[5] Так как среди «мощей» русских князей, перенесенных в конце 1507 г. в Архангельский собор, не упоминаются останки Дмитрия Молодого (умер 14 февраля 1509 г.) в сходных текстах Софийской I, Никоновской, Иоасафовской, Львовской и Уваровской летописей, то, следовательно, их протограф был написан до начала 1509 г., а точнее, в конце 1508 г.

[6] ПСРЛ, т. XXVIII. М.— Л., 1963.

[7] *К. Н. Сербина.* Летописный свод 1518 г.— «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М.—Л., 1963, стр. 587—608; Я. С. Лурье не считает этот тезис доказанным (см. *Я. С. Лурье.* Новые памятники русского летописания конца XV в. — «История СССР», 1964, № 6, стр. 118—131); *А. Н. Насонов.* История русского летописания XI — начала XVIII века (далее — *Насонов*). М., 1969, стр. 394—397.

[8] *С. А. Левина.* К изучению Воскресенской летописи.— ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 701.

в том числе статья «Европейской страны короли», составленная по каким-то итальянским материалам между 1506—1523 гг. лицом, близким к Посольскому приказу [9].

Софийская II летопись по списку Архивскому XVI (ЦГАДА, ф. 181, № 301), дающая более раннюю редакцию свода 1518 г., чем Уваровская, также обрывается на 1518 г.[10] Следующая ее часть (до 1526 г. включительно) в других списках (ГИМ, Воскр. № 154) имеет черты, близкие Воскресенской летописи, хотя и содержит новые сведения. Дальнейший рассказ самостоятелен. Повесть о смерти Василия III дана в варианте, близком своду 1539 г. С этим новгородским сводом (а точнее, с его московским источником) Софийская II летопись имеет и другие точки соприкосновения в рассказах 1531, 1533 гг. и др.

Следующим за сводом 1518 г. памятником официального летописания был свод 1520 г. (сохранился в Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской, Вологодско-Пермской, Львовской летописях и Софийской II). В наиболее чистом виде события времени Василия III по своду 1520 г. изложены в Иоасафовской летописи, составленной в митрополичьей канцелярии в начале 20-х годов XVI в. Рассказ Иоасафовской летописи с 1496 по 1518 г. основан на тексте, близком Софийской II летописи, со вставками из протографа Воскресенской летописи или ее источника. Конец ее сходен с Воскресенской, но имеет и самостоятельные чтения. Исключительный интерес представляет рассказ о смоленских походах 1512—1514 гг., содержащийся в сборнике с Иоасафовской летописью [11]. Написанный современником, он изобилует массой существенных подробностей о драматических событиях взятия Смоленска.

Еще Н. Ф. Лавров дал обстоятельный анализ двух древнейших списков Никоновской летописи: Оболенского (О) и Патриаршего (П). Итоги его сводятся к следующему. Первая часть списка О содержала летописный рассказ до 1520 г. и составлена была около 1539—1542 гг. Дальнейшая часть списка основана на Воскресенской летописи (до 1541 г.).

---

[9] *Н. А. Казакова.* «Европейской страны короли».— «Исследования по отечественному источниковедению». М.— Л., 1964, стр. 418—426.

[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 262.

[11] ИЛ, стр. 191—196; *Насонов*, стр. 397—402.

Патриарший список до 1521 г. основан на Оболенском, а затем, до 1534 г., — на Воскресенской летописи [12].

Непосредственным источником основной редакции Никоновской летописи, как установил Б. М. Клосс, была дошедшая до нас рукопись Иоасафовской летописи.

Компилятивный характер носит Шумиловский список Никоновской летописи, в состав которого были включены отдельные рассказы, имеющиеся и в Степенной книге (Повесть о нашествии 1521 г. и Похвала Василию III), а также сведения Новгородского летописного свода 1539 г. Впрочем, источники Шумиловского списка в достаточной мере еще не изучены.

Летописный свод 1526 г., продолжающий свод 1520 г., отразился в Вологодско-Пермской, Воскресенской, Софийской II, Львовской и Никоновской летописях.

Так называемая Вологодско-Пермская летопись [13] в интересующей нас части представляет собою текст Московского свода 1526 г. (источник Воскресенской и Софийской II) [14]. Академический список летописи доведен до 1526 г. Далее в этой летописи помещены оригинальные известия, доходящие до 1539 г. В полном варианте Вологодско-Пермская летопись, по М. Н. Тихомирову, составлена между 1540—1550 гг.[15] Особый интерес представляют сведения о походе на Казань 1530 г., о казни фальшивомонетчиков в 1533 г. и некоторые другие (о дороговизне в 1526 г. и выезде Ф. М. Мстиславского).

Вологодско-Пермская летопись (в ранней редакции конца XV в.) использована была составителем краткого Погодинского летописца (ГПБ, Погод. № 1612), который довел ее до 1509 г., прибавив несколько интересных сообщений начала XVI в.[16]

---

[12] ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина. СПб., 1904; *Н. Ф. Лавров.* Заметки о Никоновской летописи, стр. 71.

[13] ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959.

[14] *С. А. Левина.* К изучению Воскресенской летописи, стр. 701.

[15] *М. Н. Тихомиров.* О Вологодско-Пермской летописи.— «Проблемы источниковедения», вып. III. М.—Л., 1940, стр. 243; *В. И. Буганов.* О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV — начала XVI в.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 158—165.

[16] *Я. С. Лурье.* Краткий летописец Погодинского собрания.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 431—444.

Наконец, последним памятником официального летописания, составленным при жизни Василия III, был Московский свод 1533 г. (основа Воскресенской, Львовской, Никоновской летописей). Воскресенская летопись сохранилась в нескольких редакциях [17]. Как установила С. А. Левина, первая из них относится к августу 1533 г.[18] В основу ее был положен свод 1526 г. В свою очередь Воскресенская летопись (или, точнее, свод 1533 г.) была использована составителем Львовской летописи, а в поздней редакции (1541 г.) и составителями Никоновской летописи.

Львовская летопись, по А. А. Шахматову, в первоначальной редакции доходила до 1533 г., а позднее была дополнена Летописцем начала царства, продолженным до 1560 г.[19] Московский летописный свод 1533 г. (Воскресенская летопись) в ней соединен был с отдельными сведениями, взятыми из Новгородского свода 1539 г.

Примыкает к традиции официального летописания так называемый Постниковский летописец (ЦГАДА, Оболенского, № 42), составленный около 1547 г., по предположению М. Н. Тихомирова, дьяком Постником Губиным [20]. Рассказ о времени правления Василия III близок к Софийской II летописи и частично к Воскресенской. Впрочем, этот вопрос заслуживает специального изучения. Из оригинальных сведений летописца можно отметить рассказ о пострижении Соломонии Сабуровой, о Коломенском походе 1522 г. и некоторые другие.

Официальное московское летописание велось системати-

---

[17] ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859.

[18] *С. А. Левина.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи.— ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 375—379; *ее же.* К изучению Воскресенской летописи. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 689—705; *ее же.* Воскресенская летопись XVI в.— Труды МГИАИ, т. 10. М., 1957, стр. 402—407; *ее же.* Тринадцатый список Воскресенской летописи. — «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 96—97. См. также: *В. В. Лаптев.* Воскресенская летопись. — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 102. Л., 1955, стр. 165—235.

[19] ПСРЛ, т. XX, ч. 1—2. СПб., 1910—1914. См. также: *А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 370.

[20] *М. Н. Тихомиров.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.— «Исторические записки», 1954, кн. 46, стр. 278—288.

чески на протяжении всей первой трети XVI в. Его составители, очевидно, связаны были как с митрополичьей, так и с великокняжеской канцелярией [21]. В литературе уже отмечалось стремление летописцев этой поры к документализации изложения [22]. В летопись включаются материалы разрядных книг и посольских дел. Вместе с тем и в разрядные книги вносятся записи летописного характера. Так, например, под 1533 г.: «Того ж лета родися великому князю Василию Ивановичю всеа Русии другой сын, князь Юрьи Васильевич, а от великие княгини Елены». Под 1506 г.: «Тово же году царь казанъской Магмед Амин царь побил в Козани всех московских людей торговых». Под 1512/13 г.: «Прииде весть к великому князю Василию Ивановичю, что Жигимонт, король Польский, ссылаетца с крымским царем Мин-Гиреем. И князь великий Василей Иванович, не терпя неправды Жигимонта короля и многих ево неисправлении к себе, сложил к нему кресное целованье» [23].

Лицом, близким к митрополичьему двору, был составитель обнаруженного М. Н. Тихомировым Владимирского летописца (ГИМ, Синод. № 793) [24]. Сведения его обрываются на 1523 г. и записаны, очевидно, около этого времени. Все они за XVI в. носят оригинальный характер. Многие из них посвящены каменному церковному строительству в Москве и представляют большой интерес для историков русского зодчества.

Совершенно недостаточно изучены судьбы русского Хронографа в XVI в.[25] По А. А. Шахматову, существовали кроме редакции 1512 г. еще редакции Хронографа, составленные в 1508, 1520 и 1533 гг.[26] Однако эти наблюдения не могут

---

[21] В Синодальном собрании (ГИМ), восходящем к архиву московских митрополитов, сохранился ряд списков официальных летописей.

[22] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 354—362.

[23] ГПБ, рукописный отдел. Эрмитажное собрание (далее — Э), № 340, л. 33 об., 54, 110 об.

[24] ПСРЛ, т. XXX. М., 1965; *М. Н. Тихомиров.* Из «Владимирского летописца».— «Исторические записки», 1945, кн. 15, стр. 278—300.

[25] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 515 и др.; *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. (далее — *Шмидт*). — «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 254—300.

[26] *А. А. Шахматов.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 113—115 и др.

считаться доказанными, ибо они основывались только на предварительных соображениях по истории русского летописания XVI в. Во всяком случае сейчас можно сказать с уверенностью, что продолжение Хронографа до 1533 г. близко к Софийской II летописи, а до 1508 г. имеет черты списка Царского Софийской I летописи. Скорее всего при составлении записей Хронографа использовано было официальное московское летописание.

Официальное летописание широко (Воскресенская летопись) привлекалось и в начале 60-х годов XVI в. для составления Степенной книги. Великому княжению Василия III посвящена 16-я «степень» книги, состоящая из 25 глав[27]. В текст включен ряд самостоятельных произведений, в том числе Повесть о нашествии Мухаммед-Гирея 1521 г.[28], Похвала Василию III, написанная в связи с рождением наследника престола, Житие Даниила Переяславского. Рассказ книги изобилует «чудесами» и другими атрибутами церковной литературы.

Еще не в полной мере выяснен состав довольно позднего памятника, изданного в 1790 и 1820 гг. под названием «Русский временник»[29]. Рукопись его недавно обнаружил А. Н. Насонов (ГИМ, Черткова, № 115а—115б)[30]. Близок к нему список ЦГАДА, ф. Оболенского, № 46, и ЛОИИ, собр. Лихачева, № 513 (первая половина XVII в.). Текст Русского временника обрывается на августовском известии 1533 г. По А. А. Шахматову, он составлен был в начале 1533 г. при Макарии в Новгороде. Русский временник с 1518 г. близок, по сведениям, к Львовской летописи, в основе которой лежал Московский свод 1533 г. (первая редакция Воскресенской летописи) с новгородскими известиями, восходящими к своду 1539 г. Есть во Временнике и черты, связывающие его с Хронографом 1601 г. и Шумиловским списком Никоновской летописи (Повесть о нашествии Мухаммед-Гирея 1521 г., сообщение о пожаре на торгу 22 мая

[27] ПСРЛ, т. XXI, 2-я половина, стр. 582—627.

[28] Там же, стр. 598—603. См. также: *А. А. Зимин.* Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания.— «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 20. М., 1958, стр. 186—198.

[29] Русский временник, сиречь летописец (далее — РВ), ч. 1—2. М., 1820.

[30] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 275.

1508 г.). Интересна запись о составе лиц, выехавших с Глинским на Русь в 1508 г.[31] Эта поздняя редакция Русского временника составлена была, по А. Н. Насонову, около первой трети XVII в.[32]

Первоначальную редакцию Русского временника представляет Румянцевский летописец, список начала XVII в. (ГБЛ, Рум. № 255); доходит до 1533 г., вслед за тем помещена в нем Никоновская летопись за 1533—1558 гг. По этому летописцу издана особая Повесть о Псковском взятии 1510 г. (ср. также в кратком летописце конца XVI — начала XVII в. — ЦГАДА, ф. 181, № 365 (815)[33], а также рассказ о восстании Михаила Глинского 1508 г.[34] Повесть носит явно промосковский характер. Она изобилует массой конкретных сведений, показывающих, что она написана со слов очевидца. В Русском временнике эта повесть напечатана в сокращении. В Румянцевской летописи, как и в других списках Русского временника, есть следы свода 1539 г. (под 1528 г. рассказ об устройстве Макарием общежительных монастырей, под 1531 г. — о посылке в Новгород Я. Шишкина и др.). Следов повестей Степенной книги в Румянцевской летописи нет.

По А. Н. Насонову, протограф списков Русского временника и части Львовской летописи составлен был в годы влияния Глинских, т. е. около 1545—1547 гг. Возможно, свод переписывался или даже составлялся на Костроме (ср. замечания о Иване Судимонте как о костромском и владимирском наместнике под 1491/92 и 1493/94 гг.).

Из памятников областного летописания для первой половины XVI в. особое значение имеют новгородские и псковские летописи.

Большой интерес представляет так называемый летописный свод 1539 г. Он издан в составе Ростовской летопи-

---

[31] Там же, стр. 254.

[32] *Насонов*, стр. 418—477.

[33] *Н. Н. Масленникова.* Присоединение Пскова к Русскому государству (далее — *Масленникова*), стр. 185—194. Недавно обнаружен еще один список этой повести — Библиотека Академии наук СССР (далее — БАН). Арханг. № 193 (*М. В. Кукушкина.* Новый список Повести о Псковском взятии.— ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 473—476).

[34] «Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году».— «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 68—73.

си[35], Новгородской летописи по списку Дубровского[36] и в так называемом «Отрывке летописи по Воскресенскому списку»[37]. По А. Н. Насонову, свод составлен был или в Новгороде, или сразу же после переезда Макария (в 1542—1548 гг.) в Москву в его канцелярии с широким использованием новгородских материалов[38]. С. Н. Азбелев считает, что первоначальная редакция свода (он его называет Летописью Дубровского) возникла около 1538—1542 гг. (см. «Отрывок»), а вторая — около 1542—1548 гг.[39] Использован свод в Шумиловском списке Никоновской летописи[40], в Новгородской Уваровской[41] и в сокращенной Новгородской летописи по списку Никольского[42], содержащей ряд интересных сведений вплоть до 1556 г.

Голицынский список Новгородской IV летописи доходит до 1518 г. Текст за сентябрь 1505—1513 гг. близок к своду 1539 г., но более краток. Последние три записи (неоконченная 7022, 7024, 7026 гг.) весьма лапидарны[43]. Рассказ Академического списка продолжается до осени 1514 г. и также близок к Новгородскому своду 1539 г.[44]

Отдельные сведения по истории Новгорода содержатся в так называемой Новгородской II летописи и других церковно-летописных памятниках Новгорода[45].

---

[35] *А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи.

[36] ПСРЛ, т. IV, вып. 2. Л., 1925.

[37] ПСРЛ, т. VI, стр. 277—300; ср. также: ГБЛ, Вифанское собрание, № 45 (записи на полях). См. *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 261—262.

[38] *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания.— «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 270—274.

[39] *С. Н. Азбелев.* Две редакции Новгородской летописи Дубровского.— «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 219—228; *его же.* Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960.

[40] ПСРЛ, т. XIII, 1-я половина. Шумиловский список использовала также Степенная книга (Повесть о нашествии Мухаммед-Гирея 1521 г. и Похвала на рождение Ивана IV).

[41] ГИМ, Уварова, № 568, и ГПБ, Погодина, № 1403. См. *С. Н. Азбелев.* Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи.— ТОДРЛ, т. XVI, стр. 283—284.

[42] ПСРЛ, т. IV, вып. 3, стр. 611—615.

[43] Там же, стр. 460—462.

[44] Там же, стр. 468—470.

[45] Новгородские летописи (далее — НЛ). СПб., 1879; ПСРЛ, т. XXX.

Псковское летописание представлено летописным сводом 1547 г., составленным в промосковских кругах (вероятно, в Елеазарове монастыре) на основе старой псковской летописной традиции (свод 1481 г.)[46]. Позднее он был переработан игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием и содержал критику по адресу московской администрации[47].

Продолжалось летописание на Устюге. Здесь около 1516 г. составлен был летописный свод, продолжавший традицию устюжского летописания конца XV в.[48] Оканчивался он в основном рассказом о половодье в Устюге (ноябрь 1515 г.) и позднее время от времени пополнялся. Особенно интересны рассказы Устюжского свода о Смоленском походе 1514 г., битве у Орши и походе к Рославлю зимой того же года, записанные, вероятно, со слов очевидцев.

Летописные записи о местных и общерусских событиях в 1522—1536 гг. (более или менее систематические) велись на Вологде[49]. Сохранился также краткий Галичский летописец за 1505—1603 гг.[50] Отрывочные сведения о местных событиях находятся в позднейших Нижегородском, Двинском и Великоустюжском летописцах[51]. На Холмогорах составлена была доведенная до 1559 г. Холмогорская летопись (ГПБ, Погод. № 1405). Она совпадает за XV в. с Вологодско-Пермской летописью, частью с Двинским летописцем, но содержит и интересные новые сведения[52].

Несколько сведений местного характера содержится в так называемой Коми-Вымской летописи, рассказ которой о со-

---

[46] Псковские летописи (далее — ПЛ), вып. 1. М.—Л., 1941.

[47] ПЛ, вып. 2. М., 1955. Подробнее см.: *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания.—«Исторические записки», 1946, кн. 18, стр. 255—294; *Масленникова*, стр. 168—170.

[48] УЛС. См. также: *К. Н. Сербина.* Устюжский летописный свод.— «Исторические записки», 1946, кн. 20, стр. 239—270.

[49] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 161—162.

[50] *Г. З. Кунцевич.* История о Казанском царстве. СПб., 1905, стр. 601—606.

[51] *А. С. Гацисский.* Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886; *А. А. Титов.* Летопись Двинская. М., 1889, стр. 45—46; *его же.* Летопись Великоустюжская. М., 1889.

[52] *Я. С. Лурье.* О неизданной Холмогорской летописи.— «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 449—455; *его же.* Холмогорская летопись.— ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 135—149.

бытиях конца XV — начала XVI в. восходит к Вологодско-Пермской и Устюжской летописям [53].

Местные казанские предания, рассказы участников казанских походов 1506, 1524, 1530 гг. широко использованы автором «Казанской истории» (1564/65 г.)[54]. Фольклорный характер сведений, приводимых этим писателем, несколько снижает ценность их фактического содержания. Все сообщения «Казанской истории» нуждаются в особо тщательной проверке.

В крупных монастырях хранились списки с официальных летописных сводов. Так, в Троицком монастыре находился список со свода 1518 г.[55], со свода 1520 г. (Иоасафовская летопись), в Кириллове — три сокращенных списка со свода 1533 г.[56], список Вологодско-Пермской летописи [57]. Составлялись там и большие летописные своды. Типографская летопись в интересующей нас части представлена Синодальным или Типографским списком (ГИМ, Синод. № 789), доводящим изложение до 1528 г. (с приписками)[58]. А. Н. Насонов обнаружил еще один вариант этой летописи, доводящий изложение до 1558 г. (с 1493 г. оно совпадает с Никоновской летописью). Этот вариант А. Н. Насонов назвал Типографско-Академической летописью (БАН, № 32.8.3)[59]. По А. Н. Насонову, Синодальный список составлен был в Троице-Сергиевом монастыре в 1528—1536 гг. во время игуменства Иоасафа, при митрополите Даниил[60]. Текст Типографской летописи за время Василия III вполне самостоятелен. Из интересных сведений ее можно обратить внима-

---

[53] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. — «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 257—271; *Б. Н. Флоря.* Коми-Вымская летопись.— «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 218—231.

[54] ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903; «Казанская история». М.—Л., 1954.

[55] ГИМ, Синод. № 645.

[56] Там же, № 939, 940; ср. Ленинградское отделение Института истории АН СССР (далее — ЛОИИ), отд. рукоп. кн. № 247; ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 197—205.

[57] ЛОИИ, отд. рукоп. кн. № 251.

[58] ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921; *Насонов*, стр. 376—394.

[59] *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 235—237. См. также *Насонов,* стр. 403—406.

[60] *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 249—252.

ние на рассказ о смерти Дмитрия Углицкого в 1521 г., о суде над Берсенем и Максимом Греком (1525 г.) и ряд других.

В различных русских монастырях велись и краткие летописные записи. Так, известны краткие волоколамские летописцы. Один из них, составленный Марком Левкеинским, доходил до 1536 г. и содержал интересные сведения о торговле с ногайцами, походах на Литву и т. п. В летописчике Игнатия Зайцева (вторая половина XVI в.) есть несколько сведений и по времени Василия III [61]. Третий краткий Волоколамский летописец доходил до 1526 г. и содержал приписки, кончающиеся 1533 г.[62] Записки носят преимущественно местный характер. Интересен рассказ о походе на Казань в 1524 г.

Сохранились два кратких летописчика, вышедших из стен Кирилло-Белозерского монастыря (30-е годы XVI в.)[63]. Один летописец восходит к Пафнутьеву монастырю. Опубликован он М. Н. Тихомировым. Летописец содержит уникальные сведения за 1518—1526 гг., в том числе о процессе над Максимом Греком, о разводе Василия III, о событиях в Казани [64]. Автор его принадлежал к числу откровенных сторонников идеологии растущего самодержавия из иосифлянской среды. Летописные заметки велись, очевидно, и в Спасо-Ярославском монастыре до 1521 г.[65]

Много важных материалов для изучения процесса объединения русских земель в России первой трети XVI в. находит-

---

[61] *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XV—XVI вв. (далее — *Зимин*).— «Исторический архив», кн. V. М.—Л., 1950, стр. 9—22.

[62] ГБЛ, Музейное собрание, № 5837. А. Н. Насонов ошибочно считал этот летописчик Пафнутьевским и связывал с деятельностью Макария, будущего митрополита (см. *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 253—254). Волоколамский характер записей установил Б. М. Клосс.

[63] *Зимин,* стр. 27—39.

[64] *М. Н. Тихомиров.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. (далее — *Тихомиров*).— «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114. Повесть о втором браке Василия III из этого летописца (с учетом ее отрывков по Синодальному списку Типографской летописи и Ярославскому сборнику) недавно опубликовал Ю. К. Бегунов. (*Ю. К. Бегунов.* Повесть о втором браке Василия III.— ТОДРЛ, т. XXV, стр. 105—118).

[65] ЦГАДА, Собр. Оболенского, № 77; ср. *А. Н. Насонов.* Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 253.

ся в материалах так называемого Царского архива. К сожалению, значительная часть их погибла. Но о ней мы можем составить себе представление по описи этого архива, сделанной в 70-х годах XVI в.[66] Так называемый Царский архив содержал важнейшие документы государевой казны, основной канцелярии великих князей [67]. Позднее они попали в Посольский приказ. Описи материалов этого приказа 1614 и 1626 гг. уточняют и дополняют сведения 70-х годов XVI в. Из дошедших до нас материалов общегосударственного значения наиболее существенны духовная запись Василия III (1523 г.), духовные грамоты князя Федора Волоцкого (около 1506 г.) и Дмитрия Углицкого (1521 г.), а также докончальная Василия III с Юрием Дмитровским (1531 г.)[68]. К сожалению, до нас не дошли завещания Василия III 1510 и 1533 гг.[69], духовная Юрия Ивановича [70], докончальные московского государя с другими братьями. Во всех этих документах определялись отношения великокняжеской власти к удельным княжатам.

Крестоцеловальные записи царевича Петра, княжат и бояр являлись одним из средств подчинения их Василию III и великокняжеской власти вообще [71]. Отношения с присоединенным Смоленском регулировались особой жалованной грамотой [72].

---

[66] Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года (далее — Описи). М., 1960.

[67] Подробнее см.: *С. О. Шмидт.* Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений.— Труды МГИАИ, т. 8. М., 1957, стр. 260—278; *его же.* К истории Царского архива середины XVI в.— Труды МГИАИ, т. 11. М., 1958, стр. 364—407; *его же.* К истории составления Царского архива XVI века.— «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 54—65.

[68] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (далее — ДДГ). М.—Л., 1950, № 98, стр. 406—409; № 99, стр. 409—414; № 100, стр. 415; № 101, стр. 416—420.

[69] О завещаниях Федора Волоцкого, Дмитрия Углицкого и Василия III подробнее см.: *А. А. Зимин.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в.— «Исторические записки», кн. 37, стр. 273—290.

[70] Упоминается в грамоте Ивана IV 1556 г. (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. (далее — АФЗХ), ч. II, № 261, стр. 265).

[71] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД), ч. I. М., 1813, № 145, 146, 149, 152, 157, 159, 162.

[72] СГГД, ч. I, № 148, стр. 411—413.

В великокняжеском архиве тщательно сберегались подлинные договорные грамоты с державами иностранными, а также статейные списки русских посольств [73].

Посольские дела первой трети XVI в. в своей основной части изданы. Это сношения России с Великим княжеством Литовским [74], сношения с Империей [75], с Орденом (1516—1520 гг.) [76]. Систематическое издание сношений с Крымом, Турцией и Ногайской ордой доведено до 1521 г. [77] С Ногайской ордой после 1509 г. материалы до 1533 г. не сохранились. Турецкие дела доходят до 1524 г. включительно. Последняя их часть издана Б. И. Дунаевым [78]. Крымские дела за 1523—1533 гг. остаются все еще не опубликованными [79]. К сожалению, утеряны «книги Казанские», упоминавшиеся в Описи Царского архива.

Остальные документы Царского архива сохранились в виде отрывков, часто просто случайно. К их числу относятся допросные речи в связи с изветом князя Василия Стародубского на Василия Шемячича 1517—1518 гг. и опасные грамоты Василия III и митрополита Симона 1511 г., выданные Шемячичу [80]. В эту группу документов входят: расспросные речи, касающиеся супруги М. Глинского (время заточения

---

[73] Описи, стр. 30.

[74] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I.— Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО), т. 35. СПб., 1882.

[75] Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (т. I). СПб., 1851.

[76] Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким Орденом в Пруссии 1516—1520 гг.— Сб. РИО, т. 53. СПб., 1887.

[77] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и Турцией, т. 1—2.— Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884; т. 95. СПб., 1895.

[78] *Б. И. Дунаев.* Преп. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. (далее — *Дунаев*). М., 1916.

[79] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 390 (1523—1532 гг.), кн. 7 (1533 г.).

[80] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею (далее — АИ), т. I, № 124, стр. 177—183; СГГД, ч. 2, № 28, 29 (ЦГАДА, ф. 146, № 1, 2). О том, что материалы, связанные с Шемячичем, хранились в Царском архиве, свидетельствует Опись Посольского приказа 1614 г., куда поступили документы государевой казны (Описи, стр. 52).

князя)[81], розыскное дело о побеге в Литву рязанского князя Ивана Ивановича [82], наказ И. Ю. Шигоне-Поджогину (около 1520 г.) по поводу непослушания князя Дмитрия Ивановича Углицкого [83].

В Описи Царского архива упоминается «сказка Кержина Федка» [84]. Возможно, это есть известная «сказка» Ф. Крыжина 1523/24 г.[85]

В том же ящике хранились «списки-козличем брань с мещаны, имали козличи за свое» [86]. Этот документ (1520 г.) также сохранился [87]. Возможно, из той же казны происходит «приговор боярской» о краже ржи 1520 г.[88]

В ящике 27 хранился «обыск Федора Григорьева сына Офонасьева о князе Василье Микулинском». Очевидно, это дело о ссоре В. А. Микулинского с И. Р. Рудаком Колычевым, сохранившееся в отрывке [89].

В ящике 44 находились «Списки-сказка Юрья Малого, и Стефаниды резанки, и Ивана Юрьева, сына Сабурова, и Машки кореленки, и иных про немочь великие княгини Соломониды». Отрывки из этих сказок сохранились [90].

Мог находиться в Царском архиве и список детей боярских 1531 г., которым велено быть у князя Д. Ф. Бельского [91].

В ящике 178 некогда находилась «правая грамота Петра

---

[81] АИ, т. I, № 120, стр. 174—178.

[82] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее АЭСИ), т. III. М., 1964, № 391, стр. 406—409 (ЦГАДА, ф. 146, № 4).

[83] АИ, т. I, № 291, стр. 530—531 (рукопись хранится в ЦГАДА, ф. 146, № 3).

[84] Описи, ящик 26, стр. 20.

[85] *А. А. Зимин.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в.— «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 147—150 (ЦГАДА, ф. 141, 1524, св. 1, д. 1).

[86] Описи, ящик 26, стр. 20.

[87] РИБ, т. II. СПб., 1875, № 34, стб. 35—38; *А. А. Зимин.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в., стр. 146—147 (издано по: ЦГАДА, ф. 141, 1520, д. 2).

[88] *Н. П. Лихачев.* Разрядные дьяки XVI века (далее — Лихачев). СПб., 1888, стр. 176—177 (ЦГАДА, ф. 141, 1520, д. 1).

[89] Описи, ящик 27, стр. 20; ЦГАДА, ф. 159, д. 683; *С. Богоявленский.* Брань Василия Микулинского с Иваном с Рудным с Колычевым. — Чтения ОИДР, 1910, кн. 4, смесь, стр. 18—20.

[90] Описи, ящик 44, стр. 23; АИ, т. I, № 130, стр. 192.

[91] ЦГАДА, ф. 146, д. 5.

Плещеева на Лобана на Заболотцкого». Эта грамота 1504 г. дошла до нас в списке [92].

В Царском архиве хранились разряды походов русских войск. Они дошли до нас в составе краткой и пространной редакции разрядных книг [93]. Это ценнейший источник о действиях русской армии, о составе высшей русской знати и т. п.

В 27 ящике архива хранились «списки старца Максимы и Савы Греков, и Берсеневы, и Федора Жареново». Из этих ценнейших документов о судном деле 1525 г. сохранились только розыскные речи по делу о Берсене Беклемишеве [94]. Возможно, в какой-то мере эти материалы использованы при составлении Судного списка по делу о Максиме Греке, представляющего собой позднейшую публицистическую обработку материалов судебных разбирательств 1525—1531 гг.[95] Вероятно, в Царском архиве не находилось судное дело 1531 г. Вассиана Патрикеева, поскольку оно разбиралось церковным собором [96]. Все эти дела восходят, очевидно, к архиву московских митрополитов.

Из канцелярии Василия III и удельных князей исходили жалованные и указные грамоты, являющиеся ценнейшим источником по истории княжеской политики по отношению к монастырям и светским феодалам. К настоящему времени

---

[92] Описи, ящик 178, стр. 35; *Лихачев*, стр. 103—108.

[93] Разрядная книга 1475—1598 гг. (далее — РК). М., 1966; Э, № 390 и др.; *Д. Н. Альшиц.* Разрядная книга московских государей XVI в.— «Проблемы источниковедения», вып. VI. М., 1958, стр. 130—151; *В. И. Буганов.* Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1962; *его же.* Источники разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в.— «Исторические записки», 1965, кн. 76, стр. 216—229.

[94] Описи, ящик 27, стр. 20; ААЭ, т. I, № 172, стр. 141—145.

[95] Чтения ОИДР, 1847, кн. 7, отд. II, стр. 1—13. См. *Н. А. Казакова.* О «судном списке» Максима Грека.— «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 25—36.

Недавно найден в так называемом Симбирском сборнике (конец XVI в.) более полный текст Судного списка по делу о Максиме Греке, а также грамоты церковного собора и Василия III от 24 мая 1525 г. по тому же поводу (см. *Н. Н. Покровский.* Сибирская находка.— «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 129—138). Материалы эти пока не изданы и используются нами по книге Н. А. Казаковой.

[96] *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев и его сочинения (далее — *Казакова*). М.—Л., 1960, стр. 285—318.

выявлено более 400 грамот и упоминаний о них в позднейших источниках [97]. Дополнительные сведения о политической истории можно почерпнуть из других актов, летописей, писцовых и вкладных книг, а также синодиков различных монастырей.

История общественной мысли и публицистической литературы первой трети XVI в. может быть представлена совершенно отчетливо не только благодаря наличию обстоятельных исследований, но и потому, что к настоящему времени изданы важнейшие произведения русских писателей времени правления Василия III.

Иосифлянское направление в литературе представлено прежде всего самим Иосифом Волоцким, собрание посланий которого недавно вышло в свет [98]. Хуже, но также довольно полно представлены сочинения его ученика митрополита Даниила [99]. Изданы послания новгородского архиепископа (будущего митрополита) Макария [100], а также послания «на Николая Немчина» брата Иосифа Волоцкого архиепископа Ростовского Вассиана [101] и Зиновия Отенского [102].

Наконец, хорошо изданы все сочинения примыкавшего к иосифлянам известного автора теории «Москва — III Рим» старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея [103].

Нестяжательское направление представлено было в это время прежде всего Вассианом Патрикеевым. Его сочинения изданы Н. А. Казаковой. Неоднократно издавались много-

---

[97] *С. М. Каштанов.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958, стр. 302—341; *С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., часть третья.— «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 197—211.

[98] Послания Иосифа Волоцкого (далее — Послания). М.—Л., 1959.

[99] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, прил.; *В. Г. Дружинин.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века.— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 21. СПб., 1909.

[100] Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ), т. I. СПб., 1846, № 25; АИ, т. I, № 292.

[101] *В. Жмакин.* Памятник русской противокатолической полемики XVI века.— ЖМНП, 1880, № 10, стр. 321 и др.

[102] *А. И. Клибанов* и *В. И. Корецкий.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину.— ТОДРЛ, т. XVII, стр. 201—254.

[103] См. указания на новые списки его произведений в кн.: *Масленникова*, стр. 166.

численные произведения Максима Грека [104]. Впрочем, некоторые из них остаются неопубликованными [105].

Остается еще не выполненной задача систематического исследования многочисленных рукописных сборников, содержащих сочинения Максима Грека [106], а в связи с этим и создание научной хронологии произведений этого во многом примечательного публициста.

Изданы и немногочисленные сочинения русского дипломата и гуманиста Федора Карпова [107], Сказание о князьях владимирских [108] и некоторые другие [109].

Среди записок иностранцев о России первой трети XVI в. наиболее значительное место принадлежит «Запискам о Московитских делах» барона Сигизмунда Герберштейна (1486—1566 гг.). Видный имперский дипломат С. Герберштейн дважды побывал в Москве (в 1517 и 1526 гг.). Он оставил тщательно выполненное описание Московии, которое вышло в свет в 1549 г. и выдержало после этого уже в XVI в. несколько изданий на латинском и немецком языках. Без преувеличения можно сказать, что «Записки» Герберштейна были популярнейшим сочинением о России в Европе XVI в.[110] Автор широко использовал не только Матвея

---

[104] *Максим Грек.* Соч., ч. 1—3. Казань, 1859—1860; 2-е изд. Казань, 1894; *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI века.— ТОДРЛ, т. I, стр. 111—120; *его же.* Неизданные сочинения Максима Грека.— «Byzantinoslavilca», т. 6, стр. 85—109.

[105] *А. И. Клибанов.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека.— «Византийский временник», т. XIV. М., 1958, стр. 148—174; *Н. В. Синицына.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей.— «Византийский временник», т. XXVI. М., 1965, стр. 110—360.

[106] Обозрение рукописей, содержавших сочинения Максима Грека, см.: *С. А. Белокуров.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, прил.

[107] Об этом подробнее см.: *А. А. Зимин.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова.— ТОДРЛ, т. XII, стр. 160—173.

[108] *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

[109] *Г. Н. Моисеева.* Житие новгородского архиепископа Серапиона.— ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 147—165; *Н. Н. Розов.* Похвальное слово великому князю Василию III.— «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 278—289; *А. А. Зимин.* Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания, стр. 186—198.

[110] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах (далее — *Герберштейн*). СПб., 1908.

Меховского, но и русские письменные источники (Судебник 1497 г., летописи и т. п.), а также собственные наблюдения [111]. Особый интерес представляют сведения Герберштейна историко-географического характера, данные о государственном строе России и быте [112]. Стремление Империи завязать мирные добрососедские отношения с Россией объясняет сравнительно объективный тон «Записок» Герберштейна, пытавшегося дать зарубежному читателю более или менее полный очерк истории и современного состояния Русского государства.

Своеобразным источником является «Книга о посольстве» Павла Иовия [113]. В 1525—1526 гг. к римскому папе Клименту VII из Москвы ездило посольство во главе с видным дипломатом и переводчиком Дмитрием Герасимовым. Это был один из образованнейших людей России первой трети XVI в. Его появление при папском дворе произвело глубокое впечатление на современников. Рассказы

За последние годы вышел ряд зарубежных изданий Герберштейна: *Herberstein.* Rerum Moscoviticarum. Frankfurt am Main, 1964 (фотомеханическое воспроизведение базельского издания 1571 г.); "Notes upon Russia... by S. Herberstein". Trans. and ed. by R. H. Major. New York, 1964 (фотомеханическое воспроизведение издания 1851 г.); «La Moscovie du XVI siécle par un ambassadeur occidantal S. Herberstein, Présentation et traduction de Robert Delort». Paris, 1965; *S. Herberstein.* Beschreibung Moskaus der Hauptstadt in Rußland samt des moskowitischen Gebiets. 1557; Ausgewählt, übertragen und eingelitet von B. Picard. Graz, Wien, Köln, 1966; Siegismund zu Herberstein Reize zu den Moskovitern. 1526. Hrs T. Seifert. München, 1966; *R. Federman.* Popen und Bojaren. Herbersteins Mission im Kreml. Graz, Wien, 1963. Об этих изданиях и работах: *G. Stökl.* Herbersteiniana.— „Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas", 1967, Bd 15, Hf. 3, S. 423—432; Siegmund Freiherr von Herberstein. Diplomat und Humanist.— „Ostdeutsche Wissenschaft. Jahrbuch der Ostdeutsche Kulturrates", Bd 8, 1960, S. 69—80; *E. Donnert.* Bemerkungen zur ausländischen Rußlandkunde am Beginn der Neuzeit.— „Zeitschrift für Slawistik", Bd XIV, 1969, N 1, S. 37—44; *его же.* Siegmund von Herberstein.— „Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich—Schiller—Universität". Jena, Gesellschaft — Reihe, Bd 7, 1957/58, Hf. 1, S. 77—80.

[111] *А. В. Флоровский.* Каким летописным сводом пользовался Герберштейн? — «Ученые записки Высшей школы г. Одессы. Отдел гуманитарно-общественных наук», т. 2. Одесса, 1922, стр. 69—80.

[112] *Е. Замысловский.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884.

[113] *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве.— *Герберштейн,* стр. 251—275.

Герасимова о России записал епископ Ночерский (Новокомский) Павел Иовий [114]. «Книга о посольстве» написана в виде послания, адресованного архиепископу Консентийскому Иоанну Руфу. В ней сообщаются краткие сведения об экономике, вооруженных силах, географических условиях, жизни русского народа. Сведения сходного характера содержатся в донесении И. Фабра Фердинанду Чешскому (1525 г.)[115].

Большой интерес к России при папском дворе, связанный со стремлением курии втянуть Русское государство в войну с Турцией и навязать ему церковную унию, вызвал к жизни еще одно произведение — письмо Альберта Кампензе, адресованное папе Клименту VII [116]. По мнению издателя, оно составлено в 1523 или 1524 г. Однако автор упоминает о русском посольстве, прибывшем «в апреле месяце сего года в Испанию» [117]. Речь идет о посольстве И. И. Засекина, которое было принято Карлом V 6 апреля 1525 г. в Мадриде [118]. Таким образом, письмо Кампензе датируется 1525 г. Письмо Кампензе интересно не столько какими-то чисто фактическими сведениями, сколько призывом укреплять мирные сношения Рима с Москвой. Кампензе в своем сочинении использовал «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского, вышедший в Кракове в 1517 г.[119]

Сравнительно немного сведений о русско-литовских отношениях начала XVI в. содержится в литовских (или белорусских) летописцах, в том числе в «Хронике» Быховца, доводящей изложение до 1506 г.[120]

В литовских и польских хрониках XVI в. сообщались интересные данные о движении М. Глинского 1507—1508 гг.,

[114] Правда, неизвестно, на каком основании П. Пирлинг склонен автором «Книги о посольстве» считать Центурионе (*П. Пирлинг.* Россия и папский престол, кн. I. М., 1912, стр. 33).

[115] Донесение Иоанна Фабра его высочеству Фердинанду.— «Отечественные записки», 1826, ч. XXV, № 70, стр. 285—305; ч. XXVII, № 75, стр. 47—67.

[116] Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. I. СПб., 1836.

[117] См. там же, стр. 42.

[118] *H. Übersberger.* Österreich und Rußland seit dem Ende des 15 Jahrhunderts (далее — *Übersberger*). Bd 1. Wien und Leipzig, 1906, S. 184—185.

[119] *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936.

[120] ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907; *M. Jučas.* Lietuvos Metraščiai. Vilnus, 1968; «Хроника» Быховца. Предисловие, комментарий и перевод Н. Н. Улащика. М., 1966.

о битве на реке Орше в 1514 г., о набегах крымских татар на русские, украинские и белорусские земли. В числе авторов хроник были секретарь Сигизмунда I Йодок Деций, автор «Книги о времени короля Сигизмунда» (издана в 1521 г., изложение доходит до 1516 г.)[121], Бернард Ваповский (его «Хроника» доходит до 1535 г.), Мартин Бельский (его «Хроника всего света», доведенная до 1548 г., выдержала в XVI в. три издания: 1551, 1554, 1564 гг.) и Матвей Стрыйковский (его «Хроника» вышла в свет в 1582 г. на польском языке)[122].

К тексту М. Меховского обращались и другие историки XVI в., писавшие о России (в том числе Франческо да Колло, П. Иовий, С. Герберштейн). Впрочем, у самого Меховского о России в первые полтора десятилетия XVI в. сведений почти нет (вскользь упомянуто только о присоединении Пскова)[123].

Трактат М. Меховского и сочинение П. Иовия положил в основу своего рассказа о Московии прославленный автор «Космографии» Себастьян Мюнстер (вышла в свет в 40-е годы XVI в.)[124].

Имперский посланник Франческо да Колло, побывавший в России в 1518 г., оставил после себя краткие записки, опубликованные в Падуе в 1603 г.[125] К сожалению, этот трактат на русский язык полностью не переведен, хотя вопрос о его издании ставился еще в 1900 г. Л. Н. Майковым. Отрывки из него приводятся Н. М. Карамзиным,

---

[121] *J. Decjusz.* Księga za czasy króla Zygmunta. Warszawa, 1960.

[122] „Kronika Bernarda Wapowskiego", część ostatnia. Kraków, 1874; *M. Bielski.* Kronika, t. II. Sanok, 1896; см. *А. И. Рогов.* Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского.— «Новое о прошлом нашей страны», стр. 123—133; *M. Stryjkowski.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi, t. I—II. Warszawa, 1846. См. *А. И. Рогов.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966.

[123] *Б. Флоря.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского.— «Советское славяноведение», 1965, № 2.

[124] *Е. Замысловский.* Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии Себастьяна Мюнстера (XVI в.).— ЖМНП, 1880, № 9, стр. 66—123.

[125] „Trattamento di pace tra il serenissimo Sigismondo di Polonia et gran Basilio, principe di Moscovia, nanuto delli illustri Signori Frances da Collo...". Padova, 1603.

Л. Н. Майковым, С. А. Аннинским и М. П. Алексеевым [126].

Польские хронисты широко использовали труды своих предшественников, но у каждого из них есть и самостоятельные, притом весьма интересные, сведения. Так, М. Стрыйковский, излагая события до 1516 г. главным образом по Й. Децию, хорошо знал также хроники М. Меховского, белорусско-литовские летописи, записки Герберштейна и М. Бельского.

Важнейшим источником по истории взаимоотношений России с Великим княжеством Литовским является Литовская метрика. Основная часть документов по интересующему нас периоду издана [127].

Материалы зарубежных архивов обследованы все еще недостаточно [128]. Издан ряд актовых материалов из Копенгагенского и Таллинского архивов, рисующих русско-датские и русско-орденские отношения [129]. Есть также публикации отдельных документов [130].

---

[126] *Карамзин*, т. VII, прим. № 174—176 и др.; *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях, стр. 215 и др.; *М. П. Алексеев.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, стр. 83—87.

[127] Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР), т. 1—2. СПб., 1846—1848; «Акты Литовско-Русского государства», вып. I. М., 1900; Посольская книга Великого княжества Литовского, 1838; *И. Малиновский.* Собрание материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. Материалы по литовско-крымским отношениям изданы в приложении к кн.: *K. Pułaski.* Stosunki z Mendli—Girejem (далее — *Pułaski*). Kraków—Warszawa, 1881.

[128] Несколько интересных памятников, относящихся к истории России первой трети XVI в., см. в издании: «Historica Russiae Monumenta», t. I Petropoli, 1841, N CXXIII—CXXVII; «Supplementum ad Historica Russiae Monumenta». Petropoli, 1848, N 134—159 (из Кёнигсбергского архива).

[129] *Ю. Н. Щербачев.* Датский архив (далее — *Щербачев*). М., 1893; Русские акты Копенгагенского государственного архива. — РИБ, т. XVI. СПб., 1897; Акты Копенгагенского архива, вып. I, 1526—1569. — Этения ОИДР, 1915, кн. IV, стр. 1—320; Русские акты Ревельского городского архива. — РИБ, т. XV. СПб., 1894; Русско-ливонские акты. СПб., 1868; *Г. Гильдебранд.* Отчеты о розысканиях, произведенных в Рижских и Ревельских архивах по части русской истории. — Записки Академии наук, т. XXIX, кн. I. СПб., 1877.

[130] Чтения ОИДР, 1898, кн. I, смесь, стр. 4—6, 10—12; «Труды Тульской архивной комиссии», кн. I. Тула, 1915.

ВСТУПЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III НА ПРЕСТОЛ

В конце июля 1503 г. «начат изнемогати» тяжелой болезнью шестидесятитрехлетний великий князь Московский Иван Васильевич, ставший после присоединения к Москве Новгорода в 70-х годах XV в. и Твери в 1485 г. государем «всея Руси» [1].

Время долгого правления Ивана III ознаменовалось событием всемирно-исторического значения. Перед глазами современников Русь, раздробленная ранее на множество земель и княжеств, предстала государством, объединенным под властью великого князя Ивана Васильевича, государственной мудрости и решительности которого современники единодушно отдавали дань уважения. Если в 1462 г. Иван III наследовал княжество, размеры которого едва ли превышали 430 тыс. кв. км, то уже при вступлении на престол его внука Ивана IV в 1533 г. государственная территория Руси возросла более чем в шесть раз, достигая 2 800 тыс. кв. км с населением в несколько миллионов человек [2]. Причем основные приобретения были сделаны именно в годы правления Ивана III. С могущественным Русским государством отныне должны были считаться крупнейшие европейские и ближневосточные страны.

---

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 257. Подробнее об объединении русских земель при Иване III см. в кн.: *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, стр. 855—896.

[2] *А. И. Копанев.* Население Русского государства в XVI в.— «Исторические записки», 1959, кн. 64, стр. 235, 245; *Я. Е. Водарский.* К вопросу о численности населения России в XVI в.— «История географических знаний и историческая география. Этнография», вып. 4. М., 1970, стр. 17.

К 1503 г. Иван III находился в зените славы. Успехам во внутренней и внешней политике, казалось, не было предела. Решительно и непреклонно покончил он с соперничеством враждовавших при его дворе партий, одну из которых возглавлял наследник престола Дмитрий (сын умершего в 1490 г. первенца государя Ивана Молодого), а другую — княжич Василий (сын второй жены великого князя — Софии Палеолог). Девятнадцатилетний Дмитрий со своей матерью Еленой (дочерью молдавского господаря Стефана) весной 1502 г. были отправлены в заточение, а наследником великого князя был объявлен двадцатитрехлетний Василий [3].

Весной 1503 г. Ивану Васильевичу удалось заключить выгодное для России перемирие с Великим княжеством Литовским. Громадные приобретения, сделанные Россией в ходе русско-литовских войн конца XV — начала XVI в., отныне признавались свершившимся фактом [4].

28 марта 1503 г. было заключено перемирие и с союзником Литвы Ливонским орденом. Магистр Вальтер Платтенберг дал обещание воздержаться от заключения союза с Польшей и Литвой, а тартусский (дерптский) епископ обязался выплачивать дань за древнерусский город Юрьев. Это перемирие оказалось в дальнейшем весьма действенным. Другой союзник великого князя Литовского Александра Казимировича — Тевтонский (Прусский) орден — также в 1503 г. заключил перемирие с Россией. Позднее, после некоторых колебаний, он все больше склонялся к прочным мирным отношениям с Русским государством, ибо его существование находилось под постоянной угрозой со стороны Польши и Литвы [5]. После договора 1493 г. традиционно дружественными были отношения между Россией и Данией. Мирные переговоры велись и между Иваном III и Империей [6]. В это же время, после смерти рязанского князя Федора (около 1503 г.), Иван III получил Рязанский удел с городом Перевитском и треть Переяславля-Рязанского. Ре-

[3] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 295; т. XXVIII, стр. 336.

[4] Подробнее см.: *К. В. Базилевич*. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 518—522.

[5] *В. Н. Балязин*. Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 9.

[6] Памятники дипломатических сношений (далее — ПДС), т. I. СПб., 1851, стр. 1—139.

шение вопроса о ликвидации самостоятельности самого Великого княжества Рязанского, где номинально правил малолетний брат Федора Иван, оставалось делом времени.

И совершенно, казалось бы, неожиданно на великого князя обрушились всевозможные беды. 17 апреля 1503 г. умерла София Палеолог, принесшая с собой на Русь отблеск былого величия Византии, наследницей которой отныне должна была стать Россия.

Накануне смерти Софии (16 апреля) в Москве оказался пронырливый игумен Волоколамского монастыря Иосиф. Воспользовавшись угнетенным состоянием Ивана Васильевича, он выпросил у вконец расстроенного государя согласие на преследование еретиков (когда-то верных сподвижников великого князя, входивших в окружение опальной Елены Стефановны), врагов умирающей Софии. Очевидно, Иосиф нашептал Ивану III, что именно еретики повинны в болезни великой княгини и что только истинно христианским благочинием можно предотвратить новые несчастья. Во всяком случае московский государь обещал волоцкому игумену: «...однолично, деи, пошлю по всем городам да велю обыскивати еретиков да искоренити» [7]. Правда, когда прошли первые минуты горя после смерти Софии, Иван Васильевич решил повременить с выполнением столь опрометчиво данного им обещания.

Совсем некстати была и болезнь самого великого князя, которая давала возможность за его спиной выступать всем тем, кто ранее не посмел бы ему перечить. Как раз в августе—сентябре 1503 г. Иван III собрал церковный собор, на котором поставил уже давно вынашивавшийся им вопрос о ликвидации монастырского землевладения. За счет вотчин духовных феодалов можно было окончательно разрешить ту проблему земельного обеспечения широких кругов дворянства, с которой не удалось справиться и путем новгородских конфискаций, и путем освоения необозримых просторов на юге и востоке страны. Однако почувствовавшие уже привкус власти воинствующие церковники во главе с новгородским архиепископом Геннадием и Иосифом Волоцким, при содействии безвольного митрополита Симона дали решительный бой самому Ивану III и его союзникам

[7] Послания, стр. 175—176.

из среды нестяжательной части духовенства (Нил Сорский и его окружение). Программа секуляризации была провалена. Решение церковного собора 1503 г. о запрете постановления на церковные должности «по мзде» (за взятки) и отставка «сребролюбца» и «мздоимца» Геннадия были лишь слабой компенсацией за крушение всех церковных планов великого государя [8]. Только в 1762 г. правительство Петра III осуществило то, что было поставлено на повестку дня еще в 1503 г.

А тут в довершение ко всему после осенней поездки по монастырям, во время которой произошел жаркий спор с троицким игуменом Серапионом по поводу одной из пустяшных земельных тяжб, «прииде же посещение от бога на великого князя самодержца: отняло у него руку и ногу и глаз» [9]. Ну как в таких обстоятельствах не увидеть в случившемся «гнева божия», кару за действительные и мнимые грехи! Пришлось великому князю задуматься о приближении смерти...

Поэтому Иван III занялся составлением духовной грамоты, которая содержала распоряжения о судьбах русских земель на случай его кончины. Впрочем, после смерти 28 ноября племянника — князя Ивана Борисовича Рузский удел перешел к великому князю и пришлось спешно изготовить новый вариант завещания (конец декабря 1503 — первая половина января 1504 г.)[10]. Тяжелобольной государь уже не мог самостоятельно управлять огромной державой и при жизни еще разделил ее территорию, выделив два удела братьям наследника Василия: Юрию — Дмитровско-Рузский и Дмитрию — Углицкий. Младшие дети великого

---

[8] НЛ, стр. 64; ПСРЛ, т. XXX, стр. 200; ПЛ, вып. I. М.—Л., 1941, стр. 89. Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Зарождение земских соборов.— «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», вып. LXXI. Казань, 1969, стр. 5—22.

[9] *Ю. К. Бегунов.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви.— ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 352. Намек на эту болезнь («Ивану самодержцу тогда нечто божественно случися») есть в Житии Иосифа, написанном Львом Филологом (Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, стр. 39), и в его источнике — Житии архиепископа Серапиона (*Г. Н. Моисеева.* Житие новгородского архиепископа Серапиона, стр. 157).

[10] *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, стр. 198—202.

князя должны были также получить уделы: Калугу и Бежецкий Верх — Семен и Старицу с Вереей — Андрей. Но реализация этого последнего распоряжения (вследствие малолетства княжичей) откладывалась до того, как Василий сочтет возможным осуществить наделение землей своих младших братьев. Всего, по подсчетам С. М. Соловьева, Василий получал 66 городов, тогда как все остальные сыновья великого князя должны были удовольствоваться 30 городами [11].

Если сравнить систему уделов, созданную в 1462 г. завещанием Василия II, с уделами по духовной грамоте его старшего сына, то обнаружится резкая перемена, отражающая сдвиги в политической истории России за прошедшие 40 лет. У Ивана III, так же как и у Василия II Темного, в момент составления духовной грамоты было пятеро сыновей. Старший из сыновей Ивана III, Василий, получил львиную долю владений своего отца. Кроме коренных великокняжеских земель ему передавался ряд важных городов из уделов, в том числе Вологда (составлявшая когда-то удел Андрея Меньшого), Медынь и Можайск (опорный пункт в борьбе с Литвой). Удел четвертого сына Василия Темного продолжал существовать, но в весьма урезанном виде (Волоцкое княжество князя Федора Борисовича), так как Руза из его состава изымалась. Уделы второго и третьего сына Василия II, Юрия и Андрея, были переданы в измененном состоянии детям Ивана III. Юрий Иванович получил Дмитров, а его брат Дмитрий — Углич. Но так как от первого удела были отделены Можайск и Медынь, то в компенсацию князь Юрий получил Звенигород (входивший ранее в Углицкий удел). Углицкий удел потерял кроме Звенигорода еще и Калугу (наследие князя Ивана Андреевича Можайского) и Бежицкий Верх. Они составили новый удел — князя Семена Ивановича. Наконец, последний удел (Андрея Ивановича) образовала Верея, полученная Иваном III по завещанию князя Михаила Андреевича Верейского, и Калуга [12].

---

[11] *Соловьев*, кн. III, стр. 142—143.

[12] Калугой кн. Андрей Васильевич был пожалован в 1473 г. (ДДГ, № 70, стр. 242). Остальные владения кн. Михаила Андреевича (Белоозеро и Малый Ярославец) Иван III передал своему старшему сыну Василию (ДДГ, № 80, стр. 301—315).

Удел князя Ивана Борисовича Рузского был разделен на две части: Рузу получил князь Юрий, а половину Ржева — Дмитрий. Это наделение имело чисто политическую цель: Иван III сталкивал своих удельных детей с Федором Волоцким, который, очевидно, рассчитывал на наследие своего рузского брата.

Итак, в удел шли только старинные удельные земли, да и то не все. Судьба владений, добытых с большим трудом самим Иваном III за долгие годы его правления, была особенно показательна. Великий Новгород с его огромными землями получил княжич Василий, уже ранее считавшийся новгородским князем. Иван III опирался на старинную традицию, согласно которой великий князь был одновременно и новгородским князем.

Тверское княжество разделялось на неравные части, но в соответствии с существовавшей в Твери системой уделов. Саму Тверь и Городен получал Василий Иванович, Кашин — Юрий, Зубцов — Дмитрий, Старицу — Андрей. Семен в тверском наследии доли не имел.

Весьма своеобразно распорядился Иван III наследием литовских войн конца XV — начала XVI в. Южную половину новоприобретенных владений составляли княжения «слуг» — Семена Ивановича Стародубского (Стародуб, Любич, Гомель) и Василия Шемячича (Новгород-Северский и Рыльск), а также небольшое княжество Трубецкое.

Северная половина новоприобретенных земель представляла собой как бы пестрополье. Здесь сохранялись небольшие владения княжат Одоевских, Белевских, Воротынских (с городами Одоевом, Перемышлем, Белевом, третью Воротынска, Мосальском)[13]. В их среду были внедрены владения князей московского дома. Василий Иванович вместе с Вязьмой и Дорогобужем получал дорогу на Смоленск. Тем самым Иван III как бы завещал своему сыну завершить воссоединение русских земель, все еще частью находившихся в Великом княжестве Литовском. Эта часть великокняжеских владений опиралась на города Можайск, Медынь и Малый Ярославец. Василий Иванович получал также две трети города Воротынска и Мценск — в самой гуще владений северских служилых князей.

[13] Сб. РИО, т. 35, стр. 318; ДДГ, № 89, стр. 355.

Второй сын Ивана III, Юрий, наследовал сравнительно большую часть земель, лежавших южнее Вязьмы и Дорогобужа. Их центрами были Серпейск и Брянск. Впрочем, этот лакомый кусок был удален от основных владений дмитровского князя.

Дмитрию Углицкому Иван III завещал небольшую часть земель за Угрой с городом Мезецком, вымененным у князя Михаила Мезецкого. К Калужскому уделу князя Семена была присоединена узкая полоска прилегающих земель с Козельском как их административным центром. Наконец, последнему сыну, Андрею, должен был отойти также прилегающий к Угре Любутск (соседний с Алексином, также пожалованным Андрею).

Наделение северскими землями удельных братьев князя Василия имело своей целью не просто утоление их аппетитов, но и стремление сделать их лично заинтересованными в обороне южных и западных рубежей Москвы. Соседство их со служилыми князьями создавало на юго-западе страны обстановку противоборства сил, при котором верховным вершителем судеб должен был оставаться сам великий князь.

Столица России Москва впервые целиком передавалась во власть наследника престола. Тем самым кончилась «почти двухсотлетняя система владения Москвой по жребиям» [14]. Да и права удельных братьев на подмосковные села были сильно ограничены.

Духовная грамота Ивана III подчеркивала подчинение младших братьев Василию Ивановичу. Им теперь запрещалась чеканка монеты в уделах, сбор московской тамги (из нее они получали лишь небольшие отчисления). В московских дворах удельным братьям запрещалась торговля. Выморочные уделы должны были присоединяться к великокняжеским землям [15].

[14] *М. Н. Тихомиров.* Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 204.

[15] Подробнее см.: *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I. М.—Л., 1948, стр. 220—223. Сообщение о наделении уделами в одном из летописных рассказов помещено после сведения о браке Василия Ивановича, т. е. после 4 сентября 1505 г.: «А сыну князю Юрью дал Дмитров, да Звенигород, да Бренеск, а князю Дмитрею Углич, а князю Семену Колугу и Бежской верх, а князю Андрею Ржову да Старицу городок, а денег им велел дати по 10 тысяч» (*Я. С. Лурье.* Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре». — ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 290).

Так в своем завещании Иван III как бы подводил итоги объединительного процесса за бурные годы своего правления.

Закончив дела мирские, Иван III обратился к делам духовным. Надо было и о «спасении души» подумать, и выполнить то обещание, которое им было дано Иосифу Волоцкому,— заняться искоренением вольнодумцев. Волоцкий игумен заслужил одобрение и благодарность тем, что обеспечил в ноябре 1503 г. переход Рузы именно к Ивану III, а не к Федору Волоцкому (Иосиф Санин был «духовным отцом» князя Ивана Борисовича и присутствовал при составлении его духовной)[16].

В декабре 1504 г. после очередного церковного собора впервые на Руси запылали инквизиционные костры, на которых в Москве и Новгороде закончили свой короткий, но славный жизненный путь русские еретики. Их иллюзорные надежды на поддержку «сильного и справедливого» монарха потерпели полный крах[17]. Почти одновременно (18 января 1505 г.) в «нятстве» «нужной смертью», т.е. не без помощи тех, кто ее сторожил, умерла и покровительница еретиков Елена Волошанка[18]. По иронии судьбы через год (в декабре 1505 г.) умер в заточении и главный гонитель еретиков бывший новгородский архиепископ Геннадий[19].

21 мая по распоряжению Ивана III в Кремле разобрали старый великокняжеский Архангельский собор, служивший усыпальницей московских князей, и Алевиз Фрязин приступил к постройке нового собора. Великий князь, чувствуя приближение своей кончины, решил приготовить для себя пантеон. Рядом с собором другой итальянец —Бон Фрязин— начал сооружать колокольню с церковью Иоанна Лествичника[20].

Реальная власть в стране сосредоточивалась в руках сына Ивана III Василия Ивановича, который и являлся истинным вдохновителем антиеретической политики последних лет жизни своего отца. Братья княжича-наследника косо смотрели на счастливого распорядителя судеб. 8 февраля

[16] ДДГ, № 88, стр. 353.

[17] ПСРЛ, т. IV, вып. 3, стр. 535; т. XXX, стр. 176, 200; НЛ, стр. 64.

[18] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 336; т. XXIV, стр. 215; РВ, стр. 243.

[19] ПСРЛ, т. IV, вып. 3, стр. 535; т. XXX, стр. 176, 200; НЛ, стр. 64.

[20] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 337—338; РВ, стр. 243—244.

1505 г. фогт Нарвы сообщил орденмейстеру, что Иван III смертельно болен и его сын Василий должен ему наследовать, хотя русские больше склонны к его внуку, и что между детьми великого князя назревает большая распря [21].

В такой сложной обстановке наследник престола решил вступить в брак, с тем чтобы обеспечить трон своей династии. По совету печатника Юрия Дмитриевича Траханиота, человека из окружения Софии Палеолог и близкого к Василию, княжич отказался от идеи женитьбы на иноземной принцессе и устроил грандиозные смотрины русским невестам. Василий как бы этим подчеркнул будущее отличие своей политики от политики отца: первенствующее место в ней должны занять дела внутрироссийские, а не внешнеполитические.

Смотрины начались еще не позднее августа 1505 г. («нача избирати княжьны и боярины») [22]. На них привезли 500 (по Герберштейну, даже 1500) девиц, затем после тщательного отбора осталось десять кандидаток [23]. Вопреки расчетам Ю. Траханиота женить великого князя на своей дочери Василий Иванович остановил свой взор на Соломонии, дочери Юрия Константиновича Сабурова [24]. Так впервые русский государь решил связать свою судьбу не со знатной женой, а с представительницей боярской фамилии, безоговорочно преданной московским великим князьям. Именно старомосковское боярство стало надолго основной опорой Василия Ивановича в его внутриполитической деятельности.

Свадьба состоялась 4 сентября 1505 г.[25]

---

[21] *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России... стр. 233.

[22] *Герберштейн*, стр. 38; *Лурье*, стр. 444.

[23] Сообщение Ф. да Колло (*Карамзин*, т. VII, прим. № 402), ср. и Павла Иовия (*Герберштейн*, стр. 273—274).

[24] Дед Соломонии К. Сабуров был одним из воевод в 1482 г. (РК, стр. 19—20). Отец Соломонии в мае 1501 г. был наместником в Кореле (РК, стр. 32). О Сабуровых см.: *С. Б. Веселовский.* Из истории древнерусского землевладения.— «Исторические записки», 1946, т. 18, стр. 56—91.

[25] ПСРЛ, т. IV, стр. 468, 535; т. VI, стр. 50; т. VIII, стр. 245; т. XII, стр. 259; т. XX, стр. 375—376; т. XXII, стр. 515; т. XXIII, стр. 197; т. XXIV, стр. 215; т. XXVI, стр. 297; т. XXVIII, стр. 338; ИЛ, стр. 147, 197; РВ, стр. 244; *Зимин*, стр. 11, 28, 36; *Шмидт*, стр. 276. По другим данным — 8 сентября (*Лурье*, стр. 444; ПСРЛ, т. XXX, стр. 14) и даже 18 октября (УЛС, стр. 102).

Время для княжича Василия Ивановича было тревожное. Великий князь Литовский Александр открыто стремился к реваншу. После того как окончательно распалась Большая орда, а давний противник Крыма Ших-Ахмет попал в Литву, крымский хан Менгли-Гирей получил возможность для ведения более активной внешней политики. Южные приобретения сделали Россию непосредственным соседом Крыма, что заставило «крымского царя» приступить к созданию антирусской коалиции, в которую должны были войти Великое княжество Литовское и Ногаи, а существенным звеном должна была стать Казань. Но Казанское ханство с 1487 г. находилось в вассальных отношениях с Москвой, и Иван III зорко следил за тем, чтобы казанские ханы не проявляли и признака самостоятельности во внешнеполитических делах. В январе 1502 г. в результате переговоров Ивана III с казанской знатью на ханский престол был возведен Мухаммед-Эмин, а его брат Абдул-Латиф был сведен с престола и отправлен в заточение на Белоозеро. По просьбе Менгли-Гирея (его жена Нур-Салтан была матерью Абдул-Латифа) в феврале 1505 г. узник был перевезен в Кремль, где получил собственное подворье и находился на положении почетного пленника [26].

Отношения Москвы с Казанью осложнились весной 1505 г., когда Мухаммед-Эмин прислал в столицу Русского государства «князя городного» Шаинсифа с грамотою «о некоих делах». В ответ на это Иван III направил в Казань своего посла сокольничего Михаила Кляпика с наказом, «чтобы он тем речем всем не потакал» [27]. Из этой глухой летописной записи явствует, что хан был недоволен московской политикой в Казани, а Иван III решил продолжать свою твердую линию. В результате 24 июня 1505 г. казанский царь схватил и бросил в заточение и Михаила Кляпика, и часть великокняжеских торговых людей. Некоторые из них были перебиты, а остальные ограблены и проданы «в Ногаи». Постниковский летописец говорит: «Крови кре-

---

[26] Сб. РИО, т. 41, стр. 557. На Белоозере оставался его брат Мелик-Тагир (*В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о касимовских царях и царевичах (далее — *Вельяминов-Зернов*), т. I. СПб., 1863, стр. 189.

[27] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 338; *С. М. Кашгинов.* Социально-политическая история России... стр. 237.

стьяньския пролиял безчисленно, было много людей изо всех городов Московского государства, а такова крестьянская кровь не бывала, как и Казань стояла» [28]. Тех, кому удалось бежать на Волгу, перебила «черемиса». По некоторым данным, казанский царь «иссече в Казани многих гостей русских, болши 15 тысячи, из многих городов и товару безчисленно взя» [29].

Весть о том, что Мухаммед-Эмин собирается перейти Волгу и двигаться к Нижнему и Мурому, достигла Москвы в августе. Тогда в Муром послана была застава с князем И. И. Горбатым. Но вот 4 сентября, когда в Москву вернулся из Крыма отправленный туда еще в 1502 г. Иван Ощерин, к великому князю пришло новое известие. Оказывается, 30 августа Мухаммед-Эмин перешел Волгу в 150 *км* от Нижнего. Тогда в Муром отправлены были с войсками князь В. Д. Холмский и касимовские царевичи Сатылган и Джанай. Первый из них владел в качестве удела Городком (Мещерском) [30].

Дело обошлось сравнительно благополучно. В то время как русская рать двигалась к Нижнему, казанские войска после трехдневной осады этого города уже отступили. В обороне Нижнего отличился воевода И. В. Хабар и пленные литовские «огненные стрельцы», которым удалось застрелить ногайского мурзу, шурина Мухаммед-Эмина. Между ногайцами и казанцами вспыхнула распря, и казанский царь предпочел для себя за благо вернуться восвояси [31].

Неспокойно было и внутри страны. Роптали братья Василия III. А тут еще умирающий великий князь, охваченный чувством всепрощения, по слухам, велел выпустить на свободу своего внука Дмитрия и обратился к нему со словами:

---

[28] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 3.

[29] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 197. В частности, посланный с М. Кляпиком в Казань Иван Брюхо Верещагин сын Блеклого был сослан в Чагадаи, «тамо и скончался» (ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 3).

[30] ПСРЛ, т. IV, стр. 535; *Лурье*, стр. 444; *А. Н. Насонов*. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 253; РК, стр. 35, 36.

[31] Рассказ Казанского летописца о том, что осада Нижнего продолжалась месяц, не может считаться достоверным. Сомнительны и цифры — 60 тыс. человек в войске казанского хана, из них 20 тыс. ногайцев, а у русских — 100 тыс. человек (КИ, стр. 60—61).

«Молю тебя, отпусти мне обиду, причиненную тебе, будь свободен и пользуйся своими правами» [32]. Что значило «пользоваться своими правами»? Наследовать престол? Вопрос оставался открытым.

Трудно предугадать, чем бы все это кончилось, если бы Иван III выздоровел, но 27 октября 1505 г. он скончался [33]. Ушел в царство теней один из выдающихся государственных деятелей России. Великий князь Иван Васильевич приложил много сил, чтобы Русское государство заняло достойное место среди европейских держав. При нем окончательно пало татаро-монгольское иго. В рамках единого государства воссоединены были основные русские земли. В годы его правления отчетливо вырисовывались четыре основных аспекта русской внешней политики: северо-западный (балтийская проблема), западный (литовский вопрос), южный (крымский) и юго-восточный (казанский и ногайский). Свою внешнюю политику Иван III осуществлял твердо и неуклонно [34].

Да и внутри своей страны Иван III наметил задачи, которые предстояло решить его преемнику. Это борьба с удельно-княжеским разновластием, претензиями церкви к светской власти, формирование личной канцелярии монарха как основы центрального правительственного аппарата.

При Иване III в 1497 г. создан был Судебник, утвердивший единый феодальный правопорядок, который покоился на плечах миллионов трудящихся в русских селениях и городах. Статья 57 этого кодекса, ограничивающая и регламентирующая крестьянский выход (установление Юрьева дня), намечала путь, по которому пойдет правительство наследников московского государя в удовлетворении нужд широких кругов дворянства. Утверждение поместной системы к концу XV в. воочию показывало круги, постепенно становившиеся основной опорой московской монархии. Наконец

---

[32] *Герберштейн*, стр. 13.

[33] ПСРЛ, т. IV, стр. 468, 535 (28 ноября); т. VI, стр. 50; т. VIII, стр. 245; т. XII, стр. 259; т. XXII, стр. 515—516; т. XXIII, стр. 197; т. XXVI, стр. 297; т. XXVIII, стр. 333; ИЛ, стр. 147—148, 197. 24 октября: *Кунцевич*, стр. 601; *Лурье*, стр. 444. 26 октября: ПСРЛ, т. XX, стр. 367; *Зимин*, стр. 28; ПЛ, вып. I, стр. 91 (Дмитриев день). 28 октября: ПСРЛ, т. XXIV, стр. 215; т. XXX, стр. 140; *Зимин*, стр. 26. 29 октября: РК, стр. 36.

[34] УЛС, стр. 102.

и в идеологии сформировались основные узлы противоречий, которые предстояло развязать в дальнейшем. Идеология господствующей церкви в это время дала глубокую трещину, показав существование в ее недрах двух направлений, расходившихся в своих представлениях о путях и средствах укрепления ее престижа: иосифляне настаивали на утверждении внешнего благочиния, нестяжатели видели единственный путь в нравственном самосовершенствовании. Складывалась и система взглядов идеологов великокняжеского самовластия, которые стремились первоначально построить свои представления на светских идеологических основах (Сказание о князьях владимирских), но потом заимствовали иосифлянские представления о божественной природе самодержавия.

Всем церковным теориям противостояли вольнодумцы-реформаторы, к учению которых сначала прислушивался великий князь, а затем выдал их более услужливым и, как ему казалось, более надежным иосифлянам.

Таковы те проблемы, которые должны были неминуемо встать перед наследником престола после смерти Ивана III. Пойдет ли княжич Василий по пути своего отца, или он предложит свое решение сложных задач, оставленных ему отцом, должно было показать будущее.

Сразу же по смерти отца Василий Иванович «в железа плямянника своего великого князя Дмитрея Ивановича и в полату тесну посади» [35] и таким образом с молниеносной быстротой ликвидировал для себя наиболее грозную опасность.

Накануне кончины Иван III еще раз подтвердил свое завещание, в том числе о выделении уделов Юрию и Дмитрию, а «сына своего Семиона да Андрея дасть на руки брату их, великому князю Василию и повеле им дати уделы» [36]. Поскольку Юрий и Дмитрий распоряжались уделами уже больше года, Василию III ничего не оставалось, как примириться с существующим порядком вещей. Однако от передачи уделов Андрею и Семену великий князь пока воздер-

---

[35] Там же. Герберштейн говорит, что Дмитрий был брошен в темницу сразу же после разговора с умирающим Иваном III (*Герберштейн*, стр. 13). Версию Герберштейна повторил Стрыйковский (*Stryjkowski*, str. 323).

[36] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 215.

жался. Он уже с первых дней прихода к власти показал, что борьба с удельной чересполосицей будет для него основным делом жизни. Не был склонен Василий считаться и с мелкими князьками. Так, очевидно, в это время он свел с Великой Перми местного князя Матвея и назначил туда наместником князя В. А. Ковра [37].

Смерть государя Московии вселила в сердца врагов Русского государства призрачные надежды на возможность использования трудной для Василия Ивановича ситуации с целью отторжения от России земель. Так, Александр Казимирович писал магистру Тевтонского ордена Вальтеру фон Плеттенбергу, что «теперь наступило удобное время соединенными силами ударить *на неприятеля веры христианской,* который причинил одинаково большой вред и Литве, и Ливонии» [38]. Но осторожный магистр не склонен был поддержать авантюристические планы великого князя Литовского. Да и Александр, узнав, что никакой «усобицы» по смерти Ивана III не наступило, решил не ввязываться в новую войну с Россией.

Расправа с Дмитрием-внуком дополнялась поддержкой тех сил, врагом которых был этот номинальный глава еретической партии. Поэтому сразу же после смерти новгородского архимандрита Геннадия на новгородскую архиепископию возводится 15 января 1506 г. Серапион, троицкий игумен, с которым повздорил незадолго до смерти Иван III [39]. Серапион пользовался большим влиянием в высших клерикальных кругах как ревностный защитник прерогатив церкви. Он был близок и к митрополиту Симону, который, будучи избран в 1495 г. на московскую митрополию, оставил именно его в качестве преемника на троицком игуменстве. На соборе 1503 г. Серапион энергично отстаивал незыблемость монастырского землевладения.

---

[37] Документы по истории Коми.— «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 264. Дата «7013» Вычегодского летописца, возможно, ошибочна.

[38] *Соловьев,* кн. III, стр. 219.

[39] ПСРЛ, т. IV, стр. 468, 535, 536, 611 (приехал 27 февраля); т. VI, стр. 51, 245; т. VIII, стр. 245; т. XXIV, стр. 215 (18 января); т. XXVI, стр. 297; т. XXVIII, стр. 339; ПЛ, вып. 1, стр. 91 (приехал «на Збор»); *Г. Н. Моисеева.* Житие новгородского архиепископа Серапиона, стр. 154—157; *Ю. К. Бегунов.* «Слово иное...», стр. 351—364; Послания, стр. 266—267.

Не менее колоритны и другие назначения. 18 января 1506 г. архиепископом Ростовским стал брат Иосифа Волоцкого Вассиан[40]. Немногим позднее, в феврале 1507 г., епископом Коломенским назначили андронниковского архимандрита Митрофана. Фигура этого бывшего духовника Ивана III была более чем определенной[41]. Еще весной 1503 г. именно к нему обращался Иосиф Волоцкий с просьбой сподвигнуть великого князя на гонение «отступников веры Христовы»[42]. В Андронниковском монастыре в 1504 г. была заложена каменная трапеза как знак особой милости великого князя, 8 сентября 1506 г. она была торжественно освящена[43].

Епископат пополнился наряду с Митрофаном еще одним горячим сторонником иосифлян. 23 января 1508 г. крутицкую епископию получает Досифей (Забела)[44].

Таким образом, воинствующие церковники получали явное и прочное большинство среди высших иерархов. Но и только. В финансовой и земельной политике Василий III не спешил с раздачей благ своим клерикальным союзникам. Линия на резкое ограничение монастырских иммунитетов, проводившаяся в последние годы правления Ивана III, продолжалась и в первые годы княжения его сына, во всяком случае до 1511 г.[45] Сохраняя свою старую привязанность

[40] ПСРЛ, т. IV, стр. 468, 536, 611; т. VI, стр. 51, 245.

[41] ПСРЛ, т. VI, стр. 52; т. VIII, стр. 247. В декабре 1503 г. он присутствовал при составлении завещания Ивана III (ДДГ, № 86, стр. 364).

[42] Послания, стр. 175—178.

[43] ПСРЛ, т. VI, стр. 52; т. XXIV, стр. 216. С Митрофаном, как одним из наиболее близких лиц, Василий III вместе со своим окружением ездил осенью 1509 г. в Новгород (ПСРЛ, т. VIII, стр. 251).

[44] ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 547; т. VIII, стр. 248—249; т. XXIII, стр. 198; т. XXVI, стр. 299; т. XXVIII, стр. 342; РВ, стр. 260. Досифей принимал самое активное участие в осуждении Серапиона в 1509 г. (Послания, стр. 225, 329). Не гнушался Досифей клеветы во время суда 1531 г. над Вассианом Патрикеевым (*Казакова*, стр. 297). Участвовал он и в судилищах над Максимом Греком в 1525 и 1531 гг. (Чтения ОИДР, 1847, кн. 7, стр. 1, 7, 11, 12). Присутствовал Досифей при кончине Василия III (ПСРЛ, т. VI, стр. 269, 275). В 1537 г. именно ему была поручена щекотливая миссия доставки в Москву князя Андрея Старицкого (ПСРЛ, т. VI, стр. 293).

[45]. *С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России... стр. 249—252.

к иосифлянам, как противникам вольнодумия и политических притязаний Дмитрия-внука, Василий Иванович продолжал политику утеснения прерогатив духовных корпораций, унаследованную им от отца и его окружения. Вот уж поистине: дружба дружбой, а деньги врозь! И это не было чем-то новым для Василия III. Еще на соборе 1503 г., когда встал вопрос, быть или не быть на Руси у монастырей вотчинам, он и Дмитрий Углицкий «присташа к совету отца своего» (в отличие от князя Юрия)[46].

Не только монастыри, но и княжата-наместники вызывали к себе более чем сдержанное отношение великого князя с первых месяцев его правления. Уже весной 1506 г. он выдал уставные грамоты, ограничившие судебно-административный произвол наместников в Галиче и Переяславле-Залесском, т.е. в самом центре страны[47].

Грозной опасностью для России оставалась Казань. Сразу же после вступления на престол Василия III казанский хан Мухаммед-Эмин официально провозгласил разрыв отношений с Москвой. «Аз,— говорил он,— есми целовал роту за князя великого Дмитрея Ивановича, за внука великого князя, братство и любовь имети до дни живота нашего, и не хочю быти за великим князем Васильем Ивановичем. Велики князь Василий изменил братаничю своему великому князю Дмитрею, поимал его через крестное целованье. А яз, Магмет Амин, казанский царь, не рекся быти за великим князем Васильем Ивановичем, ни роты есми пил, ни быти с ним не хощу»[48]. Открытая борьба Москвы с Казанью была только делом времени. Поэтому необходимо было заручиться поддержкой Крыма. 7 декабря 1505 г. ко двору Менгли-Гирея был отправлен Василий Наумов с извещением о вступлении на престол Василия III. Основной задачей его миссии было укрепление если не дружеских (что было бы наилучшим вариантом), то хотя бы добрососедских отно-

---

[46] *Ю. К. Бегунов.* «Слово иное»... стр. 349.

[47] 23 марта уставная грамота была дана галицким рыболовам (АСЭИ, т. III, № 24, стр. 43—44), 7 апреля — переяславским рыболовам (там же, № 25, стр. 44—46), 9 апреля — переяславским черносошным крестьянам (ААЭ, т. I, № 144).

[48] *Я. С. Лурье.* О неизданной Холмогорской летописи, стр. 452. Об обряде принесения шерти см. остяцкую шерть 1484 г. (*С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. III, ч. 2. М., 1955, стр. 152; ПСРЛ, т. XXVI, стр. 276—277).

шений [49]. Самое главное состояло в том, чтобы не допустить поддержки Крымом Казани в неизбежном русско-казанском вооруженном конфликте.

Обстановка благоприятствовала миссии Наумова. В Литве в это время находился на положении полупленника-полусоюзника злейший враг Менгли-Гирея хан Большой орды Ших-Ахмет. Это вызывало явное неудовольствие в Крыму. В августе 1505 г. большой набег на земли Великого княжества Литовского совершил старший сын крымского царя Мухаммед-Гирей с братьями. Его «загоны» (передовые отряды) доходили до Вильно и Минска [50].

Особую роль в предстоявшей игре должен был сыграть брат Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа царевич Куйдакул, находившийся в это время на Руси под присмотром архиепископа Ростовского. По рассказу летописца, Куйдакул обратился к митрополиту с просьбой о крещении и 21 декабря 1505 г. принял православную веру, получив при этом имя Петра. 28 декабря он принес присягу на верность Василию III и был выпущен из «нятства» [51].

Чтобы прочнее удержать новообращенного царевича, великий князь 25 января 1506 г. женил его на своей сестре Евдокии. В качестве удела царевич Петр получает Клин, Городен и пять сел у Москвы «на приезд». Впрочем, уже через год с небольшим (в феврале 1507 г.) Клинским уездом распоряжается сам московский государь [52].

Царевич Петр становится самой удобной фигурой претендентов на казанский престол. В случае успешного завершения предполагавшейся Казанской войны царевич Петр мог стать своего рода казанским удельным князем.

Свадьба царевича была только одним из матримониальных мероприятий Василия III. 8 апреля 1506 г. он выдает замуж за князя Василия Семеновича Стародубского «своякиню» (сестру своей жены) Марью Сабурову [53]. В условиях

---

[49] ПСРЛ, т. VI, стр. 50—51.

[50] *Pułaski*, str. 92—93.

[51] СГГД, ч. I, № 145 стр. 401—403.

[52] ПСРЛ, т. IV, стр. 468, 536; т. VI, стр. 51, 244—245; *Герберштейн*, стр. 145—146; АЗР, т. I, № 40, стр. 60. Кто выдал жалованную грамоту 17 июля 1506 г., остается неясным («Археологический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 202).

[53] РК, стр. 16.

осложнившейся восточной политики московский государь решил примириться с двоюродным братом казненного в 1499 г. князя С. И. Ряполовского, тем более что сам В. С. Стародубский был уже достаточно хорошо известен как один из военачальников успешного Казанского похода 1487 г.[54]

Стремясь обеспечить себе спокойный западный тыл, Василий III продолжал длительные, но бесперспективные переговоры с литовскими послами. Прибывший с посольством в Москву 15 февраля 1506 г. витебский наместник Юрий Глебович настаивал на возвращении «литовских» городов и полоняников. В ответ на это Василий III отправил в Вильно Ф. С. Еропкина с повторным требованием не «нудить» (принуждать) Елену Ивановну (свою сестру, жену Александра Казимировича) к переходу в католичество[55].

Примерно в это время готовился мирный договор со старым союзником России Данией, который должен был подтвердить соглашение 1493 г.[56] Дания в то время была крайне заинтересована в русском союзнике, ибо ей приходилось вести сложную борьбу с ганзейскими городами, Швецией и даже Империей[57].

Тем временем в апреле 1506 г. начался тщательно готовившийся казанский поход. Для участия в нем были привлечены не только конные ратники-дворяне, но и вспомога-

---

[54] В этом походе В. С. Стародубский вместе со своим братом Федором Хрипуном возглавлял конную рать (РК, стр. 21). В походе на Казань в 1506 г. участвовали три брата Ряполовские: Василий Мних, Петр Лобан и Федор Стрига Семеновичи (РК, стр. 37).

[55] ПСРЛ, т. VI, стр. 54; Сб. РИО, т. 35, стр. 479—480. Василий III отправил Елене Ивановне письмо еще 7 февраля 1506 г. (АИ, т. 1, № 287).

[56] *Щербачев*, № 2; *Г. В. Форстен*. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях (далее — *Форстен*). СПб., 1884, стр. 597—598. В ответ на визит датского представителя Давида фон Коккена и Иоанна Плага 17 июля 1506 г. Василий III послал к датскому королю своего гонца Истому с согласием на подтверждение договора (*Щербачев*, № 5). См. также грамоту Василия III королю Иоанну от 17 июля 1507 г. и ответ Иоанна (СГГД, ч. V, № 111—112). Об Истоме и о знакомстве с ним Герберштейна см.: *И. П. Шаскольский*. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии.— «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.». М.—Л., 1965, стр. 1—20.

[57] Подробнее см.: *Форстен*, стр. 169—170.

тельное войско-посоха, набиравшееся с черных земель[58]. Возглавлять русскую рать должны были князья Дмитрий Иванович Углицкий и Федор Борисович Волоцкий. Участвовали в походе великокняжеские воеводы (князь Ф. И. Бельский) и воеводы князя Юрия Дмитровского. Отсутствие обоих главных политических фигур на Руси — Василия и Юрия — очень многозначительно. Оно говорило о неустойчивом равновесии сил на политической арене, когда великий князь не рисковал сам покинуть столицу и еще менее склонен был доверить командование огромной армией своему главному политическому противнику.

Основная часть русских войск двинулась по Волге на судах, но одновременно с нею по берегу направилась конная рать князя Александра Владимировича Ростовского. 22 мая судовая рать была уже под Казанью. О ходе событий, разыгравшихся у стен столицы Казанского ханства, достаточно ясных сведений сохранилось сравнительно мало. Официальная версия была довольно определенной. Еще до прибытия под Казань войск А. В. Ростовского татары, пользуясь небрежением русских воевод, разбили войско Дмитрия Жилки, а многих воинов потопили в Поганом озере. Как только весть об этом достигла Москвы (9 июня), под Казань отправилось подкрепление во главе с князем В. Д. Холмским; в составе его были отряды татарских царевичей Сатылгана и Джаная, находившихся на русской службе. Одновременно воеводам был послан строгий наказ не начинать осаду города до прибытия полков Холмского.

Все же после подхода конной рати князя А. В. Ростовского (22 июня) воеводы решили начать штурм Казани. Причем «на первом ступе (приступе.— *А. З.*) царь побежал, пометав весь живот, и москвичи учали грабити, и царь их многых тут побил, а иные в реце истопли»[59]. По краткой, но лаконичной официальной версии, воеводы «граду не успеша же ничтоже, но сами побеждени быша от татар»[60]. На самом

---

[58] В грамоте от 1 июня 1506 г., адресованной на Двину, Василий III сообщал, чтоб зимой там собирали «посошных людей Двинские земли на нашу службу с сохи по человеку, а у дву человек лошед». Позднее они были от службы отставлены (Э, л. 35—35 об.).

[59] ПСРЛ, т. IV, стр. 468.

[60] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 339.

же деле произошел страшный разгром [61]. Об этом сообщают уже неофициальные источники. Убиты были воеводы князья М. Ф. Курбский (отец будущего выдающегося деятеля середины XVI в. князя Андрея) и Ф. Палецкий, а также Д. В. Шеин, взятый ранее в полон казанцами. По одним данным, было разгромлено русское войско в 50 тыс. человек [62], а по другой версии — из 100 тыс. воинов осталось всего 7 тыс. Мухаммед-Эмин писал, что в русской сухопутной рати было 60 тыс., а с Дмитрием послано 50 тыс. человек [63]. Эти цифры нам представляются очень преувеличенными.

Князь Дмитрий Жилка отступил к Нижнему. За отрядами «царевича» (Сатылгана) и Ф. М. Киселева Мухаммед-Эмин послал погоню, но за 40 верст от Суры она была разбита.

Казанская неудача разрушила на время замыслы Василия III. Она показала, что удельные братья великого князя являются серьезным препятствием на пути создания могущественного государства, способного осуществить реализацию широких внешнеполитических акций. Отныне ни один из важнейших походов не будет возглавляться ими. Поражение под Казанью создавало и в Литве иллюзорное представление о слабости России, что осложняло отношения Василия III со своим западным соседом. Сам же победитель, Мухаммед-Эмин, понимал временный характер своих успехов и стремился только к тому, чтобы добиться сохранения завоеванных позиций, и не помышлял о дальнейшем развитии успехов.

---

[61] См. также: ПСРЛ, т. IV, стр. 536; т. VI, стр. 51—52, 245; УЛС, стр. 103; *Лурье*, стр. 444; РК, стр. 36—37; *Никольский*, стр. XII; *Вельяминов-Зернов*, стр. 196—204; *Герберштейн*, стр. 146—147; *Stryjkowski*, str. 328.

[62] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 215—216; АЗР, т. II, № 15.

[63] КИ, стр. 62—63; *Pulaski*, str. 294.

ОТНОШЕНИЯ С ЛИТВОЙ И ВОССТАНИЕ МИХАИЛА ГЛИНСКОГО

Кто знает, как бы развернулись в дальнейшем события, если б судьба на этот раз не была благосклонной к великому государю всея Руси. Прежде всего порадовал Василия III успех миссии к Менгли-Гирею. 1 августа 1506 г. в столицу прибыли вместе с Наумовым крымские послы Казимир Кият и Магметша. Они после небольшой заминки присягнули на «шертных грамотах» в дружбе с Москвой [1]. Проблема Крыма, казалось, была решена.

Вскоре после этого пришла нежданная весть. В ночь на 20 августа умер великий князь литовский Александр. Как брат вдовы Александра, Василий III надеялся на возможность избрания его великим князем Литовским, тем более что в Литве существовала большая и влиятельная группа православных магнатов русского происхождения, на поддержку которых можно было рассчитывать. В августе того же 1506 г. московский государь направляет гонца Ивана Кобякова Наумова к своей сестре с просьбой принять меры, чтобы епископ Виленский и паны «похотели его государства». Аналогичного содержания грамоты посланы были самому епископу, Николаю Радзивиллу и всей Литовской раде [2]. Однако

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 51—52, 245—264; т. VIII, стр. 247; т. XXVI, стр. 298; т. XXVIII, стр. 339—340. Послы Менгли-Гирея отпущены были в Крым с окольничим К. Г. Заболоцким в декабре того же года.

[2] Сб. РИО, т. 35, стр. 481—482; ПСРЛ, т. VI, стр. 52; *А. Б. Кузнецов*. К вопросу о борьбе Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в.— «Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Серия историческая», вып. 27. Саранск, 1964, стр. 27—29.

планы Василия III не сбылись. Глава литовско-русской партии князь Михаил Львович Глинский сам рассчитывал занять великокняжеский престол. Более влиятельная литовская католическая знать, опасаясь властного князя Михаила, предпочла брата умершего великого князя Александра Сигизмунда, элекция которого состоялась 20 октября [3].

В центре Европы для России складывалась благоприятная ситуация. Готовясь к решительной борьбе с венгерскими магнатами и горожанами, не желавшими признавать прав Габсбургов на венгерскую корону, император Максимилиан стремился упрочить союз с Русским государством, наметившийся еще при Иване III. Он вспомнил русско-имперский дововор 1491 г., согласно которому Россия обязывалась помочь Империи в борьбе с венгерским королем Владиславом Ягеллончиком, а та в свою очередь изъявляла готовность выступить против русского «недруга» — польского короля и великого князя Литовского. На престоле в Литве находился родной брат Владислава. Для Василия III наибольший интерес представлял, конечно, последний пункт старого договора.

В октябре 1506 г. в Москву прибыло посольство Максимилиана, возглавлявшееся Юстусом Гартингером. Миссия носила характер дипломатического зондажа. Официально переговоры велись главным образом о ливонцах, попавших в русский плен в ходе войны 1500—1503 гг.[4] Василий III соглашался удовлетворить просьбу Максимилиана, ходатайствовавшего об освобождении ливонцев, но обставлял согласие такими оговорками, которые сводили его на нет. Он готов был отпустить ливонских полоняников, но при условии, если ливонцы «отстанут» от Литвы, т. е. разорвут с нею союзнические отношения. Реальный же шаг, на который пошел московский государь, — это освобождение из темницы одного из крупнейших литовских военачальников — князя Константина Острожского, попавшего в плен в 1500 г. В тот же день, когда Василий III направил Максимилиану грамоту о полоняниках (18 октября), князь Константин принес при-

---

[3] *Wojciechowski.* Zygmunt Stary (1506—1548). Warszawa, 1946, str. 21.

[4] ПДС, т. I, стб. 139—150; Русско-ливонские акты (далее — РЛА). СПб., 1868, № 299; *Übersberger,* S. 64—65.

сягу в службе московскому государю «до живота» [5]. Однако Острожский, видимо, и не собирался выполнить присягу, ибо уже на следующий год, воспользовавшись началом русско-литовской войны, бежал из России [6]. Какие-то сношения в этот период были и с Италией. В 1505/06 г. в Москву приезжал «из Италийских стран» Андрей Траханиот [7].

Наконец, давнишние связи московских князей с балканскими единоверцами также возобновились уже в первые годы правления Василия III.

Сношения России с афонскими монастырями оживились еще в конце XV в.[8] Но наиболее тесными они стали в первую половину правления Василия III. Ревностный защитник правоверия, сын греческой царевны, великий князь всея Руси поддерживал у греческих монахов надежду на постоянную помощь со стороны России. В ноябре 1506 г. из Святогорского Пантелеймонова монастыря в Москву приходили дьякон Пахомий и монах Яков «милостыни ради». Получив 160 «златниц», они 9 мая 1507 г. отпущены были восвояси [9].

Самые драматические события развернулись в Литве. Коронация Сигизмунда фактически означала победу тех сил в Великом княжестве Литовском, которые решились идти

---

[5] СГГД, ч. V, № 51, стр. 34—35; ч. I, № 146, стр. 403. До того времени он находился в заточении на Вологде (РИБ, т. 31, ст. 342).

[6] ПСРЛ, т. XVII, ст. 185, 289, 344 (25 сентября); *Stryjkowski*, str. 345.

[7] Сб. РИО, т. 35, стр. 480. Н. Н. Бантыш-Каменский говорит, что А. Траханиот в 1506 г. посылался в Рим (*Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. 2. М., 1896, стр. 233).

[8] Еще в 1496 г. в Москве побывали игумен и три старца Пантелеймонова монастыря (ПСРЛ, т. VIII, стр. 333). В 1499 г. Иван III выдал жалованную грамоту на свободный проезд в Россию монахам того же монастыря (ЦГАДА, ф. 197, портф. 2, д. 33; *Н. В. Синицына.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей, стр. 216). По мнению М. Н. Тихомирова, «русский Пантелеймонов монастырь окончательно делается патрональной обителью московских царей» (*М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — «Славянский сборник». М., 1947, стр. 182). Вывод этот слишком категоричен, но тесная связь с Россией Пантелеймонова монастыря очевидна.

[9] ПСРЛ, т. VI, стр. 52; т. VIII, стр. 247; т. XIII, стр. 4—5; т. XXVIII, стр. 340; ИЛ, стр. 151.

на открытый разрыв с Россией. Сигизмунд, короновавшийся 20 января 1507 г., видел в Василии III своего личного врага, претендовавшего на литовский трон. Это обостряло и без того натянутые русско-литовские отношения. В такой обстановке литовский сейм в феврале 1507 г. принял решение начать войну со своим восточным соседом [10].

В начале 1507 г. великому князю Литовскому после длительных переговоров удалось заручиться поддержкой Крыма и Казани в предполагавшейся войне с Россией [11]. На его коронации в Вильно присутствовали послы как Менгли-Гирея, так и Мухаммед-Эмина. Поход 1506 г. на Казань оттолкнул Крым от Москвы и создавал какие-то иллюзии у литовского великого князя и его союзников о возможности успешной вооруженной борьбы с Россией.

В феврале—марте к ливонскому магистру Вальтеру фон Плеттенбергу от Сигизмунда было отправлено посольство с предложением военного союза против России [12]. Но осторожный магистр занял выжидательную позицию, отлично сознавая по печальному опыту недавнего прошлого мощь Русского государства. К тому же и Тевтонский орден, враждебный Польше, настоятельно советовал Плеттенбергу воздержаться от военных авантюр, особенно в союзе с польским королем и великим князем Литовским [13].

В самой России Сигизмунд рассчитывал на поддержку со стороны недовольного Василием князя Юрия, к которому от великого князя Литовского были засланы весной 1507 г. «тайные речи» с предложением союза. В них, в частности, Сигизмунд писал: «Слухи до нас дошли, што многие князи и бояре, опустивши брата твоего, великого князя Василия Ивановича, к тобе пристали» [14]. Но дмитровский князь пони-

---

[10] АЗР, т. II, № 12, стр. 8—10; *М. Любавский.* Литовско-русский сейм. М., 1900, стр. 174.

[11] АЗР, т. II, № 11, стр. 8; ЦГАДА, ф. Литовской метрики, д. 7, 17—29; *И. Малиновский.* Сборник, ч. 2, № XIX, XXIII; Сборник кн. Оболенского, № 1. М., 1838, стр. 20—40 и др. См. также *Pułaski,* str. 105—115, 291—300. Именно к этому времени относится ярлык хана Менгли-Гирея, ошибочно датированный 1506 г. (АЗР, т. II, № 6).

[12] АЗР, т. II, № 15, стр. 13—14.

[13] См. письмо гроссмейстера Ордена Плеттенберга от 7 декабря 1507 г. (РЛА, № 300).

[14] АЗР, т. II, № 19, стр. 21.

мал возможные последствия изменнических сношений с Литвой и никакого ответа Сигизмунду не дал.

Не терял времени даром и Василий III. Прежде всего он обратил основное внимание на укрепление западных и восточных рубежей, и особенно на создание мощных крепостей, которые могли бы сдержать натиск неприятеля, а в подходящий момент и явиться опорными пунктами для наступления на врага. Возможно, около 1506—1507 гг. начато было строительство каменного кремля в Туле. В начале 1507 г. приступили к сооружению новых укреплений в крепостной стене Иван-города, построенного еще во время Ливонской войны начала XVI в. Строителями их были Владимир Торокан (Тараканов) и Маркус Грек [15]. В 1507/08 гг. возведен был новый участок каменной стены во Пскове (у Гремячей горы) [16]. Весной 1508 г. «фрязином» Петром Френчужком был заложен каменный кремль в Нижнем Новгороде [17].

Понимая необходимость привлечения союзников для борьбы с Литвой и Казанью, Василий III 13 апреля 1508 г. посылает к ногайцам Темира Якшенина, который должен был восстановить их против Сигизмунда ссылкой на то, что великий князь Литовский держит в плену Ших-Ахмета [18]. Переговоры затянулись и реальных результатов не дали. Прибывшие в Москву в августе ногайские послы просили для своего хана в качестве компенсации за союз с Россией Казань или по крайней мере Городец (Касимов). На это московский государь не согласился [19].

Тем временем события развивались со стремительной быстротой. Великий князь Литовский отлично понимал, что время работает не на него, что внутренние и внешнеполитические позиции Василия III могут укрепиться. Поэтому он

---

[15] *В. В. Косточкин.* Крепость Иван-город.— «Материалы и исследования по археологии СССР» № 31. М., 1952, стр. 296.

[16] ПЛ, вып. 1, стр. 92; вып. 2, стр. 225, 292.

[17] ПСРЛ, т. VI, стр. 247; т. XIII, стр. 8; УЛС, стр. 103; *Герберштейн*, стр. 102—103. Тверская башня в Нижнем заложена была еще в 1500 г. 1 сентября 1508 г. заложена была П. Фрязиным Дмитриевская стрельница (*М. Н. Тихомиров.* Краткие заметки... стр. 158). В конце 1508/09 г. писец Г. Заболоцкий описывал земли в Нижнем (Нижегородский летописец, стр. 30).

[18] Сб. РИО, т. 95, стр. 1—18.

[19] ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 248; т. VIII, стр. 249; т. XIII, стр. 9; т. XX, стр. 388; т. XXI; стр. 586; т. XXVIII, стр. 342; ИЛ, стр. 153.

решил пойти на скорейшее развязывание войны с Россией. В марте 1507 г. в Москву прибыло посольство Яна Радзивилла и Богдана Сопежича. Оно снова поставило вопрос о возвращении земель, перешедших к России в ходе последних войн с Литвой [20]. Это требование носило по существу ультимативный характер и имело своей целью в случае отказа представить Россию инициатором новой войны. Конечно, никаких позитивных результатов в ходе переговоров достигнуто не было.

Удачно складывались отношения России с Казанью. В том же месяце Москву посетило посольство Мухаммед-Эмина с просьбой о мире. Условием мирных отношений Василий III поставил отпуск на свободу задержанного казанцами М. Кляпика. Оно было выполнено. Тогда 8 сентября в Казань из Москвы направилось большое посольство во главе с окольничим И. Г. Морозовым, которое должно было привести к присяге Мухаммед-Эмина. Свою миссию оно успешно выполнило и в январе 1508 г. вернулось в столицу Русского государства [21].

Военные действия России с Литвой начались к марту 1507 г. Первоначально они носили характер мелких пограничных стычек. Это была, так сказать, разведка боем. Из Мстиславля «королевские люди» нападали на окрестности Брянска. Литовские воеводы сожгли также Чернигов [22]. В отместку за эти набеги Василий III послал «из Северы» в июле на Литву князя Ф. П. Сицкого, а из Дорогобужа — князя И. М. Телятевского [23].

Во исполнение литовско-крымского соглашения летом 1507 г. крымские мурзы пришли под Белев, Одоев и Козельск. Получив об этом известие, великий князь решил укрепить южные окраины страны и послал в Белев войска князя И. И. Холмского и К. Ф. Ушатого. К ним должны были присоединиться князья И. М. Воротынский и В. С. Одоевский, а также козельский наместник князь А. И. Стригин.

---

[20] ПСРЛ, т. VI, стр. 52; ИЛ, стр. 150, 199; АЗР, т. II, № 16, 18 (ошибочно — март, надо — ноябрь 1507 г.); Сб. РИО, т. 35, стр. 482—483; Сборник кн. Оболенского, № 1, стр. 102—105.

[21] ПСРЛ, т. VI, стр. 52—53, 246—248; т. VIII, стр. 247—248.

[22] Сб. РИО, т. 35, стр. 483; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 216.

[23] РК, стр. 38. В июне Василий III направил новую грамоту своей сестре Елене Ивановне (АЗР, т. II, № 22).

Выйдя из Воротынска, воеводы 9 августа разбили татар на Оке и гнали их до реки Рыбницы[24]. Тылам крымских войск стали угрожать ногайцы. В такой обстановке мурзы отступили.

14 сентября к Мстиславлю отправлены были полки князя В. Д. Холмского и Якова Захарьина. Поход не дал существенных результатов. Были сожжены только посады под городом. Во время военных действий у Кричева был застрелен видный военачальник М. В. Образцов. Вместе с В. Д. Холмским должны были действовать полки князей В. Шемячича и В. Стародубского[25].

В то время как Сигизмунд рассчитывал на несогласия между Василием III и его братьями, конфликт назревал в самом Великом княжестве Литовском. Спутал все карты Сигизмунда человек незаурядной воли, огромного честолюбия и энергии — князь Михаил Львович Глинский. Биография этого соперника Сигизмунда была необычной. 12 лет он прожил в Италии, принял здесь католичество. В 1489 г. он прославился ратными подвигами в армии саксонского курфюрста Альбрехта (позднее на Руси Глинский получил даже прозвище Немец)[26]. Другом князя Михаила был сын Альбрехта магистр Тевтонского ордена Фридрих.

Вернувшись после странствий по Франции и Испании в Литву в начале 90-х годов XV в. Глинский вскоре становится заметной фигурой в окружении великого князя Александра. В 1499 г. он уже «маршалок дворский», т.е. глава придворной гвардии, в 1501—1505 гг.— наместник бельский. Один его брат, Иван, с 1505 г. сидел на киевском воеводстве, другой, Василий, держал в своих руках староство Берестейское, а в 1501—1505 гг. был наместником в Василишках[27]. Едва ли не половина Великого княжества находилась к 1506 г. под властью Глинских. Поговаривали даже, что

---

[24] ПСРЛ, т. VI, стр. 246; Э, л. 37 об.; *Pułaski*, str. 118—120. Возможно, этот поход Мухаммед-Гирея на «рязанские места», а потом в Ногаи упоминали русские дипломаты в 1517 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 521).

[25] ПСРЛ, т. VI, стр. 52, 246—247; т. VIII, стр. 248; РК, стр. 38—39.

[26] *Герберштейн*, стр. 168.

[27] *O. Backus*. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow 1377—1514 (далее — *Backus*). Laurence, 1957, p. 139—140.

великий князь Александр все свои решения принимал только с согласия Михаила Глинского [28].

Победа над крымскими татарами под Клецком, которую одержал Глинский в 1506 г. за две недели до смерти Александра, укрепила его положение при дворе. Вместе с тем она вызвала все возраставший прилив страха у противников князя Михаила, главным из которых был Ян Заберзинский, маршалок земский и воевода троцкий. О Глинском распространились самые невероятные слухи. (В частности, что он хочет захватить с русской помощью великокняжеский престол.) Страх перед Глинским и заставил Литовскую раду поспешить с избранием Сигизмунда на великое княжество. Да и сам Сигизмунд одним из первых своих распоряжений отобрал у князя Михаила чин маршалка, а вместо Киевского воеводства дал его брату Ивану Новгородское (в январе 1507 г.) [29].

Назревало открытое столкновение. Основной движущей силой движения против Сигизмунда должно было сделаться русское население Великого княжества. Склонялась к восстанию и известная часть магнатства [30]. Наконец, и Менгли-Гирей готов был поддержать скорее князя Михаила, чем Сигизмунда (Глинский был знаком ему еще по посольству в Крым в 1493 г.) [31]. Вел Глинский переговоры и со Стефаном, господарем Волосским [32].

Планы выступления против Сигизмунда вынашивались Глинским еще летом 1507 г.[33] Началось же восстание сразу после отъезда Сигизмунда из Литвы на сейм в Краков нападением на двор Заберзинского, который 2 февраля 1508 г. был убит. После совещания в Новгородке Глинские решили двигаться на Вильно, по пути захватив находившегося в Ковно (Каунасе) Ших-Ахмета (на его выдачу крымцам рассчитывал Менгли-Гирей) [34]. План этот, однако, осуществить не удалось.

---

[28] «Acta Tomiciana», t. I, N VIII, p. 16.

[29] АЗР, т. II, № 7.

[30] ПСРЛ, т. XVII, стр. 402; *Stryjkowski*, t. II, str. 346.

[31] *И. Малиновский.* Сборник, ч. 2, № XXIV; *Pułaski*, str. 97—98.

[32] «Новое о восстании...», стр. 71.

[33] О нем см. в грамоте кн. Елене Ивановне от июня 1507 г. (АЗР, т. II, № 22); ср. также письмо кн. Михаила Василию III от апреля 1507 г. (там же, № 20).

[34] АЗР, т. II, № 33, 41; *Pułaski*, str. 126—128.

Центром движения стала Туровщина — цитадель Глинских в Великом княжестве Литовском. В Турове Глинские пробыли три недели. Именно сюда, желая выиграть время, послал Сигизмунд для переговоров с Глинскими «пана своего радного, мячничего» Яна Костевича с обещанием Глинским «всякую управу учинити в их делах с литовскими паны». Но князь Михаил с братьями соглашался вести переговоры только с виднейшим литовским магнатом Альбрехтом Мартыновичем Гаштольдом и сообщил Сигизмунду, что будет ждать его лишь до Соборного воскресенья (12 марта).

Узнав о событиях, происшедших в Литве, Василий III спешно направил в Туров для переговоров с Глинскими своего дьяка Никиту Губу Моклокова, прекрасного знатока русско-литовских отношений [35]. Губа передал Глинским предложение великого князя всея Руси перейти на русскую службу. Так как в указанный срок ответа от Сигизмунда не последовало, князь Михаил и его братья сочли себя свободными от обязательств по отношению к великому князю Литовскому и, сославшись на предложение Василия III, направили к нему грамоту с просьбой принять в русское подданство и поддержать их в борьбе с Сигизмундом. После этого Глинские двинулись из Турова в глубь Великого княжества Литовского. Им отворил ворота Мозырь, где воеводой был Якуб Ивашенцев, зять Михаила Глинского [36]. В это время к мятежным князьям прибыл посол от Менгли-Гирея с предложением перейти на крымскую службу и с обещанием ни мало ни много, а самого... Киева. Но Глинские предпочитали реальную поддержку Москвы призрачным посулам крымского хана. Тем более что вернувшийся из поездки в Москву Губа привез благоприятный ответ Василия III на просьбу Глинских и сообщение о посылке войска Василия Шемячича им в подмогу. Московский государь обещал оставить за ними все те города, которые они сумеют захватить у Сигизмунда. После этого в мае 1508 г. Глинские принесли присягу на верность Василию III.

---

[35] «Новое о восстании...», стр. 70—77, 73. Он побывал с посольством в Литве еще в 1503 г., а в 1507 г. вел переговоры в Москве с литовскими послами (Сб. РИО, т. 35, стр. 327, 413, 483 и др.).

[36] По родословным, женат на двоюродной сестре кн. Михаила. См. также: *И. Малиновский*. Сборник, ч. 2, № XIX, стр. 123—124; *Pułaski*, str. 251, 296, 298.

Пока шли переговоры, князь Михаил Глинский, оставив в Мозыре своего брата Ивана с князем Андреем Александровичем Дрождем, в начале апреля подошел к Клетцку и взял этот важный город. Сюда прибыли новый посол Василия III, его доверенный человек И. Ю. Шигона Поджогин, а также посол от господаря Волошского Стефана «о дружбе и о суседстве». Брат Михаила Василий во второй половине марта, действуя в районе Киева, осадил Житомир и Овруч.

Тем временем, выйдя 10 марта из Москвы, главное русское войско Якова Захарьича (по некоторым данным, оно насчитывало 50—60 тыс. человек) двумя колоннами направилось к Смоленску. К Полоцку из Великих Лук шли новгородские войска князя Даниила Васильевича Щени и Григория Захарьича. Под Оршей оба войска соединились, но дальше на Литву не продвинулись.

Из Северской земли в мае вышли войска князей Василия Шемячича, Ивана Семеновича Одоевского и Ивана Михайловича Воротынского. Наконец, к самому Михаилу Глинскому спешно выслан был небольшой отряд князя А. Ф. Аленки Олабышева с муромцами [37].

Одной из первостепенных задач восставших было взятие крупнейших белорусских городов Минска и Слуцка. К Минску князь Михаил сначала направил отряды под командованием князя Дмитрия Жижемского, а после Троицы (11 июня) и сам вышел туда из Клетцка. Вскоре подошли и войска Василия Шемячича со стороны Бобруйска, а затем 12 июня к Слуцку на Березину двинулись полки князя Андрея Дрождя. Передовые отряды князя Андрея Трубецкого и воеводы Глинских князя Андрея Лукомского отправлены были в разведывательный рейд к Новугородку Литовскому.

Под Минском соединенное войско стояло две недели, «и к городу приступали и ис пушак били, а землю воевали мало не до Вильны». К Минску прибыл новый посол Василия III Юрий Замятнин с сообщением о движении рати Д. Щени и Я. Захарьича.

Несмотря на неоднократные приступы, хорошо укрепленный Минск взять не удалось. Неудача постигла восставших и под Слуцком. Основной причиной неуспехов Глинских бы-

[37] РК, стр. 39; Э, л. 38.

ли не прочные стены городов-крепостей, а то, что княжата не захотели использовать народное движение белорусов и украинцев за воссоединение с Россией, предпочитая опираться на сравнительно небольшую группу своих православных сторонников из крупной знати. Так, из-под Минска М. Глинский и В. Шемячич двинулись к Друцку, где Василию III «князи друцкие здалися и з городом и крест целовали, что им служити великому князю» [38]. Но самовластные действия Глинского и страх перед крестьянским движением отшатнули от него тех представителей магнатства и шляхты, которые поначалу ему сочувствовали.

Положение правящих кругов Литовского княжества оставалось серьезным. Нужны были решительные меры. Не теряя времени, Сигизмунд устремился в Литву. В конце мая он уже в Бресте, затем направился в Слоним (середина июня), а потом к Минску.

Не поддержал в решительную минуту Глинского и Менгли-Гирей, отправивший свои войска в район новгород-северских земель, т. е. в тыл русским полкам [39]. Впрочем, крымцев несколько сдерживало то обстоятельство, что в апреле Василий III направил к ногайцам посольство для заключения союза против Менгли-Гирея. Поэтому Менгли-Гирей опасался действий ногайцев в собственном тылу [40].

В середине июля крупные соединения войск Сигизмунда вышли на берег Днепра у Орши, которую осаждали московские и новгородские полки и пришедшие сюда из-под Минска и Друцка войска М. Глинского и В. Шемячича [41]. Артиллерийский обстрел города не принес никакого результата. С 13 по 22 июля обе армии стояли друг против друга, после чего русские полки отошли сначала к Мстиславлю и Карачеву, а затем к Вязьме. Василий Шемячич направился в свою «отчину». Крупные русские соединения были посланы в Дорогобуж. В начале сентября 1508 г. Д. В. Щеня привел к присяге Торопец, а В. Д. Холмский «с товарищи» из Вязьмы выслал передовой отряд М. В. Горбатого к Дорогобужу,

---

[38] «Новое о восстании...», стр. 71.

[39] *А. Б. Кузнецов.* К вопросу о борьбе Русского государства... стр. 35.

[40] Сб. РИО, т. 95, стр. 1—10.

[41] Яков Захарьич с полками находился под Дубровною («Новое о восстании...», стр. 71).

который литовцы покинули [42]. Для строительства в Дорогобуже деревянного кремля туда из Москвы были посланы мастера-«фрязе» Варфоломей и Мастробан.

Узнав о движении короля к Минску, М. Л. Глинский бежал в Москву, где рассчитывал договориться с Василием III об эффективной военной помощи своему движению. Своих сторонников (князей Д. Жижемского, И. Озерецкого и А. Лукомского) и «казну» он оставил в Почепе. С 10 по 20 августа М. Глинский вел переговоры в Москве, после чего с небольшим отрядом направился на театр военных действий [43]. Увидев, что восстание М. Глинского не имело успеха, Василий III отказался от мысли о продолжении бесперспективной войны с Великим княжеством Литовским.

Итак, в ходе восстания 1508 г. воссоединение украинских, русских и белорусских земель с Россией не было завершено, несмотря на то что местное население сочувственно относилось к этой идее. Причина этого кроется в княжеско-аристократической политике самого князя М. Глинского и в том, что условия воссоединения в полной мере тогда еще не вызрели.

28 августа 1508 г. Василий III послал императору Максимилиану грамоту, в которой сообщал о принятии под свое покровительство Михаила Глинского [44]. В грамоте выражалось пожелание заключить договор с Империей, который бы предусматривал совместные военные действия против Сигизмунда.

В конечном счете на службу к Василию III перешли сам

---

[42] Возможно, еще ранее (в конце 1507 — начале 1508 г.) кн. П. С. Ряполовский ставил на Белой город «от Литвы» (УЛС, стр. 103). Впрочем, датировка этого события сбивчива.

[43] ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 247; т. VIII, стр. 299; УЛС, стр. 103; «Новое о восстании...», стр. 70—73; *Герберштейн*, стр. 168, 169; *А. Б. Кузнецов.* К вопросу о борьбе Русского государства... стр. 28—40; *J. Decjusz.* Księga za czasay króla Zygmunta (далее — *Decjusz*). W., 1960, str. 28—29, 33—39; *Stryjkowski,* str. 342—343; *Pułaski*, str. 129—137; 331—336; *S. Herbst.* Wojna Moskiewska 1507—1508 r. (далее — *Herbst*).— „Księga ku czci Oskara Haleckiego". W., 1935, str. 29—54; *Е. И. Кашпровский.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522) (далее — *Кашпровский*).— «Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине», т. II. Нежин, 1899, стр. 173—203.

[44] СГГД, ч. V, № 52, стр. 35—36.

М. Л. Глинский, его братья Василий Слепой, Иван и Андрей Дрождь. Сам князь Михаил получил при этом в вотчину Малый Ярославец (находившийся за В. Шемячичем) и Боровск «в кормление», князь Василий — Медынь [45].

Вместе с Глинским русское подданство приняли также князь Иван Озерецкий, князья Дмитрий и Василий Жижемские, Андрей Александров, Иван Матов, Семен Александров, князь Михаил Гагин, князь Андрей Друцкий, Иван Козловский, Петр Фурс с братом Федором, Якуб Ивашенцев, Семен Жеребячичев и др.[46]

Все они прочно вошли в состав московского двора, но именовались вместе с родичами еще в середине XVI в. «литвой дворовой» [47]. Интересна судьба «королевского дворянина» Якуба Ивашенцева. Еще в 1506 г. он посылался с каким-то дипломатическим поручением из Литвы к Менгли-Гирею. По словам московских дипломатов, он был «в вожах» у Мухаммед-Гирея в его набеге 1507 г. на русскую землю [48]. Во время восстания Глинского он отворил ему двери Мозыря. Поэтому, наверно, Сигизмунд позднее (в 1509 г.) так настаивал на его выдаче русскими властями под предлогом

---

[45] Это были старинные удельные земли. Малый Ярославец принадлежал Михаилу Андреевичу Верейскому. Медынь была у Юрия Васильевича Дмитровского, а Боровск находился у князя Василия Ярославича до его «поимания» в 1456 г.

[46] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 46, л. 421 об. — 422 об.; *Карамзин*, т. VII, № 40; «Новое о восстании...», стр. 72—73. О Семене Жеребячичеве см.: Сб. РИО, т. 35, стр. 493—494.

[47] Дети Андрея Ивановича Александрова Алешка, Федор и Васюк были в составе «литвы дворовой» по Можайску (Тысячная книга, стр. 187). Сын Андрея Друцкого входил в «литву дворовую» по Костроме и Серпухову (там же, стр. 150, 164). Федор Андреев Фурс служил в составе «литвы дворовой» по Переяславлю (там же, стр. 141). Князья Иван и Федор Семеновичи Козловские числились среди детей боярских по Романову (там же, стр. 145). По Юрьеву среди «литвы дворовой» служили сын Семена Жеребячичева Александр с детьми, а также Карпик Иванов Жеребячичев. Здесь же служил и сын Ивана Матов Тимошка (там же, стр. 152—153). Сын М. Гагина Василий находился в списке «литвы дворовой» по Медыни (там же, стр. 206). Дети Жижемских не считались «литвою дворовой». Дмитрий Михайлович и Семен Данилович служили «из Суздаля» (там же, стр. 120), а Михаил Васильевич — по Ярославцу, где, кстати сказать, служил и Богдан Федорович Глинский (там же, стр. 208).

[48] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 46, л. 422; *Pulaski*, str. 234—235; Сб. РИО, т. 35, стр. 521.

«отпуска» в Литву. Однако, очевидно, Якуб Ивашенцев не проявлял желания возвратиться в Великое княжество Литовское. Русское правительство много лет спустя с полным основанием заявляло, что Ивашенцев находится на московской службе (1522 г.). И действительно, в набег Мухаммед-Гирея в 1521 г. Якуб Ивашенцев служил вторым воеводой на Мокше, а в Казанском походе 1524 г. был вторым воеводой «с нарядом» [49].

Не обладая достаточными силами для успешного продолжения войны, Сигизмунд решил начать мирные переговоры с Василием III, используя для этой цели посредничество Елены Ивановны и своего брата Владислава Венгерского [50].

Военные действия 1508 г. не привели к решительному столкновению сторон. Сигизмунду на время удалось ликвидировать очаги беспокойства в Великом княжестве, и только. Не проявили должной активности также русские воеводы. Поплатился из них один — князь Василий Данилович Холмский, который еще в сентябре 1507 г. был послан во главе московской рати с Шемячичем и Стародубским «на литовские места», а в сентябре 1508 г., находясь в Можайске, получил распоряжение возглавить объединенную рать вместе с Яковом Захарьичем, отправленную к Вязьме [51]. Холмский был женат на сестре великого князя Василия Ивановича (февраль 1500 г.), поэтому занимал одно из самых видных мест при дворе. В ноябре 1508 г. В. Д. Холмский был «пойман», летом следующего года привезен в Белоозеро, где и умер [52]. В. Д. Холмский мог вызвать недовольство великого князя своей близостью к престолу и тем, что происходил из тверских княжат. Тверь же была цитаделью влияния политического противника Василия III — Дмитрия-внука. Так че-

---

[49] *Herbst*, str. 40; Сб. РИО, т. 35, стр. 490, 661; РК, стр. 66, 70.

[50] «Acta Tomiciana», t. I, appendix, N 18; *В. Бауэр.* Сношения России с Германией в конце XV — начале XVI столетий.— ЖМНП, 1870, № 3, стр. 798; *Е. Церетелли.* Елена Ивановна — великая княгиня русская, литовская, королева польская. СПб, 1898, стр. 311; *А. Б. Кузнецов.* К вопросу о борьбе Русского государства... стр. 39.

[51] РК, стр. 38, 42—43.

[52] ПСРЛ, т. VI, стр. 248; т. VIII, стр. 250. Г. В. Вернадский полагает, что Холмский поплатился за попытку действовать в пользу Дмитрия-внука. Но прямых данных в пользу этого предположения у нас нет (*G. Vernadsky.* Russia at the Dawn of the Modern Age. New-Haven, 1959, p. 138).

рез три года после вступления на престол Василий Иванович недвусмысленно заявил, что он не будет считаться ни с какими родственными связями в политике неуклонного укрепления престижа и реальных интересов своей династии.

19 сентября 1508 г. в Москву прибыло литовское посольство во главе с полоцким воеводой Станиславом Глебовичем. В результате переговоров 8 октября был подписан «вечный мир». Значение его состояло прежде всего в том, что Великое княжество Литовское впервые официально признало переход в состав России северских земель, присоединенных к Русскому государству в ходе войн конца XV — начала XVI в. События 1508 г. показали, что Сигизмунду следует больше думать о сохранении в составе Великого княжества Литовского остальных земель, входивших некогда в состав древнерусского государства, чем надеяться на возвращение утраченных владений [53]. 26 ноября в Литву отправилось посольство Григория Федоровича Давыдова, конюшего И. А. Челяднина, сокольничего М. С. Кляпика и дьяка Губы Моклокова [54]. После того как Сигизмунд подтвердил заключенный мир, они 1 марта 1509 г. вернулись в Москву. Через неделю (8 марта) в столицу Русского государства прибыл посол из Ливонии Иван Голдорн, который заключил 25 марта новое перемирие с Россией сроком на 14 лет [55]. Ливонский орден не только не поддержал Сигизмунда в его войне с Россией [56], но, выждав, чем эта война кончится, поспешил продолжить перемирие с могущественным восточным соседом. Магистр Ордена на горьком опыте недавнего прошлого отлично

---

[53] Территория уступленных Литве волостей (Вержавской и Буйгорода) была незначительной — 2500 кв. км (см. *Кашпровский*, стр. 203).

[54] ПСРЛ, т. VI, стр. 54, 248; т. VIII, стр. 249—250; АЗР, т. II, № 42—43; СГГД, ч. V, № 59; Сб. РИО, т. 35, стр. 485—487; *Decjusz*, str. 45; *Stryjkowski*, str. 350—352; Supplementum, N CXXXVIII—CXXXIX. Типографская летопись заключение мира датирует 15 января 1509 г. (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 216). В Вильно мир подписан 14 января.

[55] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 250; ПДС, т. I, стб. 156; СГГД, ч. V, № 40; Описи, ящик 166; стр. 34; Supplementum, N CXL.

[56] См. грамоту великого магистра Фридриха от 2 декабря 1507 г. ливонскому магистру с настоятельной рекомендацией не вступать в союз с Польшей против Москвы (Supplementum, N CXXIV).

понимал, что только мирные отношения с Россией могут предотвратить распад его государства. Вскоре после этого (31 марта) ко двору Василия III приехали послы от Сигизмунда, которым на этот раз удалось добиться возвращения пленных, взятых еще в битве при Ведроше [57].

Война 1508 г. в военно-стратегическом отношении была хорошим уроком. Она показала, что без взятия городов-крепостей одними опустошительными набегами достичь успеха невозможно. Перед правительством Василия III встала важная задача оснащения русской армии мощной артиллерией.

Правительство Василия III не считало войну 1508 г. решением вопроса о западнорусских землях и рассматривало «вечный мир» как передышку, готовясь к продолжению борьбы.

Не склонны были примириться с потерей северских земель и правящие круги Великого княжества Литовского. Время должно было показать, какая из сторон сумеет более разумно использовать представившуюся передышку.

---

[57] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 250; Сб. РИО, т. 35, стр. 488—489; АЗР, т. II, № 49.

ДЕЛА УДЕЛЬНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ

Успех в грядущей войне с Великим княжеством Литовским во многом зависел от того, какие меры предпримут Василий III и его окружение внутри страны для обеспечения целостности государства, создания боеспособной армии и укрепления рубежей. Эти задачи и пыталось решить русское правительство в ближайшие годы.

Лето 1508 г. выдалось жаркое, засушливое. Вспыхивали в городах частые пожары. В Москве 14 мая загорелся Большой посад у Панского двора, «и торг выгорел и до Неглимны по Пушечные избы и мало не до Устретения». 22 мая горело Чертолье и «Семчинское до Сполья» (Чертолье — район к западу от Кремля, Семчинское — в районе современной Метростроевской улицы). И вообще этим летом «много городов выгоре, такоже и сел, и лесов, и хлеба, и травы выгоре». В одном Новгороде выгорела вся Торговая сторона, «а людей сгорело 2700» [1]. Горел Ярославль. Прошло несколько месяцев, и 8 сентября в Ярославле снова возник пожар. На этот раз горел Спасо-Ярославский монастырь [2].

В самой столице весь 1508 г. не прекращались строительные работы. Еще весной «вкруг града Москвы» (Кремля) под руководством Алевиза Фрязина начали делать обложенный белым камнем и кирпичом ров, а со стороны Неглинной сооружали пруды. Ров проходил по Красной площади и со-

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 247; т. VIII, стр. 249; НЛ, стр. 64—65, 312—313. В Новгороде сгорело во время пожаров 20 августа 3315 человек. После пожара В В Бобру в Новгороде велено было «урядить» торги, ряды и улицы по-московски (ПСРЛ, т. IV, стр. 536).

[2] *А. Н. Насонов.* Материалы... стр. 253.

единял Москву-реку с Неглинной. Таким образом Кремль становился как бы укрепленным островом, со всех сторон окруженным водой. Вероятно, вскоре после пожара начали воздвигать каменную стену у Кремля со стороны Неглинной (от круглой «стрельницы», т.е. башни, к Никольским воротам). Тем самым заканчивались большие строительные работы по сооружению кремлевских стен, начатые еще в 1485 г.[3]

Не прекращалось и строительство храмов в Кремле[4].

Очевидно, весной же Алевизом завершено было строительство великолепного великокняжеского Архангельского собора и одноглавой церкви Рождества Иоанна Предтечи на месте первой московской церкви у Боровицких ворот (начатое еще 21 мая 1505 г.). Обе церкви были освящены соответственно 8 и 5 ноября 1508 г.[5] Построенный в духе древнерусских архитектурных традиций, Архангельский собор отразил и влияние венецианского зодчества эпохи Возрождения, особенно проявившееся во внешнем убранстве храма. Тогда же другой итальянец, Бон Фрязин, закончил сооружение двухэтажной колокольни Иоанна Лествичника. Ее возможным прототипом была аналогичная колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря (1495 г.)[6].

Той же весной (1508 г.) была украшена иконами и «подписана» домовая великокняжеская Благовещенская церковь в Кремле. Из-за своего яркого украшения церковь называлась златоверхой. Расписывал Благовещенский собор сын прославленного живописца Дионисия Феодосий Иконник. Он был одним из лиц, наиболее близких к Иосифу Волоцкому[7]. Поэтому в его росписи отчетливо прослеживаются две основные темы: первая — мотивы Апокалипсиса, т. е. воз-

---

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 247; т. XXX, стр. 140; «История Москвы», т. I. М., 1952, стр. 116.

[4] Еще в июне 1506 г. на месте деревянной церкви построена, а в октябре освящена каменная церковь Николы Гостунского (ПСРЛ, т. VI, стр. 52, 245).

[5] ПСРЛ, т. VI, стр. 53—54, 248; т. VIII, стр. 249—250. «Мощи» великих и удельных князей перенесены были в Архангельский собор еще 3 октября 1507 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 52—53, 247; т. VIII, стр. 248).

[6] *Н. Я. Тихомиров, В. И. Иванов.* Московский Кремль. М., 1967, стр. 101.

[7] Послания, стр. 187, 207, 212.

мездия на «страшном суде» при конце света (явная угроза тем, кто склонен к богохульному еретичеству)[8]; другая тема — преемственность власти московских государей от византийских императоров. Отсюда галерея изображений московских князей — предков Василия III [9].

Наконец, той же весной было завершено Алевизом Новым и строительство великокняжеского дворца. 7 мая Василий III торжественно переехал в новые каменные палаты [10].

Но строительством в Москве дело не ограничивалось. Распространение крупной осадной артиллерии делало необходимым создание городов-крепостей на основе новой планировки и с применением новейшей строительной техники. Весной 1509 г. приступили к возведению деревянного «града» на Туле, где позднее (к весне 1514 г.) была построена каменная крепость [11]. Тула имела большое военно-стратегическое значение на южных рубежах страны.

В ходе крепостного строительства 1506—1508 гг. были укреплены южные границы Руси (Тула), восточные рубежи (Нижний Новгород), северо-западные (Иван-город, Псков и Великий Новгород) и западные, правда в меньшей степени (Дорогобуж и Белая). Россию теперь опоясывала цепь городов-бастионов на случай всевозможных неожиданностей со стороны крымцев, казанцев, ливонцев и литовцев.

Уроки Казани и войны 1508 г. заставили Василия III задуматься над судьбой той системы удельных княжеств, которую он получил в наследство от отца. Удельные братья оказались неспособными эффективно участвовать в осуществлении военных кампаний даже на востоке. Однако без их вооруженных сил трудно добиться того массированного удара, который мог бы обеспечить победу над сильным против-

[8] Со слов Феодосия записан рассказ о новгородских еретиках в Житии Иосифа Волоцкого (Великие минеи-четьи (далее — ВМЧ), сентябрь 1—13, стб. 474—475).

[9] «Древнерусское искусство». М., 1970, стр. 174—206. По Постниковскому летописцу, Василий III велел Благовещение «подписывать» (украшать росписью) «златом и иконы все велел обложити серебром и златом, а верх церковный позлатити» (ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 6).

[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 247; т. VIII, стр. 249.

[11] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 250; *Герберштейн,* стр. 105. Воеводы на Тулу отпущены 4 мая 1514 г. (РК, стр. 53). Если дата одного из кратких летописцев не ошибочна, то каменный град начали делать еще в 1507/08 г.

ником с запада [12]. Не было у Василия Ивановича уверенности и в том, что его братья смогут избежать искушения захватить великокняжеский престол или отъехать в Литву, как это пытался сделать сам князь Василий в 1500 г., позднее вовсе отстранивший законного наследника престола. Особые опасения Василию внушал князь Юрий Иванович. Следовательно, необходимо было более тесными узами привязать удельных братьев к своей великокняжеской колеснице. Выполнить это было тем труднее, что Василию III приходилось считаться с завещанием отца. Где-то около 1507 г. по воле Ивана III был создан Калужский удел князя Семена Ивановича [13]. От 18 января 1509 г. сохранилась первая жалованная грамота на бежецкие владения, выданная самим Семеном Ивановичем [14]. Впрочем, власть князя Семена была больше номинальна, чем реальна. Во всяком случае от его имени в мае 1510 г. поземельные споры разбирал великокняжеский писец князь В. И. Голенин [15]. Это, конечно, вызывало недовольство князя Семена, которое должно было как-то проявиться впоследствии.

Нашлась управа и на князя Юрия. У него в виде предостережения была отобрана волость Сурожик и ее в «кормление» передали татарскому царевичу Шейх-Аулияру из рода хана Большой орды Ахмата [16].

Младший брат Василия Андрей в это время еще удела не получил и обычно находился при самом Василии III как почетное лицо, не обладающее никакой реальной властью.

14 февраля 1509 г. «в нятстве» умер бывший наследник

---

[12] В военных действиях 1507—1508 гг. участвовали только воеводы князей Дмитрия и Юрия (РК, стр. 38—39).

[13] В 1506/07 (7015) г. «из [у] дела» от кн. Семена Ивановича посланы были воеводы В. Т. Юрлов-Плещеев, кн. А. В. Кашин и Булгак Денисьев (Э, л. 37 об.). Еще в декабре 1505 и марте 1506 г. калужские грамоты подписывал сам Василий III (АСЭИ, т. I, № 304, 568; Можайские акты, № 1).

[14] АИ, т. I, № 17.

[15] ГБЛ, Троицк. кн. 518, л. 37—40; *С. М. Каштанов.* Из истории последних уделов. — Труды МГИАИ, т. 10. М., 1957, стр. 289.

[16] Упомянут как владетель Сурожика в декабре 1508 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 50). Вероятно, владел им и ранее. В сентябре 1507 г. упоминается его воевода Канбар (РК, стр. 38). В конце 1512 г. уже владеет Городцом (РК, стр. 49). Кому в это время принадлежал Сурожик, не ясно.

престола Дмитрий Иванович [17]. «Одни полагают, — писал Герберштейн, — что он погиб от голода и холода, а по другим — он задохся от дыма» [18]. Известие о смерти Дмитрия великий князь должен был встретить только с облегчением. Теперь он мог позаботиться о судьбе своего княжения не только при жизни своей, но и после смерти. Формального препятствия к этому теперь не существовало.

Во время Псковского похода (23 сентября 1509—17 марта 1510 г.) Василий III и составляет свое первое завещание [19]. Духовная должна была закрепить сложившуюся в первые годы правления Василия III систему междукняжеских отношений. Более точно о ее содержании мы ничего не знаем, ибо она была уничтожена при составлении второй духовной в 1533 г., которая тоже до нас не дошла. Великие князья московские в XVI в. предпочитали уничтожать документы, которые не соответствовали их политическим интересам.

Главный вопрос духовной 1509 г. касался, конечно, престолонаследия. Кому завещал великое княжение Василий III? Детей у него не было. Со старшими братьями (особенно с Юрием) отношения были резко испорчены. В таких условиях вряд ли Василий III склонен был бы считаться с практикой XIV в., когда наследовал старший из оставшихся в живых братьев великого князя. Этому порядку нанес удар еще дед Василия III Василий II Темный, покончивший с притязаниями Юрия Галицкого. Нам представляется, что престол свой Василий Иванович оставлял наиболее близкому к нему лицу из своего семейства — зятю Петру, брату двух «царей»: Абдул-Латифа и Мухаммед-Эмина. Именно Петр сопровождал всегда Василия III в трудные походы (например, 1509—1510 гг.) или оставлялся «местоблюстителем» великокняжеского престола в Москве [20].

---

[17] ПСРЛ, т. VI, стр. 249; т. VIII, стр. 250; т. XXIV, стр. 216 (6 февраля 1508 г.).

[18] *Герберштейн,* стр. 13.

[19] Позднее летописец упоминал духовную Василия III, которую тот писал, «едучи в Новгород и во Псков» (ПСРЛ, т. VI, стр. 268). Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Княжеские духовные грамоты, стр. 279—280.

[20] Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. — «Из истории Татарии», сб. IV. Казань, 1970, стр. 145—148.

Еще 21 декабря 1508 г. Василий III и его советники («бояры») приняли важное решение — выпустить из заточения брата царевича Петра Абдул-Латифа. 29 декабря он приносит шерть на верность великому князю и получает Юрьевец в «кормление» [21]. В этой важной политической акции сказалось стремление Василия III наладить отношения с Крымом и Казанью. Активизация западной внешней политики должна была опираться на умиротворение с южными и восточными соседями России. Мать Абдул-Латифа Нур-Салтан (жена Менгли-Гирея) да и сам Менгли-Гирей с сыном Мухаммед-Гиреем настойчиво просили помиловать бывшего казанского царя.

1 марта 1509 г. с сообщением о пожаловании Абдул-Латифа из Москвы в Крым выехало торжественное посольство боярина В. Г. Морозова в сопровождении крымского посла Магметши [22]. В Крыму оно встречено было благосклонно, и в сентябре к великому князю пришли грамоты крымского царя, извещавшего о победе над ногайцами и просившего о помощи в дальнейшей его борьбе с Астраханью [23]. Но ввязываться в какую-либо авантюру на востоке до решения вопроса о Литве Василий III не хотел. Поэтому просьба Менгли-Гирея осталась без ответа. Вместе с тем, идя навстречу крымскому царю, московский государь перемещает Абдул-Латифа из небольшого Юрьевца в крупный город Каширу, о чем в свое время ходатайствовал Менгли-Гирей [24].

Особенно напряженными в 1507—1509 гг. были отношения Василия III с его двоюродным братом князем Федором Борисовичем Волоцким. Причин у волоцкого князя для недовольства своим державным братом было более чем достаточно. Еще великий князь Иван III захватил себе удел бездетного брата Федора — Ивана, прикрыв этот «разбой» духовной грамотой самого рузского князя. Завещан же был этот удел Иваном III также не Федору, а Юрию Дмитров-

---

[21] Сб. РИО, т. 95, стр. 42—43, 49—50; СГГД, ч. V, № 55, стр. 38—39; ч. II, № 26, стр. 30—31; № 27, стр. 32—34; ПСРЛ, т. VI, стр. 248—249; т. VIII, стр. 250.

[22] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 250; т. XXVIII, стр. 334 (30 марта); Сб. РИО, т. 95, стр. 52—69.

[23] Сб. РИО, т. 95, стр. 69—83.

[24] См. грамоту Абдул-Латифа от 28 февраля 1512 г. из Каширы (ААЭ, т. I, № 154).

скому и Дмитрию Углицкому. Особенно двусмысленную роль, с точки зрения князя Федора, в составлении «завещания» Ивана Борисовича играл волоцкий игумен Иосиф, который был «духовным отцом» Ивана III и, конечно, отстаивал именно его интересы, а не Федора Волоцкого, хотя его монастырь находился на территории Волоцкого княжества.

Со своей стороны и Василий III был крайне раздосадован неуспехом «казанского дела» 1506 г., проваленного при непосредственном участии волоцкого князя.

Некоторое время открытого столкновения между князьями удавалось избегнуть. Но не более того. Во всяком случае, отправляясь в Казанский поход в 1506 г., князь Федор составляет духовную, в которой (в отличие от своего брата) не завещает московскому государю свою вотчину на случай смерти (у Федора детей не было), а пишет, что его владениями должен наследовать сын, если он у него родится. Вопрос же о судьбе Волоцкого удела в случае бездетности князя в завещании оставался открытым.

Если у Федора Волоцкого не было практически никакой возможности причинить более серьезную неприятность самому Василию III, то досадить его клеврету Иосифу он, конечно, мог. Правда, в духовной 1506 г. еще не заметно следов особого охлаждения князя к игумену крупнейшего монастыря его удела. Волоцкий игумен не был духовником Федора, но в его обитель должно было перейти после смерти князя большое село Буйгород [25].

Князь Федор был крутым и своенравным правителем. Поэтому в Волоцком княжестве установились довольно странные порядки. В послании Б. В. Кутузову (1511 г.) Иосиф Волоцкий так рисует удельное самовластие тех лет. Взойдя на престол, князь Федор не только «почал грабити монастыри свои все». Он систематически грабил горожан, особенно зажиточных торговых людей. Он, например, забрал себе все деньги у вдовы некоего Прони, который был «на Волоце человек добр торговой». Прослышав о богатстве детей и внучат Никиты Собинина, князь Федор «держал их в железах да мучил месяца со два», в результате чего получил 30 руб. денег и 500 четвертей хлеба. Еще более трагич-

[25] ДДГ, № 98, стр. 408. Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Княжеские духовные грамоты, стр. 273—276.

ной была судьба торгового человека Бориса Горохова изо Ржевы. Этот «добрый человек», по словам Иосифа Волоцкого, «могл не за одну тысячю рублев». Князь Борис Васильевич до своей смерти «жаловал его». Иное дело князь Федор — тот сразу же после того, как получил Волоцкий удел, взыскал с Горохова 1200 руб., отдал его на поруки и продолжал грабить ежегодно, пока тот не умер.

Это были не единичные случаи, а регулярно производившееся изъятие денежных средств. «А у городцкых людей велит клети [26] обыскивати, да у которых денег нет, и он велит жита имати, а у кого скажут денги, ино велит пытати». Так, некоего Лапшу, который был «заживен» (т. е. зажиточен, богат), четырежды пытали, чтобы добиться от него денег. Когда князь велел сжечь старца Фофана с сыном (из Возмицкого монастыря), у которого нашли 60 руб. и подозревали в сокрытии еще большего капитала, «не осталося в городе никакова человека... которой бы не плакал, видевши такову муку и смерть страшну неповинных людей». Князь Федор применял систему поручительства за богатых горожан, которые должны были регулярно давать ему денежные средства. Но это не помогало. Началось бегство из городов Волоцкого удела. В самом Волоколамске запустело до 270 дворов. Своеобразной данью были обложены и жители Ржевы.

Жестокому грабежу подвергались и крестьяне: «Християн почел грабити городских и сельскых, как почел княжити, не точию богатых, но и убогых». Так, узнав, что в поместье Судака живет богатый крестьянин, князь Федор велел этого крестьянина пытать. Только бегство в Шапкову слободу спасло его.

Достоверность мрачной картины, нарисованной Иосифом Волоцким, подтверждает духовная грамота князя Федора. Из этого документа мы видим, что действительно князь не брезговал всевозможными «займами». Он должен был Федору Веприю 300 руб., неким Алексею и Дмитрию 100 руб., Бахтияру Носу 60 руб. и т. п. Вероятно, в связи с поборами находится распоряжение князя Федора дать по завещанию «городцким людем волочаном двацать рублов» да «городцким людем ржевичем тритцать рублов и два рубля без четверти».

---

[26] В издании текста опечатка: «плети».

При этом поражаешься, что среди ближайшего окружения волоцкого князя, упомянутого в духовной, нет ни одной более или менее известной княжеской или боярской фамилии. Удельное управление окончательно себя скомпрометировало в волоколамских землях, и не было, пожалуй, ни одной социальной силы, которая бы поддержала удельные претензии любого из родичей великого князя.

Особенно острыми были отношения Федора Борисовича с самим Иосифом Волоцким. Это объяснялось не столько строптивым нравом князя, сколько его стремлением укрепить свои экономические и политические позиции в Волоцком уделе. Сразу же после смерти своего брата князь начинает вести совершенно непримиримую политику по отношению к монастырю, направленную на подрыв его материальной базы. Федор Волоцкий отбирал зачастую не только то имущество, с которым постригались в монастырь его бояре, слуги, но выкупал имущество вкладчиков за половинную цену, отбирал у старцев ценные иконы и книги и т. д.[27] Об отдаче долгов, конечно, не могло быть и речи. Когда Иосиф Волоцкий прислал к князю Герасима Черного с напоминанием об этом, то разгневанный князь грозился избить его кнутом. Угрозы следовали одна за другой. Князь грозился избить не только Герасима, но и других монахов Волоцкого монастыря[28]. За весь период ссоры (1503—1509 гг.) Федор Борисович не передал в монастырь ни одного земельного пожалования.

Разорвав отношения с Иосифом Саниным, князь приблизил к себе настоятеля старинного Волоцкого Возмицкого монастыря архимандрита Алексея Пильемова[29]. Возмицкий монастырь становится придворной обителью волоцкого князя[30], а Алексей Пильемов — его верным соратником в борьбе с Иосифом. Федор Борисович по совету Пильемова внушает монахам Волоцкого монастыря покинуть Иосифа

[27] Библиографическая летопись, т. I. СПб., 1914, стр. 62.

[28] Послания, стр. 210.

[29] Пильемовы — потомки Сабуровых. Очевидно, Алексей — монашеское имя не Андрея Федоровича Пильемова (Родословная книга, ч. I, стр. 240), а другого лица.

[30] Федор Борисович пожаловал в 1506—1507 гг. Возмицкому монастырю Артемовскую пустошь (ЛОИИ, собр. рукоп. № 125, л. 318—318 об.). Утверждение Иосифа, что Федор грабил все монастыри, неверно (Послания, стр. 217).

Санина и перейти «на Возмище» [31]. Эта пропаганда подействовала. Решили перейти в более спокойную обитель 10 монахов. Трое из них бежали со всем своим имуществом, один был пойман на дороге. Когда Иосиф обратился к Пильемову с просьбой вернуть монастырское имущество, то ему в этом было отказано [32].

Положение Иосифа становится совсем затруднительным, он решает покинуть монастырь. К тому же и волоцкий князь требовал его удаления [33]. Но это решение Иосифа Санина вызвало противодействие всей братии. Монахи говорили, что они при пострижении отдали все имущество в монастырь, а без Иосифа Федор Борисович вконец разорит «святую обитель» [34]. Волоцкий игумен пытался задобрить Федора Борисовича новыми дарами, но Федор требовал полного подчинения монастыря. Его дьяки Микула Воронин, Алеша Скобеев, Копоть передали следующий ответ: «Волен-де государь в своих монастырех, хочет жалует, хочет грабит» [35]. С этим уже Иосиф согласиться никак не хотел. Необходимо было найти нового могущественного покровителя, который согласился бы поддержать монастырь против вымогательств волоцкого князя. Не помогали Иосифу его послания на «грабящих божии церкви», в которых он косвенно бичевал Федора Борисовича [36], не мог помочь ему и новгородский архиепископ Серапион, чиновников которого также грабил Федор Борисович Волоцкий [37].

Оставался один могущественный владыка, которому подчинялись и архиепископ Серапион, и князь Федор Борисович, — это московский государь. Иосиф Санин к тому времени уже пользовался большим влиянием при московском великокняжеском дворе. Этому способствовали совместная борьба Ивана III и Иосифа Санина с еретиками и связанными с ними политическими группировками, враждебными

---

[31] Для этой цели князь Федор Борисович посылает своего слугу Алешу Скобеева в монастырь (Послания, стр. 216).

[32] Послания, стр. 216. В другом послании Иосиф пишет, что бежали пять монахов (там же, стр. 185).

[33] «Велит изыти из обители» (ВМЧ, сент. 1—13, стр. 476).

[34] Послания, стр. 216; ср. ВМЧ, стб. 476.

[35] Послания, стр. 220.

[36] *А. А. Зимин.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 173.

[37] Послания, стр. 199.

московскому государю, а также защита волоцким игуменом интересов Ивана III при составлении завещания рузским князем. Иосиф Санин превосходно знал случаи, когда московские государи брали под свою опеку русские монастыри «от удельного насильства» [38].

В феврале 1507 г. Иосиф Санин посылает грамоты великому князю и митрополиту Симону. В них он просит принять монастырь в «великое государство» [39]. Акция волоцкого игумена имела успех. Василий III взял монастырь под свое покровительство. Впрочем, это не означало поступления монастыря к великому князю в полную административно-юридическую зависимость: доходы с монастырских земель попрежнему шли волоцкому князю. Лев Филолог сообщает, что при переходе в великое княжение «земля же и села монастырская в коейждо лежашая области сим неподвижном в их области быти, дани же и доходы, якоже и преже, своему их князю, все по воли его да творятся» [40]. Сохранились позднейшие жалованные грамоты князя Федора Борисовича, по которым монастырь платил ему известную сумму денег со своих земель [41]. Остался монастырь подчиненным и новгородскому архиепископу [42]. Но великий князь с этой поры являлся его верховным главой (в частности, он назначал игуменов) [43].

Переход Волоколамского монастыря под великокняжеский патронат был совершен без ведома новгородского архиепископа Серапиона, хотя этот монастырь находился в его церковной юрисдикции. Такое самовольство волоцкого игумена привело в конечном счете к столкновению его с Серапионом, который принадлежал к числу идейных противников иосифлян.

После перехода Волоцкого монастыря в великое княжение два года Серапион напрасно ждал сообщений об этом от Иосифа Санина. Никаких вестей от него не последовало.

---

[38] Там же, стр. 201—202, 209.

[39] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 216; Послания, стр. 338.

[40] Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, стр. 41.

[41] АФЗХ, ч. 2, № 45, стр. 44—45; № 55, стр. 56.

[42] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, ч. 1, стр. 638—639.

[43] См., например, историю поставления на игуменство Даниила (ВМЧ, сент. 1—13, стр. 491—492) и Ефимия Туркова.

Позднее волоцкий игумен отговаривался тем, что в это время в Новгороде был мор («поветрие») и посланного им инока Игнатия Огорельцова, доехавшего до Торжка, люди великого князя («заказщикы») не велели пускать в Новгород [44]. Жизнеописатель Иосифа Савва, стараясь оправдать поведение волоцкого игумена, сообщает даже, что он еще до своего обращения к великому князю хотел было просить разрешения у Серапиона, но вследствие мора этого сделать было невозможно. Поэтому Иосиф решил известить новгородского архиепископа позднее. И что якобы после перехода монастыря в великое княжение великий князь сам обещал довести до сведения Серапиона о всех событиях, «егда поветрие минется» [45]. Однако позднее Василий III якобы позабыл исполнить обещание. Это, несомненно, позднейший домысел услужливых последователей волоцкого игумена, старавшихся оправдать поведение своего патрона. Ни в сочинениях Иосифа Санина, ни в послании Серапиона мы не находим свидетельств о «добрых намерениях» волоцкого игумена и московского государя.

По прошествии двух лет Иосиф вынужден был все-таки послать своего монаха к Серапиону. Гордый и властолюбивый новгородский архиепископ отказался его принять. Савва сообщает, что Иосиф «извествовал» об этом великого князя, а тот сказал ему: «Аз, рече, взях обитель Пречистыа от насилиа уделнаго, о сем архиепископу не о чем на тобя злобится; опытай известного, аще будет о иных винах твоих злобу держит» [46]. Рассказывая позднее о ссоре с Серапионом [47], Иосиф умалчивает и об этом обстоятельстве. Не является ли оно также домыслом Саввы, усердно стремившегося показать особую заботу московских государей о Волоцком монастыре?

Обстоятельства ссоры Иосифа Санина с Серапионом довольно запутанны. Дело в том, что позднее сторонники каж-

---

[44] Послания, стр. 207, 194; ВМЧ, сент. 1—13, стб. 477; в Новгороде еще осенью 1507 г. был мор «железою» (чума, бушевавшая и в других европейских странах). Умерло тогда 15 396 человек (НЛ, стр. 312; ПСРЛ, т. IV, стб. 468—469; ПЛ, вып. 1, стр. 91; *Никольский,* стр. XLI; *К. Г. Васильев, А. Е. Сегал.* История эпидемий в России. М., 1960, стр. 41).

[45] ВМЧ, сент. 1—13, стб. 477; ср. стб. 478.

[46] ВМЧ, сент. 1—13, стб. 479.

[47] Там же.

дого из спорящих старались обвинить противную сторону во всевозможных нарушениях. Однако неблаговидность поступка Иосифа Санина по отношению к Серапиону была настолько очевидной, что, несмотря на многоречивые послания волоцкого игумена и его соратников, даже среди придворных сторонников иосифлян раздавались голоса протеста против осуждения Серапиона. В 1511—1512 гг., когда общественные симпатии были на стороне новгородского епископа, Иосиф Санин даже не пытался его обвинять в происшедшем, стараясь объяснить негодование Серапиона тем, что его якобы «подошли» (подговорили) князь Федор Борисович и Алексей Пильемов [48]. Но и здесь Иосиф непоследователен. В послании к Б. В. Кутузову он писал, что Федор Борисович по прошествии двух лет якобы велел Пильемову послать грамоты к Кривоборскому (боярину новгородского архиепископа), с тем чтобы последний уговорил Серапиона выступить против Иосифа. При этом с Кривоборским было обещано «животы делитись» Иосифовыми и его монастыря. Серапион якобы послушался этих наветов Кривоборского, Пильемова и Федора Борисовича [49]. В более раннем послании Иосиф считал инициатором всего Алексея Пильемова, отводя Федору Борисовичу пассивную роль [50]. Позднейшие жизнеописатели Иосифа соединили эти две версии (Савва писал, что вначале Федор Борисович писал Серапиону, а потом ему на помощь пришел Пильемов) [51]. Очевидно, никакого соглашения Федора Борисовича с Серапионом относительно отлучения Иосифа не было. Сам Иосиф не отрицал, что между волоцким князем и новгородским архиепископом всегда была вражда «несмиренна». Об этом же писал и Вассиан

---

[48] О связях кн. Федора с Новгородом, возможно, говорит икона «Писмо ноугородцево», на которой изображен «Федор Стратилат да Спас в облаце, а за Стратилатом князь Федор Борисович»; ср. «икона Федор да Андрей Стратилаты... поставил тое икону князь Федор Борисович» (*В. Т. Георгиевский.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, прил., стр. 3—4).

[49] Послания, стр. 221. Кн. И. И. Кривоборский приходился троюродным братом казненному в 1499 г. противнику Василия Ивановича кн. С. И. Ряполовскому, так что ссылка волоцкого игумена на Кривоборского имела совершенно определенный смысл.

[50] Послания, стр. 194.

[51] ВМЧ, сент. 1—13, стб. 478—480.

Косой Патрикеев, ставя в заслугу Серапиону то, что он выступил в защиту правды, несмотря на ссору с Федором Борисовичем [52]. Мало того, Серапион отлучил одновременно с Иосифом от церкви соратника Федора Борисовича Алексея Пильемова. Да и по всему характеру своей деятельности едва ли Серапион мог вступать в соглашения с Федором Борисовичем. В послании Серапиона митрополиту Симону, где он излагает обстоятельства своей ссоры с Иосифом, мы не находим никаких следов связи новгородского архиепископа с удельным князем. Однако логика событий поставила новгородского владыку и волоцкого князя в один лагерь противников великокняжеской политики.

События развивались с молниеносной быстротой. Около апреля 1509 г. Иосиф был отлучен от церкви. Это отлучение Серапион объяснял тем, что волоцкий игумен перешел под власть великого князя без его разрешения [53]. До нас не дошла грамота, в которой новгородский архиепископ отлучал Иосифа от церкви; волоцкий игумен, излагая ее содержание, передает следующие слова Серапиона, обращенные к нему: «Что де еси отдал монастырь свой в великое государьство, ино-де еси отступил от небеснаго, а пришел к земному (царю. — *А. З.*)» [54]. Этим самым Серапион хотел сказать, что Иосиф Волоцкий пошел на службу к великому государю, нарушив церковное, «божественное» установление, изменив делу церкви.

Вассиан Патрикеев сообщал, что Серапион советовал Иосифу лучше уйти из владений Федора Борисовича, чем передавать великому князю монастырь, основные богатства которого были созданы волоцкими князьями: «Яко же и тебе рек Серапион: «Не достоит ти с князем Феодором сваритися и силою у него жити на его отчине»». В другом месте он писал: «Не токмо сам погреши, но и вся обитель свою соблазни, на своего великого господина, будучи в его отчине под его областию, и отчину его преобидил и князя уничижил» [55].

Получив известие об отлучении от церкви, Иосиф Санин

---

[52] Послания, стр. 194, 364.
[53] Там же, стр. 331; *Моисеева,* стр. 161—162.
[54] Послания, стр. 221.
[55] Там же, стр. 344, 338.

первое время не мог принять какого-либо определенного решения: слишком неожиданно и велико было наказание, наложенное Серапионом — одним из крупнейших церковных деятелей той эпохи. Позднейшие жизнеописатели Иосифа Волоцкого сообщали, что якобы он ждал от Серапиона известия о смягчении наказания: «Не ускори послати к пресвященному Симану... но ждаше от архиепископа ослабы». Даже старцы Волоколамского монастыря советовали ему бить челом новгородскому архиепископу [56].

Однако Иосиф принял другое решение: он послал челобитные грамоты великому князю и Симону-митрополиту, в которых жаловался на неправильное, по его мнению, решение Серапиона [57]. Ему было известно, что московские государи защищали своих ставленников, даже если против них выступали могущественные иерархи. В 1509 г. складывалась сходная ситуация. Расчетливый волоцкий игумен изобразил дело так, что якобы Серапион наложил на него наказание из-за самого факта перехода под власть великого князя, а не из-за того, что Иосиф перешел под великокняжеский патронат без согласия архиепископа. За своего брата при дворе Василия III усиленно хлопотал Вассиан Санин, а также архимандрит Андронникова монастыря Симеон и друг волоцкого игумена Василий Андреевич Челяднин [58]. В то же самое время Серапион пытался добиться свидания с московским государем, но безуспешно. Он еще зимой хотел попасть в Москву, чтобы переговорить с Симоном об Иосифе Санине, однако это ему не удалось. После того как было послано Иосифу отлучение, Серапион решил отправиться с объяснениями в Москву, но и на этот раз ему не пришлось исполнить своего намерения [59].

В Москве состоялся собор, на котором с Иосифа Санина отлучение было снято, а Серапион заочно осужден. Одновременно Серапион был насильно доставлен на заседание нового церковного собора, состоявшегося в июле 1509 г.: «Лета 7017 месяца мая поимал князь новгородского архиепископа Серапиона и велел вести его к Москве и учениша на него

---

[56] ВМЧ, сент. 1—13, стб. 480—481.
[57] Там же, стб. 481.
[58] Послания, стр. 330; ПСРЛ, т. XXX, стр. 176.
[59] Послания, стр. 332; *Моисеева,* стр. 160.

собор»[60]. Вторая соборная грамота помечена июлем 1509 г. Серапион же сведен с архиепископства на третьей неделе после Пасхи, т. е. 7 апреля[61].

Второй собор был пустой формальностью: исход был уже предрешен. В состав его участников входили главным образом иосифляне и их сторонники (Вассиан Санин, Досифей Крутицкий и др.). Они истолковали слова из грамоты Серапиона к волоцкому игумену о «земном» и «небесном» в том смысле, что якобы тот «учинил Волок небом, а Москву землею». Василий III был возмущен новгородским владыкой, осмелившимся назвать «князя Федора небесным, а меня земным». Участь Серапиона легко было предугадать. Он был заточен в наиболее преданном великому князю Андронникове монастыре. Так окончился первый этап столкновения Иосифа Волоцкого с новгородским архиепископом. За противоборством двух незаурядных церковных деятелей легко угадывается борьба двух группировок в среде духовенства. Одна из них (возглавляемая волоцким игуменом) искала опору в великокняжеской власти и готова была поддержать ее единодержавные тенденции, другая (во главе с Серапионом) упорно отстаивала устремления воинствующей церкви, пытавшейся утвердиться над великокняжеской властью и диктовать ей свои требования. Последняя группировка пользовалась сочувствием в тех русских землях, где были сильны центробежные тенденции (и прежде всего в Новгороде).

Заключительным аккордом происшедших событий стало назначение 21 августа 1509 г. архимандрита Андронниковского Симеона, оказавшего большие услуги Василию III в деле с Серапионом, епископом Суздальским[62]. К тому же Симеон «ученик... бе Иосифов»[63]. Через три дня после на-

---

[60] Послания, стр. 224—226; АИ, т. I, № 290; Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, стр. 41—42.

[61] ПСРЛ, т. XXX, стр. 176 («после Велица дни 3 недели спустя»). В других летописях иначе: «весною взяти» (ПСРЛ, т. IV, стр. 612), «по Велице дни сведен» (ПЛ, вып. 1, стр. 92), в мае (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 216) или зимой (ПСРЛ, т. IV, стр. 469, 537; т. VI, стр. 249).

[62] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 250—251. Его предшественник Нифонт, старый друг Иосифа Волоцкого, умер 8 марта 1508 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 247).

[63] Послания, стр. 331.

значения Симеона Тверское епископство получил игумен Богоявленский Нил [64]. По своему происхождению он был грек и родственник Юрия Дмитриевича Траханиота, казначея и верного сподвижника московского государя [65].

На этот раз столкновение Василия III с его удельными братьями и оппозиционными элементами русской церкви было им выиграно. Можно было приступать к реализации более серьезных планов.

---

[64] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 251; т. XXIV, стр. 216 (20 августа); т. XXVIII, стр. 345 (20 августа). Его предшественник Вассиан Оболенский умер 23 мая 1508 г. (ПСРЛ, т. VI, стр. 53, 247).

[65] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221; т. XXX, стр. 145; ПЛ, вып. 1, стр. 74. Сохранилось его письмо Юрию Дмитриевичу Траханиоту («Христианское чтение», 1909, кн. II, стр. 1117—1119).

ПСКОВ

Создание оборонительных бастионов вокруг рубежей Русского государства, подавление удельнокняжеского сепаратизма позволило решить и еще одну важную политическую и военно-стратегическую проблему. Речь идет о Пскове, который все еще сохранял тень былой независимости, хотя уже давно шел в русле великокняжеской политики. Без окончательного подчинения Пскова, лежавшего и на ливонском, и на литовском рубеже, начинать борьбу за Смоленск было нельзя.

Включение Пскова в единое Русское государство диктовалось даже не столько внешнеполитическими планами Василия III или интересами «обороны» (как думает Н. Н. Масленникова [1]), сколько потребностями развивающейся экономики страны [2]. Псков был одним из крупнейших торговых и ремесленных городов страны. «Псков же град, — с гордостью писал местный летописец, — тверд стенами и людей бе множество в нем». Вероятно, по своей величине он был третьим городом России (после Москвы и Новгорода). Ведь в 1510 г. в одном Среднем городе Пскова насчитывалось 6500 дворов [3]. Правда, М. Н. Тихомиров считает, что в это число летописец мог включить все псковские дворы вообще, а не только Среднего города [4]. Н. Н. Масленникова находит сведение летописца вполне достоверным [5]. Так или иначе можно считать Псков крупным городом (ведь

[1] *Масленникова,* стр. 80.

[2] *С. М. Каштанов.* Полезное исследование. — «На берегах Великой», 1956, № 7, стр. 134—139.

[3] ПЛ, вып. 2, стр. 293; вып. 1, стр. 97.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 336.

[5] *Масленникова,* стр. 115—116.

в Москве, по Герберштейну, было 41 500 дворов). Псковские каменщики-строители, иконописцы и колокольные литцы славились на всю страну. Многочисленные ремесленники шили одежду и обувь, выделывали кожи, изготовляли металлические изделия. В Псковской земле, больше чем где-либо в стране, выращивалось льна и конопли — важнейших технических культур, пользовавшихся большим спросом на мировом рынке. Псковский торг поражал разнообразием продававшихся там товаров. Псковские купцы уже давно завязали оживленные торговые отношения с Прибалтикой, Великим княжеством Литовским и более далекими землями.

После закрытия ганзейского двора в Новгороде роль Пскова в торговле с Прибалтикой резко возросла, а 25 марта 1509 г. Псков заключил особый договор с Юрьевом (Дерптом)[6]. Государственный контроль над ганзейской торговлей был крайне важен для Василия III. Таким образом, в то время, когда в России складывались предпосылки всероссийского рынка и возникали рынки с профилирующими товарами, присоединение к Русскому государству Пскова с его развитой экономикой было насущной необходимостью для дальнейшего развития всей страны в целом.

Василий III имел и личные основания относиться к псковичам с недоверием. Ведь еще в 1499 г. они посылали депутацию к Ивану III, с тем чтобы у них княжил Дмитрий, внук великого князя, а не Василий Иванович[7]. Вряд ли забыл подобное непослушание псковичей мстительный княжич Василий (сам Дмитрий умер в темнице за полгода до начала похода на Псков).

Внешнеполитическая обстановка для проведения псковской акции была вполне благоприятна[8]. С Великим княжеством Литовским продолжалось состояние мира. Крымские набеги не давали покоя ни Литве, ни Польше. Так, осенью 1509 г. 50-тысячное войско крымских царевичей вторглось в Великое княжество Литовское, а отдельные его отряды доходили даже до Вильно[9]. Четырнадцатилетнее перемирие

---

[6] СГГД, ч. V, № 57, стр. 40—47.

[7] ПЛ, вып. 1, стр. 83.

[8] Подробнее см.: *С. М. Каштанов.* Две жалованные грамоты 1510 г. — «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 24. М., 1961, стр. 229 и др.

[9] Pułaski, str. 148.

с Ливонией (25 марта 1509 г.) не омрачалось никакими тревожными инцидентами, тем более что Тевтонский орден готовился к войне с Польшей и настаивал, чтобы Ливония избегала вооруженного конфликта с Россией. В сентябре 1509 г. Сигизмунд даже упрекал Василия III в том, что Михаил Глинский ведет антилитовские переговоры с датским королем Иоанном. Дания в это время находилась в союзнических отношениях с Россией. Швеция, а также Любек с другими ганзейскими городами начали теснить Данию, и она стремилась обеспечить себе поддержку других держав [10]. Желая укрепить русско-имперские отношения, 9 августа 1509 г. Василий III направил Максимилиану послание, в котором в принципе соглашался на восстановление ганзейского двора в Новгороде, о чем ходатайствовал император [11]. Правда, до реального исполнения этого обещания было далеко. Вскоре новгородцы под благовидным предлогом отказали ганзейцам в том, на что милостиво соглашался Василий III [12]. Несколько позже (28 марта 1510 г.) новгородские наместники заключили четырехлетнее перемирие и со Швецией [13]. Налаживались в это время мирные отношения с Крымом и Казанью.

В январе 1509 г. Москву посетили монахи из Афонского Пантелеймонова монастыря Василий, Симеон и Яков (вероятно, тот самый, который уже незадолго до этого побывал в столице Русского государства) [14]. Они передали Василию III грамоту прота всех афонских монастырей Паисия, который сообщал о получении им дорогих даров — «милостыни» (через Пахомия) от московского государя («кормителя и ктитора») и желал ему победы «над иноплеменными языки». В 1506 г. русские войска потерпели поражение в борьбе с Казанью, и это пожелание было вполне уместно. Игумен Пантелеймонова монастыря также получил через Пахомия большую милостыню («соболей пять сороков, пять тысяч белок и чара серебряная»). В Москву приходили посланцы и от белградского митрополита Феофила, от вдовы сербского

---

[10] АЗР, т. II, № 57, стр. 69; *Форстен,* стр. 176—177.
[11] СГГД, ч. V, № 58, ср. № 56; ПДС, т. 1, стб. 151—159.
[12] РИБ, т. XV, № 5 (около 1510 г.).
[13] СГГД, ч. V, № 60, стр. 52.
[14] ЦГАДА, Греч. статейный список, № 1, л. 5, 12; *Дунаев,* стр. 8.

деспота Стефана Ангелины и ее сына деспота Иоанна (женатого на тетке Елены Глинской), от некоторых сербских монастырей [15].

24 июня 1509 г. Василий III отправил «милостыню» Паисию для 18 монастырей и особенно в Пантелеймонов монастырь по пяти сороков соболей и по 5 тыс. белок [16].

Итак, время для решения псковского вопроса, выбранное Василием III, явно благоприятствовало Москве.

Поход Василия III на Псков лучше всего изображен в двух повестях — Псковской и Московской [17]. Обе они написаны современниками событий. Но в первой из них звучит голос псковича, грустящего о потерянных вольностях, автор второй не скрывает своих промосковских симпатий.

События развивались следующим образом. В 1507—1509 гг. великокняжеским князем-наместником был видный государственный деятель князь Петр Васильевич Великий Шестунов. До своего назначения во Псков он был великокняжеским дворецким (во всяком случае с 1498 по май 1506 г.[18]). У него установились весьма терпимые отношения с псковичами, которые издавна держались промосковской ориентации, видя в великом князе защитника от притязаний новгородцев [19].

Положение изменилось, когда московское правительство перешло к более жесткому курсу. Весной 1509 г. во Псков неожиданно для псковичей был назначен наместником князь Иван Михайлович Репня-Оболенский. «И бысть той князь, — прибавляет со скорбью пскович-летописец — лют до людей» [20].

23 сентября 1509 г. Василий III выехал из столицы с братом Андреем, царевичем Петром, Абдул-Латифом, епи-

---

[15] «Сношения России с Востоком по делам церковным», ч. 1, стр. 12—20.

[16] Там же, стр. 16.

[17] ПЛ, вып. 1, стр. 92—97; вып. 2, стр. 253—259; *Масленникова,* стр. 185—194 (список ГБЛ, Рум. № 255, ср. ЦГАДА, ф. 181, д. 365). О новом списке (БАН, Арханг. № 193) см.: *М. В. Кукушкина.* Новый список Повести о Псковском взятии, стр. 472—475.

[18] ПЛ, вып. 1, стр. 91—92; *А. А. Зимин.* О дворцовых учреждениях в Русском государстве конца XV—XVI в. — «Исторические записки», т. 63, стр. 182.

[19] Подробнее см.: *Масленникова,* стр. 34 и сл.

[20] ПЛ, вып. 1, стр. 92.

скопом Коломенским Митрофаном, архимандритом Симоновским Варлаамом, членами Боярской думы [21]. 26 октября великий князь прибыл в Новгород [22]. Трех братьев — Юрия, Дмитрия и Семена — великий князь не взял, распорядившись, чтобы они оставались по уделам.

Никаких разрядов Новгородского похода не сохранилось, что говорит, пожалуй, о том, что военной экспедиции на Псков не предполагалось. Но торжественный характер поездки наводит на мысль, что псковская акция была хорошо продумана уже в Москве.

Дальнейшие известия источников расходятся. По Московской повести, князь И. М. Репня приехал в Новгород к Василию III с жалобой на псковичей, которые «держат его нечестно — не по тому, как наперед держали и чтили великого князя наместников, и дела государские делают не попрежнему, в суды, и в пошлины, и в оброки, и во всякие доходы у него вступаютца». Тогда князь великий послал в Псков распоряжение, чтоб имя его государское держали честно. Однако посадники псковские и бояре стали «молодых псковичь» обижать («обидети и насильства им чинити великие»), а сами послали в Новгород своих послов (Юрия Елисеевича Копыла с жалобою на И. М. Репню. В этом рассказе мы встречаемся уже с мотивом, который пройдет сквозь всю Московскую повесть: стремление противопоставить «молодых людей псковичь», как верных Москве, боярам-крамольникам.

По Псковской повести, все началось прямо с жалобы псковичей на князя И. М. Репню [23]. Ее вместе с дарами великому князю привезла делегация посадников и бояр изо всех концов (во главе с Юрием Елисеевичем Копылом). Великий князь якобы заявил: «Яз вас, свою отчину, хощю с жаловати и боронити, якоже отец наш и деды наши». А что касается князя Ивана Репни, то, если «станут на него мнози жалобы, и яз его обвиню перед вами». С тем делегация и бы-

---

[21] ПСРЛ, т. VI, стр. 250; т. VIII, стр. 251; РК, стр. 44; Э, л. 43 об.

[22] ПЛ, вып. 1, стр. 92; вып. 2, стр. 253; ПСРЛ, т. IV, стр. 469 (за три недели до Филиппова говения. Филиппов пост начинается 15 ноября), 537, 612 (28 ноября — описка); *Масленникова,* стр. 185.

[23] *Масленникова,* стр. 185—186; ПЛ, вып. 1, стр. 92—93.

ла отпущена во Псков. Посадники рассказали на вече псковичам, «что князь великий дар их честно принял, а сердечныя никто же весть, что князь великий здумал на свою отчину и на мужей псковичь».

По Московской повести, Василий III ответил Юрию Каплину (Копылу) и другим послам, приехавшим к нему с жалобой на действия И. М. Репни, так: «Вы б, наша отчина Псков, имя наше держали честно и грозно, а наместника нашего, а своего князя псковского, чтили, а в суды бы и в пошлины у него и у его людей не вступались». Великий князь послал в ответ на жалобу в Псков дьяка Т. Долматова и окольничего П. В. Шестунова, хорошо знакомого псковичам. Однако псковичи перед ними с князем И. Репней «ни в чем смолвы не учинили». Зато вместе с ними поехали посадники в Новгород бить челом государю, чтоб тот свел с наместничества Репню, «а дал бы им иного своего наместника, а с тем прожить не мощно». Тогда великий князь заявил, что в этом споре он должен выслушать и противную сторону, т. е. самого князя Ивана Михайловича. Велено было и ему, и псковичам прибыть для великокняжеского суда, «понеже бо тогда во Пскове быша мятежи и обиды, и насилие велико черным и мелким людем от посадников псковских и бояр». Эпизод с посылкой в Псков П. В. Шестунова в Псковской повести отсутствует.

Только после челобитья псковичей, по Псковской летописи, и приехал И. М. Репня к великому князю «жаловатися на псковичь». Очевидно, в Московской повести вся начальная часть истории (первая жалоба псковичей) просто слита с повторными челобитными псковичей. К великому князю приезжали затем жаловаться «дети боярские да и посадничи», которым «тот Репня много зла чинил». Тогда же посадники стали писать грамоты «по пригородом да и по волостем», в которых призывали всех, кто когда-либо жаловался на князя Ивана Репню, ехали бы в Великий Новгород к Василию III «противу его бити челом». Но вместо этого с жалобой на посадника Юрия Копыла (а не на наместника) отправился другой посадник — Леонтий. После этого Юрий прислал из Новгорода грамоту, в которой было написано, что «аще не поедут посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Репни, ино будет вся земля виновата». Тогда у псковичей «сердце уныло». Но все-таки девять посадников

и купеческие старосты отправились в Новгород. 6 января собрал их Василий III и заявил, что они «поимани-де естя богом и великим князем». «Молодшие» псковичи были все переписаны и розданы «наугородцом по улицам беречи и кормити до управы» [24].

По Московской повести, в Новгород прибыл И. М. Репня и челобитчики-псковичи, причем не только посадники и житьи люди, но и «черные многие люди приехали коиждо о своих обидах и нужах бити челом государю: иные на намесника, а иные на помещиков на новогородцких, а иные на свою братью на псковичь». Великий князь сам выслушал князя И. М. Репню и псковских посадников. И, установив, что «наместнику его князю Ивану от псковских посадников бесчестие было велико», а также то, что «от них и своей братье псковичем многи обиды и насильства были велики», Василий III приказал посадников «поимати и роздати детем боярьским по подворьям». Тогда и сами посадники, и другие псковичи, «познав свою вину», стали бить челом великому князю, чтоб он «пожаловал их, своих холопей и отчину свою Псков, как государю бог известит».

Вот тогда-то Василий III вызвал их всех во владычный двор и направил к ним своих бояр, которые и объявили высочайшее решение: «Ныне вы, наша отчина Псков, наша имя и нашего наместника держити не по тому (как раньше, «честно и грозно». — *А. З.*), и жалобники ныне пришли к нам из нашие отчины изо Пскова на посадников и на судей на земских многие». Поэтому «нам было за то пригоже на свою отчину великая опала положити». Суть этой опалы сводилась к следующему: во-первых, отныне «колокол бы вечной свесити и вперед вечю не быти»; во-вторых, в Пскове (как и в Новгороде) устанавливается власть двух наместников и по пригородам (их было 10) тоже «быти наместником же»; в-третьих, сам Василий III думает приехать в Псков. Если примут псковичи требования великого князя, то он со своей стороны также «в животы ваши и земли не вступаетца ни в чем». Посадники и все псковичи эти требования великого князя приняли. Тогда великий князь после совета с боярами решил в Псков рать не посылать, а направить туда дьяка Третьяка Долматова с изъявлением своей

[24] ПЛ, вып. 1, стр. 92—93.

воли. Срок возврата Третьяка в Новгород был установлен жесткий — 16 января («по Крещении в 10 день»)[25]. Это решение было сообщено посадникам, которые от себя послали в Псков купца Онисима Манушина с грамотой, призывающей псковичей к повиновению, а сами принесли присягу на верность великому князю.

По Псковской версии, дело происходило несколько иначе. О всех перипетиях переговоров в Новгороде, о согласии бояр на уничтожение псковских вольностей автор Псковской повести не знает (или, что вернее, умалчивает). Он сообщает только, что псковичи узнали «злу весть» от купчины Филиппа Поповича, который в это время направлялся в Новгород, но вернулся в родной город. Филипп сообщил, «что князь великий посадников наших, и бояр, и жалобных людей переимал». Тогда на псковичей «нападе... страх и трепет». Созвано было вече, которое и послало своего гонца к великому князю, чтоб тот «жаловал свою отчину старинную».

В ответ на это в Псков и был прислан дьяк Третьяк Долматов (по Московской повести, он послан был 10 января). Он изъявил «две воли» государя, которые совпадают с тем, что бояре Василия III сообщили псковским посадникам по Московской повести. Собрано было вече 13 января («свитающи дни недельну»), на котором псковичи сообщили о принятии ими требований Василия III. Вечевой колокол был снят. «И начаша псковичи, — пишет автор Повести, — на колокол смотря, плакати по своей старине и по своей воли»[26]. Московская повесть о событиях в Пскове молчит, сообщая только, что Третьяк возвратился в Новгород в срок, т. е. 15 января, с посадником Кузьмой Сысоевым и с сообщением, что вечевой колокол, символ псковской независимости, снят. В тот же день великий князь, удовлетворенный ходом событий, послал в Псков своих бояр во главе с князем А. В. Ростовским и конюшим И. А. Челядниным, которые должны были привести псковичей к присяге. Для великого князя должен был быть очищен Средний город Пскова, а псковичи оттуда выселены в Большой город. 20 января Василий III выехал из Новгорода, сопровождаемый большой

---

[25] *Масленникова*, стр. 187—191.
[26] ПЛ, вып. 1, стр. 94—95.

свитой и войском [27]. На псковском рубеже его встретили псковичи во главе с посадником Иваном Кротовым. Через четыре дня, т. е. в четверг 24 января, он въехал в город. До этого версты за две (или три — по Псковской версии) навстречу ему вышли «псковичи все и чернь» [28]. Сходный рассказ содержится и в Псковской летописи, только здесь о встрече великого князя посадником не говорится.

27 января Василий III устраивает большой прием, на который в Большую судную избу были вызваны посадники, бояре, купцы и житьи люди, а средние и «молодшие» люди оставлены во дворе ожидать исхода событий. К псковской знати выслана была боярская комиссия во главе с А. В. Ростовским и И. А. Челядниным. Бояре передали новую великокняжескую волю: все собранные в Большой избе должны были из-за «многих жалоб» на них покинуть Псков и поселиться в Московской земле. Посадники и псковичи безропотно на все согласились. Решение сообщено было и остальным псковичам («средним людем и мелким»), которым милостиво было разрешено оставаться в Псковской земле. На следующий день все отобранные псковичи с женами и детьми (и дети тех, что задержаны были в Новгороде) высланы были из Пскова. Наместниками были назначены боярин Григорий Федорович Давыдов и конюший И. А. Челяднин, а по пригородам — дети боярские. Впрочем, судебной власти наместники пригородов не получили. В Среднем городе, откуда выселены были псковичи, дворы получила тысяча помещиков новгородских, которая составляла военный гарнизон города. Торг из Среднего города перенесен был в Большой. Для перечеканки денег и взимания таможенных пошлин из Москвы было прислано 15 специалистов. В Псковской земле приказными делами должен был ведать дьяк Михаил Мисюрь Григорьевич Мунехин, а ямскими (и составлять полные и докладные) — Андрей Волосатый.

Окончив устроение псковских дел, великий князь выехал в Новгород [29].

---

[27] Среди воевод летопись называет К. Ф. Ушатого, И. И. Брюха Морозова, М. Д. Щенятева, Ф. Ю. Прозоровского, И. А. Буйноса Ростовского. Это говорит о том, что на Псков были двинуты значительные воинские силы.

[28] *Масленникова,* стр. 191—192.

[29] Там же, стр. 192—194.

В Псковской повести к этому добавлено, что всего вывел великий князь 300 семей. «И тогда отъятца слава псковская», — замечает в этой связи автор повести. Деревни сведенных псковичей были розданы боярам [30]. Из Москвы великий князь прислал «добрых людей, гостей, тамгу уставливати ново, зане же во Пскове тамга не бывала; и прислаша с Москвы пищальников казенных и воротников».

Всего в Пскове, по Псковской повести, оставлено было 1000 человек детей боярских и 500 пищальников. Летом («к Троицыну дни») во Псков прибыло 300 купеческих семей («гости сведеные москвичи з десяти городов»). Они поселены были в Среднем городе (там было 6500 дворов), а псковичи были оттуда выдворены [31].

Автор Псковской повести со скорбью заключал свой рассказ о последних днях независимости Псковской земли: «О славнейший во градех великий Пскове, почто бо сетуеши, почто бо плачеши. И отвеща град Псков: како ми не сетовати, како ми не плакати; прилетел на мене многокрильный орел, исполнь крыле нохтей, и взя от мене кедра древа ливанова, попустившу богу за грехи наша, и землю нашу пусту сотвориша, и град наш разорися, и люди наша плениша, и торжища наша раскопаша... а отца и братию нашу розводоша, где не бывали отцы наши и деды ни прадед наших». Позднее, включая Повесть в свою летопись, игумен Псковского Печерского монастыря Корнилий в 1567 г. добавлял, что Псков «бысть пленен не иноверными, но своими единоверными людьми. И кто сего не восплачет и не возрыдает?» [32].

Стремясь себе создать какую-то опору в Псковской земле, Василий III 13 и 16 февраля 1510 г. выдает жалованные грамоты Никольскому, Гдовскому и Петропавловскому (на острове Верхнем на Псковском озере) монастырям. Они находились на ключевых позициях псковско-ливонской и псковско-ганзейской торговли. Эти монастыри великий князь

---

[30] Впрочем, не только боярам, но и помещикам. Подробнее см.: *Масленникова,* стр. 82 и сл.

[31] ПЛ, вып. 1, стр. 95—97; см. также: ПСРЛ, т. IV, стр. 469, 537, 612; т. VI, стр. 250—291; т. VIII, стр. 251; УЛС, стр. 103; Э, л. 44—44 об., *Герберштейн,* стр. 121; *Decjusz,* str. 45—46, 57; *Stryjkowski,* str. 357.

[32] ПЛ, вып. 1, стр. 95—96; вып. 2, стр. 257.

противопоставлял крупным духовным корпорациям, находившимся в самом Пскове [33].

Великий князь прожил во Пскове четыре недели и выехал «на другой недели поста в понедельник», т. е. 18 февраля. После возвращения из Пскова в Новгород Василий III принял там ганзейское посольство, приехавшее с просьбой о восстановлении торговых отношений с Россией. Переговоры были безрезультатны, ибо стороны не могли договориться об условиях открытия ганзейского двора в Новгороде. Согласиться на беспошлинную торговлю ганзейцами солью Василий III не хотел. Он настаивал также на принятии ганзейцами обязательства не помогать Польше, Литве, Швеции и Ливонии в случае их вооруженного конфликта с Россией [34]. Между 25 февраля и 3 марта (а по другим данным, 5 марта) Василий III покинул Новгород, а 17 марта был уже в столице.

Операция по выселению псковских бояр была проведена по образцу новгородской конца XV в., хотя и не отличалась таким размахом. Псковские торговые люди поселены были частично в Москве в районе Сретенки, где ими была построена церковь Введения (освящена 21 ноября 1518 г.)[35].

Той же осенью Василий III (8 сентября — 5 декабря) совершил трехмесячную поездку по городам Юрьеву, Суздалю и Владимиру и монастырям, во время которой он, очевидно, воздавал благодарность всевышнему за успех «псковского взятия» и молил о даровании ему наследника. В Москве правительницей в это время была оставлена Соломония [36].

Уже на следующий год (1510/11) в Псков назначаются

---

[33] *С. М. Каштанов.* Две жалованные грамоты, стр. 221—258.

[34] Чтения ОИДР, 1898, кн. 1, смесь, стр. 6—10; ср., РИБ, т. XV, № 5 (около 1510 г.). См. *Н. А. Казакова.* Русско-ганзейский договор 1514 г. — «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М.—Л., 1963, стр. 362—364; *T. Esper.* Russia and the Baltic 1498—1558. — «Slavonic Review», 1966, vol. 25, N 3, p. 463—465. То же самое повторилось и летом 1512 г., когда новгородский наместник В. В. Шуйский заявил ратманам Юрьева и Колывани, что торг будет открыт только в том случае, если все ганзейские города пришлют послов подписать перемирие (РИБ, т. XV, № 6).

[35] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; ИЛ, стр. 175; *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. I, стр. 162.

[36] ПСРЛ, т. VI, стр. 251; т. VIII, стр. 251.

наместники, хорошо известные псковичам,— князья П. В. Шестунов и С. Ф. Курбский. Они пробыли в городе четыре года. «И начаша, — пишет Псковский летописец, — те намесники добры быти до пскович, и псковичи начаша кои отколе копитися во Пскове, кои были, разошлися» [37].

Сравнительно безболезненно проведенное присоединение Пскова объяснялось тем, что оно было подготовлено давнишними экономическими, политическими и культурными связями Псковской земли с Москвой, которая всегда была покровительницей Пскова в его борьбе с Новгородом и другими противниками.

Присоединение Пскова к Русскому государству не только не привело к его экономическому упадку, но и содействовало его подъему. Так на основе анализа строительства в этом городе Н. Н. Масленникова показала бурный рост псковской экономики в первую половину XVI в.[38] С 1516 по 1533 г., судя по летописи, в Пскове было построено 17 церквей, тогда как за предшествующее столетие (с 1404 по 1508 г.) — всего 38 [39]. Псковское зодчество, как известно, оказало громадное влияние на развитие московской архитектуры. Выдающийся псковский зодчий Постник Яковлев прославился созданием в середине XVI в. шедевра русской архитектуры собора Василия Блаженного. Со своей стороны и московское зодчество оказывало воздействие на церковные сооружения XVI в. в Пскове.

Строили в Пскове и оборонительные сооружения. Дважды укреплялась стена у Гремячей горы (в 1517 и 1524 гг.). Построена была в 1525—1526 гг. крупнейшая башня Псковского кремля на Гремячей горе [40].

Таким образом, «псковское взятие» привело к бурному росту городского строительства. Это свидетельствовало о расцвете экономики Пскова.

---

[37] ПЛ, вып. 1, стр. 97.

[38] *Масленникова,* стр. 142—150; см. также: *Е. Н. Морозкина.* Зодчество Пскова как наследие. М., 1967. Автореферат канд. дисс.

[39] *Масленникова,* стр. 142.

[40] ПЛ, вып. 1, стр. 98, 104; вып. 2, стр. 227, 260.

«ЗЕМНОЙ БОГ»

Победа Иосифа Санина и его сторонников в 1509 г. над новгородским архиепископом не завершила историю столкновения двух видных церковных деятелей и была в известной степени пирровой. Правота Серапиона была очевидна для большинства непредвзятых людей, среди которых было много друзей Иосифа. Вассиан Патрикеев писал, ссылаясь на слова самого Иосифа, что «многие на Москве говорят, которые тебе добра хотят: «Пригоже, деи, Иосифу бити челом Серапиону, бывшему архиепископу, и прощатися у него» [1]. Мужественное поведение новгородского архиепископа, также способствовало укреплению его авторитета. У Серапиона было много сторонников в Новгороде: недаром позднее здесь, «на владычне дворе», проживал некий инок Исаия, «ненавидя и злословя монастырь Иосифов» [2]. Автор Жития Серапиона сообщал по поводу злоключений новгородского архиепископа, что «Великаго ж Новаграда народи всею землею в сетовании и скорби бывша» [3]. Но и в Москве поговаривали «люди многие»: «лучши-де было Иосифу, оставя монастырь, да пойти прочь», а не бить челом великому князю. В столице распространялись различные слухи, связанные со стойкостью Серапиона [4]. Из заключения отстраненный от власти архиепископ написал послание, наполненное твердой уверенностью в своей правоте. Перед его глазами был пример Пафнутия Боровского, который добился своей стойкостью отмены неправильного решения мос-

[1] Послания, стр. 342.

[2] «Житие Иосифа, написанное Саввой». Изд. К. Невоструева. М., 1865, стр. 75.

[3] *Г. Н. Моисеева.* Житие... стр. 163.

[4] Послания, стр. 207, 209.

ковского митрополита. Сторонники Серапиона говорили ему: «Ты, деи, государь,— святой, лица сильных не срамляйся, стой крепко» [5].

Различные толки о ссоре новгородского архиепископа и волоцкого игумена отразились даже на рассказах об этом событии, помещенных в русских летописях. Так, например, запись о ссоре Иосифа Санина с Серапионом в Софийской II летописи сделана совершенно очевидно лицом, сочувствовавшим волоцкому игумену. В ней говорилось, что новгородский архиепископ отлучил Иосифа Санина «нерадением некоторым и упрямством, презрев божественных правил и повеление царского закона». Автора этого рассказа надо искать в митрополичьей канцелярии. Напротив, в новгородских летописях явно чувствуется симпатия к Серапиону и враждебное отношение к Иосифу Санину. В них, например, с удовлетворением отмечено, что великий князь «смирился... со архиепископом Серапионом. А кто на него (т.е. на Серапиона.— *А. З.*) ни постоял... того лета вси умерли»[6].

Наиболее откровенные и активные сторонники новгородского архиепископа из среды «заволжских старцев» продолжали считать Иосифа Санина, а следовательно, и всю братию Волоколамского монастыря отлученными от церкви. Еще задолго до ссоры Иосифа с Серапионом из Волоцкого монастыря в Белозерский край удалились постриженники Иосифа Санина — старцы Нил Полев и Дионисий Звенигородский. Нил Полев сообщал, что, когда Серапион отлучал Иосифа Санина от церкви, «нас уже тогда много время в монастыре несть». После соборного суда над Серапионом Герман Подольный, видный старец Кирилло-Белозерского монастыря, писал около 1510 г., по словам Нила, «что будтось отец наш игумен Иосиф и мы, вси его постриженици, от архиепископа Серапиона новгородскаго отлучени». Герман считал, как и многие, что игумену и монахам Волоколамского монастыря следует «смиритися и прощенье просити от архиепископа нашего Серапиона». В ответ на это утверждение Нил Полев в своем послании доказывает неправильность решения Серапиона, ссылаясь на постановление собора, «разрешившего» Иосифа от отлучения. Это послание Нила Полева произвело большое впечатление на Германа, и он прислал письмо,

[5] *Г. Н. Моисеева.* Житие... стр. 160—163; Послания, стр. 207, 336.
[6] ПСРЛ, т. VI, стр. 249—250; ПСРЛ, т. XXX, стр. 176.

в котором просил, «чтобы аз тебя в том простил, что еси чужая грехи глаголал» [7].

Но отношение к истории с Серапионом враждебных Иосифу кругов, может быть, не так характерно, как отношение лиц, дружественно расположенных к волоцкому игумену. Даже друзья Иосифа Санина обращались к нему с посланиями, в которых советовали «бить челом бывшему архиепископу». Среди них был племянник известного политического деятеля казначея Дмитрия Владимировича Головина Иван Иванович Третьяков (в 20-е годы XVI в.— печатник, в 30—40-х годах XVI в.— казначей). Сомневался в правоте Иосифа Волоцкого Иван Иванович Скряба Головин (двоюродный брат Третьякова)[8]. Старинный друг Иосифа, один из видных великокняжеских придворных, окольничий Б. В. Кутузов около 1511 г. написал ему письмо, в котором присоединял свой голос к тем, кто упрекал волоцкого игумена за его поведение во время ссоры с князем Федором Борисовичем и Серапионом [9].

Иосиф Санин энергично отстаивал свои позиции. В декабре 1510 г. он написал послание И. И. Третьякову, доказывая свою правоту в ссоре с Серапионом. Примерно в это же время Иосиф Санин пишет послание Б. В. Кутузову. В нем он останавливается главным образом на «грабительских» действиях волоцкого князя, перенеся центр обвинений с новгородского архиепископа на злополучного Федора Борисовича. Писал волоцкий игумен и казначею Ивану Ивановичу Головину [10]. В 12-м слове «Просветителя» он отстаивал тезис, что «аще еретик будет святитель и аще благословит или проклянет кого от православных, последует его суду божественной суд» [11]. Несмотря на то что это «слово» по

[7] *В. Жмакин.* Нил Полев. — ЖМНП, 1881, № 8, стр. 184—191, 195. Об этом же см.: *А. Г. Архангельский.* Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, стр. 50—51; *Н. К. Никольский.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре. — «Христианское чтение», 1907, август, стр. 174 и др.; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 466—467.

[8] Послания, стр. 334, 208—209, 216.

[9] Там же, стр. 87—108, 208—227, 334.

[10] Там же, стр. 187—208.

[11] «Просветитель». Казань, 1903, стр. 465. Позднее Иосиф изъял 12-е слово из текста «Просветителя» (*Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 168—169).

форме своей направлено, казалось бы, против еретиков, на самом деле оно написано в связи со спором Иосифа Санина с Серапионом и представляло собой ответ всем тем, кто объявлял действующим «неблагословение», возложенное на волоцкого игумена архиепископом Новгородским (главным образом нестяжателям и их союзникам).

С развернутым ответом Иосифу Волоцкому на его послание И. И. Третьякову выступил двоюродный брат последнего, злейший враг иосифлян Вассиан Патрикеев [12], который после смерти Нила Сорского (7 мая 1508 г.)[13] стал признанным главою нестяжателей. Дело для волоцкого игумена осложнялось еще тем, что Вассиан около 1510 г. появился при дворе Василия III [14] и уже вскоре сделался любимцем московского государя. Жил в это время Вассиан в Симонове монастыре, куда часто приезжал великий князь советоваться с князем-иноком [15].

---

[12] Послания, стр. 236—306. В Послании (как, впрочем, и в ряде других произведений Вассиана) автор не назван. Аргументацию в пользу авторства Вассиана см. в кн.: Послания, стр. 272—274. Доводы против этой гипотезы см.: *Казакова,* стр. 173—175. Полемика Вассиана со стяжателями в дальнейшем обострилась, но в защиту Серапиона, как показал Я. С. Лурье, Вассиан мог выступить и до этого. Впрочем, Лурье не склонен делать определенного вывода об авторстве разбираемого послания (*Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 434—436).

[13] *Никольский,* стр. XLII.

[14] Обоснование даты см.: Послания, стр. 279; Н. А. Казакова вслед за Е. Е. Голубинским относит возвращение Вассиана ко двору к 1509 г., т. е. времени, последовавшему за смертью Дмитрия-внука (*Казакова,* стр. 76—77). Во всяком случае приближение Вассиана нельзя датировать временем до осуждения Серапиона. По Г. В. Вернадскому, Вассиан был приближен ко двору, так как в это время первой персоной при Василии III был Даниил Щеня, его двоюродный брат. Утверждение это не подкреплено свидетельствами источников (*G. Vernadsky,* p. 138).

[15] Позднее Михаил Медоварцев говорил, что Вассиан был «великий временный человек у великого князя ближней, и аз так и государя не блюлся, как его блюлся и слушал» (Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 11). По словам Паисия, «держати ему (т. е. Василию III. — *А. З.*) во обители, зовомой Симонова монастыря... заради беседы душевная». Сам Василий III якобы говорил, что Вассиан «подпор державе моей и... любви нелицемерной наставник ми есть» (там же, стр. 2). Позднее Зиновий Отенский писал, что Вассиан «волею великого князя в монастыре Симонове живяще... ядяше же мних Вассиан приносимое ему брашно от трапезы великого князя» (*Зиновий.* Истины показание, стр. 400).

Если Нил Сорский развивал главным образом теоретические основы учения нестяжателей, то Вассиан Патрикеев в своих творениях пытался применить его учение к конкретно-исторической жизни Русского государства XVI в. В ответном послании Иосифу Санину (на его письмо И. И. Третьякову) Вассиан Патрикеев излагал свои соображения о важных вопросах социальной и политической жизни Русского государства начала XVI в., по которым велась полемика между нестяжателями и иосифлянами. Монастырское землевладение для Вассиана являлось только одной из проблем, далеко не единственной, которая разделяла его с иосифлянами. По трем основным пунктам Вассиан дает бой Иосифу Санину. Первый пункт — это отношение к великокняжеской власти. Вассиан укоряет Иосифа в том, что он из-за «злата и серебра» начал свою вражду с князем Федором и Серапионом, которая привела к бессмысленному гневу Василия III на «господина» волоцкого игумена, т.е. на князя Федора Борисовича [16]. Вассиан на собственном опыте познал силу великокняжеского гнева, и поэтому он с сочувствием относится к опале князя Федора Борисовича и с негодованием клеймит своекорыстное поведение волоцкого игумена («а ты, господине, только об одном о себе стряпаешь, а ни о ком не радиши... и силою велиши себя оправдати... не хощеши покоритися»). Иосиф, по мнению Вассиана, не должен был обращаться к великому князю. Он развивает дальше мысль о том, что божья власть выше светской («благо есть уповати на господа, нежели уповати на князя») [17].

Иосиф упрекал Серапиона Новгородского за то, что противился решению великого князя. На это Вассиан отвечает, что еще пророки отстаивали свою правду перед лицом царских судов: «Ти (т.е. пророки.— *А. З.*), господине, вси не угожали человеком и о царских судех не брегли. Супротивно всем царем на злых и неугодных соборищах о Христе стояли и страсти претерпели... а нигде ни которому властелину, ни царю, ни князю не повиновалися». Вассиан Патрикеев с сочувствием вспоминает поведение Пафнутия Боровского, который якобы мужественно защищал память

[16] Послания, стр. 338.
[17] Там же, стр. 349, 364.

Дмитрия Шемяки перед лицом великого князя и митрополита. По-иному поступает Иосиф: «А ты, господине, у кого ся научил ратовать и кто тя вооружил на брань? У кого еси взял стрелы и кто тя научил стреляти и кто ти щит приготовил? И почему еси дворянин великого князя?» [18] Точка зрения князя-инока в этих утверждениях проявляется довольно явственно. Самовластный князь Патрикеев выступал против союзников московского государя, презрительно называя Иосифа «дворянином» великого князя. Знаменательно, что в борьбе с Иосифом Саниным теорию независимой от царской власти церкви начинают защищать представители нестяжателей.

Следующий вопрос, по которому разошлись воззрения Вассиана и Иосифа, касался монастырского землевладения. Следуя теории Нила Сорского, Вассиан считал, что монахи должны получать средства существования «от своих трудных подвигов», а не от «лихоимания». Критикуя воззрения волоцкого игумена, Вассиан Патрикеев понял чрезвычайно важное логическое противоречие в его теории. Иосиф Санин запрещал расточать монастырские имения, «разве убогих и нищих». Следовательно, по его мысли, монастырское имущество должно было раздаваться на прокормление голодающих и нищих (ведь монастырь — «нищих прекормление»). Эту же мысль он проводил и в других своих сочинениях. Именно о раздаче имущества нищим говорили и противники Иосифа — нестяжатели. Зачем же, совершенно естественно спрашивает Вассиан, монастырь должен сохранять себе имения, если существует обязанность все раздавать нищим? Выходит, по мысли Иосифа, что этот монастырь сам является «нищим», которому все дают имения.

Это, несомненно, сильнейшее логическое возражение Вассиана против теории волоцкого игумена. Он верно понял противоречия в идеологии Иосифа Санина между стяжанием имений и проповедью нищеты, которую тот развивал, в частности, в своем монастырском «Уставе». В дальнейшем все оппоненты иосифлян повторяют аргументацию Вассиана. Да и сама жизнь показывала, что при стяжательной политике монастырей сохранить «нищету» монахов было невозможно.

---

[18] Там же, стр. 344, 348, 365.

Вассиан отвергал также довод Иосифа о необходимости монастырского землевладения как средства для поддержания обители. Вассиан писал, что поскольку своим личным трудом может пропитаться каждый монах, то этого труда достаточно для поддержания всей обители [19].

Мысль о необходимости земельных владений у монастыря как средства для пропитания монахов Иосиф высказывал в ряде частных посланий еще первого периода своей деятельности. Но в такой форме, как передает ее Вассиан (о пропитании именно большой обители), мы ее в творениях Иосифа Волоцкого не встречаем. Речь идет, очевидно, не о теоретическом воззрении Иосифа, а об обычных разговорах, которые велись иосифлянскими монахами в защиту монастырского землевладения. Это характерный штрих. В дальнейшем Вассиан и другие противники монастырского землевладения направляют главный удар своей полемики именно против практической стороны воззрений иосифлян, а не против их теоретических основ (ссылки на постановления соборов и т. д.).

Наконец, третий пункт, по которому Вассиан ведет полемику с Иосифом, касается преследования еретиков. Специально по этому поводу в послании к И. И. Третьякову не говорилось ничего. Но, воспользовавшись тем, что Иосиф Волоцкий привел в своем послании ссылку на одно постановление Вселенского собора, где говорилось о сжигании святотатцев, Вассиан развивает свою мысль о необходимости милования еретиков, которую он неоднократно высказывал и раньше, и в более позднее время [20].

Ответ Вассиана Патрикеева имел большой успех при великокняжеском дворе. Василий III резко переменил свое отношение к волоцкому игумену. Конечно, общественное мнение оказывало свое влияние на великого князя. Но главным все-таки для него были реальные политические интересы. В ходе спора игумена Иосифа с князем Федором Борисовичем, очевидно, брат Василия III князь Юрий Дмитровский занял позицию, благоприятствовавшую волоцкому, а не великому князю. Переход Иосифова монастыря под великокняжескую опеку означал ущемление интересов и са-

---

[19] Там же, стр. 352, 354.
[20] Там же, стр. 355 и сл.

мого князя Юрия, на территории удела которого находилась большая часть владений монастыря (в Рузском и Дмитровском уездах). Ходили слухи, что князь Юрий хотел «отступить» от своего брата, т.е. великого князя. Возможно, в связи с этим московский государь и собирался «поимати» своего удельного братца, давно уже вызывавшего его подозрения. Но тут за Юрия вступился Иосиф Волоцкий, решивший очевидно, примирив дмитровского князя с его братом, добиться со стороны последнего реальных выгод. Перемирие действительно состоялось, и в благодарность за это князь Юрий 1 июля 1510 г. пожаловал Волоколамскому монастырю крупное село Белково [21].

Было, однако, еще одно обстоятельство, осложнившее отношения великого князя с иосифлянами. В январе 1511 г. стало известно, что в Литву решил бежать князь Семен Иванович Калужский (якобы по совету «младых... советников»). Это вызвало страшный гнев Василия III. Но за удельного брата великого князя вступился митрополит Симон. По его «печалованию» к князю Семену были посланы с ближайшим сподвижником Василия III дворецким В. А. Челядниным и дьяком Елизаром Цыплятевым «речи... жаловальные». Калужскому князю на этот раз удалось избежать опалы, но великий князь «людей его, бояр и детей боярских всех переменил» [22]. С. М. Каштанов полагает даже, что у князя Семена отобран был и удел (во всяком случае Бежецкий Верх) [23]. Конечно, на Симона и его союзников —

---

[21] ВМЧ, 1—14 сент., стр. 486—488; АФЗХ, ч. II, № 46; *С. М. Каштанов.* Из истории последних уделов, стр. 292; *его же.* Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе, стр. 26. Я. С. Лурье говорит, что текст грамоты 1510 г. на Белково «не содержит никаких указаний на обстоятельства ее выдачи» (*Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 437). Это верно. Но Я. С. Лурье не обратил внимания на текст Жития Иосифа, где пожалование Белковом связывается с посреднической ролью Иосифа в ссоре между Василием и Юрием. Довод Н. А. Казаковой о том, что в ряде списков Жития эпизода с Белковом нет, не решает дела, ибо исследовательница не провела сличения списков и не установила, первичный или вторичный характер носит этот «ряд списков» (*Казакова,* стр. 60).

[22] ПСРЛ, т. VI, стр. 251; т. VIII, стр. 252.

[23] В декабре 1511 г. Василий III выдал Московскому Богоявленскому монастырю грамоту на Бежецкие земли (*С. М. Каштанов.* Социально-политическая история России... стр. 254—255).

иосифлян великий князь с той поры стал смотреть косо. Да к тому же и Вассиан Патрикеев при великокняжеском дворе решительно действовал против своего старого идеологического противника.

Изменение ситуации почувствовал и сам Федор Борисович, решивший примириться с волоцким игуменом. В ноябре 1509 г. после длительного перерыва он выдает Волоколамскому монастырю льготную грамоту [24].

Недовольный позицией Иосифа Волоцкого, Василий III стал искать путей ликвидации конфликта с Серапионом. Во всяком случае 26 апреля 1511 г. он повелел тяжелобольному митрополиту Симону примириться с опальным новгородским архиепископом, т.е., очевидно, снять с него отлучение от церкви. Вскоре после этого (30 апреля) Симон скончался [25]. 15 мая Серапион был отпущен в Троицкий монастырь, игуменом которого он когда-то был [26]. Здесь его с почетом встречают игумен Памва и братия [27]. В июне того же года на митрополичий престол возводится Варлаам, архимандрит Симонова монастыря (где в это время проживал Вассиан Патрикеев) [28]. Сближение Василия III с Варлаамом относится еще ко времени осенней поездки в Новгород (в 1509 г.). Симоновский архимандрит не только сопровождал великого князя, но и, возможно, подписал тогда его духовную [29]. Позиция нового владыки во внутрицерков-

---

[24] Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, стр. 42—43; АФЗХ, ч. II, № 45, ср. его же грамоты 1511—1512 гг. (там же, № 50, 55). Я. С. Лурье спрашивает: «Если положение Иосифа при дворе было в этот момент шатко, то зачем Федору Волоцкому была нужна поддержка Волоколамского монастыря» (*Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 437). Ответ можно дать однозначный: для противоборства Василию III.

[25] ПСРЛ, т. IV, стр. 538, 470 (дата смерти — 1511/12 г.); т. VI, стр. 251—252; т. XXV, стр. 217 (дата смерти Симона — 29 апреля); т. XXX, стр. 140 (28 мая 1509 г.). В Царском архиве хранилась «Запись прощальная Симона» (Описи, ящик 150, стр. 32).

[26] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 217.

[27] *Г. Н. Моисеева.* Житие... стр. 163.

[28] ПСРЛ, т. IV, стр. 470, 538; т. VI, стр. 252 (27 июля); т. VIII, стр. 252; т. XXVI, стр. 302 (17 июля); т. XXVIII, стр. 346 (27 июня). При Варлааме в Симонове закончено строительство каменной (Рождественской) церкви (ПСРЛ, т. VI, стр. 251).

[29] К этой духовной была приложена печать Варлаама (ДДГ, № 100, стр. 415). Наименование митрополитом Варлаама, возможно, произошло оттого, что скреплена грамота была уже после

ных спорах была недвусмысленно пронестяжательская. Ведь и на симоновскую архимандрию он был взят из Кирилло-Белозерского монастыря (18 февраля 1506 г.), основной цитадели нестяжателей. По вкусу московскому государю была и секуляризационная программа нестяжателей, которую он разделял еще в 1503 г. Дело дошло до того, что великий князь прямо выражал свое желание, чтоб Иосиф Волоцкий отправился с повинной к Серапиону [30]. Волоколамский игумен выразил свое согласие («как ты, государь, велишь, и яз так бью челом»), но ничего больше не предпринял для перемирия со своим врагом.

Конец всей истории относится уже к 1513—1516 гг. Первым из участников событий умер князь Федор Борисович (в мае 1513 г.)[31]. После его смерти Волоколамское удельное княжество перешло к Василию III, и тем самым вопрос о взаимоотношении Иосифа Волоцкого с удельным властелином был исчерпан.

До самых последних дней своей жизни Иосиф Санин и Серапион оставались непримиримыми врагами. Это явствует из текста Новгородской II летописи, согласно записи которой, великий князь «смирился» с архиепископом Серапионом, а те, кто «на него ни постоял... вси умерли», в числе последних назван и Иосиф Санин. Вассиан Патрикеев также писал, что Иосиф Волоцкий «ниже у нас еси потребовал прощения... ниже сам еси нас простил, отходя на путь вечный» [32]. После смерти Серапион был причислен к лику святых.

В последние годы жизни Иосиф Волоцкий фактически был лишен права выступать с прямой полемикой против Вассиана Патрикеева. Он, например, вынужден был написать специальное письмо боярину В. А. Челяднину, в котором просил, чтобы тот выхлопотал ему у великого князя разрешение письменно опровергнуть взгляды Вассиана о миловании еретиков [33]. Послание Василия III (ок. 1510—

того, как Варлаам занял митрополичий престол (подробнее см.: *А. А. Зимин.* Княжеские духовные грамоты, стр. 280).

[30] Послания, стр. 229.

[31] ПСРЛ, т. VI, стр. 253; т. XXIV, стр. 217 (3 мая); *Зимин,* стр. 11 (в мае на память Пелагеи, т. е. 4 мая).

[32] ПСРЛ, т. XXX, стр. 176; *Казакова,* стр. 281.

[33] Послания, стр. 227—228.

1511 гг.), призывавшее к расправе с еретиками [34], не имело успеха, ибо истинных еретиков уже давно и в помине не было, а те, кого в это время называл еретиками волоцкий игумен (Серапион и нестяжатели), были готовы сами уже обвинить в ереси Иосифа и пользовались большим влиянием при дворе. Об открытых выступлениях Иосифа в защиту монастырского землевладения в этот период не могло быть и речи: «воля великого князя... налагала на его уста печать молчания» [35]. Это не означало, конечно, что Иосиф прекратил свои выступления против заволжских старцев вообще. Он пишет последние четыре слова Просветителя, в которых обрушивается, не называя имен, на учение этих старцев, отстаивавших гуманное отношение к еретикам. Он выпускает сочинение «Отвещание любозазорным», где также критикует противников, защищая свой «общежительный» устав [36]. Но одна из сторон деятельности Иосифа Волоцкого имела дальний прицел и в конечном счете уже после смерти самого волоцкого игумена привела к сближению иосифлян с Василием III. Речь идет о теории божественного происхождения самодержавной власти, которая была им выработана в трудные для иосифлян 1510—1511 гг. Она была изложена в посланиях Василию III и 16-м слове Просветителя. Исходя из своих старых воззрений, согласно которым «божественный промысл» является движущей силой исторического процесса [37], Иосиф Санин приходит к созданию теории божественного происхождения царской власти.

Зародыш этой идеи можно найти в ранних произведениях Иосифа, где волоцкий игумен также говорил о происхождении царской власти от бога. Но тогда Иосиф доказывал это тем, что царь есть божий *слуга*, подчиняющийся «священству», теперь же подчеркивалась другая сторона формулы — «*божественный* характер царской власти, соз-

---

[34] Там же, стр. 229—232.

[35] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, вып. 1, стр. 663—664.

[36] Текст см.: ВМЧ, стр. 546—563. И. Хрущев считает, что это произведение направлено против Вассиана (*И. Хрущев.* Князьинок Вассиан Патрикеев. — «Древняя и Новая Россия», т. 3, 1875, стр. 270); ср. «Аще ли те кто есть прозорлив, велехвален, высокошиав, величав, укаряа благое и любя зазора» (ВМЧ, стб. 547).

[37] Подробнее см.: *А. А. Зимин.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, т. IX, стр. 160—174.

данной по подобию власти небесной. Отсюда вытекал вывод, что «царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышням богу» [38]. Власть царя уподоблялась власти божественной, а сам он как бы становился «земным богом».

Мысль о божественном происхождении царской власти нужна была Иосифу для того, чтобы побудить великого князя к активной поддержке борьбы Иосифа против еретиков и других врагов церкви. Иосиф писал: «Якож бог хощет всех спасти, також и царь все подручное ему да хранит» [39]. Первая забота царя — это защита православия: «Вас бо бог в себе место посади на престоле своем. Сего ради подобает царем же и князем всяко тщание о благочестии имети» [40]. Для Иосифа царская власть являлась только союзником в борьбе за сильную воинствующую церковь, опорой в борьбе с ее врагами. Поэтому у него сохранялись старые мысли о том, что царь, не радеющий о православии, является не царем, а мучителем, которому не нужно повиноваться. Цари только тогда достойны уважения, когда они являются истинными божьими слугами. Тогда прославится навеки их царствие. Иосиф писал Василию Ивановичу: «Покажи ревность благочестия твоего, да видят вси царие славу православного царствия твоего» [41].

Тезис о «царе-мучителе» уже не является центральным для Иосифа, поскольку теперь великокняжеская власть поддерживает его в борьбе с еретиками и с «удельным насильством». Поэтому главное место в его творениях занимает мысль о необходимости подчинения власти великого князя. Иосиф писал: «Божественая правила повелевают царя почитати, не сваритися с ним... И аще, когда царь и на гнев совратится на кого,— и оне с кротостию и с смирением и со слезами моляху царя». Эти слова относились к Серапиону, который должен был подчиниться воле великого князя и «осифлянского» собора. Царь является высшим судьею

[38] Послания, стр. 184; ср. в отрывке послания к великому князю (там же, стр. 186). Текст взят у византийского писателя Агапита, на что обратил внимание И. Шевченко, а позднее — Я. С. Лурье (*Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 475—478).

[39] Послания, стр. 184—185.

[40] «Просветитель», стр. 547; Послания, стр. 230.

[41] Послания, стр. 231; «Просветитель», стр. 549; *С. Смирнов.* Древнерусский духовник, стр. 30—31.

в церковных делах. Именно ему бог передает все «церковьное и манастырское», его «суд не посужается» [42].

Если ранее Иосиф писал Нифонту, епископу Суздальскому, что тот «глава всего», то теперь буквально то же самое он пишет великому князю Василию Ивановичу. Это, конечно, было чрезвычайно важным выводом из теории теократического характера царской власти. Непосредственным поводом для такого утверждения предпочтительности царской власти над «святительской» была, конечно, ссора Иосифа с Серапионом. В великом князе Иосиф нашел защитника не только против удельного насильства, но и против самовластья новгородского архиепископа. Это было отходом от тех позиций, которые раньше разделял Иосиф как ученик Геннадия, когда он говорил о преимуществе духовной власти над светской. Поэтому нам будут понятны слова Серапиона о том, что Иосиф изменил царю небесному и перешел к царю земному [43].

Из теории теократического характера самодержавия, развиваемой Иосифом Саниным, вытекал и практический вывод: подчинение удельных князей власти московского государя. В своем послании к И. И. Третьякову Иосиф развивал мысль, что Василий III является даже «всеа рускиа земли государем государь», в том числе и волоцкому князю Федору Борисовичу. Он противопоставлял «больших» царей царям «меньшим» [44]. В своей практической деятельности Иосиф руководствовался именно этим принципом. Он советовал князю Юрию Ивановичу Дмитровскому, одному из покровителей Волоколамского монастыря, во всем подчиняться своему державному брату: «Не велю държавному брату своему противитися... преклони с извещением главу свою пред помазанником божиим и покорися ему» [45]. Поэтому если великий государь был всем государям государь, то Юрий Иванович, хотя ему также «от господа бога дана бысть» власть, государь всего только в «своем отечестве» [46].

Итак, Иосиф Санин в значительной степени изменил свои воззрения на царскую власть и на отношение ее к свя-

---

[42] Послания, стр. 193—196.
[43] Там же, стр. 222.
[44] Там же, стр. 194—195.
[45] ВМЧ, стб. 485—486.
[46] Послания, стр. 235—236, ср. стр. 233.

щенству. Однако при этом он по-прежнему исходил из интересов сильной воинствующей церкви, которая в данный исторический промежуток заключала союз с великокняжеской властью. Это был временный и условный союз: Иосиф Санин и иосифляне поддерживали и освящали власть московского государя до тех пор, пока тот покровительствовал церкви, т.е. боролся с ее идеологическими противниками и защищал ее богатства. Временность и условность этого союза можно проиллюстрировать на отношении Иосифа к монастырскому землевладению в последний период его деятельности, когда волоцкий игумен сохраняет целиком свою прежнюю теорию неприкосновенности монастырских земель, на которые обращали взоры не только удельные князья, но и московские государи.

Но учение Иосифа Волоцкого о теократическом характере власти великого князя и его практические выводы помогали борьбе московских государей с удельными княжатами за создание сильного единого государства.

Волоцкий игумен был не единственным публицистом, разрабатывавшим в 10-е годы XVI столетия идею о величии власти русского монарха. Около 1511—1523 гг. тему о происхождении московской династии от Августа-кесаря и о получении шапки Мономаха от византийских императоров развивал в своем Послании бывший митрополит Спиридон-Савва [47]. Тверич по происхождению, Спиридон еще в 1476 г. прибыл в Литовскую землю из Царьграда, где получил посвящение в митрополиты. Однако в Литве он вместо радушного приема угодил в заточение. После 1482 г. бежал на Русь, но и здесь попал в заключение (в Ферапонтов монастырь), где находился в течение долгого времени. Во всяком случае мы застаем его там в 1503 г., когда он обрабатывал Житие Зосимы и Савватия. Ко времени составления Послания ему исполнился уже 91 год. Первоначальный вариант документа сложился еще около 1497 г. в кружке Дмитрия-внука [48].

В этой теории для Василия III были свои привлекатель-

---

[47] *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских, стр. 80—81.

[48] *А. А. Зимин.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой. — «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 236—237; ср. Я. С. Лурье. Идеологическая борьба... стр. 387 и сл.

ные стороны. Россия благодаря ей вводилась в круг европейских держав, объявлялась наследницей Византии и чуть ли не самого Рима. Был еще один немаловажный момент. В родословной литовских князей, включенной Спиридоном в свое Послание, говорилось, что литовская династия происходила от смоленского князя Ростислава. При этом дочь его потомка Витенца «поял» некий «раб» Гегиминик (Гедимин)[49]. Да и вообще Гегиминик был «слободщик» князя Александра Михайловича Тверского. Эта «генеалогия» была как нельзя кстати. Получалось, что русские князья имели прямые права на Великое княжество Литовское, князья которого были более «низкого рода», издавна связанного с Россией. Послание Спиридона-Саввы (и основанное на его тексте Сказание о князьях Владимирских) давало в руки московского правительства сильное идеологическое оружие в борьбе с Литвой. Правда, было одно обстоятельство, которое не позволило Василию III воспользоваться ни Сказанием, ни Посланием: короновался шапкой Мономаха не он, а его противник Дмитрий-внук[50]. Поэтому распространение идей этих произведений могло привести к утверждению мысли о незаконности власти самого Василия III, тем более что одну из редакций Сказания сопровождал чин венчания Дмитрия-внука.

О сущности взглядов Спиридона-Саввы в литературе высказываются разные мнения. И. У. Будовниц[51] и Р. П. Дмитриева[52] считают, что он примыкал к нестяжателям. Последняя, в частности, ссылается на «Изложение о вере» Спиридона, где говорится: «Да не будем, любимии, злату хранители и сребру собиратели»[53].

Я. С. Лурье возражает названным исследователям, утверждая, в частности, что и Иосиф Волоцкий говорил «буквально то же самое, что говорит Спиридон», т. е. что церковные имения могут расточаться только на «убогыя

---

[49] *Р. П. Дмитриева.* Сказание... стр. 166.

[50] Р. П. Дмитриева пишет: «Очень возможно, что у него (Василия III.— *А. З.*) была мысль о венчании и с этой мыслью связан литературный заказ, переданный Спиридону-Савве» (*Р. П. Дмитриева.* Сказание... стр. 102). Эта догадка не имеет под собой никаких реальных оснований.

[51] *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI века, стр. 101.

[52] *Р. П. Дмитриева.* Сказание... стр. 79.

[53] ГПБ, Соф. собр. № 1451, л. 259.

и странныя». Но в данном случае Я. С. Лурье рассматривает изолированно лишь одно высказывание Спиридона из всей системы его взглядов. Основную часть своей жизни Спиридон провел в Ферапонтове монастыре, который являлся одной из цитаделей нестяжателей. В его сочинениях нет проповеди теократического происхождения великокняжеской власти, характерной для иосифлян. Я. С. Лурье склонен считать Спиридона иосифлянином [54]. Он обосновывает этот тезис тем, что Спиридон в «Изложении о вере» обличает ереси, как Иосиф Волоцкий. Но против еретического вольномыслия писали и нестяжатели.

Я. С. Лурье ссылается на то, что работу Спиридона над Житием Зосимы и Савватия похвалил архиепископ Геннадий Новгородский, тесно связанный с Иосифом Волоцким. Но к кругу Геннадия был близок и архиепископ Серапион Новгородский, позднее злейший враг Иосифа Волоцкого. Геннадий переписывался даже с Нилом Сорским, основателем течения нестяжателей. И этот, следовательно, аргумент не имеет решающей силы. Гораздо важнее, что Спиридон в основу Послания положил Чудовскую повесть, написанную в связи с коронацией шапкой Мономаха Дмитрия — внука Ивана III, врага Василия III и стоявших за его спиной иосифлян. К тому же в Послании родословие литовских князей доведено до Вассиана Патрикеева, главного критика иосифлян в 10-х годах XVI в. Поэтому отказываться от мысли о близости Спиридона и нестяжателей, как нам кажется, достаточных оснований нет.

Итак, в самый канун смоленских войн, в начале 10-х годов XVI в., иосифлянские и нестяжательского толка публицисты выступают с произведениями, направленными на утверждение самодержавной власти монарха, на возвышение его международного престижа. Однако общая система взглядов как иосифлян, так и нестяжателей не совпадала с идеологией складывающегося самодержавия, ибо она в обоих случаях подразумевала приоритет церковной власти над светской. В окружении Василия III из всех этих порой противоречивых теорий брали тот необходимый минимум, который помогал осуществлению конкретных политических задач. В сношениях с иностранными державами для

[54] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 482—484.

правительства необходимо было добиться признания суверенитета России, равенства ее с другими крупнейшими европейскими и восточными державами. Одной из сторон этой проблемы была титулатура монарха.

При сношениях с иностранными державами московские дипломаты зорко следили, чтобы не было «порухи чести» русскому монарху и, следовательно, России. Поэтому в грамотах, посылавшихся в Империю, употреблялась формула «великий государь... царь» (ибо и Максимилиан называл себя императором)[55]. В сношениях с Турцией встречаем обращение от имени «великого государя» («великий государь... правый государь всея Руси»), в сношениях с Крымом звучало более скромное «великий князь». Поскольку в Литве был «великий князь», то в сношениях с Сигизмундом грамоты отправлялись от имени «великого государя... государя всея Руси и великого князя»[56].

В тесно связанный с Империей Тевтонский орден грамоты шли от «царя и государя всея Руси» и к «царю»[57]. Василию III необходимо было, чтоб с ним считались «на уровне» императора, а Ордену важно было всеми средствами снискать благорасположение Москвы. То же самое относится и к сношениям с датским королем и с Ливонией[58]. По рассказу Герберштейна, московский государь титул царя «употребляет в сношениях с римским императором, папой, королем Швеции и Дании, магистром Пруссии, Ливонии и, как я узнал, с государем турок. Сам же он не именуется царем никем, за исключением владыки Ливонского»[59]. Все это близко к истине, за исключением, быть может, сведений о сношениях с Турцией. Называли царем Василия игумен Синайской горы Даниил (1517 г.), деспот Артский Карл, патриарх Константинопольский Феолипт (1516 г.), патриарх Александрийский Иоаким (1533 г.)[60].

Термин «царь» на Руси XIV—XV вв. употреблялся для обозначения татарских властителей Крыма, Орды и Казани.

---

[55] ПДС, т. 1, стб. 475.
[56] Сб. РИО, т. 95, стр. 619, 629, 542, 580.
[57] Там же, т. 53, стр. 42, 66, 77 и др.
[58] СГГД, ч. V, № 90, стр. 83; № 95, 105, 106.
[59] *Герберштейн,* стр. 24.
[60] «Сношения с Востоком по делам церковным». СПб., 1858, стр. 25, 34, 36, 40, 41.

В пределах самой России термин «царь» почти не употреблялся. Исключение составлял Псков, который рассматривал московского великого князя как полновластного властителя Русской земли. По Московской повести о Псковском взятии, псковские посадники обращались к Василию III как «государю и царю» [61]. После присоединения Пскова московский государь начал чеканить там монету с титулом «царь» [62]. Тот же титул употреблялся Василием III и в жалованных грамотах псковских монастырей [63]. Называли царем Василия III и публицисты Иосиф Волоцкий, Филофей, Максим Грек, Спиридон-Савва и др.

Отражая реальные успехи объединительной политики и русской дипломатии, новая титулатура, медленно внедряясь в действительность, сама содействовала идеологическому утверждению русского самодержавия. Завершился этот процесс только в 1547 г., когда произошло коронование Ивана IV и официальное принятие им титула царя.

---

[61] *Масленникова,* стр. 186; *М. В. Кукушкина.* Житие... стр. 476.
[62] *А. Орешников.* Русские монеты до 1543 г. М., 1896, стр. 19; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 481.
[63] *С. М. Каштанов.* Две жалованные грамоты, стр. 252, 255.

БОРЬБА ЗА СМОЛЕНСК

Успешно решив псковскую проблему, Василий III приступил к непосредственной подготовке Смоленской кампании. Значение западнорусских земель для России было чрезвычайно велико. В 20-х годах XIX в. И. Фабр писал, что Смоленск имел «почти равную с Москвою величину» [1]. Смоленск был крупным торговым и ремесленным городом, а Смоленщина — богатым краем. Там, в частности, производилась такая важная техническая культура, как конопля. Смоленская пенька импортировалась в разные страны. В Смоленской земле распространено было огородничество, садоводство и скотоводство (мясное и молочное).

Расположенный на Днепре, Смоленск представлял собою как бы ключевой пункт, связывавший западнорусские земли с Киевом и Украиной вообще. Соседний с ним Витебск, лежавший на Западной Двине, находился на путях в Прибалтику. Сухопутная дорога соединяла Смоленск с Москвой с одной стороны и с Минском и Вильно — с другой [2]. Смоленские купцы имели большой опыт посреднической торговли сукнами и другими товарами, приобретавшимися ими в странах Европы, а затем сбывавшимися в Москве. Только владея Смоленском, Россия могла надеяться на дальнейшее продвижение в Прибалтику, на успешное воссоединение украинских и белорусских земель.

Начиная борьбу за западнорусские земли, московское правительство могло рассчитывать на поддержку единовер-

[1] «Отечественные записки», ч. 25. СПб., 1826, стр. 295.

[2] Подробнее о Смоленске см.: *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии, стр. 346—360; *Д. П. Маковский.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963, стр. 49—55, 165 и др.

ного русского, украинского и белорусского населения Великого княжества Литовского.

Союзник-вассал Василия III князь Михаил Глинский, пользовавшийся популярностью среди этого населения, был крупной политической картой в намечавшейся большой игре [3].

Взятие такой мощной крепости, как Смоленск, во многом зависело от военно-инженерного и артиллерийского обеспечения. Именно этой стороне дела Василий III и уделил особое внимание, готовясь к началу военных действий. Появление в конце XV в. фитильного замка привело к распространению пищалей, огнестрельного оружия, снабженного этим новшеством. В начале XVI в. пищальники появляются на Руси [4]. Они образовали войско, составлявшееся главным образом из людей по прибору, посадских по своему происхождению. Размещались они по городам (были пищальники во Пскове, Новгороде, Кореле, Копорье, Орешке)[5]. В Замоскворечье, по словам Герберштейна, Василий III «выстроил своим телохранителям новый город Нали». Речь идет о слободке Наливки (у Якиманки), где позднее находились стрельцы (исторические наследники пищальников). П. Иовий прямо писал, что Василий III «учредил отряд конных стрельцов» [6].

С сельского населения производился набор во вспомогательное войско «посошных людей», которые упоминаются впервые тогда же, когда и пищальники, т.е. в 1506—1508 и 1512 гг.[7] Набирались они с сохи по человеку и получали по рублю «найма».

---

[3] Это отлично понимал Сигизмунд. В письме от 12 сентября 1510 г. к Менгли-Гирею он обещал выдать Ших-Ахмета, если тот «выпросит» Глинского у Василия III (*Кашпровский,* стр. 208).

[4] Впервые в писцовых книгах они упомянуты под 1505—1506 гг. («Временник ОИДР», 1850, кн. 12, стр. 1—7, 114; Новгородские писцовые книги (далее — НКП), т. III. СПб., 1868, стр. 497), а в разрядах — под 1508 и 1512 гг. (РК, стр. 42, 47).

[5] В грамоте 1511 г. Ярославскому Спасскому монастырю упоминается особая повинность — «пищальный наряд», связанная с обеспечением войска пищальников (*И. Вахромеев.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1. М., 1896, № IV, стр. 5—6).

[6] *Герберштейн,* стр. 99, 275.

[7] Э, л. 35—35 об.; РК, стр. 42, 47. О посошных людях см. также: *Н. Е. Носов.* Очерки по истории местного управления. М.—Л., 1957, стр. 116—129.

В связи с возросшим значением огнестрельного вооружения появился новый дворцовый чин — оружничего, которому стали подведомственны «доспех» (т.е. вооружение) и «мастера» (т.е. оружейники)[8]. Значение этой должности ясно уже из того, что на нее назначались представители старинных служилых фамилий, хотя и менее знатных, чем боярские. В 1508—1512 гг. эту должность исполнял Андрей Михайлович Салтыков, с 1513 г. — Никита Иванович Карпов[9].

К мерам, имевшим прямое отношение к обороне русских городов и созданию посохи, нужно отнести создание института городовых приказчиков. Впервые они упомянуты во Владимире в грамоте Василия III от 11 августа 1511 г.[10] Позднее, присоединив Смоленск, Василий III «устроил» город «приказчики городовыми, детьми боярскими». Городовые приказчики, вербовавшиеся из городовых детей боярских, фактически ограничивали компетенцию наместников и волостелей. Именно им был подведомствен сбор посошных людей, управление городовыми пищальниками и все «городовое дело» (строительство городских укреплений и пр.). Городовые приказчики играли и крупную роль великокняжеских форпостов в борьбе с удельной децентрализацией[11].

Уже в первые годы правления Василия III усиливается податной гнет[12]. Вместо старой натуральной повинности — «яма» вводятся «ямские деньги» на организацию ямской службы в общегосударственном масштабе (впервые в грамоте 1500 г.). Вместо обязанности быть проводниками и ямщиками («гонять» подводы) население феодальных вотчин начинает платить «прогонные деньги». В 1513 г. впервые упоминается совсем новая подать — «примет», шедшая на

---

[8] Сб. РИО, т. 59, стр. 63.

[9] РК, стр. 44. Подробнее см.: *А. А. Зимин.* О составе дворцовых учреждений, стр. 188.

[10] Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, смесь, № 12. См. *Б. Н. Флоря.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI века. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр.96.

[11] Сб. РИО, т. 95, стр. 219. Подробнее см.: *Н. Е. Носов.* Очерки, стр. 36—45; *С. М. Каштанов.* К проблеме местного управления. — «История СССР», 1960, № 6, стр. 138 и сл.

[12] Подробнее о налогах при Василии III см.: *С. М. Каштанов.* Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. — «Исторические записки», 1961, кн. 70, стр. 251—275.

строительство осадных сооружений («Примет» как военно-осадное сооружение применялся при осаде Смоленска). Связь появления этого налога с начавшимися смоленскими войнами несомненна.

Наряду с военными податями правительство Василия III обращало большое внимание на дипломатическую подготовку грядущей войны с Великим княжеством Литовским.

Готовясь к активной борьбе на Западе, оно сумело стабилизировать положение на юге и востоке страны.

21 июля 1510 г. из Крыма в Москву воротилось посольство В. Г. Морозова. Вместе с ним приехали царица Нур-Салтан и Сагиб-Гирей (сын Менгли-Гирея). Дальнее путешествие царица предприняла для того, чтобы навестить своих детей — Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа. Через месяц (20 августа) она была отпущена к первому из своих сыновей в Казань с гонцом Василия III, старым дьяком Иваном Кобяком. Здесь она пробыла почти год. Нур-Салтан вернулась в Москву только 22 июня 1511 г., а в конце этого года (5 декабря) отпущена была в сопровождении посольства окольничего М. В. Тучкова к себе в Крым [13]. Полтора года мирных отношений с Крымом были прямым результатом поездки крымской царицы.

Если у Василия III с Крымом отношения были вполне дружелюбные, то этого нельзя сказать о Сигизмунде. Осенью 1510 г. Менгли-Гирей со своими сыновьями и 50-тысячным войском совершили опустошительное вторжение в земли Великого княжества Литовского[14]. В то же время московское правительство продолжало укрепление восточных рубежей и в 1511 г. завершило строительство мощной крепости Нижнего Новгорода [15].

Несколько задержали осуществление намеченных планов непредвиденные обстоятельства. В августе 1510 г. стояла «паводь великая» («много портило мельниц и прудов»). Той же зимою «мор бысть на Москве и по всей земле».

---

[13] ПСРЛ, т. IV, стр. 470, 538; т. VI, стр. 251—252; т. VIII, стр. 251—252.

[14] *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 186.

[15] По Устюжскому своду, крепость Нижнего Новгорода «ставити князь великий велел» только в 1511—1512 гг. (УЛС, стр. 103). См. *И. А. Кирьянов.* Нижегородский кремль. Горький, 1956, стр. 16—18. Уже вскоре (1 августа 1513 г.) в Нижнем произошел большой пожар (Нижегородский летописец, стр. 30).

В том же году (1509/10 г.) произошло тридцатидневное землетрясение. Наконец, в зиму 1511/12 г. «бысть дорого жито по всей земли Русстей, и многие люди з гладу мерли»[16].

В 1511 г. Василий III урегулировал отношения и с одним из своих могущественных вассалов, прикрывавших южные рубежи России, — с князем новгород-северским Василием Шемячичем. Этого князя оговорил его «сосед» князь Стародубский Василий Семенович, сообщивший московскому государю, что Шемячич якобы «уряжается» (собирается) переходить на службу к польскому королю. 18 января 1511 г. Шемячичу из Москвы были посланы три грамоты. Согласно одной (написанной от имени Василия III), с новгород-северского князя торжественно снимались всякие обвинения, возведенные В. Стародубским. В другой и третьей — содержался вызов Шемячича в Москву, причем митрополит торжественно гарантировал его безопасность[17]. Воспользовался ли этой грамотой Шемячич и побывал ли он в Москве, остается неясным. Во всяком случае в годы Смоленской войны он активно участвует в военных действиях против Сигизмунда.

Зимой 1511/12 г. в Казань посланы были окольничий И. Г. Морозов и дьяк Андрей Харламов, которые должны были принять новую присягу на верность Мухаммед-Эмина по шертной грамоте, привезенной в это время послом Шаусеина-Сеита. Миссия Шаусеина «о крепком миру и о дружбе» была результатом поездки в Казань Нур-Салтан. Возможно, посольство Морозова показалось казанскому царю недостаточно представительным. Мухаммед-Эмин принес присягу, но через своего «человека» — бакшея (переводчика) Бозюку запросил новую миссию, заявив, что «вперед хочет быти с великим князем в крепкой и в вечном миру и в дружбе и в любви», а поэтому просит прислать «своего верного человека». В феврале 1512 г. в Казань был послан конюший И. А. Челяднин — виднейший политический деятель того времени. Мухаммед-Эмин Ивану Андреевичу «таину свою исповедал чисто и с великим князем в крепкой

---

[16] *Зимин,* стр. 37; *Никольский,* стр. XLII; ПСРЛ, т. IV, стр. 537; т. XXIV, стр. 217 («поветрие во многих градех русских: люди мерли кашлем»).

[17] СГГДА, ч. II, № 28—29, стр. 34—36; ЦГАДА, ф. Малиновского, портфель 2, № 37—38.

шерти и в вечном миру, в дружбе и в любви учинился». Челяднин в сопровождении Шаусеина-Сеита в марте вернулся в Москву [18].

В предстоящей войне большое значение должна была иметь расстановка сил в Восточной Европе. Ливония в это время не считала возможным выступать против России. Летом 1512 г. велись переговоры новгородских наместников с ганзейскими городами, правда не приведшие к восстановлению ганзейского двора в Новгороде [19]. С Данией и Швецией у Василия III отношения были вполне дружескими.

Приняв в декабре 1511 г. решение о вступлении в брак с дочерью венгерского магната Яна Запольи Варварой (свадьба их состоялась в начале февраля 1512 г.), польский король и великий князь Литовский Сигизмунд сделался покровителем антигабсбургской коалиции в Венгрии. Это, естественно, заставило Империю искать более тесных контактов с Василием III.

После безуспешных переговоров с Польшей (в 1510 г.) поддержкой России стал интересоваться и Тевтонский орден, опасавшийся начала войны с ним Польши за западные прусские земли. Осенью 1510 г. в Москву штатгальтером Ордена [20] был направлен давний приятель Михаила Глинского саксонец Христофор Шляйниц, который должен был добиться разрешения на приезд ко двору Василия III орденского посольства, а по пути выяснить позицию Москвы на случай возможной орденско-польской войны.

Переговоры в Москве были успешными. Глинский уверил Шляйница, что война России с Великим княжеством Литовским не за горами [21]. В ней был крайне заинтересован и лич-

---

[18] ПСРЛ, т. VI, стр. 252 (вернулся в Москву 8 февраля).

[19] РИБ, т. XV, № 6.

[20] Гроссмейстер Ордена Фридрих в это время был уже накануне смерти (умер он в конце 1510 г.). Его место летом 1511 г. занял Альбрехт Гогенцоллерн, племянник маркграфа Бранденбургского.

[21] Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр. Шляйница в Москву 1511—1514 гг. — «Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии», кн. 1. Тула, 1915, стр. 1—27; *В. Бауэр.* Сношения России с Германией... стр. 83—85; «Acta Tomiciana», t. I, N CCXXX, p. 189; *K. Forstreuter.* Preussen und Russeand (далее — *Forstreuter*). Göttingen, 1955 p. 72; *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах. Автореферат

но князь Михаил, рассчитывавший получить себе в княжение Смоленск [22]. Василий III согласился принять тевтонских послов. В дороге Шляйниц подвергся нападению, в результате чего переписка Василия III и Глинского с Орденом попала к Сигизмунду. Так дипломатическая подготовка России к войне стала известна в Вильно [23]. Польский король также не терял времени. Самой могущественной из его контрмер были переговоры о союзе с Менгли-Гиреем.

На южных рубежах Руси становилось неспокойно. Менгли-Гирей был практически бессилен удержать тех из своих мурз и сыновей, которые жаждали обогащения за счет грабежей соседей. 28 апреля 1512 г. под Вишневцами литовские и польские войска нанесли тяжелое поражение крымцам. Это направило их полки на русские земли. 8 мая в столицу пришла весть о том, что пятеро сыновей хана Менгли-Гирея (в их числе пасынки Нур-Салтан Ахмат-Гирей и Бурнаш-Гирей) пришли на белевские и одоевские места, на Козельск и Алексин. Угрожали татарские войска и Коломне.

Для отпора неожиданному набегу на юг направлена была рать во главе с Д. В. Щеней, М. И. Булгаковым и И. А. Челядниным. Козельск обороняли князья И. М. Воротынский и братья Федор и Роман Ивановичи Одоевские [24]. Опасность была столь велика и неожиданна, что великий князь был вынужден прибегнуть к помощи своих удельных братьев. 15 мая в Тарусу был отпущен князь Андрей, в Серпухов — Юрий. В «Рязань» наместником послан князь И. В. Шуйский, а вместе с ним воеводы князь П. С. Ряполовский и Ф. Ю. Кутузов. Речь, очевидно, должна идти не о Рязани (где княжил Иван Иванович Рязанский), а о Перевитске. Посылка туда войск имела целью не только защиту юга от

канд. дисс. М., 1963, стр. 11. О переговорах Шляйница сообщается в известии от 14 апреля 1511 г. (Supplementum N CXLI).

[22] *Герберштейн,* стр. 169—171. Современники называли Глинского инициатором Смоленской войны (*И. Рябинин.* Новое известие о Литве и московитах. — Чтения ОИДР, 1906, кн. 3, стр. 5—6).

[23] В сентябре 1511 г. Василий III послал опасную грамоту, обеспечивавшую свободный проезд орденских послов в Москву (ГБЛ, ф. 256, д. 31, л. 5). На этот документ наше внимание обратил В. Н. Балязин.

[24] ПСРЛ, т. IV, стр. 470; т. VI, стр. 252; РК, стр. 45—47; Э, л. 49.

крымского вторжения, но и предотвращение возможной измены рязанского князя.

Крымским царевичам достичь успеха не удалось, так как великий князь «утвердил землю свою заставами» [25]. Вероломное нападение крымцев как раз в то время, когда с ними были налажены дружеские отношения, а русские войска готовились к Смоленской войне, вызвало гнев Василия III. Следствием этого было то, что Абдул-Латиф, пожалованный Каширой по просьбе Менгли-Гирея, был согнан оттуда и посажен «за приставы» [26].

В июне 1512 г. Ахмат-Гирей с 50-тысячным войском направился, как и предполагали в Москве, на Рязань, но, узнав, что на Осетре стоит рать А. В. Ростовского, а на Упе — М. И. Булгакова и И. А. Челяднина, повернул восвояси. Русские воеводы последовали за ним в Поле до Сернавы (на Осетре) и до Тихой Сосны (за Дон).

Новый набег на Рязань крымские татары совершили осенью того же года. Бурнаш-Гирею удалось даже взять рязанский острог, но не сам город, у которого он стоял 6—9 октября, «земли Рязанские много пакости сотворив». Менгли-Гирей явно вел двойную игру. Василию III он писал, что вторжение царевичей произведено без его ведома, а Сигизмунду сообщал, что поход был произведен в помощь Литве [27].

Необходимо было начинать Смоленскую кампанию. Литва становилась серьезной угрозой. В январе 1511 г. туда собирался бежать брат Василия III Семен, а еще ранее литовские власти рассчитывали на поддержку князя Юрия. Без решительного удара по Литовскому княжеству справиться с внутренней оппозицией было трудно. Осенью 1512 г. Василию III пришла весть, что Сигизмунд «наводит» на русские земли крымского царя и что набег царевичей «на

---

[25] ПСРЛ, т. IV, стр. 538.

[26] ПСРЛ, т. XIII, стр. 15; т. XX, стр. 385; т. XXVIII, стр. 347; ИЛ, стр. 160.

[27] ПСРЛ, т. VI, стр. 252—253; т. VIII, стр. 252—253 (в июле); Э, л. 48 («того году»); «Acta Tomiciana», t. II, N CLXXVI (в июне набег на районы Брянска, Путивля, Стародуба); *Pułaski*, str. 184—185. По летописям, крымских царевичей «наводил... король Жидимонт, преступив крестное целованье и докончанье» (ЦГАДА), ф. Оболенского, № 42, л. 9; ПСРЛ, т. VI, стр. 252—253).

украинные места» был произведен «по королеву же наводу» [28].

В такой обстановке новая русско-литовская война становилась неизбежной. Частые посольства из Москвы в Вильно напряженную обстановку не разрядили. Они касались «порубежных» дел, и каждое из них старалось вину за всевозможные обиды возвести на противную сторону.

Так, в ноябре 1510 г. в Литву послано было посольство М. Ю. Захарьина и дьяка Третьяка Долматова, вернувшееся в марте 1511 г. с ответной миссией Станислава Глебовича. Переговоры велись о чем угодно — о беспрепятственном пропуске торговых людей, о более точном размежевании границ между странами и т. п. — только не о главных спорных вопросах. Дело явно шло к развязке.

Осенью 1512 г. пришло новое известие: король бросил в темницу великую княгиню Елену Ивановну, сестру московского государя [29]. Вскоре после этого она и умерла. Все это переполнило чашу терпения, и Василий III послал «разметные грамоты» (или «складные») Сигизмунду, в которых ему объявлялась война. Великий князь указал, «не дожидаясь приходу царева и королева в свою землю, дело делати с королем по зиме» [30]. Решение начать кампанию зимой, следовательно, было вызвано опасением «единачест-

---

[28] ПСРЛ, т. VI, стр. 253; Сб. РИО, т. 35, стр. 498—499; Pułaski, str. 175—183.

[29] По дошедшим до Москвы сведениям, в заточении в Берштах (Бирштаны), под Вильно (ИЛ, стр. 160), 26 февраля 1513 г. скончалась Елена Ивановна (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 217). По литовским сведениям, она умерла еще 29 января (*Stryjkowski*, str. 373). Василий III переписывался о ней с Сигизмундом до 26 октября 1510 г. (АЗР, т. II, № 80; Сб. РИО, т. 35, стр. 497—498). Елена якобы хотела из Вильно ехать в свое браславское имение, но виленский воевода Николай Радзивилл ее не пустил, думая, что она собирается бежать в Москву, «а наперед себя казну посылает». Елену схватили в Вильно, привезли на санях в Троки, отсюда отправили в село Бирштаны, откуда она была доставлена в Стеклышки (Сб. РИО, т. 35, стр. 497, 523—525). В Царском архиве, ящик 27, хранилась «запись, что дал князь Михайло Глинский во королеве и великой княгине Олене, как ей зелье давал Копегин (Сопегин. — *А. З.*) человек» (Описи, ящик 27, стр. 21). Об этом «человеке» и «лихом зелье» упоминается в посольских делах (Сб. РИО, т. 35, стр. 524). Подробнее см. также: *Е. Церетелли.* Елена Иоанновна, стр. 319—327.

[30] Сб. РИО, т. 35, стр. 499.

ва» Литвы с Крымом. Возможно, это был просчет: русская армия не имела еще достаточного опыта для ведения военных действий в зимних условиях. Великий князь возлагал, очевидно, надежды и на внезапность удара.

14 ноября к Смоленску отправились передовые отряды известного нам уже по псковским событиям князя И. М. Репни-Оболенского, в то время вяземского наместника, и конюшего И. А. Челяднина с задачей взять смоленские посады и, не задерживаясь у города, двигаться по направлению к Орше и Друцку. С ними должны были соединиться войска, шедшие к Бряславлю от Лук во главе с луцким наместником князем В. С. Одоевским и князем С. Ф. Курбским. Подтягивались также к Холму новгородские полки князя В. В. Шуйского в сопровождении тысячи псковских пищальников [31].

Василий III буквально накануне своего выезда из Москвы предусмотрительно поспешил направить в Турцию посольство Михаила Ивашкова (Алексеева) с поздравлениями по поводу вступления на престол султана Селима[32]. Путем установления дружеских отношений с Портой московское правительство думало вынудить Крым воздержаться от дальнейших враждебных акций. 19 декабря 1512 г. великий князь вместе с братом Дмитрием, царевичем Петром, воеводами князьями Д. В. Щеней, А. В. Ростовским, И. М. Воротынским и другими выступил в поход. В Можайске, куда великий князь прибыл 28 декабря, к нему присоединились из Дмитрова князь Юрий, из Волоколамска князь Федор Борисович да Шейх-Аулиар с городецкими татарами. В январе великий князь был уже под Смоленском. На Москве были оставлены братья Василия III Семен и Андрей.

Одновременно с движением основных сил русского войска в тыл с юга начато было наступление на Киев силами Василия Шемячича и приданных ему великокняжеских воевод. Впрочем, это движение носило по преимуществу отвлекающий характер [33].

О смоленских походах исследователь располагает двумя

---

[31] РК, стр. 47—48; ПЛ, вып. 1, стр. 97; вып. 2, стр. 259.

[32] Сб. РИО, т. 95, стр. 83—89.

[33] ПСРЛ, т. VI, стр. 253; т. VIII, стр. 253; ИЛ, стр. 119, 161; РК, стр. 48—49.

первоклассными источниками — Повестью о Смоленском взятии, помещенной в сборнике с Иоасафовской летописью [34], и рассказом о взятии Смоленска и битве под Оршей в Устюжском летописном своде [35]. Откуда попали в Устюжский свод исключительно интересные сведения о литовско-русских войнах начала XVI в., остается еще не вполне ясным.

Выполняя указания Василия III, воеводы И. М. Репня и И. А. Челяднин обошли Смоленск, соединились с В. С. Одоевским и, пока великий князь находился под Смоленском, совершали рейды в районы Орши, Друцка и Борисова, доходя даже до Минска, Витебска и Бряславля. Осада Смоленска, продолжавшаяся шесть недель, не дала никаких результатов, несмотря на артиллерийский обстрел крепости. Только один приступ в январе 1513 г., по польским сведениям, принес потери московскому войску в 2 тыс. человек [36]. Сотнику Харузе для псковских пищальников выдали по распоряжению великого князя три бочки пива и три меда. Те ночью начали штурм крепости. Но даже артиллерийская поддержка и участие в штурме «посохи» (пехоты) и пищальников не могли оказать действенной помощи псковичам, которым так и не удалось ворваться в Смоленск [37]. Когда наступила оттепель и паводок, «а корму конского скудно бе», великий князь снял осаду и направился в Москву, куда прибыл в самом начале марта. Ни успешные действия под Минском и Бряславлем, ни сожжение посадов Киева не могли компенсировать главного: поход в целом окончился неудачей [38]. Уроками его было то, что великий

---

[34] Сохранившаяся часть Повести начинается молитвой митрополита перед выходом русских войск в поход («мы тебе... соборне все благославляем»). Обрывается рассказ на челобитни 31 июля 1514 г. смольнян: «И как великому князю ударили челом» (ИЛ, стр. 191—196).

[35] УЛС, стр. 103—106.

[36] «Acta Tomiciana», t. II, N CLXVII, p. 157.

[37] ПЛ, вып. 1, стр. 97.

[38] ИЛ, стр. 193; ПСРЛ, т. IV, стр. 470, 612; т. VI, стр. 253; т. VIII, стр. 253; т. XIII, стр. 15—16; т. XX, стр. 385—386; т. XXI, стр. 587—588; т. XXII, стр. 517; т. XXIII, стр. 199; т. XXIV, стр. 217; т. XXVI, стр. 302—303; т. XXVIII, стр. 347; т. XXX, стр. 141; ИЛ, стр. 160—161; РВ, стр. 290—291; ПЛ, вып. 1, стр. 97; вып. 2, стр. 259; УЛС, стр. 103; *Шмидт,* стр. 277, 47—48; *Щербачев,* № 10; *Stryjkowski,* str. 373.

князь понял необходимость усиления армии за счет артиллерии, обеспечения тыла от вторжения крымцев и, наконец, переноса начала военных действий на лето.

Отход русских войск от Смоленска был только передышкой. Уже 17 марта, т. е. практически сразу же по прибытии великого князя в столицу, принято было решение о новой летней кампании [39]. Но до начала второго Смоленского похода велись напряженные дипломатические переговоры.

В марте 1513 г. речь шла о приезде в Россию дружеского посольства датского короля Христиерна II, недавно вступившего на престол после смерти своего отца Иоанна (20 февраля). Должно было прибыть на Русь и шведское посольство [40] (в 1513 г. заключено было мирное соглашение между Данией и Швецией). Несколько позднее, 9 мая 1513 г., шведские представители в Новгороде подтвердили договор о перемирии на 60 лет [41].

Наконец, и император Максимилиан из Любека морем отправил на Русь «отряд пехоты, орудия и несколько итальянцев, опытных в осаде крепостей» [42].

В свою очередь и Сигизмунд в феврале 1513 г. вел переговоры с Ливонией, рассчитывая (по опыту 1501—1503 гг.) втянуть ее в войну с Россией. Но его старания остались тщетными. Рассчитывал Сигизмунд и на поддержку Крыма. Немногим позже, 3 сентября, Менгли-Гирей заключил союзный договор с Польшей [43]. Но положение Великого княжества оставалось крайне трудным ввиду отсутствия достаточного войска для обороны рубежей. В сентябре 1513 г. Сигизмунд писал: «Московский враг опустошает и разоряет наши владения. Литовцы же, охваченные страхом, распола-

---

[39] РК, стр. 49—51.

[40] *Щербачев*, № 8—10; *Форстен*, стр. 275.

[41] *Форстен*, стр. 200; СГГД, ч. V, № 60; *Rydberg*. Svergs tractaten, t. 3, N 581.

[42] «Acta Tomiciana», t. II, N 143; *Бауэр*, стр. 84—85. М. Стрыйковский сообщает о посылке М. Глинским в Силезию и Чехию Шляйница, который «нанял рейтаров и привел их через Лифляндию в Москву» (*Stryjkowski*, str. 373). Сведения о переговорах М.Глинского с Орденом о миссии Шляйница содержатся в известии от 14 апреля 1511 г. (РЛА, № CCCXVII; «Supplementum», N CXLII).

[43] *Малиновский*, стр. 482—483.

гают для защиты лишь своими силами, так как приглашать на помощь иноземцев уже поздно» [44].

Если начало первого Смоленского похода задержалось, то второй начался значительно раньше, еще летом. 14 июня 1513 г. Василий III вместе со своими братьями Юрием, Дмитрием и Андреем выступили в Боровск «беречься от своих недругов, от короля Польского и от царя Крымского». Этот город, как мы помним, получил в кормление М. Глинский. Боровск как место сбора ратных сил был избран потому, что лежал на перепутье военных шляхов в Литву и Крым. В Москве получены были известия о том, что Менгли-Гирей послал было «на великого князя украину на Тулу и на слуг на его», на князей Василия Шемячича и Василия Стародубского царевича Мухаммед-Гирея «и иных своих детей со всеми своими людьми». Полагая, что Василий III двинется прямо на Смоленск, крымский царь думал нанести удар в тыл русских войск. Его замысел не удался.

Еще весною на юге решено было сосредоточить крупные соединения войск — князей А. В. Ростовского, И. М. Воротынского на Туле и князя М. И. Булгакова на Угре. Приведены были в боевую готовность и полки двух Василиев — Шемячича и Стародубского [45]. Узнав, что Василий III находится не под Смоленском, а в Боровске, Мухаммед-Гирей отказался от вторжения в «русские украины» и «пошел на Воложского». А к великому князю послал даже своего человека Кудеяра Базангозина с неожиданным предложением «были заодин на его недруга, на короля Польского». Это меняло всю ситуацию и давало возможность Василию III бросить все основные силы под Смоленск. 11 августа с Лук на Полоцк двинулись новгородские войска князя В. В. Шуйского, а с Дорогобужа — князя Д. В. Щени. Передовой отряд злополучного князя И. М. Репни, брошенный на Смоленск, был разбит смоленским наместником Юрия Гле-

---

[44] «Acta Tomiciana», t. II, N 320. См. *А. Б. Кузнецов.* Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г. — «Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики», вып. 30. Саранск, 1966, стр 155.

[45] РК, стр. 49, 50. По польским сведениям (29 июня 1513 г.), татарские отряды опустошили районы Брянска, Путивля и Стародуба («Acta Tomiciana», t. II, N CCLXXVII, p. 215).

бовича. Но русские воеводы от города не отступили, отняв «у смолян посады». Тогда к Смоленску отправлены были князь Михаил Глинский и царевич Ак-Доулет, находившийся на русской службе «с татары» и «многыми людьми».

11 сентября 1513 г. под Смоленск двинулся и сам Василий III с братьями Юрием и Андреем. Дмитрий Углицкий был отправлен в Серпухов для охраны тыла от возможных набегов крымских татар. Царевич Петр и князь Семен получили распоряжение оставаться в Москве. Совершив рейд к Полоцку, 26 октября под Смоленск пришла и рать В. В. Шуйского [46]. По преувеличенным сведениям, под Смоленском находилось русское войско, насчитывавшее 80 тыс. человек, под Полоцком — 24 тыс., под Витебском — 8 тыс. Последними двумя воинскими соединениями командовал М. Глинский. У Василия III было огромное число орудий — до 2 тыс. пищалей, «чего никогда еще ни один человек не слыхивал» [47].

Смоленск представлял собою первоклассную крепость. Город обнесен был дубовым кремлем, к тому же имел «твердость стремнинами гор и холмов высоких затворенно и стенами велми укреплен» [48]. Сигизмунд писал, что Смоленская крепость, расположенная у Днепра, «мощна... благодаря самой реке, болотам, а также благодаря человеческому искусству, благодаря бойницам из дубовых брусьев, уложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и снаружи; окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны верхушки зданий, а самые укрепления не могут быть разбиты ни выстрелами из орудий, ни таранами, да и не подрыться под них, ни разрушить или сжечь при помощи мин, огня или серы» [49]. Сильный артиллерийский обстрел наносил большой урон защитникам города и крепостным сооружениям. Разбита была, в частности, Крыношевская башня. Но все же смольнянам удавалось ночью восстановить то, что было разрушено днем.

---

[46] ПЛ, вып. 1, стр. 97; вып. 2, стр. 259 (в псковских летописях ошибочно: 7021 г.).

[47] *И. Рябинин.* Новое известие о Литве и московитах, стр. 5—6. По польским сведениям, осаждена была и Орша отрядом в 14 тыс. человек («Acta Tomiciana», t. II, N CCCLIX, p. 261—262).

[48] ИЛ, стр. 194.

[49] «Acta Tomiciana», t. III, N 1, p. 2.

Осада города затягивалась... Драгоценное летнее время опять было потеряно из-за угрозы вторжения крымских войск. «Приспе осени дни студеныа, а корму конскаго скудно бе»,— горестно замечает автор Повести о Смоленском взятии. К тому же получено было известие, что Сигизмунд готовит 30-тысячную армию для похода под Смоленск [50]. Безрезультатно простояв под Смоленском свыше четырех недель, Василий III 21 ноября вернулся в Москву. Из Литовской земли, из-под Полоцка войска также были отозваны [51].

И на этот раз, как и после Псковского взятия, великий князь сразу же поехал по монастырям [52]. Но теперь ему приходилось не благодарить «Всевышнего» за ниспосланный ему успех, а просить его о даровании победы. Неудача не обескуражила московского государя. Не прошло и трех месяцев, как в феврале 1514 г. было принято решение о новом (третьем) походе на Смоленск [53].

Несмотря на то что первые смоленские походы не принесли военного успеха ни одной из сторон, возросшее могущество России и твердая позиция Василия III произвели большое впечатление на европейские державы, заинтересованные в восточноевропейских делах. Учитывая это, император Максимилиан задумал создать широкую антипольскую коалицию держав. По его мысли, в нее должны были войти кроме Империи Тевтонский орден, Дания, Бранденбург, Саксония, Валахия и Россия. Для привлечения в коалицию Ордена и России был отправлен со специальной миссией Георг фон Шнитценпаумер. Он побывал в Кёнигсберге у гроссмейстера Ордена Альбрехта, а затем 2 февраля 1514 г. прибыл в Москву. Здесь он вел длительные переговоры о совместной борьбе против Сигизмунда, о проектах разделения территории Польши и Литвы между

---

[50] ПСРЛ, т. IV, стр. 612.

[51] ПСРЛ, т. VI, стр. 253; ИЛ, стр. 161, 194—197; РК, стр. 51—53; *Герберштейн,* стр. 77; *Шмидт,* стр. 278. По Устюжскому своду, русские войска «ходили под Оршу, под Мстиславль, под Кричев, под Полоцк, полону бесчислено, а города не взяли ни одного» (УЛС, стр. 103).

[52] 11 декабря он был в Новой слободе (Александрове), а 15 декабря— в Троицком монастыре (ГБЛ, Троицк, № 647, л. 2).

[53] РК, стр. 53; Э, л. 49 об.

союзниками[54]. В итоге между Империей и Россией был заключен договор, согласно которому обе державы вступали между собой в тесные союзнические отношения[55]. Взаимно признавались права России на Киев и другие украинские и белорусские земли, а также имперские права на земли, когда-то захваченные Орденом, но отвоеванные Польшей. Союзники обязывались оказывать друг другу вооруженную помощь в войне с Сигизмундом. Союзнический договор начинался пышным титулом, в котором Василий III впервые в истории русско-имперских отношений именовался царем (цесарем). Это означало признание за Русской державой полного равенства с Империей на международной арене.

Договор 1514 г. был крупнейшей победой русской дипломатии времени Василия III, кульминационным пунктом русско-имперских отношений XVI в. Он мог быть заключен лишь в обстановке резкого подъема могущества Русского государства, накануне победоносного завершения войны за Смоленск. Решение о новом походе на Смоленск и принято было во время пребывания имперского посла в Москве.

7 марта 1514 г. Шнитценпаумер вместе с русским послом Д. Ф. Ласкиревым отбыли для ратификации договора к имперскому двору. После завершения русско-имперских переговоров Новгород подписывает перемирную грамоту с 70 ганзейскими городами, от имени которых выступали Дерпт, Ревель и др. Устанавливалось перемирие на 10 лет и обоюдовыгодные условия торговли[56]. Признавалось, в частности, право ганзейцев на торговлю солью — пункт, являвшийся одним из камней преткновения во время предшествующих переговоров. Со своей стороны ганзейцы гарантировали «чистый путь», т.е. свободный проезд русских дипломатов

---

[54] «Acta Tomiciana», t. III, N CCXXXIV; *Бауэр,* стр. 86; ПСРЛ, т. VI, стр. 253; т. VIII, стр. 253—254; ИЛ, стр. 161—162; РВ, стр. 293; *Шмидт,* стр. 278; Э, л. 60 об. См. инструкцию Максимилиана, выданную Шнитценпаумеру 11 августа 1513 г. (*Е. Писаржевский.* К истории сношений России с Германией в начале XVI в. — Чтения ОИДР, 1895, кн. 2, стр. 19—21).

[55] ССГД, ч. V, № 66 (4 августа 1514 г.) — 67; *I. Fiedler.* Allianz zwischen Keiser Maximilian I und Vasilii Iwanowic Grossfürst von Russland von dem Jahre 1514. Wien, 1863; *Übersberger,* S. 78—82.

[56] СГГД, ч. V, № 65.

через свою территорию в европейские страны. Обязывались ганзейцы не оказывать никакой помощи Литве. В Новгороде должен был открыться ганзейский двор. В целом договор 1514 г. содействовал развитию торгового мореплавания и заграничной торговли русского купечества [57].

Еще в начале апреля из Москвы был отпущен датский посол Давыд Старый фан Коран, а с ним Иван Ярый Микулин Заболоцкий с дьяком Василием Белым для переговоров с Христиерном II о союзе против Сигизмунда I и шведского короля Стена Стуре [58]. 24 июня Давыд снова был в Москве, где вел переговоры о дружбе [59]. 5 июля Христиерн сообщил Василию III, что договор о дружбе вскоре будет подписан [60]. Переговоры с Портой в Стамбуле и Москве продолжались на протяжении всей второй половины 1513 и 1514 г. и носили добрососедский характер.

Весной 1514 г. в Москву прибыло турецкое посольство Кемал-бея, которому 28 мая была организована торжественная встреча [61]. В ходе переговоров выяснилось, что турецкий султан был заинтересован в развитии торговых связей с Россией, хотя заключать с московским государем какие-либо соглашения политического свойства избегал [62]. В свою очередь и Москва не хотела выполнять всех просьб султана без установления более тесных контактов между обеими странами. Так, Василий III не склонен был выпустить из заточения Абдул-Латифа, о чем его просил Селим.

Готовился к войне и Сигизмунд Казимирович. Польский

---

[57] Подробнее см.: *Н. А. Казакова.* Русско-ганзейский договор 1514 г., стр. 557—586; *Esper,* p. 464—465.

[58] По летописям, они выехали 9 апреля, а вернулись 14 августа (ПСРЛ, т. VI, стр. 253—254; т. VIII, стр. 254). Грамота Василия III Христиерну помечена 10 апреля (РИБ, т. XVI, № 1; ср. № 2). См. также: *Форстен,* стр. 276—280; «Датский архив» № 12—16.

[59] ПСРЛ, т. VI, стр. 253; т. XX, стр. 386.

[60] *Ю. Н. Щербачев.* Акты Копенгагенского архива. — Чтения ОИДР, 1915, кн. 4, стр. 6; *Форстен,* стр. 197—201.

[61] ПСРЛ, т. VI, стр. 254; т. VIII, стр. 254; Сб. РИО, т. 95, стр. 96—97. В летописях приезд Кемал-бея датируется 28 августа.

[62] Сб. РИО, т. 95, стр. 96—97. См. послание Селима от 1 августа 1513 г. (СГГД, ч. V, № 62), а также грамоту от апреля 1514 г. М. И. Алексеева из Турции и другие документы (Сб. РИО, т. 95, стр. 89—95; СГГД, ч. V, № 61, 63—64).

король и великий князь Литовский принимали меры для комплектования войска за счет наемников.

На великом вальном сейме в Вильно (февраль—март 1514 г.) принято было решение нанять 7 тыс. польских жолнеров, а на уплату им жалованья ввести поголовщину (грош с крестьянина, два гроша с бояр, злотый с урядника). Распоряжение о наборе жолнеров направлено было Сигизмундом в Польшу в апреле 1514 г.[63]

В марте того же года в Смоленск был назначен новый воевода Юрий Андреевич Сологуб, занимавший этот пост раньше (с 1503 по 1507 г.). Большие надежды возлагал Сигизмунд на свою дипломатию. И на этот раз главной ставкой для него оставался Крым. Еще в феврале 1514 г. он заключил мирный договор с Портой[64]. Велись переговоры о союзническом договоре и с Крымом[65]. Однако в целом Литва к войне была не готова[66].

Военно-дипломатическая подготовка к новой кампании прикрывалась видимостью миролюбия. В декабре 1513 г. в Москву направлен был гонец, который сообщил о готовности Сигизмунда начать мирные переговоры. На предложение прислать в Москву послов русское правительство ответило отказом[67]. В марте 1514 г. Сигизмунд заявил папскому представителю кардиналу Эрдеду о своем согласии вести мирные переговоры с Россией[68]. Кардинал должен был в ближайшее время отправиться в Москву. Польский король отлично понимал уязвимость своего положения.

Большое внимание правительство Василия III уделяло обороне страны. Во всяком случае с марта 1513 г. начали ежегодно посылаться крупные вооруженные силы в Тулу, становившуюся центром обороны Русского государства на юге. Туда были отправлены видные военачальники князья

---

[63] Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России. Киев, 1888, стр. 74—75; *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 197—201.

[64] Catalogue des Documents Turcs. Warszawa, 1959, N 15.

[65] Pułaski, str. 186—189.

[66] Подробнее см.: *Кашпровский,* стр. 225—226.

[67] ЦГАДА, Литовская метрика, д. 7, л. 516—517; *А. Б. Кузнецов.* Борьба Русского государства... стр. 155.

[68] *П. Пирлинг.* Россия и папский престол (далее — *Пирлинг*), т. I, М., 1912, стр. 296.

А. В. Ростовский и И. М. Воротынский, оставленные в Туле и на 1514 г.[69]

В решающем походе Василий III стремился заручиться поддержкой «небесных сил» и благословением духовенства. Поэтому 21 мая он устанавливает торжественный праздник в связи с созданием киота драгоценной реликвии — иконы Успенья Владимирской божьей матери и росписью Успенского собора (начатой еще 6 июля 1513 г.). Одновременно были заложены Алевизом Новым и другими прославленными мастерами многочисленные каменные церкви как в Кремле, так и за его стенами. Такого широко задуманного единовременного церковного строительства в Москве еще никогда не производилось[70].

Третий Смоленский поход начался весною 1514 г. 30 мая в Дорогобуж двинулась рать князей Д. В. Щени и М. Л. Глинского. Их путь лежал на Смоленск. И на этот раз князь Михаил играл видную роль в походе. Из Новгорода тогда же к Великим Лукам направились войска во главе с новгородскими наместниками князем В. В. Шуйским и И. Г. Морозовым. 7 июня им послано было распоряжение двигаться к Орше, на «Дрютские поля» для страховки основных русских сил от возможного продвижения Сигизмунда к Смоленску[71].

8 июня Василий III с братьями Юрием и Семеном в третий раз выступил к Смоленску. Как и в прошлом году, в Серпухов отправлен был князь Дмитрий, в Москве оставлены царевич Петр и князь Андрей. По сравнению с предыдущим походом теперь у Василия III было три месяца летнего времени в запасе. Всего, по некоторым сведениям, в походе участвовало 80 тыс. русских воинов[72].

Для участия в военных действиях от Тулы была оттянута часть войск во главе с князем И. М. Воротынским. Авангар-

---

[69] РК, стр. 49, 53.

[70] ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VI, стр. 254, 280; т. VIII, стр. 254—255; т. XXX, стр. 141.

[71] РК, стр. 53—54; ИЛ, стр. 195. По польским донесениям, передовой полк М. Л. Глинского (численностью в 1 тыс. человек) прибыл уже к половине апреля 1514 г. под Смоленск, где князь Михаил завязал переговоры с горожанами («Acta Tomiciana», t. III, N LXXXI, p. 71). Через месяц туда прибыла рать Д. В. Щени (АЗР, т. II, № 88).

[72] *Decjusz*, str. 77.

дом командовали князь Б. И. Горбатый и конюший И. А. Челяднин, действовавшие очень неуверенно, «не оступиша» (не окружили) даже самого города. Тогда к ним на подмогу направились полки Д. В. Щени и М. Л. Глинского. В июле под Смоленск прибыл сам московский государь с «большим нарядом». 29 июля началась жестокая канонада: «...яко от пушечного и пищалного стуку и людскаго кричяния и вопля, такоже и от градских людей супротивнаго бою пушек и пищалей земле колебатися и друг друга не видети, ни слышати, и весь град в пламени и курении дыма мнешеся воздыматися, и страх велик нападе на граждане» [73]. По данным Сигизмунда, в обстреле принимало участие 140, а по сведениям Стрыйковского — даже 300 пушек [74].

Канонадой руководил пушкарь Стефан. Уже первый выстрел из «большой пушки» попал в заряженное орудие смольнян. Оно разорвалось и причинило большой вред осажденным. Затем после второго и третьего выстрела смоленский наместник Юрий Сологуб и горожане запросили перемирия на один день. Василий III отказал им в этом, и канонада продолжалась. Тогда под давлением смоленского черного люда наместник и воевода приняли решение о капитуляции [75]. Обстрел города прекратился. По М. Бельскому, переговоры со смольнянами вел М. Л. Глинский, который «внушил им иную мысль, говоря, что мы не отступим в течение года и не пропустим к вам никакой помощи». Он предложил смольнянам перейти на русскую сторону, пообещав, что «великий князь Московской будет платить вам лучше, чем польский король» [76]. Для переговоров горожанами был выслан смоленский боярин Михаил Пивов с делегацией «мещан и черных людей». Переговоры с ним вел сын боярский Иван Юрьевич Шигона Поджогин и дьяк Иван Телешев [77]. (Еще во время второго похода Василий III посылал смольнянам «грамоты многие о добре и о зле, что-

[73] ИЛ, стр. 195; УЛС, стр. 104; РК, стр. 53—55.

[74] «Acta Tomiciana», t. II, N 218; *Stryjkowski*, str. 374—375.

[75] О роли горожан в капитуляции Смоленска см.: *В. Мальцев.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940, стр. 78; *А. Б. Кузнецов.* Борьба Русского государства... стр. 158—159.

[76] *А. И. Рогов.* Сведения по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского. — «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 131.

[77] ИЛ, стр. 195.

бы они задалися за великого князя»[78]. Но только в 1514 г. они приняли это предложение.) Условия в общем были довольно мягкие. Василий III согласился беспрепятственно выпустить из города тех воевод и «жолнерей» (воинов), которые не хотели оставаться на русской службе; горожанам велел «подавати грамоты свои жалованные, как им быти в граде в Смоленске». До нас дошла такая грамота, помеченная почему-то 10 июля[79]. Смольняне получали все те привилегии, которыми они пользовались еще при великом князе Литовском Александре. Город должен был управляться «по старине». Московский государь обещал «не вступаться» в вотчины бояр и монастырей. «Весчую пошлину» разрешалось взимать на городские нужды. Налог (100 руб.), который ранее шел в литовскую великокняжескую казну, теперь отменялся. Учитывая интересы посадского люда, Василий III запретил принимать в «закладчики» мещан и черных людей и запретил взимать с черных людей и мещан подводы под великокняжеских гонцов. Последнее было особенно важно, ибо Смоленск расположен на пути следования дипломатов и армии из Москвы в Вильно[80].

Льготный характер жалованной грамоты 1514 г. объясняется тем, что нужно было добиться капитуляции Смоленска до прибытия основных польско-литовских сил на театр военных действий. Но правительство Василия III смотрело и дальше. Поскольку без поддержки единоверного населения Великого княжества Литовского выиграть войну за западнорусские земли было невозможно, нужно было предоставить такие льготы этому населению, которые бы улучшали его по-

[78] ПЛ, вып. 1, стр. 97.

[79] СГГД, ч. 1, № 148, стр. 411—413. М. Н. Тихомиров пишет, что грамота дана «тотчас после взятия города» (*М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии, стр. 348). Это ошибка. Грамота «писана в нашей отчине Смоленску». Скорее всего она составлена во время переговоров 29—30 июля. Н. М. Карамзин исправляет дату на «30 или 31 июля» (*Карамзин,* кн. III, прим. № 110). В ней упомянуто, что Варсонофий вместе со смольнянами уже «бил челом» московскому государю. Следовательно, это не могло быть ранее 29 июля. В летописном своде 1518 г. рассказывается, что великий князь «князей, и бояр, и мещан, и черных людей всех града Смоленска пожаловал... и грамоту им свою жаловалную дал». Это было до 31 июля (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 349). Упоминание о жалованной грамоте из других, более поздних летописей исчезло (ИЛ, стр. 163).

[80] *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии, стр. 348—349.

ложение сравнительно с тем, в котором они находились под литовской властью. Пример со Смоленском мог привлечь на сторону России все новые и новые круги горожан (это было особенно важно), «панов» и крестьянства.

Смоленск отворил свои ворота. Туда послан был Д. В. Щеня, который вместе с воеводами и дьяками привел город к присяге. Наместника Юрия Сологуба и прочих «латын» проводили до Орши и отпустили в Литовскую землю. Всем им было выдано по рублю денег. Позднее Юрий Сологуб был казнен в Литве как изменник, сдавший город «без единого выстрела» [81]. Сигизмунд писал брату уже 30 июля, что смоленская крепость «благодаря гнусной измене коекого из наемных войск и местной знати открыла свои ворота и передалась врагу»[82]. Тем «жолнерам» людям и панам, которые согласились перейти на русскую службу, Василий III распорядился выдать по 2 руб. денег и по «лунскому» (английскому) сукну. Таковых оказалось «многое множество». Те, кто захотел служить в Смоленске, получил государево жалование, у них оставлены были поместья и вотчины. Те, кто предпочел для себя спокойнее служить в Москве, получил деньги «на подъем». Наместником в Смоленске был оставлен князь В. В. Шуйский [83]. 1 августа 1514 г. в город торжественно въехал Василий III.

Так был присоединен Смоленск. Свершилось событие, имевшее громадное историческое значение. Все русские зем-

---

[81] По Повести о Смоленском взятии, бояре и князья смоленские приехали к московскому государю после переговоров с М. Пивовым 31 июля (ИЛ, стр. 196). По Устюжскому своду, «владыка и воевода» были в великокняжеском шатре еще 29 июля «и до утра за сторожи». 30 июля в Смоленск посланы воеводы и дьяки «вся люди переписати и к целованью привести». Это и было проделано в понедельник 31 июля (УЛС, стр. 104). Вероятнее версия московских летописей: 31 июля смольняне открыли ворота и целовали крест великому князю. Тогда в город послан Д. В. Щеня (ИЛ, стр. 162—163).

[82] Ср. «Acta Tomiciana», t. III, N CCXVI, p. 154. По Герберштейну, Василий III овладел городом «через измену воинов и начальника... одного чеха»; в другом месте: «Глинский овладел городом посредством переговоров или, вернее, подкупа» (*Герберштейн*, стр. 112, 17).

[83] Подробнее см. также: ПСРЛ, ст. IV, стр. 470, 538; т. VI, стр. 254—255; 279—280; т. VIII, стр. 225—227; РК, стр. 54—55; Э, л. 58 об.; *Герберштейн*, стр. 112; *Кампензе*, стр. 21—22; *Decjusz*, str. 76—77; *Stryjkowski*, str. 374—375.

ли были воссоединены отныне в границах единого Русского государства. Создавалась хорошая перспектива для дальнейшей борьбы за Украину и Белоруссию. Расширились возможности для налаживания нормальных торговых связей не только с Прибалтикой, Украиной, Белоруссией, но и с западноевропейскими странами.

Война еще продолжалась. Необходимо было удержать Смоленск от подходивших польско-литовских войск. Сам же Василий III уже вскоре покинул Смоленск и отошел в более безопасный Дорогобуж.

Эхо первых успехов под Смоленском отозвалось радостными вестями. 7 августа к Мстиславлю были посланы войска князей М. Д. Щенятева и И. М. Воротынского. Как только они подошли к городу, князь Михаил Ижеславский (Мстиславский) «бил челом» Василию III. Его примеру последовали и «мещане и черные люди» Кричева и Дубровны, присягнувшие московскому государю 13 августа [84].

Можно было ожидать и дальнейших успехов. Поэтому к Минску, Борисову и на «Дрютские поля» отправлена была большая рать во главе с князьями Михаилом и Дмитрием Булгаковыми и И. А. Челядниным. По явно преувеличенным данным С. Герберштейна, М. Бельского и М. Стрыйковского, она насчитывала 80 тыс. человек [85]. Однако, тут произошло событие, которое изменило ход всей кампании. По полученным русскими воеводами сведениям, князь Михаил Глинский, находившийся под Оршей, собрался изменить Василию III. Его слуга, бежавший ночью к М. И. Булгакову, сообщил, что Глинский направился в Оршу, в расположение войск неприятеля. Тогда Булгаков, известив об этом Челяднина, в ту же ночь бросился в погоню за Глинским и вскоре настиг его. Глинский с небольшой охраной ехал за версту от своих основных войск, поэтому его удалось схватить без каких-либо серьезных осложнений. Утром подоспел и Челяднин. Пленника препроводили в Дорогобуж, изъяв у него «грамоты посылныя королевские» [86].

---

[84] УЛС, стр. 105—106.

[85] *Герберштейн,* стр. 170; *Stryjkowski,* str. 376—377; *А. И. Рогов.* Сведения по истории России, стр. 131.

[86] По Герберштейну, дело было иначе. Узнав, что Василий не собирается передавать ему Смоленск, Глинский посылает своего человека к Сигизмунду с просьбой простить «все слишком тяжкие

Измену Глинского С. Герберштейн объясняет тем, что Василий III, начиная Смоленский поход, обещал ему передать в вотчину Смоленск, но после взятия города свое обещание не выполнил. Это вызвало гнев князя Глинского и решение перейти на литовскую сторону [87]. Согласно прусскому известию от 3 сентября 1514 г., М. Глинский заявил Василию III: «Великий князь Московский, я сегодня дарю тебе крепость Смоленск, которую ты давно желал (приобрести), что же ты даришь мне?» На это великий князь ответил ему: «Так как ты мне даришь это, то и я дарю тебе княжество Литовское» [88]. Если этот разговор имел место в действительности, то ответ Василия III звучал явно издевательски: князь Михаил не получал ровно ничего. Как и в сходных случаях, для Василия III реальные политические соображения имели более существенное значение, чем рыцарское представление о чести и верности данному слову.

По распоряжению великого князя Глинский был закован в кандалы и отправлен в Москву. Тем временем Сигизмунд (прибывший из Минска в Борисов) «по совету княжю Михаила Глинского» направил основные свои войска во главе с князем Константином Острожским к Орше. Узнав об этом, Василий III отдал распоряжение М. И. Булгакову и И. А. Челяднину идти навстречу литовско-польским полкам [89].

Первое сражение произошло на реке Березине, другое — у реки Дрови (Друи) и, наконец, последнее — на реке Кропивне (по Стрыйковскому, на Бобре, притоке Березины), между Оршей и Дубровной (по Типографской летописи, в пяти верстах от Орши).

его прегрешения». Тот передал через него князю Михаилу охранную грамоту на проезд. Но Глинский не вполне доверял королевской грамоте, а потому потребовал подтверждения и получил его через королевских советников немецких рыцарей Георгия Писбека и Иоанна фон Рехенберга. Но посланец короля «наткнулся на московитскую стражу и был взят в плен» (*Герберштейн*, стр. 170).

[87] *Герберштейн*, стр. 17, 169—171. Ср. «Acta Tomiciana», t. III, N CCXXXIV, p. 185.

[88] «Supplementum» N CXLI.

[89] ПСРЛ, т. VI, стр. 255—256; т. VIII, стр. 257; ИЛ, стр. 164; *Герберштейн*, стр. 18—19.

Наиболее подробный рассказ о происшедших событиях содержится в Устюжском летописном своде. Летописец сообщает, что на Березине обе стороны «стояша долго время». Литовцы начали переговоры, предлагая русским разойтись полюбовно («разоидемся на миру»). Однако тем временем они же сами прошли 15 верст по Березине вверх, переправились через реку и атаковали москвичей [90]. Битва у Орши произошла 8 сентября [91]. Литовцы напали сначала на полки М. И. Булгакова. Кто знает, как бы кончилось дело, если б И. А. Челяднин поддержал воеводу, но он «в зависти не поможе князю Михаилу». Тогда литовская рать обрушилась на его отряды. На этот раз «князь Михаило Ивану Андреевичю не поможе». И все же исход битвы был еще не ясен. В обоих сражениях («ступах», приступах) пало много воинов как у русских, так и у литовцев.

Третья атака литовцев была направлена снова на князя Михаила Булгакова. Челяднину представлялся последний шанс исправить тяжелое положение. Булгаков отчаянно сопротивлялся и бился с войском К. Острожского «много». Но в этот критический момент вместо помощи Булгакову Челяднин решил спасти свою жизнь бегством и тем самым «князя Михаила выдал». После этого врагам удалось одолеть М. Булгакова, разгромить его полки и полонить многих воевод. Да и самого И. А. Челяднина брошенные в погоню за ним литовские войска «догнавше и поимавше». В результате разгрома погибло множество русских воинов, а значительная часть воевод, в том числе и сами М. И. Булгаков и И. А. Челяднин, попали в плен [92].

Одной из причин поражения было отсутствие у русской рати достаточной артиллерии, оставшейся под Смоленском («сила не нарядна была, а иные люди в розъезде были»). Оршинская битва для К. Острожского была своеобразным

---

[90] По Децию и Стрыйковскому, первое сражение на Березине произошло 27 августа (*Decjusz*, str. 79).

[91] УЛС, стр. 106. Так во Владимирском летописце, в Типографской летописи и Продолжении Хронографа, у Герберштейна и Стрыйковского. В «Отрывке летописи по Воскресенскому списку» — 9 октября (ПСРЛ, т. VI, стр. 280). В Иоасафовской, Уваровской, Вологодско-Пермской, Воскресенской, Никоновской, Софийской II рассказывается после изложения событий 10 сентября.

[92] Всего попало в плен 380 детей боярских. Их имена см.: АЗР, т. II, № 91.

реваншем за разгром на Ведроше в 1500 г., когда он попал в русский плен [93].

Узнав об исходе Оршинской битвы, смоленский епископ Варсонофий решил последовать примеру М. Глинского и послал к Сигизмунду своего племянника с обещанием открыть литовским войскам ворота города. Об этом стало известно В. В. Шуйскому, который, не долго думая, посадил Варсонофия и других заговорщиков «за сторожи». Крамольный владыка был сразу же отослан в Дорогобуж. Позднее (уже зимою) его сослали в Каменский монастырь на Кубенском озере [94]. На его место 15 февраля 1515 г. поставлен архимандрит приближенного к Василию III Чудовского монастыря Иосиф [95].

Вскоре после «поимания» Варсонофия к Смоленску подошел с 6-тысячным отрядом К. Острожский. Но уже было поздно. Момент был упущен, сил у литовцев для штурма крепости было явно недостаточно. Перед глазами литовцев по распоряжению Василия III Шуйский повесил на крепостных стенах многих изменников: «...которому князь великий дал шубу соболью с камкою или з бархатом, того и в шубе повисил; а которому князю или пану дал ковш серебряной или чарку серебряну, и он, ему на шею связав, да и того повесил» [96].

Посланный из Смоленска отряд без особого труда отбил попытку Острожского взять город «с ходу». Репрессии за «смоленскую измену» продолжались. Именно тогда многие смольняне были выведены из города. В Москве образовалась из их числа особая корпорация смольнян, которая вела торговые операции с Западом. Многим смоленским боярам Василий III роздал поместья в «своей земле» [97]. 10 сентября Василий III выехал из Дорогобужа, а 24 сентября прибыл в Москву. В то же время Сигизмунд I покинул театр военных действий и направился в Вильно [98].

---

[93] ПСРЛ, т. IV, стр. 539.

[94] О битве см.: ПСРЛ, т. IV, стр. 539, 612; т. VI, стр. 255—256, 280; т. VIII, стр 257—258; т. XXIV, стр. 217; ПЛ, вып. 1, стр. 98; вып. 2, стр. 260; ПДС, т. 1, стб. 313—314; *Герберштейн,* стр. 169—171.

[95] ПЛ, вып. 1, стр. 98.

[96] УЛС, стр. 106.

[97] ПСРЛ, т. XVII, стр. 403—404; ААЭ, т. 1, № 223, стр. 213 (1549 г.); Сб. РИО, т. 25, стр. 225.

[98] В летописях не вполне ясно: «...сентевриа 10, в неделю

Оршинское поражение имело последствия, повлиявшие на ход войны. Воспользовавшись им, князь М. Мстиславский, а также жители Кричева и Дубровны перешли на сторону Сигизмунда [99]. Почти одновременно с этим по сговору с польским королем [100] на землю В. Шемячича и В. Стародубского напал сын Менгли-Гирея Ахмат-Гирей «с своею братьею, и с всеми детми, и со многими людми». Набег был без особого труда отбит местными силами [101].

Свой успех под Оршей литовцам развить не удалось. Их набег на Великие Луки, продолжавшийся неделю, не был эффективным[102]. В свою очередь запоздалым отзвуком кампании 1514 г. был дерзкий набег псковского наместника А. В. Сабурова на Рославль (28 января 1515 г.). Взяв с собою отряд в 3 тыс. псковичей и детей боярских, он подошел к стенам Рославля и на вопрос: «Рать ли ты или посол великого князя?» — ответил: «Бежу от великого князя к королю». Получив корм с горожан, Сабуров остановился на ночлег в 30 верстах от города. На следующий день «в торговую пору» Сабуров вернулся и ворвался со своим отрядом в город. Взяв «много добра... и полону» (в том числе 18 немецких купцов), Сабуров вернулся во Псков. Василий III похвалил его, а немецких гостей велел ему отпустить со всем добром [103].

Итак, Оршинская битва задержала развитие русских успехов, достигнутых взятием Смоленска, но не могла их нейтрализовать. Смоленск остался в составе Русского государства. Именно с 1514 г. установилась граница России с Великим княжеством Литовским, которая просуществовала с небольшими временными изменениями на протяжении всего XVI в. Это было реальным фактом, менявшим ситуацию на западных рубежах России в ее пользу.

князь великий Василий Иванович всеа Русии... поиде из Смоленска на Москву» (ИЛ, стр. 165 и др.). Можно, таким образом, подумать, что Василий III 10 сентября выехал из Смоленска.

[99] 14 декабря 1514 г. Сигизмунд уже выдал Мстиславскому жалованную грамоту на Мстиславль (АЗР, т. II, № 92).

[100] *Stryjkowski*, str. 385.

[101] Сб. РИО, т. 95, стр. 104.

[102] Э, л. 60 об.

[103] УЛС, стр. 107; ПЛ, вып. 1, стр. 98; вып. 2, стр. 260.

ПОИСКИ МИРНЫХ РЕШЕНИЙ

Из Оршинской битвы Сигизмунд решил извлечь наибольший внешнеполитический эффект, главным образом на дипломатическом поприще, ибо было ясно, что военным путем Великое княжество Литовское решающего успеха в борьбе с Россией добиться не способно. Король широко оповещал европейские дворы о «грандиозной победе» его войск над «московитом», не останавливаясь перед заведомым искажением и всей перспективы событий, и самих реальных фактов. Так, папе Льву X и магистру Альбрехту Сигизмунд писал, что из 80 тыс. русских, участвовавших в Оршинском сражении, убито или потоплено 30 тыс. человек. В плен якобы попало 46 военачальников и 1500 дворян. Позднее Деций и Стрыйковский писали, что убито было 40 тыс. человек, а в плен попало 2 тыс. детей боярских. В подарок папе, венгерскому королю и Яну Заполью Сигизмунд отправил пленных русских дворян, но Максимилиан сумел некоторых из них заполучить себе и отослать на Русь [1].

Все это, конечно, произвело известное впечатление на европейские державы. Так, папский легат Пизон, собиравшийся выехать на Русь, решил до поры до времени от поездки воздержаться [2]. Напуганный крестьянским восстанием в Венгрии летом 1514 г., Максимилиан стал искать путей примирения с Сигизмундом, который и сам был заинтересован в посредничестве императора при решении русско-

---

[1] *Пирлинг*, стр. 297; *Pulaski*, str. 191; «Supplementum» N CXLVIII. Ср. *Бауер*, стр. 89; *В. Н. Балязин*. Россия и Тевтонский орден.— «Вопросы истории», 1963, № 6, стр. 67; *Decjusz*, str. 78—86; *Stryjkowski*, str. 383; «Acta Tomiciana», t. III, N 451.

[2] *Э. Винтер*. Папство и царизм. М., 1964, стр. 49—51.

литовского спора [3]. Так или иначе, но Максимилиан отказался подписать с Россией договор 1514 г., разгневался на Шнитценпаумера и послал Василию III новый вариант соглашения. Этот проект уже не содержал прямых военных обязательств Империи. Русские должны были сами принимать все необходимые меры для мирного разрешения конфликта с Великим княжеством Литовским. И только в случае их бесплодности они имели право обращаться за помощью к Империи. Иными словами, решение вопроса об участии или неучастии в совместной вооруженной борьбе с Великим княжеством Литовским целиком передавалось на усмотрение императора [4].

С этим вариантом договора и приехали в Москву 1 декабря 1514 г. Яков Ослер и Мориц Бугшталер в сопровождении русских послов Д. Ласкирева и дьяка Е. Сукова [5]. Новый проект русско-имперского договора не мог удовлетворить московского государя, и он не признал посреднической роли имперских представителей в урегулировании литовско-русских отношений.

Оставалось тревожным и положение на юге. В марте 1515 г. крымский царевич Мухаммед-Гирей с киевским воеводой Андреем Немировым и воеводой Остафием Дашкевичем напали на Чернигов, Стародуб и Новгород-Северский [6]. В это время Шемячич и Василий Стародубский были вызваны для переговоров в Москву и не могли руководить военными действиями, развернувшимися на территории их княжеств. Но тем не менее мужественная оборона русских воинов не позволила татарским и литовским войскам достигнуть хоть сколько-нибудь значительного успеха, хотя польские источники и сообщают о «громадном полоне», взятом татарами (от 60 до 100 тыс. человек) [7]. Отправленному

---

[3] «Acta Tomiciana», t. III, N CCXIX.

[4] *Писаревский*, стр. 11; *А. Б. Кузнецов*. О некоторых аспектах деятельности русской дипломатии в Европе в первой четверти XVI в.— «Ученые записки Мордовского государственного университета», т. XXVIII. Саранск, 1963, стр. 180—181.

[5] ПСРЛ, т. VI, стр. 257; т. VIII, стр. 258—259; ПДС, т. I, стб. 173—176. Новгородский летописец записал, что зимой 1514/15 г. Россия заключила с «немцами» перемирие (ПСРЛ, т. IV, стр. 234; т. VI, стр. 280).

[6] Сб. РИО, т. 95, стр. 105, 108—109.

[7] *Stryjkowski*, str. 385; *Pułaski*, str. 283—287.

15 марта в Порту русскому послу В. А. Коробову, уехавшему вместе с турецким послом Камалом, необходимо было добиться от султана, чтобы он заставил Крым воздержаться от повторения подобных набегов («им в ту пору какову помешку чинил»)[8].

Обе стороны продолжали вести сложную дипломатическую игру, готовы были идти на расширение торговых связей, не желая связывать себя какими-либо обязательствами политического характера. Торговля со странами Востока во внешнеторговом балансе России первой половины XVI в. занимала важнейшее место[9]. Но для Василия III имело большое значение, удастся ли ему добиться оказания давления на Менгли-Гирея со стороны турецкого султана. Без нейтрализации Крыма невозможна была ни активная казанская политика, ни действенное сопротивление попыткам реванша со стороны Литвы. Этим и объясняется настойчивость московского государя в установлении прочных дипломатических связей с Портой. Султан же отнюдь не собирался жертвовать своими интересами в Крыму и Казани ради союза с Россией, который ему в той обстановке не сулил каких-либо реальных политических выгод. Порта с явным неудовольствием наблюдала за русско-имперским сближением, которое означало поддержку Россией злейшего врага Турции. К тому же Селим в переговорах с русскими представителями настаивал на освобождении Абдул-Латифа.

Русское правительство продолжало вести регулярные дипломатические сношения со своими потенциальными союзниками — Империей и Данией. В апреле 1515 г. Василий III отпустил из Москвы имперских послов вместе с А. Г. Заболоцким и дьяком Алексеем Щекиным, к датскому королю направлены были Иван Микулин Заболоцкий и дьяк Василий Белый. После дипломатического зондажа 22 мая 1515 г. Василий III послал грамоту гроссмейстеру Ордена Альбрехту с согласием на заключение военного сою-

[8] Сб. РИО, т. 95, стр. 109. Вместе с Коробовым на Афон с милостынею отправлены были Василий Копыл и Иван Варавин (ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VI, стр. 257). Ср. грамоту Василия III афонским монахам от 7 марта (СГГД, ч. V, № 68). Подробнее см.: *Н. А. Смирнов*. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, стр. 74—77.

[9] *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.

за против Сигизмунда. После этого он отправился «на потеху» в Волоколамск [10]. Это была его первая поездка в Волоколамский монастырь, где доживал последние дни Иосиф Волоцкий (умер 9 сентября).

Тем временем 29 мая в Москву прибыло тревожное известие: в Крыму умер Менгли-Гирей, и «на святой недели в пятницу», 13 апреля, на царство был посажен Мухаммед-Гирей, известный своей враждебностью к России [11].

В последние годы жизни Менгли-Гирея отношения России и Крыма осложнились прежде всего в силу того, что на престарелого «крымского царя» начали влиять Мухаммед-Гирей и его окружение. Приходилось принимать срочные меры для обороны против Крыма. Отныне центр внешнеполитической активности России перемещался с запада на восток и юг. Уже в 1515 г., очевидно, крымцы совершили набег на северские земли. В Крым был послан гонец Кожух Карачеев с грамотой Василия III от 12 июня 1515 г., содержавшей поздравления Мухаммед-Гирею в связи с восшествием его на престол и предложение продолжить мирные сношения, которые были между Россией и Крымом при Менгли-Гирее. В Москве серьезно опасались, чтобы «Магмед-Кирей от великого князя к литовскому не отстал» [12]. Поэтому сразу же после охоты на Волоке Василий III отправился в Боровск (как это было и во время второго Смоленского похода), где он провел все лето в ожидании развития крымских событий, присматривая и за литовскими рубежами [13]. Крымского царя Василий III уверял, что он напра-

---

[10] РЛА, № 349; ПСРЛ, т. VI, стр. 257; т. VIII, стр. 259; ПДС, т. I, стб. 173—176. Ср. апрельские грамоты об отпуске послов к Христиерну II (РИБ, т. XVI, № 3, 4; XV, № 8).

[11] ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VI, стр. 257, 280; Сб. РИО, т. 95, стр. 131. О политике Мухаммед-Гирея см.: *K. Pułaski*, Machmet-Girej.— *K. Pułaski*. Szkice, t. II. Pb., 1898, str. 283—350; *В. Е. Сыроечковский*. Мухаммед-Гирей и его вассалы.— «Ученые записки МГУ», вып. 61. М., 1940.

[12] *М. К. Любавский*. Литовско-русский сейм, стр. 202; Сб. РИО, т. 95, стр. 130—145.

[13] ПСРЛ, т. XXX, стр. 141—142; Сб. РИО, т. 95, стр. 135. О набегах литовцев на «украинные» места Мухаммед-Гирею Василий III сообщал в грамоте от 12 июня. На Луках находился воевода князь А В. Ростовский, который отпускал своих военачальников в набег на Полоцк (РК, стр. 55—56). На Луках литовцы воевали неделю, «посады у Лук Великих пожгли, а встречи им

вился в Боровск, «оберегаючи своих городов от литовского» [14].

Но дело шло, конечно, о Крыме. Заметим ту поспешность, с которой московский государь выехал в Боровск: только 29 мая получено было известие о смерти Менгли-Гирея, а уже 31 мая великий князь покинул столицу [15]. На южных окраинах стали сосредоточиваться крупные воинские соединения. На реке Вошани расположились полки князя В. С. Одоевского, двинувшиеся позднее к Туле. Воеводы, находившиеся в Боровске, получили распоряжение идти в Литовскую землю.

К Мстиславлю ходила рать князей Б. И. Горбатого и С. Ф. Курбского, в Дорогобуж — князя Д. В. Щени [16].

В Боровск к Василию III 12 августа 1515 г. вернулся из Крыма отправленный туда еще в конце 1511 г. М. В. Тучков и посол крымского царя Мухаммед-Гирея Янчура [17]. В грамоте от 12 июля Мухаммед-Гирей излагал свои условия, на которых он соглашался заключить мир и установить дружеские отношения с Русским государством. Это — передача Крыму восьми северских городов (в том числе Новгорода-Северского, Брянска, Стародуба, Путивля, Рыльска, Почепа, Карачева и Радогощи), отпуск в Крым Абдул-Латифа и отдача Сигизмунду Смоленска.

Программа, явно неприемлемая для России. Предстояли тяжелые и долгие переговоры. Не вступая в препирательства

не было, великого князя воеводы не поспели» (Э, л. 60 об.). По польским сведениям, Ян Свиршевский летом 1515 г. сжег Великие Луки и Торопец («Acta Tomiciana», t. III, N DXVII, p. 381). В ответ на это русские войска опустошили районы Мстиславля и Полоцка. Литовцы в свою очередь осадили Гомель (там же, № XLVI, стр. 43).

[14] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 218. Впрочем, в источниках не все ясно. По некоторым данным, Василий III выехал в Боровск только 22 июля (ПСРЛ, т. XXX, стр. 142). По посольским книгам, грамоты Василия III от 12 июля писаны «на Москве» (Сб. РИО, т. 95, стр. 138); ср. грамоту от «июля» (там же, стр. 146). 15 августа Василий III, несомненно, был в Боровске (там же).

[15] Сб. РИО, т. 95, стр. 218.

[16] РК, стр. 56—57. С Белой к Витебску ходила рать В. Д. Годунова (РК, стр. 58). Зимой в Литовскую землю ходил в поход В. В. Шуйский (там же, стр. 57).

[17] ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VI, стр. 257; Сб. РИО, т. 95, стр. 145—175; ср. грамоту от 12 июля Мухаммед-Гирея о беспрепятственном проезде русских послов в Крым (СГГД, ч. V, № 69).

с крымским послом, Василий III задерживает его временно у себя, а 13 сентября направляет в Крым своего гонца Чуру Албазеева с сообщением о предстоящей поездке «больших» послов [18]. О всех наиболее острых вопросах Василий III в своей грамоте Мухаммед-Гирею умалчивал, но видимость уступок сделал. Он сообщил, что велел Абдул-Латифу «к себе ходити и на потеху ему велели с собою ездити». Вернули Абдул-Латифу и его людей. Дальнейшее урегулирование вопроса о бывшем казанском хане откладывалось до общего заключения русско-крымского соглашения. Во время переговоров 13 сентября небольшие отряды крымских мурз совершили набег на мещерские места [19].

Завершив переговоры в Москве, Василий III в сентябре же отправился в осеннюю традиционную поездку по монастырям — к Троице, в Переяславль и Ярославль [20]. Вернувшись в Москву, Василий III принял крымских послов 11 ноября у себя на дворе, а через несколько дней отпустил в Крым своего «ближнего человека» И. Г. Мамонова (14 ноября). Позднее, в декабре, отправился в Крым и Янчура [21]. Мамонову были выданы подробные инструкции о ведении переговоров с Мухаммед-Гиреем. Русский посол должен был напомнить крымскому царю о традиционной дружбе его отца Менгли-Гирея с Россией и постараться добиться, чтобы и новый крымский царь «грамоту... шертную нам дал о дружбе и о братстве». Если Мухаммед-Гирей согласится принести присягу московскому государю и заключить с ним договор о дружбе, то тогда и Василий III готов пожаловать Абдул-Латифа каким-либо городом в кормление [22].

Относительно северских городов позиция русского правительства была совершенно определенной: этими городами «поступаться» Василий III никому был не намерен. Зато он предлагал Мухаммед-Гирею союз для борьбы с общим

---

[18] Сб. РИО, т. 95, стр. 177—188.

[19] Там же, стр. 180, 184, 186, 194, 223. Позднее в грамоте от 11 января 1516 г. Мухаммед-Гирей снова настаивал на отпуске в Крым Абдул-Латифа (там же, стр. 245).

[20] ПСРЛ, т. XXX, стр. 142.

[21] ПСРЛ, т. VI, стр. 257; т. VIII, стр. 259; т. XXX, стр. 142; Сб. РИО, т. 95, стр. 188—226. См. грамоту Василия III от 15 ноября о приезде послов (СГГД, ч. V, № 71).

[22] Сб. РИО, т. 95, стр. 194.

«недругом» — Сигизмундом и обещал схватить и доставить крымскому царю его старинного врага Ших-Ахмета, если только Крым вступит на стороне России в войну с великим князем Литовским. Словом, задача у И. Г. Мамонова была трудная. Он должен был предлагать «синицу в небе», и только. Единственно, на что приходилось рассчитывать, — это на переменчивость крымской политики, на охлаждение в отношениях Мухаммед-Гирея с польским королем.

19 февраля 1516 г. в Москву вернулся В. А. Коробов, получивший от турецкого султана обнадеживающие заверения о его стремлении развивать добрососедские отношения с Россией, в первую очередь торговые. Впрочем, ничего реального, кроме обещаний, Коробов не привез [23].

Зима выдалась тяжелая. Затяжные переговоры с Крымом происходили в сложной обстановке. В стране был недород («перемежалось хлеба на Москве: ржи было негде купить»). В соседних странах вспыхнул мор, в Прибалтике он продолжался до марта 1516 г. Крымский царь, который в это время находился «за Перекопью», даже бежал оттуда «от мору» [24].

Весною 1516 г. от И. Г. Мамонова стали поступать вести, что Мухаммед-Гирей настаивает на русской помощи в 20—30 тыс. человек против ногайцев (крымцы предполагали нанести удар по Астрахани) и на отпуске Абдул-Латифа [25]. Только при исполнении этих двух условий он выражал готовность разорвать союз с Сигизмундом. В то же самое время (14 марта) крымский хан ратифицировал крымско-литовский союзный договор [26].

Василий III в грамотах, отправленных в Крым в июне 1516 г., уклонился от принятия крымских условий, настаивая на скорейшем заключении договора и принесении

---

[23] ПСРЛ, т. VI, стр. 357; т. VIII, стр. 259; Сб. РИО, т. 95, стр. 226—254. См. грамоту Селима от 30 августа 1515 г. (СГГД, ч. V, № 70, стр. 69—70).

[24] ПСРЛ, т. IV, стр. 540; т. VI, стр. 280; Чтения ОИДР, 1898, кн. I, стр. 12; Сб. РИО, т. 95, стр. 231.

[25] Сб. РИО, т. 95, стр. 150, 268—315. Мотив о русской помощи в борьбе Крыма с Астраханью как непременном условии шерти звучит в словах Менгли-Гирея и летом 1516 г. (там же, стр. 378).

[26] *Малиновский*, стр. 483—484; *K. Pułaski.* Machmet-Girej, str. 293—296.

шерти[27]. В самой общей форме московский государь писал: «Ино и ныне другом твоим друзи, а недругом недрузи» или: «вперед для тебя, брата своего (Мухаммед-Гирея.— *А. З.*) к Абдыл-Летифу царю дружбу свою и братство и свыше хотим чинити». Переговоры неожиданно оборвались из-за смерти И. Г. Мамонова, последовавшей 18 июня[28].

В том же месяце в Москве получили известие о том, что воинственный сын Мухаммед-Гирея Богатыр-Салтан совершил 15 июня набег на рязанские и мещерские земли и, захватив полон, вернулся восвояси. Летом же 1516 г. крымские войска Алп-Арслана (по разным данным, от 40 до 60 тыс. человек) нападали на литовские земли и тем самым сорвали Сигизмунду летнюю кампанию против России. И опять из Крыма полетели сообщения в Москву, что поход совершен был без ведома «царя», а в Вильно — что Алп-Арслан самовольно ходил на Литву[29]. В действительности крымские мурзы торопились поживиться за счет обеих враждующих держав, а Мухаммед-Гирей выжидал, которая из сторон предложит более выгодные условия при заключении союзнического договора.

В июне 1516 г. из Москвы к султану Селиму направлена была грамота, в которой Василий III обращался с предложением продолжить переговоры с Портой[30].

Летом для Москвы улучшилась ситуация и в Казани. В июне прибыли в столицу Русского государства послы Шаусеин-Сеит и Шайсуп с сообщением о том, что Мухаммед-Эмин тяжело заболел. Поэтому казанцы просили отпустить к ним на царство его брата Абдул-Латифа (очевидно, в случае смерти царя). Если московский государь согласится на это предложение, то Мухаммед-Эмин и вся Казанская земля готовы присягнуть, что без ведома великого князя они на свое царство никакого иного царя не поставят.

Такой случай упрочить русское влияние в Казани упускать было нельзя. Поэтому Василий III отправил туда

---

[27] Сб. РИО, т. 35, стр. 343, 376—377. Ср. грамоту Василия III от 10 июня 1516 г., в которой говорилось о сражении сына крымского хана царевича Ахмата с войсками Константина Острожского (там же, стр. 323).

[28] Сб. РИО, т. 95, стр. 318.

[29] Там же, стр. 343, 379; *K. Pułaski.* Machmet-Girej, str. 297—298.

[30] Сб. РИО, т. 95, стр. 334—337.

М. В. Тучкова, обладавшего большим опытом дипломатической службы в восточных странах, оружничего Н. И. Карпова и дьяка Ивана Телешова. После того как Мухаммед-Эмин и вся земля Казанская присягнули и «на тех записех правду учинили», русские послы вместе с Шаусеином вернулись в Москву. Тогда Василий III, вероятно, сделал эффектный жест — освободил Абдул-Латифа и дал ему в сентябре Каширу «в кормление» [31].

Лето 1516 г. принесло с собой заключение и еще одного очень важного для России договора — на этот раз с Данией. Уже в июне с проектом русско-датского соглашения из Москвы был отпущен датский посол Давыд фан Коран, а в конце августа — русский представитель Некрас Харламов. По договору, заключенному 9 августа, между Данией и Россией устанавливались тесные союзнические отношения в духе предшествующих русско-датских соглашений (1493 и 1506 гг). Предусматривалась также совместная борьба со шведским и польским королями. Датские купцы в июле 1517 г. получили жалованную грамоту на постройку дворов и свободу торговли в Иван-городе и в Новгороде. Эти торговые привилегии ставили их в такое же привилегированное положение, в каком ранее находились ганзейцы [32]. Договор с Россией (как и Виленский трактат от 8 июня 1516 г.) был для Дании важным этапом в дипломатической подготовке войны со Швецией, которая и началась в 1517 г.

Переговоры России с Империей затянулись. Перспектива соглашения между сторонами, которое бы удовлетворило и императора, и великого князя, была весьма туманной. Причина этого коренилась в изменившейся международной обстановке. Летом 1515 г. состоялись заседания Венского конгресса, в которых принимали участие Максимилиан, Сигизмунд и его брат Владислав. Собравшиеся договорились,

---

[31] ПСРЛ, т. VI, стр. 258; т. VIII, стр. 260; т. XIII, стр. 25; т. XX, стр. 391; т. XXVIII, стр. 351; т. XXX, стр. 143; ИЛ, стр. 167—168.

[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 257—258; т. VIII, стр. 259—260. См. грамоту от 1 июня об отпуске Давыда фан Корана (РИБ, т. XVI, № 5) и грамоту от 9 августа об отпуске Некраса Харламова (там же, № 7, 10). Подробнее см.: *Форстен*, стр. 281—283, а также договор 1516 г. и грамоту 1517 г. (РИБ, т. XVI, № 8—9; СГГД, ч. V, № 79—80; *Н. А. Казакова.* Русско-датские договорные отношения в конце XV — начале XVI в.— «Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.». Л., 1970, стр. 94—95, 104.

что после смерти Владислава права на Чехию и Моравию перейдут к наследникам Максимилиана. На конгрессе было принято решение о браке сына Владислава Людовика и сестры Фердинанда Марии. Сам же Фердинанд (внук Максимилиана) получал в жены дочь Владислава Анну [33]. Вскоре после этого Владислав умер (13 марта 1516 г.). Примирение Империи с Польшей было закреплено решением заключить брачный союз между Сигизмундом и внучкой Максимилиана итальянской принцессой Боной. В свою очередь Максимилиан обещал польскому королю посредничество в установлении мира с Россией и отказ от поддержки территориальных претензий к Польше со стороны Тевтонского ордена. Максимилиан после венской встречи монархов заявил, что отныне «с Сигизмундом он готов пойти и в рай, и в ад» [34].

Сложнее обстояло дело в Польше. Здесь при дворе короля соперничали две группировки: одну из них (магнатскую) возглавляли канцлер К. Шидловский и подканцлер П. Томицкий, сторонники австрийской ориентации, склонные к примирению с Россией. Во главе другой (шляхетской) стоял примас Ян Ласский. Она решительно выступала за борьбу с Габсбургами и Россией и поэтому готова была пойти на соглашение с турками и Крымом [35].

Прибывшие в Вену русские послы Алексей Заболоцкий и дьяк Алексей Малый с крайним удивлением узнали о перемене курса политики императора. Максимилиан стал предпринимать всевозможные меры убеждения, чтобы Василий III принял его посредничество в русско-литовском конфликте. Но московский государь на это соглашаться не хотел [36].

Изменение имперской политики произвело тягостное впечатление в Кёнигсберге. Орден опасался малейшего усиления Польши. Поэтому он был заинтересован в дальнейшем сближении с Россией, которая одна только и могла противостоять польско-литовскому могуществу [37]. Этот курс Ордена

---

[33] *Герберштейн*, стр. 34—36; *W. Konopczyński.* Dzieje Polski nowożytnej, t. I. Warszawa, 1936, str. 18.

[34] *Герберштейн*, стр. 26.

[35] *W. Pociecha.* Królowa Bona, t. II. Poznań, 1949, str. 143—145.

[36] Сб. РИО, т. 53, стр. 5; *Бауэр*, стр. 91.

[37] *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 11—12.

вполне соответствовал реальным интересам Василия III, который понимал, что его единоборство с Сигизмундом зависит не столько от победы на поле боя, сколько от того, сумеет ли Россия добиться сплочения антиягеллонских сил.

Венский конгресс резко повернул Орден к тесному сближению с Россией. Ведь само существование Ордена зависело от того, сумеет ли польский король, отказавшись от своих претензий к Русскому государству, заключить с ним мир, а потом обрушиться на тевтонцев.

14 декабря 1515 г. орденский дипломат Д. Шонберг составил инструкцию для ведения переговоров в Москве, цель которых — всеми силами препятствовать установлению мирных отношений России с Великим княжеством Литовским. «Если Польша помирится с Москвой, — писал Шонберг, — то Орден не может ждать ничего другого, кроме как или поклясться жить в мире или уйти прочь» [38]. В ответ на приглашение Василия III Дитрих Шонберг прибыл с миссией в Москву 24 февраля 1517 г. и уже 10 марта заключил от имени Ордена договор с Россией [39].

Согласно этому договору, каждая из сторон должна была поддерживать другую в ее военных акциях против Польши и Литвы. В случае польско-орденской войны Россия выражала готовность предоставить денежный кредит Ордену, достаточный для набора 10 тыс. пеших и 2 тыс. конных воинов. Русская сторона строго обусловливала свою финансовую помощь тем случаем, когда магистр, начав с королем войну, «поемлет свои городы, которые король за собою держит» [40]. Эта формулировка давала возможность великому князю избежать злоупотреблений со стороны Ордена. Только в случае успеха в начавшейся войне с Польшей Россия готова была оказать реальную помощь Ордену. Для ратификации договора в Кёнигсберг 11 марта отправились Д. Шон-

---

[38] *E. Joachim.* Die Politik des letzten Hochmisters in Preussen. Albrecht von Brandenburg, Bd I. Leipzig, 1892, S. 252; *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах, стр. 11—12.

[39] ПСРЛ, т. VI, стр. 258; т. VIII, стр. 260; т. XIII, стр. 25; т. XX, стр. 291; т. XXVIII, стр. 352; ИЛ, стр. 168; Сб. РИО, т. 53, стр. 6—24. См. верющую грамоту Альбрехта от 25 января о полномочиях Д. Шонберга и просьбу его же о присылке вспомогательного войска (СГГД, ч. V, № 73—74, стр. 71—72).

[40] СГГД, т. V, № 75—78, 82; *Joachim*, Bd I, S. 68, 299—301; *Forstreuteur*, S. 81—85; Сб. РИО, т. 53, стр. 15, 18.

берг с русским послом Д. Д. Загряжским [41]. Во время переговоров с гроссмейстером Ордена Загряжский твердо отстаивал позицию Русского государства: средства на найм «жолнерей» будут присланы Ордену лишь тогда, когда магистр отвоюет у поляков орденские земли и двинется на Краков [42]. Под платонические же обещания орденским дипломатам не удалось выманить из московской казны ни одной «деньги».

На русско-литовской границе в течение 1516 г. каких-либо активных военных действий не происходило. Не имея в своем распоряжении достаточного числа наемных войск, Сигизмунд не решался предпринимать широких боевых операций. Русские же войска князя А. Б. Горбатого, напавшие с Белой и Лук на Витебск, отошли от него, узнав о набеге крымских татар на южные окраины России. Безрезультатен был и поход литовцев на Гомель [43]. Сигизмунду приходилось больше рассчитывать на дипломатическое посредничество европейских держав, чем на весьма сомнительную силу своего оружия.

В конце 1516 г. (14 декабря) из Вены в Вильно и Москву отправилось посольство барона Сигизмунда Герберштейна. Первую часть своей сложной миссии оно выполнило успешно. Герберштейн представил польскому королю его невесту принцессу Бону, которая совершенно очаровала его. Сигизмунд изложил имперскому послу свою программу мирного урегулирования отношений с Россией. Непременным условием его было возвращение Великому княжеству Смоленска. Теперь оставалось склонить к принятию этого условия Василия III, и Герберштейн мог бы считать свою поездку блистательным триумфом. 18 апреля он уже въезжал в Москву [44]. И здесь имперскому послу была устроена торжественная встреча. 22 апреля начались переговоры. К их главной теме (заключение мира с Литвой и союза

[41] Загряжский вернулся в Москву 12 июля 1517 г. (Сб. РИО, т. 53, стр. 24—33). Миссия Мельхиора Рабенштейна в Москву (25 августа — 20 сентября 1517 г.) также не принесла Ордену успеха. Позиция Москвы оставалась непреклонной (там же, стр. 34—40).

[42] Сб. РИО, т. 53, стр. 39.

[43] РК, стр. 59; «Acta Tomiciana», t. IV, N XLVI, p. 43 (о походе на Гомель); N LXX, p. 63—64; N LXXIV, p. 65.

[44] ПДС, т. I, стб. 201.

против турок) Герберштейн подходил исподволь. Свою речь он начал с того, что нарисовал весьма красочно ту угрозу, которую представляли для «христианского мира» турки. Барон Сигизмунд говорил, что турецкий царь победил «великаго солтана, Дамаск и Ерусалим и все его государства силою взял» [45]. Единственное спасение от грозящей беды — это соединение и согласие между христианскими державами.

Действительно, еще в 1514 г. Селим I нанес сокрушительное поражение Сефевидскому государству. После этого он захватил Восточную Армению, Курдистан, Северную Месопотамию, Сирию, Хиджас.

В ходе этих завоеваний была создана могущественная империя, ставшая важным фактором международных отношений не только на Ближнем Востоке, но и в Европе.

Герберштейн старался внушить Василию III мысль, что война с Турцией — главная задача, которая-де должна волновать русское правительство. Но вероятно, он, как, впрочем, и Максимилиан, совершенно не давал себе отчета в том, что идея втянуть Россию в войну с Турцией (которая для Москвы представлялась потенциальным союзником, а не врагом) была крайне утопичной. Уже во время пребывания Герберштейна в Москве (22 апреля) к турецкому султану отправился гонец Д. Степанов с предложением мира и дружбы. До Царьграда он так и не доехал: на Дону его убили татары [46].

Страшные картины «турецкой опасности», нарисованные Герберштейном, оказали воздействие на московский двор, совершенно противоположное тому, на которое рассчитывал опытный имперский дипломат. Великий князь Василий III и его окружение еще раз убедились в необходимости сохранять дружеские отношения с Портой.

Надо воздать должное русским дипломатам. Они оставили у имперского посла полную иллюзию согласия России на «единачество» с другими «христианскими державами» для борьбы с «врагами христианства». Это было совершенно

---

[45] ПСРЛ, т. VI, стр. 258—259; т. VIII, стр. 260—261; ИЛ, стр. 168—169; ПДС, т. I, стб. 193 и др. О миссии Герберштейна см. также: *Übersberger*, S. 117—134; *А. Б. Кузнецов*. О некоторых аспектах... стр. 181—183.

[46] Сб. РИО, т. 95, стр. 426—432.

необходимо для того, чтобы добиться своей цели — использовать имперское посредничество при заключении выгодного и прочного мира с Великим княжеством Литовским. Дело оказалось сложным. Василий III хотел, чтобы мирные переговоры велись в Москве, а именно этого и не желал Сигизмунд. Для уточнения места ведения переговоров русское правительство разрешило племяннику Герберштейна Гансу фон Турну 26 апреля выехать ко двору польского короля. Вернувшись 14 июля в Москву, он сообщил, что Сигизмунд соглашается прислать своих послов только на русско-литовскую границу. С этим Василий III не хотел согласиться. Переговоры, таким образом, зашли в тупик еще прежде, чем начались. Камнем преткновения стал «процедурный» вопрос. Ганс фон Турн снова был послан в Литву. Он передал королю, что Герберштейн будет считать свою посредническую миссию законченной, если тот не согласится, чтобы переговоры происходили в Москве. Благодаря нажиму имперского дипломата удалось получить согласие Сигизмунда на присылку послов в Москву [47].

За этой уступчивостью скрывались реальные трудности, которые переживала тогда Литва. Польский сейм решительно отказал литовским панам-раде в вооруженной и финансовой помощи для борьбы с Москвой в связи с необходимостью сопротивления татарам и угрозой со стороны Тевтонского ордена [48].

Свое «миролюбие» Сигизмунд решил подкрепить демонстрацией литовской вооруженной силы и нажимом на Москву со стороны крымских татар [49]. В Крым из Литвы был послан виднейший магнат Альбрехт Мартынович Гаштольд «с великою казною», чтобы добиться от Мухаммед-Гирея участия в войне с Россией [50]. В августе 1517 г. Токузан-мурза и другие крымские мурзы с 20-тысячным войском совершили набег на район Тулы и Беспуты. Находившиеся

---

[47] См. опасную грамоту Василия III от 23 июля 1517 г. на проезд литовских послов (АЗР, т. II, № 98; ср. РИБ, т. XX, стр. 137—138).

[48] *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 201.

[49] Позднее Герберштейн писал, что Сигизмунд считал, что «этой хитростью можно вынудить у московского государя согласие на сносные условия мира» (*Герберштейн*, стр. 162).

[50] ПДС, т. I, стб. 323.

на реке Вошани (у Алексина) русские воеводы князья В. С. Одоевский и И. М. Воротынский срочно выслали вперед небольшой отряд И. Тутыхина и князей Волконских, чтобы они, не вступая в открытое столкновение с крымцами, мешали их дальнейшему продвижению в глубь русской территории. Тем временем основная московская рать смогла бы собраться и двинуться в поход. Узнав о приближении русских полков, татарские мурзы начали спешно отходить. Но пути их отхода оказались перерезаны в результате того, что «украинные люди», пройдя лесами, завалили дороги деревьями. В ходе дружных действий местного населения и русских воевод крымским отрядам был учинен страшный разгром. Почти все крымцы были истреблены [51].

О набеге со слов очевидца рассказывает автор Постниковского летописца: «Приходили мурзы и татарове крымские на Тулу, и на Безпуту, и на Олексинские места, и божьим повелением тогда много побишя татар на Глутне, и по селом, и по крепостем, и на бродех, а полон олексинский весь отполонишя. А приходило с крымскими мурзы 20 000 и яко же слышяхом о том от достоверных, паче же и от самех татар, что от 20 000 токмо (в Софийской II летописи — «мало их») их в Крым придошя, и те пеши и наги и боси» [52].

В сентябре 1517 г. одновременно с отправкой в Москву послов маршалка Могилевского Яна Щита и писаря Богуша Сигизмунд с войсками выехал в Полоцк. Отсюда под псковский пригород Опочку двинулись полки князя К. И. Острожского, усиленные отрядами наемников из Чехии и Польши. Эта явная военная демонстрация имела целью добиться со стороны московского государя уступчивости. Но запугать Василия III было делом нелегким. Еще весною того же года, как бы предвидя возможность нападения на Псков, он отдал распоряжение Ивану Фрязину восстановить 40 саженей разрушившейся Псковской крепости: «А стала сорок саженей великому князю в семсот рублев, опроче повозу поповского, а псковичи песок носили, решетом сеючи». Стену

[51] ПСРЛ, т. VI, стр. 259; т. VIII, стр. 261; Сб. РИО, т. 95, стр. 477; РК, стр. 60; ПДС, т. I, стб. 339; *Stryjkowski*, str. 389—390 (Стрыйковский сообщал, что крымцы разбили 20-тысячную рать русских).

[52] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 13 об. Текст от слов «А приходило» и до конца основан на Софийской II летописи,

укрепили и у Гремячей горы, а «чаяли Литве подо Псков» [53]. Осада Опочки затянулась. Попытка взять крепость штурмом (особенно сильный приступ был 6 октября) не увенчалась успехом. Отдельные литовские отряды направились под псковские пригороды — Воронач, Красный и Велье. О военных действиях литовцев воевода князь А. В. Ростовский (находившийся с июня «на заставе» в Луках) сообщил Василию III. В Опочку на помощь осажденным с отрядами подвижных войск были двинуты из Лук «легкие воеводы» — князь Ф. В. Оболенский, ставший за рекой Соротью в Изборске, и И. В. Ляцкий, расположившийся в городке Владимирце. Действия русских воевод на этот раз отличались оперативностью.

По данным посольских дел, Оболенскому удалось разбить литовскую заставу в 5 тыс. человек, а Ляцкому — заставу в 6 тыс. человек (в пяти верстах от главных сил К. Острожского). Ляцкий затем разгромил и другую заставу, шедшую на помощь литовцам, и взял в полон воеводу Черкаса Хрептова. Наконец, заставу в 3 тыс. воинов разбили И. Колычев и П. Лодыгин. Энергично действовали под руководством наместника В. М. Салтыкова и осажденные в Опочке, которые перебили 6 тыс. литовцев и полонили воеводу Сокола [54].

Узнав о движении главных русских сил князя А. В. Ростовского, К. Острожский счел за благо отступить, оставив под Опочкой «все воинское устроение». Весть о победе достигла столицы Русского государства 24 октября [55]. Попытка Сигизмунда оказать военное давление на русских диплома-

---

[53] ПЛ, вып. 1, стр. 98.

[54] ПДС, т. 1, стб. 337—339. Эти данные, сообщенные имперским послам, очевидно, преувеличены. В Крым из Москвы писали, что А. В. Ростовский разбил заставу в 4 тыс. человек, И. Колычев — в 2 тыс., а Ляцкий — в 5 тыс. человек (Сб. РИО, т. 95, стр. 480—481). По повести, помещенной в летописях, под Опочкой убито 4 тыс. человек (ИЛ, стр. 171; ПСРЛ, т. XXI, стр. 594). По другим данным, убито 5 тыс. (Сб. РИО, т. 53, стр. 234). Зато по польским сведениям, в сражениях убито было 60, а ранено — 1400 человек («Acta Tomiciana», t. IV, N LXVI, p. 205).

[55] Сб. РИО, т. 35, стр. 503. О походе польских войск к Опочке см. также: ПСРЛ, т. IV, стр. 540, 612, 613; т. VI, стр. 259—260; ПЛ, вып. 1, стр. 99—100; вып. 2, стр. 260—261; РК, стр. 61; Э, л. 67; Сб. РИО, т. 35, стр. 502—503; т. 53, стр. 47, 51—52; «Acta Tomiciana», t. IV, N CCXLIII, p. 191; *Stryjkowski*, str. 391.

тов полностью провалилась. Это, конечно, только ухудшило положение литовцев за столом переговоров в Москве.

Ян Щит и Богуш прибыли в Москву 3 октября. Но как только здесь получено было известие о походе Острожского, послов задержали в Дорогомилове. Лишь после разгрома литовцев и отхода Острожского с русской территории Василий III дал согласие принять литовских представителей. В переговорах с ними участвовал и С. Герберштейн. Московский государь торжественно заявил, что готов примириться с Сигизмундом ради своего «брата» Максимилиана и из-за того, чтобы «рука бесерменская не высилася и государи бы бесерменские вперед не ширились, а христианских бы государей над бесерменством рука высилася и государства бы христианские ширились» [56]. Эта расплывчатая формулировка о «бесерменских государях» вообще давала русским дипломатам возможность интерпретировать ее так, как это они считали для себя подходящим, и одновременно создавала впечатление готовности России пойти на вступление в антитурецкую лигу.

Гораздо труднее приходилось обеим сторонам, когда нужно было от деклараций переходить к рассмотрению конкретных условий мира. И русские, и литовские дипломаты начали торг с «запроса». Василий III заявил, что Сигизмунд «неправдою» держит «отчину» русских князей — Киев, Полоцк и Витебск. Пикантность этого заявления состояла в том, что справедливость русских требований фактически была признана по договору 1514 г. России с Империей, и, когда русские дипломаты сослались на этот договор, Герберштейну пришлось отводить их ссылку тем, что Шнитценпаумер заключил его «не по государя нашего велению» [57].

Со своей стороны литовские послы говорили о том, что им «из старины» принадлежит не только Смоленск, но и Новгород, Псков, Вязьма и Северщина. Разговор, словом, велся на столь различных языках, что о взаимопонимании не могло быть и речи. Прояснила, но не облегчила ситуацию позиция, занятая Герберштейном. С имперского представителя спала маска беспристрастного третейского судьи

---

[56] Сб. РИО, т. 35, стр. 502—503, 506—507.
[57] Там же, стр. 513.

в споре. Он ясно высказался за передачу Смоленска Литве, подсластив эту пилюлю, преподнесенную своим русским друзьям, ссылкой на пример Максимилиана, отдавшего Верону ее гражданам. Но отказываться от старинного русского города, присоединенного с таким большим трудом, в Москве не собирались.

Не возражая в принципе от продолжения переговоров, но на более реалистичной основе, московские дипломаты решительно отклонили предложения Герберштейна. Имперскому представителю не оставалось больше ничего другого, как покинуть Москву. 22 ноября он вместе с московским послом дьяком В. С. Племянниковым отбыл к имперскому двору. Еще ранее (18 ноября) уехали из русской столицы литовские представители [58].

Итог первой миссии Герберштейна в Москву для него был безрезультатным. Русская же сторона добилась возобновления сношений с Империей, нарушенных после Венского конгресса. Москве стала ясна позиция Империи в русско-литовском споре, а Вена могла составить себе совершенно превратное представление о склонности Василия III к антитурецкому союзу.

В том же ноябре 1517 г. в Москву прибыл человек Василия Шемячича, сообщивший, что крымцы, приходившие на путивльские места, разбиты за рекой Сулой этим энергичным князем-воином. И как раз в это самое время на Руси неожиданно умер Абдул-Латиф, судьба которого в последние годы так волновала Москву, Крым и Казань [59]. Лаконичный характер летописной записи, стремление московского правительства доказать, что смерть бывшего казанского царя произошла «от бога», дают И. И. Смирнову основание полагать, что смерть Абдул-Латифа была насильственной [60].

[58] Там же, стр. 500—547; ПДС, т. 1, стб. 184—190, 315—318. По русским летописям (ошибочно), отъезд Герберштейна датируется 18 ноября.

[59] ПСРЛ, т. VI, стр. 260; т. VIII, стр. 263; Сб. РИО, т. 95, стр. 476—494. В ноябре крымцы нападали на Подолье (*Stryjkowski*, str. 391).

[60] *И. И. Смирнов.* Восточная политика Василия III.— «Исторические записки», 1948, кн. 27, стр. 25. О русско-крымских и русско-турецких отношениях в 1508—1517 гг. см. также: *Г. Ф. Карпов.* Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508—1517 гг.— «Московские Университетские известия», 1865, прил., т. I. М., 1865, стр. 213—244.

Эта гипотеза находит подтверждение в рассказе Герберштейна.

Имперский посол сообщил, что некогда в Кашире был «независимый властелин». Его оболгали Василию III, сказав, что-де он составил заговор с целью убить великого князя. Подтверждением известия явился якобы тот факт, что «властелин Каширы» приехал на охоту к великому князю с оружием. Тогда он сразу же был схвачен и отправлен с «государственным секретарем» М. Ю. Захарьиным в Серпухов, где должен был «жить в заключении». Вот здесь-то его М. Ю. Захарьин и отравил, заставив выпить кубок с ядом «за благополучие своего государя» [61]. Речь, без всякого сомнения, идет об Абдул-Латифе, владевшем накануне смерти Каширой.

Смерть Абдул-Латифа, казалось, облегчила положение Василия III, ибо благодаря ей великий князь получил возможность использовать в качестве претендента на казанский престол своего ставленника Шигалея. Но она привела и к тяжелым последствиям. С трудом налаженные добрососедские отношения с Казанью снова грозили полным разрывом. У Мухаммед-Эмина и тех, кто стоял у него за спиной, развязывались руки для переговоров с Крымом о наследнике престола. Мухаммед-Гирей должен был также встретить в конечном счете известие о смерти Абдул-Латифа с явным неудовольствием.

В марте 1518 г. Москву снова посетил орденский посол Дитрих Шонберг [62]. Во время переговоров обе стороны многословно изъяснялись в любви и дружбе. Относительно же денежной помощи, которую орденский дипломат стремился выколотить из великокняжеской казны (для найма 1 тыс. пеших воинов), Василий III держался осторожно. Он согласился в конечном счете только на то, что пошлет своего дьяка Андрея Харламова во Псков, где «казна... готова», и при первом извещении о начале войны Ордена с Польшей обещанная сумма будет направлена в Крулевец (Кёнигсберг). Д. Шонберг также информировал московского государя о посольстве императора Максимилиана к гроссмейстеру Ордена. Убеждая Альбрехта в необходимости борьбы

---

[61] *Герберштейн*, стр. 108.
[62] Сб. РИО, т. 53, стр. 40—56.

с турецким султаном, император писал, что польский король будет «отовсюду неверными отягчен, и недобро, что король прогонится, а царь всеа Руси велик учинится» [63]. Василий III еще раз мог убедиться в пропольской позиции императора Максимилиана.

С Дитрихом Шонбергом к Альбрехту Бранденбургскому 22 апреля отпущен был русский посол Елизар Сергеев, который должен был разъяснить гроссмейстеру Ордена позицию русского правительства. 1 августа Сергеев вернулся в Москву и сообщил, что Орден пока еще не готов к войне с Польшей, что он еще ждет результатов посредничества императора в его споре с Сигизмундом [64]. Переговоры в Крулевце с папским легатом Николаем Шонбергом (братом Дитриха) не дали никакого эффекта. Альбрехт решительно настаивал на возвращении Польшей земель, которые он считал орденскими владениями [65].

Летом 1518 г. Василий III готовился к продолжению войны с Великим княжеством Литовским. Он решил нанести ответный удар на литовское вторжение 1517 г. И на этот раз (как перед последним походом на Смоленск) походу предшествовала широкая церковная подготовка. 2 июля (на праздник Риз Положения) состоялась торжественная церемония переноса икон Спаса и Божьей матери из Владимира в Москву. Шествие проходило с «псалмопением и молебны» [66].

К этому времени в Москву вернулся после майской поездки на Волок Василий III, куда он ездил «на потеху» с братьями Семеном и Андреем, и в Троицу «помолитися и благословитися, хотя поити на ...Жихдимонта». После возвращения великий князь отдал распоряжение «поновити» старые иконы, а также сделать к ним «киоты и пелены» [67].

[63] Там же, стр. 46.

[64] Там же, стр. 57—82.

[65] «Acta Tomiciana», t. IV, N 372. См. послание Василия III от 28 ноября 1518 г. Альбрехту, одобряющее его твердую позицию в переговорах с Н. Шонбергом (СГГД, ч. V, № 85; Сб. РИО, т. 53, стр. 102). Подробнее см.: *Forstreuter*, S. 87—91; *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах, стр. 69—70. О Н. Шонберге см. также: *Пирлинг*, стр. 298—301.

[66] ПСРЛ, т. VI, стр. 261—262; т. VIII, стр. 264—265.

[67] ПСРЛ, т. VI, стр. 251; т. VIII, стр. 264. Иконы были отправлены обратно во Владимир после «поновления» только в сентябре 1519 г.

Однако неожиданные события заставили московского государя воздержаться от личного участия в предполагавшемся походе. В Петров пост (до 29 июня) и после него лили непрерывные дожди, вызвавшие наводнения и гибель хлебов. А 26 июня неожиданно умер брат Семен [68]. Калужский удел, возможно, поступил к великому князю еще раньше [69]. Возникают сильные подозрения, что Семен Иванович (проявлявший еще в 1511 г. желание бежать в Литву) отправлен был на тот свет не без содействия великого князя [70].

Военная кампания началась посылкой в июне из Лук к Полоцку новгородского наместника В. В. Шуйского с войсками. Из Смоленска в Литовскую землю двинулась рать князя М. В. Горбатого, из Стародуба — полки князя Семена Федотовича Курбского, с Белой к Витебску — князей А. Д. Курбского и А. Б. Горбатого. По русским сведениям, В. В. Шуйский пожег полоцкие посады, князь М. В. Горбатый и другие воеводы, пройдя Молодечно, Марков и Лебедев, «воевали Литовскую землю и по самую Вильню» (не дойдя до нее 30 верст). Семен Курбский воевал в районе Слуцка, Минска, Новгородка и Могилева, князья Андрей Курбский и Андрей Горбатый «пожгли» острог у Витебска. В августе воеводы вернулись «и сташа на рубежах» [71].

Несмотря на победную реляцию посла Василия III Мухаммед-Гирею, в действительности набег не был столь удачным. По псковским сведениям, пушечный обстрел Полоцка, осажденного новгородскими полками В. Шуйского и псковскими И. Шуйского, больших результатов не дал. А тут еще к осажденным подоспела помощь от Сигизмунда. Литовский воевода Волынец ударил по русским полкам «и потопоша их много в Двине. И отъидоша от Полоцка, ничтоже получи» [72].

По литовскому рассказу, под Полоцком Альбрехт Гаштольд разбил отряд в 15 тыс. русских, а Юрий Радзивилл —

---

[68] ПСРЛ, т. VI, стр. 262; т. VIII, стр. 263—264.

[69] Впрочем, Серенск стал владением князя Юрия (РИБ, т. 11, № 34).

[70] *С. М. Каштанов.* Последние уделы, стр. 293.

[71] Сб. РИО, т. 95, стр. 535; ср. РК, стр. 63; ПСРЛ, т. XXX, стр. 143.

[72] ПЛ, вып. 1, стр. 100. По польским сведениям, Полоцк осадила русская рать в 2 тыс. человек (*M. Bielski.* Kronika Polska, t. V, str. 189—190).

в 5 тыс. человек. В плен якобы попали князья Иван Бухнер (Буйнос) Ростовский, Александр Кашин и до 200—300 человек воинов [73]. Словом, никакого реального влияния ни на ход войны, ни на дипломатические переговоры военные действия 1517 и 1518 гг. не имели [74].

В самый разгар летней кампании, 27 июля 1518 г., в Москву вернулся из поездки в Инсбрук В. С. Племянников в сопровождении имперского посла Франческо да Колло. Теперь имперского представителя сопровождал и папский легат Антоний де Конти («От Комит»)[75]. Крупные успехи Селима I (захват Египта) и его прямая угроза европейским державам заставляли Империю и папу предпринять новую попытку склонить московского государя к борьбе с турками или во всяком случае добиться замирения его с Сигизмундом. Если не Россия, то во всяком случае Польша должна, по мысли императора и папы, стать барьером на дальнейшем пути турок в Европу.

Было и еще одно обстоятельство, объясняющее появление папской миссии в Москве. После бесед в столице России Д. Шонберга у того создалось впечатление (ошибочное), что здесь склоняются к принятию унии с католической церковью [76]. Это было сообщено в Рим. И 4 июня Лев X направил буллу Василию III, содержащую предложения участвовать в «крестовом походе» против турок и, кроме того, вступить в лоно католической церкви [77]. Послание до Василия III

---

[73] *K. Pułaski.* Machmet-Girej, str. 309—310.

[74] *Герберштейн*, стр. 20; А. В. Кашин и И. А. Буйнос Ростовский упоминаются в разрядах в походе от Лук к Полоцку в полку левой руки под «7027 г.» (РК, стр. 64). Не ошибочен ли этот год в разрядах? Позднее их встречаем среди воевод под 1520/21 г. (РК, стр. 65, 67). В разрядах говорится о возврате войск, ходивших к Полоцку 11 сентября. Может быть, поэтому и весь разряд отнесен к 7027 г. Записей за 7026 г. в разрядах нет.

[75] ПСРЛ, т. VI, стр. 262; т. VI, стр. 265. В посольских делах приезд В. С. Племянникова датируется 16 июля, а Ф. да Колло — 27 июля (ПДС, т. 1, стб. 341, 358). Ср. верющую грамоту Максимилиана от 16 апреля 1519 г. (СГГД, ч. V, № 83). О миссии Ф. да Колло и А. де Конти см.: *Übersberger*, S. 139—144.

[76] После поездки 1518 г. в Россию Д. Шонберг составил записку о разговорах с влиятельным казначеем Ю. Траханиотом на тему о соединении церквей (*Joachim*, t. II, N 12—13; *Übersberger*, S. 149—151).

[77] Переписка пап с российскими государями в XVI веке. СПб., 1834, стр. 94—97.

не дошло, а иллюзии в Риме оставались. Ф. да Колло повидал пользовавшегося известным влиянием при московском дворе ученого-медика Николая Булева, сторонника идеи соединения церквей. Разговоры с ним также могли содействовать созданию впечатления у папского и имперского дипломатов о наличии на Руси прокатолических тенденций.

Ф. да Колло и А. де Конти, как и ранее Герберштейн, начали свое обращение к Василию III с того, что изобразили страшную картину опасности, надвинувшейся на весь «христианский мир» с Востока. В тех же тонах было составлено и послание Максимилиана к московскому государю от 20 апреля 1518 г. Отсюда следовало, что христианские монархи должны объединить свои усилия для борьбы с турками и прекратить всякие междоусобия. Примерно в то же время папа Лев X провозгласил пятилетнее перемирие между всеми христианскими государями (13 марта 1518 г.)[78]. Василий III ответил, что он готов заключить мир с Сигизмундом, но что переговоры должны вестись непосредственно с литовскими послами. Условия мирного соглашения русская сторона выдвигала прежние: мир между державами возможен только после возврата России ее «отчины» (Киева и других городов), которую сейчас Сигизмунд держит за собой. Впрочем, перемирие на пять лет Василий III соглашался заключить на условиях сохранения существовавших в то время границ и обмена пленными (после Оршинской битвы в Литве и Польше все еще находилось много русских пленников)[79].

Для выяснения позиции Литвы к Сигизмунду 16 августа из Москвы по поручению имперского посланника отправился Ян фон Турн, но только после приезда 14 декабря в столицу «Янова человека» точка зрения короля стала ясной. Литовская сторона соглашалась на перемирие, но без размена пленными и при том условии, чтобы в перемирных грамотах «городов бы имяны не писати» [80]. В противном случае перемирие, по мнению литовской стороны, могло привести к фактическому признанию Смоленска русским владением. На это русское правительство не склонно было

---

[78] *Пирлинг*, стр. 298.
[79] ПДС, т. I, стб. 405—406.
[80] Там же, стб. 436.

соглашаться. В конце концов посольству Ф. да Колло удалось добиться заключения перемирия сроком на один год (от Рождества, т. е. 25 декабря 1518 г.), в течение которого послы могли вернуться к Максимилиану, довести до его сведения результаты переговоров и возвратиться для их продолжения в Москву.

Обнадеживающие новости поступили из Крыма. 4 марта 1518 г. в Москву возвратился сын боярский Василий Иванович Шадрин (из рода Вельяминовых), который был взят в плен крымцами во время набега 1516 г.[81] Вместе с И. Челищевым Шадрин являлся как бы неофициальным уполномоченным России при дворе Мухаммед-Гирея. Вернувшись на Русь, он посвятил московского государя в сложную расстановку сил в Крыму. Среди татарской знати боролись две группировки: одну из них возглавлял воинственный сын Мухаммед-Гирея Богатыр-Салтан, другую (прорусскую) — влиятельный мурза Аппак[82]. Победа русских войск над К. Острожским способствовала в то время тому, что в Крыму одержало верх стремление к мирному урегулированию отношений с Россией.

В августе из Крыма вернулся и официальный посол московского государя Илья Челищев, а с ним мурза Кудояр с уверениями Мухаммед-Гирея в дружбе. Крымский царь сообщал о набеге на литовские земли, который совершил его сын Богатыр-Салтан с дядей Ахматом[83]. Однако шертную грамоту Мухаммед-Гирей все же пока не дал. Обмен посольствами «на высшем уровне» задерживался, но сообщалось, что в Москву посылается с миссией мурза Аппак. 12 сентября в Крым отправился «ближний человек» (или, как мы бы сказали, личный представитель) Василия III Останя Андреев. Он должен был поторопить крымского царя с присылкой мурзы Аппака и шертной грамоты на верность Москве. Сообщалось при этом, что посол Василия III князь

---

[81] Сб. РИО, т. 95, стр. 386, 494—507.

[82] Подробнее см.: *В. Е. Сыроечковский.* Мухаммед-Гирей... стр. 51—52 и др. О позиции Аппака см. также: *С. О. Шмидт.* К характеристике русско-крымских отношений второй половины XVI в.— «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 366—375.

[83] Сб. РИО, т. 95, стр. 508—528; *K. Pułaski.* Machmet-Girej, str. 307—309.

Ю. Д. Пронский отправляется в Крым, но он задержится в Путивле до тех пор, пока на Русь не прибудет Аппак [84].

Завершив первый этап переговоров с имперскими послами и Крымом, великий князь отправился в Волоколамск «на потеху» (14 сентября — 26 октября). Вернувшись в Москву, он в ноябре отпускает в Крым мурзу Кудояра и Илью Челищева, уже известного крымской знати [85]. Кудояр и Челищев должны были еще раз напомнить крымскому царю, что Ю. Д. Пронский не поедет в Крым до тех пор, пока не выедет на Русь Аппак. Русский посол должен был приложить все усилия, чтобы крымский хан принес шерть московскому государю. 30 декабря состоялась прощальная аудиенция литовских послов при дворе Василия III, а 4 января они покинули Москву [86]. Однако продолжения переговоров не последовало: 11 января 1519 г. Максимилиан скончался [87]. По возвращении в Италию Ф. да Колло написал «Записки» о своей миссии в Россию, вышедшие в Падуе только в 1603 г.[88] К сожалению, эти «Записки» не переведены на русский язык и известны только по небольшим извлечениям, сделанным Н. М. Карамзиным [89].

В декабре 1518 г. произошло событие, которого долго ожидали со страхом в Казани, тревогою в Крыму и надеждою в Москве. Умер казанский царь Мухаммед-Эмин. Болел он тяжело и долго; его «порази бог язвою неисцелимою от главы до ногу, и люте боляше, три лета на одре лежаше, весь кипя гноем и червьми, и врачеве же и волхвы его не возмогоша от язвы тоя исцелити его» [90]. 29 декабря с известием об этом в Москву прибыло посольство Кул-Дербыша,

---

[84] Сб. РИО, т. 95, стр. 528—560.

[85] Там же, стр. 560—571; ПСРЛ, т. VIII, стр. 265; ПДС, т. I, стб. 441.

[86] ПДС, т. I, стб. 470.

[87] ПСРЛ, т. IV, стр. 265; т. XIII, стр. 30; т. XX, стр. 397; ИЛ, стр. 174. В марте 1519 г. Василий III послал грамоту «чинам» Римской империи, в которой настаивал, чтобы они избрали на престол того, кто благоприятно относится к России (СГГД, ч. V, № 87).

[88] *Frances da Collo.* Trattamento di pace... Padua, 1603. См. *Карамзин*, т. VII, прим. № 174.

[89] *Карамзин*, т. VII, прим. № 355—356, 358, 384—385, 387, 392, 399.

[90] КИ, стр. 63.

которое от имени Казанской земли просило пожаловать их новым царем [91].

Медлить было нельзя, ибо не дремал и Крым. Туда после смерти Мухаммед-Эмина казанская знать направила «посылку» (посольство). Крымский царь хотел было поставить на царство в Казани своего брата Сагиб-Гирея, но опасность, грозившая со стороны Турции, а главное — распри с влиятельными мурзами Ширинами (близкими к Шигалею и детям Ахмата) не позволили ему на этот раз активно вмешаться в казанские дела [92]. 6 января 1519 г. Василий III посылает в Казань одного из наиболее близких к нему лиц, М. Ю. Захарьина (причастного, как мы помним, к смерти Абдул-Латифа), и дьяка Ивана Телешова. Они объявляют казанцам великокняжескую волю: «Великий государь жаловати и беречи хочет, а дает им на Казань царя Шигалея Шиховриарова царевича». Эта кандидатура была принята, и Захарьин вернулся в Москву, сопровождаемый торжественным посольством казанцев, в состав которого входили Абибазей, Булат, князь Ширина, «земский князь» Шайсуп и бакшей Бозюка. 1 марта Шигалей и казанские мурзы дали запись в том, что им «дела великого князя беречи и неотступным им быти». Через неделю (8 марта) Шигалей с этими послами, а также князь Д. Ф. Бельский и знакомые уже казанцам М. Ю. Захарьин с Телешовым отправились в Казань. В апреле Шигалей был посажен на царство, казанская знать приведена к шерти [93].

При внешнем благополучии всей операции было одно обстоятельство, осложнившее картину. Шигалей (Шах-Али) был тринадцатилетним сыном касимовского городецкого царевича Шейх-Аулияра, верой и правдой служившего москов-

[91] ПСРЛ, т. VI, стр. 262; т. VIII, стр. 266; т. XXX, стр. 144 (умер царь 18 декабря); ПДС, т. I, стб. 411, 428; *Зимин*, стр. 37; *Тихомиров*, стр. 108.

[92] Сб. РИО, т. 95, стр. 668. Подробнее см.: *И. И. Смирнов*. Восточная политика Василия III, стр. 30, 32.

[93] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. VIII, стр. 266—267; т. XXX, стр. 144 (царь «Шаислам» отпущен в Казань 10 марта и посажен там 18 мая); *Тихомиров*, стр. 108—109; *Герберштейн*, стр. 147. Сообщение «Казанской истории» о том, что Шигалея сопровождал Ф. Карпов (КИ, стр. 64), нужно признать домыслом: оно не подтверждается другими источниками. Достоверность его без каких-либо дополнительных данных признает И. И. Смирнов (*И. И. Смирнов*. Восточная политика Василия III, стр. 34).

ским князьям [94]. Однако Шейх-Аулияр происходил из рода астраханских царей — наследников ханов Большой орды, злейших врагов Крыма. Еще в начале 1516 г. Мухаммед-Гирей выражал неудовольствие тем, что Василий III «нашего недруга Ших-Овлеяру царевичу Мещерский юрт дал и гораздо ему честь чинишь». Позднее крымский царь писал, что Шейх-Аулияр его недруг, и просил его свести с Мещерского юрта, а вместо него взять кого-нибудь из сыновей самого Мухаммеда-Гирея [95]. Не удивительно, что и Шигалей, получивший Городец где-то около 1518 г., вызывал неудовольствие у крымского царя. И это усугублялось еще тем, что в Крыму готовилась большая военная акция против Астрахани.

Посылка Шигалея означала утверждение русского протектората над Казанью, прямой вызов Крыму, с которым с таким большим трудом были налажены мирные отношения. Может быть, этот риск и оправдал бы себя, если бы сам Шигалей оказался достойной фигурой. Как выяснилось впоследствии, этот злобный, жадный и трусливый правитель способен был вызвать у казанцев только раздражение, причем не столько откровенной прорусской политикой, сколько своими личными качествами. По словам Герберштейна, лично знакомого с Шигалеем, это был человек «безобразного и слабого телосложения... с выдающимся брюхом, с редкою бородою и почти женским лицом», при этом он оказался совершенно «не пригоден к войне» [96].

Если Казань находилась почти полностью в орбите московского влияния, то Крым продолжал вызывать опасения, имевшие под собой реальную почву. Одним из средств воздействия на политику крымского хана была поддержка в Крыму элементов, оппозиционных Мухаммед-Гирею. Из Москвы «поминки» (подарки) шли к влиятельным мурзам и детям царя. Еще в декабре 1516 г. Василий III передавал брату Мухаммед-Гирея Ахмату, что он готов пожаловать его Городцом, если б тот согласился выехать на Русь [97]. В ноябре 1518 г. он соглашался отдать Городец сыну Ахмата Геммету, чтобы закрепить свое влияние в Крыму среди

---

[94] *Вельяминов-Зернов*, стр. 505.
[95] Сб. РИО, т. 95, стр. 296, 389, 390.
[96] *Герберштейн*, стр. 147.
[97] Сб. РИО, т. 95, стр. 419—420.

противников Мухаммед-Гирея [98]. Это же предложение было повторено и в марте 1519 г. после убийства Ахмата сыном Мухаммед-Гирея Алп-Гиреем. Геммету предлагался на выбор Мещерск или Кашира, «освободившаяся» после смерти Абдул-Латифа [99]. Укрепление прорусской группировки в Крыму для Василия III представлялось делом особой важности.

Почти одновременно с водворением Шигалея в Казани происходит и еще одно событие, которое поначалу не имело никаких видимых последствий, но позднее доставило много хлопот московским государям. Убедившись в беспрекословном послушании своего младшего брата, князя Андрея, Василий III отпустил его на удел в Старицу. Это произошло, очевидно, в феврале 1519 г.[100] Таким образом, общее число уделов, сократившееся после смерти Семена Калужского, снова было восстановлено.

В марте 1519 г. в Москву прибыло долгожданное посольство крымского мурзы Аппака, которого сопровождал Останя Андреев. Аппак привез с собой грамоту Мухаммед-Гирея с шертью, которую тот принял перед О. Андреевым еще 8 декабря 1518 г.[101] В договорной грамоте обе стороны (как русская, так и крымская) обещали стоять «заодин» против своих недругов Сигизмунда и «Ахматовых детей». В случае возникновения военных действий они обязывались оказать друг другу вооруженную помощь. Мухаммед-Гирей сообщал, что собирается весной идти в поход на Астрахань, и призывал Василия III присоединиться к нему. Если же московский государь не выполнит своих договорных обязательств, продолжал крымский царь, то «рота моя и шерть

---

[98] Там же, стр. 571; ср. стр. 602—603.

[99] Там же, стр. 626; ср. СГГД, ч. V, № 88.

[100] ПСРЛ, т. VI, стр. 262—263; ср. т. XXVI, стр. 310. Во всяком случае, как установил С. М. Каштанов, уже в марте 1519 г. князь Андрей выдавал грамоты на земли своего удела (*В. Б. Кобрин.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962, стр. 318). О дате см.: *С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, № 1—82.

[101] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. VIII, стр. 268; Сб. РИО, т. 35, стр. 547—548; т. 95, стр. 630—667. См. шертную грамоту Мухаммед-Гирея (СГГД, ч. V, № 86).

моя не в шерть»[102]. Уж очень хотелось Мухаммед-Гирею получить вооруженную русскую помощь, если он и шерть принес, и старого русского доброхота Аппака послал ко двору московского государя. Все это было еще до смерти Ахмата в Крыму и до получения там известия о посылке Шигалея в Казань. Теперь же крымская шерть грозила превратиться в простой клочок бумаги. Даже Аппак, узнав о Шигалее, с раздражением говорил: «У нашего государя сына ли брата ли ни было, кого та была послати на Казань»[103]. На это великий князь дал уклончивый и, надо сказать, малоубедительный ответ. Оказывается, он-то был готов согласиться на кандидатуру крымского царевича, но вот казанцы просили именно Шигалея. Проведя все лето в Москве, 8 сентября Аппак с русским послом Федором Климентьевым отправились в Крым[104].

Было еще одно средство, которым московское правительство полагало удержать в мирных отношениях Крым,— это воздействие Порты. В марте того же 1519 г., когда в Москву прибыл Аппак, в Царьград к султану Селиму был отправлен Б. Я. Голохвастов с изъявлением дружеских чувств[105]. В Москве имели основания возлагать некоторые надежды на враждебное отношение Селима к Мухаммед-Гирею[106]. Задача перед Голохвастовым поставлена была для начала скромная: наладить регулярные дипломатические и торговые отношения между странами, чтобы «вперед бы меж государя нашего и салтана на обе стороны люди их ездили без оскуднения»[107]. Но Порта не собиралась в это время вступать в русско-крымский диалог, а в октябре 1519 г. она даже продлила на пять лет мир с Польшей[108], ясно показывая благосклонность к противникам России.

---

[102] Сб. РИО, т. 95, стр. 635.
[103] Там же, стр. 661.
[104] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. VIII, стр. 269.
[105] Сб. РИО, т. 95, стр. 619—630; ПСРЛ, т. XIII, стр. 36; ИЛ, стр. 181.
[106] Б. Голохвастов позднее сообщал, что «крымской... бережется от турского», ибо тот оказывает покровительство детям убитого брата Мухаммед-Гирея Ахмата (Сб. РИО, т. 95, стр. 670; ср. стр. 668). См. также: *В. Д. Смирнов.* Крымское ханство. СПб., 1887, стр. 362—368.
[107] Сб. РИО, т. 95, стр. 622.
[108] *Abrahamovicz*, N 17.

Тем временем Литва готовилась к летней военной кампании. На берестейском сейме (ноябрь 1518 — январь 1519 г.) решено было собрать «поголовщину» на военные нужды: по грошу с простых людей и по 2 гроша со шляхтичей [109]. Чтобы предотвратить войну или во всяком случае встретить ее в максимально благоприятной внешнеполитической ситуации, Россия укрепила свои дипломатические позиции на Западе. Еще 9 марта 1519 г. в третий раз к великокняжескому двору прибыл Дитрих Шонберг. Он передал Василию III содержание буллы, которая была послана с его братом Николаем. Папа Лев X настаивал на заключении перемирия с Сигизмундом, чтобы обратить силы против врага на Востоке. Папа также изъявлял желание великого князя «и всех его людей Русские земли приняти в единачество и согласье римские церкви». А в качестве компенсации за это папа готов «короновати в кристьянского царя» государя всея Руси. К этому магистр добавил: «Литву не надобе оружьем воевати, время ее воюет». У короля нет наследника, и после его смерти между Литвой и Польшей вспыхнет междоусобица, «и от того разорятца оба государьства» [110].

В ответ на все это Василий III повторил, что он уже имел случай высказать Ф. да Колло свое согласие на пятилетнее перемирие с Литвою, но с условиями: «Пленным быти на обе стороны свобода и с бесерменством бы король не вопчался». Смоленск, конечно, должен был оставаться за Россией, только о судьбе других русских городов (Киева, Минска и т. п.), как и прусских, можно будет говорить во время переговоров [111]. Д. Шонберг с облегчением узнал об этом решении великого князя. Его «миролюбивая миссия» являлась в какой-то степени вынужденной. Он (равно как и магистр) делал дружелюбные жесты по отношению к папе и Империи с тайной надеждой, что Василий III не даст себя провести всевозможными посулами. Так и случилось.

Итак, практически перемирия между Литвой и Россией не предвиделось. Выяснив это, Д. Шонберг 27 марта покинул Москву. Вслед за ним из Москвы в Королевец 3 апреля направились К. Т. Замыцкий и дьяк Истома Малый с разъяс-

---

[109] *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 211—212.
[110] Сб. РИО, т. 53, стр. 85—86.
[111] Там же, стр. 98.

нением русской позиции[112]. Вскоре (27 апреля) Василий III отправил гроссмейстеру Альбрехту послание, в котором сообщалось о готовности вступить в непосредственные переговоры с римским папой[113].

Замыцкому гроссмейстер Тевтонского ордена оказал самый внимательный и почетный прием. Альбрехт заверил русского посла, что Орден перемирия с Польшей не заключил и готовится к началу военных действий. Поэтому он просил немедленно прислать денег для набора 1 тыс. воинов[114]. Сведения об этом получены были в Москве уже 5 июня. Замыцкий сообщал и о европейских событиях, в частности о том, что татары «воевали» недавно Подольскую землю, о том, что «людей... прибыльных» (войска наемного) у Сигизмунда нет, а сам он в Литву не собирается, и т. п.

Складывалась обстановка, благоприятная для начала военных действий с Литвой. В Казани находился послушный ставленник Василия III. Крым поддерживал союзнические отношения с Россией. Империя была занята избранием преемника Максимилиана.

В мае 1519 г. великий князь выехал из Москвы в поездку по монастырям. Он побывал в Угрешском и других монастырях, затем до середины июня находился «на Острове», затем вернулся в Москву, где и «летовал» (в Воронцове)[115].

В июле Мухаммед-Гирей и Василий III одновременно начали военные действия против Польши и Литвы. С севера должен был по Польше нанести удар Тевтонский орден. В то же самое время 40-тысячное войско во главе с Богатыр-Салтаном напало на Волынь, опустошило районы Люблянщины, Белзкий и Львовский, а отдельные татарские отряды доходили чуть ли не до самой Вислы. Под Соколом (у Буга) 2 августа 20-тысячное войско К. Острожского потерпело

---

[112] Там же, стр. 103; 122—135. Подробнее см.: *Forstreuter*, S. 92—96; *В. Н. Балязин*. Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах, стр. 70; *Ф. Успенский*. Сношения Рима с Москвою (далее — *Успенский*).— ЖМНП, 1884, август, стр. 380—385; *Пирлинг*, стр. 302—303.

[113] СГГД, ч. V, № 89; Сб. РИО, т. 53, стр. 119.

[114] Сб. РИО, т. 53, стр. 122—135.

[115] ПСРЛ, т. VI, стр. 203; т. XIII, стр. 32; т. XX, стр. 400—401; т. XXII, стр. 518; РВ, стр. 320; *Шмидт*, стр. 279.

сокрушительное поражение. Крымцы перебили многих польских военачальников, взяли большой полон (по данным Стрыйковского, восходящим к М. Бельскому, — 60 тыс. человек) и вернулись восвояси [116].

Прикрыв южную границу войсками князя М. Д. Щенятева («на берегу») и князя Ю. В. Ушатого (на Туле), Василий III отдал в июле распоряжение В. В. Шуйскому выступить из Вязьмы через Смоленск в Литовскую землю. Вместе с ним отправлен был Ак-Доулет с городецкими татарами. Шуйский должен был соединиться с ратью князя М. В. Горбатого, шедшей изо Ржевы и Дорогобужа [117]. «Из Северы» выступил князь С. Ф. Курбский. Поход начался 1 августа и продолжался недолго. Войска двигались в направлении Могилева и Минска, а отдельные отряды доходили до Вильно. Боевые действия происходили в районе Логойска, Минска, Красного села, Молодечны (здесь сражались псковичи), Маркова, Лебедева, Крева, Ошмян, Радошковичей, Борисова. Удар, следовательно, был направлен на Вильно [118].

Во время летней кампании 1519 г. Василий III скорее всего хотел произвести военную демонстрацию, которая должна была наглядно показать мощь русского оружия и принудить Литву принять русские условия перемирия. Короче говоря, речь шла о том, чтобы обеспечить присоединение Смоленска к России, а новых приобретений не добиваться. Против русских полков упорно сражались виленский воевода Николай Радзивилл, троцкий воевода Альбрехт Гаштольд, князь М. Мстиславский. Впрочем, от открытых столкновений эти литовские воеводы уклонялись, хоронясь за стенами города Крево и других крепостей. Поэтому удалось только разгромить передовые отряды князя В. Полубенского. Взять же крепостей русские воеводы не смогли. Возможно, такой цели перед ними и не стояло. Взяв большой

---

[116] ПСРЛ, т. VIII, стр. 268; Сб. РИО, т. 95, стр. 670—671; *Stryjkowski*, str. 392 (ср. *А. И. Рогов*. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966, стр. 235); *K. Pułaski*. Machmet-Girej, str. 313—317.

[117] РК, стр. 61—64.

[118] В грамоте гроссмейстеру Альбрехту Василий III так и писал: «Велели есмя ити тем своим воеводам в своего недруга в Литовскую землю прямо к болшому его к литовскому городу к Вилне» (Сб. РИО, т. 53, стр. 142—143).

полон, Шуйский и его товарищи вернулись 11 сентября в Вязьму [119].

Продолжалась осенью 1519 г. и «тевтонская акция». Получив 2 августа от гроссмейстера Альбрехта грамоту о готовности начать войну с Польшей [120], Василий III 16 августа отправляет в Королевец своего посла В. А. Белого с сообщением о начале военных действий в Литве [121]. В сентябре Иван Харламов получил распоряжение отвезти казну гроссмейстеру Альбрехту для найма тысячи воинов. Но это был, так сказать, задаток. Альбрехт настаивал на присылке остальных денег (для найма 10 тыс. пеших и 2 тыс. конных воинов) [122]. Так или иначе, но давно уже ожидавшаяся война Ордена и Польши в ноябре 1519 г. вспыхнула. На первых порах орденским войскам удалось достичь некоторых успехов (1 января 1520 г. взяли замок Браунсберг). Далее наступили трудные дни, ибо в Торунь (близкий к орденской границе) с войсками прибыл польский король, показывая тем самым решимость Польши довести борьбу с Орденом до победного конца. Вместе с тем для Сигизмунда становилось ясным, что без установления мирных отношений с Россией важнейшую для Польши тевтонскую проблему решить нельзя.

31 декабря 1519 г. в Москву прибыл новый посланец Альбрехта Мельхиор Рабенштейн, который энергично настаивал на финансовой и военной помощи со стороны России. Василий III тактично и резонно заявлял, что его полки во исполнение союзного договора уже совершили поход в Литву, туда же вторгались по договоренности с ним и крымские отряды [123]. Дополнительно к этому 28 февраля 1520 г. в поддержку Ордена под Витебск и Полоцк отправ-

---

[119] См. также: ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. VIII, стр. 268; ПЛ, вып. 1, стр. 100; РК, стр. 62—64; Сб. РИО, т. 35, стр. 548; «Acta Tomiciana», t. IV, N 73, 78. Об окончании похода Василий III сообщал Альбрехту в грамоте от 16 сентября (Сб. РИО, т. 53, стр. 162—163).

[120] Сб. РИО, т. 53, стр. 135—139.

[121] Там же, стр. 140—158.

[122] Там же, стр. 160—177.

[123] Там же, стр. 182—189. Подробнее см.: *А. Б. Кузнецов.* О некоторых аспектах... стр. 177—193; *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах, стр. 70; *Forstreuter*, S. 95—96; *W. Hubatsch.* Albrecht von Brandenburg-Ansbach. Köln-Berlin, 1960, S. 76.

лена была сравнительно небольшая рать В. Д. Годунова (вероятно, с Белой), которая пожгла витебские посады и месяца через два вернулась на территорию России [124].

За счет русской помощи хотел одолеть своих противников не только Тевтонский орден. Готовясь в 1519 г. к войне со Швецией, датский король Христиерн II обратился к Василию III с просьбою выслать в Финляндию в помощь датчанам против шведов 2 тыс. конных воинов. В случае необходимости великому князю, по мнению Христиерна, следовало бы также напасть на Норботнию [125]. Но Василий III не собирался пускаться в рискованные авантюры во имя интересов, чуждых России, и воинов не послал.

Одновременно с военными действиями против Литвы Василий III не терял надежды на решение спора и мирным путем. Для этой цели уже в начале 1520 г. был произведен дипломатический зондаж. 12 января к Николаю Радзивиллу отправился человек Григория Федоровича Давыдова (в это время виднейшего русского боярина) с предложением продолжить мирные переговоры между обеими странами. «Похочет государь ваш с нашим государем миру и доброго пожитьа, и он бы послал к нашему государю своих послов»,— писал Радзивиллу Г. Ф. Давыдов. 24 марта в ответ на эту миссию в Москву приехал человек Н. Радзивилла, который передал согласие литовской стороны на продолжение мирных переговоров, а также просьбу о присылке «опасных грамот» для послов и о прекращении пограничной «валки» (войны) [126]. Все это было выполнено.

Начиная мирные переговоры с Литвой, Василий III поспешил отправить в Королевец из Москвы прусского посла М. Рабенштейна. В грамоте от 24 апреля, посланной с ним, сообщалось о готовности выполнить условие о финансировании армии в 10 тыс. пеших и 2 тыс. конных воинов, когда гроссмейстер возьмет прусские города у короля и пойдет к Кракову, т.е. это означало, что никогда. «К почину того дела» с дьяком И. Харламовым отправлена «казна» для найма 1 тыс. воинов. Сообщалось в грамоте и о походе В. Д. Годунова, и о планировавшемся походе князя

---

[124] РК, стр. 64; Сб. РИО, т. 53, стр. 195, 197, 203, 207. О том, что В. Д. Годунов стоял на Белой, см. РК, стр. 58.

[125] *Форстен*, стр. 233.

[126] Сб. РИО, т. 35, стр. 550, 554.

М. Д. Щенятева в Литовскую землю. В мае в дополнение к казне, посланной с И. Харламовым, в Королевец, предполагали еще послать с А. Моклоковым «пенязи», необходимые на содержание еще одной тысячи воинов [127]. Однако намечавшийся поход в Литву Щенятева все откладывался, пока не был вовсе отменен [128]. Василий III медлил, ожидая разворота событий орденско-польской войны. А они складывались для Альбрехта неблагоприятно.

С началом переговоров с Россией Сигизмунд не спешил: ему необходимо было предварительно достичь решающих успехов в войне с Орденом. И действительно, летом 1520 г. в Москву стали поступать известия о победах польских войск. 14 июня в Москву прибыл орденский посланник Юрий Клингенбек со слезной просьбой гроссмейстера о денежной помощи. Польские войска уже подходили к Королевцу. Тогда в начале июля 1520 г. к гроссмейстеру отправлен был его посол, а с ним и А. Моклоков с деньгами, о которых уже Василий III писал раньше [129]. Но Альбрехт Бранденбургский уже начинал понимать бесперспективность войны с Польшей. 24 августа в Москву И. Харламов привез его грамоту (от 23 июля). В ней сообщалось, что Сигизмунд «изгубил» половину орденской земли. Альбрехт снова настаивал на присылке всей обещанной суммы денег или по меньшей мере половины [130]. Впрочем, спасти Орден ничто уже не могло, и 5 апреля 1521 г. Альбрехт подписывает четырехлетнее перемирие с Польшей [131].

В такой обстановке возобновились русско-литовские переговоры.

Литовские послы воевода подляшский Ян Костевич и

---

[127] Сб. РИО, т. 53, стр. 202—203, 211.

[128] О предполагающемся походе князя М. Д. Щенятева сообщалось в прусских посольских делах с начала мая по начало июля (Сб. РИО, т. 53, стр. 207, 213, 217—218, 230—231, 241). М. Д. Щенятев с войсками находился на Дорогобуже (Сб. РИО, т. 35, стр. 564).

[129] Сб. РИО, т. 53, стр. 240—244, 250—252; «Supplementum» N CLVII.

[130] Сб. РИО, т. 53, стр. 245—250; «Supplementum» N CXLIII—CLVI.

[131] *Forstreuter*, S. 97—100; *В. Н. Балязин.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 годах, стр. 70—71; *А. Б. Кузнецов.* К вопросу... стр. 191—192.

Богуш прибыли в Москву 22 августа [132]. Переговоры начались, как и прежде, издалека. Русская сторона настаивала на том, чтобы при заключении мира Сигизмунд «поступился» старой русской «отчиной», которую он сейчас держит, т. е. городами Киевом, Минском и др. Со своей стороны литовские послы указывали на Новгород, Псков, Вязьму и, конечно, Смоленск как на литовскую вотчину. Минимально, на что они соглашались,— это ограничить свои претензии Смоленском. Если же Московское государство Смоленска не отдаст, то Сигизмунд был готов заключить перемирие по образцу перемирия 1503 г., т. е. без формального признания Смоленска русской землей и размена пленными. Программа перемирия Василия III сводилась к санкционированию сложившегося положения и отпуску обеими сторонами пленных. И русские, и литовские представители при этом широковещательно заявляли о своем миролюбии, о желании урегулировать отношения «для покоя кристианского и чтоб вперед кровь кристианская не лилася» [133].

За миролюбием держав скрывалось реалистическое понимание сложившегося положения. Для Сигизмунда постепенно становилось очевидным, что с тремя противниками (Крымом, Россией и Орденом) ему успешно воевать не удастся. Отсюда он сделал разумный вывод о необходимости заключения мира со своим грозным соседом, с тем чтобы подчинить себе слабеющий Тевтонский орден.

Для Василия III война с Литвою также не имела реальной перспективы. Ему необходимо было урегулировать отношения на западе, с тем чтобы проводить активную политику в Казани и на юге. Поэтому после деклараций обе стороны перешли к поискам обоюдно приемлемого выхода из сложной ситуации. Русская сторона предложила, чтобы «на Николин день осенний» (6 декабря) в Москву для продолжения переговоров были присланы «великие паны радные». Литовская сторона согласилась в принципе с этим, но настаивала на перемирии «хоти на год». Это было важно для Литвы, ибо тем самым русские теряли возможность начать летом военную кампанию. В конце концов достигнуто было компромиссное решение: сроком новой встречи послов устано-

[132] Сб. РИО, т. 35, стр. 574; ПСРЛ, т. XXX, стр. 145. См. грамоту Сигизмунда от мая 1520 г. (АЗР, т. II, № 102).

[133] Сб. РИО, т. 35, стр. 583.

вили «Масленое заговено» (10 февраля 1521 г.). Таким образом, в случае срыва переговоров Василий III мог попытаться на поле брани добиться того, что оказалось бы не достигнутым за «круглым столом». Это усиливало позицию русских дипломатов во время переговоров.

4 сентября 1520 г. литовские представители покинули Москву [134].

Вероятно, летом 1520 г. (во всяком случае еще до сентября) Москву посетил представитель римского папы генуэзец Павел Чентурионе [135]. Лев X давно уже вынашивал идею обращения в унию далекой Московии для того, чтобы использовать ее мощь в борьбе с турками. Эти планы не одобряли самые воинственные элементы главным образом из числа польских церковных и государственных деятелей. Так, например, в 1515 г. на Латеранском конгрессе епископ Иоанн Ласский говорил о невозможности примирения между православной русской и римско-католической церквами [136]. Первое послание Льва X (от 4 июня 1518 г.), как мы помним, должен был передать Василию III Николай Шонберг, который в Москву так и не попал [137]. В 1519 г. папа направил в Москву епископа Захария Ферари, но Сигизмунд его через свою территорию не пропустил [138]. Вот после этого-то и был послан в Россию купец Паоло Чентурионе, который искал кратчайшего торгового пути в Индию для установления торговых отношений с этой сказочно богатой страной. На своем пути он побывал в Москве, где ему был оказан самый радушный прием [139]. Однако дальше общих разговоров о взаимной благосклонности дело не пошло. Беспредметными были и рассуждения Чентурионе о возможности соединения церквей.

---

[134] Там же, стр. 595.

[135] ПСРЛ, т. XIII, стр. 36; ИЛ, стр. 181. Судя по характеру летописной записи, это было вскоре после марта 1520 г.

[136] HRM, t. I, N CXXIII.

[137] Переписка пап... стр. 94—97.

[138] *Пирлинг*, стр. 306—309; *Э. Винтер.* Папство и царизм, стр. 192. См. письмо Льва X Василию III о мнимом желании московского государя принять католическую унию и о посылке нунция Захария (HRM, t. I, N CXXXV); «Переписка», стр. 36; *Успенский*, стр. 387.

[139] См. об этом путаный рассказ П. Иовия, смешавшего воедино два посольства Чентурионе (*Герберштейн*, стр. 252—253). См. также: *Пирлинг*, стр. 311—321.

Итак, итоги политики России на Западе к концу 1520 г. были вполне утешительными. Намечавшееся заключение перемирия с Литвой означало решение основной в комплексе европейских дел проблемы, волновавшей русское правительство.

Казалось, ничем не омрачались отношения Василия III и с восточными державами. В январе 1521 г. вернулся из Царьграда русский посол Б. Голохвастов, который привез с собой вполне дружелюбную грамоту султана Селима I от 28 октября 1520 г.[140] Однако в конце того же 1520 г. Селим умер, и огромную восточную империю наследовал его сын Сулейман, прозванный впоследствии Великолепным. Отношения с Портой приходилось возобновлять заново. Сведения о событиях в Порте достигли Москвы в мае 1520 г., и уже 20 июля в Царьград отправлен был дьяк Третьяк Губин с приветственной грамотой по случаю восшествия на престол Сулеймана [141].

Тучи сгущались в Крыму. Уже в конце 1519 г. Мухаммед-Гирей вступил в переговоры с Сигизмундом, которые продолжались и в 1520 г. 25 октября между Крымом и Польшей был заключен договор о перемирии. Он содержал также пункт о совместных военных действиях против России, в случае если таковые возникнут [142].

Предвидя возможные осложнения на юге, московское правительство поспешило с завершением работ по созданию оборонительных сооружений в Туле, ключевой позиции русской обороны на южных рубежах. Весной 1520 г. Тульский кремль («град камен») был закончен [143]. Сохранилось глухое известие о том, что в 1520 г. «царь крымской приходил на Украину, на берегу стоял, да и бой был не един, да и прочь пошли» [144].

Это не мешало продолжающимся дипломатическим сношениям. Летом того же 1520 г. из Крыма приходили послы, настаивавшие на выполнении договорных обязательств и на

---

[140] ПСРЛ, т. XIII, стр. 36; т. XX, стр. 401; РВ, стр. 323; ИЛ, стр. 181; СГГД, ч. V, № 93; Сб. РИО, т. 95, стр. 673.

[141] Сб. РИО, т. 95, стр. 677—678 и др.

[142] *K. Pułaski.* Machmet-Girej, str. 319—327.

[143] ПСРЛ, т. VI, стр. 262; т. VIII, стр. 269; ИЛ, стр. 181 (на этом сообщении кончается текст Иоасафовской летописи).

[144] *Зимин*, стр. 11.

посылке войск под Астрахань, ибо туда направился сам Мухаммед-Гирей. Не желая окончательно рвать отношения с Крымом, Василий III дал Мухаммед-Гирею «в помочь 7 городов силы судовой» [145]. К Казани «в судах» отправился князь Андрей Иванович Булгаков, а также князь Иван Ушатый (очевидно, сухим путем) [146]. Судя по тому, что в походе были воеводы не первого ранга, силы, посланные Мухаммед-Гирею, не отличались многолюдностью. Так как в разрядах говорится о походе под Казань (а не под Астрахань), а с казанцами войны не было, то, возможно, просто до Астрахани русская рать не дошла. В официальном летописании о походе не говорится вовсе.

---

[145] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145.
[146] РК, стр. 65.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ

Первое двадцатилетие XVI столетия было отмечено экономическим и политическим подъемом России.

Крупных успехов к началу 20-х годов правительство Василия III достигло во внешней политике и также в объединении русских земель. С восточными державами — Турцией и Крымом — установились мирные отношения. В Казани на престоле сидел русский ставленник Шигалей. Дружеские договорные обязательства связывали Россию с северными державами — Данией, Ливонией и Тевтонским орденом. Благожелательности Русского государства искали могущественная Империя и папская курия. Затяжная, но не изнурительная война с Великим княжеством Литовским велась по преимуществу за пределами России. В ее ходе был присоединен Смоленск, а Сигизмунд в начале 20-х годов готовился пойти на перемирие с Россией, будучи занят своими западными делами.

Внутри страны неуклонно развивался объединительный процесс. Ликвидированы были два последних полусамостоятельных государства — Псков и Рязань. Великий князь Рязанский Иван Иванович, вероятно, зимой 1520/21 г. был «пойман» [1]. По Герберштейну, события развертывались так:

[1] Д. И. Иловайский, ссылаясь на упоминание И. В. Хабара, в это время перевитского наместника, считает, что Иван Иванович мог быть «пойман» после мая 1520 г. (АСЭИ, т. III, № 390, стр. 402; *Д. И. Иловайский.* История Рязанского княжества, стр. 223—242). Но в Перевитске уже с 1509 г. находились великокняжеские наместники. Поэтому сведение 1520 г. не датирует «поимание» князя Ивана. Последний раз он в источниках на Рязани упоминается в грамоте от июня 1519 г. (АСЭИ, т. III, № 388). Поскольку в мае 1520 г. И. В. Хабар был перевитским наместником, то можно по-

Иван Иванович Рязанский «призывает к себе татар и насильно овладевает княжеством... которым доселе еще владела его мать» [2]. После этого князь Иван ведет переговоры с Василием III, «чтобы тот позволил ему властвовать так же, как и его предкам, никому не обязанным и свободно управлявшим и владевшим княжеством». Во время переговоров князя Ивана оболгали (что-де он сватает себе дочь крымского царя). Василий III вызвал рязанского князя к себе и с помощью Семена Коробьина заточил его в темницу. Затем была изгнана из Рязани и заключена в монастырь рязанская княгиня, а многие рязанцы «выведены» из княжества [3].

Итак, крымские симпатии князя Ивана, его стремление к утверждению своей самостоятельности в условиях обострения русско-крымских отношений привели к падению Рязанского княжества. Еще в 1518 г. после смерти Василия Стародубского его большое княжество присоединено было к владениям Василия III. Таким образом, на юге страны оставался еще один полунезависимый правитель — Василий Шемячич (в Новгороде-Северском), но дни его были уже сочтены.

Приближался последний час и уделам ближайших родичей Василия III. После смерти Федора Волоцкого (1513 г.) и Семена Калужского (лето 1518 г.) их уделы были ликви-

---

лагать, что тогда еще князь Иван находился в Рязани. По Устюжскому летописному своду, сообщение о «поимании» князя Ивана помечено под 1516 г. («тое ж зимы»). Но там же находится несколько позднейших приписок, что не позволяет запись о «поимании» датировать 1516 г. А. Г. Кузьмин считает, что в 1516 г. «либо была попытка рязанского князя получить большую самостоятельность, либо Москва принимала меры, направленные к ликвидации такой самостоятельности» (*А. Г. Кузьмин.* Рязанское летописание. М., 1965, стр. 270). Обоснование автора (отставка в 1516 г. рязанского епископа Протасия) явно недостаточно для такого вывода.

[2] *Герберштейн*, стр. 104. По актовым источникам, власть в Рязани от Аграфены к Ивану Ивановичу перешла около 1514—1515 гг. (ср. АСЭИ, т. III, № 379, стр. 395; № 380, стр. 395); Мухаммед-Гирей обращался с грамотами к Ивану Ивановичу в 1518 и январе 1519 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 527, 640).

[3] *Герберштейн*, стр. 104—105. Герберштейн ошибается, считая, что у Ивана Рязанского было два старших брата — Василий и Федор.

дированы. На уделах оставались Юрий Дмитровский, Дмитрий Углицкий и с 1519 г. князь Андрей, послушный воле великого князя.

Около 1520 г. произошло столкновение («брань») детей боярских Козельска и воротынцев с жителями Мезецка: последний принадлежал князю Дмитрию Ивановичу, а Козельск — Василию III (ранее же — князю Семену). Козличи и воротынцы пограбили мезчан с санкции державного правителя («по великого князя веленью»). Чем кончилось разбирательство спора, остается неизвестным[4]. Но распря, очевидно, вызвала явное неудовольствие со стороны углицкого князя. Об этом свидетельствует отрывок «речей», которые должен был говорить князю Дмитрию Шигона Поджогин от имени Василия III. В нем содержались упреки по адресу князя «в козельских делех». Речь, очевидно, идет о столкновении козличей с мезчанами. Но кроме того, «речи» содержали недвусмысленное требование подчиниться воле монарха, чтобы «который наш недруг (т.е. Сигизмунд или Мухаммед-Гирей.— *А. З.*) тому [раздору] не радовался»[5].

Подействовало ли предупреждение Василия III или нет, сказать трудно. 14 февраля 1521 г. князь Дмитрий Иванович скончался[6]. Несмотря на просьбы угличан захоронить князя в Угличе, Василий III распорядился доставить тело покойного в Москву, и 23 февраля его положили в Архангельском соборе вместе с другими родичами и предками великого князя. Незадолго до своей смерти князь Дмитрий составил завещание. В нем было сказано и о вкладах в монастыри, и о судьбе драгоценностей, но о том, кто наследует княжение, он ничего не написал[7]. Возможно,

---

[4] РИБ, т. II, № 34, стб. 35—38 (март 1520 г.). О том, какое значение придавали в Москве этому спору, говорит то, что его материалы хранились в позднейшем Царском архиве (Описи, ящик 26, стр. 20).

[5] АИ, т. I, № 290. Ср. ЦГАДА, ф. 146, № 41. Документ в издании датирован «около 1520 г.». Это, очевидно, правильно (если документ связан со спором козличей с мезчанами). Во всяком случае в «речах» упоминается Федец Борисов (Бороздин), известный по актам 1524 г. (АФЗХ, ч. II, № 91—92).

[6] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. VIII, стр. 269. По Троицкой повести о смерти князя Дмитрия, он начал «изнемогати зелне телеснем недугом» 8 февраля, а умер 13 февраля (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 218—221).

[7] ДДГ, № 99, стр. 409—414.

он не предполагал так скоро умереть и мог рассчитывать, что еще вступит в брак и у него появится наследник. Этого не случилось, и Углицкий удел вошел в состав великокняжеской территории.

Впрочем, на Углицкий удел могли найтись еще претенденты. В 1492 г. был «поиман» князь Андрей Васильевич Углицкий со своими сыновьями Иваном и Дмитрием. Сам князь Андрей умер еще в 1494 г., а его дети находились в заточении долгие годы. Сначала братья «скованы» сидели в тюрьме в Переяславле (во всяком случае с 27 мая 1508 по 8 мая 1514 г.), где над ними был учинен строгий надзор. Затем их перевели на Вологду в Спасо-Прилуцкий монастырь. Здесь 19 мая 1523 г. умер князь Иван [8]. Позднее он был причислен к лику святых [9]. Его брат прожил дольше: только в конце 1540 г. с него приказано было снять оковы. Когда он умер, неизвестно. Дочери князя Андрея были замужем: одна — за князем А. Д. Курбским, другая — за князем И. С. Кубенским.

Но один серьезный противник у великого князя все еще оставался. Это был его брат Юрий Иванович Дмитровский. Сокрушение или подчинение его великокняжеской власти оставалось реальной политической задачей Василия III.

Десятилетие с 1510 по 1520 г. было временем не только политических успехов, но и экономического подъема. Войны в это время не были изнурительными. Не страдала страна и от опустошительных голодовок, пожаров и эпидемий. После мора 1511/12 г., когда «многие с голоду мерли», недород посетил Русскую землю только осенью 1516 г.[10] Много дождей выпало летом 1518 г. Тогда же сгорело 50 дворов на Торговой стороне Новгорода. В 1518/19 г. выгорела Руса [11]. 17 мая (на Вознесение) 1520 г. был пожар в Нижнем Новгороде, а в сентябре погорело Запсковье [12].

---

[8] ДДГ, стр. 471; ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 161 (1522 г.); т. XXX, стр. 202; Вологодский летописец. Вологда, 1874, стр. 141 («в заточении»).

[9] См. о его «житии»: *Н. Коноплев.* Святые Вологодского края.— Чтения ОИДР, 1895, кн. IV, стр. 105—106 (дата смерти здесь 1521/22 г.).

[10] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 217; т. IV, стр. 540; т. VI, стр. 280.

[11] ПСРЛ, т. IV, стр. 613; т. XXX, стр. 144.

[12] *С. А. Гациский.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886, стр. 30—31; ПЛ, вып. 1, стр. 101—102.

Все это в условиях средневековой действительности, конечно, было событиями «рядовыми», а не чрезвычайными, которые не оказали существенного влияния на жизнь населения страны в целом.

В первой трети XVI в. интенсивно протекало развитие товарно-денежных отношений и рост городов. В России тогда было не менее 150—160 городов. Преодоление политической разобщенности между землями сказывалось благотворно на развитии городской жизни и складывании торговых связей между различными районами страны. В города устремлялась масса сельского населения, причем «всяк ленится учитися художеству, вси бегают рукоделиа, вси щапят торговании, вси поношают земледелием»,— с преувеличением писал митрополит Даниил, отмечая характерные черты своего времени [13].

Василий III, по словам Герберштейна, докончил «то, что начал его отец, а именно отнял у всех князей и других властелинов их города и укрепления» [14]. П. П. Смирнов полагал, что речь шла о ликвидации своеземческих городов, переводе их на положение государевых [15]. Таково, по его мнению, содержание «указа о слободах» Ивана III и Василия III, который упоминал Иван Грозный в 1550 г. («да у монастырей, и у князей, и у бояр слободы... възрите в дедовы и в батьковы в уставные книги, каков указ слободам») [16].

До нас дошло неясное сведение 1523 г., что Василий III в Новгороде организовал «гильдию» носильщиков и поэтому наполовину увеличил плату за их работу [17]. И в данном случае речь идет о покровительственной политике по отношению к горожанам.

Современники, писавшие о России первой трети XVI в., единодушно отмечают наличие в ней крупных городов. Герберштейн сообщает, что в Москве насчитывалось 41 500 дворов. К середине XVI в. в ней жило не менее 100 тыс.

---

[13] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил... прил., стр. 36.

[14] *Герберштейн*, стр. 20.

[15] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVI века, т. I. М.—Л., 1947, стр. 92—93.

[16] Памятники русского права, вып. 4. М., 1956, стр. 577.

[17] *Г. Гильдебранд.* Отчеты о розысканиях, произведенных в рижских и ревельских архивах.— «Записки Академии наук», т. XXIX, прил. СПб, 1877, № 541, стр. 76.

человек [18]. По Меховскому, в 20-е годы XVI в. Москва была «вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии» [19]. Тогда же Иоанн Фабр писал, что «город Москва вдвое больше Кёльна. Почти равную с Москвой величину имеют города Владимир, Псков, Новгород, Смоленск и Тверь... Прочие города, коих находится бесчисленное множество, не столь знамениты» [20].

В Новгороде к середине XVI в. было 26 тыс. жителей. По словам Меховского, он «намного больше, чем Рим» [21]. Наличие в Новгороде «невероятного количества... зданий» отмечал П. Иовий [22].

В нашем распоряжении почти нет источников, которые наглядно показали бы экономический рост страны. Наиболее яркое свидетельство подъема страны дает строительство церквей, по преимуществу каменных, о котором подробно говорят русские летописи. Нам уже приходилось упоминать о псковском строительстве, перейдем теперь к Москве и другим городам.

Еще весной 1514 г. перед началом последнего Смоленского похода в Москве заложено было несколько каменных церквей на большом посаде. Это — Благовещение в Воронцове, Благовещение на «Старом Хлынове» (на Ваганькове), Владимира «в Садах» (в позднейшем Старосадском переулке у Солянки), Алексея Человека божия в «девичи монастыре за Черторью», Усекновения главы Иоанна Предтечи «под Бором», за Болотом (на Пятницкой), св. Петра «за Неглинною», Варвары «против Панского двора» на оживленном торговом Варварском крестце (перекрестке) (ее ставили на средства гостя Василия Бобра с братьями — Юрием Урвихвостовым и Федором Вепрем).

Церковь Владимира была заложена не случайно. Василий III считал князя Владимира Святославича (в крещении Василия) своим патроном. В 1515 г. исполнялось 500 лет

---

[18] *Герберштейн*, стр. 100; *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного, стр. 149.

[19] *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях, стр. 113.

[20] «Отечественные записки», ч. 25. СПб., 1826, стр. 295.

[21] *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957, стр. 31—32; *М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях, стр. 106.

[22] *Герберштейн*, стр. 265.

со дня смерти этого князя, крестившего Русь. В честь знаменательной годовщины великий князь и собирался построить новый храм.

В Кремле в это время сооружалась церковь Афанасия Александрийского у Фроловских ворот на подворье Кириллова монастыря (после приближения митрополита Варлаама и Вассиана Патрикеева, связанных с этим монастырем). «Нарядчиками» этого строительства были гости Юрий Григорьевич Бобынин с братом Алексеем [23].

Афанасий Александрийский известен был своей непримиримой борьбой с ересью. Именно его слово на «ариан» в свое время запрашивал новгородский архиепископ Геннадий у ростовского владыки для его использования в борьбе с еретиками [24]. Само место строительства (Большой посад — торговый центр столицы), его размах и участие купечества говорят об усилении роли Москвы как крупнейшего торгово-ремесленного центра страны. Общее руководство строительными работами осуществлял Алевиз Новый.

Финансировавшие церковное строительство лица принадлежали к цвету московского купечества. Так, Ф. В. Вепрь еще около 1506 г. кредитовал князя Федора Волоцкого, который задолжал ему 300 руб. и драгоценные вещи. Григорий Бобыня (около 1461—1471 гг.) дал в долг князю Юрию Васильевичу Дмитровскому 30 руб., а около 1479 г.— князю Андрею Васильевичу Вологодскому 25 руб. под залог драгоценностей [25]. В доме Алексея Бобынина в 1514 г. останавливалось прибывшее в Москву турецкое посольство [26].

---

[23] ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VI, стр. 254, 280; т. VIII, стр. 254—255; т. XIII, стр. 17—18; т. XX, стр. 387; т. XXIII, стр. 200; т. XXVIII, стр. 348; т. XXX, стр. 141; РВ, стр. 254—256. О церквах Иоанна Предтечи и Владимира «в Садах» (см. *Александровский*, стр. 6). В официальном летописании под 1514 г. сообщается и о строительстве церквей, которые основаны позднее, в 1515—1518 гг. (Введение богородицы на Посаде «за Панским двором», в «городе» на дворе великого князя Рожество богородицы с приделом Лазаря, Леонтия Ростовского за Неглинною, Введение на Сретенской улице).

[24] *Н. А. Казакова* и *Я. С. Лурье*. Антифеодальные еретические движения, стр. 320; *Я. С. Лурье*. Идеологическая борьба... стр. 188.

[25] ДДГ, № 98, стр. 406; № 68, стр. 222; № 74, стр. 275—276.

[26] Сб. РИО, т. 95, стр. 95.

Одновременно производилось строительство и других городских сооружений. В 1514/15 г. делали плотину на Неглинной у Боровицких ворот, в 1515/16 г. копали пруды вокруг Кремля, сооружали плотины, Троицкий мост и Кутафью башню. 5 июня 1519 г. начали копать ров «против Круглой стрельницы» (Кутафьи башни) [27].

Производилась и роспись старых соборов. К 26 августа 1515 г. была закончена роспись Успенского собора (начатая еще в июле 1513 г.), «велми чюдно и всякия лепоты исполнено» [28]. Именно тогда сложился основной сюжетный состав росписи, повторенной в стенописи 1643 г., которая и дошла до нашего времени. Исследователи находят в живописной системе росписи Успенского собора 1513—1515 гг. влияние иосифлянской идеологии. В 1517/18 г. начали расписывать церковь Михаила Архангела в Чудовом монастыре, а в августе 1520 г.— паперть у Благовещения [29].

В Москве церковное строительство не прекращалось до 1521 г. В сентябре 1514 г. завершена была церковь «Всех святых на берегу». Упоминавшаяся уже церковь Усекновения Иоанна Предтечи освящена была 29 августа 1515 г. На празднестве освящения церкви Благовещения в Воронцове 29 ноября 1515 г. присутствовал сам Василий III с Соломонией. В том же году надстроена была церковь Рождества богородицы на великокняжеском дворе в Кремле (нижняя церковь получила тогда название Воскресение Лазаря) [30].

Две из заложенных в 1514 г. церквей освящены были в 1516 г.: 3 февраля Владимира «в Садах» и 31 июля Благовещения на «Старом Хлынове». Тогда же освящена была и Рождественская церковь. В том же 1516 г. заложены были каменная церковь Введение Богородицы «за Панским дво-

---

[27] ПСРЛ, т. XXX, стр. 142, 202; *Н. А. Скворцов.* Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 94; *М. Г. Рабинович.* О древней Москве. М., 1967, стр. 41; ПСРЛ, т. XXX, стр. 144.

[28] ПСРЛ, т. IV, стр. 539 (27 августа); т. VI, стр. 280 (27 августа); т. XXX, стр. 141—142 (26 августа). См. подробнее: *О. В. Зонова.* Стенопись Успенского собора Московского Кремля.— «Древнерусское искусство XVII века». М., 1964, стр. 122—128, 134 и др.

[29] ПСРЛ, т. XXX, стр. 143, 145.

[30] ПСРЛ, т. VI, стр. 280; т. XXX, стр. 142.

ром», т.е. на Лубянке (2 июня, освящена 5 ноября), Леонтия Ростовского «за Неглинной» и Успение богородицы (крутицким владыкой Досифеем). В 1517 г. освящена была церковь св. Петра «за Неглинной» [31].

На следующий год 12 сентября была освящена церковь Леонтия Ростовского и 21 ноября Введения на Сретенке, построенная псковичами-переведенцами. 2 мая освящена церковь св. Афанасия [32]. 10 августа на месте разобранной старой церкви Вознесения заложена каменная в кремлевском Вознесенском монастыре (у Чудова) великой княгини [33]. 11 мая 1519 г. заложена каменная церковь Ильи «за Торгом». Ставил ее «от простых людей нехто именем Клим, а прозвище Мужило». В 1520 г. освящена была церковь Ильи (2 сентября), а в 1521 г.— Вознесенская церковь в Кремле [34].

Строили не только в Москве, но и в других городах. Еще в 1513 г. после крымского набега на Рязань построена каменная церковь Николая Зарайского на южных рубежах страны (Зарайск)[35]. По распоряжению митрополита Варлаама Корнилий Комельский (близкий к Кирилло-Белозерскому монастырю) в 1514/15 г. строит большую Введенскую церковь, а затем церковь Антония Египетского с трапезной [36]. В 1515/16 г. завершается постройка Успенского собора в Ярославле, начавшаяся еще в 1506 г.[37] 12 сентября 1518 г. освящали новосозданную церковь Рождества Иоанна Святого в Переяславском Горицком монастыре [38]. Тогда же построен Покровский собор Суздальского Покровского монастыря [39]. Возможно, что около этого времени перестроен

---

[31] ПСРЛ, т. XXX, стр. 142—143.

[32] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. VIII, стр. 265; т. XXX, стр. 143—144.

[33] ПСРЛ, т. XIII, стр. 30; т. XXVIII, стр. 355 (на этом сообщении обрывается летопись).

[34] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145.

[35] *Д. С. Лихачев.* Повести о Николае Зарайском.— ТОДРЛ, т. VII, стр. 343—348.

[36] ГБЛ, Костром. собр. № 45, л. 19 об., 22 об. Ср. *И. У. Будовниц.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян (далее — *Будовниц).* М., 1966, стр. 284.

[37] Ярославль в прошлом и настоящем. Ярославль, 1913, стр. 52—53.

[38] ПСРЛ, т. XXX, стр. 144.

[39] История русской архитектуры, т. III. М., 1955, стр. 362.

Успенский Ростовский собор [40]. Под Можайском, куда часто ездил Василий III «на потеху», архимандритом Лужицкого монастыря Макарием (будущим митрополитом) был выстроен каменный храм по канонам московской архитектурной школы [41].

Строились не только храмы. После того как была возведена церковь Богоявления в мае 1506 г., Иосиф Волоцкий «обложил» в своем монастыре каменную трапезную. Весной 1511 г. была построена подобная трапезная и в Пафнутьеве монастыре. В ноябре 1519 г. была закончена трапезная палата с храмом Введения в Кирилло-Белозерском монастыре [42].

Не отставали в строительстве от великого князя и его удельные братья. Юрий Дмитровский между 1509—1523 гг. отстроил большой собор в Дмитрове, формы которого находились под несомненным влиянием Архангельского собора в Кремле [43]. По некоторым сведениям, князем Дмитрием Ивановичем Жилкой была сооружена каменная Алексеевская церковь в одноименном монастыре на Угличе [44].

Продолжалось строительство и в Новгородской земле. Организаторами его здесь выступали московские гости, купцы и старосты. Под 1515/16 г. Новгородский летописец сообщал: «В то же лето не во многие гости московские и купци новгородцкия и старасты, вси гражане христолюбивые люди, многие церкви каменные в Великом Новегороде, и по посаду, и по манастырям создаша, а иные старые

---

[40] Там же, стр. 354. 1509—1533 гг. датирует перестройку собора А. И. Некрасов. Однако Б. Н. Эдинг, С. В. Бессонов и в последнее время В. С. Баниге относят ее к концу XV в. (*В. С. Баниге.* Искусство ростовских строительных мастеров. М., 1964, стр. 6. Автореферат канд дисс.). Н. Н. Воронин дает иную дату — конец XVI в. (*Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. М., 1962, стр. 474—475).

[41] История русской архитектуры, т. III, стр. 358.

[42] *Зимин*, стр. 29; *Н. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 25; ГБЛ, Музейное собр. № 5837, л. 140; *А. А. Титов.* Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря. М., 1906, № 12—13.

[43] История русской архитектуры, т. III, стр. 358; *М. Ильин.* Успенский собор в Дмитрове.— «Материалы по истории русского искусства». М., 1928, стр. 8.

[44] *Л. Ф. Соловьев.* Краткая история города Углича. СПб., 1895, стр. 77.

починиша и обелиша известию»[45]. В 1515 г. в Хутынском монастыре был построен величественный Преображенский собор — самая крупная после Софийского собора постройка в Новгороде[46]. В августе того же 1515 г. в Тихвине освящена была церковь Успения богородицы, построенная неким «фрязином» при «нарядчике» Дмитрии Сыркове[47]. Обе церкви, построенные по повелению Василия III, по своей архитектуре тяготели к формам московского Успенского собора. Дмитрий Иванович Сырков — видный московский гость. Еще в 1508 г. его отец поставил церковь Жен Мироносиц на Торговой стороне Новгорода, заложенную в 1506 г.[48] Деятельность самого Д. Сыркова особенно развернулась в 20—30-е годы XVI в.

В первой половине XVI в. складываются династии крупных купцов в Москве и Новгороде. К их числу кроме Сырковых принадлежали Хозниковы, Таракановы и др.

Семен Андреевич Хозников вел торговые операции с Крымом еще в 80—90-х годах XV в. В Крыму он и умер в начале 20-х годов XVI в.[49] Алексей Хозников в 1533 г. в Москве был городничим[50].

Больше известно о деятельности Таракановых. 21 ноября 1519 г. на Торговой стороне Новгорода освящена церковь св. Климента, которая «падеся» еще в 1516/17 г. Строил ее московский гость Василий Никитич Тараканов[51]. Таракановы были энергичными проводниками торговой политики

---

[45] ПСРЛ, т. IV, стр. 540. О строительстве в Новгороде см. подробнее: *К. К. Романов.* К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XV—XVI вв.— «Изобразительное искусство». М., 1927, стр. 29—58.

[46] *Т. В. Гладенко, Л. Е. Красноручьев, Г. М. Штендер, Л. М. Шуляк.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований.— «Новгород. К 1100-летию города». М., 1964, стр. 244—246, 254—258.

[47] ПСРЛ, т. II, стр. 539—540. Ее строительство началось еще в 1510 г. (*К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951, стр. 21).

[48] ПСРЛ, т. IV, стр. 461, 537, 612.

[49] *Дунаев*, стр. 45, 50, 54; Сб. РИО, т. 41, стр. 71, 106.

[50] ПСРЛ, т. VI, стр. 269. О Хозниковых см.: *А. А. Зимин.* Земский собор, 1566 г., стр. 215.

[51] ПСРЛ, т. IV, стр. 540; т. VI, стр. 281; *Т. В. Гладенко* и *др.* Архитектура Новгорода... стр. 261—263; ПСРЛ, т. IV, стр. 611.

Москвы в Новгороде. Еще до 1495 г. в Деревской пятине был «испомещен» Митя (Никита) Тараканов, которому дал «поместье князь велики против его земель московских» [52]. Землями в Новгороде владел и староста купеческий (в 1502 г.) Владимир Тараканов [53]. Когда осенью 1518 г. Василий III узнал, что в Новгороде наместники судят «по мзде» (за взятки), то им было указано дворецкому Ивану Константиновичу Сабурову и дьякам выбрать «с улицы» 48 человек «лучших людей» и привести их к присяге («целованью»). Отныне с наместниками должны были судить «староста купеческий» Василий Никитич Тараканов и четыре целовальника (мы бы сказали — присяжных) из 48 человек, менявшиеся ежемесячно [54]. В 1524 г. он давал «поминки» турецкому послу, т.е. был связан с восточной торговлей. В конце 1531 г. он, как купеческий староста (вместе с Д. И. Сырковым), участвовал в подписании новгородско-ливонского договора [55]. Его брат Владимир упоминается в 1517/18 г. в качестве «послуха» в купчей поземельной грамоте Переяславского уезда. В 1529 г. он был душеприказчиком дьяка Алексея Лукина [56]. Торговыми людьми были и другие Таракановы. Так, в 1530 г. Филипп Тараканов вел деловые сношения с литовскими купцами [57]. Землевладельцем на Двине в 1525—1527 гг. был Никита Федорович Тараканов с детьми Семеном, Прокофием, Панфилом и племянником Гаврилой Никифоровым [58].

Василий Тараканов был настолько известной фигурой, что его имя, прозвище и фамилия надолго задержались в народной памяти. «Гость-заморянин» Таракашка (иногда Василий Таракан) в былине о Василии Окуловиче выступает верным сподвижником Василия Окуловича, доставляя

---

[52] НПК, т. I, стр. 703.

[53] Подробнее см.: *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород, стр. 145—146.

[54] ПСРЛ, т. IV, стр. 540 (6 сентября); т. VI, стр. 280—281; т. XX, стр. 397.

[55] *Дунаев*, стр. 72; СПД, ч. V, № 105, стр. 116.

[56] *С. А. Шумаков.* Обзор, вып. IV. М., 1917, № 998, стр. 342; ЦГАДА, ф. 135. Приложение, рубрика III, № 14, л. 1.

[57] Сб. РИО, т. 35, стр. 825.

[58] Сборник Грамот Коллегии экономии (далее — ГКЭ), т. I. Пб., 1922, № 56, стр. 48—49; № 59, стр. 50.

ему прекрасную Саламаниду, жену мудрого царя Саламана [59].

В первой трети XVI в. закладываются основы могущества крупнейшей купеческой фамилии Строгановых. Анике Строганову Василий III в 1516—1517 гг. повелел владеть Вычегодским усольем. По другим сведениям, Аника был первым, кто завел в 1515 г. в Соли Вычегодской соляной промысел [60]. К середине XVI в. ему принадлежало до половины посадской земли в Сольвычегодске.

Покровительственная политика Василия III по отношению к купечеству и промышленным людям несомненна. В 1530 г. он дал жалованную грамоту солеварам Новой Соли (Русы) Деревской пятины. Наумка Кобель Савин сын «с товарищи», нашедшие соляные ключи на Двине, получили в 1524 г. от великого князя льготную грамоту, на 10 лет освобождающую их от уплаты всяких государевых податей [61].

Савины, Кобелевы, Амосовы и Прощелыкины, происходившие из среды северного крестьянства, уже в первой трети XVI в. становятся зажиточными людьми, обладавшими крупными промыслами и землями [62].

К 1530 г. относится первое упоминание о соляных промыслах в Неноксе (на Двине). К середине XVI в. тут работало уже не менее 22 варниц. С 10-х годов XVI в. появляются сведения о покупке сначала земель, а затем варниц в Неноксе братьями Яковом, Михаилом и Григорием Ивановичами Кологривовыми, ставшими основателями крупной промышленной семьи в Неноксе [63].

---

[59] Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Отголоски событий XVI в. в фольклоре.— «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 404—405.

[60] Вычегодский летописец.— «Историко-филологический сборник», вып. 4. Сыктывкар, 1958, стр. 265; Хронологическая летопись города Устюга Великого.— «Северный архив», 1822, № 12, стр. 405—406. Подробнее см.: *А. А. Введенский.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962, стр. 19 и др.

[61] РИБ, т. XIV, стб. 10—14; ААЭ, т. I, № 285, стр. 488—489; ДАИ, т. I, № 26.

[62] Подробнее см.: *Носов*, стр. 240.

[63] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина, стр. 97. Подробнее см.: *В. В. Цаплин.* Источники по истории посадского солеваренния на русском Севере. М., 1952. Дипломная работа в МГИАИ, рукопись. Выражаю благодарность автору, предоставившему мне текст работы.

Во время правления Василия III бурно развивались и крепли торговые связи России с восточными и западными державами. Особенно значительное место во внешнеторговом балансе страны имела торговля с Турцией, Ногаями, Крымом и Казанью. Основными партнерами России в восточной торговле были Астрахань и Казань, лежавшие на старинном Волжском торговом пути. Торговым значением Волжского пути объясняется во многом и настойчивое стремление Василия III подчинить своему влиянию Казань. В восточные страны шли не только продукты промыслов (пушнина, мед, воск), но и предметы вооружения, кожа, железные и деревянные изделия. По свидетельству Герберштейна, кроме мехов и кожи, в «Татарию» вывозились седла, уздечки, торы, иглы, зеркала, одежда, тайком от властей оружие. К этому списку Иовий добавляет еще «шерстяные рубашки и серебряную монету» [64]. Из восточных стран поступали хлопчатобумажные и шелковые ткани, пряности, скот. Торговые люди приезжали в Москву не только в составе посольств [65], но и самостоятельно. Торговля восточных купцов не ограничивалась столицей Русского государства. Турецкие купцы еще в 1515 г. заезжали и в Новгород. Торговали они и в Холопьем городке. Так, в 1525 г. из Крыма двое купцов привезли в Москву для продажи 300 аршин тафты и 10 зуфей [66]. Осенью 1527 г. «из Ногаев» на Русь пригнали 20 тыс. коней, в 1529/30 г.— 80, в 1530/31 г.— 30, а в 1533/34 г.— 50 тыс.[67]

Из стран Восточной и Западной Европы наиболее оживленными были торговые связи с Польшей и Литвой. На Русь шли медь из Кракова, а также ткани. Общая доля России в торговле Польши и Литвы занимала от 30 до 50% стоимости товаров [68]. Из России в Европу поступали

[64] *Герберштейн*, стр. 91, 250. В 1523 г. с И. Морозовым среди «поминков» Василия III, отправленных в Турцию, основное место занимали меха и шубы (*Дунаев*, стр. 61).

[65] В 1522 г. со Скиндером из Турции прибыло 16 торговых человек из Царьграда и Кафы. В 1524 г. тот же Скиндер приходил в Москву главным образом «на султана рухляди купити» (*Дунаев*, стр. 33, 60).

[66] Сб. РИО, т. 95, стр. 120; *Герберштейн*, стр. 91; *М. Фехнер*. Торговля Русского государства, стр. 71.

[67] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 103; *Зимин*, стр. 11—13.

[68] *Герберштейн*, стр. 91—92; *A. Wawrzyńczyk*. Studia z diejów nandlu Polski. W., 1956, str. 121.

главным образом меха, пенька, лен, воск, мед, кожи. Торговля с немецкими и прибалтийскими городами, а также со Швецией ограничивалась Новгородом. Отсюда на Русь шли сера, свинец, олово, медь, серебро [69]. В начале 20-х годов торговали московским мехом в Пруссии [70].

Правительство Василия III не только содействовало развитию местного купечества и промыслового люда. Оно охотно приглашало из-за рубежа строителей (архитекторов) и мастеров разной квалификации, стараясь использовать зарубежный опыт для подъема экономики страны. Среди них были строители деревянной крепости в Дорогобуже в 1509 г. «фрязины» Варфоломей и Мастробан. В том же году на проезд по русской территории была послана опасная грамота некоему «фрязину» Петру Пушечникову [71]. Выдающимися архитекторами и градостроителями были Алевиз Новый, Петр Фрязин и Бон Фрязин.

Немецкие пушкари (в том числе и некий Николай с Рейна) принимали участие в обороне Москвы во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г., а пушкарь Иоанн Иордан успешно командовал в том же году артиллерией в осажденной крымцами Рязани [72].

Сигизмунд Герберштейн писал, что Василий III «имеет пушечных литейщиков, немцев и итальянцев, которые кроме пищалей и воинских орудий льют также железные ядра». В самой столице Русского государства, по словам Павла Иовия, было «много медных пушек, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса» [73]. Николай Немчин слил в 1533 г. «колокол большой благовестник, а в нем тысяща пудов» [74].

В наемном пешем войске Василия III, как утверждал Герберштейн, было до 1500 литовцев и «всякого сброда». Наемники — немцы и литовцы участвовали в походе русских войск на Казань в 1524 г.[75] Еще в 1507 г. датский король

---

[69] *Герберштейн*, стр. 90, 267; *Г. Гильдебранд*. О розысканиях... № 627, 630, 575, 593, 595; РИБ, т. XV, № 27—28.

[70] *Forstreuter*, S. 209.

[71] РК, стр. 43; Сб. РИО, т. 35, стр. 492.

[72] *Герберштейн*, стр. 148, 150—151.

[73] Там же. стр. 78, 275.

[74] ПСРЛ, т. VIII, стр. 284.

[75] *Герберштейн*, стр. 76, 156.

Иоанн отправил в Россию корабль с военным снаряжением и мастерами-пушечниками из Шотландии [76].

В 1521 г. Василий III предусмотрительно писал Христиерну II Датскому: «Которые будут у тебя мастеры в твоей земле, фрязове архитектоны и зеньядуры и которые мастеры горазди каменного дела делати, и литцы, которые бы умели лити пушки и пищали, и ты б тех мастеров к нам прислал» [77]. Были на Руси и знающие иноземцы-лекари. Один из них, Николай Булев, пользовался особым вниманием великого князя [78]. В 1508 г. с Михаилом Глинским в Москву попали лекарь Феофил с братом, которые лечили многих детей боярских. Впрочем, для лечения ослепшего брата князя Михаила Глинского Василия в 1509 г. в Москву из Крыма должны были отпустить какого-то «великого лекаря» [79]. Врач грек Марко жил некоторое время в Москве в 10—20-х годах XVI в.[80]

Свидетельством бурного экономического подъема страны, освоения новых земель и роста народонаселения была энергичная монастырская колонизация, проходившая в первой трети XVI в.[81]

Как известно, Василий III основал неподалеку от Переяславля Новую (Александрову) слободу, которая стала его резиденцией во время частых поездок «на потеху» и по монастырям. Неподалеку от Переяславля 15 июля 1508 г. произошло освящение Троицкой церкви, положившей начало Данилову монастырю [82]. Этот монастырь стал одним из наиболее любимых великим князем. Его основатель Даниил (1460—1540 гг.) происходил из семьи мелких землевла-

---

[76] *Н. А. Казакова.* Раннее известие о связях России и Шотландии.— «Вопросы истории», 1970, № 7, стр. 197—198. Другой современник писал, что в 1513 г. под Смоленском в русских войсках находилось до 2 тыс. пищалей, отлитых итальянцами и немцами (*И. Рябинин.* Новое известие, стр. 5—6).

[77] РИБ, т. XVI, № 10, стб. 31.

[78] О нем см. в гл. 14.

[79] Сб. РИО, т. 53, стр. 16, 54—55; т. 95, стр. 72.

[80] *Дунаев,* стр. 40; Описи, ящик 42, стр. 23.

[81] *А. А. Савич.* Главные моменты монастырской колонизации русского Севера в XVI—XVII вв.— «Сборник общества исторических наук при Пермском университете», вып. 3. Пермь, 1929, стр. 47—116.

[82] *В. Г. Добронравов.* История Троицкого Данилова монастыря. Сергиев-Посад, 1908, стр. 10.

дельцев Протасьевых, был постриженником близкого к великим князьям Пафнутьева Боровского монастыря. Тесные связи с великокняжескими фаворитами Иваном и Василием Андреевичами Челядниными позволили Даниилу добиться расположения Василия III, который неоднократно бывал в монастыре (в сентябре 1510 г., летом 1523 г., осенью 1528 г.) и щедро жаловал его льготными грамотами (грамоты 1525, 1526 гг.). Даниил же был крестным отцом обоих сыновей великого князя — Ивана и Юрия.

Многолетняя борьба за Смоленск, вызвавшая необходимость укрепить западные рубежи страны, была одной из причин, стимулировавших деятельность Герасима Болдинского (умер в 1554 г.). Ученик Даниила Герасим в 1528 г. в 15 км от Дорогобужа основывает Болдинский Троицкий монастырь. Герасим наряду с этим создает еще три монастырька небольших: Усекновения Иоанна Предтечи вблизи Вязьмы, Богородицкий Введенский в Брынском лесу на реке Жиздре, Рождественский Богородицкий в Сверковых лугах (в 36 км от Дорогобужа)[83].

В самом Смоленске сразу после присоединения к России в 1515 г. создается Вознесенский женский монастырь[84].

На западе от Москвы находился Старицкий удел. Здесь в начале XVI в. (после 1514 г.) князем Андреем Ивановичем в самом городе Старице основан Успенский Богородицкий монастырь[85].

На южных рубежах страны возникло несколько монастырей, главным образом во владениях служилых князей. Так, полагают, что в 1525 г. князь Иван Васильевич Белевский создал Спасо-Преображенский монастырь в Белеве. В 1515 г. старцем Давыдом (умер в 1520 г.) основана была Вознесенская пустынь в 25 км к северу-востоку от Серпухова. В первой половине XVI в. на реке Жиздре в 9 км к юго-западу от Перемышля старцем Феогностом Шаровкой (умер в 1545 г.) при содействии князя А. И. Воротынского основывается Шаровкин монастырь, ставший вотчинным мо-

---

[83] ГБЛ, Унд. № 600, л. 173, 186 об.; *Зверинский*, т. II, № 1081, 1416.

[84] *Зверинский*, т. II, № 726. До 1560 г. возник Спасский монастырь в Рославле (там же, т. I. СПб., 1890, № 455).

[85] *С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря.* Хронологический перечень, № 1—34; *Зверинский*, т. II, № 1306.

настырем князей Воротынских[86]. Неясно время возникновения Троицкого Лютикова монастыря, находившегося в 6 км к северу от Перемышля. Одним из его основателей был князь В. И. Воротынский (умер в 1553 г.)[87]. Еще до 1558 г. князья Александр и Михаил Ивановичи Одоевские создают в 2 км от Одоева Анастасов монастырь. В 8 км к юго-западу от Трубчевска одним из князей Трубецких создан Челнский монастырь[88].

Основная группа рязанских монастырей, очевидно, возникла еще до XVI в. Но в декабре 1506 г. княгиня Аграфена Рязанская дала землю в Покровскую пустынь (в 15 км от Рязани). Этот вклад связывается с созданием пустыни[89]. В 1514 г. после пожара отстроен заново основанный еще в XV в. Духов монастырь в Рязани.

В 3 км к северо-западу от Калуги в княжестве Семена Ивановича возникла Лаврентьева пустынь, на месте которой похоронен юродивый Лаврентий, умерший в 1515 г.[90]

Южные и юго-западные монастыри располагались по преимуществу или в городах, или в непосредственной близи от них. Обстановка постоянных набегов крымцев и войн с Великим княжеством Литовским заставляла задумываться о безопасности населения монастырей. А обеспечить ее тогда могли только крепкие городские стены.

Наиболее интенсивно заселялся русский Север. Именно здесь осваивались необжитые ранее территории.

На северо-западе страны протекала деятельность Нила Столбенского (умер в 1554 г.). Сам Нил — новгородский

---

[86] *Зверинский*, т. II, № 1170, 775; т. I, № 3. См. жалованную грамоту 1547 г. (*С. Б. Веселовский*. Из истории последних уделов, стр. 127—128).

[87] *Зверинский*, т. II, № 915; *М. Т. Преображенский*. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1871, стр. 57. Еще до 1584 г. существовал Лихвинский Гремячев монастырь в 7 км к юго-востоку от Перемышля (*Зверинский*, т. II, № 774).

[88] *Зверинский*, т. II, № 614, 1353.

[89] АСЭИ, т. III, № 346; *Зверинский*, т. I, № 180. Пустынь упоминается еще в грамоте от января 1506 г., до нас не дошедшей (*С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря*. Хронологический перечень, № 1—34).

[90] *Зверинский*, т. II, № 1170; т. I, № 274. Есть еще несколько сведений о рязанских монастырях (*Зверинский*, т. II, № 1063; т. III. СПб., 1897, № 1642).

крестьянин из Жабенского погоста Деревской пятины, постриженник Псковского Савво-Крыпецкого монастыря. В 1515 г. он основал Серемскую пустынь, а затем в 1527 г. в 25 км к северо-востоку от нее Столбенскую (на Столбенском острове озера Селигер в 8 км к северу от Осташкова) [91]. Другой крестьянин, Никандр, из села Виделибья Псковского уезда (умер в 1584 г.), постриженник того же монастыря, основал Благовещенскую пустынь в 20 км к северо-западу от Порхова [92].

Осваивались монахами районы Ладожского и Онежского озер. Из среды мелких землевладельцев села Мандеры, на реке Ояти, происходил инок Александр, получивший впоследствии прозвище Свирского (умер в 1533 г.). Постригшись в Варлаамском монастыре, он еще в конце XV в. основал на реке Свири Троицкий монастырь (в 36 км от Олонца), а в 1506 г. рядом с ним — Спасский монастырь для погребения монахов [93]. Учениками Александра основаны: Макарием — Оредежская пустынь в 110 км от Новгорода, Никифором, крестьянином Важинского погоста, — Важеозерская в 62 км от Олонца на Важе озере [94], Афанасием — Сяндомская пустынь в 22 км от Олонца. Неподалеку от них Адриан (в миру помещик Андрей Завалишин, убит в 1550 г.), также ученик Александра, основал в начале XVI в. Андрусовскую пустынь в 22 км к западу от Олонца [95].

Сын новгородского посадника Иван Климентьев, занимавшийся торговлей солью, в 1520 г. на одном из островов Онежского озера основал Климецкий монастырь. Около 1515 г. в 4 км от Тихвина основан Николаевский Беседный

---

[91] ГБЛ, Троицк. № 672, л. 86 об.— 108; *Зверинский*, т. II, № 1014; т. III, № 2011; *Будовниц*, стр. 349—353.

[92] *Зверинский*, т. II, № 943.

[93] ГБЛ, Троицк. № 629, л. 290—400; *Зверинский*, т. I, № 607; *И. Яхонтов*. Житня подвижников Поморского края. Казань, 1881, стр. 37—87.

[94] *Зверинский*, т. I, № 193; т. II, № 918; *Е. В. Барсов*. Исторический очерк Важеозерской пустыни. — «Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг.». Петрозаводск, 1869, отд. III, стр. 65—80. По М. В. Витову, Важеостровская пустынь основана около 1520 г. (*М. В. Витов*. Историко-географический очерк Заонежья XVI—XVII веков. М., 1962, стр. 82).

[95] *Зверинский*, т. I, № 344; т. II, № 1215; *Е. В. Барсов*. Андрей Завалишин и его пустыня.— Чтения ОИДР, 1884, кн. IV.

монастырь. Большой Тихвинский монастырь основан был еще до 1515 г.[96]

Холоп одного из новгородских бояр Андрей, родом из деревни Кехта Двинского края, постригся на реке Кене в Пахомиевской пустыни (Каргопольский уезд) под именем Антония. В 1513 г. он заложил на Шелони, в 194 км к юго-востоку от Онеги, Николаевский монастырь, а затем в 1519 или 1520 г.— в дальнейшем знаменитый Антониев Сийский монастырь в 78 км от Холмогор на реке Сии[97]. Еще до 1547 г. существовал у Каргополя Спасо-Преображенский монастырь[98].

В связи с колонизацией Севера и миссионерской деятельностью новгородского архиепископа Макария находится создание церквей и монастырей на Кольском полуострове среди лопарей. Так, считается, что Трифон (новгородец по происхождению) на реке Печенге на Мурманском берегу Кольского полуострова в 1533 г. основал Печенгский Троицкий монастырь[99]. По А. А. Савичу, между 1528—1550 гг. в городе Коле Феодорит основал Усть-Кольский Троицкий монастырь. А. И. Андреев считает, что Трифон и Феодорит действовали одновременно и основали около 60-х годов XVI в. Троицкий монастырь на Печенге (который после 1590 г. переведен на новое место — в Колу). По его мнению, в 30—40-х годах XVI в. основан его предшественник — Никольский монастырь на Печенге[100].

Значительная группа монастырей создана была в Вологодском крае. Центром, откуда происходил процесс монастырской колонизации, стал Кирилло-Белозерский монастырь. В нем еще в конце XV в. постригся дьяк великой княгини Марии Ярославны (вдовы Василия II) Лукьян со

---

[96] *Зверинский*, т. I, № 249, 485; т. II, № 971; *Е. В. Барсов.* Олонецкий монастырь Клименцы.— Чтения ОИДР, 1870, кн. 4, стр. 4.

[97] ГБЛ, Пискарев, № 112, л. 39, 50, 128; *Зверинский*, т. II, № 1832.

[98] АИ, т. I, № 147; *Зверинский*, т. II, № 1160.

[99] «Православный собеседник», 1859, май, стр. 89—120; *Зверинский*, т. I, № 360.

[100] *А. А. Савич.* Главные моменты монастырской колонизации, стр. 76—79; *Зверинский*, т. II, № 1284; *А. И. Андреев.* К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова.— «Дела и дни», кн. I. Пб., 1920, стр. 24—28, 33.

своим племянником Корнилием Крюковым (1455—1537 гг.). Последний долгое время странствовал, получил чин священника от новгородского архиепископа Геннадия и в 1497 г. в Комельском лесу, в 6 км к югу от Грязовца, основал Корнилиев монастырь [101]. В 70 км от монастыря на озере Сурском Корнилий создает в 1505 г. еще одну небольшую пустынь — Спасскую. Корнилий пользовался особым уважением Василия III. Великий князь был в его монастыре зимой 1528/29 г. и выдал в 1528/29 и 1531 гг. льготные грамоты на монастырские владения [102].

В пустыни на озере Сурском (в 26 км к юго-востоку от Любима) Корнилий оставляет своим преемником Геннадия [103].

В 7 км к востоку от Любима при впадении Шерны в Обнору при Василии III создается Шеренский Успенский монастырь «от татарского збега», т.е. для обороны края от набегов казанских татар. В 65 км северо-западнее Вологды на белозерской дороге, по случаю «явления» богоматери, основывается в 1524 г. Сямский Богородицкий монастырь. В начале XVI в. делается известной источникам Николаевская Мокрая пустынь (в 40 км к востоку от Вологды) [104]. В Вологодском крае в 25 км к северо-востоку от Грязовца и в 25 км от самой Вологды в 1527 г. создается Арсением Арсеньев Комельский монастырь [105]. Арсений происходил из семьи мелких землевладельцев Сахарусовых, издавна служивших московским митрополитам [106]. Сам Арсений постригся в Троицком монастыре, в 1525 г. был назначен игуменом этого монастыря, но в 1527 г. покинул его и основал свой монастырь, на который вскоре (в 1530 г.) исхлопотал у Василия III льготную грамоту [107].

---

[101] ГБЛ, Костром. собр. № 45, л. 19 об., 22; *Зверинский*, т. II, № 884; *Н. Коноплев*. Святые Вологодского края, стр. 85—101.

[102] ГПБ, Собр. актов, № 90; *Амвросий*. История российской иерархии, ч. IV. М., 1812, стр. 717—719.

[103] *Зверинский*, т. II, № 1157.

[104] ГБЛ, Троицк. № 673, л. 312—329 об.; *Зверинский*, т. III, № 1769, 2198.

[105] ГБЛ, Вологод. собр. № 65, л. 22—56 об.; *Зверинский*, т. II, № 621.

[106] Ср. АФЗХ, ч. I, № 9, 55, 115, 117, 221, 257, 295, 307, 309.

[107] *Амвросий*, ч. III, стр. 280—282. Подробнее см.: *Н. Коноплев*. Святые Вологодского края, стр. 72—76.

Иноком Покровского Глушицкого монастыря Стефаном (умер в 1542 г.) основывается Николаевский Озерский Комельский монастырь в 5 км к югу от Вологды. Это было при митрополите Даниеле и Василии III, т.е. около 1522—1533 гг.[108]

Таковы основные сведения о вологодских монастырях[109]. На Белоозере подвизался ученик Корнилия Комельского Кирилл Белый (умер в 1537 г.). Он в 1517 г. в 30 км к юго-западу от Белоозера на Красном острове Новоозера основал Новоозерский монастырь[110] (по А. И. Копаневу, в 1519 г.). Другой Корнилиев ученик, Филипп Ирапский (умер в 1537 г.), в 52 км к северо-западу от Череповца на реке Андоге в начале 20-х годов XVI в. основал Красноборскую пустынь[111]. У истоков той же реки в 50 км к западу от Белозерска возникает Андогская пустынь (по А. И. Копаневу, в середине XVI в.)[112]. В 42 км к юго-западу от Белоозера на Азатском озере возникает Никольский монастырь[113]. Выходец из Корнилиева Комельского монастыря Иродион на соседнем Илоозере основывает Родионову пустынь (после смерти Корнилия в 1537 г.)[114]. В 1524 г. инок Марк Ворона в 12 км от Череповца основывает Успенскую пустынь[115].

В Галичском уезде, затронутом монастырской колонизацией, уже в XV в. также возникло несколько монастырей. Очевидно, при Василии III создан был Преображенский монастырь в Солигаличе. В 1515 г. в 11 км к югу от Солигалича на реке Солде основывается Богородицко-Успенская пустынь. В благодарность за спасение во время казанского

---

[108] Житие преп. Стефана Комельского.— «Памятники древней письменности», вып. 85. СПб., 1892; *Зверинский,* т. II, № 1208.

[109] См. также: *Зверинский,* т. II, № 874 (в Вологде), № 1001 (на Устюге); т. III, № 1687 (Коптевская пустынь в 25 км к юго-востоку от Грязовца).

[110] ГБЛ, Пискарев, № 145, л. 96—100 об.; *Зверинский,* т. II, № 868 (в 1507 г.); *Будовниц,* стр. 296—300.

[111] Житие Филиппа Ирапского. СПб., 1879, стр. XXXV—XXXVI; *Зверинский,* т. I, № 557.

[112] *Зверинский,* т. I, № 13; *А. И. Копанев.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 50.

[113] *Зверинский,* т. III, № 1818.

[114] *Зверинский,* т. II, № 821; *Будовниц,* стр. 295—296.

[115] *Зверинский,* т. I, № 130. В 1529 г. он получает льготную грамоту от Василия III (ЛОИИ, собр. Головина, № 53).

набега 1532 г. в Солигаличе основан Макарьево-Успенский монастырь [116].

Севернее, на Сухоно-Двинском пути, при Василии III в 80 км северо-западнее Тотьмы на реке Реже старцем Ефремом создается Спасо-Николаевская пустынь [117]. Обстановкой частых казанских набегов объясняется то, что монастыри юго-восточного края создавались главным образом в городах или рядом с ними, выполняя оборонительные функции [118].

При всей отрывочности сведений о монастырской колонизации в первой трети XVI в. можно сделать заключение, что интенсивность освоения новых земель монастырями (главным образом на севере — в Вологде и Белоозере) свидетельствует о состоянии экономического подъема, который переживала страна.

Процесс монастырской колонизации не был безболезненным. Основатели пустынь и монастырьков захватывали не только пустующую землю, но и угодья черносошных крестьян, что санкционировалось великокняжеской властью. Все это вызывало негодование и сопротивление крестьян. Дело доходило до открытых и весьма серьезных столкновений. Основатель Сийского монастыря Антоний в 1543 г. писал, «что соседние крестьяне чинят старцам всяческие обиды», «пожары-деи от них бывают не один год, а сожгли-деи у них в монастыре четыре церкви» [119].

Несмотря на покровительство, оказываемое монастырской колонизации, земельная политика Василия III была очень осторожной. О его законодательстве (Уложении) по этому вопросу сохранились только отрывочные сведения. Так, в приговоре 11 мая 1551 г. говорилось: «Исстари по Уложению великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и по Уложению великого князя Василья Ивановича всея

---

[116] *Зверинский*, т. II, № 799; т. III, № 1729, 1975.

[117] *Зверинский*, т. III, № 1602. В 1538 г. она получила жалованную грамоту.

[118] См. также: *М. А. Ильин.* Монастыри Московской Руси XVI века как оборонительные сооружения.— «Исторический журнал», 1944, № 7—8, стр. 75—81.

[119] ГКЭ, т. I, № 97, стр. 99. Подробнее см.: *В. П. Корецкий.* Борьба крестьян с монастырями в России XVI—начала XVII в.— «Вопросы истории религии и атеизма», сб. VI. М., 1958, стр. 178; *Будовниц*, стр. 259—356.

Русии во Твери, и в Микулине, и в Торшку, и в Оболенску, на Белеозере, на Резани, мимо тех городов людем вотчин не продавати и по душам в монастыри без докладу не давати» [120]. Итак, Уложение Василия III продолжало законодательство его отца. В нем устанавливалась замкнутость землевладельческих корпораций в ряде старинных районов бывшего Тверского и Рязанского княжеств (Тверь, Микулин, Рязань), вотчин князей, издавна служивших Москве (Оболенск), некоторых новгородских волостей (Торжок) и измельчавшего княжеского землевладения (Белоозеро) [121]. В этих районах запрещались и вклады в местные монастыри. Если же в других частях Русского государства «напишет хто в духовных и в даных и всяких крепостях, кому будет их вотчины роду, и их роду искуп дадут столько, сколко в духовной или в ыных крепостях написано дати искупу,— и те вотчины вотчичем по духовным и по даным крепостям по старине по тому ж указу, как было преж сего при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии» [122]. Указ Василия III, следовательно, стимулировал выкуп монастырских вотчин светскими землевладельцами. В этом он как бы шел в русле нестяжательских представлений. Но делал это робко: он предусматривал, что в «крепостях» должны быть специальные оговорки о родичах, которые имели право на выкуп.

Возможно, при Василии III был регламентирован и размер денежных поступлений, шедших монастырям и церкви [123]. Во всяком случае сохранилось несколько его ружных грамот [124]. Судя по приговору 1551 г., при Василии III были

---

[120] ПРП, вып. 4, стр. 524.

[121] В приговоре 1562 г. добавлены Ярославль и Романов: «А что во Твери, и в Торшку, в Ярославле, на Резани, на Белеозере, на Романе изстари иногородцы вотчиных земель не покупали» (ПРП, вып. 4, стр. 530).

[122] ПРП, вып. 4, стр. 523.

[123] «Руги и милостыны... учинити по старине по тому, как давали ругу и милостыню наперед сего при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии» (ПРП, вып. 4, стр. 537). См.: «По которым монастырем государь и вел. кн. Василий Иванович... давал милостыню в приказ, а не впрок хлеб, и соль, и деньги, и воск на свечи, и мед на кутью, и пшеницу на просфиры» («Стоглав». СПб., 1863, стр. 273).

[124] ГКЭ, Радонеж, № 1/10793 (1506 г.); ААЭ, т. I, № 155, стр. 125—126 (1512 г.), № 159, стр. 129—131 (1515 г.); Труды Мос-

ограничены в своих правах распоряжаться землей «служилые князья» в других районах [125]: «А суздальские князи, и ярославские князи, да стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавали никому же и в монастыри по душам не давали»[126].

Итак, без ведома великого князя («доклада») служилые князья не могли передавать своих земель кому-либо, кроме «вотчич», т.е. наследников. В противном случае эти владения конфискуются. Список «служилых князей» в приговоре примерный, а не полный [127]. В грамоте от 3 февраля 1556 г. Иван IУ, используя традицию предшествующего законодательства, разрешил Кирилло-Белозерскому монастырю покупать землю во всех районах, кроме «Ноугородские, и Псковские, и Рязанские, и Тферьские, и Смоленские земли и оприч князей вотчинных (служилых.— *А. З.*), которым вотчинным князем вотчин своих без нашего ведома продати не велено» [128]. Общий порядок Уложения Василия III распространялся как на независимые в прошлом русские земли (Новгород, Псков, Смоленск, Рязань, Тверь), так и на владения служилых князей.

ковского Археологического общества, т. XXII, вып. II. М., 1901, стр. 278—280 (1514 г.); АИ, т. I, № 128, стр. 190, (1521 г.); Сб. Муханова, № 319, стр. 299—300 (1524 г.).

[125] Подробнее см.: *Б. А. Романов.* К вопросу о земельной политике Избранной рады.— «Исторические записки», кн. 38, стр. 265; *И. И. Смирнов.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 444—445; *С. В. Рождественский.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 121.

[126] ПРП, вып. 4, стр. 524. В издании опечатки: «продавати... давати». Надо: «продавали.. давали» (см. ААЭ, т. 1, № 227, стр. 219).

[127] В сходном более позднем приговоре (15 января 1562 г.) запрещалось продавать, давать в монастыри и в приданое старинные вотчины, «которые... за князьями ярославскими, и за стародубскими, за ростовскими, за суздальскими, за тверскими, за оболенскими, за белозерскими, за воротынскими, за мосальскими, за трубецкими, за одоевскими и за иными многими служилыми князьями» (ПРП, вып. 4, стр. 529).

[128] ААЭ, т. I, № 246, стр. 269. По Н. Е. Носову, Уложение принято было после 16 июля 1511 г., ибо именно этого числа Василий III дал Троицкому монастырю жалованную грамоту на село Туму Суздальского уезда, переданное в монастырь без доклада великому князю «по душе» князя Семена Борисовича Суздальского (ГКЭ, Суздаль, № 11788/9; *Носов*, стр. 146—147). Однако одного примера еще недостаточно для столь важного заключения.

Уложение осуществлялось на практике. Так, в 1525/26 г. дети князя А. М. Оболенского, передавая в Троицкий монастырь село Борноволоково Переяславского уезда, предусматривали возможность выкупа его кем-либо из «нашего роду» за 500 руб.[129] Один случай родового выкупа известен по актам. В том же 1525/26 г. князь И. И. Кемский выкупил село Никольское, которое дал в Кирилло-Белозерский монастырь сын его четвероюродного брата князь С. А. Шелешпанский [130].

Право родового выкупа существовало не только при отношениях княжат с монастырями. Вдова князя И. В. Щербатого, дочь Федора Андреевича Плещеева, в декабре 1515 г. купила у своей сестры ее приданную вотчину в Переяславском уезде с обязательством не продавать никому «мимо» нее. Эта купчая была доложена окольничему Петру Яковлевичу и заверена дьяком Елизарьем Цыплятевым. Докладывались и другие поземельные сделки московской знати. В 1520 г. боярину князю Б. И. Горбатому доложено было завещательное распоряжение матери Ивана и Василия Михайловичей Беззубцевых [131]. Докладывались и мены (например, Плещеевых в декабре 1522 г.). В ноябре 1521 г. вдова Ивана Ощеры дала земли в Троицкий монастырь «по великого князя слову» [132].

Итак, Уложение Василия III, как и его отца, не имело антикняжеского направления (как позднее и приговор 1551 г.). Оно, наоборот, консервировало княжеские корпорации на местах, создавая лишь плацдарм для наступления на них великокняжеской власти. Правда, выморочные владения княжат, судя по приговору 1562 г., отписывались на государя. Возможно, складывался порядок, предусмотренный приговором 1562 г., когда наследовали безоговорочно только дети служилых князей, а их братья и племянники («ближний род») могли вступить во владения лишь после специального рассмотрения этих претензий государем. Но основная тенденция Уложения Василия III заключалась в сокращении источников роста монастырского землевладения. Достигнуть

---

[129] *Шумаков.* Обзор, вып. IV, № 850, стр. 267.

[130] РИБ, т. XXXII, № 114, стб. 186—187.

[131] Там же, № 994—995, стр. 341—342; ГКЭ, Кашин, № 12/6707.

[132] ГБЛ, Троицк. № 518, л. 163; *С. А. Шумаков.* Обзор, вып. IV, № 1383, стр. 502.

существенных успехов в этом направлении Василию III не удалось. Получилось так, что государственная политика столкнулась с официальной идеологией. Используя иосифлян как столпов правоверия и сторонников растущей самодержавной власти, Василий III вынужден был идти им на серьезные уступки. Идеология тормозила практические мероприятия правительства.

Второе десятилетие XVI в. отразило эту противоречивость и в иммунитетной политике. По подсчетам С. М. Каштанова, за 1510—1521 гг. известно 96 иммунитетных грамот [133]. Из них 29 выданы удельными князьями, 18 — Василием III светским лицам, 5 — ружные (соборам и Ниловой пустыни). Остается, следовательно, 44 грамоты, полученные от Василия III монастырями. Три из них посвящены частным вопросам [134]. О трех сохранились лишь глухие упоминания (№ 121, 176, 177). Семь грамот несудимых [135] и шесть на данного пристава[136]. Итак, сохранилось всего 25 грамот с какими-либо податными или таможенными привилегиями. Три из них содержат регламентированные отчисления в монастыри от таможенных и перевозных сборов [137]. Одна грамота заповедная, данная небольшой пустыни (№ 155).

Из остальных 19 грамот пять со щедрыми льготами выданы в 1515—1518 гг. Иосифо-Волоколамскому монастырю, особенно близкому к Василию III [138]. Одна содержала льготы на провоз митрополичьего довольства (№ 94). В четырех речь шла только о запрещении принуждать крестьян к уплате «проторов и разметов» с тяглыми крестьянами, т.е. мелких повинностей по общинной раскладке [139]. Две грамоты

---

[133] *С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря.* Хронологический перечень, № 83—178. Новые грамоты, выявленные за последнее время (см. «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968), не вносят существенных коррективов в основную линию иммунитетной политики Василия III.

[134] Указанные грамоты о разбойниках (№ 112), о ненарушении грамот (№ 141), о запрещении взимать оброк вместе с черными крестьянами (№ 172).

[135] № 123, 139—140, 157, 164, 174.

[136] № 91, 96, 98, 113, 116, 175.

[137] № 84, 104, 143. Две из них даны небольшому Череповецкому монастырю с однозначным содержанием. Платеж этот типа руги.

[138] № 125—126, 152, 148—149.

[139] № 89—100, 103, 136.

даны монастырям в Кашире и Чухломе, т.е. в районах, подвергавшихся татарским набегам (№ 122, 154). Остается семь грамот с небольшими податными льготами [140]. Особенно сократилась выдача жалованных грамот в период смоленских войн (1512—1514 гг.). В целом в 1511—1521 гг. ограничительная политика в области иммунитета продолжалась, хотя из нее и делались некоторые исключения [141].

Восшествие на митрополичий престол Варлаама (лето 1511 г.) привело к усилению позиций нестяжателей среди высших церковных иерархов. В первой половине XVI в. существовало девять епархий. В 10-е годы новгородская оставалась вакантной после снятия Серапиона, который умер только 16 марта 1516 г.[142] Крутицкую продолжал занимать Досифей Забела, сторонник иосифлян.

Тверским епископом до самой смерти (30 марта 1521 г.) был Нил Гречин, близкий к Траханиотам [143]. Близкий к иосифлянам Протасий Рязанский покинул кафедру в 1516 г.[144] Умер он в апреле 1520 г.[145] Очевидно, тогда же умер владыка Пермский Никон [146]. По новгородским летописям, епископы Рязанский и Пермский принадлежали к тем, кто «стоял на» Серапиона, т.е. к его врагам-иосифлянам. Рязанская епархия была занята сразу же после отставки Протасия: 12 февраля 1517 г. епископом поставлен архимандрит придворного Андронникова монастыря Сергий [147]. Возможно, он был близок к нестяжателям, ибо оставил епархию 3 марта 1522 г., т.е. на четвертый день после назначения митрополитом Даниила [148]. Пермская епархия долгое

---

[140] № 95; 99, 102, 118, 147, 153, 146.

[141] Подробнее см.: *С. М. Каштанов*, стр. 253—267.

[142] ПСРЛ, т. IV, стр. 540; т. VI, стр. 250, 257.

[143] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145; т. XXIV, стр. 221 (апреля).

[144] *П. Строев.* Списки, стб. 414. По новгородским летописям — Тарасий (ПСРЛ, т. IV, стр. 540; т. XXX, стр. 176).

[145] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 218.

[146] По Вычегодскому летописцу, Никон ушел на покой в Глушицкий монастырь в 1513/14 г., а на его место поставлен был Протасий («Историко-филологический сборник», вып. IV. Сыктывкар, 1958, стр. 265). По Строеву, Никон умер на покое в Глушицком монастыре в 1514 г. (*П. Строев.* Списки, стб. 730).

[147] ПСРЛ, т. VI, стр. 258. Был андрониковым архимандритом еще в 1509 г. (*П. Строев.* Списки, стб. 169).

[148] ПСРЛ, т. XXX, стр. 146.

время не была занята. Только 16 февраля 1520 г. на нее был назначен Пимен [149], игумен Соловецкий. Возможно, он входил в круг иерархов нестяжательского блока, ибо получил епархию в том же месяце, когда и двое других владык, очевидно сочувствовавших деятельности Варлаама. «Согнан» он был с престола сразу после поставления митрополитом Даниила.

Воинствующий иосифлянин Митрофан покинул свою коломенскую епархию и ушел «на покой» в Троицу 1 июня 1518 г.[150] На его место был назначен угрешский игумен Тихон (14 февраля 1520 г.). До своего назначения он в 1515—1517 гг. являлся игуменом Кирилло-Белозерского монастыря, энергично поддерживавшего Варлаама и нестяжателей [151].

28 августа 1515 г. умер архиепископ Ростовский Вассиан Санин. Через несколько дней не стало и его брата Иосифа Волоцкого (9 сентября). Через два месяца после этого скончался и епископ Суздальский Симеон Стремоухов [152].

В Ростове кафедру 9 февраля 1520 г. занял Иоанн из архимандритов Симоновского монастыря (где жил Вассиан Патрикеев). В Симонов же он попал в 1514 г., будучи до этого с 1506 г. кирилло-белозерским игуменом [153]. Епископом Суздальским 10 февраля 1517 г. поставлен архимандрит Рождественский из Владимира Геннадий [154].

Наконец, первым смоленским епископом поставлен был архимандрит Чудова монастыря Иосиф 15 февраля 1515 г.[155]

Таким образом, в Освященном соборе значительное число

---

[149] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. XXIV, стр. 218 (27 января).

[150] Там же, стр. 262. По П. Строеву, 1 июля (*П. Строев.* Списки, стб. 1030).

[151] ИЛ, стр. 181; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 218 (17 января). Последний раз упоминается на поставлении Даниила в феврале 1522 г. (ПСРЛ, т. XXX, стр. 141) и в грамоте 1 апреля — 30 августа того же года (СГГД, ч. I, № 149).

[152] ПСРЛ, т. IV, стр. 539—540; т. VI, стр. 257, 280.

[153] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. XXIV, стр. 218 (17 января). 26 апреля он дал две грамоты (РИБ, т. XXXII, № 98—99); *П. Строев.* Списки, стб. 55, 150, 332.

[154] В Рождественском монастыре был архимандритом после 1509 г. (*П. Строев.* Списки, стб. 662).

[155] ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VI, стр. 257.

иерархов (более половины) представляли нестяжательскую группировку. Но их преобладание не было столь явным, чтобы руководящие позиции среди церковников надолго сохранились за ними.

Основная внутриполитическая линия Василия III была в то время направлена на усиление позиций широких кругов служилых людей. Это подметил в своей характеристике деятельности московского государя С. Герберштейн. Он писал: «Всех одинаково гнетет он жестоким рабством... Исключение составляют юные сыновья бояр (т.е. дети боярские.— *А. З.*), то есть знатных лиц с более скромным достатком; таких лиц, придавленных своей бедностью, он обыкновенно ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье, но неодинаковое». Одни получают по 6 золотых через два года на третий, другие — по 12 золотых ежегодно, но они должны по первому зову явиться на службу с полным обмундированием «и даже с несколькими лошадьми»». Возможно, в данном случае Герберштейн имеет в виду городовых и дворовых детей боярских, хорошо известных по поздним источникам.

Знатнейшим назначаются «сообразно с достоинством (т.е., очевидно, происхождением, знатностью.— *А. З.*) и трудами (т.е. службой.— *А. З.*) каждого или наместничества, или деревни, или поместья, однако от каждого в отдельности из этого они платят государю определенную подать. Им отдают только штрафы, которые вымогаются у бедняков, и некоторые другие доходы» [156]. Еще С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что в 1506 г. прекратилась выдача грамот, освобождавших светских феодалов от уплаты налогов в казну [157]. С. М. Каштанов уточнил это наблюдение: великокняжеская власть перестала выдавать тарханные грамоты еще с 1491 г., лишь в уделах и Рязани этот процесс ликвидации светских тарханов затянулся до 1506 г.[158] Зато несудимые грамоты светским, главным образом мелким, землевладельцам продолжались при Василии III широко выдаваться (возможно, даже больше, чем ранее). Все это соответствует картине, нарисованной Герберштейном.

---

[156] *Герберштейн*, стр. 20—21.
[157] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение, стр. 138.
[158] *Каштанов*, стр. 12.

Впрочем, к ней следует сделать весьма существенное дополнение. Вся пирамида общественной структуры Русского государства первой трети XVI в. держалась на плечах крестьян и ремесленников, трудом которых создавались основные материальные ценности. Состояние источниковедческой базы и уровень ее разработки в настоящее время не позволяют еще достаточно основательно проследить историю крестьянства в изучаемое время, но основные тенденции ее могут быть выявлены.

Наряду с чертами экономического подъема, сказавшегося и на условиях жизни широких кругов жителей городов и деревень, различные группы крестьянства начинали все более и более испытывать на себе усиливающийся гнет светских и духовных феодалов, а также и самого растущего государственного аппарата. Захват помещиками и монастырями черносошных земель приводил к включению в систему частновладельческой эксплуатации все новых слоев крестьянства. Увеличивалось имущественное расслоение внутри сельского населения, росло обезземеливание его беднейших слоев [159]. Возросшие потребности господ заставляли их изыскивать различные средства выколачивания доходов из зависимых от них крестьян. Росла господская пашня, которую все чаще начинали наряду с холопами обрабатывать и крестьяне [160]. Увеличивались и денежные оброки феодалам. Уже в первые годы правления Василия III усилился податной гнет [161].

Яркую картину тяжелой эксплуатации русского крестьянина монастырями нарисовал Максим Грек. В своих сочинениях 30-х годов XVI в. он с горечью писал, что крестьяне в скудости и нищете всегда пребывают, переносят всевозможные лишения, «ниже ржаного хлеба чиста ядуще, многажды иже и без соли от последния нищеты». Взыскивая с них проценты за денежные ссуды, монахи «бичи их истязуют за лютых сребра резоиманий». Несостоятельных должников монахи обращали в холопов «или обнаживше их

---

[159] *Носов*, стр. 240 и сл.

[160] *Р. Г. Скрынников.* Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в.— «Ученые записки ЛГПИ», т. CLXXVIII, 1948, стр. 63—80.

[161] См., например, *С. М. Каштанов.* Отражение в жалованных и указанных грамотах финансовой системы и др.

имений их, руками тощими, своих предел отгнаша бедных»[162]. Сходные упреки в адрес монастырей-лихоимцев высказывал и Вассиан Патрикеев[163].

Вряд ли многим легче было положение крестьян черносошных. Бесчисленные поборы наместников и волостелей[164], контроль над действиями которых был крайне затруднен, дополнялись новыми общегосударственными налогами (прежде всего на военные нужды). Наблюдательный современник окольничий Федор Карпов отметил тяжелое положение крестьян и во владениях светских феодалов[165].

В первую треть XVI в., когда страна не переживала каких-либо сильных социальных или общенациональных потрясений, процесс накопления классовых противоречий в русском обществе протекал как бы подпочвенно, незаметно. Но достаточно было наступить после смерти Василия III и Елены Глинской времени боярских распрей, как эти противоречия прорвались наружу городскими восстаниями и «разбоями» в деревне.

---

[162] *Максим Грек.* Соч., ч. 2. Казань, 1860, стр. 130—131, 38.

[163] См. гл. 14.

[164] См., например, доходный список волостеля кн. Ю. Козловского 1506 г. (Акты Юшкова, № 69, стр. 58—59), И. И. Коробьина 1509 г. (там же, № 75, стр. 63—64), Г. Д. Кобякова около 1528 г. (там же, № 124, стр. 105—106).

[165] См. гл. 14.

КРЫМСКИЙ СМЕРЧ

Гром грянул на Востоке и отозвался грозовым раскатом на юге России.

Трехлетнее правление бездарного и злобного Шигалея вызвало в Казани всеобщее возмущение. Один из русских современников писал, что «все люди Казанского царства възненавидеша его» [1]. Этим воспользовались главари крымской партии («князи коромольники») Сиди Улан и др.[2] Сначала они попытались склонить Шигалея на свою сторону. Однако тот не без основания считал, что только полная верность московскому государю может обеспечить его безопасность. Поэтому он ответил сторонникам крымской партии репрессиями: ряд мурз были казнены или брошены в темницу. Тогда весной 1521 г. казанская знать обратилась к Мухаммед-Гирею с просьбой прислать в Казань кого-либо из его детей или братьев [3]. Крымский хан пошел им навстречу, и в Казани на престол был возведен его брат Сагиб-Гирей [4]. Сторонники Шигалея были перебиты, погибло и множество русских «отроков» московского воеводы. Сам же Шигалей с этим воеводой и 30 слугами отпущен был «в поле чистое... во единой ризе (рубахе. — *А. З.*) на худе коне» [5]. Были

[1] *Тихомиров*, стр. 109.

[2] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145; т. VI, стр. 263.

[3] *Насонов*, стр. 253. См. также соображения И. И. Смирнова (*И. И. Смирнов*. Восточная политика... стр. 38). Впрочем, Мухаммед-Гирей сообщал Сигизмунду, что посольство в Крым от казанцев с просьбой о царевиче приезжало еще 25 августа 1520 г. (*K. Pułaski*. Machmet-Girej, str. 328).

[4] В грамоте из Азова, полученной в Москве 10 мая, сообщалось, что Сагиб-Гирей с 300 крымцами проследовал в Казань (Сб. РИО, т. 95, стр. 678).

[5] КИ, стр. 65.

разграблены и пожитки русских купцов. В мае 1521 г. подобранный касимовскими казаками на Волге Шигалей был доставлен в Москву, где ему устроили торжественную встречу [6]. Незадачливый «царь» получил в кормление Каширу и Серпухов, где он должен был находиться до лучших для него времен.

О последующих событиях в Казани сохранилось очень туманное сведение Пафнутьевского летописца. После восшествия на престол Сагиб-Гирей якобы направил в Москву послов с изъявлением дружбы Василию III, который поверил «его ложному челобитью». Но казанский царь послал на окраины Русского государства «мордву и черемису без совета князей казаньских». И действительно, 26 мая 1521 г. татары и черемисы приходили в Унженские волости, а 4 июня осадили саму Унжу [7].

Далее Пафнутьевский летописец рассказывает, как крымская царица с братом Сагиб-Гирея пробились сквозь заставы касимовских казаков в Казань, после чего там мурзы свели с престола Сагиб-Гирея «того ради, что посылал на великого князя украину без их ведома». Казанским царем стал Саадат-Гирей [8].

Главная опасность России грозила с юга. Мухаммед-Гирей был страшно раздосадован последними поворотами русской политики. Смерть Абдул-Латифа и воцарение в Казани Шигалея, попытка Василия III за его спиной заключить мир с Литвой и установить союзные отношения с враждебным Мухаммед-Гирею турецким султаном, наконец, ликвидация буферного Рязанского княжества воспринимались крымским царем как явно враждебные ему акты. Поэтому столкновение его с Москвой становилось неизбежным. Переворот же в Казани создавал благоприятную для Крыма обстановку на восточных границах Русского государства.

---

[6] Подробный рассказ об этом см.: КИ, стр. 65—66; *Тихомиров*, стр. 109 (ошибочная дата — 7026 г.). О времени возвращения в Москву см.: ПСРЛ, т. XXX, стр. 145. Автор «Казанской истории» ошибается, говоря, что Шигалей пришел в Москву осенью и что он по пути подобран был рыболовами.

[7] *Тихомиров*, стр. 109; *Кунцевич*, стр. 601.

[8] О том, что в Казань пришли после Шигалея крымская царица и ее два сына, см.: *Насонов*. Летописные памятники, стр. 253. Сохранилась опасная грамота от 21 июня 1521 г., данная Василием III Саадат-Гирею на выезд его на Русь (СГГД, ч. V, № 94).

Необходимо было спешить. И. Б. Греков пишет, что поход Мухаммед-Гирея на Русь был осуществлен «под руководством Сулеймана», а переговоры в Москве являлись сознательной маскировкой участия Турции в руководстве походом [9]. Никаких оснований в пользу подобной вольной интерпретации фактов у автора нет.

Не добившись привлечения к антирусской коалиции Турции и Астрахани, Мухаммед-Гирей выступил в поход. В ночь на 28 июня 1521 г. крымский хан перешел Оку. Основные русские полки в это время располагались в районе Серпухова и Каширы. Удар по русским силам нанесен был настолько внезапно, что воеводы «не успеша собратися с людми». Русская застава была истреблена, воеводы Иван Шереметев, князь В. М. Курбский, Яков и Юрий Замятнины погибли, а израненный князь Ф. В. Лопата Оболенский попал в плен. В войсках Мухаммед-Гирея сражался известный литовский военачальник Евстафий Дашкевич. Возможно, находились среди них и отряды ногайцев [10].

Впервые за историю вооруженных столкновений с Россией крымские войска прорвались в глубинные районы Русского государства, предавая их грабежу и пожарам. Это произвело ошеломляющее впечатление на жителей южных районов страны. Уже 29 июня многие люди бежали в Москву «в осаду». Осадное положение столицы продолжалось две недели [11].

Женщины, старики и дети «убегали в крепость с телегами, повозками и поклажей, в воротах возникло такое сильное смятение, что от чрезмерной торопливости они и мешали друг другу». Василий III покинул столицу, где с войсками был оставлен его шурин Петр, и с братьями Юрием и Андреем направился в Волоколамск, побывав по пути в Коло-

---

[9] *И. Б. Греков.* Очерки по истории международных отношений... стр. 246.

[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 263; т. XXII, стр. 518; т. XXX, стр. 145; *Тихомиров,* стр. 109; РК, стр. 26; *Герберштейн,* стр. 149—150, 164 (Дашкевич — «муж опытный в военном деле и отличавшийся выдающейся хитростью»); *Pułaski.* Machmet-Girej, str. 331—332. Мухаммед-Гирей вел переговоры с Сигизмундом о союзе против России еще в начале 1521 г. (*М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 219, 222—223).

[11] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145.

менском и Микулинском. Рассказывают, что он некоторое время прятался в стоге сена [12].

Паника охватила значительные районы страны: «По всем городам московским осада была». В городах, подвергавшихся непосредственной опасности, вспыхнули волнения: «Мятеж учинился по всем городам до Галича». Приход татар ожидался даже в далекой Псковщине, где заслон войск направили в крепость Воронач [13]. Великий князь послал за помощью в Серпухов к воеводам князьям Д. Ф. Бельскому, В. В. Шуйскому и И. М. Воротынскому. Типографская летопись глухо сообщает, что они против крымского хана не выступали (очевидно, растерялись). Помощь подоспела из Новгорода [14].

Опустошение, причиненное крымским набегом, было огромным. Отряды крымцев подошли к Москве на расстояние 15 км. Они сожгли Угрешский монастырь, посад Каширы, село Остров и даже посады Коломны. По некоторым сведениям, они доходили до подмосковного села Воробьева, где пили мед из великокняжеских погребов. Сам Мухаммед-Гирей стоял с основными войсками в 60 км от Москвы, между реками Северкой и Лопастней, а его сын Богатыр-Салтан — под Москвой [15].

Во время набега крымцы взяли огромный полон [16].

Рассказывали, что когда они «в полон вели бояринь и боярьских дочерей», то они «с полтораста детей у персей отъимав да пометале по лесу, и неделю жили не едши

---

[12] *Герберштейн*, стр. 148; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221; *Зимин*, стр. 15.

[13] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145; *Кунцевич*, стр. 602; ПЛ, вып. 1, стр. 102.

[14] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221; РК, стр. 65. Разрядные книги И. М. Воротынского в Серпухове не упоминают.

[15] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221; т. XXVI, стр. 311. По Галицкому летописцу, крымцы не дошли до Москвы всего трех верст (*Кунцевич*, стр. 602). По Владимирскому летописцу, Мухаммед-Гирей на Северке стоял семь дней, причем в последний, седьмой день («в неделю») он перешел Оку и за Окой стоял еще неделю (ПСРЛ, т. XXX, стр. 145). По Герберштейну, ставка хана находилась в 15 верстах от Москвы (*Герберштейн*, стр. 148). По Постниковскому летописцу, Мухаммед-Гирей стоял «на Коломне на Северке две недели» (ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 18).

[16] Герберштейн называет фантастическую цифру — 800 тыс. пленных (*Герберштейн*, стр. 151).

дети». Только когда татары ушли, этих детей привезли в Москву к великому князю. 12 августа крымский хан спешно покинул русскую землю, ибо навстречу быстро двигались новгородские и псковские войска псковского наместника князя М. В. Горбатого. 24 августа Василий III вернулся в Москву [17].

Герберштейн объясняет отход крымского хана тем, что он получил от имени великого князя грамоту, согласно которой Василий III обязывался быть «вечным данником царя так же, как были его отец и предки». Сообщение о грамоте подтверждается и разрядными книгами, согласно которым Мухаммед-Гирей «взял тогда на великого князя грамоту данную, как великому князю дань и выход давать ему» [18].

Войска Мухаммед-Гирея и отряды Евстафия Дашкевича, отойдя от Москвы, осадили Рязань. Во время похода крымцев к Москве в суматохе в ночь с 28 на 29 июля («с недели на понедельник») бежал князь Иван Иванович Рязанский из заточения в Рязань, а оттуда в Литву. Сохранился отрывок розыскового дела о побеге князя Ивана, которое вел «Юрьи с товарищи», т. е., очевидно, казначей Юрий Траханиот. Князь Иван еще долгое время жил в Литве, где и умер около 1534 г.[19]

Поход крымцев на Рязань находится в несомненной связи с бегством князя Ивана Рязанского. Однако он был безуспешен. Город стойко оборонялся под умелым руководством князя И. В. Хабара. Этот рязанский наместник показал себя стойким полководцем и искусным дипломатом. Он ухитрился не только выкупить чуть живого воеводу князя Ф. В. Лопату Оболенского за 600 (по другим данным — 700) руб., но и выманить у хана «оманом» грамоту Василия III, в которой великий князь обещался платить крым-

---

[17] ПСРЛ, т. IV, стр. 613; т. XXIV, стр. 221; *Тихомиров,* стр. 109; РК, стр. 67. По другим данным, Василий III вернулся в Москву 20 августа (ПСРЛ, т. XXX, стр. 145).

[18] *Герберштейн,* стр. 149; Э, л. 76; *Карамзин,* т. VII, прим. 224. По Г. В. Вернадскому, эта грамота дана царевичем Петром, который был наместником в Москве (*G. Vernadsky.* Russia... p. 153).

[19] АСЭИ, т. III, № 391, стр. 406—409. См. о нем: *Герберштейн,* стр. 105. 10 сентября 1522 г. Сигизмунд писал Мухаммед-Гирею, что князь Иван согласен поехать в Крым, если его посадят снова на рязанский престол (АЗР, т. II, № 16).

цам «выход»[20]. Герберштейн рассказывает, что, будучи не в состоянии взять Рязань, Мухаммед-Гирей послал своего человека в крепость, предлагая осажденным капитулировать. При этом он ссылался на грамоту московского государя. Хабар потребовал показать этот документ. Но как только его принесли, он его уничтожил. За ратные подвиги И. В. Хабар около 1522—1523 гг. был пожалован из окольничих в бояре.

Так окончился поход Мухаммед-Гирея на Русь, оказавший сильное влияние на изменение курса русской политики. Следствие по делу провинившихся воевод затянулось. Во время прихода на Русь Мухаммед-Гирея в Серпухове войсками командовали князь Д. Ф. Бельский, князь В. В. Шуйский и И. Г. Морозов; на Кашире среди воевод был В. А. Коробов, в Тарусе — князь М. Д. Щенятев, И. М. Воротынский. Позднее последние двое переместились в Серпухов, а Д. Ф. Бельский с В. В. Шуйским, Г. Фоминым, В. Коробовым и другими — на Каширу[21].

Герберштейн рассказывает, что в ходе расследования старшие воеводы хотели всю ответственность за «оплошку» возложить на князя Д. Ф. Бельского, в то время молодого человека. Он якобы пренебрег их советами. В свою очередь Бельский перекладывал вину на брата Василия III, который «раньше всех начал бегство». Великий князь простил Бельского по молодости, лишил достоинства и княжества одного из военачальников, Воротынского, бежавшего вместе с братом великого князя, и заключил его в оковы[22]. Впрочем, во время второго визита Герберштейна в Москву (1526 г.) Воротынский был уже прощен[23]. В. В. Шуйскому Василий III «вины... отдал» уже летом 1522 г., но боярин вынужден был дать крестоцеловальную запись о верной службе московскому государю[24].

Не вполне ясен вопрос о позиции Казани во время похода

---

[20] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 311; *Герберштейн*, стр. 149—150; Э, л. 76; *Карамзин*, т. VII, прим. 224.

[21] РК, стр. 65—67.

[22] *Герберштейн*, стр. 108, 151—152.

[23] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222; СГГД, ч. 1, № 154.

[24] СГГД, ч. 1, № 149. Грамота составлена в 7030 г., т. е. до 1 сентября 1522 г., но не ранее 30 марта, ибо в ней упомянут тверской епископ Акакий, получивший тогда это назначение.

Мухаммед-Гирея. Большинство летописей просто ничего не говорит об участии казанцев в походе крымцев на Москву. Продолжение Хронографа 1512 г. сообщает, что в это время «Сап-Гирей и со всеми казанскими людьми приходил на муромские и мещерские места». По Герберштейну, Сагиб-Гирей выступил одновременно с крымским ханом и опустошил Владимир и Нижний Новгород. Соединились казанцы с Мухаммед-Гиреем у Коломны. Однако сведению об участии Сагиб-Гирея противоречит как будто сообщение осведомленного Галицкого летописца о том, что 1 августа к Москве «царевич крымьской и татаровя... и Рязан взяша»[25]. И. И. Смирнов полагает, что под «крымским царевичем» летописец разумеет «царя» Сагиб-Гирея, так названного из-за незаконности занятия им казанского престола[26]. Это построение очень искусственно. Понятие «законности» вряд ли могло руководить летописцем, тем более что позднее Сагиб-Гирей в памятниках всегда называется царем. Возможно, речь должна идти о Саадат-Гирее, который покинул казанский престол, оставив его Сагиб-Гирею[27].

Казанцы продолжали набеги на русские земли и позднее. Так, 21 августа 1521 г. Сеит, Булат и Кучелей «воевали» Березополье вблизи Нижнего Новгорода «и до Клина», взяв при этом «полону множество, а иных изсекоша»[28].

17 января 1522 г. Василий III отдал распоряжение «поимать» воевод князей В. В. Шуйского, И. М. Перемышльского (Воротынского), Г. Фомина, В. А. Коробова и И. С. Поплевина-Морозова[29].

О «чудесном» избавлении столицы Русского государства от крымцев рассказывала составленная в середине XVI в. в окружении митрополита Макария «умилительная» повесть,

---

[25] ПСРЛ, т. XXII, стр. 518; *Герберштейн*, стр. 148; *Кунцевич*, стр. 602.

[26] *И. И. Смирнов*. Восточная политика... стр. 41.

[27] Пафнутьевский летописец и при рассказе о дальнейших событиях 1521—1525 гг. называет казанского хана Саадат-Гиреем, что объясняется его неосведомленностью об уходе Саадат-Гирея в Крым.

[28] *М. Н. Тихомиров*. Краткие заметки, стр. 158; Нижегородский летописец, стр. 30—31 (под 1518 г.).

[29] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221.

в которой спасение Москвы всецело приписывалось «божьему пособию» [30]. Позднее она вошла в состав Степенной книги, Русского временника и Шумиловского списка Никоновской летописи [31].

Быстрый отход Мухаммед-Гирея от Москвы не объяснялся ни грамотой Василия III, ни вмешательством «потусторонних сил». Быстрое продвижение крымских войск в глубь русской территории было, очевидно, неожиданностью и для самого Мухаммед-Гирея. Его отряды способны были только к грабежу беззащитного населения во время кратковременных рейдов, после которых они возвращались с полоном в Крым. Так было и на этот раз. К тому же состояние шока, в котором находились Василий III и его окружение, быстро прошло.

Вместе с тем события 1521 г. показали, что одновременно успешно воевать на западе, юге и востоке Василий III не мог. Главной опасностью для России в это время были Крым и Казань, соединенные теперь тесным союзом. Следовательно, необходимо было укрепить союзные связи с другими державами и ускорить заключение мира с Великим княжеством Литовским.

1 сентября 1521 г. по поручению Василия III новгородские наместники заключили на прежних условиях новое перемирие с Ливонией сроком на 10 лет [32]. В ноябре того же года Сулейману от имени Василия III была отправлена грамота о скорейшем отпуске обратно в Москву русского посланника В. М. Губина [33] и присылке «доброго человека», который бы «меже нас с тобою мог делати дружбу, и братство, и любовь крепкую». В ней, между прочим, говорилось со ссылкой на грамоты крымского хана, что Мухаммед-Гирей «учинился» недругом московскому государю потому, «что мы с тобой ссылаемся». Зная о натянутых отношениях Сулеймана с крымским ханом, московские дипломаты рассчитывали углубить турецко-крымские противоречия и добиться

---

[30] *А. А. Зимин.* Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания. — «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 20. М., 1958, стр. 189—198.

[31] ПСРЛ, т. XIII, стр. 37—43; т. XXI, стр. 298—303; РВ, стр. 325—337.

[32] СГГД, ч. V, № 95, стр. 87—95.

[33] Там же, № 96, стр. 96.

создания прочного союза с Портой, направленного против Крыма.

Не успел датский король Христиерн II после смерти Стена Стуре короноваться шведской короной в 1520 г., как в Швеции вспыхнуло восстание, возглавленное Густавом Вазой. В 1521 г. оно уже охватило значительную часть страны [34]. Поэтому естественно, что Христиерн был крайне заинтересован в укреплении старых союзнических отношений с Россией. До нас дошел отрывок ответных речей русской стороны во время посольства Давыда фан Корана в Москву в 1521 г.[35] Рассуждая в общей форме о союзе и дружбе Дании с Россией, русские представители не забывали напомнить датскому послу о том, что его страна должна пропускать на Русь «фрязинов», инженеров и строителей, в которых так нуждалось растущее Русское государство.

Летом 1522 г. Москву в последний раз посетил посол Тевтонского ордена Клингенбек. Дни Ордена к этому времени были уже сочтены. Диалог Клингенбека с русскими дипломатами состоял из взаимных нападок. Посол объяснял военные неудачи Ордена тем, что якобы Россия не помогла ему в борьбе с польским королем. Московский государь решительно отвел от себя все обвинения [36].

8 апреля 1525 г. последний гроссмейстер Ордена Альбрехт заключил договор с Сигизмундом I, положивший конец самостоятельному существованию Ордена, вместо которого отныне создавалось вассальное от Польши Прусское герцогство.

В целом успешно, хотя и не достаточно быстро проходили переговоры России с Великим княжеством Литовским. В марте 1522 г. в Москву прибыл посланец Сигизмунда Станислав Довгирдов, а 7 апреля в Литву отправился Василий Полукарпов [37]. Камнем преткновения оставался по-прежнему вопрос о размене пленными. Для урегулирования его

---

[34] См. *Форстен,* стр. 237—255.

[35] РИБ, т. XVI, № 10.

[36] *Forstreuter,* S. 100.

[37] Сб. РИО, т. 35, стр. 607—621. Герберштейн сообщает, что какие-то литовские послы находились в Москве во время набега Мухаммед-Гирея, но спешно бежали оттуда, узнав о приближении крымцев (*Герберштейн,* стр. 148).

и для заключения перемирия в Москву должны были прибыть из Литвы «большие послы».

А тем временем еще до отъезда Полукарпова в Москву от крымского царя и царевичей присланы были «добрые люди», которые сообщили о желании Крыма «в братстве и в дружбе быти по-старому». В Крым с ответной миссией поехал сын боярский В. А. Филиппов. В столице ожидались вести от крымского царя «с часу на час». Должен был отправиться туда и «большой посол» Иван Андреевич Колычев [38]. Но вместо этого получили известие, что Мухаммед-Гирей готовится к новому походу на русские земли. Тогда в Коломну были направлены воеводы князья Д. Ф. Бельский, М. Д. Щенятев, из Вязьмы — князь М. В. Горбатый с полками. 11 мая в Коломну из Москвы выступил и сам великий князь. Сюда же велено было прибыть князю Андрею Ивановичу. Князь Юрий должен был находиться с войсками в Серпухове, а в Москве — царевич Петр. Герберштейн сообщает, что Василий III «собрал огромное войско, снабдил его большим количеством пушек и орудий, которых русские никогда раньше не употребляли в войнах». Оборону решено было держать на естественном рубеже — реке Оке. Василий III «людей имал у воевод и у детей боярских в полк по списком, хто сколко возмог дати». Операция была проведена весьма успешно. Узнав о выступлении русских войск, Мухаммед-Гирей повернул назад. В конце лета Василий III вернулся в Москву, оставив на Коломне князя Андрея [39].

Действия казанцев в 1522 г. ограничились только набегом в середине сентября на Галицкую волость, когда побили воевод в Парфентьеве [40].

Летом продолжалось осуществление программы русского правительства, рассчитанной на умиротворение на Западе. В июне 1522 г. из Москвы к новому императору Карлу V был отправлен подьячий Я. Полушкин с немчином Бартоломеем [41]. Московское правительство решило прозондировать

[38] Сб. РИО, т. 35, стр. 617.

[39] *Герберштейн,* стр. 76, 152; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 19; ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 269; *Тихомиров,* стр. 110. В Коломне Василий III присутствовал 24 июля на освящении Троицкой церкви (ПСРЛ, т. IV, стр. 615).

[40] *Кунцевич,* стр. 602.

[41] ПДС, т. I, стб. 1486, *Übersberger,* str. 171—172.

возможность возобновления союзнических отношений с Империей. Время было выбрано удачно: развивая успехи в Юго-Восточной Европе, в 1521 г. турки взяли Белград и реально угрожали жизненным центрам Империи. Именно это обстоятельство и создавало у московского правительства надежду на то, что Империя более решительно склонится к принятию русских условий союза.

В конце августа 1522 г. в Москву прибыло долгожданное «большое посольство» из Литвы во главе с полоцким воеводой Петром Станиславовичем Кишкой и писарем Богушем. В результате сравнительно кратких переговоров 14 сентября между Великим княжеством Литовским и Россией было заключено пятилетнее перемирие [42]. Требование о размене пленными как непременное условие мирного соглашения русской стороной было снято. Слабой компенсацией за это было обещание литовской стороны освободить пленных от «тягот» (оков). Гораздо более существенно было согласие литовской стороны на внесение Смоленска в перемирную грамоту в число земель, на которые распространялась власть России. Это не означало официального признания присоединения Смоленска, но знаменовало значительный шаг на пути к нему. Территория в 23 тыс. кв. км и с населением в 100 тыс. человек перешла отныне к России [43]. Торжественное посольство В. Г. Морозова, А. Н. Бутурлина, дьяков И. И. Телешова и Т. Ракова выехало в Литву 30 ноября. 1 марта 1523 г. Сигизмунд присягнул на договорной грамоте и тем самым ратифицировал ее. 2 мая 1523 г., успешно выполнив свою миссию, посольство В. Г. Морозова вернулось в Москву [44].

Еще в бытность великого князя Василия Ивановича в Коломне на Русь вернулся долгожданный русский посол В. М. Губин из Царьграда с вестью о приезде турецкого посла грека Скиндера, который привез с собой грамоту султана Сулеймана, сообщавшего о своем вступлении на престол. После возвращения в Москву Василий III устроил

---

[42] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 604; Сб. РИО, т. 35, стр. 621—642.

[43] *Кашпровский*, стр. 288—344.

[44] Сб. РИО, т. 35, стр. 642—672; ПСРЛ, т. XXII, стр. 219; т. XXIV, стр. 221; т. XXX, стр. 146; Э, л. 82. См. грамоты 18 и 22 февраля 1523 г. (АЗР, т. II, стр. 120; СГГД, ч. V, № 97).

Скиндеру пышную встречу, во время которой турецкий посланник заявил о желании султана жить в дружбе и мире с Москвой[45]. Правда, на предложение составить шертные грамоты Скиндер ответил, что он не имеет для этого достаточных полномочий. Турецкий султан был более заинтересован в развитии торговых отношений, чем в тесном политическом союзе. Поэтому решение этого столь важного для России вопроса откладывалось: нужно было послать в Царьград особую миссию. Обстоятельство, крайне досадное для московского государя. Но так или иначе приезд Скиндера был как нельзя кстати. Посол в Порту И. С. Морозов отправился в путь 20 марта 1523 г.[46] Но еще до отъезда его посольства произошли события, существенно изменившие расстановку сил на южных и восточных рубежах России.

Подтвердив в августе 1522 г. союзный договор с Польшей[47], Мухаммед-Гирей решил привести в исполнение уже давно вынашивавшийся им план захвата Астраханского ханства. В декабре того же года крымский хан обрушил свой удар на Астрахань. Поначалу судьба благоволила к нему. Благодаря поддержке ногайского мурзы Агиша «со многими людьми» ему удалось взять Астрахань. Хан Хуссейн бежал из города. Однако Мухаммед-Гирей не исполнил обещания, данного Агишу, — посадить его на Астраханское ханство. Тогда этот мурза, вступив в сговор со своим братом Мамаем, находившимся на крымской службе, с 2 тыс. ногайцев неожиданно нападает на крымцев. Сражение окончилось гибелью самого Мухаммед-Гирея и его сына Богатыра. По некоторым сведениям, погибло также до 130 тыс. крымских воинов. Окрыленные успехом, ногайцы вторглись в Крым и, хотя не взяли ни одного города, опустошили весь полуостров.

Весть о происшедших в Астрахани событиях достигла Москвы в марте 1523 г.[48] А тем временем еще в декабре 1522 г. в Москву прибыл крымский посол, с которым

---

[45] *Дунаев,* стр. 34; ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221 (сентябрь). Губин был в Коломне еще 18 мая.

[46] *Дунаев,* стр. 53—57; СГГД, ч. V, № 98.

[47] «Acta Tomiciana», t. VI, N LXXXIII.

[48] ПСРЛ, т. IV, стр. 541; т. VI, стр. 264; *Герберштейн,* стр. 162—163 (дата ошибочна — январь 1524 г.); *Тихомиров,* стр. 110; Э, л. 82; *Дунаев,* стр. 57—58; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 19 об.

вернулся и русский посланник В. Г. Наумов [49]. Содержание переговоров, проходивших в Крыму, неясно, но, очевидно, они носили вполне миролюбивый характер. Их вел «ширин» — представитель дружественного к России рода татарской знати. Да и положение в Крыму было не таково, чтобы обострять отношения с Москвой. С миссией в Крым отправился И. А. Колычев [50].

После гибели Мухаммед-Гирея в Крыму утвердился на престоле Саадат-Гирей, в отличие от отца вполне дружественный к Турции. Попытка оказать из Крыма дипломатическое давление на Москву теперь не опиралась на реальную военную силу и поэтому не могла быть успешной. К тому же она запоздала. В Москву крымский посол Кудояр Базангозин прибыл в августе 1523 г. Только после возвращения Василия III из Свияжского похода Кудояр получил аудиенцию у великого князя (11 октября) [51]. Во время приема он сообщил о восшествии на престол Саадат-Гирея. В грамоте нового хана содержалось чисто декларативное требование прислать «запрос» в Крым в сумме 60 тыс. алтын и примириться с Сагиб-Гиреем. В ответ на это к хану послан был с миссией Останя Андреев [52]. Чувствуя свою силу и слабость Саадата, московское правительство ни на какие уступки Крыму в вопросе о Казани не шло. Василий III твердо заявлял: «Мы сажаем на Казани царей из своих рук. А ныне князи казанские изменили и того царя в Казань взяли без нашего ведома» [53].

Занятый своими внутренними делами и борьбой с ногайцами, Крым по существу на время выбыл из игры. Это создало благоприятные условия для решения казанского вопроса, который уже давно волновал московское правитель-

---

[49] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221. В других летописях говорится о прибытии послов Зебик [Чабук]-мурзы («ширинского роду») и Аныш-князя в январе 1523 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 541; т. VI, стр. 28).

[50] *Малиновский,* стр. 234. Время отъезда Колычева в Крым неясно. Вероятно, это было вскоре после марта 1523 г., но до 17 августа.

[51] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 16.

[52] Там же, л. 2—10; л. 17 об — 34 об. Вернулся он 30 мая 1524 г., привезя подробную информацию о положении дел в Крыму от русского посла И. А. Колычева (там же, л. 50).

[53] Там же, л. 19—19 об.

ство. Казань оказывалась на время в изоляции от своих возможных союзников (Литвы, Крыма, Турции).

Весной 1523 г. в Москву пришла весть, что по распоряжению Сагиб-Гирея в Казани был убит московский посол В. Ю. Поджогин, брат любимца Василия III Шигоны [54]. Война с Казанью становилась неизбежной. Не рассчитывая на собственные силы, мурзы послали просьбу в Крым «на пособь людей послати», сообщая, что в противном случае они не смогут противостоять русским войскам [55]. Непрочность положения в самом Крыму не позволила выполнить эту просьбу Сагиб-Гирея. 28 июля московский государь отправился в необычную летнюю поездку по городам и монастырям. Он побывал в Переяславле, Юрьеве, Суздале, пробыл две недели во Владимире [56] и 23 августа прибыл в Нижний Новгород, откуда должен был начаться Казанский поход. «Для осени поздо» поход самого Василия III был отложен [57]. Но все-таки «под Казань» с воеводами «в судех» отправился Шигалей, который приводил к присяге «мордву и черемису казаньскую», а также татар. Полем в «казанские места» также была отправлена рать «со многими людьми».

Поход носил характер пробы сил. Конная рать «на Свияге на Отякове поле... многих татар побишя, а иныя в Свияге потопоша». Вернувшись после похода, великокняжеская рать привела с собой «мног плен... черемисской» [58]. Важнее было то, что по распоряжению Василия III под руководством бояр М. Ю. Захарьина и князя В. В. Шуйского в устье Суры сооружен был деревянный город-крепость, который получил имя великого князя — Васильград (позднее — Васильсурск).

---

[54] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т VIII, стр. 270. Для И. И. Смирнова убийство В. Ю. Поджогина — следствие захвата Мухаммед-Гиреем Астрахани (*И. И. Смирнов.* Восточная политика, стр. 46). Это ошибка. В. Ю. Поджогин был убит уже после гибели в Астрахани крымского хана.

[55] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 5 об.

[56] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222.

[57] *Тихомиров,* стр. 110. Русские отряды воевали Казанскую землю «по самую Казань» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 39 об.).

[58] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 10 об. — 21.

Дерзкий ответный набег казанских мурз на Галич, когда сожжены были посады этого города (17 октября), скорее свидетельствовал о полном бессилии казанцев изменить ход событий, чем о каких-либо успехах их оружия [59].

Если построенный Иваном III город Иван-город был бастионом на северо-западе страны, то Васильсурск должен был выполнять не столько оборонительные функции, сколько являться плацдармом для наступления на Казань. Великий князь рассчитывал, что «тем-деи городом всю землю Казанскую возмет» [60]. Позднее план Василия III повторил Иван Грозный, который перед решающим походом на Казань построил опорный пункт на реке Свияге — Свияжск.

15 сентября Василий III вернулся в Москву, на Покров (1 октября) он ездил ненадолго в Новую (Александрову) слободу [61].

В начале 20-х годов XVI в. осложнилась внутриполитическая обстановка в России. Уже давно Василию III становилось ясно, что действенная оборона на юге невозможна без ликвидации буферного княжества Василия Шемячича в Новгороде-Северском. Неоднократно в Москву поступали доносы о том, что Шемячич собирается изменить Москве, сносится с Сигизмундом и литовской знатью [62]. Особенную опасность для Москвы теперь представляло то, что новгород-северский князь находился в постоянных самостоятельных сношениях с крымским царем и его мурзами. Во время набега Мухаммед-Гирея на русские земли в 1521 г. Шемячич ничего не сделал ни для того, чтобы предупредить Василия III о грозящей беде, ни для того, чтобы ее предотвратить. Это фактически решило его судьбу.

Вскоре после крымского набега Василий III решил «поимать» Шемячича. Но тот не хотел появляться в Москве без «охранной грамоты» митрополита, гарантирующей его неприкосновенность. Митрополит Варлаам категорически отказался выступать в роли клятвопреступника и 17 декабря

---

[59] ПСРЛ, т. IV, стр. 546; т. VI, стр. 281—282.

[60] ААЭ, т. I, № 172.

[61] ПСРЛ, т. IV, стр. 541; т. VI, стр. 264, 281; *Тихомиров*, стр. 110; *Шмидт*, стр. 281—284; *Герберштейн*, стр. 152; Нижегородский летописец, стр. 31—32; Сб. РИО, т. 35, стр. 282.

[62] См. донос кн. В. С. Стародубского 1517 г. (АИ, т. I, № 124).

1521 г. покинул митрополию[63]. Он съехал на Симоново, а потом был сослан в Каменский монастырь. По С. Герберштейну, Варлаам это сделал, «когда государь нарушил клятву князю Шемячичу и допустил нечто другое, что, по-видимому, являлось нарушением власти митрополита»[64]. Тут явная хронологическая путаница: Шемячичу князь великий нарушил клятву позднее. Очевидно, речь шла о том, что Василий III собирался нарушить ее и принуждал к этому митрополита, на что тот не пошел.

27 февраля 1522 г. вместо Варлаама, ставленника и покровителя нестяжателей, митрополитом всея Руси стал их злейший враг игумен Волоколамского монастыря Даниил, верный последователь Иосифа Волоцкого[65]. К Даниилу Василий III приглядывался уже на протяжении нескольких лет во время своих поездок на Волок (1515, 1518 гг.). Человек, готовый на все, чтобы укрепить свое влияние при великокняжеском дворе, Даниил сразу же начал энергично насаждать своих ставленников на высшие церковные должности. 30 марта 1521 г. умер тверской владыка Нил Гречин, родич влиятельного казначея Василия III Юрия Дмитровича Траханиота[66]. Ровно через год на его место назначен был иосифлянин Акакий[67]. 3 марта 1522 г. покинул рязанскую епархию Сергий, а 23 марта ее занял Иона, архимандрит Новгородского Юрьева монастыря[68].

Летом 1522 г. Василий III хотел послать Шемячича с воеводами против крымского хана. Но об участии новгород-северского князя в обороне русского юга и в этом году разряды и летописи молчат. Тогда решено было привести в исполнение давно задуманный план ликвидации «запазушного врага». Шемячич вызван был в столицу, получив

[63] ПСРЛ, т. IV, стр. 541; т. VI, стр. 264 (18 декабря 1522 г.); т. VIII, стр. 269; т. XXIV, стр. 221 (19 декабря); т. XXVI, стр. 311; т. XXX, стр. 146 (16 декабря); *Тихомиров,* стр. 110.

[64] *Герберштейн*, стр. 41.

[65] ПСРЛ, т. IV, стр. 541; т. VI, стр. 264 (1522/23 г.); *Тихомиров,* стр. 110.

[66] ПСРЛ, т. XXX, стр. 145. Ср. Описи, ящик 36, стр. 22.

[67] ПСРЛ, т. VI, стр. 264 (в 1522—1523 гг.); т. VIII, стр. 270. По Строеву, был в Возмицком монастыре на архимандрии после 3 февраля 1517 г. (*П. Строев.* Списки, стб. 247).

[68] ПСРЛ, т. VI, стр. 264 (зимой 1522/23 г.); т. VIII, стр. 269—270. В Юрьеве монастыре он был архимандритом в 1517—1522 гг. (*П. Строев,* Списки, стб. 45).

«охранные грамоты» великого князя и митрополита. В апреле 1523 г. он прибыл в Москву.

Во время въезда Шемячича в Москву какой-то юродивый ходил по улицам с метлой и лопатой и свое странное поведение объяснял тем, что «теперь настанет удобное время для метения, когда следует выбросить всякую нечисть». Метла позднее сделалась символом опричников, которые считали своей целью выметание измены из Русского государства.

Вскоре после приезда Шемячич угодил в заточение, несмотря на гарантию его безопасности [69]. Нарушение Даниилом крестного целования вызвало бурю негодования в русском обществе, но зато было одобрено великим князем. Возможно, с этим событием связано отстранение от должности в апреле 1523 г. пермского епископа Пимена [70].

К началу 20-х годов XVI в. Василий III должен был снова задуматься над той угрозой, которую для него представлял его брат князь Юрий Иванович Дмитровский.

Все началось с, казалось бы, незначительного факта. Один из калязинских купцов, некто Михаил, задумал построить новый каменный собор в местном монастыре. В этом богоугодном деле его поддержал князь Юрий Иванович Дмитровский, в удел которого входил Калязин [71]. При сооружении фундамента Троицкого собора 26 мая 1521 г. были обнаружены «мощи» основателя Калязинского собора Макария, умершего еще в 1483 г.[72] Князь Юрий «порадовашеся неизглаголанною радостью» и поспешил объявить эти мощи чудотворными. Новый чудотворец должен был укрепить престиж дмитровского князя, его покровителя. Юрий Иванович поспешил ко двору своего державного брата, чтобы добиться признания официальной церковью Макария чудотворцем.

Василий III медлил. Очевидно, при его дворе многие, как и Вассиан Патрикеев, весьма сомневались в том, чтобы простой мужик Макарий мог оказаться чудотворцем. Только после того как митрополитом стал Даниил, бывший игумен Волоколамского монастыря, пользовавшегося расположением

---

[69] ПСРЛ, т. VIII, стр. 270.

[70] ПСРЛ, т. XXX, стр. 146. Он не подписал и грамоту от 1 апреля — 30 августа 1522 г. (СГГД, ч. 1, № 149).

[71] ГБЛ, Унд. № 310, л. 7—7 об.

[72] ПСРЛ, т. VIII, стр. 209.

князя Юрия, в Калязин посылается чудовский архимандрит Иона с целью проверить, как обстоит дело с новоявленными мощами. Его отчет был благоприятен для князя Юрия, и собравшийся церковный собор признает мощи Макария нетленными и чудотворными. После того как в июне 1523 г. было окончено строительство Троицкого собора, 9 октября в него торжественно перенесли мощи Макария Калязинского [73]. Так князь Юрий Дмитровский стал патроном первого русского чудотворца [74].

В 20-х годах происходило оживление «иммунитетной войны» между Василием III и Юрием Дмитровским. Московский государь в 1526—1527 гг. выдает льготные грамоты Троицкому и Волоколамскому монастырям на земли, находившиеся вблизи владений Юрия Ивановича. Со своей стороны дмитровский князь в 1522—1525 гг. пытался путем выдачи льготных грамот добиться расположения московского митрополита Даниила. Впрочем, выдавал он щедрые льготы и другим монастырям — Кирилло-Белозерскому (1521 г.) и Троицкому (1526 г.) [75].

13 марта 1523 г. умер зять великого князя царевич Петр, которого, очевидно, Василий III прочил в свои наследники. В связи с этим событием находился пересмотр завещания великого князя и составление к нему в июне 1523 г. особой «Записи» [76]. Снова вставал вопрос, кто же будет преемником московского государя. Старший из братьев Василия Ивановича, князь Юрий Иванович Дмитровский, опять мог рассчитывать на московский великокняжеский стол [77]. Но отношения между этими братьями были крайне неприязненными. Это хорошо было известно и в Москве, и в Литве, что было небезопасно для московского государя. 18 марта 1523 г. русскому гонцу Ушаку Воропаеву поручалось сообщить в Литве, что никаких раздоров

---

[73] ГБЛ, Унд. № 310, л. 13—13 об.; ПСРЛ, т. XXII, стр. 519.

[74] Об отношении князя Юрия к «обретению» мощей Макария см.: *В. Жмакин.* Митрополит Даниил... стр. 215.

[75] Подробнее см.: *С. М. Каштанов.* Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе в 1504—1533 гг., стр. 27—29.

[76] ДДГ, № 100, стр. 415.

[77] К 1523 г. у Василия III в живых оставался еще только младший брат Андрей, всецело послушный его воле (кн. Семен умер в 1518 г., а кн. Дмитрий — в 1521 г.).

между державными братьями нет [78], в частности что князь Юрий был на Москве «да поехал к себе». Но это официальное заявление никого не могло обмануть.

Необходимо было как-то развеять династические иллюзии у дмитровского князя, а это могло произойти в том случае, если у московского государя будет наследник. Уже давно стало ясно, что Соломония не может принести своему супругу ребенка. Следовательно, великому князю нужно было развестись с ней и вступить в новый брак. Правда, развод по причине «неплодия» нарушал все церковные каноны.

Еще до осени 1523 г. Василию III «бысть кручина о своей великой княгине». Где-то в начале февраля 1523 г. в Москве должен был собраться церковный собор, которому нужно было разбирать вместе с великим князем «великие дела духовные и церковные» [79]. Состоялись его заседания или нет, остается неясным.

Ввиду сложности обстановки, отправляясь в июле 1523 г. в летнюю поездку по городам, Василий III взял с собой своих братьев, отправив их снова «по уделам» после возвращения в Москву (15 сентября) [80].

Осенью, после поездки по городам и монастырям, Василий III «начаша думати со своими бояры о своей великой княгине Соломонеи, что неплодна бысть». По свидетельству Псковской летописи, великий князь говорил боярам: «Кому по мне царьствовати на Руской земли и во всех градех моих и в приделех: братьи ли дам, ино братья своих уделов не умеють устраивати». Тогда бояре дали совет разойтись с Соломонией и вступить в новый брак: «Неплодную смоковницу посекають и измещуть из винограда» [81]. Весь рассказ носит промосковский, официозный характер. Сам Василий III рисуется здесь не как инициатор развода, а как лицо, вынужденное пойти на эту меру под влиянием бояр.

Однако в 1523 г. дело не было доведено до конца. Вероятно, возражения в придворной среде против развода все же звучали. Позднее Курбский писал: «Возбраняшу ему

---

[78] Сб. РИО, т. 35, стр. 666.
[79] АЮ. № 360, стр. 385.
[80] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222.
[81] ПЛ, вып. 1, стр. 102—103.

(Василию III.— *А. З.*) сего беззакония многим святым и преподобным не токмо мнихом, но и сигклитом его»[82].

Против развода Василия III выступали даже близкие в то время к великому князю Вассиан Патрикеев и ученый афонский монах Максим Грек. В 1522 г. был отстранен от управления близкий к Максиму казначей Юрий Дмитриевич Грек Траханиот, который осмелился поддержать одну из просьб посла султана Скиндера (о лекаре Марке)[83].

Выступление против развода Василия III имело кроме догматического еще чисто политическое значение. Оно фактически означало поддержку притязаний Юрия Дмитровского. Если на внутрицерковные споры Василий III смотрел довольно безучастно, то вмешательства церковников в свои политические планы он не допускал. В 1523 г. вопрос о разводе еще не был окончательно решен. В это время внимание великого князя снова отвлекла казанская проблема.

1524 год должен был принести завершение длительной борьбы за Казань. Международная обстановка в это время складывалась благоприятно для Василия III. Крым раздирался междоусобной борьбой. В ханстве росло сопротивление турецкому ставленнику Саадат-Гирею[84]. Ранней весной 1524 г. к Крыму двинулась огромная польско-литовская армия. К Очакову с конной ратью направлялся князь К. Острожский, а по Днепру спускался Остафий Дашкевич[85]. Все силы Саадат-Гирея были брошены на оборону Крыма от войск Сигизмунда I. Поэтому его послы в Москве от имени хана согласились подписать шерть на тех же условиях, что ранее подписывал Менгли-Гирей. Это вполне устраивало московского государя. В сентябре 1524 г. в Крым был отправлен обратно Кудояр Базангозин с русским гонцом Г. Кобяковым, в присутствии которого шерть принести должен был сам крымский хан[86].

В низовьях Волги ногайский мурза Мамай вздорил и со своим братом Агишем, и с ханом Хуссейном, который успел вернуться в Астрахань. В начале 1524 г. Мамай осадил

---

[82] РИБ, т. XXXI, стб. 163.

[83] *Герберштейн,* стр. 65.

[84] Подробнее об этом см.: *И. И. Смирнов.* Восточная политика, стр. 48—49.

[85] *Дунаев,* стр. 71.

[86] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 67—68.

Астрахань, но безуспешно. Саадат-Гирей никак не мог наладить отношений ни с Хуссейном, ни с Мамаем. А тут еще внутренние неурядицы. Один из сыновей Мухаммед-Гирея, Ислам-Гирей, взятый Мамаем в плен во время второго Астраханского похода (1524 г.) Мамая, бежал, и вскоре вокруг него начали группироваться недовольные крымским ханом мурзы [87].

С Литвой в 1524 г. Россия сохраняла по-прежнему мирные отношения [88]. Летом в ответ на весенний поход польско-литовских войск крымские царевичи воевали литовские земли [89].

После освобождения Швеции от власти датского короля и восшествия на престол Густава Вазы русское правительство поспешило 5 апреля 1524 г. продлить перемирие с этой державой, заключенное еще в 1513 г.[90] Противник Вазы датский король Христиерн терпел в это время неудачу за неудачей, и Василий III уже не стремился связывать именно с ним свои прибалтийские планы. В ноябре 1524 г. на настойчивую мольбу о помощи Христиерна II, ссылавшегося на союзные обязательства, Василий III ответил решительным отказом, объясняя его обстоятельствами Казанского похода [91].

В начале 1524 г. в Москву прибыло посольство от императора Карла V во главе с Антонием де Конти в сопровождении русского посланника Якова Полушкина [92].

Усилившаяся турецкая угроза заставила Империю снова искать путей для привлечения России в число союзников против султана. Со своей стороны и Полушкин во время аудиенции в Вальядолиде передал Карлу V послание московского государя, содержавшее предложение о возобновлении традиционных русско-имперских отношений.

О содержании переговоров де Конти в Москве ничего

---

[87] *Дунаев,* стр. 63.

[88] В феврале—июне 1524 г. туда посылался с миссией Д. Загряжский, который должен был урегулировать разные мелкие порубежные «обидные дела» (Сб. РИО, т. 35, стр. 678—688).

[89] Сб. РИО, т. 35, стр. 691; *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 235; ЦГАДА, Крымские дела, л. 80 об. — 81 (набег происходил с конца июня по начало октября и не был успешным).

[90] СГГД, ч. V, № 99.

[91] РИБ, т. XVI, № 11, стб. 33—34.

[92] ПДС, т. I, стб. 1487.

определенного не известно. Вероятно, речь шла в них о турецкой опасности и о стремлении Империи добиться упрочения русско-литовских отношений [93]. 13 июля де Конти и русское посольство князя И. И. Засекина и дьяка С. Борисова покинули Москву и направились ко двору Карла V [94].

Казань после постройки Васильсурска ожидала нового похода московских войск. В декабре 1523 г. оттуда в Крым прибыл посол с просьбой прислать пушек и янычар для защиты города от русских. Сагиб-Гирей писал: «А не пришлешь ко мне пушек, и пищалей, и янычар, и мне противу московских воевод стояти не мочно» [95]. Но реальных средств помощи у Саадат-Гирея не было. Безрезультатно обращался Сагиб-Гирей за помощью и к Турции. Тщетно крымский хан и по его просьбе турецкий султан призывали Москву примириться с Сагиб-Гиреем. Василий III решительно отстаивал свое право сажать угодных ему ханов на «казанский юрт». Он клеймил позором Сагиб-Гирея как изменника, устроившего избиение русского посольства и купцов [96].

В такой обстановке начался третий поход на Казань. И на этот раз великий князь лично в нем не участвовал. Страх перед повторением вторжения крымских войск не позволял ему покинуть надолго столицу. Во главе русской рати номинально поставлен был Шигалей. Тем самым всему предприятию был придан характер военной кампании за восстановление «законного» монарха на его престоле. Зима в 1524 г. стояла «студена добре», так что до Троицына дня «снег не сошел весь». Но как только потеплело, русские полки двинулись на Казань. За неделю до Троицына дня выступила конная рать, во главе которой кроме Шигалея находился цвет русского воинства — князь И. Ф. Бельский, князь М. В. Горбатый, М. Ю. Захарьин (последний поставлен был во главе «наряда»). На Троицын день (15 мая) отпущена была конная рать И. В. Хабара и М. С. Воронцова.

---

[93] *Übersberger,* S. 172, 174—175; Сб. РИО, т. 35, стр. 719.

[94] ПДС, т. I, стб. 1487; АЗР, т. II, № 130; Сб. РИО, т. 35, стр. 688—691, 719.

[95] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 49; *Малиновский,* стр. 240.

[96] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 49, 62; *Малиновский,* стр. 240; *Дунаев,* стр. 76—77; *И. И. Смирнов.* Восточная политика, стр. 53.

«Конми» отправили и новгородскую силу[97]. Всего, по Герберштейну, русское войско насчитывало 180 тыс. человек, а по «Казанской истории» — 150 тыс.[98] Сухопутная рать должна была разбить войска казанцев в поле, а судовая (в судах) — организовать осаду и взятие крепости.

Узнав о начале похода на Казань и страшась возмездия, Сагиб-Гирей бежал в Крым. За свой побег он был заточен в темницу, а на казанский престол возвели его молодого племянника, сына Мухаммед-Гирея Сафа-Гирея, посланного в помощь казанцам из Крыма[99].

О событиях, развернувшихся у стен Казани, сохранились противоречивые версии[100]. По летописным и разрядным источникам, 24 июня русская конная рать одержала победу на реке Свияге (в 20 км от Казани), после чего она соединилась с судовой, которая к этому времени подошла к городу. «Видя свое изнеможение», казанцы били челом русским воеводам и принесли присягу на верность великому князю.

Не вносит существенных разъяснений и краткий Волоколамский летописец. По тексту этого памятника, поход на Казань начался 29 мая. Судовая рать прибыла под Казань 3 июля и расположилась на Царевом лугу, при этом «обосторжився», т. е. укрепившись острогом. Вскоре «город» (неясно, острог или Казань) сгорел. 19 июля казанцы напали «на острог, на воевод великого князя с великым нарядом, с пушками и с пищалями». Воеводам якобы удалось побить татар, которые и позднее «многажды» безуспешно «приходили на острог». К этому времени конная рать достигла Свияги. Навстречу ей вышла рать «избранных татар» в 2 тыс. человек, которая была разбита, причем «иных (татар. — *А. З.*) руками поимали и прислали к великому князю на Москву». Затем за неделю до Оспожина дня (т. е. до 15 августа), когда соединились конная рать с пешей, про-

---

[97] РК, стр. 69—70. По Типографской летописи, поход начался 12 мая (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222).

[98] *Герберштейн,* стр. 156; КИ, стр. 67.

[99] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 63; *Малиновский,* стр. 242; *Смирнов,* стр. 399. Герберштейн ошибочно пишет, что Сагиб-Гирей бежал в Турцию (*Герберштейн,* стр. 152).

[100] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 270—271; *Герберштейн,* стр. 152—157; *Тихомиров,* стр. 110—111; РК, стр. 69—70; Э, л. 83; КИ, стр. 67—68.

изошел новый бой русских войск с татарами. После него-то казанцы и «добили челом» воеводам [101].

Автор «Казанской истории» рассказывает, однако, что «черемисы злыя казанския наших поби». Поражение было нанесено судовой рати. Разгромлен был весь «яртоульный» полк (убито 5 тыс. человек), передовой полк также «весь побиша» (уничтожено 15 тыс. человек), а в большом полку истреблено 10 тыс. человек. Казанцы «в местех островных» запрудили Волгу. Из-за этого «згрузившимся ладьям и друга от други сокрушахуся». В результате «много пушек великих и малых погрязе, много людей истопоша и метахуся сами в воду от страха». Позднее черемиса извлекла этот «наряд огненный» и отправила его в Казань. Тем временем, не зная о происшедшем, конная рать на Отяковом поле (на Свияге) вступила в бой с казанскими полководцами Отучем и Аталыкой. Бой продолжался три дня и окончился бегством казанцев. Убито было 42 тыс. татарских воинов. Подойдя к Казани, воеводы были удивлены отсутствием судовой рати. Когда ее остатки прибыли, то выяснилось, что «несть лзе приступити ко граду без стенобитного наряду», который потонул в Волге. Тогда, «ни единаго дни» не оставаясь под Казанью, воеводы «с печалию великою» «поидоша на Русь». По пути «много же войска... з гладу... изомроша, овии же черною болезнию на Русь пришедша, долго болевша, помроша» [102].

В общем «Казанская история» дополняет версию официальных летописей, которая умалчивает о неудачах, постигших судовую рать.

Сложнее обстоит дело с подробным рассказом Герберштейна. Согласно его сообщению, огромная судовая рать 7 июля расположилась неподалеку от Казани у «острова купцов, Гостинова озера» и ожидала в течение 20 дней конницу. Между тем «московские клевреты» поджигают Казанский кремль, и тот сгорает дотла. Но русский воевода М. Ю. Захарьин «по своему страху и малодушию» не воспользовался этим обстоятельством и не только не пошел на штурм города, но и допустил, чтобы казанцы восстановили стены. Только «в двадцать восьмой день того же ме-

---

[101] ГБЛ, Муз. № 5837, л. 140 об. — 141.
[102] КИ, стр. 67—68.

сяца» (июля) воевода переправился через Волгу и расположился на Казанке, где снова выжидал 20 дней. Тем временем черемисская пехота совершала дерзкие набеги на русский лагерь. Постепенно иссякали у русских запасы продовольствия, а достать ничего нельзя было, так как черемисы опустошали все окрестности и тщательно наблюдали за движениями врагов. Связь с Москвой благодаря действиям черемисов была прервана.

Тогда Василий III послал в Нижний князя И. Палецкого, который должен был доставить осаждающим продовольствие и сообщить в Москву о состоянии дел под Казанью. «Другое лицо» с 500 воинами послано было сухим путем. Но весь отряд (за исключением девяти человек) был перебит черемисами. Известие об этом произвело замешательство в лагере осаждающих Казань. Решено было начать отход. Тем более что черемисы разбили и судовую рать И. Палецкого, состоявшую из 90 судов по 30 человек в каждом. Тем временем русская конная рать, переправившись через Свиягу, вступила в соприкосновение с татарами и черемисами.

Герберштейн пишет, что «после столкновения с ними, в котором обе стороны понесли большие потери, татары отступили, и конница соединилась с остальным войском». Соединившиеся войска 15 августа начали осаду Казани. Осада шла вяло, и в конце концов «начальник Палецкий» (очевидно, речь идет о Захарьине) снял ее, добившись от казанцев обещания послать послов в Москву с изъявлением верности московскому государю [103]. Поговаривали, что осада была снята «вследствие подкупа дарами со стороны татар» [104].

И. И. Смирнов целиком поддерживает версию Герберштейна. Действительно, она очень обстоятельна: ведь автору подробности сообщали «участники этой войны, люди, достойные доверия» [105]. В рассказе настораживают два обстоя-

[103] В Типографской летописи говорится, что князь И. Ф. Бельский «по великого князя наказу под Казанью с царем казаньским... мир вечный взял» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222).

[104] *Герберштейн,* стр. 152—155.

[105] *И. И. Смирнов.* Восточная политика, стр. 56—57. И. И. Смирнов вслед за Герберштейном считает, что под Казанью была разбита не судовая рать, а только дополнительные войска Палецкого (*Герберштейн*, стр. 155).

тельства: посылка военачальника И. Палецкого со вспомогательным отрядом — этот эпизод другим источникам неизвестен. Умалчивает Герберштейн и о разгроме судовой рати. Но это можно объяснить тем, что ему рассказывал о походе князь С. Ф. Курбский [106]. А именно этот воевода командовал передовым полком судовой рати и уж, конечно, не был заинтересован в увековечении собственной неудачи. В данном случае «Казанская история» дополняет Герберштейна. Но когда ее автор говорит, что конные полки первыми достигли Казани, а потом к ним присоединилась судовая рать, то следует отдать предпочтение версии Герберштейна о прибытии под Казань сначала судовой рати, а затем конной.

Сразу же по возвращении в Москву крестоцеловальные записи в верности московскому государю дали один из воевод похода 1524 г. — И. Ф. Бельский и его брат — Д. Ф. Бельский, ответственный за то, что русские воеводы пропустили Мухаммед-Гирея в глубь России. В грамотах говорилось, что каждый из князей в чем-то «проступил» перед московским государем, а тот «вину» ему «отдал» [107].

Во исполнение договоренности с князем И. Ф. Бельским под Казанью в ноябре 1524 г. в Москву прибыли Аппай-улан и князь Бахты-Кият, которые «биша челом от всей земли Казаньской за свою вину и о цари Сафа Кирее» [108]. Было еще обстоятельство, толкавшее казанскую знать в московские объятия. Вскоре после ухода русской рати Казань подверглась опустошительному набегу ногайцев, которые «в конец царьство его (Сафа-Гирея. — *А. З.*) доспели пусто» [109]. В Крыму осенью 1524 г. Ислам-Гирей поднял мятеж и в течение октября—декабря осаждал Саадат-Гирея в Перекопе. Только после того как Саадат-Гирей согласился назначить своим калгою (наследником) бывшего казанского хана Сагиб-Гирея, наступило временное успокоение [110].

---

[106] С ним Герберштейн вел разговоры (*Герберштейн*, стр. 125, 133).

[107] СГГД, ч. I, № 152—153.

[108] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; *Герберштейн*, стр. 156.

[109] *Тихомиров*, стр. 111.

[110] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 81; *Малиновский*, стр. 243—245.

В таких условиях скорейшее примирение с Москвой было единственным выходом для Сафа-Гирея.

К мысли о мирном исходе казанско-московского спора начал склоняться и Василий III, которому опыт похода 1524 г. показал, что время для окончательного присоединения Казани к России еще не приспело. Поэтому великий князь благосклонно принял миссию Аппая и «пожаловал» казанцев. Правда, все-таки на одном московскому государю удалось настоять. В марте 1525 г. в Казань были отправлены князь В. Д. Пенков и дьяк А. Ф. Курицын, объявившие, чтобы казанский хан отныне «велел своим гостем и всей Казанской земле торговати в Нижнем Новгороде». Сафа-Гирей вынужден был принять это требование, «и князь Василей Данилович и перевел торг ис Казани в Новгород в Нижней» [111].

Событие это было важное. Василий III добился не только гарантии безопасности русских купцов, дважды на протяжении его княжения истреблявшихся казанцами (в 1506 и 1524 гг.). Отныне торговый центр Поволжья переносился из Казанского царства в Россию. Казань тем самым теряла свое экономическое значение на Великом Волжском торговом пути. Это в конечном счете и предопределило окончательное включение ее в состав Русского государства. Результаты переноса торга сказались не сразу. На первых порах следствием этого явилась дороговизна и недостаток во многих товарах, которые привозились по Волге с Каспийского моря, из торжища Астраханского, а также из Персии и Армении [112]. Но все это были временные трудности. Прошло время, и позитивные результаты похода 1524 г. дали себя знать.

---

[111] *Тихомиров,* стр. 111—112; *Герберштейн,* стр. 157.
[112] *Герберштейн,* стр. 157.

ДЕЛО МАКСИМА ГРЕКА И ВТОРОЙ БРАК ВАСИЛИЯ III

В июле 1524 г., т. е. во время неудачного Казанского похода, в Москву прибыл долгожданный посол из Порты. Однако и на этот раз великого князя ждало разочарование. Этим послом оказался не «великий» или «ближний» человек султана, а все тот же плутоватый грек Скиндер, который и раньше внушал недоверие Василию III. Да и в грамотах султана можно было прочесть много пышных слов о дружеских чувствах, которые якобы питал султан к московскому государю, о желании развить торговые отношения между двумя странами, однако никаких конкретных союзнических обязательств Сулейман на себя и на этот раз брать не захотел.

Всем этим Василий III был настолько раздосадован, что когда в сентябре решил отпустить Скиндера обратно в Порту, то с ним не послал больше своей миссии. Ему было «своего доброго человека послати не пригоже того для, что салтан большего посла не прислал». Но слишком много значил в дипломатических планах Василия III турецкий вопрос, чтобы великий князь пошел на открытый разрыв с Сулейманом. Поэтому со Скиндером отправлено было султану новое послание с просьбой направить «большого посла» и начать переговоры о реальном союзе [1].

Вскоре после этого из Кафы стали поступать сведения, что Скиндер «великого князя людем... великую соромоту чинил». Вероятно, грек не делал секрета из того, как его принимали при дворе московского государя. Тогда 4 июня 1525 г. с казаком Кудояром Кадышевым султану была послана новая грамота. Целью ее было предотвратить «злые

[1] *Дунаев,* стр. 63, 75, 78—79.

козни» Скиндера, который мог «непригожие речи султану и пашам говорить» [2].

Так постепенно складывалась и крепла у Василия III мысль, что в его неудаче наладить союз с турецким султаном виноват злокозненный грек Скиндер, а следовательно, и его приятели, к числу которых относился и Максим Грек. Недаром последний все время развивал идею о необходимости освободить греков от турецкого ига.

После отъезда Скиндера, примерно около начала декабря, Максима Грека «поимали» [3]. Вскоре попали в заключение сын боярский И. Н. Берсень Беклемишев и другие лица. Судя по тому, что Максим позднее стремился всячески представить в черных красках его деятельность, очевидно, и втянут-то был в процесс Берсень благодаря показаниям Максима.

До нас дошли два «противня» (списка) с расспросных речей по этому делу, датирующихся февралем 1525 г.[4] Оба текста подверг скрупулезному источниковедческому анализу С. Н. Чернов [5].

Максим Грек, виднейший писатель-публицист первой трети XVI в., был фигурой очень сложной. Человек, неоднократно радикальным образом менявший свои взгляды, он сочетал в себе черты образованнейшего представителя эпохи Возрождения и беспринципного политикана. После капитального труда И. Денисова, установившего тождество Максима Грека с Михаилом Триволисом [6], жизненный путь Максима до прибытия на Русь рисуется более или менее отчетливо.

---

[2] *Дунаев*, стр. 80.

[3] Берсень на следствии говорил: «Угонил меня, господине, Федко Жареной неделю против Николы, а Максима уж изымали» (ААЭ, т. 1, № 172, стр. 144). «Против» (около) Николы, т. е. около 6 декабря.

[4] ЦГАДА, ф. 52 (без номера). Изданы дважды: Сборник кн. Оболенского, № 3. М., 1838 (оба текста), и ААЭ, т. 1, № 172 (один текст с вариантами по другому).

[5] *С. Н. Чернов*. Заметки о следствии по делу Максима Грека.— «Сборник статей к сорокалетию деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 465—474.

[6] *Elie Denisoff*. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvin, 1943. См. также: *С. М. Каштанов*. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах.— Византийский временник, т. XI, стр. 284—295; *А. И. Клибанов*. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека.— Там же.

Известно, что Михаил Триволис родился в 1470 г. в городе Арте. Позже некоторое время жил на о. Корфу, около 1492 г. переехал в Италию. Здесь Триволис провел годы учебы у византийского гуманиста Иоанна Ласкариса и неоплатоника Марсилио Фичино. В гуманистической среде, окружавшей Михаила Триволиса, увлекались античностью, астрологией и естественными науками. Позднее Максим Грек, больше чем кто-либо из русских клерикалов, писал о пагубности подобных «заблуждений». Прожив несколько лет во Флоренции, Триволис затем в 1497—1498 гг. работал в Венеции у известного первопечатника Альда Мануция. Некоторое время (1498—1502 гг.) он служил у одного из мелких итальянских правителей — Джиованни Франческо Пико делла Мирандолы. Увлечение пламенным проповедником флорентийцем Савонаролой привело к тому, что летом 1502 г. Михаил постригся в монастыре св. Марка, где его кумир ранее был приором. В связи с преследованием последователей Савонаролы Михаил Триволис в 1504 г. покидает этот монастырь, и в 1505 г. мы встречаем на Афоне православного монаха Максима Триволиса, который на Руси стал именоваться Максимом Греком.

Обстоятельства приезда Максима Грека в Россию сводятся к следующему.

В конце 1514 — начале 1515 г. в Москве побывали с Афона старец Афанасьева монастыря Мелентий и старец Ватопедова монастыря Нифонт. В марте того же года они с грамотой [7] были отпущены в Турцию вместе с послами Василия III В. А. Коробовым, Василием Копылом Спячим и Иваном Варавиным (последние двое были отправлены с милостынею в «Святую гору»)[8]. В грамоте от 15 марта, адресованной проту Афонской горы Симеону, содержалась просьба прислать в Москву «старца Саву, переводчика книжново, на время» [9]. Просьба связана была с усилившимся влиянием при дворе Василия III нестяжателей, и прежде всего митрополита Варлаама и Вассиана Патрикеева. Новым фаворитам Василия III для укрепления своего влияния на

---

[7] ЦГАДА, Греческий статейный список, № 1, л. 18, об.; *Дунаев*, стр. 8; СГГД, ч. V, № 68.

[8] ПСРЛ, т. IV, стр. 539; т. VIII, стр. 259.

[9] Временник ОИДР, кн. 5. М., 1850, стр. 31—32; «Сношения...», стр. 22—24.

великого князя нужно было опереться на авторитетную поддержку если не вселенских патриархов, то во всяком случае афонского монашества.

На Афон В. Копыл добрался с величайшим трудом только весною 1516 г. (Иван Варавин так и застрял в Царьграде). Тем временем в 1517 г. к Василию III прибыл игумен Ксиропотамского монастыря Исайя Сербин да патриарший дьякон Дионисий Грек. Василий Копыл и Иван Варавин смогли вернуться в Москву только через три года после своего отъезда — в марте 1518 г. Вместе с ними прибыл от патриарха Феолипта митрополит Григорий Грек за милостынею, а в качестве переводчиков трое монахов Ватопедова монастыря Максим Грек, Нифонт Грек и Лаврентий Грек, а также игумен Пантелеймонова монастыря Савва [10]. Позднее, в августе 1519 г., Москву посетил грек Климентий из Святой горы [11].

Савва Грек, которого русские власти просили приехать в Москву, был уже известен как переводчик греческих книг на церковнославянский язык. Но так как ученый грек был «многолетен и ногами немощен», вместо него выбор афонских монахов остановился на Максиме Греке, отличавшемся разносторонней образованностью и тонкими дипломатическими способностями. Этого было достаточно. Слабое знание русского языка компенсировалось тем, что с Максимом прибыли на Русь один болгарин (Лаврентий) и, возможно, один русский монах (Савва).

Отец И. Н. Берсеня Беклемишева Никита Васильевич Беклемишев происходил из видной служилой фамилии. Он входил в состав наиболее доверенных лиц великого князя Ивана III, хотя до думного чина не дослужился. Еще в 1471 г. он послан был «в Поле», чтобы перезвать на сторону великого князя татарского царевича Муртозу Мусто-

---

[10] ПСРЛ, т. VI, стр. 260—261; т. VIII, стр. 263. См. грамоту властей Ватопедова монастыря о посылке Максима Грека (Временник ОИДР, кн. 5, стр. 32—33), а также пять грамот митрополиту Варлааму и Василию III от православных церковных деятелей Востока (АИ, т. 1, № 121—123).

[11] ПСРЛ, т. XIII, стр. 30; т. XX, стр. 397; ИЛ, стр. 175. «Сношения России с Востоком», т. 1, стр. 33. См. «Сказание Климента о иерусалимских монастырях к старцу Васияну» (Патрикееву). Текст см.: «Описание рукописей А. И. Хлудова», стр. 61—62; *А. И. Соболевский.* Переводная литература, стр. 288.

фина сына. В 1472 г. был воеводой в Алексине. С этим поручением он удачно справился. В 1473 г., когда Иван III «поимал» грека Ивана Тревизана, он был посажен на двор к Никите Беклемишеву. В марте—ноябре 1474 г. Н. В. Беклемишев ездил в Крым с миссией к Менгли-Гирею [12]. В ноябре 1475 г. он, будучи сыном боярским, сопровождал Ивана III в его Новгородском походе [13]. Уже около 1472—1473 гг. владел землями в Юрьевском уезде [14].

Около 1462—1473 гг. он был разъездчиком земель и вел разбирательство поземельных споров. В 1475—1476 гг. Н. В. Беклемишев среди других «бояр» присутствовал на докладе у великого князя. В 1484—1488 гг. ему докладывались мировые грамоты по земельным вопросам. Один из братьев Никиты, Александр, в 1490 г. был наместником трети Московской. Второй брат Никиты, Семен, — держатель села Почепа Малоярославского уезда у Троицкого монастыря [15]. Третий брат, Михаил, был вотчинником в Дмитровском уезде. Будучи землевладельцами Дмитровского уезда, некоторые Беклемишевы связаны были со двором князя Юрия Ивановича. Так, двоюродный брат Берсеня Иван Шадра Александров Беклемишев в 1520 г. был волостелем Жабенской волости Кашинского уезда князя Юрия, а в 1518 г. присутствовал на докладе поземельного спора у боярина князя Юрия. Дети его в середине XVI в. служили по Дмитрову [16].

Биография самого Берсеня также небезынтересна. Около 1483 г. умер его отец, и Берсень передал его землю в Юрьевском уезде митрополичьему двору. С митрополичьим окружением Берсень сохранил связи на всю жизнь. Один из ближайших друзей Берсеня был митрополичий «крестовый» дьяк Федор Жареный.

---

[12] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 128, 133, 135, 137—138; Сб. РИО, т. 41, стр. 1—13.

[13] ПСРЛ, т. XIII, стр. 174. В разрядах он назван ошибочно дьяком (РК, стр. 17).

[14] АСЭИ, т. I, № 413, стр. 303. В августе 1472 г. он был душеприказчиком некоего Ф. Новокщенова (АСЭИ, т. III, № 404, стр. 418).

[15] АСЭИ, т. I, № 326, стр. 235—236, № 510.

[16] АФЗХ, ч. I, № 81, стр. 83 (1473—1789 гг.); ГБЛ, Троицк. кн. 527; № 93; *Шумаков*. Обзор, вып. III, № 149, стр. 46; Тысячная книга, стр. 130.

Служебная карьера Берсеня при дворе началась еще в июле 1490 г., когда он присутствовал в качестве пристава на приеме имперского посла Юрия Делатора[17]. В 1492 г. он должен был отправиться с посольством к великому князю Литовскому Казимиру, но оно не состоялось. В 1492, 1493 и 1494 гг. Берсень участвует в приемах литовских послов. Известно, что в 1495 г. он ездил с Иваном III и его окружением в Новгород. В октябре 1502 и ноябре 1503 г. дважды посылался с миссией в Крым, но так и не смог туда проехать из-за нападений крымцев в Поле[18].

Снова сведения о Берсене появляются уже после приближения к Василию III Вассиана Патрикеева, друга Максима Грека, близкого также и к Берсеню. В 1510 г. И. Н. Берсень Беклемишев, как и в молодости, исполнял обязанности во время приема литовских послов. За истекшие годы, следовательно, Берсень по лестнице чинов не продвинулся. Это способствовало, очевидно, росту его оппозиционных настроений. Времена Ивана III, когда отец его был в зените славы и у самого Берсеня раскрывались широкие перспективы, рисовались теперь уже пожилому придворному в самом радужном свете, а годы правления Василия III — в темных тонах. Судя по словам Максима Грека, он с горечью вспоминал: «Добр дел был отец великого князя... и до людей ласков... а нынешнеи государь не по тому, людей мало жалует»[19].

Уже в период смоленских походов Берсень говорил «встречу» великому князю «о Смоленску». Содержание этих возражений не ясно. Речь шла, вероятно, о стремлении Берсеня к устроению мира с Литвой. С тех пор московский государь особенно невзлюбил упрямого старика. Впрочем, еще в 1514 г. Иван Никитич присутствует на приеме турецкого посла. В последний раз при дворе он появляется в августе 1517 г. на приеме литовского посольства. Затем Берсень попадает в опалу[20], и у него отбирается «подво-

---

[17] АФЗХ, ч. I, № 153, стр. 134; ПДС, т. I, стб. 26.

[18] Сб. РИО, т. 35, стр. 60—68, 74, 82, 108, 117—136; т. 41, стр. 434—443, 453—465, 516, 537; РК, стр. 26.

[19] ААЭ, т. I, № 172, стр. 142.

[20] В феврале 1525 г. Максим Грек говорил: «Пришел, господине, ко мне Берсень, как был в опале, а тому с год нет» (ААЭ, т. I, № 172, стр. 141).

рье» в Кремле[21]. Возможно, оно находилось возле башни, которая получила название Беклемишевской.

Третьим из лиц, пострадавших в 1525 г., был Петр Муха Федорович Карпов, двоюродный брат известного дипломата Федора Ивановича Карпова, знатока восточных дел и видного гуманиста, друга Максима Грека[22]. Сын Петра Мухи Василий в середине XVI в. числился сыном боярским по Костроме. Племянники Петра Мухи Федор и Афанасий Андреевичи в середине XVI в. служили по Кашину, причем первый из них в Тысячной книге 1550 г. помещен в рубрике «князь Юрьевские»[23]. Следовательно, некоторые из Карповых, как и Беклемишевы, связаны были с князем Юрием.

К делу Берсеня — Максима Грека привлечены были также митрополичий дьяк Федор Жареный (возможно, недовольный деятельностью нового митрополита Даниила) и спасский архимандрит Савва Грек.

Но кроме этих лиц несколько человек были «советны» с Берсенем и приходили к нему и Максиму для разговоров по волнующим их вопросам. Судя по следственному делу, келейник Максима Афанасий говорил, что «прихожи были к Максиму Иван Берсень, князь Иван Токмак, Василей Михайлов сын Тучков, Иван Данилов сын Сабурова, князь Андрей Холмской, Юшко Тютин». При этом они «говаривали с Максимом книгами»[24].

Иван Васильевич Токмак происходил из князей звенигородских. Его дети в середине XVI в. служили детьми боярскими сначала по Коломне, затем по «княж Юрьевскому Кашину»[25]. Отец князя Ивана Василий Иванович Ноздреватый некоторое время был окольничим при Василии III (последний раз упоминается под 1509 г.)[26]. Звенигород входил в удел князя Юрия Ивановича.

---

[21] Около 1523 г. во время Нижегородского похода Василия III сын Берсеня был оставлен в Нижнем (ААЭ, т. I, № 172, стр. 142).

[22] Родословная книга, ч. II. М., 1787, стр. 211—212. О Ф. И. Карпове см. гл. 14.

[23] Тысячная книга, стр. 68, 134, 148.

[24] ААЭ, т. I, № 172, 141.

[25] Тысячная книга, стр. 158, 161. Сын Ивана Токмака Юрий, один из воевод в 1558—1576 гг., был человеком образованным и составил Повесть о Выдропусской иконе («Памятники старинной русской литературы», вып. 4. СПб., 1862, стр. 180—183).

[26] РК, стр. 44.

Второй из «советников» Берсеня — Василий Михайлович Тучков. Это фигура достаточно известная. Он был сыном окольничего М. В. Тучкова (из рода Морозовых). В 1511—1515 гг. М. В. Тучков — крымский посол, в 1533 г. — боярин, умер около 1550 г. В 1516 г. Михаил Васильевич и оружничий Никита Карпов ездили с миссией в Казань [27]. Его сын Василий в изучаемое время был, очевидно, еще молодым человеком. Выдвинулся он позднее, когда с 1541 по 1545 г. был рязанским дворецким. Умер в 1548 г. По поручению митрополита Макария в 1537 г. составил особую редакцию Жития Михаила Клопского [28]. Он принадлежал к непосредственному окружению Максима Грека. В 1545 г. по его распоряжению была переписана одна из рукописей Грека [29].

Третье лицо из близких Максиму и Берсеню — Иван Данилович Сабуров, двоюродный брат Соломонии. Он служил по Новгороду. Еще в 1522 г. на сравнительно видных местах находились окольничий Андрей Васильевич (двоюродный брат отца Соломонии), его сын Михаил (рында) и брат Соломонии Иван Юрьевич (рында, возможно, кравчий). Все они вместе с ближайшим окружением Василия III отправились летом 1522 г. в Коломну в связи с предполагавшимся походом Мухаммед-Гирея. Этот год был началом заката карьеры Сабуровых. Андрей Васильевич исчезает из разрядов почти на 10 лет и появляется с чином боярина в конце 1531 г., т. е. после рождения у Василия III наследника [30]. Только один из Сабуровых в 20-х годах сохранил ненадолго свое положение, да и то потому, что находился вдали от великокняжеского двора, — это дядя Соломонии Иван Константинович Сабуров, новгородский дворецкий в 1517—1525 гг. Близость И. Д. Сабурова к кружку Берсеня объясняется и тем, что Василий III, собираясь вступить во второй брак, отстранил от себя родичей Соломонии.

Следующим из окружения Берсеня и Максима был князь

---

[27] ПСРЛ, т. VI, стр. 252—258.

[28] Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958, стр. 7 и сл.

[29] *В. С. Иконников.* Максим Грек. Киев, 1915, стр. 576; *С. О. Шмидт.* Новое о Тучковых.— «Исследования по социально-политической истории России». Л., 1971, стр. 129—141.

[30] Родословная книга, ч. I, стр. 245; РК, стр. 68—69, 80.

Андрей Иванович Холмский. Вероятно, он также был молодым человеком [31]. Его троюродным братом был известный князь В. Д. Холмский, женатый на сестре Василия III и «поиманный» в ноябре 1508 г.[32] После опалы князя Василия Холмские были отстранены от сколько-нибудь видной придворной деятельности.

Наконец, Юшка Тютин — отец известного казначея середины XVI в. «грецка роду» [33]. Тютин происходил из той же среды греков, близкой к государевой казне, из которой вышел и грек Юрий Траханиот, попавший в опалу около 1522 г.[34]

В одном ящике Царского архива с материалами дела И. Берсеня и Максима Грека хранились «списки Петра Карпова-Мухина, и Некраса Харламова, и Якова Дмитриева». Опала этих лиц также связана с делом Берсеня. Дьяк Иван Некрас Владимиров сын Харламов был одним из видных деятелей дьяческого аппарата в 1510—1522 гг. Последний раз в источниках он упомянут осенью 1523 г. во время приема литовских послов [35]. Яков Дмитриев сын Давыдов в 1512—1515 гг. упоминается в разрядах как военачальник князя Дмитрия Углицкого. Его сын Григорий в середине XVI в. служил как дворовый сын боярский по Угличу [36].

Вторым браком Василия III были недовольны многие из «мирских сигклитов», т. е. знати. Среди них был и князь Семен Федорович Курбский, видный полководец. Его великий князь «от очей отогнал, даже до смерти его». В неудачном Казанском походе 1524 г. князь Семен, возглавлявший передовой полк судовой рати, затем в разрядах исчезает. Он появился единственный раз в 1528 г., когда находился в Нижнем Новгороде. Жив был он, очевидно, еще в 1547/48 г.[37] Курбские связаны были с удельными князьями.

---

[31] В разрядах упоминается с 1535 г. (РК, стр. 88). Его сын Петр в середине XVI в. дворовый сын боярский по Можайску (Тысячная книга, стр. 184).

[32] ПСРЛ, т. VIII, стр. 250.

[33] РИБ, т. XXXI, стр. 297.

[34] В Царском архиве хранились материалы «о людех Юрья Малово» (Описи, ящик 26, стр. 20).

[35] Описи, ящик 27, стр. 20; Сб. РИО, т. 35, стр. 673.

[36] РК, стр. 25, 39, 45, 47, 56; Тысячная книга, стр. 205.

[37] РИБ, т. XXXI, стб. 163—165; РК, стр. 69, 71.

Двоюродный брат князя Семена Андрей Дмитриевич женат был на дочери Андрея Васильевича Углицкого[38]. Брат Андрея Дмитриевича Михаил Карамыш (дед Андрея Курбского), по словам Грозного, «умышлял» с Андреем Углицким на Ивана III. Племянник князя Семена Андрей Михайлович Курбский давал резкую характеристику и самому Василию III, и Софии Палеолог. Себя он считал учеником Максима Грека. Мать князя Андрея была сестрой В. М. Тучкова, также одного из учеников Максима Грека. По словам Грозного, отец Андрея «многи пагуба и смерти умышлял» вместе с Дмитрием-внуком на Василия III[39].

В 1523 г. в последний раз в разрядах упомянут Михаил Андреевич Плещеев. Из более поздних известий мы знаем, что он попал в немилость. Причины опалы М. А. Плещеева в общем ясны — это связи его с оппозиционными кругами. Дед его Петр Михайлович служил боярином князю Юрию Ивановичу. При дворе дмитровского князя находился и его дальний родственник Василий Рычко Помяс Плещеев (сын Воропая Петрова)[40]. В середине XVI в. по Кашину служили Василий Семенович Плещеев с детьми Андреем и Замятней, тогда же по Дмитрову числились Нечай и Чобот Никитичи Плещеевы[41]. Двоюродному брату Никиты Павлиновича Ивану Васильевичу Плещееву в мае 1526 г. князь Юрий Дмитровский выдал жалованную грамоту[42].

Плещеевы были близки и к Кирилло-Белозерскому монастырю, поддерживавшему нестяжателей. Если дядя Михаила Плещеева Вельямин постригся в Троице, то родной брат Афанасий «был в чернцах в Кирилове монастыре». Возможно, это пострижение было недобровольно. Во всяком случае один двоюродный брат Михаила, Иван Юрьевич, «побежал в Литву», а другого, Василия, «постриг... князь великий в Кирилове монастыре в опале». Несколько Пле-

---

[38] АФЗХ, ч. II, № 200, стр. 201.

[39] Послания Ивана Грозного, стр. 29.

[40] Родословная книга, ч. I, стр. 288, 299; ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 159; Э, л. 81 об.

[41] Тысячная книга, стр. 130, 134. По родословцу, у Никиты (служившего князю Юрию) дети были Петр и Иван (Родословная книга, ч. I, стр. 301). Речь, очевидно, идет об одних и тех же лицах.

[42] ГКЭ, Звенигород, № 9/4683.

щеевых служили митрополитам, причем один из них, Богдан Федорович, — Варлааму [43].

Таким образом, опалу М. А. Плещеева с большей долей вероятности можно связать с событиями 1525 г.

Итак, в деле И. Н. Берсеня Беклемишева и Максима Грека явственно обнаруживаются две группы лиц. С одной стороны, это люди, связанные с окружением Юрия Дмитровского и Дмитрия Углицкого (И. Берсень, П. Муха Карпов, Я. Давыдов, возможно, М. Плещеев), с другой — нестяжательская часть духовенства (Максим Грек). Выступая из канонических соображений против предполагавшегося развода Василия III, Максим Грек и его окружение тем самым отстаивали права Юрия Дмитровского на наследование московского престола [44].

О том, что Максим Грек и его окружение выступали против второго брака Василия III, свидетельствует «Выпись о втором браке», составленная на вполне доброкачественных источниках. В ней рассказывается о выступлении Вассиана Патрикеева (друга Максима) против развода великого князя и мотивируется осуждение Максима и его сподвижников «того ради, чтобы изложения и обличения от них не было про совокупление брака» [45], т. е. чтобы они впредь не

[43] Родословная книга, ч. I, стр. 277, 299, 300.

[44] Основные положения этой главы были доложены автором 18 октября 1968 г. на заседании группы феодализма ЛОИИ. С ними был знаком В. Д. Назаров, который позднее писал: «За участниками процесса (Максима Грека и Берсеня Беклемишева 1525 г. — *А. З.*) вырисовывалась и фигура родного брата Василия III, дмитровско-кашинского удельного князя Юрия, следующего по старшинству сына Ивана III. Именно при его дворе служило большинство ближайших родственников Берсеня Беклемишева. Бездетный брак Василия III сулил князю Юрию радужные перспективы на занятие престола после смерти. Вполне понятно, что намечавшийся развод московского государя не соответствовал его интересам» (*В. Д. Назаров.* Тайна челобитной Ивана Воротынского. — «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 214. Ср. там же ссылку на Летописец собр. Оболенского, № 42, с ремаркой: «Указано нам А. А. Зиминым»). На этот текст В. Д. Назарова ссылается и Н. А. Казакова (*Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 225): «Сочувствие Берсеня удельным князьям, быть может, было обусловлено в какой-то степени его родственными связями: большинство ближайших родственников служило при дворе удельного дмитровско-кашинского князя Юрия Ивановича».

[45] *С. Белокуров.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, прил., стр. LX.

выступали против второго брака великого князя. Конечно, это было не официальное обвинение, а лишь причина гнева великого князя.

О сходстве позиции Вассиана с Максимом Греком можно судить уже не только по «Выписи», но и по рассказу Андрея Курбского [46]. Н. А. Казакова считает оба рассказа недостоверными, ибо, по ее наблюдениям, Вассиан после 1525 г. еще в течение ряда лет пользовался влиянием при великокняжеском дворе [47]. Но этот довод не может считаться убедительным. Ведь и Сильвестр в 1553 г. выступал на заседании Боярской думы против Ивана IV (по вопросу о наследнике престола), однако осужден он был значительно позднее (в 1560 г.). В отличие от Максима Грека Вассиан не был противником внешнеполитической программы Василия III.

Взгляды Максима Грека в какой-то мере разделяли отдельные представители придворного окружения Василия III. Это не были выразители интересов «реакционного боярства», в число которых, кстати, охотно и бездоказательно заносят и самого Максима. Среди них мы находим лиц, по тем или иным причинам недовольных политикой московского государя, и тех, кто в кружке Максима стремился приобрести философские, литературные и другие знания, тяга к которым была в это время очень явственной. Никаких преступлений даже с точки зрения юрисдикции XVI в. эти лица не совершили и в число обвиняемых не были включены.

Главным свидетелем обвинения по делу Берсеня стал Максим Грек, пытавшийся «откровенным признанием» облегчить свою участь. Человек сомнительной моральной чистоты [48], Максим Грек надеялся, что он, как иноземец,

---

[46] РИБ, т. XXXI, стр. 163.

[47] *Казакова*, стр. 70—72. Ср. *ее же*. Очерки, стр. 117—120. По мнению Н. А. Казаковой, «версия об осуждении Вассиана за его противодействие второму браку Василия III, созданная в оппозиционных кругах Ивану IV с целью его дискредитации, была распространена на Максима Грека в тех же самых целях» (там же, стр. 182). Доказательства этого умозаключения Н. А. Казакова не приводит, а ее замечание о родстве Вассиана с Сабуровыми ошибочно (там же, стр. 118).

[48] О его трансформации из гуманиста в доминиканца, а затем в православного монаха см. выше.

обладает известным иммунитетом, который он решил подкрепить еще доносом на И. Н. Берсеня и тем самым вызвать признательность властей. Но предателям редко удается избегнуть возмездия. Так случилось и на этот раз. Максим Грек не знал, что гнев Василия III (и тем более митрополита Даниила) направлен был прежде всего по его адресу, а Берсень оказался попутно втянут в судебное разбирательство.

Еще в начале декабря 1524 г., когда Максим был «пойман», Федька Жареный говорил Берсеню: «Велят мне Максима клепати». Якобы даже сам великий князь присылал к нему троицкого игумена со словами: «Только мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую» [49]. Игра Максима Грека была проиграна еще до того, как началась.

На следствии в феврале 1525 г. Максим Грек показал, что И. Н. Берсень вел с ним сомнительные разговоры о турецких «царях бесерменьских». Очевидно, именно турецкая тема волновала прежде всего инициаторов процесса. Берсень спрашивал у Максима: «Как вы от них прожываете?» Ведь турки — «гонители» православных, и, следовательно, для греков настали «люты» времена. Максим Грек отвечал, что «цари у нас злочестивые, а у патреярхов и у митрополитов в их суд не въступаются». Получалось, что Максим «бусурманов» хвалил и в то же время хулил русские порядки (при которых, как известно, великий князь не только вмешивался в церковные дела, но даже организовал суд над самим Максимом).

Итак, первый пункт расспроса касался Турции. И приговор по делу Максима Грека и Саввы особенно подчеркивал измену обоих греков, которые «посылали грамоты да и поминки железца стрелные к паше к туретцкому, а велели ему итти воевати украин великого князя» [50]. Эта запись сохранилась в летописце Пафнутьева монастыря и навеяна, очевидно, материалами канцелярии митрополита Даниила [51]. На процессе Максима Даниил говорил, обращаясь к обоим грекам: «Вы же ведали Искандеря Турского посла советы

---

[49] ААЭ, т. I, № 172, стр. 144.

[50] *Тихомиров,* стр. 112.

[51] *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования по истории русского летописания. — «Проблемы источниковедения», сб. VI. М., 1958, стр. 248; *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 210—214.

и похвалы, что хотел подъимати Турскаго царя на государя». При этом «вы с Савою вместо благих посылали грамоты к турским пашам и к самому Турскому царю, подымая его на... великаго князя» [52]. У Саввы действительно хранились «грамоты греческие посольные» [53]. Совершенно справедливо Н. А. Казакова считает, что речь в данном случае идет скорее всего о грамотах, «которыми снабжались представители греческой церкви» [54].

Позднее, в конце XVI в., А. Поссевин писал, что Максим Грек, «несмотря даже на энергичные настояния турецкого султана, так и не мог освободиться от заключения, где, говорят, и окончил дни» [55]. Степень достоверности этого сведения не вполне ясна [56]. Но в нем во всяком случае ничего не говорится о причинах заточения Максима.

Все приведенные выше тексты И. И. Смирнов и И. Б. Греков трактовали как свидетельство того, что Максим Грек действительно был турецким агентом [57]. Подобная точка зрения вызвала решительные возражения И. У. Будовница, Г. Д. Бурдея, Н. А. Казаковой и др.[58] Прежде всего Максим Грек уже на следствии сказал по вопросу о Турции, что «инех (кроме его собственных слов, приведенных выше.— *А. З.*) речей с ним (Берсенем.— *А. З.*) не говорил», да и позднее он считал себя ни в чем не повинным. Грек Скиндер вызывал к себе резкую неприязнь Василия III тем, что, по мнению великого князя, препятствовал турецко-русскому сближению. Этому же, по мысли Василия III, содействовал

---

[52] Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 4—5; Сибирский список, л. 340—341 об.; *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 205.

[53] Описи, ящик 61, стр. 25.

[54] *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 207—208.

[55] *И. И. Смирнов.* К вопросу о суде над Максимом Греком. — «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 124.

[56] См. *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 209.

[57] *И. И. Смирнов.* К вопросу о суде... стр. 118—126; *И. Б. Греков.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XV вв. (далее — *И. Б. Греков*). М., 1963, стр. 273—288.

[58] *И. У. Будовниц.* Русская публицистика. XVI в. М.—Л., 1947, стр. 142—143; *Г. Д. Бурдей.* Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XV вв. — «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., 1966, стр. 202—204; *Н. А. Казакова.* Очерки, 203—230; *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 419.

и Максим Грек, «подымавший» султана на Русь. Ведь греки кровно были заинтересованы в помощи России и в их борьбе с турецким игом. Максиму Греку вменялось в вину и то, что он не сообщил о злокозненных планах Искандера, и сомнительных разговорах такого типа: «Ратует князь великий Казань, да неколи ему будет и сором, турскому ему не молчати... Быти на той земле Рустей салтану турскому, зане же салтан не любит сродников царегородских». Вероятно, Максим говорил, что если Василий III не пойдет войной на Порту, а ограничится борьбой за Казань, то турецкий султан сам может завоевать Россию. Максим также якобы говорил: «Князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал. От Турского ему как не бежати? Пойдет Турской, и ему либо Казань дати, или побежати» [59]. Максим с горечью говорил о бегстве Василия III от Мухаммед-Гирея в 1521 г. и боялся возможности повторения этого в случае войны с Турцией [60]. Он также признался, что говорил келейнику Афанасию: «Быти на той земле Русской турскому салтану, зане же салтан не любит от роду царегородских царей». Эти слова якобы сказаны были «бережения для, чтобы князь великий от него (султана.— *А. З.*) берегся» [61].

Как известно, на турок всячески натравливали Василия III папа и император. Одно из лиц, близких к Максиму (толмач Власий), в свое время посылался в составе миссии к императору и был хорошо знаком с Герберштейном. Несмотря на старания имперского посла, московский государь не дал себя втянуть в антитурецкую авантюру. В об-

---

[59] Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 5.

[60] Н. А. Казакова эти слова ранее рассматривала «лишь как заведомую клевету обвинителей» Максима (*Н. А. Казакова.* Вопрос о причинах осуждения Максима Грека (далее — Вопрос...). — «Византийский временник», 1968, т. XXVIII, стр. 122).

[61] Сибирский список, л. 328 об., 329; *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 220. Позднее был найден Сибирский список, в котором есть сведение, что Максим показал: «...те есми речи Саве про великого князя говорил» (Сибирский список, л. 329, 342). Поэтому Н. А. Казакова признала, что Максиму Греку принадлежат «отдельные критические замечания в адрес русского правительства, в основе которых лежало его резко отрицательное отношение к идее русско-турецкого союза», «его упреки в адрес великого князя были вызваны не враждебностью к России, а болью за нее и ненавистью к «басурманам»» (*Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 220—221).

становке крымской активности союз с Портой был жизненно необходим России. Василий III готов был не обращать внимания на церковные разномыслия Максима с митрополитом, но его самостоятельная линия поведения в вопросах внешней и внутренней политики (вопрос о втором браке) привела к тому, что великий князь решил отдать Грека в руки клерикального и светского правосудия.

Крымско-турецкий вопрос теснейшим образом переплетался с династическим. Дело в том, что князь Юрий подозревался в сношениях с татарами. Прилегавший к его владениям Сурожек находился в распоряжении татарских царевичей. Некоторое время после смерти Менгли-Гирея владел «княж» Юрьевским Звенигородом Абдул-Латиф (до своей смерти в ноябре 1518 г.)[62]. В Звенигороде еще в 1504 г. была Дмитриевская слободка, «что за татары», много «численных земель и ордынских» (как, впрочем, и в Рузе)[63]. Позднее, в начале 1532 г., в Литве распространились слухи, что князь Юрий находился в контакте с «Заволской ордой»[64]. И для этого, возможно, были некоторые основания. Один из воевод князя Юрия, Василий Иванович Шадрин, с осени 1516 по весну 1518 г. находился в крымском плену. Но в это время он сумел приблизиться к ханскому двору и был кем-то вроде неофициального русского представителя в Крыму[65]. Конечно, вряд ли при этом он забывал князя Юрия.

Но вернемся к февральскому следствию 1525 г. После Максима Грека показания давал его келейник Афанасий. Именно он сообщил имена тех, кто «прихожи были к Максиму». Он же выделил из их среды Берсеня: ибо только «коли к нему придет Берсень, и он нас вышлет тогды всех вон, а с Берсенем сидят долго один на один». Это показание также ухудшало положение Берсеня и фактически оправдывало всех остальных, которые просто «спиралися меж себя о книжном»[66].

После этого лица, ведшие следствие, снова обратились к Максиму Греку с вопросом о том, что же являлось темой его разговоров с Берсенем. Максим оказался многоречив.

---

[62] Описи, ящик 105, стр. 28.
[63] ДДГ, № 95, стр. 397, 380, 382, 397, 400, 402.
[64] Акты Литовско-Русского государства, т. I, стр. 240.
[65] Сб. РИО, т. 95, стр. 494—507.
[66] ААЭ, т. I, № 172, стр. 141.

Примерно год тому назад, когда Берсень был в опале, он, по словам Максима, приходил к нему. Грек спросил его: «Был лы еси сего дни у митрополита». Очевидно, Максим считал, что Берсень должен был побывать у Даниила, чтобы попросить его ходатайствовать за себя перед великим князем. На это Берсень с горечью сказал: «Яз того не ведаю, есть ли митрополит на Москве». Ведь от Даниила не дождешься никаких «учительных слов» да он и «не печялуется ни о ком». Вместо печалования Даниил поступил как клятвопреступник, давши опасную грамоту Шемячичу, который тем не менее был «пойман» в Москве. Берсень и самого Максима спрашивал: «Какую пользу от тебя взяли?» Ведь «пригоже было нам тебя въспрашивати, как устроити государю землю свою и как людей жаловати и как митрополиту жити».

И опять Максим допустил бестактность. Не отрицая впрямую слов Берсеня, он сказал только, что «у вас, господине, книги и правила есть, можете устроитися». Но всякое превознесение деятельности Максима могло вызвать чувство негодования у московского государя. Когда у Максима спросили, к чему бы это вел подобные речи Берсень, он добавил к сказанному еще более крамольные слова своего приятеля: «Добр-деи был отец великого князя Васильев князь великий Иван и до людей ласков... а нынешней государь не по тому, людей мало жалует; а как пришли сюда грекове, ино и земля наша замешалася; а дотоле земля наша Русскаа жила в тишине и миру». Во всем виновата София: как она пришла на Русь «с вашими греки, так наша земля замешалася и пришли нестроениа великие, как и у вас во Царегороде при ваших царех».

Из этих слов видно, что Берсень был сторонник того курса, который осуществлялся при Иване III в кругу противников Софии, т.е. в кругу Дмитрия-внука (Федора Курицына и других вольнодумцев). Греки были не только врагами Дмитрия-внука, но и русских реформаторов из его окружения. Берсень разделял программу мира с Литвой (как Патрикеевы и Ряполовский, заключившие в 1494 г. мир с Великим княжеством Литовским). О «нестроениях» в Царьграде много размышлял и сам Максим Грек, а позднее И. С. Пересветов. Наконец, выпячивая в рассказе Берсеня «антигреческую» тему, Максим Грек как бы стремился от-

делить себя от своего прежнего друга и предстать вполне благонадежным человеком.

Максим Грек изложил конкретно причины неудовольствия Берсеня внутренней политикой Василия III. Берсень печалился, что «ныне в людех правды нет» [67]. Все это из-за того, что были нарушены старые обычаи: «Которая земля переставливает обычьи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычьи князь велики переменил; ино на нас которого добра чяяти?» Сам Берсень считал, что «лутче старых обычяев держатися, и людей жаловати, и старых почитати». При этом он говорил: «Государь-деи упрям и въстречи против собя не любит, кто ему въстречю говорит, и он на того опалается; а отец его князь велики против собя стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали». На следствии Берсень утверждал, что он «тех речей не сказывал». Но в целом его «речи» звучат весьма правдоподобно.

Возмущался Берсень и тем, что «ныне-деи государь наш, запершыся, сам третей у постели всякие дела делает». По его представлению (как позднее и по мысли Курбского), великий князь должен привлекать мудрых советников для того, чтобы разумно править страной. Максиму Греку он говорил: «Ты человек разумной и можешь нас ползовати, и пригоже было нам тебя въспрашивати, как устроити государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити». У нас нет прямых сведений об отношении Берсеня к разводу Василия III. Но второго брака великого государя он мог опасаться уже потому, что подобный случай с отцом Василия III, по его мнению, принес Русской земле одни беды.

Внешнеполитическая программа Берсеня была очень выразительна и определенна: она заключалась в настойчивом призыве к миру с соседними державами. «Ныне,— говорил он,— отвсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недрузи, а наше нестроенье» [68]. Он, по словам Федьки Жареного, был крайне недоволен постройкой Васильсурска, ибо это явится препятствием к миру с Казанью («поставил на их стороне

---

[67] ААЭ, т. I, № 172, стр. 141—143.
[68] Там же.

лукно, ино как ся с ними (казанцами.— *А. З.*) помирити»). Если уж строить города, то на своей стороне, тогда и мир будет[69]. Из тех же соображений Берсень недоволен был присоединением Смоленска («как Смоленеск жо город взял, а люди тамо, ино нелзе миру быти»). Правда, Берсень категорически отрицал, что он говорил Федьке речи «про город». Но и Максим передавал разговор с Берсенем, из которого он узнал, что тот говорил «въстречю... о Смоленьску», в результате чего взбешенный великий князь сказал: «Пойди, смерд, прочь, не надобен ми еси». Прямым диссонансом мирной программы Берсеня звучат его слова, сказанные по случаю приезда турецкого посла Скиндера: «На что нам его (турецкого султана.— *А. З.*) дружба? Лутши было с ним не дружитися»[70]. Н. А. Казакова считает эту реплику не следствием принципиальной враждебности Берсеня к Турции, «а скорее одним из проявлений раздражения против правительства и стремления осуждать все его действия»[71]. Впрочем, может быть, в данном случае просто покривил душой Максим Грек, передавая смысл своей беседы с Берсенем. Обвиняя своего старого приятеля в недружелюбном отношении к Турции (как и в брани по адресу Василия III), Максим Грек явно надеялся, что ему удастся утопить Берсеня и самому выйти сухим из воды.

Рассуждения Берсеня в пересказе Максима Грека В. О. Ключевский рассматривал как «философию политического консерватизма». Берсень, по его мнению, «выражал взгляды современного ему оппозиционного боярства». Он был, таким образом, «оппозиционный консерватор»[72]. Эта характеристика нуждается в существенных ограничениях. Начнем с того, что для первой трети XVI в. вряд ли можно говорить об оппозиционном, консервативном боярстве как об особом социальном явлении. Водораздел в политических силах лежал не между дворянством и боярством, а между широкими кругами феодалов (включая боярство), поддерживавших объединительную политику великих князей, и сторонниками удельно-княжеского сепаратизма. Волей событий Берсень, принадлежавший в молодости к окружению Ива-

---

[69] Там же, стр. 143.
[70] Там же.
[71] *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 224.
[72] *Ключевский.* Соч., т. II, стр. 162—164.

на III, оказался в стороне от победивших позднее сил, возглавленных Василием III. Он был «идеологом старины», но противопоставлял новым временам старые не потому, что ранее господствовала феодальная аристократия (да и сам он по происхождению не аристократ), а потому, что сам Берсень, очутившись вне придворного окружения, был чужд задачам, которые ставил перед своими сподвижниками Василий III. Во взглядах Берсеня призыв к «старине» не означал идеализацию консерватизма. Ведь Федор Курицын для 20-х годов XVI в. также был «стариной».

Критика Берсенем Софии Палеолог вполне соответствовала ненависти к «царьградской принцессе» Вассиана Патрикеева, пострадавшего именно из-за нее в 1499 г., да и всего окружения Дмитрия-внука (в том числе Федора Курицына). Берсень предстает перед нами запоздалым наследником политических идеалов сторонников Дмитрия-внука. В этом только и можно усмотреть следы его политического консерватизма. Таким же «консерватором» был и сам Вассиан Патрикеев, религиозно-философские представления которого перекликались не только с идеалами Нила Сорского, но и с отдельными мыслями Федора Курицына.

Берсень не был столь упрямым ретроградом, каким рисует его В. О. Ключевский. В его взглядах большое место занимали напряженные раздумья о судьбах родины. Берсень входит в круг таких дальнозорких мыслителей, каким был и его коллега по дипломатической службе Федор Карпов. Ряд представлений Берсеня перекликается с русскими реформаторами позднейшего времени, в частности с Пересветовым. Берсень первым в русской публицистике высказал смелую мысль, что «поганые» в своих деяниях могут осуществлять божью правду. Он говорил Максиму: «Хоти у вас цари злочестивые, а ходят так, ино у вас еще бог есть» [73]. В этом можно легко увидать продолжение мысли Федора Курицына о Дракуле — нечестивом правителе, осуществлявшем справедливые реформы. Позднее турецкие порядки ставил в образец И. С. Пересветов, писавший: «Неверный иноплеменник (Мухаммед-Салтан.— *А. З.*) да познал силу божию... турской царь». Причины «нестроений» в Царьграде для Пересветова были еще в большей мере темой для раз-

[73] ААЭ, т. I, № 172, стр. 141.

думий, чем для Берсеня. Наконец, оба публициста говорили об отсутствии «правды» в Русской земле (ср. у Пересветова: «Вера, государь, християнская добра... а правды нет») [74].

Интерес к политическим проблемам и философии, к понятию «правды», о которой размышлял и Федор Карпов, ставит Берсеня Беклемишева в один ряд с мыслителями, овеянными гуманистическими настроениями.

Наконец, возможно, на соборе 1525 г. Максим, как и Берсень, обвинялся в «хуле» на великого князя («великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым») [75]. Основываясь на показаниях Максима Грека о Берсене, данных им во время предварительного следствия, Н. А. Казакова считает, что между собеседниками «по вопросам политическим почти не было точек соприкосновения». Если сам Максим «ни разу не вышел за рамки благонамеренности по отношению к правительству, то второй отрицательно относился к политической линии правительства Василия III». Однако Н. А. Казакова не учитывает специфику источника, который она положила в основу своих наблюдений. В показаниях на следствии, конечно, Максим Грек старался изобразить себя верноподданным, а Берсеня — носителем крамолы. Поэтому о «благонамеренности» Максима и его разногласиях с Берсенем на основании материалов следствия говорить очень трудно [76].

Отвечая на подобное заключение, Н. А. Казакова и в последней работе продолжает утверждать, что «в правдивости (в целом, а не в частностях, конечно) передачи Максимом

---

[74] Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 180, 176.

[75] Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 5. Возможно, речь идет об отношении Максима к казням еретиков, которые проводились в 1504 г. иосифлянами с санкции княжича Василия, будущего московского государя. Против подобных мер возражали нестяжатели (в том числе Вассиан Патрикеев).

[76] *Н. А. Казакова.* Вопрос... стр. 125; *ее же.* Очерки, стр. 224—225. Кстати, Н. А. Казакова преувеличивает степень расхождения взглядов Максима Грека и Берсеня, даже если доверять материалам допроса. Ведь и позиция в турецком вопросе и в характеристике отношения великокняжеской власти к церковному суду обоих лиц, как признает Н. А. Казакова, совпадала. Это не позволяет нам столь решительно отрицать (как Н. А. Казакова) саму возможность того резкого отзыва Максима о Василии III и его системе правления, который ему инкриминировался (см. *Н. А. Казакова.* Вопрос... стр. 127).

его высказываний в беседах с Берсенем вряд ли следует сомневаться». Однако доказательств этого вывода у исследовательницы явно недостаточно. В самом деле, по допросу получается, что Максим горячо сочувствовал укреплению великокняжеской власти. Н. А. Казакова приводит отрывки из сочинений Максима уже 30-х—начала 50-х годов, написанных им в заточении, показывающие, что публицист не чужд был подобным взглядам. Но ничего сходного в ранних произведениях, т.е. созданных Максимом еще на свободе, до 1525 г., нет. Наоборот, в «Послании» Василию III по поводу окончания перевода Толковой псалтыри Максим Грек развивает теорию гармонии светской и духовной власти, которая, по Н. А. Казаковой, представляла собой «несоответствие между системой политических взглядов Максима Грека и процессом государственной централизации» [77].

Максим Грек оговорил не только Берсеня, но и Федора Жареного, который якобы ему пожаловался, что «государь, по моим грехом, пришол жесток, а к людям немилостив».

Об итогах процесса нам известно по четырем летописным сообщениям. В Вологодско-Пермской летописи говорится, что зимой 1525 г. великий князь велел отсечь голову у «боярина своего» Берсеня «на Москве на реке», а у Жареного вырезать язык (за «охульные слова»). Савва и Максим были сосланы в Иосифов монастырь под надежную охрану их злейших врагов [78].

В Типографской летописи о казни Берсеня сказано после сообщения о назначении в Троицкий монастырь Арсения Сахарусова (январь) и прощении князя И. М. Воротынского[79]. Как известно, И. М. Воротынский дал поручную запись в феврале 1525 г. Поэтому когда в летописи сообщалось, что «того ж месяца бысть у великого князя собор с митрополитом» на Максима Грека, то следует этот собор датировать февралем 1525 г. По Типографской летописи, Максим Грек послан был в Иосифов монастырь, а Савва — «на Возмище» (в Возмицкий Волоколамский монастырь). Вместе с тем сообщается, что «того же месяца» и «в том же деле»

---

[77] *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 226, 229.

[78] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 313.

[79] Сама Типографская летопись составлена в Троицком монастыре (см. *А. Н Насонов.* Материалы и исследования... стр. 248—251).

Василий III велел казнить Ивана Беклемишева, а также вырезать язык у «крестового дьяка» Ф. Жареного, наказав его кнутом (торговой казнью)[80].

В Пафнутьевском летописце сохранилось самое подробное сообщение о том, что в 1524/25 г. Василий III «довел ...измену» на Савву и Максима Греков. Это известие было разобрано выше. К этому прибавлено, что Даниил с Освященным собором «довел на них ересь». С ними «в совете» были И. Берсень, П. Муха Карпов и Ф. Жареный. Обвиненные «сказали на соборе во всем виноваты». После этого Василий III «над грекы показал милость», послал Савву в заточение «на Возмище», а Максима — в Иосифов, келейника Афанасия — в Пафнутьев, «а Берсеня велел казнити главною казнию, а Муху велел в темнице заключити, а Жареному велел язык вырезати».

В Холмогорской летописи говорится лапидарно: «Того ж лета поимал князь великий Максима Святогорца. Того ж году Берсеню головы отсекл»[81].

Итак, Максим Грек судился дважды: светским и духовным судами (соборами). На втором (состоялся он в апреле—мае 1525 г.)[82] осуждена была его ересь. Соборы, очевидно, происходили «со скрипом». В среде духовенства не было единодушного мнения по отношению к ереси (мнимой) Максима. Чтобы усилить позицию иосифлян, Даниил в это время на место отставленных иерархов из среды нестяжателей назначает близких к нему лиц. Вместо покинувшего после 1522 г. коломенскую епархию Тихона епископом стал племянник Иосифа Волоцкого Вассиан Топорков (2 апреля 1525 г.), а вместо вологодского епископа Пимена — игумен кирилло-белозерский Алексий (9 апреля). По Строеву, только до 1525 г. упоминается близкий к нестяжателям архиепископ Иоанн Ростовский. Его вакансия (как и другого архиепископа — Новгородского) оказалась во время соборов свободной. В итоге к апрелю—маю 1525 г. оставалось

---

[80] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 22.

[81] *Тихомиров,* стр. 112; ГПБ, Погод. собр. № 1405, л. 437.

[82] «Соборы на Максима и на Саву у великого князя на дворе в полате, также потом соборы многие были у митрополита, в полате его лета 7033 на того Максима в тех хулех, о иных, которые прибыли, взыскивавшеся месяца апреля и месяца мая» (Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 11).

только три иерарха, которые занимали свои посты при Варлааме: верный сторонник иосифлян Досифей Крутицкий, Геннадий Суздальский и Иосиф Смоленский.

«Перебирались людишки» и среди настоятелей крупнейших монастырей. В феврале 1521 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря назначен был старец Белозерской пустыни Порфирий. Но в сентябре 1524 г. он ходатайствовал за опального Шемячича и поэтому был удален со своего поста [83]. Деятельным участником Освященного собора был в 1522 и 1525 гг. архимандрит Симонова монастыря Герасим Замыцкий (с 1520 г.). Он умер «на покое» в Иосифовом монастыре, что говорит о его близости к иосифлянам [84]. Одним из ближайших сподвижников Даниила стал чудовский архимандрит Иона Собина, участник соборных акций 1522 и февраля 1525 г. Он принимал деятельное участие в разбирательстве о Вассиане Патрикееве (1531 г.). В 1522 г. Иона посылался проверять донесение о «чудесах» Макария Калязинского [85].

При таком составе Освященного собора судьба Максима Грека была заранее предрешена. В разбирательстве участвовали также сам Василий III, его братья, «старцы изо многих монастырей, и многим же бояром, князем, и вельможам, и воеводам» [86].

Максим Грек был обвинен в том, что писал «яко седение Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее». Считался он повинным и в том, что отрицал право русских иерархов на поставление митрополита, который, по его представлениям, должен был ставиться в Царьграде. В конкретных условиях это означало выступление против поставления в 1522 г. иосифлянина Даниила [87].

Не исключено, что именно на соборе 1525 г. В. М. Туч-

---

[83] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222; РИБ, т. XXXI, стб. 327.

[84] СГГД, ч. I, № 149, 154; *П. Строев.* Списки, стб. 150.

[85] СГГД, ч. I, № 149, 154. Упоминается еще в 1518 и 1519 гг., с 1544 г.— суздальский епископ (*П. Строев.* Списки, стб. 162). Возможно «Выпись о втором браке Василия III» называла именно его архимандритом Симоновским в XVI столетии (*С. Белокуров.* О библиотеке... стр. LX); *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, стр. 214—215).

[86] Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 1.

[87] Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 5; *Н. А. Казакова.* Вопрос... стр. 108—111.

ков привел речи Максима, враждебные самому Василию III: «Просился, государь, Максим у тобя наперед сего прочь, и ты его не отпустил... И Максим говорил: яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на християнство». Впрочем, Максим факт произнесения этих речей отрицал [88].

Обнаруженное в Сибирском сборнике послание митрополита Даниила в Волоколамский монастырь от 24 мая 1525 г. говорит о том, что Максим был осужден за ложное учение о сидении Христа «одесную Отца», за выступление против поставления русских митрополитов на Москве и за то, что он «иная многая развращенная и пагубная глаголяше»[89]. Это вполне соответствует тем обвинениям, которые, как можно утверждать на основании судебного дела, действительно выдвигались против Максима на соборе 1525 г.

Таковы те достоверные данные, которые имеются в нашем распоряжении об обвинениях, предъявленных Максиму Греку на церковном соборе 1525 г.[90] Н. А. Казакова считает, что «основной причиной осуждения Максима Грека явилось «обличение им вотчинных прав и недостойного поведения духовенства». Но ни на первом (светском), ни на втором (церковном) соборе 1525 г. это обвинение не выдвигалось. Нет ни слова об осуждении нестяжательских взглядов Максима и в грамоте Даниила от 24 мая 1525 г.[91] Ведь в начальный период своего творчества Максим Грек не выступал

---

[88] Сибирский список, л. 340 об., 341; *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 222.

[89] Сибирский список, л. 344—344 об.

[90] Они содержатся в фрагменте судебного следствия 1525 г. и в обвинительной речи Даниила на соборе 1531 г. Подробнее об этом см.: *С. Н. Чернов.* К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком.— «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 48—71; *Н. А. Казакова.* О «судном списке» Максима Грека. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 25—36; *ее же.* Вопрос... стр. 109—126; т. XXIX, 1968, стр. 108—134.

[91] *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 242; *ее же.* Вопрос...— «Византийский временник», т. XXIX, 1968, стр. 133—134. Н. А. Казакова считает, что это осуждение могло скрываться под словами «иная многая... пагубная глаголяше». Однако на соборе 1531 г. о подобных обвинениях говорили прямо, не включая их в неопределенные формулировки. Выражение «иная многая» прикрывает только явно недоказанные обвинения.

еще с обличением стяжательской деятельности русских монастырей («Беседа ума с душой», посвященная этому сюжету, написана уже после 1531 г.)[92]. Н. А. Казакова считает, что обвинение Максима Грека в критике вотчинных прав церкви впервые предъявлялось ему на соборе 1525 г. и в 1531 г. было лишь возобновлено[93]. Однако в речи митрополита Даниила оно сформулировано в настоящем времени («укоряеши и хулиши»), т. е. соотнесено с собором 1531 г., когда судился за нестяжательство и Вассиан Патрикеев, который не подвергался осуждению в 1525 г., несмотря на то что развивал еще за несколько лет до этого нестяжательские идеи.

Герберштейн рассказывает об осуждении Максима очень глухо. Когда Максим Грек «привел в порядок все книги, правила и отдельные уставы, относящиеся до веры», заметив при этом «много весьма тяжких заблуждений», он «объявил лично государю, что тот является совершенным схиматиком, так как не следует ни Римскому, ни Греческому закону». После этого он «исчез, и, по мнению многих, его утопили»[94]. Как видим, Герберштейн ничего определенного о деле Максима Грека не знал. Это и понятно: от имперского посла тщательно скрывали, что Максима обвиняли в том, что он выступал за войну России с Турцией, в которую стремилась втянуть Василия III и Империя.

Осуждение Максима Грека церковным собором позволило Даниилу укрепить свои позиции в среде высших церковных иерархов. Весной 1526 г. архиепископом Ростовским стал архимандрит Спасского Суздальского монастыря Кирилл[95]. Наконец, после длительного промежутка времени занята была и новгородская архиепископия верным иосифлянином, архимандритом Можайского монастыря Макарием (4 марта)[96]. С Макарием Василий III, возможно, познакомился еще осенью 1516 г., когда приезжал в Можайск.

---

[92] Подробнее см. гл. 14.

[93] *Н. А. Казакова.* Вопрос... стр. 131; *ее же.* Очерки, стр. 238.

[94] *Герберштейн,* стр. 65.

[95] ПСРЛ, т. VIII, стр. 271; т. XXII, стр. 520 (11 марта). Был спасским архимандритом еще в 1511 г. (*П. Строев.* Списки, стб. 644).

[96] ПСРЛ, т. IV, стр. 542 (5 марта), 613; т. VI, стр. 264—265, 282. В Лужицком монастыре был еще в 1506 г. (*П. Строев.* Списки, стб. 179).

Теперь можно подвести некоторые итоги. В 1525 г. на соборах у Василия III и митрополита Даниила судились не поступки, а идеи. Максим Грек и Берсень Беклемишев были осуждены за отношение к политике московского государя, к основным вопросам внешней и внутренней политики. Если Максим Грек стоял за решительную борьбу России с Турцией, то Берсень настаивал на мире и с восточными, и с западными соседями России. И то и другое противоречило внешнеполитическим планам Василия III. Отождествить позицию Берсеня с Максимовой дало то обстоятельство, что Берсень «лаял» султана.

Основным вопросом разногласий по внутриполитическим вопросам было отрицательное отношение Максима ко второму браку Василия III. Но о нем на соборе 1525 г. предпочитали умолчать, ибо с канонической точки зрения был прав «Святогорец», а не русский Освященный собор, разрешивший этот брак. К тому же ко времени суда над Максимом развод великого князя еще не состоялся, а Вассиан Патрикеев (главный противник развода) еще не подвергался осуждению. Взгляды Максима и Берсеня по вопросу о разводе Василия III могут быть восстановлены только по косвенным свидетельствам — близости обоих лиц к Сабуровым и рассказу «Выписи о втором браке».

С разводом Василия III, возможно, связано и падение казначея Юрия Малого Траханиота. В 44-м ящике царского архива хранилась «сказка» Юрия Грека «про немочь» Соломонии Сабуровой [97].

Расправа с Берсенем и Максимом Греком облегчила Василию III развод с Соломонией. В литературе бытует мнение, что не позднее 1520 г. Нил Грек, епископ Тверской (умер 3 апреля 1521 г.), ходил в Царьград с целью получить благословение патриархов на развод Василия III. Поездка Нила Грека в Царьград действительно имела место [98]. Вопрос только состоит в том, когда она была и какую цель

---

[97] «Списки — сказка Юрья Малого, и Стефаниды резанки, и Ивана Юрьева, сына Сабурова, и Машки кореленки, и иных про немочь великие княгини Соломониды» (Описи, ящик 44, стр. 23).

[98] *Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, 1-я половина, стр. 733. В царском архиве хранились «Списки владыки тверскаго Нила, что послан был к патриарху в Царьгород» (Описи, ящик 36, стр. 22).

преследовала. В «Выписи о втором браке» рассказывается, что после ссылки Максима Грека в Тверь и Вассиана Патрикеева в Иосифов монастырь (это было в 1531 г.) Василий III пишет послание четырем патриархам о разводе. В ответ иерусалимский патриарх Марк предупреждал: «За прелюбодеяние бо воздаются царем порушению царствию их» [99]. Текст явно навеянный уже крутыми временами Ивана Грозного. «Выпись о браке» не согласуется с данными о жизни Нила Грека. Поэтому мы не склонны его поездку связывать с разводом великого князя. Никаких грамот патриархов Василию III до нас не дошло [100].

Исследователи уже давно связывали строительство Девичьего монастыря со взятием Смоленска. И действительно, об этом писал сам Василий III в своем завещании в 1523 г.: «Да коли есми з божиею волею достал своей отчины города Смоленьска и земли Смоленьские, и яз тогды обещал поставити на Москве на посаде Девичь манастырь, а в нем храм во имя Пречистые да Происхождение честнаго креста и иные храмы» [101]. Однако до лета 1523 г. великий князь «того монастыря състроити не успел».

Только 13 мая 1524 г. строительство было начато. Обратим, однако, внимание на то, что задумано строительство этого женского монастыря было именно в 1523 г., когда встал вопрос о разводе великого князя с Соломонией. Поэтому замысел и само строительство монастыря скорее всего связаны или с заботой Василия о «чадородии» Соломонии, или с планами ее пострижения. Во всяком случае надзор над строительством должна была осуществлять старица Елена Девочкина, привезенная в Москву вместе с 18 монахинями Покровского Суздальского монастыря, той самой обители, в которую вскоре была заточена Соломония. Создавая как бы московский филиал Покровского монастыря, Василий III задабривал его власти, как он поступал и позднее

---

[99] *С. А. Белокуров.* О библиотеке... прил., стр. LX.

[100] Отзвук дела Максима Грека А. В. Флоровский видел в поездке на Русь виленского книгопечатника Франциска Скорины (около 1525—1530 гг.). Привезенные им в Москву первопечатные книги были сожжены по приказу великого князя, так как изданы были людьми, «преданными римской церкви» (*А. В. Флоровский.* Франциск Скорина и Москва. — ТОДРЛ, т. XXIV, стр. 135—158).

[101] ДДГ, № 100, стр. 415.

(после пострижения Соломонии), щедро одаряя землями и деньгами покровских стариц.

Весной 1525 г. в Москве за посадом «под Воробьевом» завершена была постройка нового Девича монастыря. Составитель Русского временника так записал об этом событии: «Тоя ж весны поставлен бысть нов монастырь у града Москвы за посадом, в нем церковь во имя Пречистые богородицы Одигитрия и святых апостол Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармены». Освящена была церковь этого монастыря («Одигитрия святой богородицы») в июле того же 1525 г., а расписана — в 1526—1530 гг.[102]

Василий III долго не решался на развод. Еще в 7033 г. (в сентябре 1524 — августе 1525 г.) он «с великою княгинею» ездил в Волоколамск и Можайск в «объезд». В том же году от имени московского государя и Соломонии в Троицкий монастырь была пожертвована икона с молением о «чадородии» («подай же им, господи, плод чрева»), а также покров с изображением Сергия Радонежского. Поездка великого князя «в объезд» на следующий 7034 г. (с 10 сентября по 10 ноября 1525 г.) уже была совершена без великой княгини [103]. Вопрос был решен.

После розыска о «неплодстве» [104] в ноябре 1525 г. Соломония Сабурова была пострижена в монахини под именем Софии [105]. По официальной версии, это произошло из-за болезни первой супруги великого князя. В кругах митрополита Даниила писали даже, что сама Соломония, «видя неплодство из чрева своего», просила разрешить ей принять

---

[102] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 271; т. XXIV, стр. 222. К 23 июля 1525 г. из Благовещенского собора в Смоленский собор перенесен «список» смоленской иконы богоматери (ГИМ, Чудов, № 300; *Л. С. Ретковская.* Смоленский собор Новодевичьего монастыря. М., 1954, стр. 9, 23).

[103] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 21 об.

[104] Из этого «розыска» сохранилась только «память» И. Ю. Сабурова о том, как Соломония пыталась излечиться от неплодия (АИ, т. I, № 130, стр. 192).

[105] По Постниковскому летописцу, на нее возложена «опала» 28 ноября, а 29 ноября она пострижена (*М. Н. Тихомиров.* Записки о регентстве Елены Глинской. — «Исторические записки», кн. 46, стр. 280). По Вологодско-Пермской летописи, пострижена в декабре (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 313), по Воскресенской — в ноябре (ПСРЛ, т. VIII, стр. 271; РВ, стр. 342), по другим летописям — 30 ноября (НЛ, стр. 124).

постриг. Великий князь якобы долго сопротивлялся этому, но после того, как Соломония обратилась к Даниилу, вынужден был согласиться на ее просьбу. О вступлении во второй брак, по утверждению автора этой версии, просили Василия III и сам митрополит, и братья великого князя Юрий и Андрей.

В других же летописях говорится глухо, что Соломония была пострижена «бесплодия ради», или деловито: «По совету ея, тягости ради и болезни и бездетства» [106]. На самом же деле великая княгиня отнюдь не хотела принимать монастырский постриг. Курбский писал, что Василий III постриг Соломонию, «не хотящу и не мыслящу ей о том». Подробно об этих событиях рассказывает Герберштейн. Соломония, оказывается, энергично сопротивлялась постригу и растоптала монашеское одеяние. Тогда один из ближайших советников Василия III, Иван Шигона, не только выразил ей резкое порицание, «но и ударил ее бичом». После того как Шигона сказал, что пострижение производится по воле государя, Соломония смирилась со своей участью [107]. Пострижена была Соломония «у Рождества Пречистые на Рве», после чего сослана в Каргополь на пять лет, а затем переведена в Покровский Суздальский монастырь [108]. Впрочем, сохранилась жалованная грамота Василия III от 19 сентября 1526 г. в Покровский монастырь, в которой читаем: «Пожаловал старицу Софию в Суздале своим селом Вышеславским... до ее живота». 7 мая 1526 г. великий князь пожаловал Покровский монастырь селом Павловским Суздальского уезда [109]. Возможно, все это было запоздалой компенсацией за насилие, совершенное над первой своей женой. Умерла Соломония 18 декабря 1542 г.

После 1525 г. с политического горизонта надолго исчез и Шигона, который, очевидно, переусердствовал в своем

---

[106] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 274; т. XXIV, стр. 222—223; *Тихомиров,* стр. 111—112; *его же.* Записки... стр. 280; *А. Н. Насонов.* Материалы и исследования... стр. 248—250; *Ю. К. Бегунов.* Повесть... стр. 115—118.

[107] РИБ, т. XXXI, стб. 162—163; *Герберштейн,* стр. 38.

[108] *М. Н. Тихомиров.* Записки... стр. 280; РИБ, т. XXXI, стб. 163.

[109] *Карамзин,* т. VII, прим. 280; ср. ЦГАДА, ф. 135, отд. 1, рубр. IV, № 22, л. 1; АИ, т. 1, № 131, стр. 192—193.

стремлении угодить Василию III при пострижении Соломонии.

Широко бытует предание о том, что Соломония уже в иночестве родила сына от Василия III, который в детском возрасте скончался. Оно возникло очень рано. О нем сообщает уже Герберштейн. Этот слух подтверждали жены казначея Юрия Малого (к тому времени уже опального) и постельничего Якова Мансурова со ссылкой на признание самой Соломонии. Василий III, узнав об этом слухе, страшно разгневался, приказал подвергнуть жену Юрия бичеванию, но все же послал в монастырь комиссию в составе дьяков Меньшого Путятина и Третьяка Ракова разузнать правильность этого слуха. Герберштейн добавляет, что одни говорили о рождении у Соломонии сына Юрия, а другие это отрицали [110].

Искусствовед А. Варганов, проводивший в 1934 г. археологические разведки, обнаружил одежду мальчика в старинной гробнице [111]. Всего этого, конечно, недостаточно, чтобы признать достоверность слуха о рождении у Соломонии сына.

Не прошло и двух месяцев после насильственного пострижения Соломонии, как 21 января 1526 г. великий князь всея Руси Василий Иванович сочетался вторым браком. На этот раз его женой стала Елена Васильевна Глинская, племянница находившегося в заточении князя Михаила Львовича Глинского [112].

Позднее Псковский летописец записал: «А все то за наше согрешение яко же написал апостол: пустя жену свою, а оженится иною, прелюбы творит». Пафнутьевский летописец сообщает, что великий князь «возлюбил» Елену «лепоты ради лица и благообразиа възраста, наипаче ж целомудриа ради» [113].

---

[110] См., например, *И. Токмаков.* Описание Покровского монастыря в Суздале. Владимир, 1913, стр. 46; *Н. Н. Воронин.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1958, стр. 232—236; *Герберштейн,* стр. 38—39.

[111] *Е. С. Видонова.* Детская одежда начала XVI в.— «Краткое сообщение Института истории материальной культуры АН СССР», вып. 36. М.—Л., 1941, стр. 68—75.

[112] ПСРЛ, т. IV, стр. 542, 613; т. VI, стр. 246 (24 января); *Тихомиров,* стр. 113—114 (28 января); Э, л. 84; ЦГАДА, ф. 156, д. 1.

[113] ПЛ, вып. 2, стр. 227; *Тихомиров,* стр. 113—114.

Беря в жены представительницу влиятельнейшей семьи из состава служилых князей, Василий III как бы торжественно провозглашал династическое соединение Северо-Восточной Руси с западнорусскими землями. Герберштейн, объясняя причины брака, писал, что Василий III помимо желания иметь наследника «руководствовался двумя соображениями: во-первых, тесть его вел свой род от семейства Петрович, которое пользовалось некогда громкой славой в Венгрии и исповедовало греческую веру». Этот брак, следовательно, укреплял русско-молдавский союз, своим острием направленный против Сигизмунда. Повторялась история с отцом великого князя, когда Иван III женился на дочери валашского господаря Стефана.

Вторым соображением Василия III Герберштейн считает то, что великий князь рассчитывал на князя Михаила как на опекуна, в случае если сам Василий Иванович умрет, а после его смерти останутся малолетние дети, положение которых будет небезопасно при наличии братьев князя Василия, претендовавших на великокняжеский престол. Во всяком случае, продолжает Герберштейн, «в нашу бытность там (т.е. до 22 ноября 1525 г.— *А. З.*) стали вести переговоры об освобождении Михаила; мало того, нам довелось видеть, как с него сняли оковы, с почетом отпустили его на поруки, затем даровали и полную свободу». Впрочем, на полную свободу князь Михаил был отпущен только в феврале 1527 г.[114]

Можно обратить внимание на три дополнительных обстоятельства в связи с браком Василия III. Родственные узы с виднейшей литовско-русской княжеской фамилией укрепляли позиции московского государя в Литве. Глинские вели свой род от ханов Большой орды, чингизида Ахмата [115]. Это представляло существенный интерес для борьбы за решение казанской проблемы. Назначение царевича Петра наследником, казалось, создало возможность мирного воссоединения России и Казани в единое государство. Но в 1523 г. Петр умер. В Казани укрепился крымский ставленник. Казанский поход 1524 г. окончился неудачей. Брак

---

[114] *Герберштейн*, стр. 39. См. также гл. 13.

[115] *Y. Wolff*. Kniaziowie Litewsko-russcy. Warszawa, 1895, str. 77—86

с Еленой Глинской вновь создавал династические предпосылки для возобновления борьбы за наследие ханов Золотой орды.

Было и еще одно обстоятельство, которое мог учитывать Василий III, останавливая свой взор на Елене Глинской. Дело в том, что император Максимилиан уже давно ходатайствовал за освобождение князя Михаила Глинского, хорошо известного на Западе. Еще в 1517 г. С. Герберштейн передал эту просьбу императора Василию III [116], который ответил отказом, сообщив послу, что Глинский вообще-то был приговорен к казни, но он просил митрополита Варлаама, «чтобы ему опять быти в Греческом законе», т.е. речь шла о переходе Глинского в православие. Варлаам его «от казни взял» и «пытает, чтобы он не неволею приступил к вере». В конце 1522 г. русские послы, отправленные к Сигизмунду, на вопрос о судьбе Глинского должны были отвечать, что он «ныне» перешел «в Греческий закон», а «его государь наш в своей опале освободил» [117]. Когда в конце 1525 г. решался вопрос о браке Василия III, в Москве опять находился Герберштейн, с которым снова велись разговоры о князе Михаиле [118]. Брак с племянницей Михаила Глинского и освобождение его самого из заточения должны были содействовать успеху переговоров России с Империей.

---

[116] Сб. РИО, т. XXXV, стр. 544; *Герберштейн,* стр. 172.
[117] ПСРЛ, т. XXXVI, стр. 546; Сб. РИО, т. 35, стр. 661.
[118] *Герберштейн,* стр. 172.

ДИПЛОМАТИЯ И ЕЩЕ РАЗ ДИПЛОМАТИЯ

Год 1525-й был богат событиями. Начался он казнью Берсеня Беклемишева и осуждением Максима Грека, а кончился разводом с Соломонией Сабуровой. Год вообще выдался тяжелый. Летом в стране была страшная засуха (с 4 июня по 15 августа). Четыре недели стояла такая мгла, что, по словам современника, не было видно ни солнца, ни луны. Следствие засухи — пожары. 12 мая сгорела вся Вологда с 30 церквами. Зной выжег все поля. Поэтому цены на хлеб возрастали в 7—10 раз. В Ярославле и других соседних городах «не родилось никакое жито, ни обилие, ни сено». В Галицкой украине люди умирали «по дорогам и по дворам» [1].

В обстановке внутриполитических осложнений правительство Василия III и не помышляло об активизации внешней политики. Все его усилия были направлены на укрепление добрососедских связей с восточными и западными державами.

В апреле 1525 г. в Москву прибыл крымский гонец Девлет-Килдей, который привез долгожданную шертную грамоту Саадат-Гирея. Правда, крымский хан настаивал на присылке ему «поминков». Но его требование московскими дипломатами было решительно отведено. Крымские послы были приведены к присяге в том, что Саадат-Гирей по-прежнему будет «в дружбе и братстве» с Василием III. С этими шертными грамотами в конце мая послы

[1] *Герберштейн,* стр. 98; ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 161; т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 271; т. XIII, стр. 45; т. XX, стр. 463; т. XXII, стр. 520; РВ, стр. 342; *Кунцевич*, стр. 602—603.

вместе с русским гонцом Темишем Кадышевым отбыли в Крым [2].

Впрочем, никакого реального значения этот договор не имел, ибо положение Саадат-Гирея в Крыму было крайне непрочным. Гораздо более существенным было укрепление южной границы, в частности начало строительства каменного кремля в многострадальной Коломне, подвергшейся разгрому во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г.[3] Строительство было делом трудным и закончилось только в 1531 г.

Беспокойство великого князя в связи с неустойчивым положением на юге было вполне обоснованным. 20 мая 1525 г. казаки и рязанцы писали ему из Азова о том, что крымский хан готовится к походу на Русь. Якобы сам Сулейман послал хану в помощь отряд в 15 или даже в 30 тыс. воинов. Султан особенно «раздражился» тем, что великий князь «не жаловал» Скиндера «да и с очей его сослал и царю, деи, отоманскому лаял» [4]. Во главе 50-тысячного войска поставили бывшего казанского хана Сагиб-Гирея. Не успел он выступить в поход на Русь, как Ислам-Гирей снова провозгласил себя ханом. В Крыму началась затяжная междоусобная борьба. Несмотря на то что Саадат-Гирею уже вскоре удалось опять овладеть положением, поход на русские «украины» был сорван. В октябре 1525 г. в Москву вернулся И. А. Колычев, пробывший на посольстве в Крыму более двух с половиной лет [5].

На западных рубежах России царили тишина и покой. С Литвой происходил лишь обмен гонцами и грамотами, содержавшими обычные жалобы на порубежные недоразумения. Обе стороны в самой общей форме выражали желание заключить «вечный мир». Но дальше общих пожеланий дело не двигалось.

Нараставшая турецкая угроза заставляла императора и римского папу настойчиво добиваться союза с Россией.

Еще 25 мая 1524 г. папа Климент VII обратился с посланием к Василию III. В нем повторялись старые призывы

---

[2] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 85 об. — 98.
[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 264; т. VIII, стр. 271.
[4] *Дунаев,* стр. 83.
[5] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 110.

к заключению церковной унии. В компенсацию за это папа предлагал московскому государю королевский титул [6]. Несмотря на то что формально предложение папы не было обусловлено обязательством России принять участие в антитурецком «крестовом походе», оно сохраняло явно утопический характер. Время кровавых подвигов крестоносцев давно уже прошло.

С посланием Климента VII на Русь вторично отправился предприимчивый Паоло Центурионе. Пробыв два месяца в Москве и ни в чем не преуспев, в начале апреля 1525 г. он отбыл обратно в Рим. Вместе с ним отправился и русский посол Дмитрий Герасимов с ответным посланием Василия III папе. Выбор русского посла, одного из образованнейших людей своего времени, оказался на редкость удачным [7].

В Риме Герасимова встретили с большим почетом. Он передал папе послание Василия III, в котором очень туманно говорилось о необходимости борьбы с «неверными» и вовсе умалчивалось об унии. Герасимов должен был достичь совершенно реальной цели — найти мастеров и инженеров, столь необходимых для России [8]. Его рассказы о России произвели в Риме громадное впечатление и были записаны Павлом Иовием [9].

6 апреля 1525 г. русское посольство князя И. И. Засекина получило аудиенцию в Мадриде у Карла V. Подробности переговоров при имперском дворе нам остаются неизвестными. Но очевидно, император хлопотал о скорейшем заключении «вечного мира» России с Польшей. Перед лицом угрозы со стороны Турции Карлу было необходимо добиться если не прямого привлечения России в состав антитурецкой коалиции, то во всяком случае безопасности восточных гра-

---

[6] «Переписка пап» № 2, стр. 9—15; *Пирлинг,* стр. 310; *Успенский,* стр. 390—391; *И. Б. Греков,* стр. 254.

[7] АЗР, т. II, № 134; Сб. РИО, т. 35, стр. 692—698; «Переписка пап» № 3, стр. 19—21. См. письмо Сигизмунда Клименту VII с одобрением миссии Центурионе (НРМ, № CXXX), а также отрывок из рассказа о посольстве Дм. Герасимова (там же, № CXXVII). О Герасимове подробнее см. гл. 14.

[8] *Герберштейн,* стр. 255—256. Грамота здесь датирована 3 апреля 1522 г. Подробнее см.: *Пирлинг,* стр. 312—316.

[9] *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве.— *Герберштейн,* стр. 251—275.

ниц государства своего союзника Сигизмунда. Со своей стороны князь И. И. Засекин, вероятно, стремился добиться подтверждения союзного договора 1514 г., столь выгодного для России.

Любопытно, что, направляясь в Испанию, русские послы по пути побывали в Англии, нанесли первый в истории русско-английских отношений визит в эту страну [10].

С посольством И. И. Засекина к Карлу V связано письмо Альберта Кампензе папе Клименту VII. Этот римский дипломат настаивал на укреплении связи Ватикана с Россией, что помогло бы борьбе папы с растущим реформационным движением и турецкой опасностью [11]. Он давал папе настоятельные рекомендации отправить дипломатическую миссию в Москву, что в скором времени и было сделано.

1526 год, начавшийся торжествами по случаю вступления Василия III в новый брак, прошел сравнительно спокойно, хотя внутри страны положение было напряженное. В различных местностях России зима была по-прежнему голодная. Дороговизну отмечали летописцы в Галиче, Унже, Чухломе, Костроме, а также на Вологде и в Тотьме [12]. В результате многие «люди маломощные» погибли от недоедания и болезней. В конце года «мор страшен» был в Деревской пятине и самом Новгороде [13].

Соседи России в 1526 г. заняты были главным образом делами, которые непосредственно ее не касались. В Крыму продолжалась с переменным успехом междоусобица между Саадат-Гиреем и Ислам-Гиреем. В апреле Саадат-Гирей направил в Москву гонца с изъявлением дружбы, но уже летом того же года собрался в поход на Русь. Однако в это время против него выступил Ислам-Гирей и его «ис Крыма

---

[10] *Übersberger,* S. 184. См. об этом: *Я. С. Лурье.* Открытие Англии русскими в начале XVI в. — «Географический сборник», т. III. М.—Л., 1954, стр. 185—187.

[11] «Библиотека иностранных писателей о России», отд. I, кн. I. СПб., 1836, стр. 5—112. Подробнее см.: *Греков*, стр. 250—292.

[12] Хлеб в Галиче стоил четверть 1,5 руб., а в Костроме — 25 алтын (ПСРЛ, т. XXII, стр. 520). На Вологде хлеб стоил 20 алтын и больше (четверть), на Тотьме — рубль, в Москве — 6 алтын (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 313). По другим данным, на Вологде четверть стоила 25 алтын (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 161) или даже рубль и выше (ГБЛ, Костромс. собр. № 45, л. 34).

[13] ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 161; НЛ, стр. 321.

збил»[14]. В конце концов к декабрю дело окончилось полюбовным соглашением.

Казань стремилась сохранить мирные отношения с Москвой. В марте 1526 г. от Сафа-Гирея в столицу Русского государства прибыли его послы князья Казый и Чура и бакшей Тевель[15].

В обстановке все усиливавшейся турецкой опасности в конце 1525 г. в Москву было отправлено посольство Карла V во главе с графом Леонардом Нугарола («от комит»), представителем Фердинанда при нем был уже побывавший ранее в России Сигизмунд Герберштейн. 26 апреля 1526 г. послы (вместе с И. И. Засекиным) прибыли ко двору Василия III[16]. Их цель состояла не только в том, чтобы ускорить заключение русско-литовского мирного договора, но и в том, чтобы склонить Россию к участию в совместной борьбе Фердинанда и Людвига Венгерского с турками[17]. Послы изложили свои предложения Василию III. Тот в свою очередь настаивал на заключении союзного договора с Империей по образцу 1514 г., что подразумевало тесный русско-имперский союз против Сигизмунда.

Это Карла V устроить не могло. Переговоры затягивались еще и потому, что великий князь резонно заявлял, что вопросы русско-литовских отношений должны рассматриваться лишь после прибытия в Москву послов самого Сигизмунда. Тогда Нугарола и Герберштейн направили к великому князю Литовскому гонцов из своей свиты, которые должны были добиться его согласия на присылку послов московскому государю.

Тем временем (20 июля) в столицу вернулось посольство Дмитрия Герасимова с епископом Иоанном (Джаном) Скаренским. Папский представитель пытался ценой посреднического участия в деле заключения русско-литовского мира добиться от Василия III принятия унии с католической

---

[14] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 112 об.; *Малиновский*, стр. 248—249; *Дунаев*, стр. 82.

[15] ПСРЛ, т. VIII, стр. 271.

[16] Там же: Сб. РИО, т. 35, стр. 710—711; HRM, № CXXVIII. По возвращении кн. Засекина Василий III не преминул конфисковать все дары, которые получил этот дипломат при имперском дворе (*Герберштейн*, стр. 22, 125, 194).

[17] *Übersberger*, S. 183—214.

церковью [18]. Великий князь держался уклончиво и ограничился тем, что вскоре направил в Рим новое посольство [19].

Пока Сигизмунд медлил, на сторону России в июле 1526 г. перешел один из виднейших магнатов Великого княжества Литовского — князь Ф. М. Мстиславский. Московский государь радушно встретил этого вельможу. Ему даны были «в вотчину» Ярославец, Кременец и волости Суходрев, Мышега, еще недавно принадлежавшие В. Шемячичу, а также «в кормление» Кашира [20].

В августе 1526 г. в битве с турками при Могаче погиб венгерский король Людвиг Ягеллон. Это событие крайне осложнило положение в Восточной Европе и привело к длительной борьбе Империи и других держав за венгерскую корону. 13 ноября того же года сейм в Фейерваре избрал венгерским королем трансильванского воеводу Яна Заполью. Но почти одновременно (16 декабря) группа венгерских магнатов в Братиславе провозгласила королем брата императора Карла V Фердинанда I Чешского (женатого на сестре погибшего короля Людвига). Началась длительная междоусобная борьба между сторонниками обоих королей. Она сразу же осложнилась соперничеством Карла V (поддерживающего Фердинанда) и польской шляхты, горячей сторонницы Яна Запольи, пользовавшегося покровительством турецкого султана. Сам же польский король Сигизмунд придерживался политики нейтралитета, скорее благожелательного по отношению к Фердинанду.

Венгерские события, тесно связанные с ростом турецкой угрозы, а также энергичный нажим имперской и польской дипломатии заставили Сигизмунда искать путей к установлению прочного мира с Россией: ведь в 1527 г. кончалось пятилетнее русско-литовское перемирие; нужно было думать о дальнейшем.

14 октября в Можайск, где в это время находился «на

---

[18] ПСРЛ, т. VIII, стр. 271; Сб. РИО, т. 35, стр. 710—711; *Пирлинг,* стр. 317—329. По пути в Москву посольство побывало при дворе Сигизмунда и выслушало его точку зрения на условия мира с Россией («Acta Tomiciana», t. VIII, N XXXII).

[19] См. грамоту от декабря 1526 г. Василия III Клименту VII о посылке в Рим Еремея Матвеевича Трусова и дьяка Тимофея Семеновича Лодыгина («Переписка пап» № 24, стр. 25—26).

[20] ПСРЛ, т. VIII, стр. 271.

потехе» Василий III, прибыли литовские представители — полоцкий воевода Петр Станиславович Кишка и подскарбий Богуш [21]. Здесь в присутствии папских и имперских послов начались переговоры. Литовские представители непременным условием заключения мира ставили уступку Смоленска. Русская сторона на это категорически не соглашалась. Тогда Кишка и Богуш пошли на заключение нового, теперь уже шестилетнего, перемирия [22]. С этим литовское посольство и покинуло Можайск. Вместе с ним в ноябре 1526 г. из России уехали Нугарола и Герберштейн. Несколько позже отправился в Рим папский легат, которого сопровождали дьяк Еремей Трусов и Шарап Лодыгин [23]. В декабре для подтверждения заключенного перемирия в Литву выезжала миссия окольничего И. В. Ляцкого и дьяка Елизара Цыплятева. 28 февраля 1527 г. Сигизмунд I подписал договор, продлевающий на шесть лет (с 25 декабря 1526 по 25 декабря 1532 г.) перемирие между Литвой и Россией [24]. Это было крупной победой русской дипломатии. Надежды Сигизмунда на возвращение Смоленска становились все более и более несбыточными. Планы церковной унии и антитурецкие проекты Империи были тактично, но вместе с тем решительно отклонены русскими дипломатами.

Добившись успешного завершения переговоров с Великим княжеством Литовским, Василий III отправляется в большую поездку на богомолье в Тихвин к Пречистой (9 декабря 1526 г.—6 января 1527 г.) [25].

Следующие три года (1527—1529) прошли в обстановке относительного спокойствия, воцарившегося на рубежах Русского государства, и спада дипломатической активности правительства Василия III.

---

[21] Сб. РИО, т. 35, стр. 712—731; ПСРЛ, т. VIII, стр. 271—272; АЗР, т. II, № 120, 145.

[22] Перемирная грамота от имени Василия III составлена была в ноябре 1526 г. (Сб. РИО, т. 35, стр. 743—747).

[23] Русская миссия из Рима вернулась в июне 1528 г. (ГПБ, Q, XVII, № 64, л. 308).

[24] Сб. РИО, т. 35, стр. 732—760; СГГД, ч. V, № 102.

[25] ПСРЛ, т. VI, стр. 265, 283; т. VIII, стр. 272; *Дунаев,* стр. 82; *Малиновский,* стр. 249. Очевидно, во время этой поездки Василий III написал Елене Глинской письмо, в котором обещал вернуться в Москву к Крещенью (6 января). См. «Письма русских государей», т. I. М., 1848, № 1, стр. 3.

Еще в декабре 1526 г. в Москву вернулись торговые люди, посланные Василием III в Царьград, а с ними появился вездесущий турецкий торговый представитель Скиндер, вызвавший уже в прошлый свой визит гнев великого князя. В грамоте султана, которую привез с собой Скиндер, и на этот раз ничего не говорилось об укреплении дипломатических контактов (в чем нуждался московский государь), а лишь содержалась просьба оказать содействие Скиндеру в его торговых операциях. Получив весьма прохладный ответ, Скиндер в ноябре 1527 г. покинул Россию. Не сдвинула вопроса о русско-турецких отношениях и торговая миссия грека Андреана (1528 г.)[26].

Турция, занятая войной с Империей, не уделяла сношениям с Россией сколько-нибудь достаточного внимания. В мае 1529 г. огромная турецкая армия вторглась в пределы Венгрии, уже в сентябре она осадила Вену. Однако под Веной Сулейману I было нанесено решительное поражение, и в середине октября султан вынужден был отступить от стен этого города.

Как раз в это самое время в Москву снова прибыл злополучный Скиндер. 17 октября он был принят в Можайске Василием III. На этот раз визит в Россию Скиндера окончился его смертью (в декабре), причины которой так и остаются невыясненными.

Сколько-нибудь существенных переговоров со странами Запада в 1527—1529 гг. не происходило.

Василий III в эти годы много времени находился в поездках. Так, лето 1527 г. (до 15 августа) он провел с Еленой Глинской в подмосковном селе Воробьеве[27]. Большую поездку он совершил осенью и зимой 1528 г., побывал в Александрове (Новой слободе), на Волоке (20 октября), в Переяславле, Ярославле, Вологде, а также в Кириллове и других северных монастырях[28]. Во время поездки он совершал моления с просьбой об «отроде», т.е. рождении наследника.

---

[26] *Дунаев,* стр. 82—84; Грамота Сулеймана I Василию III с просьбой оказать содействие Андреану датирована апрелем 1528 г. (СГГД, ч. V, № 103; *Дунаев,* стр. 84—85).

[27] ПСРЛ, т. VIII, стр. 272; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 23—23 об.; *Герберштейн,* стр. 244—245.

[28] ПСРЛ, т. VI, стр. 265; т. VIII, стр. 272; АФЗХ, ч. II, № 103; *Дунаев,* стр. 84; *Малиновский,* стр. 249.

Осенью 1529 г. Василий III находился в Можайске, очевидно на охоте[29].

Убедившись в полном провале своих планов церковной унии, папский двор охладел к «московиту». Занятые борьбой с турецкой опасностью и венгерской проблемой, Карл V и Фердинанд поняли, что участия России в антитурецкой лиге им не добиться. Поэтому они перестали проявлять какой-либо интерес к союзу с Россией. Только в 1527/28 г. вернулись в Москву посылавшиеся к Карлу V Ляпун Осинин и Андрей Волосатый. С ними прибыли Степан Клинчич, посол «угорского Фердинанда короля». С ответным визитом к Фердинанду отправлены были вместе с Клинчичем Мешок Квашнин и Шелоня Булгаков (возвратившиеся на Русь, очевидно, в 1531/32 г.)[30]. О характере их переговоров нам ничего не известно.

После заключения перемирия с Москвой и Великое княжество Литовское переключило свою дипломатическую и военную активность на другие направления (главным образом на борьбу с Крымом и на венгерскую войну). Обмен посольствами с Россией в это время продолжался, но речь в них шла главным образом о мелких пограничных спорах и других повседневных делах дипломатической практики[31]. Летом 1529 г. в Москве побывали посланцы Литвы Матвей Янович и Василий Чиж, зондировавшие вопрос о возможности заключения «вечного мира» с Россией (на условиях прежнего перемирия). Их дипломатические усилия встретили при дворе Василия III благоприятное отношение[32]. Впрочем, переговоры о мире шли очень вяло.

Старый союзник Василия III Христиерн II находился в это время в изгнании и рассчитывал в борьбе за престол только на иноземную помощь. Именно с этой целью в начале 1527 г. он направил ко двору Василия III своего адмирала Северина Норбю, базировавшегося на Готланде. Этот

---

[29] *Дунаев*, стр. 86—88.

[30] Описи, стр. 113.

[31] В декабре 1527 — январе 1528 г. в Москве от Сигизмунда был посланец Иван Якимов (Сб. РИО, т. 35, стр. 760—768). В феврале 1529 г. в Литву отправлено посольство Ф. Афанасьева. Оно добилось пропуска русского посла К. Т. Замыцкого к «волошскому государю» (там же, стр. 785—787).

[32] Сб. РИО, т. 35, стр. 785—798.

дерзкий корсар в течение некоторого времени (возможно, с русской помощью) нападал на ганзейские корабли, враждебные Христиерну. Однако более активную поддержку неудачливому датскому королю Василий III оказывать не собирался. Он даже предложил Северину Норбю перейти на русскую службу. Однако тот отказался это сделать, чем навлек на себя гнев московского государя. Более полутора лет Норбю провел в России и в конце концов был отпущен Василием III на родину [33]. Русские послы при дворе Сигизмунда I жаловались (трудно сказать, с какой степенью искренности) на действия Норбю как «морского разбойника».

Новым элементом в международных связях России было возобновление сношений с Молдавией. В 1527 г. молдавским господарем стал Петр Рареш (1527—1538 гг.). Осуществляя твердую и вполне самостоятельную от Порты политику, он поддерживал украинское население в его борьбе с польским магнатством [34]. Естественным союзником Петра Рареша должно было стать Русское государство. Надо иметь в виду также и семейные связи молдавского господаря и великого князя всея Руси: Петр Рареш был женат на двоюродной сестре Елены Глинской [35]. В начале 1529 г. Петр Рареш прислал в Москву посольство боярина и казначея Думы Кузмича и Томы Иванова. В феврале в Сучаву отправлено было ответное посольство К. Т. Замыцкого, которому после всевозможных перипетий удалось выполнить свою миссию. 14 августа Замыцкий вернулся в Москву. Сопровождавших его молдавских послов боярина и баркулаба Александра Кержу и Тому Иванова Сигизмунд, через владения которого

---

[33] Грамота в Колывань о прибытии «на службу» Северина датируется 19 марта 1527 г. (РИБ, т. XV, № 21—23. Ср. т. XVI, № 11). Ср. «списки обыску Ивана Денисова в Севринове деле» (Описи, ящик 28, стр. 21); см. также: *Гильдебранд,* № 552—553. См. грамоту Василия III от апреля 1528 г. (РИБ, т. XVI, № 12, стб. 35—36); *Герберштейн,* стр. 68.

[34] См. также: *G. Bezviconi.* Contribuţii la istoria relaţilor Romino — Ruse. Bucureşti, 1962, p. 47—48.

[35] Подробнее см.: *М. Н. Тихомиров.* Петр Рареш и Иван Грозный.— «Omagiu lui P. Constantinescu—Jasi». Bucureşti, 1965, p. 193—195; *его же.* Страница из жизни Ивана Пересветова. — «Русско-европейские литературные связи». М.—Л., 1966, стр. 399—402; Сб. РИО, т. 35, стр. 772.

они направлялись в Москву, задержал у себя [36]. Тогда московское правительство попыталось наладить связь с Молдавией через крымские владения.

В феврале 1530 г. Василий III писал Ислам-Гирею: «Мы Петра Стефановича, воеводу волошского, взяли к себе в приательство» — и просил крымского хана пропускать молдавских послов беспрепятственно на Русь [37].

Весной 1530 г. между Москвой и Вильной велись длительные переговоры о пропуске через литовские земли Кержи на Русь и великокняжеского посла в Молдавию [38]. Чем они завершились, не вполне ясно.

Препятствия, чинившиеся Сигизмундом, могли только на время задержать, а не прервать добрые отношения между Молдавией и Россией, которые продолжались все время правления Петра Рареша. Так, 3 мая 1532 г. к Петру (на этот раз через Крым, а не Литву) отправлен был подьячий Иван Елизаров Сергеев. Вернулся он 7 ноября того же года с посланником Петра Юшкой. В сопроводительной грамоте молдавский господарь просил Василия III защитить его от Сигизмунда и похлопотать о том же перед турецким султаном. 19 июня 1533 г. вместе с Юшкой и крымскими послами через Крым к Петру Рарешу послан был Федор Леонтьев [39]. О пропуске Юшки «в Волохи» Василий III хлопотал перед крымским ханом в своем наказе послу в Крым В. С. Левашову (июнь 1532 г.) [40]. Прошло два месяца, и в Москву от валашского воеводы Петра вернулся Небольса Кобяков, посылавшийся к нему, очевидно, ранее Леонтьева [41].

К сожалению, молдавские посольские дела до нас не дошли и подробности сношений Петра Рареша с Василием III нам не известны. Но об их основном содержании можно составить себе более или менее отчетливое представление. В начале 1530 г. Петр Рареш начал войну с Польшей

---

[36] Сб. РИО, т. 35, стр. 800—801.

[37] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 49 об. — 50.

[38] Сб. РИО, т. 35, стр. 798—812, 821, 826—827; «История Молдавии», т. 1, стр. 232—233.

[39] ПСРЛ, т. VIII, стр. 279, 281, 283; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 7, л. 1.

[40] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 201.

[41] ПСРЛ, т. VIII, стр. 283; т. XIII, стр. 70; т. XXIX, стр. 417.

за обладание Покутьем, которое было уступлено Польше в 1505 г. Богданом III. Зимой 1530 г. Покутье было занято с помощью украинцев молдавскими войсками, но в августе 1531 г. у Обертына молдоване потерпели крупное поражение [42]. Переговоры Сучавы с Москвой имели в виду, очевидно, прежде всего помощь России в борьбе Молдавии с Сигизмундом I. Известно, что Петр Рареш заключил договор с Василием III [43].

Об отношении Петра Рареша к России можно судить по произведениям Ивана Пересветова, побывавшего около 1535 г. в Сучаве. По словам Пересветова, Петр Рареш был «великий доброхот» московского государя [44].

С Казанью Москва в 1527—1529 гг. сохраняла сдержанные, но вполне корректные отношения. В 1527 г. туда с миссией послан был Андрей Федорович Пильемов.

Осенью 1528 г. в Александрову слободу, где в то время находился великий князь, прибыло большое посольство из Казани. Послы князья Табай, Дана и бакшей Обреим от имени Сафа-Гирея просили у Василия III разрешения принести шерть и прислать «больших послов». Великий князь благосклонно отнесся к этой просьбе и отпустил казанских послов восвояси. После этого «царь и вся земля Казанская» перед Андреем Пильемовым «правду дали на шертной грамоте», т.е. принесли присягу. С текстом шерти в Москву прибыли новые послы — князья Мамыш и Кураш Шеремердень. Из Москвы в ответ на это в Казань направился князь И. Ф. Палецкий [45].

Реальное содержание московско-казанских переговоров по скупым сообщениям летописи представить себе очень трудно. Вероятно, речь шла об установлении форм зависимости Казани от Москвы. Переговоры не закончились, и их дальнейший ход был не вполне ясен.

Реальная опасность России в конце 20-х годов XVI в. грозила только со стороны Крыма. Еще в начале 1527 г.

---

[42] «История Молдавии», т. I, стр. 233.

[43] См. «Грамота докончальная Петра, воеводы волошского, с великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии» (Описи, ящик 9, стр. 18).

[44] Сочинения И. Пересветова, стр. 170; см. также: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов и его современники, стр. 323 и др.

[45] ПСРЛ, т. VIII, стр. 272; Э, л. 88.

в ответ на поддержку литовскими волонтерами венгров против турецкого султана и его ставленника Яна Запольи крымские войска совершили набег на земли Великого княжества Литовского. Крымское войско, насчитывавшее до 26 тыс. татар, опустошило украинские и белорусские земли и дошло до самого Пинска. Однако под Каневом крымцы были разгромлены князьями К. И. Острожским и Слуцким [46].

В начале сентября 1527 г. Ислам-Гирей с 40-тысячным войском [47] двинулся к Оке, собираясь, по слухам, перейти реку у Рославля.

Позднее Саадат-Гирей заверял, что Ислам этот поход предпринял без его ведома. Василий III, узнав о движении Ислама, отправил «на берег» (т.е. к Оке) войска князей В. С. Одоевского и И. Ф. Телепнева-Оболенского. К ним присоединились находившиеся на Кашире князья Ф. М. Мстиславский и Федор Лопата Васильевич Телепнев-Оболенский. Сам же великий князь с братьями направился в село Коломенское, а затем расположился в 20 км от Оки. Москва, Коломна и некоторые другие города пять дней (по Постниковскому летописцу, неделю) находились в состоянии осады. В столице оставались с войсками князь Б. И. Горбатый, М. Ю. Захарьин и казначей П. И. Головин. Им Василий III «град велел окрепити и животы людем с посадов в град велел возити и пушки и пищали во граде велел пристроити» [48].

Быстро и надежно организованная оборона не позволила крымцам переправиться через Оку. После перестрелки русские войска сами перешли реку, разбили татарские войска на реке Осетре у Николы Зарайского и гнали их до Дона. При этом в плен был взят фаворит хана мурза Янглич. «В Рождество Пречистые, в неделю» (8 октября) Ислам «пошел прочь» [49].

В качестве репрессии за этот набег Василий III приказал

---

[46] ПСРЛ, т. XVII, стр. 405; *Stryjkowski*, str. 394; *М. К. Любавский*. Литовско-русский сейм, стр. 243—244.

[47] По новгородским данным, у Ислама было даже 60 тыс. воинов (ПСРЛ, т. IV, стр. 543).

[48] ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 23 об. — 24.

[49] ПСРЛ, т. IV, стр. 543—544; т. VI, стр. 265, 283—284; т. VIII, стр. 272; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 23 об. — 24 об.

потопить находившихся в это время в Москве крымских послов «Чабыка с товарыщи» [50].

Для укрепления южной границы страны в 1527/28 г. был заложен каменный город на Острове (Зарайск) [51]. Прочная оборона юга препятствовала крымским войскам в 1528 и 1529 гг. предпринимать какие-либо нападения на русские земли.

Дела внутренние в 1527—1529 гг. характеризуются настойчивым стремлением Василия III добиться полного подчинения служилых князей и бояр. Вместе с тем брак с Еленой Глинской привел к перегруппировке в составе великокняжеского окружения. Старомосковское боярство вынуждено было потесниться и уступить ряд позиций северским служилым княжатам. 28 февраля 1527 г. из «нятства» был выпущен дядя великой княгини Михаил Глинский. Ближайшему родичу молодой жены великого князя негоже было коротать свои дни в темнице. Глинский получил «свою казну и отчину» Стародуб-Ряполовский, находившийся вдали от литовских рубежей. Последнее в какой-то степени затрудняло возможность повторения его попытки бежать к Сигизмунду. Князь Михаил вскоре занял видное место при великокняжеском дворе. Сразу же после освобождения его «для прочности» женили на дочери князя Ивана Немого Васильевича Оболенского [52]. Оболенские в последний период правления Василия III принадлежали к наиболее близкому окружению великого князя. А после смерти Василия Ивановича князь Иван Овчина Телепнев-Оболенский стал фаворитом Елены Глинской.

Князь Иван Немой выдвинулся при дворе сравнительно недавно. Впервые в качестве боярина он фигурирует на свадьбе Василия III в начале 1526 г., но уже в конце года сопровождает великого князя в его поездке на Тихвин [53].

---

[50] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 159 об. Позднее великий князь приписывал убийство крымских послов самовольным действиям черни (л. 256 об.).

[51] ПСРЛ, т. XXII, стр. 521; *Шмидт*, стр. 283.

[52] ПСРЛ, т. VIII, стр. 272; *Герберштейн*, стр. 39, 314; Сб. РИО, т. 35, стр. 775; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 23. Возможно, тогда же М. Глинский получил «в кормление» г. Юрьевец (Описи, ящик 110, стр. 28—29).

[53] РК, стр. 8; ПСРЛ, т. VI, стр. 265; СГГД, ч. I, № 155, стр. 428—430.

В целях «гарантии» верности князя Михаила Глинского в том же феврале 1527 г. с целой группы видных княжат, бояр и детей боярских была взята поручная грамота в том, что они должны будут нести прямую ответственность в случае побега князя Михаила. 47 человек обязывались князьям Д. Ф. Бельскому, В. В. Шуйскому и Б. И. Горбатому выплатить 5 тыс. руб., если Глинский сбежит. А уж те несли ответственность перед самим великим князем. Отныне недостаточно было крестоцеловальной записи самого опального вельможи (такую запись, например, дал в октябре 1506 г. князь К. И. Острожский[54], а потом сбежал). Требовалась двустепенная порука цвета московской знати.

Приближает к себе Василий III и представителей княжат Северо-Восточной Руси. Так, осенью 1528 г. он женит князя Ивана Хомяка Даниловича Пенкова на своей свояченице (сестре Елены Глинской)[55]. Отец Ивана Хомяка князь Данила считался старшим в роде ярославских княжат. Положение его сыновей (старшего Василия и младшего Ивана) напоминало положение служилых княжат: оба князя боярами не были, а князь Василий сохранял какие-то суверенные права в Вологодском уезде[56]. Сам князь Иван появился при дворе сравнительно недавно (в разрядах упоминался в 1521 г.[57]) и в изучаемое время ничем особенно не выделялся.

Вместе с тем Василий III зорко следил за тем, чтобы позиции его удельных братьев ни в какой мере не усиливались. Князья Юрий и Андрей в минуты военных опасностей и во время других важных событий должны были находиться вблизи великого князя. Переход на их службу представителям знати был фактически запрещен. Так, очевидно, летом 1528 г. опала постигла князей Андрея и Ивана Михай-

---

[54] СГГД, ч. I, № 146, стр. 403—404; ср. запись 1522 г. кн. В. В. Шуйского (там же, № 149, стр. 414—415), запись кн. Д. Ф. Бельского (там же, № 152, стр. 420—422) и кн. И. Ф. Бельского 1524 г. (там же, № 153, стр. 423—425), запись кн. И. М. Воротынского 1525 г. (там же, № 154, стр. 425—427).

[55] ПСРЛ, т. VIII, стр. 272; Э, л. 88.

[56] Родословная книга, ч. I, стр. 121—122; ГПБ, F, I, № 778, л. 255—255 об.

[57] РК, стр. 65. По другим данным, он еще в 1512 г. возглавлял сторожевой полк под Себежем (Э, л. 48 об.).

ловичей Шуйских за попытку отъехать ко князю Юрию Дмитровскому. Князья Андрей и Иван тогда были молоды[58], надежды «выбиться в люди» при дворе Василия III, где видные места занимали их старшие родичи Иван и Василий Васильевичи Шуйские, у них не было. Возможно, именно поэтому они и попытались искать счастья при дворе князя Юрия, которому служили многие представители младших ветвей известных княжеских фамилий. Но не тут-то было. Великий князь расценил это как побег. А так как шутки с державным братом были плохи, князь Юрий Иванович выдал беглецов великокняжеским представителям — князю Ю. Д. Пронскому и дьяку Е. Цыплятеву. Шуйские были «окованы» и разосланы по городам. Но на этот раз для беглецов дело обошлось благополучно [59].

В июне 1528 г. 28 князей и детей боярских выступили поручниками «по опальных» Шуйских («в вине государя за отъезд и за побег выручили»). Поручники гарантировали уплату 2 тыс. руб. боярам, отвечавшим непосредственно перед великим князем в случае нового побега Шуйских [60], князю Б. И. Горбатому и П. Я. Захарьину.

23 августа 1529 г. взята была запись с князя Ф. М. Мстиславского. Позднее (в 1531 г.) князь Федор вспоминал: «Сказали государю моему, что яз мышлю ехати к Жигимонту королю, и государь меня, князь великий, пожаловал, опалы своей на меня не положил». Но все-таки Ф. М. Мстиславский был вынужден целовать крест и принести присягу в верности московскому государю [61]. Это был документ иного типа, чем поручные «по опальных» М. Л. Глинском и братьях Андрее и Иване Михайловичах Шуйских. Присягал сам князь Федор. Для прочности великий князь выдал за Мстиславского замуж свою племянницу, дочь царевича Петра

---

[58] Кн. Андрей впервые в источниках упоминается только в 1527 г., когда он выступал поручником по М. Л. Глинскому. О князе Иване Михайловиче ранних сведений вовсе нет.

[59] ПСРЛ, т. XIII, стр. 77—78. В летописи говорится, что из «поимания» выпустила Шуйских только Елена Глинская после смерти Василия III. Возможно, в «узы» Шуйские попадали дважды: около 1528 г. и позднее. О Шуйских после 1528 г. в разрядах при Василии III упоминается только летом 1531 г. и в 1531/32 г. (РК, стр. 76—77, 79, 81).

[60] СГГД, ч. I, № 156, стр. 430—432.

[61] Там же, № 159, стр. 439; № 157, стр. 433—435.

и своей сестры[62]. В связи с этим и составлена была крестоцеловальная запись («государь пожаловал, велел собе служити... и пожаловал меня государь, дал за меня свою сестричну, княжну Настасью»). Присяга близка была по формуляру к той, что в 1525 г. дал князь И. М. Воротынский. Князь Федор обязывался «до живота» служить Василию III и его детям, не отъезжать ни к его «братье», ни в Литву, не приставать к государевым «лиходеем», не сноситься без ведома великого князя ни с Сигизмундом, ни с кем-либо из Литвы, доносить о всех умыслах против великого князя и т. п.

Присяга князя Федора могла иметь еще одно значение. Дело в том, что вот уже три с половиной года как Василий III вступил в брак с Еленой Глинской, а детей у него все не было. Надо было снова задуматься над судьбами престола. Ранее наследником великого князя, вероятно, был умерший теперь уже царевич Петр, принесший присягу на верность, сходную с той, которую дал в 1529 г. князь Федор Мстиславский. Поэтому, выдавая замуж дочь Петра Анастасью за князя Федора, Василий III мог рассчитывать на то, что он в будущем сможет передать русский престол Мстиславскому. Но если такие надежды у него и были, то им не суждено было сбыться.

В 1527—1529 гг. при великокняжеском дворе возросло влияние иосифлян. Великий князь щедро благодарил тех, кто оказал ему неоценимые услуги в скользком деле о втором браке. В 1526 г. на владычество поставлены были два новых лица: 9 апреля епископом Пермским стал Алексий (из игуменов Кирилло-Белозерского монастыря), а 4 марта Кирилл сделался архиепископом Ростовским[63]. Об их взглядах, правда, в нашем распоряжении сведений нет. 4 марта 1526 г. новгородским архиепископом стал архимандрит Лужицкого (Можайского) монастыря Макарий[64]. 17 лет после

---

[62] В Продолжении Хронографа 1512 г. сообщение о свадьбе помещено под 11 июня 1530 г. (ПСРЛ, т. XXII, стр. 522), но первый раз — под 1526 г. (там же, стр. 520).

[63] ПСРЛ, т. VI, стр. 265; т. VIII, стр. 271; *П. Строев.* Списки, стб. 322, 730.

[64] ПСРЛ, т. IV, стр. 542 (5 марта), 613; т. VI, стр. 264—265, т. VIII, стр. 271; т. XIII, стр. 45; *Зимин,* стр. 29 (14 марта); ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 22 (9 марта). В Новгород Макарий прибыл 29 июля.

отстранения Серапиона новгородская кафедра оставалась вакантной. Великий князь долго выбирал новгородского владыку, памятуя печальный для него опыт со строптивым Серапионом и ту большую роль, которую играл глава церкви в жизни Великого Новгорода. На этот раз выбор сделан был удачно. Макарий (родился около 1481—1482 г.), как и Иосиф Волоцкий, был постриженник Пафнутьева Боровского монастыря, известного своей преданностью князьям московского дома. К 1506 г. Макарий был уже архимандритом Лужицкого монастыря [65].

Василий III давно уже присматривался к лужицкому архимандриту. Еще в марте 1506 г. он дал жалованную грамоту на владения его монастыря. В Можайске великий князь бывал не раз «на потехе» (в том числе в 1516 и в 1524 гг.). Словом, Макария Василий III «любляше... зело». В знак особой милости он отдал Макарию при назначении его на архиепископию «всю казну старых архиепископ и бояр ему своих дал» (последних, конечно, для надзора над деятельностью Макария в Новгороде) [66].

Как показало дальнейшее, надежды Василия III оправдались, и в лице Макария церковь приобретала последовательного иосифлянина, а великий князь — послушного исполнителя своей воли. Один из церковных летописцев, говоря о владычестве Макария в Новгороде, писал, что при нем «времена тиха и прохладна и обилие велие изобилованна бысть: коробью убо жита купили по семи ноугородок». Ему вторил и псковский летописец: «Бысть людем радость велиа... и бысть хлеб дешов и монастырем легче и людем заступление велие» [67]. Трудно сказать, в какой степени процветанию Новгорода в это время способствовала деятельность Макария, а в какой общий экономический подъем страны. Но во всяком случае факт остается непреложным: во второй половине 20-х — начале 30-х годов новгородские летописи почти не сообщают о каких-либо сти-

---

[65] *Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, половина 1-я. М., 1900, стр. 745; *П. Строев.* Списки, стб. 179. Е. Голубинский ошибочно считает, что у Строева описка: 1506 вместо 1516 г. (*Голубинский,* стр. 746).

[66] *Дионисий.* Можайские акты. СПб., 1892, № 1, стр. 1—2; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 21 об.; ПЛ, вып. 1, стр. 103.

[67] НЛ, стр. 142—143; ПЛ, вып. 1, стр. 104.

хийных бедствиях ни в городе[68], ни в пятинах, зато много пишут о городском строительстве.

Макарий в Новгороде прежде всего стремился распространить православие среди народов Севера, утвердить иосифлянский «общежительный» устав в новгородских монастырях и поощрял церковное строительство.

Уже в том же 1526 г., как только Макарий прибыл в Новгород, он отправляет священников к «лопи» на устье Невы, чтобы внедрить среди них православие. В этой земле была построена Рождественская церковь — центр миссионерской деятельности русского духовенства. Зимой 1531 г. по его распоряжению были обращены в христианство лопари Мурманского полуострова, где выстроены были две церкви[69]. Энергичный нажим сопровождался и некоторыми «поблажками». Так, в июле 1530 г. Василий III выдает «крещеной и некрещеной лопи» льготную грамоту. Отныне лопари изымались из подсудности новгородских наместников и передавались в юрисдикцию введенных дьяков. Теперь вызывать лопарей на суд могли только в Благовещеньев день, а пошлины должны были взиматься в соответствии с новгородской уставной грамотой[70]. Грамота 1530 г. содержала как бы в зародыше те элементы, из которых позднее разовьются губные и земские учреждения. Правда, ограничение наместнического суда в ней проходило еще за счет привлечения не местного населения, а представителей центрального правительственного аппарата, но основная тенденция шла в том же направлении.

С первых лет пребывания в Новгороде Макарий начал энергичную борьбу за введение в новгородских монастырях общежительного устава, который являлся основой строя монашеской жизни у иосифлян[71]. «Особножительство», келейная жизнь, распространенная на севере России, была осно-

---

[68] Единственное подобное сведение относится к июлю 1526 г., когда горел Гончарный конец в Новгороде (ПСРЛ, т. IV, стр. 542, 613; т. VI, стр. 282, 6 июля).

[69] ПСРЛ, т. IV, стр. 542, 549; т. VI, стр. 282, 289; т. XX, стр. 403; РВ, стр. 343. Позднее, в 1534 г., Макарий посылает грамоту в Водскую пятину с требованием искоренить бытовавшие там языческие обряды (ДАИ, т. I, № 28).

[70] СГГД, ч. I, № 158, стр. 436—437.

[71] См. его послание Василию III, написанное около 1526—1527 гг. (ДАИ, т. 1, № 25).

вой монашеского быта в монастырях нестяжательского толка. Реформа проводилась с большим трудом. Еще в послании Василию III (1526—1527 гг.) Макарий писал, что в новгородских монастырях было «некое брожение». Монашество не только оказывало открытое сопротивление введению общежительного устава, но, возможно, также проявляло признаки еретического вольнодумия [72]. Так или иначе в 1528 г. в новгородских монастырях новый устав был введен [73].

Увеличилось в конце 20-х — начале 30-х годов XVI в. и церковное строительство в Новгороде, которое должно было знаменовать силу и могущество официальной церкви. Так, в 1527/28 г. в новгородской Софии был перестроен иконостас, а стены собора расписаны. 25 августа 1530 г. в связи с рождением наследника престола в Новгороде был слит большой колокол-благовестник весом в 250 пудов. Новгородский летописец говорил об этом колоколе, что «такова величеством несть в Новеграде». 15 июля 1531 г. в Софийском соборе был поставлен новый алтарь [74]. Все это должно было создавать приподнятое настроение у посетителей кафедрального новгородского храма.

В 20—30-х годах развернулась строительная деятельность Д. И. Сыркова. Еще в 1524 г. он и «христолюбивии людие, иже в велицем ряду сидят», «поновляли» важнейшую церковь торгового центра города — Парасковью Пятницу. В 1529 г. Сырков за семь месяцев построил на Ярославском дворище церковь Прокопия, а осенью 1532 г. на владычном дворе — церковь Николая Проповедника. Наконец, в 1536 г. Д. И. Сырков соорудил каменный верх у церкви Варлаама [75].

---

[72] *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России, стр. 254—255.

[73] ПСРЛ, т. IV, стр. 544—546; т. VI, стр. 284—285. Ср. послание Макария в Духов монастырь (АИ, т. I, № 292).

[74] ПСРЛ, т. IV, стр. 59, 548; т. VI, стр. 287—288, 291; т. XIII, стр. 73—74.

[75] ПСРЛ, т. IV, стр. 547, 550; т. VI, стр. 287, 290. Подробнее см.: *А. П. Пронштейн.* Великий Новгород, стр. 146—147. Строились и другие каменные церкви в Новгороде и Новгородской земле. Так, весной 1527 г. была «обложена» церковь Успенья в Успенском монастыре в Колмове, освященная в июле 1528 г.

По распоряжению Макария осенью 1531 г. построена была другая каменная церковь (Троицкая) на Колмове, освящена церковь 6 октября 1532 г. Тогда же сооружена была каменная тра-

Бурное церковное строительство в Новгороде с участием крупного купечества — яркий показатель экономического подъема города.

Макарий не ограничивал свою деятельность одним Новгородом. 26 января 1528 г. он совершил инспекционную поездку в Псков, стремясь упрочить старинные церковные связи с одним из крупнейших центров России. Поездка Макария не вызвала особых восторгов у псковичей. Архиепископ хотел прожить в Пскове месяц. Но дьяк Мисюрь Мунехин, фактический глава великокняжеской администрации в Пскове, ограничил пребывание архиепископа в Пскове десятью днями, правда ссылаясь на какую-то грамоту Василия III, о которой Макарий не знал.

Не прошло и полутора месяцев, как 11 марта Мисюрь «преставился скорою смертью». После его смерти произведен был обыск. При этом выяснилось, что этот законник неплохо устраивал свои личные дела. В его казне нашли бумаги, содержавшие запись взяток, которые он давал на Москве боярам, детям боярским и дьякам. Это вызвало волнение в Пскове: «...и бысть в людех мятеж о его животех (имуществе Мисюря. — *А. З.*) и взыскание велие» [76].

После опыта с Мисюрем Василий III решил чаще менять

пезная (ПСРЛ, т. IV, стр. 543, 546—549; т. VI, стр. 283, 286, 288, 290; т. XIII, стр. 290).

Каменная трапезная сооружена была и в Новгородском Антоньеве монастыре в августе 1533 г., когда там также началось строительство каменной Сретенской церкви. Московский гость Богдан Семенов Крюков построил две каменные церкви: апостола Якова Заведеева (освящена 28 апреля 1532 г.) и Зачатье Иоанна Предтечи (освящена в день Зачатья, т.е. 23 сентября того же года) — приделы Воскресенской церкви на Павлове улице Торговой стороны Новгорода.

Но бывало, когда церкви ставились и в годину бедствий. В июле—декабре 1532 г. в Пскове был страшный мор из-за «прыща» (оспы): «мряху бо мужие, и жены, и младыя дети». Тогда 14 декабря построили церковь Гавриила у Михайловских ворот. Коснулся мор и Новгорода. Здесь с 15 августа 1532 по январь 1533 г. умерло от 1 до 3 тыс. человек. В связи с этим несчастьем Макарий 8 ноября 1532 г. построил «моровую» церковь Апостола Марка (ПЛ, вып. 1, стр. 105; вып. 2, стр. 227; ПСРЛ, т. IV, стр. 550—552; *К. Г. Васильева, А. Е. Сегал.* История эпидемий, стр. 42).

[76] ПЛ, вып. 1, стр. 104—105. Ср. Описи, ящик 28, стр. 21; «Грамота во Псков, коли Мисюря не стало; список — приезд владычень» (в издании опечатка: «владычно»).

дьяков в Пскове, назначая одновременно уже по нескольку человек на должность. По этому поводу Псковский летописец с сарказмом писал: «И быша по Мисюри дьяки частые, милосердый бог милостив до своего созданиа, и быша дьяки мудры, а земля пуста; и нача казна великого князя множитися во Пскове, а сами ни один не сьехаше поздорову со Пскова к Москви, друг на друга воюя» [77]. В 1532 г., например, во Пскове было уже целых три великокняжеских дьяка. Но это только ухудшало положение вещей.

Тем временем в Новгороде усиливался контроль великокняжеской администрации. В июле 1531 г. туда посланы были дьяки Яков Шишкин, Афанасий (Фуник) Курцов и дворцовый дьяк Митя Великий. Размерив все городские улицы на Софийской стороне, они повелели «решотки... ставити по всему граду и огневщики (пожарных.— *А. З.*) уставили». С 1 октября для уменьшения «разбоев» в городе у решеток поставили стражу [78]. Яков Шишкин принадлежал к числу наиболее просвещенных дельцов первой половины XVI в. типа Мисюря Мунехина, Дмитрия Герасимова, Федора Карпова. Как и Карпов, он стремился отстаивать государственные интересы даже тогда, когда они вступали в противоречие с корпоративными представлениями русской церкви. Он считал, что в судопроизводстве нельзя ограничиваться только одним Судебником, но следует руководствоваться также разумом и милостью [79].

Великий князь и иосифляне укрепляли свои позиции среди высшего новгородского духовенства. 2 октября 1530 г. архимандритом крупнейшего Новгородского Юрьева монастыря посажен был Силуян, архидьякон Василия III. 21 ноября 1531 г. по настоянию великого князя архимандритом Хутынского монастыря назначили Феодосия, постриженника Иосифо-Волоколамского монастыря [80]. Позднее Феодосий стал преемником Макария на новгородской кафедре. Феодо-

---

[77] ПЛ, вып. 1, стр. 105.

[78] ПСРЛ, т. IV, стр. 548—549; т. VI, стр. 288. Об «отпуске» Шишкина и его товарищей в Новгород см.: Описи, ящик 124, стр. 29. В издании опечатка: «Шинкин» (вместо «Шишкин»).

[79] О Шишкине см. подробнее: *А. И. Клибанов* и *В. И. Корецкий.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину.— ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 200—204.

[80] ПСРЛ, т. IV, стр. 548—549; т. VI, стр. 288—289.

сий сразу же после назначения в Хутынский монастырь показал себя предприимчивым церковником. 25 апреля 1533 г. у гроба Варлаама Хутынского якобы сама собой загорелась свеча и горела девять недель, при этом воску в ней не убавлялось. Часть «чудотворной» свечи была предусмотрительно отправлена самому Василию III [81].

Вторая половина 20-х годов XVI в. была ознаменована стабилизацией внешнеполитического положения России. Правительству Василия III удалось продолжить на шесть лет перемирие с Великим княжеством Литовским. Возобновились дружеские связи с Молдавией. В обстановке усилившегося давления Порты на Восточную Европу продолжались переговоры Москвы с Империей и Папской курией. Укреплением обороны южных границ и благодаря удачному ведению сложной дипломатической игры в Крыму Василий III добился обеспечения безопасности русских земель от опустошительных крымских набегов. Все это давало возможность увереннее осуществлять общий курс внутренней политики, который характеризуется в это время возросшим влиянием на великого князя иосифлян и княжеского окружения Елены Глинской.

---

[81] ПСРЛ, т. IV, стр. 551; т. VI, стр. 288, 290; т. XIII, стр. 73 (22 апреля).

КЛЕРИКАЛЫ И ГУМАНИСТЫ

После смерти Иосифа Волоцкого (1515 г.) и новгородского архиепископа Серапиона при дворе Василия III происходила напряженная борьба за влияние на великого князя между нестяжателями (Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком) и иосифлянами (Даниилом). Если на первых порах, т. е. до начала 20-х годов XVI в., Василий Иванович покровительствовал «заволжским старцам», то затем митрополиту Даниилу и другим наследникам Иосифа Волоцкого удалось одержать победу над их врагами.

Противоборство двух группировок среди русских клерикалов проявилось не только в их политической деятельности, но и в напряженной публицистической полемике.

Первым большим делом, к которому приступил Максим Грек сразу же после прибытия на Русь, стал перевод Толковой псалтыри. Работу эту он окончил через полтора года. В ней принимали также участие толмачи Влас и Митя (Герасимов), «доброписец» Михаил Медоварцев и троицкий монах Сильван [1]. Толковая псалтырь выбрана потому, что еще в конце XV в., по словам архиепископа Новгородского Геннадия, еретики «Псалмы Давыдовы или пророчьства испревращали» [2]. Влас и Митя Герасимов еще в конце XV в. переводили Библию и отрывки из немецкой псалтыри [3]. Сам Максим Грек в предисловии к Псалтыри писал, что может она «довольнейше» вооружить против «предстателей ере-

[1] *Максим Грек.* Соч., ч. 2, стр. 300, 316; «Прибавления к творениям святых отцов», т. 17, кн. 2, стр. 190.

[2] *Н. А. Казакова* и *Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения, стр. 319.

[3] *А. И. Соболевский.* Переводная литература... стр. 184, 186.

си»[4]. Так как сам Максим еще не научился хорошо церковнославянскому языку, он говорил Мите и Власу по-латински, а те уж переводили по-славянски.

Псалтырь была важнейшей, но не единственной переводческой работой Максима Грека. В те же годы он вместе с Власом закончил перевод толкований на Апостол (март 1519 г.)[5]. К 1523 г. Максим Грек вместе с Сильваном перевел Беседы Иоанна Златоуста на евангелия Матвея и Иоанна, ряд произведений Симеона Метафраста (в том числе в 1521 г. Житие богородицы)[6], Похвальное слово Василия Великого мученику Варлааму и др. Занимался он также исправлением часослова, грамматическими трудами и вообще разносторонней переводческой и публицистической деятельностью.

В связи с переводом Псалтыри находятся два ранних произведения Максима Грека, направленных против иудаизма. Это «Совет к собору православному на Исака» и «Словеса супротивна противу глав Самуила евреина». В. С. Иконников считает, что около 1520 г. состоялся церковный собор, осудивший ересь некоего Исаака, являвшуюся реминисценцией новгородско-московской ереси XV в.[7] Вопрос этот не прост. Во-первых, упоминание о «соборе» есть только в заголовке послания, причем позднейшем. Во-вторых, из иудейской национальности Исаака нельзя еще выводить его близость к реформационному движению конца XV — начала XVI в. Может быть, речь шла просто об иудаизме Исаака[8]. Во всяком случае в первом послании вполне в духе Иосифа

---

[4] См. *В. Иконников.* Максим Грек... стр. 35. Сохранился ряд рукописей Максима Грека, написанных им по-гречески с русскими пометами. Среди них Псалтырь 1540 г. (ГПБ, Новг-Соф. собр. № 78) и Апостол (ГПБ, Кирилло-Белоз. собр. № 120/125). См. *Б. Л. Фонкич.* Русский автограф Максима Грека.— «История СССР», 1971, № 3, стр. 153—158.

[5] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, половина 2-я, стр. 233—234.

[6] *В. Иконников.* Максим Грек... стр. 175; *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, половина 2-я, стр. 236; *А. И. Соболевский.* Переводная литература... стр. 260—279. Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 260—279.

[7] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, изд. 2, стр. 42—51; *В. Иконников.* Максим Грек... стр. 204.

[8] Такого взгляда придерживается Я. С. Лурье (*Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 497—498).

Волоцкого Максим Грек требовал «смутившаго убо паству Спасову предадите внешней власти в казнь». Уже вскоре этим его советом воспользуются, но с тем, чтобы осудить за ересь самого Максима Грека.

Второе произведение Максима было вызвано к жизни тем, что «Самуила евреина главы» с латинского языка были переведены Николаем Немчином [9]. Максим усмотрел в этом сочинении XI в. проповедь иудаизма и поэтому обрушился на его перевод [10].

Николай Немчин (Булев) вообще был основным противником Максима Грека, против которого он направил огонь своей полемики. Именно к нему он написал четыре послания и пять к Федору Карпову, в которых спорит с воззрениями Николая Булева. Максим Грек вел полемику прежде всего по вопросу о соединении церквей (слово 11), о догматических различиях между православием и католицизмом (слово 14 об «исхождении духа», слово 25 — «Слово ответно»), призывая Немчина признать догматы православной церкви (слово 15) [11].

Догматических различий православия с католицизмом касался Максим Грек и в посланиях Федору Карпову, который с интересом знакомился со взглядами Николая Немчина (слова 12, 13). В обоих посланиях Карпову Максим Грек опровергал точку зрения Немчина, которую тот излагал в особых «главах». Одно послание Федору Карпову посвящено объяснению того, что такое «левиафан». В другом послании Максим Грек, как бы оправдываясь, писал, что он не «отводил» Федора Карпова «от врачества или инаго некого философского сведения», а только «от излишных и заповеданных священными правилы» представлений, согласно которым надо уповать не на бога, а на «звезды» [12].

Более 12 изданных произведений Максима Грека посвящено спору с Николаем Немчином по вопросу о «звездочетстве». Одно из посланий на эту тему также направлено

---

[9] Там же, стр. 44—45.

[10] О переводе см.: *А. И. Соболевский.* Переводная литература... стр. 192; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 270.

[11] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, слова 11—16, 25; ч. 3, слово 43; *Н. Никольский.* Материалы по истории древнерусской духовной письменности.— «Христианское чтение» № 8—9, стр. 1122—1123, 1124—1125.

[12] *Максим Грек.* Соч., ч. 3, стр. 222—226; ч. 1, стр. 298.

было Федору Карпову, который увлекался астрологией. В другом сочинении Максим Грек стремился доказать, «яко промыслом божиим, а не звездами и колесами счастия вся человеческая устрояются». Зная, что астрологией увлекался не только Федор Карпов, но и сам Василий III, Максим Грек как бы предупреждал его, что бог, а не «фортуна» (судьба) «поставляет царя и преставляет», «божиим мановением и учинением, а не колесом неким и счастием баснеными возводятся на высоту царскую, такожде и отпадают ея». В особом слове Максим Грек доказывает, что «звездозрением» нельзя предрекать будущее. Звезды не могут управлять судьбами человеческими, писал Максим Грек, ибо миром руководит божий промысл, который сделал человека самовластным, т. е. могущим самостоятельно, по своему усмотрению выбирать свой жизненный путь [13].

Особое послание направил Максим Грек неким лицам, «живущим в скорбех», которых он поучает, что «господь убожит и богатит... а не фортуна и колесо латынов зловерных и немцов прегордых». О «фортуне» писал Максим Грек и «к некоему иноку, бывшему во игуменех». Этот инок был «восхищен... таким богомерским учительством прелестника Николая Германа» [14].

Альманаху Штоффлера, в котором содержалось предсказание всемирного потопа в 1524 г., Максим Грек посвятил «Слово обличительно». Основная мысль автора не отличалась оригинальностью: вера в Альманах противоречит признанию всесилия божьего промысла, а потому беззаконна [15].

В позднейших сочинениях, в частности в «Беседе души и уму» о человеческих страстях, Максим Грек также касается темы божьего промысла, снова изобличая «звездочетцев». Есть сходные мотивы и в «Слове о снах», в послании против Иоанна Лодовика, который защищал астрологию ссылками на греческих писателей [16]. Ряд отрывков из сочинений Максима Грека против астрологии содержится

---

[13] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 278—319, 308, 319—348.

[14] Там же, стр. 350, 358.

[15] Там же, стр. 365—387 (слово 22); *В. Иконников.* Максим Грек... стр. 304.

[16] *Максим Грек.* Соч., ч. 2, стр. 52—88 (особенно стр. 81—88), 154—156; ч. 3, стр. 167—183 (слово 27). Об Иоанне Лодовике Максим Грек упоминает в послании 1523 г. (там же, ч. 1, стр. 342).

в рукописи ГБЛ, Рум. № 264 [17], но точно датировать их пока не представляется возможным.

В целом же защита Максимом Греком божьего промысла и борьба с звездочетцами шла в том же русле, что и выступления на эту тему митрополита Даниила и старца Филофея, т. е. публицистов иосифлянского толка.

Нестяжательские мотивы в ранних сочинениях Максима Грека звучат еще очень приглушенно. В 1518—1519 гг. он пишет Василию III послание об устройстве афонских монастырей. В нем он выступает в отличие от Нила Сорского сторонником общежительных монастырей [18]. Он говорит пространно о физической работе самих монахов, но допускает и применение наемного труда [19].

В «Послании об Афонской горе» Максим Грек также подчеркивает, что все афонские монахи «без имениих, рекше без сел живут, одными своими рукоделии и непрестанными труды и в поте лица своего добывают себе вся потребна житейская». Есть, правда, там и «два мужика, наимита, те орют и сеют». Когда же наступает осенняя пора, то нанимают еще мужиков для уборки хлеба [20].

Жизни монахов Святой горы касается Максим и в послании, адресованном Вассиану Патрикееву («Сказание... о Святой горе жительство»). В нем особо подчеркивается, что в Святой горе «мирских же служителей... нет, разве по единому или по два» [21].

---

[17] *В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения... стр. 89—92.

[18] *Н. В. Синицына.* Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей, стр. 110—136. Ср. *Н. Н. Розов.* Похвальное слово великому князю Василию III, стр. 280.

[19] *А. И. Иванов.* К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека.— «Византийский временник», т. XXIX, 1968, стр. 138—140. В послании о францисканцах и доминиканцах Максим Грек пишет, что эти монахи живут «в всяком нестяжании... своима руками тружающеся» (*В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения... стр. 99—101). Но это сочинение написано уже позднее: обращение «преосвященной владыко» скорее всего имеет в виду тверского епископа, с которым Максим Грек переписывался после 1525 г. Н. А. Казакова, относящая его к ранним трудам Максима Грека, в достаточной мере свой вывод не обосновывает (*Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 157).

[20] *В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения... стр. 96.

[21] *Максим Грек.* Соч., ч. 3, стр. 198. О послании см.: *А. И. Иванов.* К вопросу... стр. 140—141 (Иванов датирует послание временем не позднее 1521 г.).

Наиболее развернуто сформулировал Максим Грек свое отношение к монастырскому землевладению в сочинении «Повесть страшна и достопамятна о совершенном иноческом жительстве». Снова обращаясь к своим воспоминаниям, Максим Грек на этот раз говорит о католическом ордене картезианцев, в котором монахи нестяжание «любят аки велие благо духовное» и живут лишь подаянием. Их примеру автор «Повести» и призывает следовать («и нам подражати»)[22]. Никакой прямой критики лихоимства русских монастырей здесь еще нет[23].

Свои представления о назначении великокняжеской власти Максим Грек изложил в послании Василию III, написанном в 1519 г. по случаю окончания им перевода Толковой псалтыри. Согласно Максиму Греку, священство и царство произошли от единого божественного начала[24]. Иосифлянский тезис о превосходстве священства над царством осторожный Грек не формулировал в послании носителю царской власти. Зато льстивых слов по его адресу произнесено было больше чем достаточно. Василий III якобы «правдою, и православием, и нарочите, и превысочайше паче всех прославлен есть». Он «не токмо Русии, но всея подсолнечныя быти нарицатися великоименитый и велелепнейший». Истинный смысл этого славословия Максим Грек и не скрывал: московский государь должен стать освободителем греков от турок. Ведь бог «якоже древле, — писал он, — от нижних галлов воздвигнув великаго во царех Константина, древняго Рима, зле стужима избави от нечистиваго Максентиа, сице и ныне новаго Рима, тяжце волнуема от безбожных агарян, благочестивейшею державою царствиа твоего, да изволит свободити и от отеческих твоих престол наследника покажет и свободы свет тобою да подаст нам, бедным»[25]. Совсем небольшой шаг оставалось сделать Максиму Греку для того, чтобы сформулировать мысль о Москве как о III Риме. Но...

---

[22] *Максим Грек.* Соч., ч. 3, стр. 145—167. О том, что «Повесть» написана до заключения Максима Грека в темницу, сообщает Зиновий Отенский (*Зиновий.* Истины показание, стр. 893, 894). Его свидетельство принимают В. Ф. Ржига и позднейшие исследователи (*В. Ф. Ржига.* Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I, 1934, стр. 6; *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 159—160).

[23] *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 159.

[24] *Максим Грек.* Соч., ч. 2, стр. 296—319.

[25] Там же, стр. 318.

для него по-прежнему «новым Римом» оставался Царьград. Поэтому иосифлянские публицисты (в их числе и Филофей) ближе подходили к полуофициозным идеям Сказания о князьях владимирских, чем хитроумный Грек. А сам он уже вскоре на личном опыте узнал, какую «свободу» несет с собою утверждение самовластия Василия III.

В. Ф. Ржига обнаружил и еще одно послание Максима Грека Василию III, написанное спустя несколько лет после первого (в связи с вторжением крымцев в 1521 г.). Смысл его сводился к призыву начать решительную борьбу с Казанским ханством. «Доколе убо имамы, — писал Максим Грек, — благополучное время, доколе отнекуди инуди языческое въстание не смущает нас, найдем и мы и нападем на християноубийць града Казани». С началом войны с Казанью надо спешить, ибо, пока «ожидаем послов из Литвы, никто же нам запинатель будеть воюющим тамо» [26]. Послы из Литвы для заключения перемирия прибыли на Русь в августе 1522 г. До этого Василий III в мае отправился в Коломну, ожидая нового набега на русские земли крымцев [27]. Возможно, послание написано было Максимом Греком весною 1522 г., перед началом похода Василия III.

Обосновывая свой тезис, Максим Грек писал, что «противу бо обоих мучителей стояти неудобно, но и зело пагубно, да не глаголю невъзможно ест, занеже и третий волк превозношается на ны. Глаголю же во проклятий град Казан гнездьствующа змиа». Два «мучителя» — это, конечно, Крым и Турция. Максим Грек предлагает как можно скорее напасть на Казань, пока не будет нападения с иной стороны, т.е. со стороны Крыма [28].

Заканчивается послание просьбою отпустить его автора восвояси, ибо в Россию прибыл грек Климент (август 1519 г.) [29].

Оказало ли послание Максима Грека непосредственное воздействие на политику Василия III или нет, нам неизвестно.

---

[26] *В. Ф. Ржига.* Максим Грек... стр. 111—116. Максим Грек упоминает «безбожнаго скифа, внезапу на нас нашедшаго» (там же, стр. 112).

[27] ПСРЛ, т. VIII, стр. 269—270.

[28] «Нападем на нь скоро, донеле же отиди не чаем себе иное варварьское нахождение» (*В. Ф. Ржига.* Максим Грек... стр. 113).

[29] ПСРЛ, т. XIII, стр. 301.

Но во всяком случае уже вскоре московский государь начинает кампанию против Казани. В 1523 г. им был основан Васильсурск, а в 1524 г. совершен неудачный поход на Казань. То, что именно Максим советовал начать войну с Казанью, окончившуюся так печально, Василий III вряд ли забыл. Это было еще одной каплей раздражения на афонского старца и содействовало тому, что в 1525 г. афонский старец оказался в заточении.

Виднейшим сподвижником Максима Грека был Вассиан Патрикеев.

После того как около 1510 г. Вассиан Патрикеев снова приблизился к великокняжескому двору, он написал четыре дошедших до нас произведения: «Собрание некоего старца», «Слово о еретиках», «Прение с Иосифом Волоцким» и «Слово ответно». Все они написаны в период между 1517—1531 гг., скорее всего, еще до падения Максима Грека (1525 г.). Конечно, наш вывод является только гипотезой. В настоящее время у исследователей имеется слишком мало данных, чтобы настаивать на какой-либо точной датировке сочинений Вассиана. Нужно продолжать и поиски новых материалов. А то, что они могут дать существенные результаты, показывают находки Н. А. Казаковой.

Сочинения Вассиана Патрикеева посвящены двум основным проблемам: монастырскому землевладению и отношению церкви к еретикам. В «Собрании некоего старца», являющемся частью Кормчей, содержится теоретическое обоснование нестяжательства. В нем собраны все свидетельства Священного писания, решения церковных соборов и примеры из церковной истории (как русской, так и византийской), которые, по мнению Вассиана, должны были доказать неканоничность самого принципа владения монахов недвижимым имуществом: инокам не следует ни сел «дрьжати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаяся своима рукама». Единственное исключение составляют соборные церкви, ибо их доходы идут на прокормление нищих и убогих [30].

В литературе обычно о Вассиане Патрикееве говорится как о решительном противнике монастырского землевладения вообще. Это положение следует уточнить. Вассиан везде

[30] *Казакова*, стр. 232—233.

пишет о недопустимости владения селами, а не вообще землей. Пустошами монахи владеть могли, обрабатывая их своим трудом. Это вполне соответствовало практике афонских монастырей [31]. Такое понимание сущности проблемы вотчинного владения монастырей, очевидно, укрепилось у Вассиана уже после приезда на Русь Максима Грека. Так, именно Максим разъяснил Вассиану, что слово «проастион», встречающееся в греческих кормчих, означает «пашни и винограды, а не села с житейскими христианами» [32]. Князь-инок по существу выступал против эксплуатации труда крестьян монастырями-вотчинниками, допуская владение пустошами, которые монахи должны были обрабатывать своим трудом. Дав каноническое обоснование своим взглядам, Вассиан конкретизировал его за счет примеров из житий святых («Поучение к иноком»).

Совершенно фантастическое объяснение взглядов нестяжателей предлагает Г. Н. Моисеева. Она пишет, что «секуляризация церковной и монастырской земельной собственности была выгодна прежде всего дворянству». Но почему? Если уж говорить о том, что было «прежде всего», то следует вспомнить в первую очередь о крестьянах, которым за государем жилось несравненно легче, чем за монастырями. Нельзя забывать и о княжатах и боярах. Однако, по Г. Н. Моисеевой, оказывается, что «владельцы наследственных вотчин — князья и бояре — были заинтересованы в сохранении монастырского землевладения», ибо они обладали правом выкупа своих земель у монастырей [33].

Именно потому что Вассиан Патрикеев был идеологом бояр и княжат, по мнению Г. Н. Моисеевой, он и «не выступает... против вкладов по душе». Главное для него — это чтобы монастыри не считали земли, дарованные князьями и боярами, своими собственными. По Г. Н. Моисеевой, между терминами «держать земли» и «владеть землею», имеющимися у Вассиана Патрикеева, и понятием «иметь землю»

[31] Афонские монахи в 1522 г. говорили: «Мы сел не имеем, но сами делаем виноградьі и землю копаем» (*Карамзин*, т. VII, прим. 587).

[32] *Казакова*, стр. 236.

[33] *Г. Н. Моисеева.* Об идеологии «нестяжателей».— «История СССР», 1961, № 2, стр. 94, 96. Правом родового выкупа, кстати, обладали не только князья и бояре, но и вотчинники вообще, т. е. и мелкие.

(отсутствующим у него) была существенная разница. Словом, Вассиан Патрикеев «требовал от монахов определенного отношения к дарованным им землям» [34]. Сразу же возникает вопрос: какого? Но на него Г. Н. Моисеева ответа не дает. Остается бесспорным, что ни разу Вассиан не говорит о праве монастырей на «имение» (употребим термин Г. Н. Моисеевой) сел, но это объясняется чисто языковыми причинами, а не идеологическими («имение сел» сказать нельзя, нужно говорить «владение селами»).

Наиболее значительно по глубине общественного содержания «Слово ответно» Вассиана Патрикеева. В нем огонь полемики направлен против стяжательской практики монастырей.

Недостойно, пишет Вассиан, «села многонародна стяжавати и порабощати кристиан, братии, и от сих неправедне сребро и злато събирати, подобне в мире еще обращающихся». Такую деятельность Вассиан считает лихоимством, противоречащим евангельским нормам. Ведь Христос заповедал: «Продай же убо имениа твоа». А монахи, наоборот, хотят «всяким образом себе пристяживати и села, и имениа, ово убо безстудне у вельмож ласканием прошаще, ова же искупующе». Раболепным угождением они стремятся получить от вельмож «деревнишку или серебришко». А получив все это, одержимые ненасытным сребролюбием, «живущаа братиа наша убогиа в селех наших различным образом оскорбляем... и лихву на лихву на них налагающе, милость же нигде же к ним показуем; их же егда не возмогуть отдати лихвы, от имений их обнажихом без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом; неких же и князньских власти предавше, истреблению конечному подложихом». Так монахи грабят крестьян, истязая их бичами «без милости». Стремясь изыскать с крестьян долги или защитить свои владения, монахи «в мирскых судилищих обращаются или с убогыми человекы прящася о заимьдании многолихвных или судящеся с суседы своими о пределех своих мест и сел» [35].

Вассиан решительно отвергает все житейские доводы

---

[34] Там же, стр. 101.
[35] *Казакова*, стр. 255, 257—258.

иосифлян в пользу вотчинновладения (о запустении монастырей, если у них не будет сел и т. п.).

Кончает Вассиан свое «Слово», написанное в ответ на выступление против него иосифлян, размышлением о еретиках. Он является решительным противником того, чтобы еретиков убивать и заточать в тюрьму, ссылаясь при этом на примеры из древней церковной жизни. Испытав на собственной судьбе несправедливость великокняжеского гнева и заточение в монастырь, Вассиан чувствовал явную симпатию к гонимым церковью. Зная, как склонны его противники — иосифляне зачислять безвинных в еретики, Вассиан, обращаясь к ним прямо, писал: «Разум есть ваш осудити неповиннаго». Допуская заточение в темницу истинных еретиков, Вассиан решительно утверждал, что в древности никогда не казнили их, ограничиваясь церковным проклятием и заточением. Этот тезис он развивает в особом «Слове о еретиках». Здесь есть также и мысль о том, что еретиков, «приходящих на покаяние», следует «принимати» [36]. Совсем тезисно Вассиан излагает свои основные расхождения с иосифлянами в «Прении с Иосифом Волоцким». Здесь уже он не только доказывает недопустимость владения селами монастырей, но и прямо призывает к секуляризации их земельных богатств («великому князю у монастырей сел велю отъимати») [37].

Среди нестяжательских соратников Вассиана Патрикеева своей ученостью выделялся старец Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин [38]. Происходил он из старинного боярского рода Квашниных. В 1478 или 1479 г. постригся на Белоозере, где и провел всю остальную свою жизнь до самой смерти (1526 г.).

Гурий Тушин некоторое время пользовался особым расположением Василия III, который подарил ему роскошно оформленное Евангелие. До нас дошло 37 книг, переписанных собственноручно Гурием и его учениками. Судя по их составу, Гурий особенно интересовался памятниками аскетическо-созерцательного направления, что определялось его

---

[36] Там же, стр. 270—271, 273.

[37] Там же, стр. 279. См. также: *H. Dewey, M. Matejič.* The Literary Arsenal of Vassian Patrikeev.— ("The Slavonic and East European Yournal", 1966, vol. X, N 6, p. 440—452).

[38] Подробнее о нем см.: *Н. А. Казакова.* Очерки, стр. 244—276.

взглядами как последователя Нила Сорского. В позднее время (с конца второго десятилетия XVI в.) Гурий активно содействует распространению литературы, переведенной Максимом Греком, а также сочинений Вассиана Патрикеева (против монастырского землевладения и об отношении к еретикам).

Бесспорным главою иосифлян в последние годы правления Василия III был митрополит Даниил. Он известен как автор многочисленных слов и поучений. Сохранился сборник, состоящий из 16 слов митрополита Даниила [39]. Каждое слово состоит из трех частей. Первая часть слова излагает основное его содержание, вторая представляет собою сборник отрывков из церковной литературы, иллюстрирующих мысль автора. Третья часть («наказание») состоит из нравственных наставлений, вытекающих из основных положений слова. Каждое слово скорее ученый трактат, чем поучение. Даниилу принадлежит и сборник из 14 посланий, написанных по различным поводам [40]. В. Г. Дружинин обнаружил и в значительной степени опубликовал более 30 посланий Даниила из сборника XVI в., приобретенного в 1908 г. Государственной публичной библиотекой [41].

Свою основную задачу Даниил видел в проповеди «божественных писаний» с целью предотвратить распространение еретического вольномыслия. Тем самым он стремился дать богословское обоснование ряду догматов православной церкви и содействовать подготовке кадров иосифлянских

---

[39] Сборник представлен рукописями XVI в. (ГБЛ, ф. МДА, № 197; ГПБ, F, I, № 522). В. Жмакиным изданы «наказания» 2, 5, 7, 10, 16 слов и первые части 3 и 12 слов.

[40] Наиболее древним является сборник XVI в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1149) и ГПБ, Новг.-Соф. № 1281, так называемый Сильвестровский сборник, некогда принадлежавший благовещенскому протопопу Сильвестру. В нем находится 13 посланий Даниила. В. Жмакин опубликовал 1, 2, 4, 12, 14-е послания. Еще известны послания игумена Даниила кн. Юрию Ивановичу (*В. Жмакин.* Митрополит Даниил, прил., стр. 53), Послание о блудных помыслах (там же, стр. 53—55), Послание о здравии (*Макарий.* История русской церкви, т. VII, стр. 393) и окружное послание о смирении.

[41] *В. Г. Дружинин.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века (далее — *Дружинин*).— Летопись занятий Археографической комиссии (далее — ЛЗАК), вып. 21. СПб., 1909, стр. 1—117.

проповедников. Именно к ним, а не к народу обращался Даниил в своих «словах». Народ должен не читать богословские сочинения и мудрствовать, а лишь слушать наставления проповедников. Кастовый характер иосифлянской публицистики Даниила совершенно несомненен. Два слова (6 и 7) митрополит посвятил полемике с еретиками по вопросу о «воплощении» Христа и искуплении благодаря этому греха человека. Реформационное движение в годы правления Василия III было давно уже разгромлено, и полемику по вопросу о воплощении Даниил вел, очевидно, только потому, что с этим сюжетом связано учение Вассиана Косого, которого московский митрополит стремился изобличить в ереси (слово 5).

В отличие от Иосифа Волоцкого Даниил прямо не призывает «к лютым казням» еретиков, а уделяет в своем слове 10 о «ложных учителях» главное внимание убеждению еретиков стать «на путь истинный». Впрочем, для закоренелых еретиков следует применять и другие меры: устрашение, а затем и передачу их в руки светских властей (слово 8). Среди еретиков следует сеять раздоры и ссоры в духе представления Иосифа Волоцкого о богонаученном коварстве.

Злободневный характер имело одиннадцатое слово митрополита Даниила, где он обрушивался на астрологов (в первую очередь под ними разумелись Николай Немчин и его окружение). В этом слове Даниил отстаивал представление о всемогуществе божьего промысла, непознаваемости божественных предначертаний, ибо в отличие от бога человек не совершенен. Никакие звезды не могут предсказать судьбу человека, которого бог «сотвори самовластна» [42]. В данном случае взгляды митрополита совпадали с представлениями других церковников (в том числе Максима Грека).

Большое значение Даниил (как и Иосиф Волоцкий) придавал защите необходимости исполнения церковных обрядов, почитания икон, мощей, крестному знамению и т. п. (слова 3 и 4). Он отстаивает душеспасительное значение монашества (слово 13). Он обличает различные человеческие пороки. В трех словах (14, 15 и 16) Даниил резко выступает против второго брака для простых смертных, хотя сам же санкционировал его для Василия III. В слове 15 он пишет

---

[42] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, стр. 376.

с горечью: «Вси плотская любят, всем греховнаа и беззаконнаа радостна, вси на земли хотят жити».

Обращаясь к слушателю, Даниил говорил в слове 12: «Ты же сопротивнаа богу твориши, а христианин сый, пляшеши, скачеши, блуднаа словеса глаголеши, и инаа глумленіа и сквернословіа многаа съдеваеши и в гусли, и в смыки, в сопели, в свирели вспеваеши». Митрополит Даниил, как, впрочем, и Максим Грек, резко выступал против жизнеутверждающего искусства скоморохов. «Ты же, — говорил он, — вся в бесовскую славу твориши позорище, игранія плясаніа събираеши, и к сим паче течеши неже к божественным церквам, и не точию се, но и в дом свой, к жене, и к детем приводиши скомрахи, плясцы, сквернословци, погубляя себе, и дети, и жену» [43].

Даниил обличал модников, бривших волосы (среди них был и сам Василий III)[44], обувавших «сапоги велми червлены и малы зело», и т. п. Негодовал Даниил и на соколиную охоту. «Кый же прибыток, — вопрошал он, — ти есть над птицами дни изнуряти» [45]. И на этот раз митрополит отлично знал, что именно великий князь был страстным любителем соколиной охоты. Но никакое обличение не могло воспрепятствовать торжеству жизни над церковным аскетизмом.

До нас не дошло произведений Даниила, где бы специально трактовались взаимоотношения светской власти с духовной. В своем слове 8 митрополит говорил о покорности «властям» вообще, т. е. духовным и светским. Жмакин справедливо писал, что «Даниил не определяет, какую именно власть он разумеет, когда говорит о власти». Митрополит запрещает сопротивление властям: «Подобает покорятися, а не противитися властем, божие повеление творящим». И в другом месте: «Подобает бо приимшим от бога таковое служение, яко божиим слугам, многое попечение имети о божественных законах», а «противляяй бо ся, рече, власти

[43] Там же, прил., стр. 36, 18—19, 21; *А. А. Зимин.* Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века.— «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков». М.—Л., 1959, стр. 337—343.

[44] Василий III наголо обрился («власы главныа и браду обнажи»), когда решил вступить во второй брак (*Тихомиров*, стр. 113. Ср. *Герберштейн*, стр. 207).

[45] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, стр. 19—20, 57, 568, 570.

божию повелению противляется»[46]. Даниил, так же как и Иосиф Волоцкий, рассматривал царей как божиих слуг. Им следует повиноваться только «аще по закону божию начальство им есть», «егда же что вне воли господни повелевают нам, да не послушаем их». В творениях Даниила мы находим отголоски идеологии сильной воинствующей церкви. Но мы не встретим таких грозных слов о «царе-мучителе», которые были у Иосифа Волоцкого даже в шестнадцатом слове «Просветителя», написанном уже после перехода монастыря под патронат великого князя. Наоборот, он писал «достоино и праведно есть воздавати честь царем»[47]. Даниил пишет послание «к некоему человеку во скорбех и печалех от царьскыа опалы». В нем он убеждает опального всегда быть покорным царю[48] и уповать на бога.

Среди многочисленных произведений митрополита Даниила лишь одно небольшое послание посвящено монастырскому землевладению. В нем автор ограничивается повторением аргументов Иосифа Волоцкого, дословно излагает без ссылки на автора отрывки из творений Никона о том, что «церковная же, и монастырская, и священническаа, и иноческаа и дела их, и стяжаниа их вся богови соуть освященна»[49].

Это послание может показаться по сути дела сокращенным пересказом основных идей Иосифа Волоцкого, помещенных в его трактате. Даниил, так же как и его учитель, писал о том, что захватывающие монастырское имущество караются небом, даже «самого живота зле лишатся». Защищать богатства церкви должны были сами «пастыри»: «Сия же вся изышится от бога страшна на нас, архиереах, не учащих ни наказующих людей слову божию». Но при всем этом послание Даниила несколько отличается от про-

---

[46] Там же, стр. 408; *Малинин*, стр. 594; *В. Е. Вальденберг*. Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной.— ИОРЯСЛ, т. II, кн. I, 1929, стр. 219; ГИМ. Синод. № 985, л. 159 об.; ср. л. 161 об.

[47] ГИМ, Синод. № 985, л. 159; ср. л. 162—163; ср. «Божии бо слуга есть ти во благоя, аще ли те злое твориши — бойся» (там же, л. 162; ср. л. 164 об.).

[48] «Славу, и честь, и страх, и благоговение, и праведное, и нелицемерное всегда ко царю имей» (ЛЗАК, вып. 21, стр. 105).

[49] Там же, стр. 37. Об авторстве см. предисловие Дружинина (там же, стр. 19).

изведений Иосифа Волоцкого. Если последний в своих творениях обращался с предостережениями к князьям, то Даниил адресует свое послание настоятелям церкви.

То же самое мы замечаем, анализируя другие произведения Даниила. Он теряет свое обычное красноречие, как только дело касается тех недостатков русского монашества XVI в., которые лишь косвенным образом вытекают из обладания монастырей земельными богатствами [50]. Выступая против пороков монахов (жажда стяжательства, пьянство, тщеславие), Даниил не мог обойти молчанием основного их источника — обладания земельными богатствами. Он скорбел, «почто, братие, гордимся и възносимся... ясти ли и пити многоразличнаа и драгая и сладостнейшая? Или злата и серебра и многа богатства и имениа събирати? Или веселитися... и съзывати на обед славных и богатых и истощити всуе церковныя доходы тунеядцем, яже церкви и церковным потребна бе и странным и нищим? Мы же сих презираем и церковныя доходы с славными, и с богатыми, и с тунеядци изъядаем» [51].

Общий ход рассуждений Даниила сходен с мыслями, высказанными Иосифом Волоцким в его послании к Третьякову. Но если там в пороке расточительства и других обвинялся Серапион, архиепископ Новгородский, то здесь мы находим признание наличия их в среде монашества вообще. В борьбе с этими пороками не могли помочь Даниилу ни его стремление заставить тщательно выполнять монахов устав Иосифа Волоцкого, запрещающий им владеть частной собственностью, ни усиление ряда строгостей (Даниил, например, запрещал монахам иметь даже свои собственные книги, что вызывало недовольство всей братии) [52]. Ведь сам монастырь выступал в качестве крупного владельца богатств, в частности земель. Являясь защитником этой стяжательской практики монастырей, естественно, Даниил вынужден был смягчать свои нападки на вытекавшие из нее пороки

[50] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, стр. 626, а также *В. Ф. Ржига.* Максим Грек... стр. 23—24.

[51] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, прил., стр. 5—6; ГИМ, Синод. № 985, л. 42. Ср. *А. В. Горский* и *К. И. Новоструев.* Описание Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 3, стр. 152—153.

[52] Подробнее см.: *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, прил., стр. 55—57.

монашеской жизни, против которых так пламенно выступал Вассиан Патрикеев.

Видным писателем-публицистом, горячим сторонником политики Василия III и иосифлянской идеологии был старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей. Наиболее ранним из дошедших до нас сочинений Филофея является «Послание некоего старца в беде сущим»[53]. Оно написано вскоре после присоединения Пскова к Москве (1510 г.). Филофей обращается в нем к тем опальным псковичам, кто рассчитывал на его заступничество перед великим князем. Зная по опыту событий 1510 г., что подобные слезные обращения к Василию III кончаются гневом великого князя, осторожный старец пускается в рассуждения о том, что-де все беды посланы богом за человеческие прегрешения: ведь миром управляет божий промысл. Поэтому надо смириться и молить бога, чтобы он избавил «от всех скорбей», а не вмешиваться в дела Провидения. Полная покорность воле великого князя — вот к чему фактически призывал Филофей[54].

С посланием «В беде сущим» совпадает в значительной части послание опальному вельможе, сохранившееся в сборнике сочинений благовещенского протопопа Сильвестра. В. Малинин и Н. Н. Масленникова считают, что и это произведение целиком принадлежит Филофею. Однако, на наш взгляд, правы те исследователи, которые считают автором его Сильвестра[55].

Первое послание псковскому дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину Филофей написал по случаю мора, постигшего Псковскую землю в 1521 г. И здесь мы встречаемся со знакомым нам уже призывом к терпению («иже случаются нам прискорбная и тяжкая, но благодарно вся терпим»)[56]. Все бедствия, постигающие людей, — результат вмешательства Провидения в судьбы человеческие. Мотив терпения характерен для иосифлянской публицистики.

Второе послание Мисюрю обычно датируется временем около 1521—1524 гг. Оно написано в ответ на просьбу этого

---

[53] *Малинин*, стр. 7—24.

[54] В заметке о Филофее, встречающейся вместе с его сочинениями, говорится, что этот старец обличал «о многой неправде и насиловании» бояр и наместников псковских (*Малинин*, стр. 25).

[55] *А. А. Зимин*. И. С. Пересветов... стр. 54—55.

[56] *В. Малинин*, стр. 31.

дьяка истолковать «божественное писание». И в данном случае старец «схитрил». Он отлично знал, что в его беспокойное время иные толкователи писания легко попадались в руки иосифлянских блюстителей чистоты правоверия. Поэтому он пустился в рассуждения об ограниченности человеческих знаний и о том, что нужно не мудрствовать, а слепо верить в «Слово божие».

Послание «К некоему вельможе, в мире живущему» (около 1524 г.) направлено против мудрствующих астрологов и астрономов, и в первую очередь против Николая Немчина, предсказывавшего в 1524 г. всемирный потоп [57].

Не вполне ясна датировка послания Филофея, адресованного Василию III. Малинин считает, что оно написано около 1510—1511 гг., ибо носит характер «печалования», что могло быть якобы только в первый год после присоединения Пскова [58]. Но Я. С. Лурье считает, что эта датировка «отнюдь не бесспорна». А. А. Шахматов, ссылаясь на соображения В. Срезневского, принимает дату между 1514 и 1521 гг.[59] Послание написано «о исправлении крестного знамения и о содомском блуде». Основные его мотивы: искажение крестного знамени, вдовство епископии (с 1509 г. в Новгороде не было архиепископа), повреждение нравов у духовенства. Филофей в этом послании выступает защитником монастырского землевладения, против которого ратовал находившийся в 1510 г. в фаворе у великого князя Вассиан Патрикеев.

В послании еще робко формулируется тезис о Москве как центре всего православного мира. В державу русского царя, писал он, «вси царства православные христианьские веры снидошася в твое едино царство, един ты во всей поднебесной христианом царь» [60]. Но Василий III глава православного царства только потому, что он «браздодержатель» церкви, т. е. исполнитель воли церковников. Идеи Филофея носят откровенно клерикальный характер [61]. Если римская

---

[57] Там же, стр. 33—36.

[58] Там же, стр. 49—56.

[59] *Я. С. Лурье*, стр. 486; *А. А. Шахматов.* К вопросу... стр. 109.

[60] *Малинин*, стр. 50.

[61] *С. М. Каштанов.* Об одной идеологической трактовке.— «Византийский временник», т. XI, 1957, стр. 224; *Масленникова*, стр. 153—159.

церковь пала из-за «Аполинариевой ереси», то Константинополь был просто завоеван турками. Так, «два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не бывать» [62]. Идея трех сменяющихся мировых царств восходит к библейской традиции (III книга Ездры), которую Филофей использовал по переводу Библии 1499 г., выполненному в кружке архиепископа Геннадия Новгородского [63].

Объявляя Василия III царем, Филофей следовал прочной традиции, выработанной в среде псковских сторонников власти московских государей.

Дальнейшее развитие теория «Москва — III Рим» получила в третьем послании Филофея Мисюрю Мунехину, написанном, когда прошло «девяносто лет, како Греческое царство разорися» [64]. Если считать, что речь идет о Флорентийской унии 1438 г., то дата письма будет сентябрь 1527 — март 1528 г. (когда умер Мисюрь) [65]. Это послание Филофея — ответ на грамоту Мисюря, расспрашивавшего старца о «миротворении», о «звездах» и о библейской истории. Выступая снова против астрологов, Филофей доказывает мысль, что различные страны гибнут не от расположения звезд, а по воле божьей. Так, Греческое (Византийское) царство «разорися» потому, что греки предали православную веру («предаша православную греческую веру в латинство»). Этот тезис в 1528 г. звучал в полную силу, ибо уже в 1525 г. обвинен в ереси Максим Грек, а когда-то влиятельный Юрий Грек Траханиот был отстранен от дел. Но особенно яростно осуждает Филофей «латинян», которые «отпадше от православныа христианскиа веры». Словом, конечный вывод совершенно определенен: «Вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино

---

[62] *Малинин*, стр. 55.

[63] *S. Stremoukhoff.* Moscow the Third Rome.— "Speculum", vol. 28, 1953, N 1, p. 91; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 486—487.

[64] *Малинин*, стр. 41.

[65] *N. Andrejev.* Filofej and his Epistole to Ivan Vasilyevich.— "The Slavonic and East European Review", vol. 38, N 90, 1959, p. 22. А. А. Шахматов ссылается на текст о «латынах»: «Беша с нами во единстве 770 лет, егда отпадоша от православныя веры 735 лет». Исправляя «770» на «790», он считает, что «Филофей писал в 1525 г.» или, «по нашему счету», в 1517 г. (*А. А. Шахматов.* К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 110. Ср. *его же.* Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина, стр. 208—209).

царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Росейское царство» [66].

Теория «Москва — III Рим» получила в послании Мисюрю дальнейшее развитие. Очень интересно, что теперь Филофей считал, что «агарины внуци Греческое царство приаша, но веры не повредиша». Н. Н. Масленникова считает, что этот пример «был приведен Филофеем в пылу спора» [67]. Дело, однако, сложнее. В 1526 г. в Москву прибыли послы от римского папы с русским посланником Дмитрием Герасимовым. Стало известно, что Папская курия упорно добивается принятия Россией церковной унии. В пользу соединения церквей усиленно хлопотал и ненавистный Филофею Николай Немчин. Стремясь не допустить этого, старец Елеазарова монастыря всячески подчеркивал вредоносность «латинян», впадших в ересь, а также греков. Зато о турках он пишет неожиданно в спокойных тонах, утверждая даже, что они не «насильствуют греком от веры отступати» [68]. В «крестовый поход» против турок стремился вовлечь именно римский папа, а призывал освободить порабощенных греков Максим Святогорец. Это совершенно не соответствовало планам Филофея, ибо могло привести к унии с Римом и возвышению при дворе нестяжателей. И вот в послании Мисюрю антилатинские нотки усиливаются, а антитурецкая полемика смягчается.

Последнее послание Филофея (умер в 1542 г.), где развивается идея о III Риме, адресовано малолетнему Ивану IV и поэтому выходит за хронологические рамки настоящего исследования [69].

С именем Филофея связывают еще два больших труда. А. А. Шахматов высказал предположение, что его перу принадлежит Хронограф редакции 1512 г.

Хронограф редакции 1512 г. дошел до нас в иосифлян-

---

[66] *Малинин*, стр. 37—47 (см. особенно стр. 41—42, 45).

[67] *Н. Н. Масленникова.* К истории создания теории «Москва — Третий Рим».— ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 153.

[68] *Малинин*, стр. 43.

[69] Там же, стр. 57—66. Н. П. Андреев считает, что послание адресовано Ивану III и написано около 1500 г. (*Andreev*, p. 1—31). Н. Н. Масленникова убедительно доказала, что послание это адресовано Ивану IV и содержит уже развернутый вариант теории, а не первоначальный (*Н. Н. Масленникова.* К истории создания теории... стр. 569—581).

ской обработке 20-х годов XVI в. (автором этой обработки был племянник Иосифа Волоцкого Досифей Топорков)[70]. Основной круг идей Хронографа 1512 г. близок Филофею.

Центральная мысль Хронографа, как бы резюмирующая все изложение хода всемирно-исторического процесса, изложена в заключительной части произведения («Плач о падении Царьграда»). Она сведена к тому, что Византия пала потому, что бог покарал греков за грехи, и прежде всего за утрату правоверия. «Наша же Росиская земля, — продолжает автор Хронографа 1512 г. — божиею милостию... растет, и младеет, и возвышается, ей же, Христе милостивый, дажь расти, и младети, и разширятися и до скончаниа века»[71]. Н. Н. Масленникова, Я. С. Лурье[72] и другие исследователи гипотезы А. А. Шахматова с достаточным основанием не принимают.

А. А. Шахматов полагал также, что Филофей был составителем Псковского летописного свода 1547 г.[73] Это предположение А. Н. Насонов склонен был разделять («ничего невероятного в таком предположении нет»). Н. Н. Масленникова оставляла вопрос открытым, но указывала на вероятность гипотезы А. А. Шахматова[74].

В целом же теория старца Филофея «Москва — III Рим» утверждала идею суверенитета власти русских князей и свидетельствовала о его возросшем международном значении.

Но из-за своего откровенно клерикального характера она не смогла оказать существенного влияния на политическую идеологию Русского государства. Московские государи в середине и второй половине XVI в. предпочитали пользоваться идеями Сказания о князьях владимирских.

Кроме иосифлян и нестяжателей при дворе Василия III

---

[70] *А. А. Шахматов.* К вопросу... стр. 108—113; *А. Д. Седельников.* Досифей Топорков и Хронограф.— «Известия АН СССР», отд. гуманитарных наук, 1929, № 9, стр. 758—765; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 487—497.

[71] ПСРЛ, т. XXII, стр. 439—440.

[72] *Н. Н. Масленникова.* К истории создания теории... стр. 162—164; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 487—492.

[73] *А. А. Шахматов.* К вопросу... стр. 112—113.

[74] *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания, стр. 269—270, 294; *Н. Н. Масленникова.* К истории создания теории... стр. 159—162.

существовал кружок гуманистов, пользовавшийся покровительством московского государя. Великий князь еще при жизни своего отца показал себя решительным врагом всяческого вольнодумия. И вместе с тем, воспитываясь в греко-итальянском окружении Софии Палеолог, он давно уже присматривался к итальянским архитекторам, немецким врачам и мастерам, покровительствуя их деятельности.

Если религиозно-философские темы при дворе великого князя на время сделались запретным плодом, то пытливая мысль новой волны передовых людей России занялась естественнонаучными вопросами.

Глубокий интерес к астрономии и медицине, жаркие споры на естественнонаучные темы помогали по-новому понять отношение человека к природе, подготавливали кризис церковного мировоззрения, наступивший много времени спустя.

Вот к этому новому поколению русских гуманистов и принадлежал Федор Иванович Карпов. Время его рождения неизвестно. Происходил Карпов из среды тверского боярства. Тверь в конце XV в. была одним из очагов еретического вольномыслия. С нею тесными узами связан был малолетний наследник престола внук Ивана III Дмитрий, являвшийся знаменем московского кружка еретиков.

Впервые Федор Карпов появляется на страницах источников в 1495 г. в качестве одного из «постельничих» во время поездки Ивана III в Новгород [75]. Сопровождал великого князя тогда и лидер еретического кружка, глава Посольского ведомства, выдающийся дипломат и писатель Федор Курицын.

Впечатления, вынесенные Ф. И. Карповым от знакомства с русскими вольнодумцами конца XV в., сыграли огромную роль в формировании его взглядов.

Дальнейшие известия о Ф. И. Карпове относятся уже ко времени, наступившему после трагических событий 1504 г. Карпов вступает на дипломатическое поприще и во всяком случае с 1508 по 1539 г. принимает деятельное участие в организации сношений с иностранными державами, являясь одним из руководителей восточной политики Васи-

---

[75] РК, стр. 26. На этот факт впервые обратила внимание Н. В. Синицына.

лия III[76]. Сравнительно поздно (в 1538 г.) он получил думный чин окольничего, а уже при дворе Елены Глинской в малолетство Ивана Грозного стал оружничим (один из высших дворцовых чинов). Очевидно, вскоре после 1539 г. Карпов умер[77].

Ф. И. Карпов принадлежал к числу начитаннейших людей своего времени. По роду своей деятельности он знал восточные языки, знаком был с греческим и латинским. Ему были известны в подлинниках или извлечениях произведения Аристотеля, Гомера и «Метаморфозы» Овидия. Находился Карпов в переписке с образованнейшими людьми России своего времени — Максимом Греком, старцем Филофеем, создавшим нашумевшую теорию «Москва—III Рим», и др.

К сожалению, наши сведения о Карпове как писателе-публицисте ограничиваются его четырьмя посланиями[78]. Но современники неоднократно награждали его эпитетами «премудрый», «разумный» и т. п., говорящими об их глубоком уважении к этому незаурядному просвещенному деятелю России XVI в.

Круг интересов Федора Карпова поражает своей широтой. Его волновали и естественные науки (астрономия, медицина), и политические учения, и классическая поэзия. Задумывался Карпов над вопросом о происхождении Земли и жизни на ней. Он пытался постичь «законы естества», т. е. природы. Жажда познания, глубокое уважение к «философии» (как совокупности известных тогда наук) и силе человеческого разума сочетались у Федора Карпова с отчет-

---

[76] Подробнее см.: *В. Ф. Ржига.* Боярин-западник XVI в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV. М., 1929, стр. 39—48; *А. А. Зимин.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова.— ТОДРЛ, т. XII, стр. 160—173; *его же.* Федор Карпов, русский гуманист XVI века.— «Прометей», сб. 5. М., 1968, стр. 364—370; *Н. В. Синицына.* Федор Иванович Карпов, дипломат, публицист XVI в. Автореферат канд. дисс. М., 1966.

[77] См. сообщение второй половины 1540 г. о смерти «Петра Карпова» (АЗР, т. II, № 218). И. И. Смирнов установил, что речь идет о Ф. Карпове (*И. И. Смирнов.* Очерки, стр. 84).

[78] Одно к митрополиту Даниилу (*Дружинин,* стр. 190—210); два к Максиму Греку (*Максим Грек.* Соч., ч. 3, стр. 235—236; *Н. Никольский.* Материалы... стр. 1123—1124); одно к Филофею (*А. А. Зимин.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова, стр. 172—173).

ливым сознанием собственного несовершенства. «Изнемогаю умом, в глубину впад сомнения»[79], писал он Максиму Греку. В этих словах так и слышится голос мятущегося датского принца Гамлета, воплотившего в себе лучшие черты человека эпохи Возрождения. Карпов уже почувствовал терпкий вкус того самого «горя от ума», который ощущали позднее многие поколения русских передовых мыслителей.

Программным сочинением Карпова является его Послание митрополиту Даниилу, главе воинствующих церковников, который и осуществлял насаждение реакционной иосифлянской идеологии в годы правления Василия III.

Острие своей полемики Карпов направил против доктрины терпения, которую проповедовала церковь. Особенно восставал он против того, чтобы эта доктрина распространялась на весь строй общественной жизни страны.

«Аще речем, — писал он, — яко трьпение паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы. Тогда обычаи святые и благые уставы разрушени и в царствех, и в начальствех во градех сожительство человек живет без чину» [80]. Е. Кимеева полагает, что, выступая против «терпения», Карпов протестовал против концепции идеологов самодержавия (в том числе и самого Даниила), призывавших к покорности великокняжеской власти, т. е. выступал против неограниченной власти самодержца [81]. В действительности же Карпов выступал против иосифлянской проповеди терпения как защитник сильной самодержавной власти против цезарепапистских претензий воинствующих церковников. «Аще бо под трьпением жити уставиши, — пишет Карпов, — тогда несть треба царьству или владычьству правители и князи; престанет убо начальство, владычьство и господьство и живется без чину... ниже треба будеть судей в царстве имети» [82]. Так, если воцарится «терпение», то нарушится система господства и подчинения в стране, не нужны будут правители и князья. Карпов отличает церковное понятие терпения, когда оно

---

[79] *Максим Грек.* Соч., ч. 3, стр. 275.

[80] *Дружинин*, стр. 108.

[81] *Е. Н. Кимеева.* «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова.— ТОДРЛ, т. IX, стр. 238 и сл. (далее — *Е. Н. Кимеева*, «Послание...»).

[82] *Дружинин*, стр. 109.

Даниилом адресуется к светским властям, от проповеди подчинения народных масс этим властям, в необходимости которого он не сомневался: каждый народ должен иметь своих царей и начальников. Людям нужно жить «под цари, иже нас в царьствех и градех своих по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинных защищають, вредимых разърешають, вредящих и озлобляющих казнят, не исцелных же весма от среды благых возъмут» [83].

Внедрение церковной доктрины «терпения» в гражданское общество особенно вредно может отразиться на положении господствующего класса, обладающего многими слугами, дорогостоящим имуществом, оружием и деньгами. Если заявить, рассуждает Карпов, что «так как я терплю, то и всем этим не владею», тогда я буду не в состоянии исполнять служебные обязанности и буду бесполезен для отечества. «Дело народное [84] в градех и царствех погибнет длъгодушьством тръпениа» [85].

Подобные рассуждения Карпова имели огромную взрывчатую силу. Если б он ограничился только своим ниспровержением «терпения», то он дал бы могучее оружие униженным и оскорбленным, хотя сам Карпов заботился об обратном — как бы удержать их в повиновении. Ведь митрополит Даниил мог ему возразить, что если не будет церковной проповеди терпения, то что же заставит крестьян повиноваться землевладельцам, а ремесленников нести государственные повинности?

И вот Карпов раскрывает свою положительную программу. Оказывается, что он отнюдь не против терпения вообще. Он допускает его существование для духовного сана, например для монашеской братии: ведь «ин есть суд в ду-

---

[83] «В всяком языце и людех треба есть быти царем и начальником» (*Дружинин*, стр. 110).

[84] Очевидно, перед нами дословный перевод с латинского res publica (это предположение сделано А. И. Клибановым).

[85] «В мирском же начальстве истязуют, многа бо подовластных овогда убо слуг, иногда оружии, другойци коней, иногда одеж красных, иногда ина коя състоятся сребром, пенязьми; и аще реку: аз тръплю, не имея же предреченных, в что вменится мое тръпение, разве оставится от отечества изгонится от службы честны, причтется нищ, ко службе не потребне и пекако по его отечьству, к тому же и домовная потреба много стужит» (*Дружинин*, стр. 109).

ховных лицех, а ин в мирьском начальстве». Надо сказать, что Карпов призывал духовенство терпеть не без внутренней иронии (хочешь терпения — терпи сам!), хотя и имел в виду вещи реальные: полное подчинение церкви светской власти.

Светское общество должно же строиться, по его мнению, не на основах христианской морали, а на началах «правды» и «закона». Теории теократического самодержавия, проповедовавшейся воинствующими церковниками, Карпов противопоставляет идеал правового государства, зарождавшийся в европейской политической мысли XVI в. «Правда, — писал он, — есть потребна во всяком градском деле и в царстве к прибытию царства; поне иже единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, — тогда хавала терпениа погибнеть». Без правды и закона долготерпение способно только разрушить строй жизни государства («дело народное ни во что превращает») и делает людей непослушными своим государям. Ведь «всяк град и всяко царьство, — как писал еще Аристотель, — управлятися имать от начальник в правде и изъвестными законы праведными, а не тръпением» [86].

Грозою правды и закона самодержец должен приводить к согласию враждующих между собой, а добрых подданных награждать и защищать. Человечество, по мнению Карпова, всегда жило и должно было жить по закону, иначе «сильный будет угнетать слабого». Всю историю Карпов делит на три периода. Первый («время естества»), когда люди жили «по естественным законам», второй — «по законам Моисея», третий — «по законам Христа». Итак, если «правда» у Карпова — это справедливое управление государством, то закон — нормы человеческого общежития, понимаемые сквозь призму христианства.

Но кто такие «силные» люди, на хищнические действия которых Карпов негодует?

«В нынешные времена, — писал Карпов, — мнози начальники на своих подвластных и сирых не призирают». Не радея о порученном им стаде, они допускают, чтобы их приказчики угнетали подвластных «тяжкою работою». Если публицисты нестяжательского толка (в их числе Максим

---

[86] *Дружинин*, стр. 109.

Грек) мрачными красками рисовали положение крестьянства в монастырских вотчинах, то Карпов впервые показал тяжкий гнет, которому подвергались крестьяне во владениях княжат и бояр. «Начальники» у Карпова — это представители удельного княжья и титулованной знати. Выступая идеологом широких кругов феодалов, Карпов мучительно ощущал неустройство современного ему общества. Ведь «ныне земная власть и все человечество бредут неверными путями на хромых ногах и со слепыми глазами». Власть денег растлевает всех и вся. «Златыа веки суть в истинну ныне,— с горечью пишет Карпов, — много златом приходит сан, златом съветуется любовь, в цене цена ныне есть». Взаимные распри доходят до того, что хозяин боится гостя, тесть — зятя, а братская любовь вообще редка. Возросла и жажда стяжания. Берущий одежду хочет взять и белье; крадущий овцу намеревается также увести корову, а если может, похищает и все принадлежащее ближнему [87]. Таковы некоторые из недостатков социального строя в России.

Это не скорбь об уходящем в прошлое «золотом веке» господства боярской аристократии [88], а мучительное ощущение неустроенности реальной жизни, которая должна быть основана на началах «справедливости» [89].

При всем этом критическая сторона воззрений Карпова была более яркой и разносторонней, чем положительная. Понятие правды как справедливого общественного строя у него только декларируется, но не раскрывается во всем

---

[87] Ср. там же, стр. 112.

[88] Мнение Е. Н. Кимеевой, что Карпов разделял мечту о возврате прошлого, об «обетованной земле живых», где вечны и незыблемы «старые обычаи» (*Е. Н. Кимеева.* «Послание...», стр. 232), основано только на предвзятой начальной посылке о боярском характере взглядов публициста. Нигде о «старых обычаях», как и о возврате вспять, Карпов не говорит. «Обетованная земля живых» в данном случае не что иное, как аллегорическое представление о загробном мире.

[89] Неверно, что обличение современных публицисту порядков переходит у Карпова «порой в прямое порицание современной ему государственной власти» (*Е. Н. Кимеева.* «Послание...», стр. 228). Этого в послании Ф. Карпова просто нет. Только стремлением зачислить Карпова в лагерь боярских реакционеров можно объяснить вывод Кимеевой о том, что Карпов «в конце послания... выказывает себя противником всякого прогресса, всякого движения общества вперед» (там же).

многообразии. В 20—30-х годах XVI в. не были еще ясны те пути переустройства общества, которые определятся только в середине XVI в. в ходе реформ Ивана Грозного.

Послание митрополиту Даниилу — единственное сколько-нибудь значительное произведение Карпова. Остальные дошедшие до нас его послания скорее являются пробой пера, чем изложением общественно-политических взглядов. В чем тут дело? То ли многое из творческого наследия Карпова не сохранилось, то ли Карпов-дипломат загубил талант Карпова-писателя.

Политическая теория, развивавшаяся Федором Карповым, имела своими истоками не только учение Аристотеля, но и идеи русских реформаторов конца XV в. Уже Федор Курицын в повести о валашском воеводе Дракуле нарисовал образ грозного правителя, который пытался истребить в своей стране всякую «неправду» и зло жестокими мерами, и среди них прежде всего казнями и мучительствами. «Толико грозен быс(ть)» этот Дракула (по-русски «дьявол») [90].

Но «грозная власть», на которую так рассчитывали еретики конца XV в., обманула их надежды. Сам Федор Курицын, очевидно, на собственном опыте убедился, что может принести с собою власть монарха-деспота.

Опыт костров 1504 г. сказался на взглядах наследников Федора Курицына.

По Федору Карпову, самодержец должен править «грозою правды и закона», а не грозою произвола. Но и это, по мнению Карпова, было недостаточной гарантией торжества справедливости. Нужна еще «милость» — милосердие, ибо именно из-за милости подвластные любят князя и управителя. Милость без правды — малодушие, а правда без милости — мучительство. В обоих этих случаях разрушаются города и царства. Но если милость дополняется правдою, а правда смягчается милостью, то царства сохраняются на многие века [91]. Федор Карпов видел уже неизмеримо далее, чем Федор Курицын.

Несколько иной характер носила деятельность придворного врача Василия III Николая Булева.

---

[90] «Повесть о Дракуле». М.—Л., 1964, стр. 118.
[91] *Дружинин*, стр. 111.

Еще в марте 1489 г. из Москвы к императору Фридриху III и его сыну римскому королю Максимилиану было отправлено русское посольство во главе с Юрием Траханиотом, которое в июле 1490 г. вернулось обратно на Русь с послом римского короля Георгом фон Турном. Стремясь добиться соглашения с Максимилианом, Ю. Траханиот и В. Кулешин в августе того же года были снова отправлены к римскому королю и вернулись в Москву 30 августа 1491 г., за три месяца до вторичного приезда туда же Георга фон Турна.

В Риме русские послы обратились к папе с просьбой оказать им содействие в исправлении календаря и составлении пасхалии (Kerken Ording). Дело в том, что в 1492 г. истекала седьмая тысяча лет (от сотворения мира), и руководство русской церкви было заинтересовано в составлении пасхалии на новое тысячелетие. Эта пасхалия должна была использоваться для борьбы с еретиками, которые подвергали критике обычное представление о связи конца тысячелетия с наступлением «светопреставления» [92]. Составление пасхалии должно было показать, что руководство русской церкви не разделяет это представление, и вырвать из арсенала еретиков одно из сильных орудий критики официальной церкви.

Русский посол Юрий Траханиот принадлежал к числу людей, близких к новгородскому архиепископу Геннадию, который и ведал в Новгороде составлением пасхалии. Однако Траханиоту с папой договориться не удалось, и тогда-то он сделал предложение приехать на Русь доктору Булеву, служившему при папском дворе, любчанину по происхождению. За труды Булеву обещано было выплатить значительное вознаграждение. Доктор направился в Новгород, где и служил при дворе Геннадия.

Сохранился интересный документ о пребывании Булева в Новгороде в 1494 г.— письмо Иоганна Ункеля из Новгорода в Ревель от 24 мая 1494 г., которое заверил «Никола Булев из Любека» («meister Nicola von Lubek») [93]. В Нов-

---

[92] Подробнее см.: *Н. А. Казакова* и *Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения, стр. 114, 135.

[93] „Liv-Esth-Kurländisches Urkundenbuch", Abt. II, Bd I, N 2, S. 1.

городе, следовательно, Булев поддерживал связи с немецко-ганзейскими купцами. О его жизни до выезда на Русь известно немного. Г. Рааб установил, что Н. Булев начал свое обучение в Ростоке в 1480 г. и в 1483/84 г. получил звание магистра [94]. После составления пасхалии Булев собрался покинуть пределы Руси, но на границе по неясной причине был задержан и доставлен к великому князю, у которого он впоследствии в течение 40 лет работал врачом и переводчиком с латинского и греческого языков [95].

Родственники Булева через императора Максимилиана, папу, ганзейские города и магистра Ливонского ордена пытались добиться возвращения его на родину, но все их попытки окончились неудачей.

В 1518 г. с Булевым в Москве встречался имперский посол Ф. да Колло, который позднее вспоминал его как «профессора медицины и основательнейшего во всех науках» [96]. Ф. да Колло безрезультатно ходатайствовал перед дьяком Мисюрем Мунехиным о возвращении Булева домой.

Николай Булев пользовался большим уважением при дворе Василия III. Составитель Софийской II летописи рассказывает, что Булев, находясь при великом князе, незадолго до его смерти в 1533 г. говорил о «великом жаловании», полученном им от Василия III [97].

Дата смерти Булева неизвестна. Так как еще в 1518 г. он был стариком, а фамильное предание гласило, что он прожил на Руси примерно 40 лет, то смерть Николая Люб-

---

[94] *H. Raab.* Über die Beziehungen Bartholomäus Chotans und Nicolaus Buelow zum Gennadij Kreis in Novgorod.— „Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok. Gesellschafts und Sprachwissenschaftliche Reihe", H. 3, 1958—1959, S. 419—422; *N. Angermann.* Nicolaus Bulow. Ein Lübicker Arzt und Theologe in Novgorod und Moskau.— „Zeitschrift des Vereins für Lübekis Geschichte und Alterthumskunde", 1966, Bd 46, S. 88—89; *N. Angermann.* Neues über Nicolaus Boulow und sein Wirken im Moskauer Russland.— „Jahrbücher für Geschiche Osteuropas", 1969, H. 3, S. 408—419.

[95] *E. Pabst.* Nicolaus Bulow. — «Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands", H. I, Reval, 1868, S. 85.

[96] *Карамзин*, т. VII, прим. 358.

[97] ПСРЛ, т. VI, стр. 271. В Царственной книге Булев ошибочно назван Люевым (ПСРЛ, т. XIII, 2-я половина, стр. 410).

чанина нельзя отодвигать далеко от 1533 г., иначе говоря, она относится к первым годам княжения Ивана IV [98].

О научной и публицистической деятельности Булева на Руси мы узнаем главным образом из немногочисленных сочинений, ему приписываемых, и из полемических произведений русских публицистов, направленных против него как одного из энергичных сторонников соединения церквей. С именем Булева прежде всего связывают перевод на русский язык по поручению митрополита Даниила в 1533—1534 гг. «Травника», изданного в Любеке в 1492 г. (перевод итальянской книги) [99]. «Травник» Николая Булева был первым переводным медицинским трактатом и сыграл определенную роль в развитии отечественной медицины [100].

Помимо перевода «Травника» Николаю Булеву (Любчанину) принадлежит беседа об иноке «Сошествие святого духа». В этой беседе он излагает некоторые вопросы иконописания с католической точки зрения [101].

Возможно, еще в бытность в Новгороде, когда Геннадий

---

[98] В Записке о Николае Булеве, помещенной перед одним из посланий Максима Грека, говорится, что он был на Руси при Василии III (*Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 213). Если бы Булев умер в 1548 г., как сообщают наследники, то в Записке не могли бы отнести его деятельность только ко времени княжения Василия III.

[99] См. списки «Травника»: ГИМ, Увар. 2191/623, 2192/387; ГПБ, Q, VI, № 11. В первой рукописи есть надпись: «Повелением же господина преосвященного Даниила митрополита всея Русии, божиею милостию, книга сия переведена с немецкого языка на словенский, а перевел полонянин Литовский, родом немчин, Любчанин». Сходные надписи имеются и на других рукописях. Список ГПБ, Q, VI, № 11, представляет собой рукопись XVIII в. на 205 листах, в 4° с заголовком «Книга глаголемая травник»; на л. 205 об. помещена надпись: «Преведена сия книга с немецкого языка на словенский. А перевел полонянин Литовский, родом немчин, Любчанин... А преведена в лето 7042 мая в 24 день». Содержание этих рукописей подробно изложено в кн.: *Л. Ф. Змеев.* Русские врачебники.— «Памятники древней письменности», вып. CXII. СПб., 1895, стр. 5—24, 35—38.

[100] Новейшими исследованиями установлено, что многие разделы «Травника» 1534 г. дополнены позднее русскими переводчиками (*Н. А. Богоявленский.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960, стр. 46—70).

[101] Беседа опубликована А. И. Соболевским по списку ГБЛ, Собр. Большакова № 321 (*А. И. Соболевский.* Материалы и заметки по истории древнерусской литературы, [вып.] VIII. Из истории иконописи.— «Известия ОРЯС», т. XX, кн. 2. СПб., 1915, стр. 270—276).

вел борьбу с еретиками, Булев перевел с латинского издания 1493 г. полемический трактат «Самуила евреина», направленный против иудаизма [102].

Д. О. Святский приписывает также Николаю Булеву перевод восьмой части астрономического трактата о времяисчислении, сделанный по Страсбургскому изданию 1486 г.[103]

Астрономический трактат помещен в очень интересном по своему содержанию сборнике. В сборнике находится пасхалия архиепископа Геннадия, что связывает составителя его с кружком новгородского архиепископа конца XV в.[104] Здесь же помещены сказания о древних еретиках (л. 232 и сл.), о новгородских еретиках (л. 287 об. и сл.), «о еллинъских мудрецах» (л. 189 и сл.). Перевод астрономического трактата был сделан в 1495 г.[105] Николай Любчанин, безусловно, содействовал распространению астрономических знаний на Руси, правда смешанных еще в значительной степени с астрологическими предрассудками.

Большие познания Булева в медицине, астрономии и других отраслях знания привлекали к нему внимание передовых русских людей первой половины XVI в. С Булевым состояли в переписке Максим Грек [106] и другие широко

---

[102] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 55. См. подробнее: *А. И. Соболевский.* Переводная литература... стр. 191—192; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 270; *Д. О. Святский*; Астролог Николай Любчанин и альманахи на Руси XVI века.— «Известия Научного института имени П. Ф. Лесгафта», т. XV, вып. 1—2. Л., 1929, стр. 47.

[103] *Д. О. Святский.* Астрономическая книга Шестокрыл на Руси; *В. Бенешевич.* Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия.— «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 378—380.

[104] «Учение пасхалии на осмую тысячу лет». Как «повелено бысть от господина» (ГПБ, Погод. № 1121, л. 128).

[105] «Напечатано в Архентине в лето господне 1480 шестого сея книга осмая часть и последняя. Преведена на рускый язык повелением архиепископа великого Новограда и Пскова Владыки Геннадия в дому архиепископа лета 7003 генваря в 5 день» (ГПБ, Погод. № 1121, л. 47).

[106] Некоторое время Максим Грек (в начале 20-х годов) поддерживал довольно дружеские отношения с Булевым. В одном послании он называл его «честный друже» (*Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 331). Булеву он написал послание об «исхождении святого духа» в ответ на его письмо (там же, стр. 323 и сл.). В другом послании он призывал Булева оставить его католические заблуждения (там же, стр. 341 и сл.).

образованные люди. Знал Булев, очевидно, жителей Югорских (Уральских) гор Угрима Багракова и его брата [107]. Максим Грек писал о Булеве, что «мудрость этого человека от многих была удивляема» [108]. В другом месте он писал: «Мудр сый, яко слышу, Николай и словенского художества искусен» [109]. Таково было мнение не одного Максима Грека, а и других современников, для одного из которых Николай Булев — «дохтор и великий ритор от немецкие области» [110].

Большое место в переписке Николая Булева с Мисюрем Мунехиным и Федором Карповым занимали астрономические и астрологические вопросы. Еще в 1520 г. в Германии Иоанном Штоффлером был издан Альманах, в котором тот предсказывал, что в 1524 г. произойдет всемирный потоп и гибель мира. Этот Альманах перевел на русский язык Булев (ГПБ, Погод. № 1674). Своими астрономическими и астрологическими взглядами он делился с Мисюрем Мунехиным и Федором Карповым. Правда, при этом он осторожно говорил, что в 1524 г. все будут очевидцами «не потопу водному, но изменению и преиначению» [111]. Но это не меняло дела.

В особом введении к «Посланию» Филофея Мисюрю Мунехину излагались «философли речи Николаевы латынина, а писал Мисюрю Мунехину о лете 32-м, что будет в то лето вселенныя странам, и царством, и областем, и обычаем, и градом, и достоинством, и скотом, и белугам морскым, вкупе всем земнородным несуменное применение и изменение, преиначение и потемнение, в то лето не узритися солнцу и луне» [112].

Против астрологических взглядов Николая Булева выступили представители как иосифлян (Филофей), так и нестя-

---

[107] Записка Л. Н. Майкова. — ЛЗАК, вып. XII, стр. 134; *Д. О. Святский.* Астролог Николай Любчанин, стр. 51.

[108] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 236.

[109] Там же, стр. 271.

[110] *В. Жмакин.* Памятник русской противокатолической полемики XVI века.— ЖМНП, 1880, № 10, стр. 321.

[111] Филофей, отвечая на письмо Мисюря Мунехина, излагал суждения Николая Булева так: «Што писал о переходных звездах знамение водное наследят, тогда и всеа вселенныа градовом и царством и страном вкупе всем земнородным пременение» (*Малинин*, стр. 38).

[112] *Малинин*, стр. 48.

жателей (Максим Грек) [113]. Причем в споре Максим Грек и Филофей выдвинули передовую для своего времени мысль о необходимости отличать астрономические знания от астрологических заблуждений [114].

Уже около 1506—1515 гг. Николай Булев развернул активную деятельность в пользу соединения русской православной и католической церкви. Он обратился с посланием к одному из виднейших церковных деятелей этого времени — архиепископу Ростовскому Вассиану (брату Иосифа Волоцкого), в котором развивал свои мысли по этому вопросу (Вассиан был при безвольном митрополите Симоне наиболее энергичным церковным иерархом). В своем послании, как сообщает нам один неизвестный публицист из Волоколамского монастыря, Николай «потонку» излагает свои соображения «о единстве веры истинного нашего православиа великаго святые нашыя веры к соединению латынскому приводит».

Идею о соединении церквей Николай Булев аргументировал свидетельством «многых писаний». Он «веру христианскую с латынскою едино нарицает и крещение латынское с православным за едино считает и многых православных смущает и велик съблазн приносит» [115]. Позднее Булев обращался к Максиму Греку с просьбой изложить историю разделения церкви [116].

В тексте «Слова о звездозрении», изданном в Казанском собрании сочинений Максима Грека, отсутствует очень важный фрагмент, в котором рассказывается, что Максим Грек в 1522/23 г. получил астрологическое сочинение Николая Немчина (возможно, от Федора Карпова), предсказывавшее

---

[113] В одном кратком послании Максим Грек писал, имея в виду Николая Булева: «Миру убо представление предвозвешати спешил еси, о Николае, повинувся звездам, внезапное же житиа твоего раззорение предрещи не возмогл еси, ниже предъуведати» (*Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 455). Неясно только, имеет ли Максим Грек в виду смерть Булева или какое-либо происшествие, случившееся с ним (например, опалу).

[114] *Д. О. Святский.* Астролог Николай Любчанин, стр. 47.

[115] ГБЛ, Волок. № 551, л. 262. О полемическом трактате против этого послания, озаглавленном ошибочно «Послание от некоего дохтора и великого риторьства именем Николая от немецкиа области», см.: *В. Жмакин.* Митрополит Даниил, стр. 319—332.

[116] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 509.

гибель турок: «Стрелцевы чада превозмогуть и прожнуть злость Кронову, сиречь турков в кратка времена, при дръжаве Максимилианове или последователя его». Тогда же «приведутся царствиа и началства к церкви» [117]. Идеи борьбы с турками и соединения церквей у Николая Булева (как и в посланиях римского папы Василию III) переплетались.

Взглядами Булева заинтересовался Федор Карпов, написавший ему послание с вопросами относительно догматических различий между православием и католичеством [118]. В ответе Карпову Булев, очевидно, утверждал, что сколько-нибудь серьезных различий между этими разновидностями христианской веры нет. Тогда Карпов обратился за разъяснениями к Максиму Греку, который написал ему два послания, направленные против суждений Булева. Сохранилось особое введение к посланию Максима Грека «на Николая Немчина», в котором излагаются взгляды Булева на «соединение церквей» [119].

Булев рассматривал таинство евхаристии как символ единения народов в боге.

Исследователи отмечают, что в рассуждениях Булева о христианской вере заметно влияние пифагорийской школы: Булев стремился втиснуть в арифметические или геометрические схемы различные богословские идеи. Так, для объяснения догмата «исхождения» он прибегал к сравнению ее с треугольником, вписанным в круг [120].

Таковы основные дошедшие до нас сведения о Николае Булеве, придворном враче, астрологе и ученом публицисте. Его медицинские и астрономические переводы способствовали развитию научных знаний на Руси, а вопросы, поднимавшиеся Н. Булевым, вызывали публицистический отклик в посланиях Максима Грека, Федора Карпова и других

---

[117] *В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения... стр. 91.

[118] *Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 235—236.

[119] «Сказание о Николае Немчине. Сей Николай Булев в богоспасаемом граде Москве долго время в летех осмыя тысящи...» (*Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 213).

[120] *А. И. Клибанов.* Реформационные движения, стр. 368; *Т. Райнов.* Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 184. Максим Грек писал, что Николай Немчин «съвещавает нам гиометриньскими образовании неизреченная и непостижимая божественного величия испытывати и изысковати» (*Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 295, 298, 299).

русских писателей XVI в.[121] В окружении архиепископа Геннадия кроме Николая Булева долгое время находился Дмитрий Герасимов. «Митя Малой», как его иногда называли в отличие от Дмитрия Траханиота, принадлежал к числу наиболее образованных людей старшего поколения при дворе московского государя. Обладал он и достаточным дипломатическим опытом, хотя при этом видных официальных постов не занимал. Так, в 1517 г. он ездил в Пруссию только в качестве толмача[122]. Герасимов входил в свое время в кружок новгородского архиепископа Геннадия, в котором сильны были не только цезарепапистские тенденции, но и влияние католической пропаганды. Первоначальное образование он получил в Ливонии. Прекрасный знаток латинского языка, он еще в 1501 г. перевел на русский язык противоиудейский трактат де Лиры, а в 1504 г. «Послание Самуила» на аналогичную тему[123]. Еще около 1497 г. он перевел трактат доминиканца Вениамина «Слово кратко» в защиту монастырского землевладения[124]. Возможно, Герасимов имел какое-то отношение к созданию «Повести о белом клобуке» (в посыльной грамоте автор называет себя Митей Малым, хотя в заглавии — Дмитрием Греком Толмачем, т.е. Дмитрием Траханиотом)[125]. В 1522 г. он закончил перевод латинской грамматики «Донатус»[126]. По правдоподобному предположению Н. А. Казаковой и Л. Г. Катушкиной, именно Герасимову принадлежит перевод письма Максимилиана Трансильвана о кругосветном путешествии

[121] Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Доктор Николай Булев — публицист и ученый медик.— «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961, стр. 78—86.

[122] Сб. РИО, т. 53, стр. 25. Иовий также сообщает, что Герасимов «был послом при королях шведском и датском и великом магистре Прусском, а в самое недавнее время при цесаре Максимилиане» (*Герберштейн*, стр. 252). Проверить эти сведения нам не удалось.

[123] *А. И. Соболевский.* Переводная литература... стр. 191—193.

[124] *А. Д. Седельников.* К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина, стр. 219—222; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба... стр. 227—229.

[125] *Н. Н. Розов.* Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 182.

[126] *И. В. Ягич.* Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке.— «Исследования по русскому языку», т. I. СПб., 1885—1895, стр. 582—911.

Магеллана, изданного в Риме в 1523—1524 гг.[127] В 1500 и 1535 гг. он переводил отрывки из немецкой псалтыри. Помогал Дмитрий Герасимов и в переводческой деятельности Максиму Греку [128]. Однако близость к кругу воинствующих церковников не давала возможности Герасимову занять хоть сколько-нибудь видное место при дворе. Только с утверждением на митрополии Даниила и после падения Максима Грека Дмитрий Герасимов в 1525 г. получил впервые столь важное дипломатическое поручение, как миссия в Рим. Выполнив ее, он в июле 1526 г. вернулся на родину[129].

Сравнительно мало известно о видном администраторе времен Василия III дьяке Мисюре Мунехине. Первое известие о Михаиле Григорьевиче Мунехине (по прозвищу Мисюрь) относится еще к 1502 г., когда он в качестве пристава присутствовал на приеме посла султана Кафы. Затем на несколько лет он пропадает из нашего поля зрения и появляется снова только в 1510 г., когда после присоединения Пскова к Русскому государству он оставлен в этом городе дьяком при наместниках «ведать приказные дела» [130]. Эти «приказные дела» относились и к военно-административной и внешнеполитической деятельности. Так, в 1515 г. Мисюрь наряду с наместником и воеводами великого князя в Пскове получил распоряжение идти с новгородской и псковской силой в поход на Литву под Бряславль. В 1514/15 г. именно у Мисюря псковские наместники должны были узнать о том, «как князь великий приказал чтити Максимьянова посла» [131]. Мисюрь, следовательно, пользовался особой доверенностью великого князя. В апреле 1517 г. М. Г. Мунехин принимал участие в церемониях встречи имперского посла Герберштейна в Москве. На следующий год именно к нему отправлен был из Москвы Е. Сергеев, который должен был отвезти

---

[127] *Н. А. Казакова, Л. Г. Катушкина.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана.— ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 239.

[128] *А. И. Соболевский.* Переводная литература, стр. 186, 189; *Максим Грек.* Соч., ч. 1, стр. 33; ч. 2, стр. 316.

[129] АЗР, т. II, № 34; ПСРЛ, т. VIII, стр. 271.

[130] ПЛ, вып. 1, стр. 96; вып. 2, стр. 225, 257, 298; *Масленникова*, стр. 193.

[131] ПЛ, вып. 1, стр. 98; вып. 2, стр. 260; ПДС, стб. 176; ср. стб. 175.

казну к магистру Тевтонского ордена. Когда в 1519 г. русский посол К. Замыцкий, направлявшийся к магистру, должен был передать распоряжения псковским наместникам, то он обязан был выполнить это в присутствии Мисюря. Переписка Василия III шла в этом году одновременно с псковскими наместниками и Мисюрем [132].

В 1519 г. Мисюрь «волостьми своею казною» начал сооружать Псково-Печерский монастырь, который уже вскоре стал крупным опорным пунктом на северо-западных рубежах России [133].

В 1521 и 1523 гг. М. Г. Мунехин самостоятельно вел дипломатические переговоры с ливонскими представителями. В 1525 г. он же строил башню на Гремячей горе в Пскове [134]. 11 марта 1526 г. Мисюрь умер.

Исследователи связывают с его именем несколько произведений. Так, А. А. Шахматов полагал, что М. Г. Мунехин в 1492/93 г. совершил путешествие в Египет и оставил краткие записки об этом [135]. Оснований для этой гипотезы у А. А. Шахматова два: 1) прозвище М. Г. Мунехина — Мисюрь, что Шахматов переводит как «египтянин»; 2) краткий рассказ о Египте, автором которого в одних списках назван «казначей Михаил Григорьев» (БАН, № 17.9.5, Хронограф XVII в. и Археографического общества), а в других — «Михаил Гиреев» (ГПБ, Погод. № 1464, 1465 и 0, 1, № 212) [136]. Датируется этот рассказ 7001 г. (БАН, № 17.9.9) и 7030 г. (ГПБ, Погод. № 1464, 1465). По наблюдению А. А. Шахматова, Пространная редакция рассказа (список БАН,

[132] ПДС, стб. 196, 211; Сб. РИО, т. 53, стр. 71, 120—121, 148, 157—158.

[133] ПЛ, вып. 1, стр. 101. По Псковской III летописи, это случилось в 1523 г. (ПЛ, вып. 2, стр. 226). Та же дата и в повести об основании Псково-Печерского монастыря («Повесть о начале Печерского монастыря». М., 1831, л. 4).

[134] ПЛ, вып 1, стр. 102, 104. Ср. «Грамота арцыбискупа ризского с Мисюревским подъячим с Олешею» (Описи, ящик 59, стр. 24). Алеша Псковитин был «любезный» человек Мисюря (ПЛ, вып. 1, стр. 104—105).

[135] *А. А. Шахматов.* Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г.— Известия ОРЯСЛ, 1899, т. IV, кн. I, стр. 200—202; см. также: *В. Малинин.* Старец Филофей, стр. 159—162.

[136] Тексты изданы А. А. Шахматовым (стр. 216—221), а список ГПБ, Погод. № 1464, который, по А. А. Шахматову, является копией с Погод. № 1465, и В. Малининым.

№ 17.9.9) и Краткая не могут быть выведены одна из другой и независимо друг от друга восходят к первоначальному тексту [137]. А. А. Шахматов предпочитает дату 7001 г. и чтение «Михаил Гиреев».

Еще Василий I (1389—1425 гг.) купил некоего татарина Мисюря у своего тестя Витовта. Внук этого татарина Кирей (Гирей) Амуратов бежал к польскому королю от Ивана III (до 1471 г.) [138].

По А. А. Шахматову, «Григорий», отец Мунехина, мог быть сыном Гирея, а Мисюрь мог именоваться Михаилом Гиреевым по деду. Все это построение весьма сомнительно. Уже прозвище Мисюрь могло не связываться с путешествием его обладателя в Египет. Мисюрь — шапка с железною маковкою на темени [139]. Прозвище Мисюрь было распространено на Руси и в Литве в XV—XVI вв.[140]

Таким образом, прозвище Мисюрь М. Г. Мунехина не может быть надежным свидетельством его путешествия в Египет. К тому же нет никаких данных о том, что Мисюрь Мунехин был когда-либо великокняжеским казначеем. А название его «Гиреев» по деду уже совсем сомнительно [141].

---

[137] Вывод спорен. Списки БАН и Погодинские крайне близки, причем первый отличается преимущественно позднейшим окончанием («и во Иеросалиме... и до века. Аминь»).

[138]. ПСРЛ, т. VIII, стр. 158.

[139] *А. А. Шахматов.* Путешествие М. Г. Мисюря, стр. 210—211; *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря, т. II. СПб., 1898, стб. 153—154.

[140] Так, в 1518 г воеводами литовскими были Черкас Хрептов и его брат Мисюрь (ПСРЛ, т. VIII, стр. 262). В 1550 г. тысячником по Суздалю был Мисюрь Зюзин (Тысячная книга, стр. 641). В 1627 г. духовную грамоту составил некий Пентелеймон Мисюрь Соловцев (АЮБ, т. I, № 86—I, стр. 555). В поручных записях 1563 и 1565 гг. упоминаются Мисюрь Иванов сын Дроздов и его сын Федор (СГГД, ч. I, № 179, стр. 489). Дмитрий Мисюрь Левашов жил где-то во второй половине XV в. С. Б. Веселовскому («Ономастикон» (рукопись)) были известны также Иван Михайлович сын Мисюрев (1568 г.) и Мисюрь Бестужев (середина XVI в.). В 1553 г. ясак собирал Мисюрь Лихарев (ПСРЛ, т. XIII, стр. 230). Под 1576 г. упоминается Мисюрь Трофимов (ЛОИИ, собр. рукоп. № 1028, л. 105 об.).

[141] Известно, однако, что в 80-х годах XV в. некий дьяк Михаил Гиреев подписал докладную купчую на землю (АСЭИ, т. II, № 483, стр. 524). У этого же дьяка где-то до марта 1482 г. был свой двор в Москве или на Волоке (АФЗХ, ч. II, № 15, стр. 18). Возможно, именно он и ездил в Египет в 1492/93 г.

А. А. Шахматов предполагал, что Мисюрь сообщил некоторые сведения о Ближнем Востоке Филофею, который использовал их при составлении Хронографа редакции 1512 г. (заметки о Египте по списку БАН помещены в составе дополнительных статей к Хронографу). Поскольку авторство Филофея для Хронографа 1512 г. новейшими исследователями (Н. Н. Масленникова, Я. С. Лурье и др.)[142] отрицается, то и это предположение в настоящее время не может считаться доказанным.

Если вопрос о причастности Мисюря к составлению рассказа о Египте и Хронографа 1512 г. остается в лучшем случае открытым, то его деятельность рисует нам верного сторонника Василия III и защитника представлений о сильном централизованном государстве. Мисюрь живо интересовался идеей о России как о преемнице Византии. Он был знаком с Николаем Булевым. Вопросы естественнонаучные волновали также псковского дьяка. В послании к Мисюрю дьяк Дмитрий Герасимов называл себя его «вскормленником»[143].

Н. Н. Масленникова обратила внимание на то, что в Псковской летописи Корнилия, враждебной по отношению к Москве, почти не говорится о деятельности Мисюря (в отличие от предшествовавшего ей свода 1547 г.). «Замалчивая деятельность Мисюря, имя которого было олицетворением московской власти во Пскове,— пишет Н. Н. Масленникова,— летописец стремится принизить престиж великого князя во Пскове»[144].

В дьяческой среде при дворе Василия III было много вдумчивых и образованных людей. К ним принадлежал, в частности, русский посол в Риме Еремей Трусов, который в 1528 г. составил повесть о храме богородицы[145]. Хорошо известен также дьяк Яков Васильевич Шишкин, посылавшийся в 1531 г. со специальным поручением Василия III в Новгород[146]. Из послания, адресованного ему Зиновием

[142] См. *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба, стр. 488—491.

[143] «Прибавления к творениям святых отцов», ч. XVIII. М., 1859, стр. 190—192.

[144] *Н. Н. Масленникова.* К истории создания теории... стр. 171.

[145] *К. Калайдович* и *П. Строев.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей... графа Ф. А. Толстова. М., 1825, отд. II, № 68, л. 308, стр. 260.

[146] ПСРЛ, т. VI, стр. 288.

Отенским, ясно, что Шишкин живо интересовался проблемой «правого» суда, соотношением буквы и духа закона [147]. Его размышления перекликались со взглядами другого современника новгородского дьяка — Ф. И. Карпова.

Поколение русских гуманистов первой трети XVI в. состояло еще из отдельных передовых людей, охваченных жаждой знания и просвещения, наследников вольнодумцев конца XV в. Эти гуманисты поняли преобразующую роль знаний и сыграли выдающуюся роль в истории русского самосознания. Они не стали активными борцами за переустройство жизни, но им суждено было сделаться учителями тех, кто в середине XVI в. снова поднимает свой голос протеста против церкви и иссушающих душу условий крепостнического государства. Кабинетный ученый-гуманист Эразм Роттердамский фактически подготовил выступление пламенного Томаса Мюнцера — вождя крестьянской войны в Германии. В России же вслед за вполне благонадежными Федором Карповым, Мисюрем Мунехиным и резонером Максимом Греком пришли смелый мечтатель Иван Пересветов, еретик Матвей Башкин и борец за счастье угнетенного люда холоп Феодосий Косой.

---

[147] *А. И. Клибанов* и *В. И. Корецкий.* Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину.— ТОДРЛ, т. XVII, стр. 201—224.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ III

Начавшиеся успешно переговоры с Казанью неожиданно оборвались весной 1530 г. Как сообщают русские летописи, Сафа-Гирей не выполнил условия присяги (шерти) и «срамоту учинил велику» русскому послу Андрею Пильемову. Поэтому отправленный с новой дипломатической миссией в Казань князь И. Ф. Палецкий был временно задержан в Нижнем Новгороде. На повестку дня снова встал вопрос об окончательном присоединении к России Казанского ханства. В апреле (по Продолжению Хронографа 1512 г. и Софийской II летописи) или в мае (по разрядам) начался третий большой поход русских войск на Казань. И на этот раз сам великий князь в нем не участвовал. Посланы были, как и во время прежних походов, две рати. Судовую рать возглавили князья И. Ф. Бельский и М. В. Горбатый (последний с войсками из Новгорода), конную — князь М. Л. Глинский.

Момент для начала похода был выбран удачно. Ни Турция, занятая своими европейскими делами, ни Крым, раздиравшийся междоусобиями, не могли прийти на помощь казанскому хану. Однако некоторые меры казанцы все же приняли. Они добились помощи ногайцев (отряд мурзы Мамая) и астраханцев (отряд князя Аглыша). Около реки Булака, под Казанью, сооружен был деревянный острог, окруженный рвами. Он должен был прикрывать Казань от московских войск. 10 июля (по разрядам — 12 июля) рати Бельского и Глинского соединились близ Казани.

Основные силы татар и черемисы находились внутри острога. Однако войскам князя И. Ф. Овчины Оболенского (сначала командовал полком правой руки, затем передовым

полком конной рати) в ночь на 14 июля удалось овладеть острогом. При этом погибло, по преувеличенным данным Казанского летописца, до 60 тыс. казанцев и ногайцев [1]. Погиб и командовавший казанскими войсками мурза Аталык, участник обороны Казани в 1524 г.

О ходе дальнейших событий источники сообщают глухо[2]. После взятия Булакского острога Сафа-Гирей «утече в город». Начался обстрел казанской крепости. Тогда навстречу русским войскам выехали представители казанской знати князья Булат, Аппай и Табай с изъявлением покорности московскому государю. Во всяком случае двое из них известны были промосковскими симпатиями (Аппай участвовал еще в мирном посольстве 1525 г., а Табай — в посольстве 1529 г.). Воеводы привели казанских представителей к присяге, получив заверения, что казанцы пошлют послов в Москву «добивати челом за свою вину», впредь будут «неотступными» от государя, «и царя им на Казань ни отколе не имати, оприче государя» [3]. После этого русские воеводы вернулись восвояси. Такова официальная версия.

Однако Софийская II и Вологодско-Пермская летописи, а также «Казанская история» вносят в эту картину существенные коррективы. Оказывается, Сафа-Гирей бежал к Арскому полю, за ним в погоню отправился князь И. Ф. Оболенский с передовым полком. Но крымскому хану, судя по Казанской истории, удалось добраться до Астрахани. Казань осталась без хана. Мало того, «город (т.е. Казань. — *А. З.*) стоял часы с три без людей, люди все из города выбежали, а ворота городные все отворены стояли» [4]. И вот вместо того, чтобы войти в Казань, воеводы М. Глинский и И. Бельский не только этого не сделали (перессорились, кому первому войти в крепость) [5], но даже не озаботились об охране

---

[1] КИ, стр. 69—70.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 548; т. VI, стр. 265; Э, л. 97—97 об.; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 29—29 об.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 273.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 265. По «Казанской истории», в крепости оставалось всего «бойцев 12 000 черемисы» (КИ, стр. 71).

[5] «Не взяли города, потому что воеводы меж себя Белской с Глинским спор учинили о местех, которому ехати в город наперед» (ПСРЛ, т. VI, стр. 265). По Вологодско-Пермской летописи, «промеж воеводами пришла брань, а люди в розстрое» (ПСРЛ, т. XXVI, стр. 314).

своих тылов: «обозу города гуляя не сомкнуша» [6]. Воспользовавшись этим, черемиса захватила гуляй-город и 70 пищалей (по Казанской истории — 7 пушек). При этом погибли видные воеводы: князь Федор Лопата Васильевич Оболенский (возглавлял передовой полк судовой рати), князь И. И. Дорогобужский и еще несколько военачальников. Взятый в плен еще на Свияге И. М. Клепиков был отвезен в Казань, где его умертвили. Только после этого воевода И. Ф. Бельский приступил к интенсивному обстрелу Казани. Но было уже поздно — взять крепость не удалось, хотя казанцы и «добиша челом воеводам». Всего под Казанью русские войска находились 20 дней, 30 июля они отошли от нее, на следующий день переправились через Волгу, а из-за Волги пошли «на украины муромские и на темниковские места» 15 августа [7].

Когда Василий III узнал об исходе своего казанского плана, он был взбешен. Ошибки воевод были непростительны. Виновных бросили в темницу. Не пострадал на этот раз только М. Глинский. Князя Ивана Бельского, как главного из воевод, великий князь даже хотел казнить, и только по челобитью митрополита Даниила смерть ему заменена была заточением. Ходили слухи, что Бельский не взял Казань, так как был подкуплен казанцами. Так или иначе, но если все воеводы вскоре были прощены, то князь Иван находился в темнице до самой смерти великого князя.

Вскоре, 25 августа 1530 г., в Москве произошло событие, встреченное с радостью при дворе Василия III — супруга великого князя родила московскому государю долгожданного наследника престола. Его нарекли Иваном [8]. Рассказывали, что юродивый Доментий предсказывал, что родится «Тит — широкий ум» [9] (наследник родился в день апостолов Варфоломея и Тита. Будущее показало, что Иван Васильевич обладал недюжинным умом). 4 сентября в Троицком монастыре младенец был крещен.

---

[6] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 314.

[7] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 314; КИ, стр. 71—72; ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 25 об.

[8] ПСРЛ, т. IV, стр. 547—548, 615, и во всех других летописях, кроме ПСРЛ, т. VI, и ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 25 об., где — 24 августа, «с среды на четверг, на шестом часу нощи».

[9] ПСРЛ, т. XXI, стр. 629.

Крестными отцами стали старец Иосифо-Волоколамского монастыря Кассиан Босой, игумен Переяславского монастыря Даниил и троицкий старец Иона Курцев [10].

Как сообщает Вологодский летописец, на радостях московский государь снял опалу с князей Ф. Мстиславского, М. Д. Щенятева, Б. И. Горбатого, М. А. Плещеева, Я. Г. Морозова, окольничего И. В. Ляцкого, со своего любимца И. Ю. Шигоны Поджогина, дьяка И. И. Телешова [11]. Все они находились в опале по разным причинам. Князь Федор Мстиславский, прощенный на этот раз великим князем, вероятно, именно тогда получил в вотчину вместо Малого Ярославца далекую от западных рубежей страны и небольшую по размерам Юхотскую волость. Тогда же была «прощена» и Соломония Сабурова, переведенная теперь из Каргополя в Покровско-Суздальский монастырь.

В связи с рождением наследника престола в иосифлянской среде написано было похвальное слово Василию III. Для автора слова великий князь («белый царь») — «оружие и забрало земли Руская», «о благочестии воин непобедим». Василий III — «единодръжец бысть земли своей и покори под ся вся окружьныя страны — овых миром, а непокоривыя мечем» [12].

Новгородский летописец (составитель свода 1539 г.) писал, что, когда родился Иван, «внезапу бысть гром страшен зело и блистанию молнину бывшу по всей области державы их, яко основанию земли поколебатися; и мнози по окрестным градом начаша дивитися таковому страшному грому» [13]. Так в блеске молний и грохоте грома появился на свет будущий царь Иван Васильевич Грозный.

Рождение наследника престола было сильным ударом по честолюбивым замыслам Юрия Дмитровского. Отношения между братьями обострились. В отличие от князя Андрея Юрий Иванович даже не был на крещении молодого Ивана

---

[10] *А. А. Зимин.* Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III.— «Лингвистическое источниковедение». М., 1963, стр. 131—135.

[11] Об упомянутых лицах см.: РК, стр. 72—73; Э, л. 81 об.; СГГД, ч. 1, № 156, стр. 432; Сб. РИО, т. 35, стр. 646 и сл.; *Герберштейн*, стр. 38; ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 161.

[12] *Н. Н. Розов.* Похвальное слово великому князю Василию III, стр. 282.

[13] ПСРЛ, т. VI, стр. 257. Ср. т. IV, стр. 548.

Васильевича. Поэтому Василий III счел необходимым нанести удар по тем силам, которые поддерживали князя Юрия. Особую опасность представляли потенциальные союзники дмитровского князя на восточных и южных рубежах России.

Дальновидные круги казанской знати отлично понимали, что необходимо как можно быстрее договориться с московским правительством, ибо угроза нового похода русских войск на Казань оставалась реальной. Поздней осенью 1530 г. в Москву прибыло посольство из Казани во главе с князьями Табаем и Теввекелем и бакшей Ибреимом. Послы от имени Сафа-Гирея обещали быть «неотступными» от Василия III «всею землею Казаньскою». Великий князь в свою очередь, «чтобы кровопролитиа не было... всей земли Казаньской людем опалу свою отдал». Тогда Табай и Теввекель от имени казанцев принесли московскому государю присягу на верность.

В январе 1531 г. в Казань с этой шертью отправился И. В. Полев. Его задачей было принять подобную же присягу от самого хана и вернуть русских полоняников и «наряд», захваченный казанцами во время похода 1530 г. Однако дело оказалось не такое простое. 26 марта от Полева в Москву приехал человек, сообщивший, что «царь правды на шертной грамоте не учинил и пищалей ему не отдал». Хан Сафа-Гирей настаивал на отпуске его послов, просил прислать в Казань «большого посла» и в свою очередь вернуть «пищали и пушки», захваченные воеводами под Казанью. Если это будет сделано, то хан обещал «правду на записи учинить» и отпустить И. Полева.

По слухам, это решение продиктовано было тем, что до Сафа-Гирея донеслись вести о подготовке нового похода Василия III на Казань. И действительно, весной 1531 г. казанские послы в Крыму энергично, но безуспешно настаивали на немедленной помощи со стороны Саадат-Гирея. Без нее, говорили они, «нам не мочно отсидетися в городе, люди все выбиты и высечены. И не поспеют люди к нам к тому сроку на мае месяце, и нам, увидев черпь московских людей, бежати, город покинув, куды очи несут» [14].

Положение казанских послов в Москве было сложное.

---

[14] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 320 об.

Желая предотвратить неизбежное кровопролитие, князь Табай выдвинул идею смены казанского хана, ибо вся беда-де происходила оттого, что Сафа-Гирей, послушав ногайцев и «лихих» людей из числа казанцев, поступил «негоже». В самой Казани «люди все в разни», причем «людей добрых мало, все люди мелкие, иноземные, земли крепить некому». Переговоры с Табаем и другими послами вел Ф. И. Карпов, опытнейший русский дипломат, давно руководивший сношениями с восточными странами, а также наиболее приближенный к самому Василию III дьяк Меньшой Путятин. Казанские послы просили отпустить на царство послушного великокняжеской воле Шигалея. Он должен был вместе с ними отправиться в Васильсурск. Отсюда казанские послы предполагали послать грамоты в Казань, а также к горной и луговой черемисе и арским князьям с сообщением, что «их хочет государь жаловати и беречи». Однако Карпов и Путятин попытались выяснить, действуют ли послы в данном случае по уполномочению «князей и земли» или на собственный страх и риск. Хотя Табай и Теввекель отрицали наличие у них каких-либо полномочий по этому вопросу, но сказали, что у них в Казани есть единомышленники. Тогда решено было послать предварительно в Казань Постника Головина, выяснить мнение мурзы Качигалея и князя Булата. Вернувшись 17 мая в Москву, Постник Головин сообщил, что в Казани произошел переворот: Сафа-Гирей с царицей (дочерью Мамая) выслан в Ногайскую степь. 19 мая в Москву прибыли Кулчюра и Форузат с грамотами от Горшедны-царевны, мурзы Качигалея и князя Булата, которые в это время захватили власть в городе. В своих грамотах они писали, что к кандидатуре Шигалея они относятся настороженно («блюдемся») и предпочитают ему Яналея, сына Шихавлиара, племянника хана Большой орды Ахмата.

На том и порешили. Шигалей уже скомпрометировал себя в Казани, а кандидатура Яналея вполне устраивала Василия III, ибо он уже с малых лет находился на русской службе, будучи городецким князем [15]. Пятнадцатилетний царевич, «тихий и смирный» Яналей, был приведен к при-

[15] Упоминался в разрядах в 1521 г. «в Мещере» и с «городецкими татары» в 1528 г. (РК, стр. 66, 72). Подробнее см.: *Вельяминов-Зернов*, стр. 253—275.

сяге. После этого его вместе с Табаем, а также русскими послами Я. Г. Морозовым и дьяком Афанасием Курицыным отправили в Казань, где 29 июня он снова дал «записи шертные» в верности Москве и был торжественно посажен на царство. Опекуншей его стала царевна Горшедна [16].

Так был решен казанский вопрос. Однако достигнутый компромисс устраивал обе стороны тольно на время. Это была передышка, необходимая и казанцам, и московскому государю.

С Крымом Василий III продолжал вести сложную дипломатическую игру. В феврале 1530 г. туда отправлен был посол Степан Иванович Злобин, а 16 июня в Москву прибыл крымский посол Ахмат Улан. Ведя переговоры об условиях шерти с Саадат-Гиреем, великий князь посылал одновременно грамоты и его противнику Исламу, предлагая ему выехать на Русь [17].

Казанские планы Василия III не способствовали стабилизации русско-крымских отношений. В феврале 1531 г. Василий III получил из Крыма донесение, что Саадат-Гирей собирается выступить в поход на Литовскую землю. Однако в самый последний момент под влиянием своих советников он отменил свое решение и разрешил царевичу Бучаку совершить набег на Русь (на тульские места и Белев) [18]. Для предотвращения подобных набегов весной Василий III послал в Путивль Шигалея, Ак-Доулета и сына мурзы Камбара со «служилыми татары». Сюда же были направлены и русские воеводы князья Б. И. Горбатый, Д. С. Воронцов, В. Коробов, и из Новгорода-Северского князь И. Барбашин, и из Стародуба князь Ф. В. Оболенский. Одновременно на Коломну и Каширу должны были идти князь В. В. Шуйский и другие воеводы [19].

20 февраля после получения известия о набеге крымцев «на тульские и одоевские места» в Тулу посланы были воеводы князь И. М. Воротынский, И. В. Ляцкий, князь И. Ф. Овчина Оболенский и др. Однако 7 марта на Тулу послан был Иван Фомин Ларев с приказом заменить воевод. Трех названных военачальников дьяк А. Курицын доставил

[16] ПСРЛ, т. VIII, стр. 275—277; КИ, стр. 71; Э, л. 98 об.
[17] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 259, 238—239, 273.
[18] Там же, л. 296 об.—297.
[19] Там же, л. 302 об.—303; РК, стр. 77—78,

в Москву. Чем вызвана была эта опала, неизвестно. Но она была кратковременной. Летом 1532 г. И. М. Воротынский и И. Ф. Оболенский уже упоминаются среди воевод в полках, а в мае 1533 г. такие же сведения есть и о И. В. Ляцком [20].

Весной 1531 г. из Крыма пришла весть, что Саадат-Гирей ограбил русских гонцов и послов, ссылаясь на то, что-де ему мало было привезено поминков.

Попытки крымцев оказать вооруженное давление на Россию оказались тщетными. Еще 3 июля князь Б. И. Горбатый сообщал из Путивля, что около 1 тыс. крымцев подошли к Одоеву. 22 июля из Крыма поступила весть, что 500—600 крымских людей хотят совершить набег на рязанские места. Тогда «на берег» отпущены были воеводы, одновременно «прибавлены» были воеводы на Туле и в Рязани [21]. Этим дело и ограничилось. Никаких серьезных акций против России Саадат-Гирей, несмотря на нажим турецкого султана, предпринимать не мог [22]. У него снова произошел разрыв отношений с Исламом, которого летом 1531 г. взяли себе на царство астраханцы.

Единственно, чего мог добиться Саадат,— это высылки «за море» одного из своих соперников — Сагиб-Гирея (сентябрь 1531 г). Но этот шаг сузил круг лиц, которые поддерживали самого крымского царя, ибо за спиной Сагиба стояли видные крымские мурзы.

Укрепив свое положение на Востоке и имея спокойные тылы на Западе, Василий III мог заняться делами домашними. А их у него накопилось много. После рождения наследника престола активизировались силы, недовольные ростом великокняжеской власти. С ними, а также с теми, кто так или иначе содействовал упрочению позиции врагов московского государя, решено было покончить.

11 мая 1531 г. начались заседания церковного собора по делу о фаворите великого князя Вассиане Патрикееве. Присутствовали на них также боярин Михаил Юрьевич Захарьин и дьяки. Ни великого князя, ни его братьев на засе-

---

[20] РК, стр. 78—81; Э, л. 99—100.

[21] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 303 об., 315; РК, стр. 76—77.

[22] В июле Сагиб-Гирей сообщал в Москву, что султан обещал прислать в Крым пушки и пищали, если Саадат-Гирей пойдет «на Московского» (ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 311).

даниях собора не было. До нас дошел только отрывок (без конца) судебного дела по списку конца XVI в.[23] Путаное известие об осуждении Вассиана и заточении его в Иосифове монастыре за противодействие разводу великого князя содержится в «Выписи о втором браке». Дополнительные сведения о Вассиане есть в так называемом «Судном деле» Максима Грека.

Вассиану в отличие от Максима Грека (на процессе 1525 г.) не предъявлялось никаких политических обвинений. После событий 1525 г. князь-инок некоторое время еще пользовался расположением Василия III. Так, по его челобитью 14 сентября 1526 г. была выдана Василием III льготная грамота Ниловой Сорской пустыни («бил ли челом старец Васьян княж Иванов сын Юрьевича»). На основании этой грамоты Н. А. Казакова отрицает связь дела Вассиана с разводом великого князя и склонна объяснить его опалу просто ростом влияния иосифлян при великокняжеском дворе[24]. Однако вряд ли великий князь выдал бы на расправу своего старого советника, если б у него для этого не было веских причин. Ведь не только «Выпись», но и Курбский прямо говорит, что Вассиан «возбранял» Василию жениться на Елене[25]. После рождения наследника престола Ивана всякие разговоры о каноничности второго брака великого князя приобретали особую опасность — они по существу означали отрицание законности и наследника престола. В таких условиях от неугомонного Вассиана лучше было отделаться. Поэтому он и был выдан с головою иосифлянам. Таким образом, подоплекой дела Вассиана, очевидно, являлся все же вопрос о втором браке Василия III.

Но так как с церковной точки зрения в вопросе о каноничности развода прав был Вассиан, а не великий князь, то Вассиан обвинялся в других церковных преступлениях. Главное из них связано с его переводом Кормчей. Этому труду была противопоставлена так называемая «Сводная Кормчая», составленная, как недавно было выяс-

---

[23] БАН, № 11, 13, 17, л. 341—404. Опубликован в кн.: *Казакова*, стр. 285—318. О взглядах Максима Грека и Вассиана Патрикеева см. выше, гл. 12, 14.

[24] ААЭ, т. I, № 173; *Казакова*, стр. 64—74; *ее же*. Очерки, стр. 117—120.

[25] РИБ, т. 31, стб. 163.

нено Б. М. Клоссом, при непосредственном участии митрополита Даниила накануне собора 1531 г. Первая вина Вассиана, по мнению его обвинителя митрополита Даниила, состояла в том, что он «развратил... на свой разум» Кормчую, эту «святую великую книгу». В частности, в ней Вассиан писал, что инокам полагается «жити по евангелию, сел не дръжати, ни владети ими». Следовательно, он «хулил» тех русских «чудотворцев», которые владели селами. Он, в частности, говорил: «Господи! Что ся за чюдотворцы? Сказывают, в Колязине Макар чюдеса творит, а мужик был селской» [26].

Второе обвинение сводилось к тому, что Вассиан якобы говорил: «Плоть господня до воскресения нетъленна». Учение о нетленности плоти Христа означало признание его одной божественной природы, что представляло собой критику с рационалистических позиций ортодоксального учения [27]. Больше ничего не могли иосифляне инкриминировать своему злейшему противнику, хотя и выискивали у этого старца всевозможные отклонения от правоверия.

Был еще один путь компрометации Вассиана, которым Даниил не замедлил воспользоваться,— это его дружба с опальным Максимом Греком. Поэтому одновременно с собором «на Вассиана» состоялся и второй собор — на Максима Грека.

Целью нового собора на Максима Грека, как правильно подметил С. Н. Чернов, была не расправа с его повергнутым «философом», а сокрушение Вассиана Патрикеева [28]. Главные обвинения, выдвинутые на этом соборе, касались переводческой деятельности Максима, которая была тесно связана с работой Вассиана Патрикеева над Кормчей и его нестяжательскими взглядами. «Судный список» по делу о Максиме Греке, по наблюдениям Н. А. Казаковой, представляет собой публицистическую обработку материалов процессов 1525 и 1531 гг., предпринятую значительно позднее происходивших событий [29]. Сохранившийся «судный

---

[26] *Казакова*, стр. 287, 292, 297.

[27] *Казакова*, стр. 298, 98; *ее же*. Очерки, стр. 122.

[28] *С. Н. Чернов*. К ученым несогласиям, стр. 71; *Н. А. Казакова*. Очерки, стр. 236—237.

[29] *Н. А. Казакова*. О «судном списке» Максима Грека, стр. 25—36.

список» (в поздних списках, не ранее конца XVI—XVII в.)[30] восходит к дефектному протографу, в котором отсутствовали как конец судебного разбирательства 1525 г., так и конец судного списка 1531 г.

«Судный список» после отрывка о соборах 1525 г. содержит краткое введение публицистического характера, в котором говорится, что в 1531 г. собрался церковный собор, который «изобретоша ко многим прежним хулам новейшие хулы на господа бога», распространявшиеся Максимом Греком. Далее приводится обвинительная речь митрополита Даниила с перечислением «прежних» и новых проступков Максима. Максим, якобы находясь в заключении в Иосифове монастыре, похвалялся своим умением «волхвовать» (колдовать). Затем он укорял и хулил русские монастыри, «что они стяжания и люди, и доходы, и села имеють». А отсюда вытекало и то, что Максим укорял русских «чудотворцев», митрополитов Петра и Алексея, а также Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Пафнутия Боровского и Макария Калязинского: «Занеже они держали городы, и волости, и села, и люди и судили и пошлины, и оброки, и дани имали, и многое богатство имели, ино им нелзе быть чюдотворцем»[31].

---

[30] Самый древний и полный список находится в Сибирском сборнике конца XVI в. Дефектная версия той же редакции представлена другими текстами, в том числе списком ГПБ, Погод. № 1597 (первая половина XVII в.). По этому тексту «Судное дело» издано О. Бодянским («Список с судного списка. Прение Даниила, митрополита Московского и всеа Руси, со иноком Максимом Святогорцем».— Чтения ОИДР, 1847, № 7, отд. IV, стр. 1—13). Как показал С. Н. Чернов, в «Список» ошибочно включен отрывок из «Прения» Ивана IV с Рокитой (текст «едино существо... Сия убо до зде».— Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 3—4). Вместо них должен быть текст: «На престоле сидящего... бесплотных сил», пропущенный Бодянским и изданный Черновым *(С. Н. Чернов.* К ученым несогласиям, стр. 51—52). В Погодинском сборнике кроме «Судного списка» и «Прения» находится также «Выпись о втором браке».

Второй список, обнаруженный Н. А. Казаковой, начала XVIII в. (ГИМ, Барсова, № 2736). Остальные не представляют интереса (ЦГАДА, ф. Оболенского, № 426,— копия с Погодинского, а ГИМ, Уварова, № 831, и ГИМ, Хлудова, № 75,— копии с издания Бодянского).

[31] Чтения ОИДР, 1847, № 7, отд. IV, стр. 5, 6; Сибирский список, л. 329 об., 388 об.— 340.

Максиму Греку вменялось в вину также, что он в Волоколамском монастыре говорил: «Напрасно мя держат без вины», т.е. отрицал все прежние обвинения, выдвинутые против него на соборах 1525 г.

После речи Даниила состоялся допрос Максима и свидетелей. Максим и на этот раз считал себя невиновным. Однако свидетели Михаил Медоварцев и Вассиан Рушанин всячески старались его «изобличить» (как поступал и сам Максим по отношению к Берсеню в 1525 г.). Они утверждали, что при переводе «правили» книги по прямому указанию Максима Грека. А так как его переводы отличались от старых, бытовавших на Руси, то этого было вполне достаточно, чтобы обвинить Максима в ереси. При этом Вассиан Рушанин ссылался на слова Вассиана Патрикеева: «Ты слушай мене, Васьяна, да Максима Грека, и, как тебе велит писати или заглаживати Максим Грек, так учини. А здешние книги все лживые, а правила здешние кривила, а не правила» [32].

Так или иначе Максим и Вассиан Патрикеев были признаны виновными. Первого сослали в Тверь, епископом которой был иосифлянин Акакий, а второго — в Иосифо-Волоколамский монастырь (где ранее находился в заточении Максим).

Последнее упоминание о Вассиане относится к 1532 г. В грамоте от 4 марта Василий III, вызывая в Москву старца волоколамского Тихона, наказывал: «Васьяна княж Иванова приказал бы ты, Тихон, беречи Фегнасту Ленкову» [33].

Расправившись с Вассианом и Максимом, Василий III решил еще более укрепить положение сына-наследника. 5 февраля 1531 г. с князя Ф. М. Мстиславского взята была вторая крестоцеловальная запись [34]. Князь Федор, которого до рождения Ивана Василий III, возможно, прочил в наследники престола, предпринял неудачную попытку бежать

---

[32] Чтения ОИДР, 1847, № 7, стр. 10.

[33] *А. А. Зимин.* Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III, стр. 135.

[34] СГГД, ч. I, № 159, стр. 439—443. После брака с Анастасией в августе 1529 г. князь Федор в разрядах впервые упоминается в августе 1533 г. (РК, стр. 82). Ср. его жалованную грамоту от 22 июня 1533 г. (ГКЭ, Ярославль, № 8/14756).

в Литву, добрался до Можайска, но был схвачен [35]. Трудно сказать, чем вызывался этот побег: то ли князь Федор потерял надежду на наследование русского престола и решил отъехать, то ли он боялся возможного преследования со стороны Василия III, ставшего недавно счастливым отцом нового наследника престола. Во всяком случае отделался князь Федор сравнительно легко. Он принес присягу верности Василию III, в которую был внесен пункт о службе и сыну великого князя Ивану.

31 июня Василий III отдал распоряжение «быти у князя Дмитрея Федоровича Бельского и спати, переменяясь», четырем детям боярским. «Доспех» князя должен был взять оружничий Никита Карпов, коня — Василий Беззубый. Князь Дмитрий впервые после длительного перерыва упоминается в разрядах в августе 1530 г. Опала его брата Ивана после похода 1530 г. отразилась, наверно, и на нем самом. Во всяком случае приведенное распоряжение говорит об усилении надзора над князем Д. Ф. Бельским [36].

15 августа 1531 г. (на Успеньев день) присягу московскому государю, Елене Глинской и наследнику Ивану принесли также новгородцы [37]. В честь этого события в Детинце поставлена была деревянная церковь Успенья. В ней находился придел Усекновения честные главы Иоанна Предтечи (по имени наследника престола). Освящена она была к годовщине со дня рождения Ивана (26 августа) [38]. По иронии судьбы с усекновением «честных глав» будет в дальнейшем связана вся жизнь Ивана Васильевича. И особенно достанется самому Великому Новгороду.

Торжественное принесение присяги наследнику связывало княжение Василия III с правлением его отца. Ведь и сам Василий при Иване III получил титул новгородского князя. Тот же смысл, что и присяга новгородцев, имело

---

[35] Согласно записи, князь Федор признавался, что он «хотел... ехати... к Жигмонту королю». В царском архиве хранились «списки княж Федоровы Мстиславского, как приехал в Можаеск, и прежнее его дело, что было ему ехати в Литву» (Описи, ящик 27, стр. 21). В первом случае (1529 г.) было только «дело» о побеге, а во втором (около 1531 г.) — уже и попытка отъезда.

[36] ЦГАДА, ф. 146, № 5. Следующее упоминание о кн. Дмитрии относится к лету 1532 г. (РК, стр. 74, 80).

[37] НЛ, стр. 125; ПСРЛ, т. XXX, стр. 203.

[38] НЛ, стр. 323; ПСРЛ, т. VIII, стр. 278; т. XXIII, стр. 259.

составление докончальной грамоты Василия III и Юрия Ивановича от 24 августа 1531 г. Это не первый договор между братьями. В Царском архиве хранились более ранние «списки з докончальных грамот княж Юрьевы, и княж Дмитриевы, и княж Семеновы, и княж Ондреевы с великим князем Василием» [39]. Точной даты составления их нам неизвестно. Весь пафос докончания 1531 г. состоял в том, что князь Юрий отказывался от претензий на великокняжеский престол и приносил присягу на верность не только Василию III, но и его сыну Ивану. В остальном грамота повторяла текст договора между братьями 1504 г.[40] Аналогичное докончание составлено было и с князем Андреем, но текст его не сохранился [41].

Устроив дела в Москве со своими удельными братьями, 17 сентября 1531 г. Василий III выехал вместе с Еленой и годовалым сыном помолиться в Троицу, а затем на Волок и в Можайск «на свою царскую потеху». Вернулся в столицу он 19 ноября [42]. Прошло меньше месяца, и великий князь отдал распоряжение послать в Нижний Новгород Шигалея и казанских послов (10 декабря). Там уже с октября находились крупные военные соединения во главе с Василием Шуйским. Это был ничем не прикрытый военный нажим, которым московский государь хотел добиться утверждения Яналея на престоле [43].

---

[39] Описи, ящик 27, стр. 21. Грамота упоминается и в Описи Посольского приказа 1614 г.: «Список с утверженные грамоты Юрия Ивановича с великим князем Васильем Ивановичем всеа Руси». Здесь же хранились и «утвержденные» грамоты князя Юрия с Василием III 1531 г. (там же, стр. 55).

[40] ДДГ, № 101, стр. 416—420; № 90, стр. 364—369.

[41] Описи, ящик 158, стр. 33.

[42] ПСРЛ, т. VIII, стр. 276; т. XIII, стр. 54; т. XX, стр. 409. Во время поездки «на потеху» Василий III написал два письма Елене Васильевне, в которых заботится о здоровье своего наследника («Письма русских государей», т. I, № 2—3, стр. 3—4). Писала великому князю грамоты и княгиня Елена, «коли князь велики ездил с Москвы» (Описи, ящик 85, стр. 27).

[43] ПСРЛ, т. VIII, стр. 276; РК, стр. 79—80. Датировка событий в Казани сбивчива. И. И. Смирнов считал, что переворот в Казани произошел не в 1531, а в 1532 г. под давлением посланных в Нижний войск В. В. Шуйского (*Смирнов*, стр. 65—66). В летописях сообщение о посылке Шуйского носит вставочный характер (текст: «А сам князь великы... ко всей земли Казаньской».—ПСРЛ, т. XIII, стр. 56). Оно разрывает единый летописный рассказ о по-

Всякая попытка противодействия этому фактически означала новую русско-казанскую войну и воцарение в Казани ненавистного местному населению Шигалея. 24 декабря в Нижний Новгород «к царю» отправили дьяка А. Курицына с записями, которые писал бакшей Ибреим. Эти записи князь В. В. Шуйский должен был переслать в Казань царевне и князьям. Они, очевидно, содержали условия шерти Яналея.

Примерно в то же время, когда Василий III зорко наблюдал за событиями в Казани, его новгородские и псковские наместники заключили новое двадцатилетнее перемирие с Ливонией (1 октября) [44].

На рубеже 1532 г. обострились отношения Василия III с его удельными братьями. В начале 1532 г. на виленском сейме получены были сведения, что в Московском государстве «великий замяток ся стал»: у Василия III произошел с братьями «розтырк», в результате которого князь Андрей Иванович захватил Белоозеро, где находилась великокняжеская казна, а князь Юрий взял Рязань и украинные города, подняв на великого князя татар [45]. В какой степени этот слух отражал реальное положение вещей, сказать трудно. Известно только, что 2 января 1532 г. Юрий Иванович находился в Москве [46].

Весна 1532 г. прошла в мирных переговорах. 17 марта 1532 г. Василий III принимал в Кремле литовское посольство Ивана Богуславича Сапеги, которое прибыло для об-

---

сылке и возвращении Головина в Казань в 1531 г. Пространная редакция разрядов датирует посылку В. Шуйского в Нижний и «посажение» Яналея осенью 1531 г. («в те поры Яналея царя сажали в Казани на царство».— Э, л. 104). Единственная неясность — это сведение Вологодского летописца о том, что в 7040 г. казанские татары воевали волости Толшму, Тиксну и Сянжему и другие, а ушли обратно «на масляной неделе в четверг». При этом «замятня велика» была по волостям и в городах Устюге, Вологде и Тотьме. Именно тогда («на весну ту») Василий III посадил на престол брата Шигалея — «Зевендея» (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 162). По Волоколамскому летописцу, Василий III дал касимовского царя в Казань в 7040 г. (*Зимин*, стр. 12). Возможно, речь идет о присяге, которую дал Яналей в 1532 г.

[44] ПСРЛ, т. IV, стр. 549; т. VI, стр. 288—289; т. XIII, стр. 60; СГГД, ч. V, № 105—106, стр. 109—123.

[45] *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 261; Акты Литовско-Русского государства, вып. I. М., 1900, стр. 240.

[46] ЦГАДА, ф. Колязина монастыря, кн. I, № 85.

суждения русско-литовских отношений в связи с тем, что в конце года истекал срок шестилетнего перемирия между Литвой и Россией.

После того как из-за «спорных речей» стороны не смогли договориться о заключении вечного мира, встал вопрос о перемирии. И здесь стороны выступили с разными предложениями. Литовская сторона, втянутая в войну с Молдавией, хотела заключить с Россией длительное перемирие (на пять лет) и настаивала на уступке ей Чернигова и Гомеля с волостями или во всяком случае одного Гомеля. Русские представители отвергали всякие территориальные претензии Сигизмунда и соглашались только на кратковременное (на год) перемирие. В конце концов решили продлить перемирие с 25 декабря 1532 г. еще на год. Запись о перемирии была составлена 10 апреля. С тех пор до смерти Василия III отношения с Литвой ничем не омрачались [47].

Той же весной из Крыма возвратилось посольство С. И. Злобина (30 марта), а вместе с ним прибыло посольство Саадат-Гирея. Крымский посол Авелших привез с собой шертную грамоту Саадата (от ноября 1531 г.). В ней крымский хан торжественно обещал стоять «заодин» с великим князем против его «недругов».

В конце апреля в Крым был послан Роман Никитич Писарев, который должен был упрочить московское влияние при дворе Саадат-Гирея [48].

Вероятно, в то же время прибыл в Москву человек Ислам-Гирея Кудояр с сообщением, что «ис Крыма сам идет Кирей царь (Ислам.— *А. З.*), и крымские люди выслали его, и он ходит на поле за Доном, и князь бы великий пожаловал, учинил его собе сыном» и «дал в своей земли место». Василий III это предложение принял и сразу же

---

[47] ПСРЛ, т. VIII, стр. 279; АЗР, т. 2, № 172; Сб. РИО, т. 35, стр. 845—849; *М. К. Любавский.* Литовско-русский сейм, стр. 263. В октябре 1532 — январе 1533 г. в Литве побывало посольство Василия Олферьева Нащокина, изложившее жалобы о порубежных обидах (ПСРЛ, т. VIII, стр. 280—282; т. XIII, стр. 66; т. XX, стр. 414; Сб. РИО, т. 35, стр. 859—869) См. послание Василия III Сигизмунду о присылке послов для решения порубежных споров (АЗР, т. II, № 169).

[48] ПСРЛ, т. VIII, стр. 279, СГГД, ч. V, № 107, стр. 123—124; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 339 об.— 375 об.

отправил к Исламу князя М. И. Кубенского. Тот и привел Ислама к присяге[49].

Переговоры с Исламом вызвали неудовольствие в Крыму. В мае в Москву прибыло сообщение от Ислама, что «крымский царь... хочет итти на великого князя украину». В ответ на это 27 июля в Коломну отправились многие воеводы, среди них князья Д. Ф. Бельский и В. В. Шуйский. Вместе с ними великий князь послал «княжат и дворян двора своего и детей боярских изо многих городов безчислено много, а наряд был великой». Мощный заслон русских войск расположился по линии от Коломны до Каширы и далее до Серпухова, Калуги и Угры. Даже видавший виды летописец сообщал, что воинов было «добре много, столко и не бывало». Трудно сказать, узнал ли Саадат-Гирей о мощном заслоне на русских рубежах или нет, но так или иначе его поход не состоялся.

Вскоре после этого (в августе) из Крыма вернулся русский посланник Р. Писарев с крымским посланником Тягибердеем. Разгневанный Саадат-Гирей потребовал вернуть своих послов, находившихся в это время при дворе Василия III, и прервал всякие сношения с Москвой. Впрочем, это для России уже особенной опасности не представляло, ибо, как сообщил Писарев, положение самого хана «на царьстве» было весьма непрочно. В сентябре крымские послы были отпущены[50].

В конце лета 1532 г. в Москву вернулся великокняжеский посланник к Петру Рарешу Иван Сергеев, проехавший на Русь через Крым. Он сообщил, что Саадата крымцы согнали с престола и сделали царем снова Ислама. Это же подтвердил и присланный самим Исламом его «человек»[51].

С остальными восточными соседями у России в 1532 г.

---

[49] ПСРЛ, т. VIII, стр. 278—279; т. XIII, стр. 60—61, 70; т. XXI, стр. 610. Сведение это помещено в летописях под 7040 г. перед записью о прибытии литовских послов 17 марта 1532 г. Остается неясным, как Ислам оказался в Крыму (еще недавно он находился в Астрахани). В царском архиве хранились «книги и грамоты присыльные с Поля от Ислама... как выслан был из Крыма» (Описи, ящик 86, стр. 27).

[50] ПСРЛ, т. VI, стр. 265—266; т. VIII, стр. 279—280; т. XIII, стр. 62, 64—65; РК, стр. 80; Э, л. 105; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 389—390.

[51] *Дунаев*, стр. 91—92; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 7, л. 1.

отношения были вполне добрососедские. 21 июля из Астрахани в Москву прибыл «человек» царя Касима Злоба. Однако уже вскоре после этого стало известно, что «черкесы» захватили Астрахань, «взяли царя», перебили многих его людей и ушли прочь. Царем астраханским на время сделался царевич Ак-Кубек [52].

В сентябре 1532 г. Москва стала свидетельницей чрезвычайного события. Ее посетил посол индийского паши Бабура — Хозя Усеин. Он привез грамоту, в которой Бабур предлагал установить торговые и дипломатические отношения между их странами, «чтобы великий государь Василей с ним был в дружбе и в братстве и люди бы промеж их ходили на обе стороны их». Правитель Ферганы и Кабула Бабур был выдающимся политическим деятелем и талантливым писателем. После побед, одержанных в 1526 и 1527 гг. над индийскими правителями, он стал основателем Могольской империи в Индии. Умер Бабур в 1530 г., т. е. за два года до прибытия его посольства в Москву. Осмотрительный и тонкий дипломат Василий III с почетом принял и отправил обратно посольство Хози Усеина, выразив свое согласие установить с правителем Индии торговые отношения. О «братстве» пока речь не шла, так как в Москве не было известно, был ли Бабур «на Индийском государстве» государем или просто «урядником». Московские дипломаты опасались называть братом своего монарха простого правителя и выражали готовность вступить в политический союз лишь с законным монархом Индии [53]. Из-за смерти Бабура и отдаленности Индии визит Хози Усеина прямых последствий не имел. Но он являлся знаменательным вестником будущей русско-индийской дружбы. Посольство Бабура, равно как и хождение Афанасия Никитина за три моря (1466—1472 гг.), находились у истоков добрососедских русско-индийских отношений.

С Турцией отношения также не предвещали никаких осложнений. С ноября 1532 до мая 1533 г. в Москве находился торговый человек султана Ахмат (неофициальный представитель), которому Василий III оказывал всяческое содействие [54].

---

[52] ПСРЛ, т. VIII, стр. 279; т. XIII, стр. 61—62; т. XX, стр. 413.
[53] ПСРЛ, т. VIII, стр. 280; т. XIII, стр. 65—66; РВ, стр. 356—357.
[54] *Дунаев*, стр. 91—92.

После воцарения Яналея с Казанью происходил регулярный обмен посольствами. Так, еще 2 сентября 1532 г. туда вернулся казанский посол князь Бурнак, а с ним русский посланник Василий Алексеев Пушкин с грамотой великого князя. Содержание ее, к сожалению, неизвестно. 18 ноября в Москву приехал Я. Г. Поплевин-Морозов, приводивший к присяге Яналея, а уже вскоре (23 декабря) в Казань отправился Константин Тимофеев Замыцкий. Не забывал своим вниманием Василий III и преданного ему Шигалея. В сентябре 1532 г., когда Яналей укрепился в Казани, Шигалею пожаловали Каширу и Серпухов и отпустили его туда с Москвы [55].

Мирная восточная политика сочеталась с продолжавшимся укреплением южных рубежей. Так, в 1530/31 г. «срублены» были деревянные кремли в Чернигове и Кашире. Тогда же доделан каменный кремль в Коломне [56].

Возобновилось церковное строительство в Москве. После набега Мухаммед-Гирея на русские земли в 1521 г. отмечался временный спад церковного строительства. Кроме строительства Новодевичьего монастыря в Москве были сооружены в 1527 г. три небольшие церкви. Это Преображенье на великокняжеском дворе против церкви Лазаря (на месте самой старой в Москве церкви «Спаса на бору»), св. Георгия на Фроловских (Спасских) воротах Кремля и церковь Бориса и Глеба на Арбате [57].

27 ноября 1530 г. в присутствии Василия III, Елены с новорожденным сыном и бояр освящена была церковь Параскевы Пятницы (у Покрова) и установлен в честь этого события церковный праздник. В августе 1531 г. Василий с семьей снова присутствует на освящении церкви — на этот раз деревянной («обетной») Успенской, находив-

---

[55] ПСРЛ, т. VIII, стр. 280—281; т. XIII, стр. 65—67; т. XX, стр. 413—415; т. XXIII, стр. 205; РВ, стр. 357. Ср. «книги и списки Шигалея-царя, как его князь велики пожаловал — дал ему город Коширу» (Описи, ящик 94, стр. 27).

[56] ПСРЛ, т. VIII, стр. 278; т. XIII, стр. 58; т. XX, стр. 411—412; РВ, стр. 353—354.

[57] ПСРЛ, т. VIII, стр. 272; т. XIII, стр. 46; т. XXII, стр. 521; т. XXIII, стр. 204; РВ, стр. 344—345; *Зимин*, стр. 38; *Шмидт*, стр. 283; *Н. В. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, стр. 19—42.

шейся рядом с Благовещеньем на Старом Ваганькове. Церковь построена была за один день[58].

В Кремле в 1532 г. у Иоанна Лествичника заложена была четырехъярусная звонница с храмом Воскресенья (по новгородским образцам). Тогда же (в 1532/33 г.) Николай Фрязин («Лодовиков товарищ») отлил большой колокол «благовестник» в 1000 пудов меди (для колокольни)[59].

Гордостью русской архитектуры стала церковь Вознесения в Коломенском, освященная 3 сентября 1532 г. в присутствии Василия III, его семьи и братьев. Московский государь сотворил по этому поводу «празднество велие, светле и радостне». Пир продолжался целых три дня. И действительно, «бе же церковь та велми чюдна высотою и красотою и светлостию, такова не бывала преж сего в Руси»[60].

Строилась не только Москва, но и другие русские города. Так, в октябре 1533 г. была освящена каменная Покровская церковь в одноименном монастыре в Угличе. В 1528—1530 гг. перестраивается белокаменный верх (до аркатурного пояса) центрального (Рождественского) городского собора в Суздале[61].

В 20—40-х годах протекала деятельность видного русского зодчего Григория Борисова (умер, возможно, в 1545 г.)[62]. По наблюдениям Н. Н. Воронина, с его именем следует связывать строительство Троицкого собора в Данилово-Переяславском монастыре (1530—1532 гг.), близкого по архитектурным формам к Борисоглебскому собору. Последней постройкой Борисова Н. Н. Воронин считает тра-

---

[58] ПСРЛ, т. VIII, стр. 278; т. XIII, стр. 58, 259; т. XX, стр. 411; т. XXIII, стр. 205; РВ, стр. 351—352; НЛ, стр. 323; РВ, стр. 354—355.

[59] ПСРЛ, т. XIII, стр. 145; т. XXVI, стр. 315. По другим данным, он поставлен был на деревянной колокольне 19 декабря 1532 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 284 и др.).

[60] ПСРЛ, т. VIII, стр. 279—280; т. XIII, стр. 62, 65; РВ, стр. 355—356.

[61] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 222. В 1525/26 г. в Покровском монастыре также освящена была церковь Николы «под колоколы» (*А. Варганов.* Суздаль. Владимир, 1957, стр. 18, 49).

[62] ПСРЛ, т. XXX, стр. 147 (трапезный мастер Григорий). Еще в 1521—1523 гг он построил Троицкий собор в Макарьевском Калязине монастыре. В 1522—1524 гг. Борисов сооружает Борисоглебский собор в одноименном монастыре под Ростовом, а в 1524—1526 гг.— там же Благовещенскую церковь с трапезной.

пезную церковь Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере. В совершенстве владея архитектурным мастерством, Борисов специализировался на монастырском строительстве (особенно трапезном)[63].

Трапезные сооружались в это время и в других монастырях[64]. Теплая Благовещенская церковь с каменной трапезной в Ферапонтове монастыре построена была в 1529/30 — 21 ноября 1534 г.[65]

Правительство Василия III всячески поддерживало строительство в новооснованных монастырях. В это время с помощью присланных великим князем каменносечцев построена была Троицкая церковь и трапезная в Александро-Свирском монастыре[66]. После поездки Василия III по монастырям зимой 1528/29 г. в Геннадиевой пустыни «по государеву желанию» строится Спасская церковь[67]. В 1530 г. построена была Троицкая церковь с приделом Сергия Радонежского в новом Болдинском монастыре. Здесь же вскоре сооружена была трапезная с храмом Введения[68].

Меньше известно строительство в уделах. Около 1530 г. построен был Успенский собор в Старице, архитектурные формы которого восходили к храмам Московского великого княжества. Этот собор должен был символизировать призрачную мощь одного из последних удельных княжеств на Руси[69].

Конец 1532 г. принес великому князю новые хлопоты.

---

[63] Подробнее о нем см.: *Н. П. Воронин.* Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 21—24; *В. Н. Иванов.* Ростов Великий. Углич. М., 1964, стр. 156, 158; «История русского искусства», т. III, стр. 355, 368—370.

[64] В летописце Гурия Тушина говорится, что уже в 1523 г. (на третьей неделе после Пасхи) в Кириллове монастыре начали строить «келию казенную и клеть и ворота каменыи». Там же в 1531—1534 гг. построены были церкви Архангела Гавриила (в честь Василия III) и Иоанна Предтечи (в честь его сына Ивана) (*Н. А. Казакова.* Книгописная деятельность...— ТОДРЛ, т. XVII, стр. 200; *Зимин,* стр. 30; *Н. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь, стр. 27—28).

[65] *И. Бриллиантов.* Ферапонтов Белозерский монастырь. СПб., 1900, стр. 71.

[66] ГБЛ, Троицк. собр. № 629, л. 351 об.—354.

[67] ГБЛ, собр. Ундольского, № 600, л. 186 об.

[68] «История русского искусства», т. III, стр. 364, 422.

[69] ГБЛ, Троицк. собр. № 673, л. 319.

Завершив переговоры с послами из восточных стран, Василий III отправился в кратковременную поездку в Троицу и Александрову слободу (22 сентября он покинул Москву, а уже 3 октября вернулся обратно)[70]. По возвращении его ждала приятная новость. 30 октября Елена Глинская родила второго сына, которого по старинной московской традиции назвали Юрием. Крестным отцом его (как и Ивана) стал игумен Переяславского монастыря Даниил, на этот раз с троицким игуменом Иоасафом Скрипицыным (будущим митрополитом), который в 1530 г. совершал акт крещения первенца великого князя. Правда, позднее выяснилось, что ребенок родился неполноценным — «несмыслен и прост и на все добро не строен»[71]. Но этого не удалось узнать ни самому Василию III, ни его брату Юрию, жизненный путь которых уже подходил к концу.

Зимою 1532/33 г. московский государь продолжал занятия внутренними делами. Еще 17 ноября 1531 г. ставленник Василия III Шигалей выдавал жалованные грамоты в своей Кашире, как неожиданно в декабре 1532 г. (или в январе 1533 г.) из-за «ссылки» с Казанью и другими державами без ведома великого князя он был «пойман» и отправлен в «нятство» на Белоозеро[72].

1 декабря 1532 г. взята была крестоцеловальная запись с видного представителя старомосковского боярства М. А. Плещеева. Плещеев долгое время находился в опале, после рождения первого сына Василия III прощен. А вот после рождения второго сына великого князя с Михаила Андреевича Плещеева была взята крестоцеловальная запись в верности. Она близка по содержанию к записи В. В. Шуйского 1522 г., но имеет и существенные отличия[73]. Плещеев в записи писал, что по челобитию митрополита Даниила великий князь «вины мне отдал». Как и Шуйский в 1522 г., Плещеев прежде всего обязывался «не приставати никакими

---

[70] ПСРЛ, т. VIII, стр. 280; т. XIII, стр. 66; т. XX, стр. 414; РВ, стр. 357.

[71] ПСРЛ, т. IV, стр. 549; т. VI, стр. 266; т. VIII, стр. 281; ПЛ, вып. 1, стр. 105; вып. 2, стр. 277; Э, л. 100; КИ, стр. 72.

[72] ПСРЛ, т. VI, стр. 266 (декабрь); т. VIII, стр. 281 (январь); т. XIII, стр. 65 (декабрь), 67 (январь). Ср. Описи, ящик 94, стр. 27 («был в опале»).

[73] СГГД, ч. I, № 162, стр. 448—450. Ср. № 149, стр. 414—415.

делы, некоторою хитростью» к «лиходеям» Василия III, его жены и детей.

В грамотах северских князей речь шла в первую очередь о «неотъезде». Шуйский и Плещеев не принадлежали к числу «служилых князей», и об «отъезде» говорилось в самой общей форме в связи с отъездом к удельным братьям великого князя («ко князю к Юрью и ко князю Андрею никак не отъехати, ни моим детем»). В отличие от Шуйского Плещеев обязывался не просто сообщать «лиходейские речи», но и указывать состав лиходеев: «Человек какой ни буди, мой ли господин, или мой брат, или родной мой брат, или моего племяни кто ни буди; или иной хто ни буди государя нашего земель человек, или иные земли человек, литвин ли, или татарин, или немчин, или фрязин, или иной кто ни буди». Особо оговаривалась обязанность Плещеева доносить на того, кто рассказал бы ему о своем желании «какое зелье дати» великому князю, его жене и детям. «Зелье» как средство решения трудных политических вопросов, видимо, было хорошо известно Василию III.

Несмотря на то что М. А. Плещеев был милостиво прощен, больше в разрядах и других источниках он не упоминался, т. е. он продолжительное время находился не у дел.

2 февраля 1533 г. в Москве в хоромах великого князя состоялась праздничная церемония. Великий князь женил своего младшего брата Андрея на Ефросинии, дочери одного из заурядных князьков — Андрея Хованского[74]. Событие было знаменательное. Можно предположить, что, будучи долгое время сам бездетным, Василий III, очевидно, запрещал своим братьям вступать в брак. Он боялся перехода династических прав к боковым ветвям князей московского дома. Только после того как у него самого родилось уже два сына, т. е. когда судьба династии была обеспечена, он дозволил вступить в брак князю Андрею, наиболее послушному из братьев, а князь Юрий мог только лишь присутствовать на торжественном бракосочетании старицкого князя.

Никогда Василий III так часто не отлучался из Москвы, как в последний год своей жизни. Еще весной (10—19 мар-

---

[74] ПСРЛ, т. VI, стр. 266; т. VIII, стр. 282; РК, стр. 13—14; Э, л. 107 об. — 108.

та) он ездил к Николе Зарайскому. В июне несколько дней провел в Троице-Сергиевом монастыре [75].

В 1533 г. основное внимание Василия III устремлено было на решение восточной проблемы. С Казанью дело обстояло вполне благополучно. 22 февраля 1533 г. в Москву прибыл посланник Яналея и царевны князь Агиш с просьбой, чтобы великий князь «пищалей у них не велел взяти ис Казани, зане государеве земле Казанской другов много, а недрузи есть же». Речь шла о русских пищалях, захваченных в свое время казанцами. Василий III в прошлом настойчиво добивался их возвращения. Но сейчас обстановка изменилась. Казань была послушна великокняжеской воле, и московский государь решил уважить просьбу казанцев. 6 марта с вестью об этом Агиш был отпущен в Казань.

6 июня Москву посетила уже более представительная депутация казанцев. В ее состав входили князь Аппай, старинный русский доброхот, князья Кадыш и Булат. Они просили разрешения Яналею жениться на дочери известного ногайского мурзы Юсуфа. Василий III не только дал свое согласие на этот брак, но также учинил управу о «иных великих делех земских» [76]. Согласие Василия III, конечно, объяснялось тем, что именно в этот период с ногайцами установились вполне добрососедские отношения. Еще 4 сентября в Москву прибыли послы Баубек «с товарыщи» от ногайских мурз с просьбой разрешить им торговлю в Москве. Это встретило полное одобрение московского правительства. С собой ногайцы привезли для продажи 50 тыс. коней [77].

Более сложными были отношения с Крымом. Прибывший еще в начале января 1533 г. из Крыма казак Темеш Кадышев принес новую весть: Ислам «на царство не сел», а послал просьбу к султану поставить на царство Сагиб-Гирея. В июне 1533 г. вернувшийся из Крыма казак Янгандырь Кожухов передал новость: Сагиб-Гирей стал крымским царем, а калгою при нем — Ислам-Гирей. Вместе с Кожуховым

---

[75] ПСРЛ, т. VIII, стр. 282. Возможно, именно во время этой поездки Василий III послал две грамоты Елене Глинской, в которых упоминаются два его сына («Письма русских государей», т. I, № 4—5, стр. 4—5).

[76] ПСРЛ, т. VIII, стр. 282.

[77] ПСРЛ, т. VIII, стр. 280; *Зимин*, стр. 12.

приехали посол Сагиба Салтаньяр и человек Ислама Боян с уведомлением о происшедших в Крыму событиях. Ко двору нового царя направился с официальными поздравлениями сын боярский В. С. Левашов [78].

Казалось, отношения с Крымом снова входили в мирную колею. Но в том же Крыму находился бывший казанский царь Сафа-Гирей, который не мог примириться с утратой своего престола. Еще в июне 1533 г. он «безвестно» (неожиданно) совершил набег на Мещеру и Касимов, рассчитывая получить там поддержку со стороны местных татар [79]. Но этот план ему осуществить не удалось. 14 августа вернувшийся в Москву из Крыма Небольса Кобяков рассказал, что он встретил на пути Сафа-Гирея и Ислама, направлявшихся с большим войском к Рязани. У Ислама, по слухам, было 40 тыс. «крымских людей». Это была серьезная опасность. Хотя Ислам и прислал весть, что идет на Русь «неволею», веры ему не было. Ислам писал: «Идет на тобя крымской царь да казаньской, и яз-деи неволею иду, царь меня послал турьской, а отдал мне вотчину мою да 2 града придал мне свои. Иду яз, а тебе дружу» [80].

Сразу по получении тревожной вести на Коломну отправились воеводы князья Д. Ф. Бельский, В. В. Шуйский, М. В. Горбатый, а также М. С. Воронцов. Поскольку они обороняли южные рубежи еще в 1531 г., то обстановка на юге им была хорошо известна. Вслед за ними на следующий день в «полки» выехал и сам великий князь с братом Юрием. Перед отъездом он отдал распоряжение укрепить Москву артиллерией и приготовиться к возможной осаде. Сначала Василий III остановился в Коломенском, где ожидал прибытия своего младшего брата Андрея. 18 августа из Коломенского в Коломну посланы были дополнительные войска князя Ф. М. Мстиславского.

Тем временем Ислам 15 августа выжег рязанские посады, но, узнав о выступлении великого князя, почел за благо

---

[78] ПСРЛ, т. VIII, стр. 283; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 7, л. 1—13; *Дунаев*, стр. 91—92.

[79] *Шмидт*, стр. 285.

[80] *Зимин*, стр. 12 (под 7040 г.); ПСРЛ, т. XIII, стр. 70; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 7, л. 58—58 об., 63 об. По другим источникам, весть о походе Ислама Василий III получил еще 12 августа (ПСРЛ, т. IV, стр. 522).

18 августа подобру-поздорову вернуться восвояси, не рассчитывая, очевидно, на то, что Василий III поверит его уверениям в преданности и тому подобным сказкам. И действительно, в догонку за Исламом через Оку переправились русские воеводы во главе с князем И. Ф. Овчиной Оболенским. Они основательно потрепали крымские арьергарды. Их «сторожи» дошли до реки Прони, но с основными силами Ислама так и не встретились. Несостоявшийся «сын и друг» великого князя бежал «быстрее лани». Получив известие об удачном исходе операции, Василий III 21 августа возвратился в Москву [81].

Лето в 1533 г. выдалось засушливое. 23 июня пронесся сильнейший ураган, и уж до сентября не выпало ни одного дождя. Летописец со скорбью записывал: «Лесы выгореша и болота водные высохша... мгла толь бе велика, якоже и птиць въблизи не узрит, а птици на землю падаху». От бездождия погибло много скота в Новгороде. Другой летописец также сообщал, что «лето бысть тогда сухо и курение, дымы хожаху» [82].

Засуха влекла за собой пожары. В августе выгорел Средний город в Пскове, где жили торговые люди (гости) москвичи. Вологодский летописец замечал, что засуха была «добре велика и дымове были великии добре, земля горела». В народе передавались знамения недобрые, дурные приметы [83]. 4 июня появилась звезда с «долгим хвостом» (комета), сиявшая несколько ночей; 19 августа (или 24 августа, по другим данным) «солнце гибло третьего часа дни», т. е. произошло затмение. Склонные к суеверию, люди ждали печальных событий и недобрых вестей, «поразсудив и глаголаху в себе, яко быти во царстве пременению некоему» [84].

В сентябре в Москве состоялась казнь многих москвичей, смольнян, костромичей, вологжан, ярославцев и жителей других городов за подделку монет. Назревала необходимость

---

[81] ПСРЛ, т. VIII, стр. 283—284; т. VI, стр. 266—267; РК, стр. 82—83; Э, л. 110 об.—112 об.; «Рязанские достопамятности», стр. 270—271; ЦГАДА, Крымские дела, кн. 7, л. 58 об.—60.

[82] ПСРЛ, т. IV, стр. 581; т. VIII, стр. 282, 283.

[83] ПСРЛ, т. IV, стр. 552; т. VI, стр. 291; т. XXVIII, стр. 162; ПЛ, вып. I, стр. 105.

[84] ПСРЛ, т. IV, стр. 552—553; т. VI, стр. 266 (19 августа), 291.

денежной реформы, которая и была проведена через несколько лет (в 1535—1538 гг.)[85].

Осенью 1533 г. великий князь с Еленой Васильевной и детьми, как обычно, отправился по монастырям и «на потеху». Однако на этот раз поездка оказалась роковой.

О последних месяцах жизни Василия III сохранились два рассказа. Первый озаглавлен «Сказание о великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, како ездил во свою отчину на Волок на Ламъский на осень тешитися и как болезнь ему тамо сталася...» Находится он в Новгородском летописном своде 1539 г.[86] Сказание, написанное современником, позднее подверглось обработке (текст этой переработанной редакции находится в Софийской II летописи)[87]. Впрочем, и этот вариант сохранил некоторые черты первоначального текста «Сказания», утраченные в своде 1539 г.

«Сказание», несомненно, составлено очевидцем, сопровождавшим Василия III в его поездке на Волок и присутствовавшим при его последних днях.

Краткая летописная повесть более позднего происхождения носит официозный характер. Помещена она в Воскресенской летописи (в редакции 1542—1544 гг.) и озаглавлена «О преставлении великого князя Василия Ивановича». Позднее она вошла в состав Летописца начала царства (около 1555 г.), где подверглась переработке[88].

---

[85] ПСРЛ, т. XXVI, стр. 315, 322—323; *Кунцевич*, стр. 603. Подробнее см.: *И. Г. Спасский.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.— «Материалы и исследования по археологии СССР» № 44. М.—Л., 1955, стр. 273—279; *А. А. Зимин.* Монетная реформа Елены Глинской.— «Нумизматика и эпиграфика», т. IV. М., 1963, стр. 245—250.

[86] ПСРЛ, т. IV, стр. 552—564; *А. А. Шахматов* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 118—138. См. отдельно: ГИМ, Синод. № 963, л. 68 об.—94 об.—а также ЦГАДА, собр. рукоп. книг № 351/800 (свод 1584 г. с использованием свода 1539 г.).

[87] ПСРЛ, т. VI, стр. 266—276. Ср. ЦГАДА, ф. Оболенского, № 42, л. 27—49. Снято упоминание о Д. Ф. Бельском как опекуне малолетнего Ивана и об И. Ф. Овчине Оболенском как об одном из бояр, сопровождавших тело покойного великого князя.

[88] ПСРЛ, т. VIII, стр. 285—286; т. XIII, стр. 78—79; т. XX, стр. 419—420; т. XXIX, стр. 9—10; Пискаревский летописец.— «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 23—25. О характере переработки см.: *А. А. Зимин.* И. С. Пересветов, стр. 32—33. Обработка повести помещена и в Степенной книге (ПСРЛ, т. XXI, стр. 612—615).

По Воскресенской летописи, великий князь приказал «государство дръжати» Елене Глинской до совершеннолетия его сына. По Летописцу начала царства Василий III якобы благословляет Ивана мономаховым венцом и призывает к борьбе с «неверными», как бы «провидя» коронацию 1547 г. и присоединение Казани. Летописная повесть лишена интересных подробностей фактического характера.

Итак, 21 сентября 1533 г. великий князь Василий Иванович всея Руси с Еленой Глинской и обоими сыновьями отправился помолиться в Троицкий монастырь, где 25 сентября отмечалась «память» Сергия Радонежского. Отсюда он с семьей выехал «на свою потеху» в село Озерецкое, расположенное на Волоке. Василий III предполагал побывать на охоте еще в августе, но набег отрядов Ислама нарушил его планы. И вот во время поездки на Волок «явися у него мала болячка на левой стране на стегне (бедре. — *А. З.*) на згибе, близ нужного места з булавочную голову, верху же у нея несть, ни гною в ней несть же, а сама багрова»[89]. А. Е. Пресняков (со ссылкой на врача А. С. Соловьева) считал, что у Василия III был периостит[90].

Почувствовав себя плохо, великий князь отправился в троицкое село Нахабно (Нахабино) Московского уезда. Отсюда, «обдержим болезнью», на праздник Покрова (1 октября) он поехал «в Покровское в Фуниково». Здесь он пробыл два дня, а затем направился в Волоколамск. В воскресенье, 6 октября, тверской и волоцкий дворецкий любимец великого князя И. Ю. Шигона дал для Василия III пир. На следующий день наступило ухудшение, болезнь усилилась, и великий князь только «великою нужею доиде до мылни» (бани)[91].

Однако во вторник, 8 октября, когда наступила прекрасная погода, Василий Иванович послал за своими ловчими Ф. М. Нагим и Б. В. Дятловым и, несмотря на хворь, собрался ехать в свое село Колпь на охоту. Туда же вызван был и младший брат великого князя Андрей. Окруженный псарями и собаками, Василий III с Андреем выехали «на

---

[89] ПСРЛ, т. IV, стр. 553.

[90] *А. Е. Пресняков.* Завещание Василия III.— «Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 72.

[91] ПСРЛ, т. IV, стр. 554.

потеху». Но проехать великий князь смог только две версты. Из-за сильной боли он вынужден был вернуться в Колпь и срочно послать за своими врачами Николаем Булевым и Феофилом и за князем Михаилом Глинским. По совету прибывших к больному месту стали прикладывать «муку пшеничную с медом пресным и лук печен, и от того болячка нача рдетися». Тогда процедуру повторили, «и учинися на болячке, яко прыщь мал, и появися в ней мало гною» [92].

Прожив в Колпи две недели, Василий III решил отправиться на Волок. Так как «на кони» он ехать не мог, то «понесоша его на носилах дети боярские пеши и княжата на собе».

На Волоке болезнь усилилась. Из опухоли стал вытекать гной («яко до полу таза и по тазу»), особенно после того как к ней снова стали прикладывать мазь. У великого князя пропал аппетит («порушися ему ества, не нача ести»). Тогда Василий III, поняв, что дела его плохи, тайком от придворных, бояр, братьев и князя Михаила Глинского послал близких к нему постельничего Я. И. Мансурова и дьяка Меншика Путятина в Москву, чтоб они привезли великокняжеские завещания, необходимые Василию Ивановичу для составления новой духовной грамоты.

По своду 1539 г., Василию привезены были «духовные грамоты деда его и отца его великого князя Иоанна». По Софийской II летописи, великий князь послал Мансурова и Путятина «по духовные грамоты отца своего и по свою, которую писал, едучи в Новгород и во Псков». При этом великий князь, «слушав духовных, свою духовную велел сжещи» [93]. А. Шахматов считает, что редакция «Сказания» в своде 1539 г. первоначальнее и что сообщение о сожжении духовной Василия III — позднейшая вставка [94].

---

[92] ПСРЛ. т. IV, стр. 554.

[93] ПСРЛ, т. IV, стр. 554; т. VI, стр. 268.

[94] *А. А. Шахматов.* О так называемой Ростовской летописи, стр. 58—59. А. А. Шахматов считал, что духовные великий князь слушал только в субботу, а по Софийской II — сжег свое завещание еще в пятницу. Но в пятницу было тайное совещание с М. Путятиным и И. Шигоной, где, так сказать, готовились материалы к заседанию Боярской думы, собравшейся только в субботу. Поэтому завещание 1509 г. вполне могло быть сожжено еще в пятницу.

А. Е. Пресняков считает, что оба сведения правдоподобны [95]. Однако вряд ли основательно. Текст Софийской летописи первоначален, т. е. был уничтожен первоначальный вариант завещания Василия III, составленный в 1510 г., задолго до рождения первенца — наследника престола. После этого 26 октября состоялось совещание Василия III с И. Ю. Шигоной, Меньшим Путятиным и боярами Д. Ф. Бельским, И. В. Шуйским, а также М. Л. Глинским и дворецким И. И. Кубенским. Обсуждался вопрос о судьбах престола в случае смерти великого князя. Тогда же приезжал к великому князю и его брат Юрий, прознавший, очевидно, о тяжелой болезни Василия Ивановича. Великий князь боялся всяких неожиданностей со стороны своего брата. Поэтому он, «таяше от него болезнь свою», отпустил своего брата в Дмитров, хотя Юрий и «не хотяше ехати» [96].

С каждым днем положение великого князя все ухудшалось. В ночь на 6 ноября болячка прорвалась, и из нее вышло «гною яко боле таза» и «стержень боле полуторы пяди [97], но еще не весь стержень». Это на время облегчило положение больного. Новый лекарь Ян Малый начал прикладывать «масть обычную», от которой болячка снова увеличилась. Великому князю стало совсем плохо. Срочно к нему был вызван М. Ю. Захарьин. У Василия III собрались для обсуждения важнейших государственных дел все те, кто присутствовал на совещании 26 октября, а также дьяки Е. Цыплятев, А. Курицын и Т. Раков. Решено было

---

[95] *А. Е. Пресняков.* Завещание Василия III, стр. 75. А. Е. Пресняков ссылается на то, что духовная Ивана III дошла до нас в копии и существовала некая духовная Василия II, которая до нас не дошла. В Типографской летописи упоминается, что в духовной Василия II были бояре «князь Иван Юрьевич, Василий Данилович, Федор Васильевич» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 232). Но так как имена этих бояр не совпадают с дошедшей грамотой, то, значит, существовала какая-то другая духовная, которая, как и подлинник духовной Ивана III, была уничтожена Василием III. Но во-первых, ни в одной летописи не говорится об уничтожении духовных Василия II и Ивана III. Во-вторых, возможно, «Василий Данилович» просто описка (вместо «Василий Иванович»). Тогда список бояр Типографской летописи совпадает с дошедшей духовной Василия II.

[96] ПСРЛ, т. IV, стр. 553.

[97] Пядь — приблизительно 23 см *(Л. В. Черепнин.* Русская метрология. М., 1944, стр. 22).

перед возвращением в Москву побывать в Иосифо-Волоколамском монастыре, где помолиться Пречистой о выздоровлении.

14 ноября Василий Иванович из Колпи переехал в дворцовое село Буйгород, а на следующий день он был уже в Иосифове монастыре, куда прибыл и его брат Андрей. Во время этой поездки великий князь не вставал с постели, и только в Успенском соборе на молебен его ввели под руки князья Д. Курлятев и Д. Палецкий. 16 ноября Василий III отпустил князя Андрея в его удел, а сам отправился в Москву. Поездка была трудная. Больного великого князя везли в «каптане» (специальной повозке). «Станы» (остановки) были частыми.

Чтобы не производить смятения среди жителей столицы и находившихся там иноземцев и послов, решено было в Москву въехать тайно. 21 ноября Василий Иванович приехал в Воробьево, где пробыл два дня. Сюда из столицы встречать Василия III выехали митрополит Даниил, епископы Вассиан Коломенский и Досифей Крутицкий, а также князья И. В. Шуйский, М. С. Воронцов, казначей П. И. Головин и многие дети боярские. 23 ноября Василий III наконец въехал в Кремль. В тот же день состоялось новое совещание, в котором участвовали сначала трое бояр — В. В. Шуйский, М. Ю. Захарьин, М. С. Воронцов, а также тверской дворецкий И. Ю. Шигона, казначей П. И. Головин, дьяки М. Путятин и Ф. Мишурин. Заседание происходило в присутствии князя Андрея Ивановича. Затем в «думу» были допущены также князья М. Л. Глинский, И. В. Шуйский и М. В. Тучков. Прибыл в Москву вскоре и князь Юрий Иванович. Именно тогда составлена была духовная грамота великого князя, содержавшая распоряжения о судьбе престола [98].

Текст завещания Василия III не сохранился. Но мы можем основные контуры его представить как по летописному рассказу, так и по духовной Ивана IV и по некоторым дополнительным материалам [99]. Предсмертные распоряжения

[98] «И тогда князь велики приказа писати духовную свою грамоту дьяку своему Григорию Никитину (далее описка: «и».— *А. З.*) Меншому Путятину и у него велел быти в товарыщех дьяку же своему Федору Мишюрину» (ПСРЛ, т. IV, стр. 557).

[99] Подробнее см.: *А. А. Зимин.* Княжеские духовные грамоты, стр. 279—287.

Василия III сводились к следующему. Наследником престола объявлялся старший сын великого князя трехлетний Иван Васильевич. Боярам было объявлено от имени великого князя: «Приказываю вам своих сестричичев князя Дмитрия Феодоровича Белского з братиею и князя Михаила Львовича Глинского, занеже князь Михаило по жене моей мне племя, чтобы есте были вопче, дела бы есте делали заодин» [100]. Опекунами малолетнего наследника, следовательно, назначались князья Дмитрий Бельский и Михаил Глинский [101]. Позднее имя князя Д. Ф. Бельского было изъято из состава опекунов, а в Воскресенской летописи редакции 1542—1544 гг., составленной во время правления Шуйских, летописец ограничился тем, что вложил в уста умирающего великого князя обращение к боярам: «Приказываю вам княгиню и дети своя». Опекуншей же якобы назначена была сама Елена Васильевна («великой княгине приказывает под сыном своим государьство дръжати до возмужениа своего»). Младший сын Василия III Юрий пожалован был Угличем, а верный великому князю Андрей Старицкий получил в «прибавку» Волоколамск (ведь и женат он был на дочери одного из бояр волоцких князей) [102].

В ночь с 3 на 4 декабря 1533 г. великий князь всея Руси Василий Иванович скончался [103].

---

[100] ПСРЛ, т. IV, стр. 558.

[101] А. Е. Пресняков и И. И. Смирнов полагают, что духовная содержала список регентского совета при малолетнем князе, в который они включают ряд бояр, принимавших участие в заседании у предсмертного ложа Василия III (*А. Е. Пресняков.* Завещание Василия III, стр. 78—80; *И. И. Смирнов.* Очерки, стр. 24—26). Это кажется маловероятным (подробнее см.: *А. А. Зимин.* Реформы Ивана Грозного, стр. 225—229).

[102] ПСРЛ, т. VI, стр. 271; т. VIII, стр. 285; Родословная книга, ч. I, стр. 23; *А. А. Зимин.* Княжеские духовные грамоты, стр. 283—287.

[103] ПСРЛ, т. IV, стр. 552—564, 615; т. VI, стр. 267—276; т. VIII, стр. 285—286; т. XIII, стр. 75, 77, 409—419; т. XX, стр. 419—420; т. XXI, стр. 614 (4 декабря); *Зимин*, стр. 12 (4 декабря).

ИТОГИ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Годы княжения Василия III — важная веха в истории создания и укрепления единого Русского государства. Именно в это время завершился процесс консолидации русских земель под эгидой Москвы. Внешняя политика правительства Василия III была весьма успешна. Престиж Русского государства среди европейских и ближневосточных стран возрос. Дания, Швеция, Империя, Прусский орден, римский папа искали союза с Россией. Мирные отношения прочно сохранялись и с Ливонией. Благодаря сложной дипломатической игре и возросшей военной мощи страны Василию III удалось добиться почетного мира с Великим княжеством Литовским и фактического признания со стороны Литвы присоединений к России, сделанных как Иваном III, так и самим Василием Ивановичем. Московская дипломатия установила вполне добрососедские отношения с Турцией и в течение большей части княжения Василия III с Крымом. Походы на Казань (1506, 1524, 1530 гг.) не привели к ликвидации Казанского ханства, но основательно подорвали его военную силу и утвердили над ним русский протекторат. Строительство Васильсурска и перевод торга из Казани в Нижний Новгород подготовили окончательное присоединение Среднего Поволжья к России.

И все же не эти несомненные успехи составляют важнейшие процессы, происходившие в годы правления Василия III. Основное, что характеризует политическую историю России в рассматриваемый период, — это укрепление великокняжеской власти и зарождение централизованного государственного аппарата. Именно в первой трети XVI в. был фактически решен вопрос, быть или не быть на Руси госу-

дарству с сильной монархической властью. Отличие правления Василия III, решавшего все дела «сам третей у постели», от времени его отца, что подметил Берсень Беклемишев, как нельзя лучше характеризует самую суть перемен, происшедших в Русском государстве первой трети XVI в.

Образование единого государства привело к резкому увеличению авторитета великокняжеской власти. Только великий князь обладал правом назначения на высшие государственные должности, в том числе в Боярскую думу. Он же возглавлял вооруженные силы страны и определял основные направления внешней и внутренней политики. От его имени издавались законы, выдавались льготные грамоты и посылались распоряжения во все концы страны. Великокняжеский суд являлся высшей судебной инстанцией в стране.

По своей форме Русское государство первой половины XVI в. было сословной монархией [1]. Свою власть в стране великий князь фактически делил с удельными и служилыми княжатами, Боярской думой как органом власти феодальной аристократии и церковью как органом власти духовенства.

Объединение русских земель в Российское государство в конце XV в. не означало еще их полного слияния в единое политическое и экономическое целое. На протяжении изучаемого периода великокняжеская власть, опираясь на широкие круги феодалов, вела напряженную борьбу с последними независимыми княжествами. Только в 1510 г. окончательно подчинен был власти великого князя Псков, а около 1521 г. ликвидировано великое княжество Рязанское. До 1513 г. существовало Волоцкое удельное княжество Федора Борисовича, двоюродного брата Василия III. В 1518 г. прекратил свое существование Калужский удел князя Семена Ивановича, а в 1521 г. — Углицкий удел Дмитрия Ивановича — двух братьев Василия III. Уже после смерти этого великого князя в 1533 г. «поимали» старшего из его удельных братьев — Юрия Дмитровского, а в 1537 г. и последнего брата — Андрея Старицкого.

Падение удельной системы подготовлялось долго и испод-

---

[1] *Г. Б. Гальперин.* Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964, стр. 39—55.

воль. Уже Иван III, создавая в 1503 г. для своих младших сыновей уделы, сократил по сравнению с Василием II их территорию. Великий князь Василий III производил обмен отдельных владений со своими братьями [2]. Границы уделов строго устанавливались и проверялись во время специальных разъездов [3]. Все материалы, касающиеся изменения состава и границ удельных владений, а также владений монастырей в уделах [4] хранились в великокняжеской казне.

Суверенные права удельных князей на подвластной им территории были велики. Братья великого князя судили земельные и «разбойные» дела. Они выдавали тарханные и несудимые грамоты своим феодалам [5]. У них были в уделах собственные «дворцовые села». «Данщики» [6] и «таможники» собирали в удельную казну таможенные пошлины, дани и другие поборы, в распоряжении братьев был местный дворцовый аппарат с дьяческой канцелярией. В уделах существовали свои боярские думы со «введенными боярами». В ряде удельных городов известны наместники (в Волоколамске, Звенигороде, Рузе, Дмитрове и Старице), а по волостям — волостели. В Кашине в 1532 г. находился «городовой воевода». У князя Юрия Ивановича Дмитровского в 1517 г. был свой «дворец» с дьяками [7]. Удельный князь считался главой местного дворянского воинства.

Важнейшие внешне- и внутриполитические решения великий князь принимал, «приговоря» со своими братьями и боярами. Так, в 1506 г. решение о мире с Казанью Васи-

---

[2] В Царском архиве хранились «грамоты и записи меновные княж Юрьевские Ивановича с великого князя землями и со княжими и з боярскими» (Описи, ящик 231 — II, стр. 44).

[3] В Царском архиве находились «розъездные списки княж Дмитреева уделу Ивановича Углетцкого» (Описи, ящик 178, стр. 35).

[4] «Княж Юрьевы Ивановича удела переписи монастырей, что в котором монастыре церковные кузни и сел монастырских: Песноши, Колязина, Сторожевского, Медведева в Тростне и иных» (Описи, ящик 196, стр. 38).

[5] Подробнее см.: *С. М. Каштанов.* Из истории последних уделов, стр. 257—302; *его же.* Монастырский иммунитет в Дмитровском уделе, стр. 25—29.

[6] См. «данщиков» у князя Юрия (*М. Дьяконов.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. II. Юрьев, 1897, № 6, стр. 5). Удельные князья имели своих «приставов» (судебных исполнителей) (АФЗХ, ч. I, № 87, стр. 87). В Звенигороде был «дворский» (там же, № 104, стр. 100).

[7] АЮБ, т. II, № 156, стб. 489.

лий III принял, «приговоря» с братьями и боярами. В марте 1531 г. московский государь обсуждал крымские дела «з братьей и з бояры» [8].

В 1525 г. удельный брат великого князя Юрий присутствовал на судебном разбирательстве по делу о Максиме Греке. Присутствовали, конечно, князь Юрий и князь Андрей на свадьбе Василия III.

И при всем этом участие удельного князя в общегосударственных делах было ограниченно. Приглашение удельных братьев к «совету» носило обычно формальный характер. Великий князь зорко наблюдал за их деятельностью. Личный опыт научил Василия III быть бдительным: ведь он сам сумел отстранить от власти своего малолетнего племянника Дмитрия Ивановича и боялся, что его примеру последует кто-либо из удельных братьев. В минуты тревоги великий князь старался не отпускать их от себя (так было во время набега Мухаммед-Гирея в 1521 г., походов великого князя в Коломну в 1522 и 1533 гг. и его же поездки по монастырям в 1523 г.), опасаясь, что они поднимут против него мятеж или сбегут в Литву, как это сделал в 1521 г. великий князь Рязанский Иван Иванович.

Удельные князья вынуждены были участвовать во всех общерусских военных предприятиях. Так было, в частности, во время Смоленских походов 1512—1514 гг. Углицкий князь Дмитрий Жилка возглавлял в 1506 г. русские войска во время неудачного похода на Казань [9].

Внутренними делами в уделах ведал сам удельный князь, но «сместные» дела его людей с великокняжескими судили дети боярские и судьи с обеих сторон [10].

Удельные князья могли сами выбирать тех своих воевод, которых они считали целесообразным послать в общерусский поход. Так, во время Псковского похода 1509—1510 гг. в большом полку предписывалось лишь в самой общей форме «быть князь Юрьевым Ивановича воеводам и княж Дмитреевым Ивановича воеводам» [11]. Конкретно имена этих

---

[8] ЦГАДА, Крымские дела, кн. 6, л. 299 об.— 300. Крымские дела обсуждались с боярами с «братьею» и ранее, в 1517 г. (Сб. РИО, т. 95, стр. 477). Ср. о переговорах с Империей (ПДС, т. I, стб. 232).

[9] РК, стр. 36, 48—49, 51; ИЛ, стр. 191—195.

[10] РИБ, т. II, № 34, стр. 35—38.

[11] РК, стр. 43.

воевод должны были назвать, конечно, сами князья Юрий и Дмитрий. Разряды (росписи) удельных войск в общерусских походах хранились в великокняжеском архиве [12].

Права и обязанности удельных братьев были строго определены договорными грамотами, из которых сохранились докончание 1531 г. Василия III с князем Юрием Ивановичем [13] и крестоцеловальные Владимира Андреевича (1553—1554 гг.) [14]. Князь Юрий обязывался «имети» Василия III «братом старейшим», быть с ним и его детьми «везде заодин». Князь Юрий обязывался «не подъискивати» великого княжения. За это Василий III обещал «не въступатися» во владения дмитровского князя. Удельный князь не мог вступать в сношения с «ордами» и по первому зову должен был «пойти без ослушания» со своими людьми на войну. Запрещалось князю Юрию принимать «князей служебных с вотчинами».

Систему контроля над удельными княжатами позволяет изучить челобитная некоего Ивана Яганова, поданная на имя Ивана IV во время регентства Елены Васильевны (1533—декабрь 1538 г.). Яганов происходил, очевидно, из детей боярских средней руки. Его родичи в середине XVI в. числились дворовыми детьми боярскими по Ржеве, в свое время входившей в Волоцкое и Рузское удельные княжества [15].

Сам же Яганов как бы осуществлял функции надзора за князем Юрием Ивановичем в числе других представителей служилой мелкоты, входившей в состав удельного дворянства этого дмитровского князя. Эти верные слуги московского государя, очевидно, приносили особую присягу, отдельные пункты которой совпадали с княжескими и боярскими крестоцеловальными записями первой половины XVI в.

---

[12] «Княж Дмитреев поход Ивановича к Смоленску лета 7010» (Описи, ящик 160, стр. 33).

[13] ДДГ, № 101, стр. 416—420. В Царском архиве хранились «списки з докончальных грамот князь Юрьевы, и княж Дмитреевы, и княж Семеновы, и княж Ондреевы с великим князем Васильем» (Описи, ящик 27, стр. 21). Ср. также «докончальные княж Юрьевы и княж Андреевы Ивановича, как и жаловал князь велики Василей» (там же, ящик 158, стр. 33). В Царском архиве хранилась и переписка Василия III с Дмитрием и Андреем Ивановичами (там же, ящики 84, 184, стр. 27, 36).

[14] СГГД, ч. I, № 167—169, стр. 460—468.

[15] АИ, т. I, № 136, стр. 197—199; Тысячная книга, стр. 180.

«В записи, — сообщал Яганов, — государь, в твоей целовальной написано: слышев о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим бояром»[16]. Складывалась целая психология доносительства. «Ино, — продолжал Яганов, — тот ли добр, которой что слышел, да не скажет».

Василий III придавал большое значение этим доносительным речам: «Отец твой какову речь ему скажет, будет сойдетца, и он ее ставил в дело, а будет не сойдетця на дело, и он пущал мимо уши; а кто скажет, тому пени не чинил и суда ему не давал в своем деле». Безнаказанность за лживые доносы, конечно, поощряла клеветников и наушников.

Курс на ликвидацию удельно-княжеской системы наиболее ярко проявился в фактическом запрещении братьям Василия III вступать в брак. Порожденное чрезвычайными условиями (отсутствие детей у Василия III и боязнь за судьбу престола), это обстоятельство привело к тому, что владения Юрия, Семена, Дмитрия Ивановичей и Федора Борисовича оказались выморочными. Единственное исключение было сделано для Андрея Старицкого, женившегося в 1533 г., в последний год жизни Василия III, когда у великого князя было уже два сына.

Отношения с удельными братьями на протяжении 28 лет княжения Василия III развивались неровно. Постоянным было недоверие к ним со стороны державного брата. Наиболее обострились эти отношения после решения Василия III вступить во второй брак (1523 г.) и рождения Ивана (IV), когда всякие надежды на законный переход престола к Юрию у последнего исчезли. Дело шло к открытому разрыву между двумя старшими братьями — и «поимание» князя Юрия в декабре 1533 г., сразу же после смерти Василия III, было только логическим завершением предшествующих отношений его с великокняжеской властью.

Кроме братьев удельными (или полуудельными) правами обладали жены великих князей. При жизни Василия III его супруга (Соломония) имела полуудельные права в Устюжне. Во всяком случае в 1507 и 1516 гг. «великие

[16] Дело поставлено было на широкую ногу. В Царском архиве хранились «записи целовальные, на которых приведены к целованью бояре, и дияки, и дети боярские и по городом посылки к целованью приводить» (Описи, ящик 165, стр. 33).

княгини тиун» собирал там поборы совместно с великокняжескими наместниками [17].

В первой трети XVI в. в Русском государстве существовала влиятельная прослойка так называемых слуг или служилых князей, образовавшаяся в основных своих чертах в результате присоединения к России западнорусских земель. Это — Мстиславские, Одоевские, Глинские, Воротынские, Бельские, Трубецкие и др. Они занимали как бы промежуточное положение между удельными князьями и князьями Северо-Восточной Руси, потерявшими к концу XV — началу XVI в. суверенные права на старые княжения. Основное отличие удела от княжения служилых князей сводилось к тому, что это княжение рассматривалось как наследственная вотчина (перешедшая от предков «слуги» или пожалованная ему великим князем) и обусловливалось несением военной службы московскому государю. Удел же — часть общерусских земель, завещанная великим князем своим прямым потомкам (как правило, детям). В отличие от удельного служилый князь не имел даже формальных прав на занятие великокняжеского стола.

В договоре Василия III с его братом Юрием (1531 г.) последний обязывался «князей... служилых с вотчинами не приимати» [18]. Следовательно, удельные князья (каким был Юрий) считались рангом выше служилых. В частности, ни о каком «сместном» суде с великим князем в договоре 1531 г. не говорилось: удельный князь был полным хозяином в делах, касающихся его подданных.

Великий князь брал на себя ведение всех внешнеполитических сношений, связанных с интересами служилых князей. Когда в декабре 1518 г. с ним заключил договор Мухаммед-Гирей, то в шерть вставлен был пункт с обязательством крымского царя не воевать земель «князей, которые тебе (т. е. Василию III.— *А. З.*) служат и твоим детем,— князь Василей Шемячич и князи Трубецкие» [19].

По неписаному праву служилые князья обязаны были участвовать только в тех войнах великого князя, которые так или иначе затрагивали их непосредственные интересы

[17] «Вологодские губернские ведомости», 1851, № 28, 31, стр. 323, 351—352.

[18] ДДГ, № 101, стр. 417

[19] Сб. РИО, т. 95, стр. 659.

как владельцев определенных территорий. Такими для северских князей, чьи владения находились на южных окраинах России, были войны с Крымом и Литвой, но, скажем, не с Казанью (см., например, разряд Казанского похода 1506 г.). Но вот в Казанском походе 1530 г. Ф. Мстиславский и И. Бельский участвовали, ибо их владения находились на Волге. При посылке войск им предоставлялся самим выбор своих воевод [20].

Служилые князья в первой трети XVI в. не составляли единой, сплоченной корпорации. Так, среди них выделялись князья Василий Шемячич, владевший громадным Новгород-Северским княжеством, и Семен и Василий Стародубские, занимавшие переходное место между служилыми и удельными князьями. Формально числясь «слугами», по существу они считались как бы патронами северских княжат, часто находившихся во время войн на юге и западе под их командованием. Их владения по размерам и военно-политическому значению мало чем уступали уделам, да и формально они принадлежали к князьям московского дома. Оба они имели земли и в центре страны, но эти их уделы были крайне незначительны. Следующее место по иерархии служилых людей занимали Бельские, Глинские и Мстиславские. Они отличались по своему положению от Трубецких и Одоевских. Прежде всего эти князья связаны были родственными узами с Василием III, правда по женской линии. Они получили земли в «жалованье», причем в центральных районах страны (они перешли на Русь без вотчин), а Трубецкие и Одоевские сохраняли корпоративные связи на местах. Естественно, что первые были более привязаны к великокняжеской власти, которая им и платила преимущественным вниманием. Промежуточное положение между этими группами занимали Воротынские: им земли пожалованы великим князем, но в районах их старинных вотчин.

В распоряжении московского правительства было много средств, обеспечивших в конечном счете полное включение служилых князей в состав представителей старомосковской аристократии, но этот процесс растянулся на всю первую

---

[20] Так, в разряде осеннего похода 1506 г. на Литву указывалось, что в левой руке «велено быть северских князей людем, кого они пошлют» (Э, л. 36).

половину XVI в. К их числу относилась замена владений «слуг» новыми, где связи с землевладельцами у этих княжат не были столь прочными. Позднее стала практиковаться раздача «слугам» земель не в «вотчину», а только в «кормление». Частое привлечение на военную службу способствовало ликвидации у них элементов политической обособленности.

Участие в полках служилых князей воевод московских ставило первых под бдительный контроль центра. Частые опалы, которым подвергались все крупнейшие князья-«слуги» (среди них В. Шемячич, В. Стародубский, Ф. Мстиславский, М. Глинский, И. Бельский, И. Воротынский), приводили к постепенному ограничению их власти после того, как немилость великого князя проходила. Поручные записи закрепляли узы, подчинявшие «слуг» воле монарха. Наконец, браки северских князей с представительницами старомосковской знати также содействовали слиянию различных аристократических прослоек русского общества конца XV — первой трети XVI в.

Обратим внимание и еще на одно обстоятельство. Сохранив за «слугами» часть старинных привилегий в их вотчинных землях на южных и восточных окраинах Руси, московское правительство поставило их формально выше старомосковского боярства. Не случайно с княжатами-«слугами» старомосковская знать не местничала в первой трети XVI в., ибо они были выше ее по лестнице чинов. И вместе с тем служилые князья были оттерты от реального управления страной. Они не являлись членами Боярской думы, не участвовали в переговорах с послами, не посылались наместниками (кроме Мстиславского в его «кормлении»). Тем самым их политическая роль постепенно, по мере укрепления престижа Русского государства, уменьшалась.

Включение служилых княжат в Думу растянулось на долгие десятилетия и началось только с перехода в Думу князя Д. Ф. Бельского в 1530 г. Борьба в малолетстве Ивана IV Бельских и Шуйских во многом объясняется еще соперничеством служилых князей со старой княжеской аристократией Северо-Восточной Руси.

Имела свои особенности и система городов-кормлений, данных татарским царевичам. В общем эти царевичи на Руси не обладали столь прочными связями, как служилые

северские князья. В первой половине XVI в. многие из них просто рассматривали свое пребывание на «кормлении» как временное, за которым должно было последовать получение ими престола в Казани или даже какая-нибудь более завидная судьба в Крыму. Однако, как правило, их надежды не сбывались: Казань смотрела на них как на прямых ставленников Москвы и принимала к себе только под нажимом со стороны московских государей. Особое положение занимал крещеный царевич Петр, которого Василий III рассматривал как своего прямого наследника и удела ему не выделил. В данном случае великий князь следовал традиции Ивана III, который по сходным причинам воздерживался от выделения удела Дмитрию-внуку.

Следы феодальной обособленности были явственно видны и на землях, находившихся под великокняжеским суверенитетом. Раскрывая особенности социальной структуры Московского царства, В. И. Ленин отмечал наличие в это время лично свободных крестьян (т. е. черносошных), светских землевладельцев (помещиков) и монастырей. Церковь в XVI в. была своеобразным государством в государстве. Руководство русской церкви на протяжении конца XV и всего XVI в. вело свою политическую линию, которая вступала в резкое противоречие с программой правительства в тех случаях, когда речь заходила о привилегиях духовенства.

В. И. Ленин в следующих словах вскрывает главные черты идеологии «чистого клерикализма»: «Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения» [21].

Свидетельством наличия живых следов феодальной раздробленности были, как пишет В. И. Ленин, «особые таможенные границы» [22]. В XVI в. существовали многочисленные и разнообразные проезжие и торговые пошлины, сбор которых находился в руках особых правительственных агентов (таможенников). Неравенство в обложении местных и иногородних торговцев показывало еще прочность таможенных

---

[21] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 431.
[22] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

барьеров, порожденных неизжитостью в стране экономической и отчасти политической обособленности земель [23].

Большое разнообразие окладных единиц, вводившихся для раскладки общегосударственных и местных податей, своими корнями уходит еще в удельную старину. В Новгородской земле на протяжении всего XVI в. существовала обжа как окладная единица. В Перми в середине XVI в. известны луки, которыми описывали угодья Кольского полуострова. В Пскове в дворцовых владениях, а иногда и в черносошных на Севере применялась выть (разного размера). Маленькая сошка (в 3 обжи) встречается в Новгородском, Двинском, Каргопольском и Турчасовском уездах [24].

Не в меньшей степени сказывались и «особенности в управлении» [25] отдельных земель. Особенно наглядно это проявилось в судьбах Великого Новгорода в составе Русского государства. Новгород в XVI в. сохранил многие черты былой самостоятельности. Новгородские наместники вели по поручению великого князя сношения со Швецией и Ливонией. Новгородский владыка, являвшийся ранее главой Новгородской республики, играл и в XVI в. большую роль в идеологической и политической жизни страны. Почти все архиепископы Новгорода конца XV—XVI в. за свое противодействие монарху были отстранены от власти (Геннадий, Серапион, Феодосий, Пимен, Леонид). В Новгороде сохранялись еще пятикончанские старосты и другие старые органы местной администрации. Собственный монетный двор выпускал там «новгородки», которые наряду с «московками» были основной денежной единицей Русского государства.

Включение удельных и когда-то самостоятельных княжеств в политическую систему Русского государства было длительным процессом, который прошел несколько этапов. Одним из них являлось создание на месте этих княжеств областных дворцов. Сохраняя прежнюю территориально-ад-

---

[23] Подробнее см.: *А. Т. Николаева.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка.— «Исторические записки», т. 31, 1950, стр. 245—266; *Ю. А. Тихонов.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в.— Там же, т. 55, 1955, стр. 258—290.

[24] Подробнее см.: *С. Веселовский.* Сошное письмо, т. I. М., 1915, стр. 1—9.

[25] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

министративную целостность ряда уделов, московское правительство в конце XV — первой половине XVI в. организовывало для управления их землями специальные ведомства — дворцы. Так, присоединение Новгорода и образование там фонда великокняжеских земель вызвали необходимость создания ведомства новгородского дворецкого [26]. Ликвидация самостоятельности Твери привела к сложению там Тверского дворца (до 1503 г.). Позднее к Тверскому дворцу были присоединены земли бывшего Волоцкого удела [27]. После падения самостоятельности Рязанского княжества создается Рязанский дворец. Существовал также Нижегородский дворец. В 20—30-е годы XVI в. на месте старых удельных княжеств возникли Дмитровский и Углицкий дворцы. Великокняжескими землями на основных территориях Русского государства ведал дворецкий, позднее получивший название «большой».

Функции его были довольно обширными. Дворецкий ведал в судебно-административном отношении населением великокняжеского домена, выступал часто в качестве судьи последней инстанции. Принимал самое активное участие и в решении общегосударственных дел, подчас даже более непосредственное, чем члены Боярской думы. Важнейшим чином, очевидно, был конюший. Даже дворецкий на лестнице чинов рассматривался вторым, т. е. «под конюшим первой» [28]. Из двух братьев Челядниных старший (Иван) был конюшим, а младший (Василий) дворецким. Конюшие упоминаются впервые при Василии III. В это же время в связи с возросшим значением огнестрельного оружия появился дворцовый чин оружничего. Меньшим почетом пользовались ясельничие, сокольничие, ловчие и постельничие. Но тем не менее лица, ведавшие охотой, всегда находились вблизи великого князя. Об особом пристрастии Василия III к «потехе» (охоте) сохранилось много известий в источниках.

---

[26] *А. А. Зимин.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в.— «Исторические записки», т. 63, 1958, стр. 180—205. Новгородский дворецкий упомянут уже под 1476 г. (ПСРЛ, т. XXV, стр. 304).

[27] ДДГ, № 89, стр. 363. В 1534 г. И. Ю. Шигона Поджогин называется тверским и волоцким дворецким (ПСРЛ, т. XIII, стр. 409).

[28] *Г. Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4. СПб., 1906, стр. 88.

Видную роль в организации всей текущей работы правительственного аппарата играли казначей и его непосредственный помощник — печатник. Казначеями назначались не представители княжеско-боярской знати, а лица, хорошо знавшие финансовые дела и вопросы внешней политики. В первой трети XVI в. должности казначея и печатника находились в руках Траханиотов и Головиных (Ховриных), особенно близких к самому великому князю. Траханиоты выехали на Русь вместе с его матерью Софией Палеолог. Ховрины также происходили «из грек».

Дворцовые чины не включались еще в думский аппарат — у них был свой, строго очерченный круг дел [29]. В задачу дворца входили кроме всего прочего и хозяйственные заботы (обеспечение государева двора хлебом, медом, рыбой и другими припасами) [30]. И вместе с тем влияние деятелей дворцового аппарата на управление страной в целом было весьма значительным. Достаточно вспомнить фигуры братьев Челядниных, казначея Юрия Траханиота, М. Ю. Захарьина и др. Но все же преувеличивать роль дворца как центра управления государством нельзя. Часто власть сосредоточивалась у тех или иных лиц не по должностному признаку, а по степени близости к великому князю. Так, М. Ю. Захарьин продолжал занимать главенствующее положение в государственном аппарате, хотя уже в начале 20-х годов перестал быть тверским дворецким, а И. Ю. Шигона Поджогин был чуть ли не фигурой № 1 после Василия III, хотя дворцовый чин получил только в 1532 г.

Большинство лиц дворцового аппарата, особенно в первый период правления Василия III (до начала 20-х годов XVI в.), вышли из среды старомосковского нетитулованного боярства или вообще из незнатных кругов служилого люда, не имевших прочных поземельных связей и остатков прав суверенных властителей. Этим объясняется их преданность делу великокняжеской власти. Правда, во второй период правления Василия III картина несколько изменилась. Влияние приобрели такие представители ярославских княжат,

---

[29] Исключение составляет конюший, который, возможно, считался главой Боярской думы. По Поссевину (1583 г.), конюший обладал правом выбирать царя, когда государство оставалось без правителя (*Карамзин*, т. IX, прим. 614).

[30] Акты Уварова, № 20, стр. 14—25.

как И. И. Кубенский, или стародубские княжата (И. Ф. Палецкий). Это находит объяснение в общей политической линии правительства 20-х — начала 30-х годов. Но и в этом случае во дворец вошли те княжата, которые давно потеряли свои суверенные права на местах.

Усиление роли дворца в первой трети XVI в. было явлением временным, переходным. Оно напоминает известное возрастание власти наместников. Развитие наместнической системы имело свое позитивное значение, ибо пришло на смену удельной разобщенности земель, но само явилось результатом сохранения отдельных ее элементов. Дальнейшее слияние земель воедино привело к торжеству функционального (приказного) управления, пришедшего на смену территориальному (дворцовому).

История Боярской думы в изучаемый период может быть прослежена только в самых общих линиях, что объясняется скудостью сохранившихся источников. В первую треть XVI в. в Думу входили всего два чина — бояре и окольничие. В 1517 г. И. Ю. Поджогин называется сыном боярским, «которой у государя в думе живет» [31]. Обычно на это свидетельство ссылаются, когда говорят о зарождении чина «думных дворян». Но до 1553 г. аналогичные сведения в источниках отсутствуют. Очевидно, в 1517 г. речь шла еще о личной близости Шигоны к великому князю, а не о формирующемся особом чине.

Характеризуя деятельность Боярской думы, надо иметь в виду две стороны. Во-первых, не все члены Думы играли в деятельности Думы равную роль (М. Ю. Захарьин, например, был в конце правления Василия III наиболее значительной фигурой из бояр), и, во-вторых, не всегда важнейшие государственные дела поручались членам Боярской думы. Дворецкий с его ведомством, казначеи, да и просто любимцы великого князя, вроде Шигоны Поджогина, решали часто больше, чем те или иные бояре. Четкой регламентации деятельности лиц и учреждений в это время не было. Но в целом бояре занимали важнейшие посты в центральном и местном аппарате. Великий князь не мог еще нарушить традицию формирования состава Боярской думы, но мог для ведения практической деятельности привлекать лиц, наиболее ему послушных и необходимых.

[31] Сб. РИО, т. 53, стр. 40.

Не сохранилось ни одного сведения о заседаниях Боярской думы в целом. Обычно все дела решали, если можно так назвать, «боярские комиссии», возглавлявшиеся только боярином (или двумя); состояли они также из лиц дворцового ведомства и дьяков или тех, которым на время их миссии (например, посольской) боярство «сказывалось» [32]. Поэтому за формулой «приговорил князь великий з бояры» (например, о пожаловании Абдул-Латифа в 1508 г.) скрывалось не заседание Василия III со всей Думой в целом, а решение, принятое великим князем с близкими ему лицами, не все из которых были боярами. Пожалуй, самый яркий пример этого — решение о судьбе Пскова в январе 1510 г. Василием III в Новгороде по приговору великого князя с боярами («приговорил з бояры»), но половина личного состава Думы в это время находилась в Москве [33]. «Боярские комиссии» вели переговоры с иностранными представителями, судили различные дела, присутствовали на их докладе великому князю, а иногда были высшей судебной инстанцией. В литературе считалось, что «введенным» боярином назывался боярин, введенный в состав Думы, или боярин, получивший дворцовую должность [34]. Вторая из них ближе к истине. Введенный боярин — боярин, которому доверено исполнение какой-либо должности (например, наместника, судьи и др.) или поручения. Эти-то введенные бояре и осуществляли на практике реальную политическую линию правительства.

Только в годы малолетства Ивана Грозного, когда роль самого монарха почти сводилась к нулю, Боярская дума стала приобретать более широкие полномочия.

Порядок назначения на думные, равно как и на другие

---

[32] Так, переговоры 26 апреля 1517 г. с С. Герберштейном вели следующие «бояре»: боярин Григорий Федорович, казначей Юрий Малый, Шигона Поджогин и дьяк Меньшой Путятин (ПДС, т. I, стб. 211). В 1523/24 г. розыск производили «бояре» М. Ю. Захарьин и Шигона Поджогин («Исторический архив», 1960, № 3, стр. 148).

[33] *Масленникова*, стр. 189; РК, стр. 44.

[34] *В. И. Сергеевич.* Русские юридические древности, т. I. СПб., стр. 362—363; *С. В. Юшков.* История государства и права СССР, ч. I. М., 1947, стр. 186; *В. О. Ключевский.* Боярская дума. Пг., 1919, стр. 122; *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права, изд. VI. СПб.—Киев, 1909, стр. 161.

высшие судебно-административные и военные, должности определялся положением феодала на сословно-иерархической лестнице. Он зависел, как правило, от знатности рода (т.е. от происхождения) и от службы данного лица и его предков у великого князя. Обычно этот порядок называется местническим. Но в первой трети XVI в. местничество имело скромные размеры[35]. Для более раннего периода у нас сохранились совсем отрывочные данные, главным образом содержащие предания о местах, которые занимали во время приемов ближайшие к великому князю бояре. Этот порядок описывал и Герберштейн[36]. Местничество при назначении на военно-служилые должности соблюдалось у старомосковских бояр, происхождение которых не давало оснований для предпочтения одного рода перед другим. Тем более не могли местничать в знатности неродовитые бояре с княжатами. Первоначально местничество носило служилый, а не родословный характер. Только со времени боярского правления, когда служилые князья вошли в Думу, они сравнялись с верхушкой старомосковской аристократии и включились в систему местнических отношений. После этого к служилому принципу добавился еще и родословный, а местничество вступило в период своего расцвета.

Реальными исполнителями предначертаний великокняжеской власти были дьяки. Они образовывали аппарат Боярской думы, казны и дворца. Из их состава вырастают крупные политические деятели. В их среде зарождается новый государственный аппарат, получивший во второй половине XVI в. название приказного. Специализируясь на выполнении определенных поручений (финансовых, дипломатических, военных и ямских), дьяки подготовляли создание органов управления с новым, функциональным, а не территориальным распределением дел.

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с составом дьяков в годы правления Василия III,— это их значительное число, во много раз превышающее количество

---

[35] *А. А. Зимин.* Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 109—118.

[36] За великокняжеским братом сидели «старейшие князья и советники, причем соблюдались их чины и степени, милость, которой каждый пользовался у государя» (*Герберштейн*, стр. 204).

дьяков в годы княжения Ивана III. Расширился и круг вопросов, которыми ведают теперь дьяки. Для всего этого были реальные причины. Объединение русских земель в единое государство выдвинуло задачу создания действенной системы управления этими землями, сохранявшими еще черты обособленности. Осуществить ее на практике должен был дьяческий аппарат в его двух основных разновидностях — государственной канцелярии (казны) и дворца.

Говоря о происхождении писарей (дьяков) Ивана IV, Курбский писал, что царь «избирает их не от шляхетского роду, ни от благородства, но паче от поповичов или от простаго всенародна» [37]. Эта характеристика в полной мере подходит и к составу дьяков Василия III. Из дворян вышло очень мало писарей первой трети XVI в. Елизар Цыплятев составлял в этом смысле скорее исключение, чем правило, но и его отец уже был дьяком князя Михаила Андреевича. Подавляющее большинство коллег Цыплятева происходило из «поповичов» или просто из холопов (холопы-дьяки часто упоминаются в духовных XV—XVI вв.). Поэтому они старались служить как можно добросовестнее, ибо княжеская немилость грозила им катастрофой.

Для времени Василия III характерен уже процесс складывания целых дьяческих семейств (Моклоковы, Путятины, Цыплятевы, Раковы и др.). Дьяческая профессия становится наследственной, а дьяческий штат приобретает корпоративную устойчивость. Конечно, пребывание при дворе несло с собой не одни только блага. Скорый на гнев, Василий III за малейшую провинность отстранял от должности провинившихся. Этим объясняется то, что многие лица исчезли быстро из наших источников, не оставив сколько-нибудь обеспеченными своих наследников. Понимая переменчивость судьбы, дьяки стремились обеспечить своих детей и родичей в годы фавора. Большинство их получало в наследие от своих чиновных отцов землю в поместье или вотчину, вливаясь в состав привилегированной части господствующего класса, наиболее преданной великокняжеской власти.

В первой трети XVI в. только еще намечается распределение функций в дьяческой среде. Большинство из 145

[37] РИБ, т. XXXI, стб. 221.

выявленных дьяков находились на великокняжеской службе, 24 служили в уделах. Удельные дьяки при ликвидации уделов, как правило, не входили в великокняжеский аппарат. Великокняжеские дьяки разделяются в источниках на три группы: великокняжеские (77), дворцовые (16) и ямские (28). Обычно это деление строго выдерживалось. Источником складывавшейся приказной системы была как казна, так и дворец. При этом дворцовые и тем более ямские дьяки обычно считались рангом ниже великокняжеских, хотя дворцовые иногда исполняли сходные с ними поручения. Один и тот же дьяк мог исполнять самые разные функции, участвовать в дипломатических приемах, ведать выдачей льготных грамот и т. п. По дипломатическому ведомству у них был целый штат толмачей, переводчиков с латинского [38] и восточных языков [39]. Некоторые из них (как, например, Елка Сергеев) делались потом дьяками. Приобретенный дьяками опыт практической деятельности давал правительству возможность использовать их знания преимущественно в одной какой-нибудь области. Но функциональное распределение обязанностей только в середине XVI в. привело к сложению новой (приказной) системы управления.

Изменения в составе ведущей части дьяков отражают перемены в политической линии правительства. Так, сразу же после прихода к власти Василия III исчезли из источников упоминания о таких видных дьяках его отца, как Ю. Безобразов (последний раз упоминается в 1504 г.), В. Кулешин, М. Горин (1504 г.), немного позднее перестают упоминаться Д. Мамырев, Б. Паюсов (до 1508 г.). Вторая «волна» дьяков исчезает в 10—20-х годах: Л. Семенов (после 1512 г.), Т. Д. Долматов (1517 г.), Е. Суков (после 1517 г.), В. Тетерин (после 1520 г.); в 1523 г. исчезают сведения о И. Телешове и И. Харламове. К управлению приходит новое поколение придворных дельцов: М. Путятин и Т. Ильин (с 1517 г.), А. Курицын и Е. Цыплятев (с 1520 г.), Т. Раков (с 1522 г.) и Ф. Мишурин (с 1525 г.).

---

[38] Известны толмачи Дм. Герасимов, широко образованный писатель, Влас (Сб. РИО, т. 53, стр. 9 и др.), Истома Малой (ПДС, т. I, стр. 435 и сл.).

[39] Гаврила Буда, Иванко Звенцов (*Дунаев*, стр. 56), Денис Максимов, Алексей Малой, Елка Сергеев и др. (Сб. РИО, т. 95, стр. 11, 91, 561) и др.

Все эти, кроме Т. Ильина, очевидно умершего вскоре после 1529 г., в период смертельной болезни Василия III занимают ключевые позиции при великокняжеском дворе[40]. В годы боярского правления все они были отстранены от власти. Ф. Мишурин казнен в 1538 г. Сведения об А. Курицыне обрываются на 1537 г., о М. Путятине — на 1541 г., а о Е. Цыплятеве и Т. Ракове — на 1542 г.

Смена действующих лиц, однако, смогла только на время задержать торжество бюрократической системы управления. Новые деятели, пришедшие на смену дельцам школы Василия III, стали в середине XVI в. творцами приказного управления, подготовленного еще в первой трети XVI в.

Местное управление России XVI в. не в меньшей, а, пожалуй, даже в большей степени, чем центральное, сохранило черты старых порядков. В конце XV — первой половине XVI в. это управление на основной территории государства осуществлялось наместниками и волостелями, собиравшими в свою пользу с местного населения «кормы» и осуществлявшими суд над местным населением. «Кормленщиками» были как представители феодальной аристократии, так и верхушка служилых людей. Все зависело только от доходности «кормления». «Кормлениями» вознаграждалось и исполнение дворцовых должностей. Территория, которая была подведомственна какому-либо представителю дворцовой администрации, называлась путем (были сокольничий путь, ловчий путь и т. п.). Натуральный характер вознаграждения за службу соответствовал еще слабому развитию товарных отношений в стране.

Кормления в волостях давались чаще всего на год, но «перепускались» (продолжались) иногда на полгода, иногда на год, иногда на два. По Герберштейну, Василий III раздавал кормления «по большей части в пользование только на полтора года; если же он содержит кого в особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет подряд придется служить даром»[41]. Размеры кормов были строго определены доходными спис-

---

[40] АЗР, т. II, № 179/1; ПСРЛ, т. VI, стр. 268, 270, 272.

[41] Акты XIII — XVI веков, представленные в Разрядный приказ. М., 1898, № 95, 99; *Герберштейн*, стр. 20—21.

ками, нормы которых установились еще в середине XV в. и в начале XVI в. не менялись [42].

Власть кормленщиков ограничивалась и регламентировалась уставными грамотами, выдававшимися местному населению, и доходными списками (их получали сами кормленщики). Ограничение шло и по линии изъятия из функций наместников все большего числа дел. «Городовое дело» переходило в руки городовых приказчиков, которые вместе с таможенниками, данщиками, мытниками и тому подобными агентами государевой казны собирали всевозможные подати и пошлины в великокняжескую казну. Многочисленные писцы и специально посланные судьи решали поземельные споры, которые раньше были подведомственны исключительно наместникам и волостелям.

Правительству Василия III успешно удалось справиться с проблемой удельных княжат. Были отстранены от управления страной и служилые (северские) княжата, сохранившие свои позиции в очень урезанных размерах в своих вотчинах-княжениях на окраинах страны. Гораздо сложнее обстояло дело с княжатами Северо-Восточной Руси. Этим княжатам удалось укрепиться в важнейших центрах Руси в качестве наместников и сохранить известное влияние в Думе.

Ведь наместник не только являлся высшим судебно-административным лицом в городе. Он возглавлял в качестве верховного начальника и местные войска.

Ограничение власти наместников было сопряжено с усилением политического влияния дворянства на местах, особенно ярко выразившимся в появлении института городовых приказчиков, вербовавшихся из среды провинциальных детей боярских. Впервые городовые приказчики упоминаются в одной из грамот 1511 г.[43] Постепенное распространение этого института в различных районах страны было в значительной степени вызвано обстоятельствами борьбы Василия III с его удельными братьями. Городовые приказчики

---

[42] См. грамоту Осоргиным 14 декабря 1500 г. (АСЭИ, т. III, № 114; Акты XIII — XVII вв., № 75). См. также: *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение, стр. 263—280; *Б. Н. Флоря.* О некоторых источниках по истории местного управления в России XVI века, стр. 92—97.

[43] Чтения ОИДР, 1903, № 3, смесь, № 12.

пришли на смену многочисленным агентам дворцово-вотчинной администрации в городах. Еще Н. Е. Носов высказал предположение, что их прямыми предшественниками были «городничие» [44]. И действительно, одни летописи под 1533 г. называют Д. Волынского городским приказчиком, а другие — городничим [45]. Городовые приказчики осуществляли административно-финансовую власть на местах, прежде всего в городах как административных центрах уездов. Им было подведомственно городовое дело во всех его видах. Городовые приказчики раскладывали эту повинность по сохам. Они следили за выполнением «ямчужного дела», т.е. варки селитры [46], наблюдали за сбором ратных людей и несением службы детьми боярскими [47]. В их ведении находилась организация материального обеспечения обороны городов. Городовые приказчики руководили строительством городских укреплений [48], отводили места под осадные дворы в городах [49], возглавляли постройку великокняжеских дворов, наблюдали за сбором в казну посошного хлеба [50].

Круг функций городовых приказчиков не ограничивался рамками города, а распространялся и на земли, тянувшиеся к нему, т.е. на уезд. Городовые приказчики участвовали в размежевании земель феодалов, ведали оброчными угодьями, участвовали в составлении писцовых книг и в местном судопроизводстве при решении земельных и иных дел.

Особенно важно было средоточие в руках городовых приказчиков финансовых функций: сбор оброчных денег с монастырей, ямских денег, примета и др. Эти поборы наряду с торгово-проездными пошлинами являлись основным источником доходов великокняжеской власти. Городовые

---

[44] *Н. Е. Носов.* Очерки, стр. 42.

[45] ПСРЛ, т. IV, стр. 556; т. VI, стр. 269.

[46] АФЗХ, ч. II, № 62—63, 79; *М. А. Дьяконов.* Акты... вып. II, № 10.

[47] АФЗХ, ч. II, № 184; *С. А. Шумаков.* Тверские акты, вып. I, № IV, стр. 22—23; *А. А. Зимин.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в.— «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 147—150.

[48] ПСРЛ, т. XIII, стр. 412; ЦГАДА, ф. Спасо-Ефимьева монастыря, оп. 1, № 603.

[49] АФЗХ, ч. II, № 86; «Сборник Муханова» № 126, стр. 199—200.

[50] АФЗХ, ч. II, № 184; *С. А. Шумаков.* Тверские акты, вып. 1, № II, IV.

приказчики наблюдали за функционированием великокняжеских торжков [51].

В целом же введение института городовых приказчиков являлось предзнаменованием грядущего падения всей системы кормлений и засилья феодальной аристократии в местном аппарате.

«Великий князь всеа Руси» Василий Иванович, сын Ивана III и племянницы последнего византийского императора Константина IX Зои (Софии) Палеолог, вступил на престол вполне зрелым человеком, умудренным большим жизненным опытом. Уже из хода острой придворной борьбы 1497—1502 гг. он извлек для себя важные уроки.

Главным из них был тот, что за власть нужно бороться. Если для его отца, Ивана III, подобного вопроса по существу не вставало, а его державных прав никто не оспаривал, то иное дело Василий Иванович. Его утверждение на престоле при жизни законного наследника Дмитрия Ивановича, заключенного в темницу, не было освящено силой традиции. Да и позднее — до 1530 г.— у него не было прямых наследников, что ставило под угрозу судьбу династии. Отношения Василия Ивановича с его удельным братом Юрием все время оставались напряженными, и великий князь мог опасаться, что его дмитровский брат заявит свои претензии на престол и устранит его с политической арены так же, как сам Василий поступил со своим племянником Дмитрием.

Не было спокойно и в недавно присоединенных землях Северщины, где фактически распоряжались князья-вассалы Василий Стародубский и Василий Шемячич, а Литва не отказывалась от своих притязаний на их владения. Словом, в таких условиях для Василия III становилось задачей № 1 не присоединение новых земель к Москве (она была главной для Ивана III), а укрепление великокняжеской власти.

Познав и опалу, и возвышение, княжич Василий уже при жизни своего отца стал знаменем определенной политической группировки, которую он поддерживал и позднее на протяжении всех лет своего правления. Это были «дети боярские», т.е. рядовая масса русского дворянства, жаждав-

[51] АЮ, № 20; ААЭ, т. I, № 188; *С. А. Шумаков.* Обзор, вып. III, № 279 и др.; *А. А. Зимин.* Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 346—351.

шая получить новые пожалования и привилегии за счет феодальной аристократии. Понял Василий Иванович и то, что все остальные союзники его — только временные попутчики, которых можно использовать во внутриполитической борьбе тогда, когда их интересы совпадают с планами самого великого князя.

В первый период правления Василий III в борьбе с удельными братьями и феодальной аристократией опирался на преданный ему круг представителей старомосковского боярства, выражавших интересы широких кругов дворянства. Брак с Соломонией Сабуровой из старомосковского рода боярского Сабуровых—Годуновых символизировал эту политическую программу великого князя. Однако, будучи устранены от реального участия в решении общегосударственных дел, служилые северские да и другие княжата в силу неизжитости черт феодальной обособленности русских земель сумели укрепиться на местах: одни в своих полуделах, другие в качестве наместников-кормленщиков. Создавалось такое положение, когда великий князь вынужден был считаться с их волей и требованиями.

В значительной мере поэтому во второй период княжения Василий III (с 20-х годов XVI в.) приблизил к себе представителей княжеской знати. Второй брак московского государя, на этот раз с княгиней Еленой Глинской, принес с собой и крутой поворот в политической линии Василия III. Женитьба государя Северо-Восточной Руси на представительнице княжат Руси Юго-Западной символизировала установление династического единства русских земель в рамках единого государства. Великий князь должен был отныне в большей мере, чем раньше, считаться с могуществом княжеской аристократии, связанной теперь с ним прочными родственными узами.

Восстановление Старицкого удела и усиление влияния иосифлян на московского государя в 20-х — начале 30-х годов XVI в. также свидетельствовали об отступлении великого князя от принятого ранее политического курса. Таким образом, борьба за власть между различными группировками княжеско-боярской знати в малолетство Ивана IV была подготовлена возвышением княжеской аристократии во второй период правления его отца.

К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют

отчетливо представить себе характер Василия Ивановича. Но черты его как государственного деятеля рисуются в них более или менее отчетливо. Это был осторожный и трезвый политик. Человек эпохи Возрождения, Василий III сочетал в себе горячий интерес к знанию с макиавеллизмом честолюбивого правителя. Показная набожность прекрасно уживалась в нем с готовностью пожертвовать церковными традициями во имя государственных интересов, которые он отождествлял с особой великого князя всея Руси. В отличие от своего сына Ивана Грозного Василий III редко прибегал к казням своих политических противников, карал, как правило, своих вельмож только опалами за те или иные проступки. В опале, впрочем, побывали многие из его окружения. Среди них были и представители княжеской знати и боярства (князья М. Л. Глинский, И. Ф. Бельский, Д. Ф. Бельский, В. В. Шуйский, А. М. Шуйский, И. М. Шуйский, Ф. М. Мстиславский, И. М. Воротынский, И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, С. Ф. Курбский, Б. И. Горбатый). Тут были и татарские царевичи (Абдул-Латиф и Шигалей), и представители старомосковского боярства (окольничий И. В. Ляцкий, М. А. Плещеев), фавориты (И. Ю. Шигона Поджогин), казначеи и дьяки (Т. Долматов, И. Телешов, Юрий Траханиот). Одна казнь совершена была в Москве — над нетитулованным придворным И. Н. Берсенем Беклемишевым. Да окончили свои дни в заключении Дмитрий-внук, князь Василий Шемячич, князь В. Д. Холмский, и находились в монастырях под надзором Соломония Сабурова, Максим Грек и Вассиан Патрикеев.

Конечно, объяснять эти опалы только дурным характером или мнительностью Василия III было бы ошибкой. Речь шла об определенной линии, направленной на подчинение феодальной аристократии великокняжеской власти. Поэтому, как правило, опалы были кратковременны, но они кончались только после того, как «провинившиеся» лица давали крестоцеловальную запись в верности или за них ручались другие представители придворной знати, составлявшие соответственные поручные записи.

Василий III умел не только «опаляться», но и подбирать вокруг себя умных и исполнительных дельцов, от которых прежде всего требовалась личная преданность великому князю. Кузницей таких кадров был по преимуществу княжеский

дворец. Наиболее верные сподвижники Василия III выходили из среды старомосковского боярства (братья Челяднины, Давыдовы, Захарьины), а также из дьячества (дьяки Ф. Мишурин, Е. Цыплятев, Меншик Путятин и др.). Фаворитом великого князя был тверской дворянин Шигона Поджогин. Василий III не чурался иноземцев. В его непосредственное окружение входили греки (казначей Юрий Траханиот, печатник И. И. Третьяков), немцы (доктор Н. Булев), итальянцы (зодчий Петрок Малый и др.). Прислушивался московский государь к советам высокообразованных людей из своего окружения с довольно разными взглядами на жизнь. Здесь были и дипломат-гуманист Федор Карпов, и образованные администраторы Д. Герасимов (близкий к иосифлянам), московский дьяк Мисюрь Мунехин, новгородский дьяк Я. Шишкин, ученейший грек Максим Святогорец, пламенный публицист Вассиан Патрикеев. Василий III охотно выслушивал их советы, но решал, как ему поступить, по собственному усмотрению.

Еще с юных лет Василий Иванович связал свою политическую судьбу с воинствующими церковниками — иосифлянами. Но, поняв значение тесного союза с воинствующей церковью для идеологического укрепления престижа великокняжеской власти, Василий III не склонен был превращаться в послушного исполнителя воли высших иерархов церкви. Наоборот, играя на противоречиях иосифлян и нестяжателей, он сумел сделать митрополита Даниила верным проводником правительственных предначертаний. Если для своего правительственного аппарата Василий III стремился найти наиболее способных дельцов, то на должности церковных иерархов Василий III выдвигал главным образом преданных ему лиц, не отличавшихся ни инициативой, ни какими-либо другими личными качествами. Он понимал, что церковь сохраняла элементы независимого положения в государстве, и боялся повторения печального опыта с новгородским архиепископом Серапионом, когда Василию III пришлось уступить этому своенравному и волевому владыке. Но после смерти Серапиона свыше 10 лет новгородская архиепископия была лишена пастыря. Да и в реальной иммунитетной политике Василий III в первой половине княжения не склонен был идти навстречу требованиям церковно-монастырских деятелей, допуская исключение только

для тех монастырей, которые являлись надежной опорой в его сложной политической игре.

Василий III оставался всю жизнь врагом еретического вольномыслия. Но в его окружении было немало людей с несомненными гуманистическими взглядами и интересами. Развитие медицины, астрономии, строительной техники осуществлялось при явном покровительстве великого князя, несмотря на дружное противодействие новым идеям как иосифлян, так и нестяжателей.

Внешнеполитические взгляды Василия III, отразившиеся в русской дипломатической практике первой трети XVI в., показывают нам московского государя как дальновидного политика. Его внешняя политика отличается продуманностью и целеустремленностью, умением использовать международную обстановку для проведения в жизнь военных акций.

На западных рубежах основной целью политики Василия III было сохранение громадных территориальных приобретений, которые были сделаны в конце XV — начале XVI в. (а позднее и присоединенного Смоленска). Эти земли стремилось отобрать у России Великое княжество Литовское. Однако позиция московского великого князя, все время выдвигавшего предложение о мире, ставила его в очень выгодное положение и приносила крайние затруднения правителям Великого княжества Литовского, вынужденным прибегать к активным наступательным акциям, хотя для этого у них не было реальных средств. Литовская проблема для России была в первую очередь дипломатической, а не военной. Московская программа могла быть реализована только при условии создания выгодного соотношения сил на международной арене. К чести московского правительства можно сказать, что оно с этой задачей вполне справилось. Ему удалось заставить служить своим интересам Империю и Папскую курию, которые рассчитывали добиться участия Москвы в антитурецкой лиге. Союзником России был Прусский орден, злейшим врагом которого была Польша. Дружественные связи соединяли Василия III с молдавским господарем Петром Рарешем. Естественным союзником московского государя стала Дания. Мирные добрососедские отношения установились с Ливонией и Швецией. Все это стало возможным благодаря совершенно реалистическим планам правительства, правильному пони-

манию возможностей страны в конкретно сложившейся международной ситуации. Василий III обычно не обольщался несбыточными надеждами и старался добиться реальной цели. Этим он отличался в лучшую сторону от многих современников (в частности, от императора Максимилиана и папы Климента), да и от собственного сына Ивана IV, который нередко ставил перед собой широкие, но невыполнимые задачи. Василия III не прельщали перспективы получения пышного титула из рук папы, он предпочитал добиться присылки на Русь иноземных мастеров-архитекторов, ученых, медиков, артиллеристов.

На Востоке Василий III трезво оценил возросшее военно-политическое могущество Турецкой империи. Поэтому он не только уклонялся от участия в антитурецких авантюрах, но и всячески стремился к установлению союзнических отношений с султаном, которые кроме всего прочего облегчали ему взаимоотношения с Крымом и Казанью. И только в связи с тем, что Турция в этот период была занята более важными для нее европейскими делами, в отношениях с Россией она ограничивалась торговыми сношениями, носившими к тому же нерегулярный характер. Московскому правительству, как правило, удавалось сохранять добрососедские отношения с Крымом, особенно при Менгли-Гирее. Зато по отношению к Казани был принят курс на ее полное подчинение Москве. Благодаря сложным дипломатическим переговорам и все усиливавшемуся военному превосходству России Казань прочно вошла в орбиту московской политики.

Исследователи в целом справедливо утверждают, что Василий III продолжал политическую линию, намеченную его отцом. Вместе с тем были существенные различия в характере правления Ивана III и его сына. В годы объединения русских земель вокруг Москвы великокняжеское правительство стремилось консолидировать для этой цели усилия различных групп господствующего класса, оставляя практически нетронутыми их основные привилегии. Иное дело правительство Василия III, которое в обстановке завершения объединительного процесса начало решительное наступление на права феодальной аристократии.

Политическая линия Василия III, несмотря на отступления от нее в годы боярского правления, определила во многом и правительственные мероприятия Ивана Грозного.

В нашей литературе обычно подчеркивается, что политика Ивана IV отличалась, довольно резко, от курса его предшественников, и не обращается внимание на те черты, которые связывают ее с предшествующим правлением. Иван Грозный воспринял от отца главное — стремление подчинить великокняжеской власти уделы, обеспечить влияние на русскую церковь и добиться политического возвышения дворянства как основной опоры своей власти. Все эти три задачи он решал более настойчиво, но поставлены они были еще Василием III. Разгром Старицкого удела в годы опричнины, казнь митрополита Филиппа и продворянские мероприятия завершали начинания отца Ивана Грозного. В сходном направлении при Иване IV шла реорганизация государственного аппарата. Дьяки казны, дворца и Боярской думы составили основу новых приказных ведомств, которые стали строиться уже не по территориальному, а по функциональному принципу. Ограничение власти наместников, начатое при Василии III в ходе введения института городовых приказчиков, привело в конечном счете к падению системы кормлений. Развитие артиллерии и зарождение войска пищальников в дальнейшем дало стрелецкое войско и мощную артиллерию, сыгравшую крупную роль в Казанском взятии и Ливонской войне.

Даже опричнина, это самое оригинальное из детищ Ивана IV, имела корни в мероприятиях Василия III. Именно в первой трети XVI в. дворовое войско (великокняжеская гвардия) начинает обособляться от общегосударственного. Именно Василий III, создав Александрову слободу, сделал ее своей излюбленной загородной резиденцией. Даже поставление на престол Симеона Бекбулатовича имеет прецедент в попытке Василия III назначить себе наследником крещеного татарского царевича Петра. Если Василий III женился на Соломонии Сабуровой, то Иван IV выбрал себе в жены также представительницу старомосковской боярской фамилии — Анастасию Романову. Так же как Василий III ввел в Думу в качестве своего приближенного сравнительно незнатного любимца Шигону Поджогина, Иван IV сделал членом Ближней думы своего фаворита Алексея Адашева.

Попытка Василия III приблизить к себе Вассиана Патрикеева, использовать в государственных интересах вражду иосифлян с нестяжателями, чтобы ограничить всевластие

церкви, нашла продолжение в сближении Ивана IV с Сильвестром и секуляризационных мероприятиях середины XVI в. Стремление Василия III особыми уложениями ограничить княжеское землевладение нашло продолжение в законодательстве его сына 50-х — начала 70-х годов XVI в. Крестоцеловальные и поручные записи по опальным князьям и боярам, смена двора у удельных князей и замена территории уделов были и в годы правления Ивана IV средствами борьбы с сепаратистскими тенденциями феодальной знати. Начатое еще Василием III строительство оборонительных крепостей на южном и восточном рубежах страны в годы правления Ивана IV переросло в сооружение на юге страны целых засечных черт.

Если Василий III еще только изредка в сношениях с отдельными странами именовал себя царем, то уже Иван IV был торжественно коронован на царство в 1547 г.

Иван IV стремился продолжить основные направления и внешней политики своего отца. Он окончательно присоединил Казань и Астрахань к Русскому государству в 50-х годах XVI в., построив предварительно на путях к Казани Свияжск (так же как Василий III построил Васильсурск перед казанским походом 1524 г.). Но вот Ливонская война Ивана IV находилась в прямом противоречии с внешнеполитическими устремлениями Василия III. Она окончилась неудачей по ряду причин, одной из них была та, что Ивану IV не удалось в отличие от его отца добиться окружения Великого княжества Литовского цепью союзных ему держав. Даже подготовленные браком Василия III с Еленой Глинской претензии их сына на литовско-польскую корону не были осуществлены отчасти из-за целой серии неудачных дипломатических шагов.

Правление Василия III падает на время экономического и политического подъема страны. Страна не подвергалась разорительным вторжениям иноземцев (за исключением опустошительного, но кратковременного набега Мухаммед-Гирея в 1521 г.). Правительство не вело изнурительных войн. Усиление налогового гнета не достигло еще той степени, которая характерна для середины XVI в. и периода опричнины. Все это не замедлило сказаться на экономике страны. Росли города, в которых увеличивалось население и возводились каменные здания, пока еще церковных соору-

жений. Осваивались новые земли внутри страны, увеличивалось число сельских поселений на Севере, в ранее необжитых районах. Новые налоги, вводившиеся правительством, растущие барщина и оброки, увеличивавшиеся духовными и светскими феодалами, были той дорогой ценой, которую платили народные массы за экономический подъем и политическую консолидацию страны. Каждодневная борьба крестьянства против усиливавшегося гнета со стороны феодалов, охваченных жаждой стяжания, не затихала ни на минуту. Выступления «лихих людей» и горожан в годины народных бедствий охватывали различные районы России. С особой силой это сказалось уже позднее — сначала в период беззастенчивого грабежа страны различными кликами княжеско-боярской знати, а затем в годы реформ Ивана IV, когда обострились до крайности все противоречия в стране, только еще намечавшиеся в России первой трети XVI в.

Абдул-Латиф, казанский хан 68, 75, 99, 100, 115, 145, 149, 158, 171, 173—177, 186, 187, 194, 196, 241, 282, 410, 419
Абибазей, крымский посол в Москву 194
Август, император римский 137
Авелших, крымский посол в Москву 379
Агапит, византийский писатель 135
Агиш, ногайский мурза 251, 259, 387
Аглыш, астраханский кн. 364
Аграфена, кн. рязанская, жена кн. рязанского Ивана Ивановича 209, 225
Адашев Алексей Федорович, русский государственный деятель 423
Адриан, монах, основатель Андрусовой пустыни (в миру Андрей Завалишин) 226
Азбелев С. Н., историк литературы 45
Ак-Даулет (Доулет), татарский царевич 155, 200, 370
Ак-Кубек, астраханский царь 381
Акакий, епископ тверской 245, 255, 375
Акбар Джелаль — Ад-Дин, правитель Могольской империи в Индии
Аксаков К. С., русский литератор и историк 17, 18
Албазеев Чура, русский гонец в Крым 174
Александр I, русский император 13
Александр Казимирович, в. кн. литовский, король польский 60, 68, 72, 79, 80, 85, 86, 162
Александр Свирский, монах, основатель Троицкого м-ря 226
Александров Андрей Иванович, сын боярский, «литва дворовая» 91
Александров Василий Андреевич, сын боярский, «литва дворовая» 91
Александров Семен, сын боярский, «литва дворовая» 91
Александров Федор Андреевич, сын боярский, «литва дворовая» 91
Алексеев (Ивашков) Михаил, посол в Турцию 151, 158
Алексеев М. П., историк 58
Алексеев Ю. Г., историк 27
Алексей, житель Волоцкого княжества 102
Алексей, игумен Кирилло-Белозерского м-ря, епископ пермский 289, 316
Алексей, митрополит 374
Алексей Малый, дьяк. См. Малый Алексей
Алексей Пильемов, архимандрит Вязмецкого Волоцкого м-ря 103, 104, 107, 108
Алешка, сын Александрова А. И., сын боярский, «литва дворовая» 91
Алп-Арслан, крымский мурза 176
Алп-Гирей, татарский хан, сын Мухаммед-Гирея 196
Альбрехт, саксонский курфюрст 85
Альбрехт Гогенцоллерн, гросмейстер Тевтонского ордена 147, 156, 169, 171, 179, 187, 188, 199—201, 203, 248

* Указатель составлен на авторский текст. Этот принцип распространяется и на текст подстрочника. В указателе приняты следующие сокращения: великая княгиня — в. кн., великий князь — в. кн., город — г., губерния — губ., уезд — у., князья — кн., монастырь — м-рь, село — с.

Амосовы, владельцы промыслов и земель 220
Амуратов Гирей (Кирей), внук татарина Мисюря 361
Анастасия (Настасья), дочь касимовского царевича Петра, жена Ф. М. Мстиславского 316, 375
Анастасия Романовна, царица, жена Ивана IV 423
Ангелина, вдова сербского деспота Стефана 115
Андреан, грек, посланец Сулеймана I 307
Андреев А. И, историк 227
Андреев (Andrejev) Н. П. 342
Андреев Останя, посланец в Крым 192, 196, 252
Андрей, боярский холоп. См. Антоний Сийский
Андрей Васильевич Большой, кн. угличский, сын Василия II Темного 63, 211, 276
Андрей Васильевич Меньший, кн. вологодский, сын Василия II Темного 63, 214
Андрей Дрождь. См. Дрождь Андрей Александрович
Андрей Иванович Меньшой, кн. старицкий, сын Ивана III 63—65, 71, 73, 98, 115, 148, 151, 154, 155, 160, 188, 196, 210, 224, 242, 249, 257, 296, 314, 367, 377, 378, 386, 388, 391, 394, 395, 397, 399—401
Анна, дочь Владислава II Ягеллона, жена Фердинанда I 178
Аннинский С. А., историк 58
Антоний Сийский (в миру Андрей), основатель м-ря на р. Сии 227, 230
Аныш, астраханский кн. 252
Аппай (Аппай-Улан), казанский кн., посланец в Москву 265, 266, 365, 387
Аппак, крымский мурза 192, 193, 196, 197
Аристотель 345, 348, 350
Арсений Комельский (в миру Сахарусов), основатель Комельского м-ря 228, 288
Аталык (Аталыка), казанский мурза 263, 365
Афанасий, монах, келейник Максима Грека 273, 281, 282, 289
Афанасий, основатель Сяндомской пустыни 226
Афанасий Александрийский, епископ 214
Афанасьев Ф., посол в Литву 308
Ахмат, турецкий посланник в Москву 381
Ахмат, хан Золотой (Большой) орды 298, 369
Ахмат-Гирей (Ахмат), крымский царевич, сын Менгли-Гирея 148, 149, 168, 176, 192, 194—197
Ахмет-Улан (Ахмет), крымский посол в Москву 370

Бабур Захиреддин, основатель династии Великих Моголов в Индии, полководец и поэт 381
Базангозин Кудеяр (Кудояр), мурза, крымский посол в Москву 154, 192, 193, 252, 259, 379
Балязин В. Н., историк 33, 148
Баниге В. С., историк 217
Бантыш-Каменский Н. Н., историк 81
Барашкова В. С., историк 28
Барбашин И. И., кн. 370
Бартоломей, «немчин» 249
Батраков Угрим, житель Урала 355
Баубек, ногайский мурза, посол в Москву 387
Бахрушин С. В., историк 28
Бахтияр-Нос, торговый человек 102
Бахты-Кият, казанский кн. 265
Башкин Матвей Семенович, сын боярский, еретик 363
Бегунов Ю. К., историк 48

Беззубцев Василий Михайлович, сын боярский 263
Беззубцев Иван Михайлович, сын боярский 263
Беззубый Василий, сын боярский 376
Безобразов Ю., дьяк 413
Беклемишев Александр Васильевич, сын боярский 271
Беклемишев Иван Шадра Александров, волостель 271
Беклемишев Михаил Васильевич, сын боярский 271
Беклемишев Никита Васильевич, сын боярский, отец И. Н. Берсеня Беклемишева 270, 271
Беклемишев Семен Васильевич, сын боярский 271
Беклемишевы, землевладельцы Дмитровского у. 271, 273
Белевские, кн. 64
Белевский Иван Васильевич, кн. 224
Белинский В. Г. 18
Белов Е. А., историк 21
Белый Василий Александров, дьяк, посол 158, 171, 201
Бельские, кн. 402—404
Бельский Дмитрий Федорович, кн. 51, 194, 243, 245, 249, 265, 314, 376, 380, 388, 390, 393, 395, 404, 419
Бельский Иван Федорович, кн. 261, 264, 265, 364—366, 376, 403, 404, 419
Бельский Мартин (Bielski M.), польский хронист 57, 58, 161, 164, 200
Бельский Федор Иванович, кн., воевода 77
Беляев И. Д., историк 20, 21
Берсень Беклемишев Иван Никитич, сын боярский, русский госуд. деятель, дипломат 9, 10, 15, 32, 48, 52, 268, 270—275, 277—280, 282—289, 293, 300, 375, 397, 419
Бессонов С. В., историк 217
Бестужев Мисюрь 361
Бестужев-Рюмин К. Н., историк 20
Блеклый Иван Брюхо, русский посланник в Казань 69
Бобр Василий, купец 95, 213
Бобынин Алексей Григорьевич, купец, нарядчик 214
Бобынин Юрий Григорьевич, купец, нарядчик 214
Бобыня Григорий, купец 214
Богатыр-Салтан (Богатыр), крымский царевич, сын Мухаммед-Гирея 176, 192, 199, 243, 251
Богдан III, господарь молдавский 311
Богуш, литовский подскарбий, посол в Москву 183, 185, 204, 250, 306
Бодянский О. М., историк 374
Бозюк (Бозюка), казанский переводчик 146, 194
Бона, итальянская принцесса, жена Сигизмунда I 178, 180
Борис Васильевич, кн. волоцкий, сын Василия II Темного 102
Борисов Григорий, зодчий 383, 384
Борисов Семен, дьяк 261
Бороздин Федор (Федец) Борисов, сын боярский 210
Боян, крымский посланец в Москву 388
Бугшталер Мориц, имперский посол 170
Буда Гаврила, переводчик 413
Будовниц И. У., историк 138, 280
Буйнос Ростовский. См. Ростовский Иван Буйнос Александрович
Булат (Булак), казанский кн., посол в Москву 194, 246, 365, 369, 387
Булгаков Андрей Иванович, кн. 207
Булгаков Дмитрий Иванович, кн. 164

Булгаков Михаил Иванович, кн., воевода 148, 149, 154, 164—166
Булгаков Шелоня, русский посол 308
Булев Николай (Немчин, Любчанин), публицист, ученый, медик 35, 53, 191, 223, 325, 340, 342, 350—358, 362, 392, 420
Бурдей Г. Д., историк 280
Бурнак, казанский кн. 382
Бурнаш-Гирей, крымский царевич, сын Менгли-Гирея 148, 149
Бутурлин Андрей Никитич, посол в Литву 250
Бучак, крымский царевич 370
Быховец, хронист 56

Ваповский Бернард, польский хронист 57
Варавин Иван, посол 171, 269, 270
Варвара, дочь Яна Запольи, жена Сигизмунда I 147
Варганов А. Д., искусствовед 297
Варлаам, архимандрит Симонова м-ря, митрополит 116, 132, 133, 214, 216, 235, 236, 254, 255, 269, 270, 277, 290, 299, 374
Варсонофий, епископ смоленский 162, 167
Варфоломей, «фрязин», зодчий 90, 222
Василий, монах афонского м-ря 114
Василий I Дмитриевич, в. кн. московский 361
Василий II Васильевич Темный, в. кн. московский 63, 99, 227, 393, 398
Василий III Иванович, в. кн. московский, сын Ивана III. См. по всему тексту книги
Василий Иванович Шемячич. См. Шемячич Василий Иванович
Василий Семенович Стародубский. См. Стародубский Василий Семенович
Василий Ярославич, кн. серпуховский и боровский 91
Вассиан, архиепископ ростовский 53, 356
Вассиан Босой, старец Иосифо-Волоколамского м-ря 367
Вассиан Оболенский, епископ тверской 111
Вассиан Патрикеев (Василий Иванович Косой), «князьинок», видный публицист 5, 10, 17, 32, 34, 52, 53, 73, 108, 124, 127—130, 132—134, 139, 214, 236, 238, 256, 259, 269, 272, 277, 278, 286, 290, 292—294, 323, 327, 330—335, 339, 340, 371—373, 375, 419, 420, 423
Вассиан Рушанин, старец 375
Вассиан Санин, игумен ростовский 73, 109, 110, 236, 356
Вассиан Топорков, епископ коломенский 289, 394
Введенский А. А., историк 28
Великий Митя, дворцовый дьяк. См. Траханиот Дмитрий
Великий-Шестунов Петр Васильевич, кн. 115
Вельяминовы, боярский род 192
Вениамин, доминиканец 358
Вепрь Федор, купец 213, 214
Верещагин Иван Брюхо, посланец в Казань 69
Вернадский Г. В. (Vernadsky G.), историк 92, 127, 244
Веселовский С. Б., историк 5, 27, 29, 237, 361
Витенец, потомок смоленского кн. Ростислава 138
Витовт Кейстутович, в. кн. литовский 361
Владимир Андреевич, кн. старицкий 400
Владимир Святославич, в. кн. киевский 213
Владислав II Ягеллон, король

чешский и венгерский 80, 92, 177, 178
Влас (Власий), переводчик 281, 323, 324
Волконские, кн. 183
Волосатый Андрей, дьяк, посол 120, 308
Волынец, литовский воевода 189
Волынский Дмитрий Иванович, городовой приказчик (или городничий) 416
Воронин Микула, дьяк Ф. Б. Волоцкого 104
Воронин Н. Н., историк 217, 383
Воронцов Дмитрий Семенович, воевода 370
Воронцов Михаил Семенович, воевода 261, 388, 394
Воропаев Ушак, русский гонец в Литву 257
Воротынские, кн. 64, 225, 402, 403
Воротынский Александр Иванович, кн. 224
Воротынский Владимир Иванович, кн. 225
Воротынский (Перемышльский) Иван Михайлович, кн. 84, 88, 148, 151, 154, 160, 164, 183, 243, 245, 246, 288, 314, 316, 370, 371, 404, 419

Габсбурги, династия, правившая в Австрии, Венгрии и Чехии 178
Гагин Василий Михайлович, кн. 91
Гагин Михаил, кн. 91
Гальперин Г. Б., историк права 30
Гартингер Юстус, имперский посол 80
Гаштольд (Гастольд) Альбрехт Мартынович, троцкий воевода 87, 182, 189, 200
Гегиминик (Гедемин), в. кн. литовский 138
Геммет, крымский царевич, сын Ахмет-Гирея 195, 196
Геннадий, архиепископ новгородский 61, 62, 66, 72, 136, 139, 214, 228, 323, 341, 353, 358
Геннадий, епископ суздальский 236, 290, 351, 354, 406
Герасим, инок, основатель Троицкого Болдинского м-ря 224
Герасим Замыцкий, архимандрит Симонова м-ря 290
Герасим Черный, монах Волоцкого м-ря 103
Герасимов Дмитрий (Митя Малый), дипломат и переводчик 55, 56, 302, 304, 321, 323, 324, 342, 358, 359, 362, 413, 420
Герберштейн Сигизмунд, барон, имперский дипломат 15, 24, 54, 55, 57, 58, 67, 71, 76, 99, 113, 140, 143, 163—166, 180—182, 185—187, 191, 195, 208, 209, 212, 221, 222, 237, 243—246, 248, 249, 255, 262—265, 281, 292, 296—299, 304, 306, 359, 410, 411, 414
Герман Подольный, старец Кирилло-Белозерского м-ря 125
Герцен А. И. 18, 19
Гиреев Михаил, дьяк 360, 361. См. также Григорьев Михаил 361
Глебович Станислав, полоцкий воевода 93, 150, 154
Глинские, кн. 44, 85—88, 298, 402, 403
Глинский Богдан Федорович, кн. 91
Глинский Василий Львович Слепой, кн. 85, 88, 91, 223
Глинский Иван Львович, кн., воевода 85, 86, 88, 91
Глинский Михаил Львович, кн. 44, 50, 56, 80, 85—91, 114, 143, 147, 148, 150, 153—155, 160, 161, 164, 165, 167,

223, 297—299, 313—315, 364—366, 392—395, 404, 419
Годунов Василий Дмитриевич, воевода 173, 202
Годуновы-Сабуровы, боярский род 418
Голдорн Иван, ливонский посол 93
Голенин Василий Иванович, кн., великокняжеский писец 98
Головин Дмитрий Владимирович, казначей 126
Головин Петр Иванович, казначей 312, 394
Головин Постник, посланник в Казань 369, 378
Головин Скряба Иван Иванович 126
Головины (Ховрины), боярский род 408
Голохвастов Борис Яковлевич, посол в Турцию 197, 206
Голубинский Е. Е., историк 127, 317
Гомер 345
Горбатый Андрей Борисович, кн. 180, 189
Горбатый Борис Иванович, кн. 161, 173, 233, 312, 314, 315, 367, 370, 371, 419
Горбатый Иван Иванович, кн. 69
Горбатый Михаил Васильевич, кн. 89, 189, 200, 244, 249, 261, 364, 388
Горин М., дьяк 413
Горохов Борис, торговый человек 102
Горшедна, казанская царевна 369, 370
Греков Б. Д., историк 27
Греков И. Б., историк 32, 242, 280
Григорий Грек, афонский митрополит 270
Григорьев Михаил, «казначей» 360
Губин В. М. См. Моклоков Василий Михайлович Губа
Губин Постник. См. Моклоков Федор Постник
Губин Третьяк. См. Моклоков Василий Михайлович. Губа
Гурий Тушин, старец Кирилло-Белозерского м-ря, «книгописец» 34, 333
Густав I Ваза, король шведский 248, 260

Давыд, старец, основатель Воскресенской пустыни 224
Давыдов Григорий Федорович, боярин 93, 120, 202
Давыдов Григорий Яковлевич, сын боярский 275
Давыдов Яков Дмитриевич, военачальник 275, 277
Давыдовы, боярский род 420
Дана, казанский кн., посол в Россию 311
Даниил, игумен Синайской горы 105, 140
Даниил, игумен Иосифо-Волоколамского м-ря, потом митрополит 31, 47, 53, 212, 223, 224, 229, 235, 236, 255—257, 273, 279, 283, 289—293, 295, 296, 323, 326, 334—338, 345—347, 350, 353, 359, 366, 367, 373, 375, 385, 394, 420
Дашкевич Евстафий (Остафий), литовский воевода 170, 242, 244, 245, 259
Девлет-Килдей, крымский гонец в Москву 300
Делатор Юрий, имперский посланник в Москву 272
Денисов И. (Denisoff Elie), историк 268
Денисов Иван 309
Денисьев-Булгаков (Булгак), сын боярский 98
Деций Иодок (Decjusz I.), польский хронист, секретарь Сигизмунда I 57, 58, 166, 169

Джанай, татарский царевич 69, 77
Дионисий, иконописец 96
Дионисий Грек, патриарший дьякон 270
Дионисий Звенигородский, кн., монах 125
Дмитриева Р. П., историк 34, 138
Дмитрий, житель Волоцкого княжества 102
Дмитрий Андреевич, кн. угличский, сын кн. Андрея Васильевича Угличского 211
Дмитрий Грек Толмач. См. Траханиот Дмитрий
Дмитрий Иванович Жилка, кн. угличский, сын Ивана III 38. 48, 49, 51, 62—65, 71, 74, 77, 78, 116, 154, 155, 160, 210, 217, 257, 275, 277, 377, 397—401, 417
Дмитрий Иванович Молодой, «Дмитрий-внук», в. кн. московский, внук Ивана III 13, 60, 69, 71, 72, 74, 92, 99, 113, 127, 137—139, 151, 276, 283, 286, 344, 399, 405, 419
Довгирдов Станислав, польский посланник в Москву 248
Долматов Василий Третьяк Васильевич, дьяк 117—119, 150, 413, 419
Доментий, юродивый 366
Дорогобужский Иван Иванович, кн. 343, 366
Досифей (Забела), епископ крутицкий 73, 110, 216, 235, 290, 394
Досифей Топорков, монах, «книгописец» 343
Дрождь Андрей Александрович, кн. 88, 91
Дроздов Мисюрь Иванов, сын боярский 361
Дружинин Б. Г., историк 334, 337
Друцкий Андрей, кн. 91
Дунаев Б. И., историк 50
Дятлов Борис Васильевич, ловчий Василия III 391

Евдокия Ивановна, кн., дочь Ивана III, жена татарского царевича Петра (Куйдакула) 75
Екатерина II Алексеевна, императрица 13
Елена Васильевна Глинская, в кн., жена Василия III 42, 115, 239, 297, 299, 306, 307, 309, 313—316, 322, 345, 372, 376, 377, 382, 385, 387, 390, 391, 395, 400, 418, 424
Елена Девочкина, старица Девичьего м-ря 294
Елена Ивановна, в. кн. русская, литовская, королева польская, дочь Ивана III, жена в. кн. литовского Александра Казимировича 76, 84, 86, 92, 150
Елена Стефановна Волошанка, кн., жена в. кн. Ивана Ивановича Молодого 60, 61, 66
Еропкин Федор Степанович, посланник в Литву 76
Ефросиния, кн., жена кн. Андрея Ивановича Меньшого 386
Ефимий Турков, игумен Иосифо-Волоколамского м-ря 105
Ефрем, старец, основатель Спасо-Николаевой пустыни 230

Жареный Федор, митрополичий крестовый дьяк 52, 268, 271, 273, 279, 284, 285, 288, 289
Жеребячичев Карп Иванович, сын боярский, «литва дворовая» 91
Жеребячичев Семен, сын боярский, «литва дворовая» 91
Жигмонт. См. Сигизмунд, в. кн. литовский

Жижемский Василий, кн. 91
Жижемский Дмитрий Васильевич, кн. 88, 90, 91
Жижемский Михаил Васильевич, кн. 91
Жижемский Семен Данилович, кн. 91
Жмакин В. И., историк 334, 336

Заберезинский Ян, троцкий воевода 86
Заболоцкий Алексей Григорьевич 171, 178
Заболоцкий Григорий Иванович, писец 83
Заболоцкий Иван Ярый Микулин, посол в Данию 158, 171
Заболоцкий Константин Григорьевич боярин, ранее окольничий 79
Загряжский Дмитрий Давыдович, русский посол в Литву и Крым 180, 260
Завалишин Андрей, помещик. См. Адриан
Замыцкий Константин Тимофеевич, посол 198, 199, 308, 309, 360, 382
Замятнин Юрий Иванович, воевода 88, 242
Замятнин Яков Иванович, воевода 242
Заполья Ян, венгерский магнат, воевода 147, 169, 305, 312
Засекин Иван Иванович, кн., посланник к Карлу V 56, 261, 302—304
Захарий Ферари, католический епископ 205
Захарьин Григорий, воевода 88
Захарьин Михаил Юрьевич, боярин 150, 187, 194, 253, 261, 263, 312, 371, 393, 394, 408, 409
Захарьин Петр Яковлевич, кн. 315
Захарьин Яков, боярин 85, 88, 92
Захарьины-Юрьевы, боярский род 21, 420
Звенцев Иванко, переводчик 413
Зебик (Чабук), мурза, астраханский посланник 252
Завендей, казанский хан 378
Зиновий Отенский, инок, церковный книгописец 53, 127, 328, 363
Злоба, астраханский посланник в Москву 381
Злобин Степан Иванович, посол в Крым 370, 379
Зоя Палеолог. См. София (Софья) Палеолог
Зюзин Мисюрь, сын боярский 361

Ибреим, бакшей 368
Иван I Данилович Калита, в. кн. московский 16
Иван II Иванович Красный, в. кн. московский 18
Иван III Васильевич, в. кн. московский 5, 9, 11, 13, 16—19, 21—23, 26, 59, 61—68, 70—73, 80, 81, 98, 100, 101, 104, 105, 113, 139, 141, 212, 230, 270—272, 276, 277, 283, 285, 298, 342, 344, 361, 376, 392, 393, 396, 398, 405, 412, 417
Иван IV Васильевич Грозный, царь 5, 9, 10, 13, 16, 17, 19, 23, 27, 49, 59, 141, 212, 224, 232, 254, 276, 278, 294, 342, 345, 350, 353, 366, 367, 372, 374—377, 384, 385, 390, 391, 394, 395, 400, 401, 404, 410, 412, 419, 422—425
Иван VI Антонович, император российский 13
Иван Андреевич, кн. можайский 63
Иван Андреевич, кн. угличский 211
Иван Борисович, кн. рузский 62, 64, 66, 100, 101
Иван Васильевич, в. кн. рязанский 61

Иван Иванович, кн. рязанский, сын Ивана III 51, 61, 148, 208, 209, 244, 399
Иван Иванович Молодой, в. кн. тверской, сын Ивана III 60
Иван Иванович Скряба Головин. См. Головин Скряба Иван Иванович
Иван (Иоанн) Лествичник, церковный писатель 66
Иван Немой. См. Оболенский Иван Немой Васильевич
Иванов Тома, молдавский посол в Москву 309
Иванов Федор, сын Ивана Мисюря 361
Ивашинцев Якуб, «королевский дворянин» 87, 91, 92
Игнатий Зайцев, монах, летописец 48
Игнатий Огорельцев, инок Волоцкого м-ря 106
Ижеславский Михаил. См. Мстиславский Михаил
Иконников В. С., историк 324
Иловайский Д. И., историк 19, 208
Ильин Труфан, дьяк 413, 414
Иоаким, патриарх александрийский 140
Иоанн, архиепископ ростовский 289
Иоанн, архимандрит симоновский 236
Иоанн, король датский 76, 114, 153, 223
Иоанн, сербский деспот 115
Иоанн (Джан) Скаренский, католический епископ 304
Иоанн Руф, архиепископ консентайский 56
Иоанн (Ян) Ласский, польский примас 178, 205
Иоасаф Скрипицын, митрополит 47, 385
Иовий Павел (П. Джовио), епископ новокомский, итальянский путешественник, писатель 15, 55—57, 67, 143, 205, 213, 221, 222, 302, 358
Иона, епископ рязанский 255
Иона Курцев, троицкий старец 367
Иона Собина, чудовский архимандрит 257, 290
Иордан Иоанн, пушкарь 222
Иосиф, чудовский архимандрит, епископ смоленский 167, 236, 290
Иосиф Волоцкий (Иван Санин), церковный писатель, публицист, основатель Волоцкого Успенского м-ря 8, 9, 53, 61, 66, 73, 96, 101—110, 124—139, 141, 172, 217, 236, 255, 289, 317, 323, 324, 335, 337, 338, 343, 356
Иродион, старец, основатель пустыни (Родионовой) 229
Исаак 324
Исайя, инок 124
Исайя Сербин, игумен Ксиропотамского м-ря 270
Искандер. См. Скиндер, турецкий посол
Ислам-Гирей, крымский хан, сын Мухаммед-Гирея 260, 265, 301, 303, 310, 312, 370, 371, 379, 380, 387—389, 391
Истома Малый. См. Малый Истома, гонец

Кавелин К. Д., историк 16
Кадыш, казанский кн. 387
Кадышев Кудояр, крымский казак 267
Кадышев Темеш, казак, русский гонец в Крым 301, 387
Казакова Н. А., историк 5, 33, 34, 52, 53, 127, 131, 277, 278, 280, 281, 285, 287, 288, 291, 292, 327, 330, 358, 372—374
Казимир Ягеллон, в. кн. литовский, король польский 272
Куйдакул. См. Петр

Камал, турецкий посол в Москву 171
Камбар, воевода 98
Камбар, казанский мурза 370
Кампензе Альберто, римский дипломат 15, 56, 303
Кантемир Дмитрий Константинович, господарь молдавский, ученый-энциклопедист 12
Каплин (Копыл) Юрий Елисеевич, псковский посадник 116, 117
Карамзин Н. М., историк 13—15, 17, 57, 162, 193
Карамыш Михаил, кн. См. Курбский Карамыш Михаил
Карачеев Кожух, московский гонец в Крым 172
Карл, деспот артский 140
Карл V, император, король испанский 56, 249, 260, 302—305, 308
Карпов Афанасий Андреевич, сын боярский 273
Карпов Василий Петрович, сын боярский 273
Карпов Василий Никитич, рязанский дворецкий 274
Карпов Никита Иванович, оружничий 144, 177, 274, 376
Карпов Петр Муха Федорович, сын боярский 273, 275, 277, 289
Карпов Федор Андреевич, сын боярский 273
Карпов Федор Иванович, окольничий, политический деятель, дипломат, гуманист 34, 54, 194, 239, 273, 286, 321, 325, 326, 344, 346—350, 355—357, 363, 369, 420
Карповы, тверской боярский род 273
Касим, астраханский хан 381
Катушкина Л. Г., историк 358
Качигалей, казанский мурза 369
Кашин А. В., кн. 98, 190
Каштанов С. М., историк 5, 7, 28—31, 131, 196, 234, 237
Квашнин Мешок, посланник к Фердинанду I 308
Квашнины, боярский род 333
Кемал-бей, турецкий посол в Москву 158
Кемский И. И., кн. 233
Кержа Александр, молдавский боярин, посланец в Москву 309, 310
Кимеева Е. П., историк 346, 349
Кирилл, архимандрит Спасского Суздальского м-ря 292
Кирилл Белый, основатель Новоозерского Белоозерского м-ря, церковный писатель 229, 316, 374
Киселев Ф. М., воевода 78
Кишка Петр Станиславович, полоцкий воевода 250, 306
Княт Казимир, крымский посол 79
Клепиков (Кляпиков) Иван Михайлович, военачальник 366
Клибанов А И., историк 35, 347
Климент (Климентий), грек из Афона 270, 329
Климент VII, папа римский 55, 56, 301—303, 305, 422
Климентьев Иван, монах, основал Климецкий м-рь 226
Климентьев Федор, посол в Крым 197
Клингенбек Юрий, орденский посол 203, 248
Клинчич Степан, посол к Фердинанду I 308
Клосс Б. М., историк 40, 48, 375
Ключевский В. О., историк 21—23, 285, 286
Кляпик Михаил Степанович, сокольничий 68, 69, 84, 93
Кобелевы, купцы, промышленники 220

Кобель Наумка Савин сын, солепромышленник 220
Кобрин В. Б., историк 5
Кобяк Иван, дьяк 145
Кобяков Григорий Дмитриевич, волостель 239
Кобяков Небольса, посол 310, 388
Кобяков Г., гонец в Крым 259
Ковер В. А., кн., наместник в Перми Великой 72
Кожухов Янгандырь, крымский казак 387
Козловский Иван Семенович, кн. 91
Козловский Федор Семенович, кн. 91
Козловский Ю. Л., кн., волостель 239
Коккен, фан, Давид, датский посланник в Москву 76
Колло, да, Франческо (Колло, де Франциск), имперский посол, историк 15, 57, 67, 190—193, 198, 352
Кологривов Григорий Иванович, солепромышленник 220
Кологривов Михаил Иванович, солепромышленник 220
Кологривов Яков Иванович, солепромышленник 220
Кологривовы, промышленники 220
Колычев Иван Андреевич, русский дипломат 184, 249, 252, 301
Колычев Иван Рудак Иванович, сын боярский 51
Константин IX, император византийский 328, 417
Конти, де, Антоний, имперский посланник в Россию 190, 191, 260, 261
Копанев А. И., историк 27, 229
Копоть, дьяк 104
Копыл Василий Спячий, посланец на Афон 171, 269, 270
Копыл Юрий. См. Каплин Юрий Елисеевич
Коран, фан, Давыд Старый, датский посол 158, 177, 248
Корнилий, игумен Псковского Печерского м-ря 46, 121
Корнилий Комельский (Крюков), старец, основатель Комельского м-ря и Спасской пустыни 216, 228, 229
Коробов Василий Андреевич, воевода, посол в Турцию 171, 175, 245, 246, 269, 370
Коробьин И. И. 239
Коробьин Семен Иванович, сын боярский 209
Костевич Ян, подляшский воевода 87, 203
Костомаров Н. И., историк 19, 20, 22
Кривоборский И. И., кн. 107
Кротов Иван, псковский посадник 120
Крюков Богдан Семенов, купец 320
Кубенский И. И., кн. 393, 409
Кубенский Иван Семенович, кн. 211
Кубенский Михаил Иванович, кн. 380
Кудеяр, Кудояр, крымский посланник в Москву. См. Базангузин Кудояр
Кузмич Дума, молдавский боярин, казначей 309
Кузнецов А. Б., историк 32
Кузьмин А. Г., историк 209
Кул-Дербыш, казанский посол 193
Кулешин Василий, дьяк 351, 413
Кулчура, посланник Горшедны-царевны 369
Курбские, кн. 275
Курбский Андрей Дмитриевич, кн. 189, 211. 276
Курбский Андрей Михайлович, кн. 9, 10, 78, 258, 276, 278, 296, 372, 412
Курбский В. М., кн. 242
Курбский Семен Федорович,

кн. 123, 151, 173, 189, 200, 265, 275, 276, 419
Курбский Михаил Карамыш Федорович, кн. 78, 276
Курицын Афанасий Федорович, дьяк, посланник в Казань 266, 370, 378, 393, 413, 414
Курицын Федор, дьяк, вольнодумец 283, 286, 344, 350, 370
Курлятев Я., кн. 394
Курцов Афанасий (Фуник), дьяк 321
Кутузов Б. В., кн., окольничий 101, 107, 126
Кутузов Ф. Ю., воевода 148
Кучелей, казанский военачальник 246

Лаврентий, болгарин 270
Лаврентий Грек, афонский монах, переводчик 270
Лаврентий, юродивый 225
Лавров П. Ф., историк 37, 39
Лапша, богатый житель Волоцкого княжества 102
Ларев Иван Фомин, грек 370
Ласкарис Иоанн, итальянский гуманист 269
Ласкирев Д. Ф., посол 157, 170
Лев X, папа римский 169, 190, 191, 198, 205
Лев Филолог, писатель 62, 105
Левашов В. С., сын боярский 310, 388
Левашов Дмитрий Мисюрь, сын боярский 361
Левина С. А., историк 41
Ленин В. И. 6, 26, 27, 405, 406
Леонид, архиепископ новгородский 406
Леонтий, псковский посадник 117
Леонтьев Федор, посол в Молдавию 310
Лихарев Мисюрь, сборщик ясака 361
Лодовик Иоанн, астролог 326
Лодыгин П., воевода 184
Лодыгин Тимофей Семенович, посланник в Рим 305
Лодыгин Шаран, дьяк, посланник в Рим 306
Лукин Алексей, дьяк 219
Лукомский Андрей, кн. 88, 90
Лукьян, дьяк в. кн. Марии Ярославны 227
Лурье Я. С., историк 5, 38, 127, 131, 132, 135, 138, 139, 324, 340, 343, 362
Людовик (Людвиг) Ягеллон, король венгерский, сын Владислава II 178, 304, 305
Люев. См. Булев Николай
Ляцкий Иван Васильевич, окольничий 184, 306, 367, 370, 371, 419

Магеллан, путешественник 359
Магмет-Амин. См. Мухаммед-Эмин
Магметша, крымский посол 79, 100
Майков Л. Н., литературовед 57, 58
Макарий, архимандрит Лужицкого (Можайского) м-ря, митрополит 43—45, 48, 53, 217, 227, 246, 274, 316—321
Макарий, монах, основатель Оредежской пустыни 226
Макарий Калязинский (Колязинский), инок, основатель Калязина м-ря, «чудотворец» 256, 257, 290, 292, 373, 374
Маковский Д. П., историк 27
Максим Грек Святогорец (Михаил Гриволис), видный писатель-публицист, переводчик 5, 10, 15, 17, 32, 34, 48, 52, 54, 73, 141, 238, 259, 267—270, 272—294, 300, 323—331, 334—336, 341, 342, 345, 346, 348, 353—357, 359, 363, 372—375, 399, 419, 420

Максимилиан I, император, австрийский эрцгерцог 80, 90, 114, 140, 153, 156, 157, 169, 170. 177, 178, 181, 185—193, 199. 299, 351, 352, 357, 358, 422
Максимилиан Трансильван, писатель-переводчик 358
Максимов Денис, переводчик 413
Малинин В., историк 339, 340, 360
Малиновский А. Ф., историк 14
Малый Алексей, дьяк, посол 178, 418
Малый Истома, дьяк, посол 76, 198, 413
Малый Ян, лекарь Василия III 393
Мамай, ногайский мурза 251, 259, 260, 364, 369
Маматова Е. П., историк 7
Мамонов Иван Григорьевич, посланник в Литву и Крым 174—176
Мамырев Данила, дьяк 413
Мамыш, казанский кн., посол в Москву 311
Манкиев А. И., историк 12
Мансуров Яков Иванович, постельничий Василия III 297, 392
Мануций Альд, итальянский первопечатник 269
Манушин Онисим, купец 119
Маньков А. Г., историк 28
Мария, сестра Фердинанда I 178
Мария Ярославна, в. кн., жена Василия II Темного 227
Марк, патриарх иерусалимский 294
Марк Ворона, инок, основатель Успенской пустыни 229
Марк Левкенский, монах, составитель летописца 48
Марко (Марк), грек, лекарь 223, 259
Маркс К. 25
Маркус Грек, строитель укреплений 83
Марсилио Фичино, византийский философ 269
Масленникова Н. Н., историк 28, 112, 123, 339, 342, 343, 362
Мастробан, «фрязин», зодчий 90, 222
Матвей Михайлович, пермский кн. 72
Матов Иван, сын боярский, «литва дворовая» 91
Матов Гамоша, сын боярский, «литва дворовая» 91
Медоварцев Михаил, «доброписец», переводчик 127, 323, 375
Мезецкий Михаил Романович, кн. 65
Мелентий, старец Афонского Афанасьева м-ря 269
Менгли-Гирей (Мин-Гирей), крымский хан 42, 68, 74, 75, 79, 82, 86, 87, 89, 91, 100, 143, 145, 148, 149, 153, 154, 168, 171—173, 175, 259, 271, 282, 422
Меньшой (Меньшак) Путятин. См. Путятин Меньшой
Меховский Матвей, польский хронист 54—58, 213
Микулин Заболоцкий Иван Ярый. См. Заболоцкий Микулин Иван Ярый
Микулинский Василий Андреевич, кн. 51
Мирович, подпоручик 13
Мисюрев Иван Михайлович 361
Мисюрь, татарин 361
Мисюрь Мунехин. См. Мунехин Мисюрь
Митрофан, архимандрит Андроникова м-ря, епископ коломенский, духовник Ивана III 73, 116, 236
Митя Великий. См. Траханиот Дмитрий
Митя (Дмитрий) Великий, дворцовый дьяк 321

Митя (Дмитрий) Малый. См. Герасимов Дмитрий
Михаил, калязинский купец 256
Михаил Андреевич, кн. верейский 63, 91, 412
Мишурин Федор Михайлович, дьяк 394, 413, 414, 420
Моисеева Г. Н., историк литературы 331, 332
Моклоков Афанасий Семенович, посланник в Королевец 203
Моклоков Василий Третьяк Михайлов сын Губин, сын боярский, посол в Турцию 206, 247, 250
Моклоков Никита Губа Семенов, дьяк 87, 93
Моклоков Федор Постников Губин, дьяк 41
Моклоковы, дьяческая фамилия 412
Морозов В. И., окольничий 146
Морозов Василий Григорьевич, боярин, ранее окольничий 84, 100, 146, 160, 245
Морозов Иван Брюхо Иванович, воевода 120
Морозов Иван Семенович, посол в Турцию 221, 251
Морозов-Поплевин Я. Г. (в летописи ошибочно «Д»), кн. 246, 367, 382
Мстиславские, кн. 402, 403
Мстиславский (Ижеславский) Михаил Иванович, кн. 164, 168, 200
Мстиславский Федор Михайлович, кн., боярин, воевода 40, 305, 312, 315, 316, 367, 375, 376, 388, 403, 404, 419
Мужило Клим, «ставил» церковь от «простых людей» 216
Мунехин Михаил Мисюрь Григорьевич, дьяк, дипломат 120, 320, 321, 339, 341, 342, 352, 355, 359—363, 375, 420
Муравьев Н. М., декабрист 16
Муртаза «Мустафин сын», служилый татарский царевич 270
Мухаммед-Гирей (Магмет-Кирей), крымский хан, сын Менгли-Гирея 32, 75, 85, 91, 92, 100, 145, 148, 149, 154, 170, 172—176, 182, 187, 189, 192, 195—197, 199, 206, 207, 209, 210, 222, 240—249, 251—253, 254, 260, 262, 265, 274, 281, 301, 382, 399, 402
Мухаммед-Эмин (Магмет-Амин), казанский хан 42, 68, 69, 74, 75, 78, 82, 84, 99, 145, 146, 176, 177, 187, 193, 194
Мюнстер Себастьян, ученый, писатель 57

Нагой Ф. М., ловчий Василия III 391
Назаров В. Д., историк 277
Насонов А. Н., историк 38, 43—45, 47, 48, 343
Наумов Василий Герасимович, посланник в Крым 74, 75, 79, 252
Наумов Иван Кобяков, посол в Литву 79
Нащекин Василий Олферьев, посол в Литву 379
Некрасов А. И., историк искусства 217
Немиров Андрей, киевский воевода 170
Немчин Николай, мастер-литейщик 222
Никандр, крестьянин, монах, основатель Благовещенской пустыни 226
Никитин Афанасий, тверской купец, путешественник, писатель 381
Никитин Григорий, дьяк 394
Никитский А. И., историк 21
Никифор, монах, основатель Важеозерской пустыни 226

Николай Булев (Немчин, Любчанин). См. Булев Николай
Николай «с Рейна», пушкарь 222
Никон, епископ пермский 235, 337
Нил (из рода Траханиотов), игумен богоявленский 111
Нил Гречин (Грек), епископ тверской 235, 255, 293, 294
Нил Полев, старец, постиженник Волоцкого м-ря 125
Нил Сорский, монах, церковный писатель 62, 127—129, 139, 286, 327, 334
Нил Столбенский, монах, основатель Сермской и Столбенской пустынь 225
Нифонт, епископ суздальский 110, 136
Нифонт Грек, старец афонского м-ря, переводчик 269, 270
Новокшенов (Новокрещенов) Федор, холоповладелец 271
Ноздреватый Василий Иванович, кн., окольничий, посол 273
Ноздреватый Иван Токмак Васильевич, кн. 273
Норбю Северин, датский адмирал 308, 309
Носов Н. Е., историк 5, 28, 30, 31, 232, 416
Нугарола Леонард, граф, папский посол в Москву 304, 306
Нур-Салтан, крымская царица, жена Менгли-Гирея 68, 100, 145, 146, 148

Оболенский Андрей Михайлович, кн. 233
Оболенский Иван Немой Васильевич, кн. 313
Оболенский Иван Овчина Федорович. См. Телепнев-Оболенский Иван Овчина Федорович
Оболенский Иван Репня Михайлович, кн. 115—118, 151, 152, 154
Оболенский Федор Лопата Васильевич. См. Телепнев-Оболенский Федор Лопата Васильевич
Образцов Михаил Васильевич, военачальник 85
Обреим, бакшей 311
Овидий 345
Одоевские, кн. 64, 402, 403
Одоевский Александр Иванович, кн. 225
Одоевский Александр Иванович, кн., поэт, декабрист 16
Одоевский Василий Семенович, кн., воевода, луцкий наместник 84, 151, 152, 173, 183, 312
Одоевский Иван Семенович, кн. 88
Одоевский Михаил Иванович, кн. 225
Одоевский Роман Иванович, кн. 148
Одоевский Федор Иванович, кн. 148
Озерецкий Иван, кн. 90, 91
Олабышев Александр Аленка Федорович, кн. 88
Осинин Ляпун, посланник к Карлу V 308
Ослер Яков, имперский посланник в Москву 170
Осоргины, дети боярские 415
Остафий Дашкевич. См. Дашкевич Евстафий (Остафий)
Острожский Константин Иванович, кн., военачальник, гетман 80, 81, 165—167, 176, 183—185, 192, 199, 259, 312, 314
Отуч, казанский военачальник 263
Ощерин (Ощера) Иван, боярин, посланник в Крым 69, 233

Павел Иовий. См. Иовий Павел
Павлов-Сильванский Н. П., историк 23
Павма, игумен Троицкого м-ря 132
Паисий, прот афонских м-рей 114, 115, 127
Палецкий Д. Ф., кн. 394
Палецкий Иван Федорович, кн. 264, 265, 311, 364, 409
Палецкий Ф., кн., воевода 78
Панеях В. М., историк 5, 27
Патрикеевы, кн. 283
Пафнутий Боровский, игумен, основатель Боровского м-ря 124, 128, 374
Пахомий, дьякон Святогорского Пантелеймонова м-ря 81, 114
Паюсов Болдырь, дьяк 413
Пенков Василий Данилович, кн. 266, 314
Пенков Данила Александрович, кн. 314
Пенков Иван Хомяк Данилович, кн. 314
Перемышльский Иван Михайлович. См. Воротынский Иван Михайлович
Пересветов Иван Семенович, писатель 283, 286, 287, 311, 363
Петр, митрополит 374
Петр (Куйдакул), крещеный казанский царевич, зять Василия III 49, 75, 99, 100, 115, 151, 155, 160, 242, 244, 249, 257, 298, 315, 316, 405, 423
Петр III Федорович (Карл Петр Ульрих), император российский 62
Петр Рареш, господарь молдавский, сын Стефана III 309—311, 380, 421
Петр Яковлевич, окольничий 233
Петрович, род сербских вельмож 298
Пивов Михаил, смоленский боярин 161, 163
Пизон, папский легат 169
Пико делла Мирандола Джиованни, итальянский мелкий правитель, гуманист 269
Пильемов Андрей Федорович, посол 103, 311, 364
Пильемовы, боярский род, потомки Сабуровых 103
Пимен, епископ новгородский 406
Пимен, епископ вологодский 289
Пимен, игумен соловецкий, епископ пермский 236
Пирлинг П., историк 56
Писарев Роман Никитич, посол 379, 380
Писбек Георгий, немецкий рыцарь, советник Сигизмунда I 165
Плаг Иоанн, датский посланник 76
Платонов С. Ф., историк 22
Платтенберг, фон, Вальтер, магистр Тевтонского ордена 60, 72, 82
Племянников В. С., дьяк, посол 186, 190
Плеханов Г. В. 23, 24
Плещеев Андрей Васильевич, сын боярский 276
Плещеев Афанасий Андреевич, сын боярский, инок Кириллова м-ря 276
Плещеев Богдан Федорович, сын боярский 277
Плещеев Василий Юрьевич, сын боярский, позднее монах 276
Плещеев Василий Рычко Воропаевич, сын боярский 276
Плещеев Василий Семенович, сын боярский 276
Плещеев Василий Тимофеев Юрлов, воевода 98
Плещеев Вельямин Михайлович, сын боярский, по-

стриженник Троицкого м-ря 276
Плещеев Воропай Петров, сын боярский 276
Плещеев Замятня Васильевич, сын боярский 276
Плещеев Иван Васильевич, сын боярский 276
Плещеев Иван Юрьевич, сын боярский 276
Плещеев Михаил Андреевич, окольничий 276, 277, 367, 385, 386, 419
Плещеев Нечай Никитич, сын боярский 276
Плещеев Никита Павлинович, сын боярский 276
Плещеев Петр Михайлович, боярин, окольничий 276
Плещеев Петр Никитич, сын боярский 276
Плещеев Федор Андреевич, сын боярский 233
Плещеев Чобот Никитич, сын боярский 276
Плещеевы, боярский род 233, 276, 277
Поджогин В. Ю., посол 253
Поджогин Шигона Иван Юрьевич, сын боярский, приближенный Василия III, думный дворянин 51, 88, 161, 210, 253, 296, 367, 391—394, 408—410, 419, 420, 423
Покровский М. Н., историк 24
Полев И. В., посол 368
Полубенский В., кн. 200
Полукарпов Василий, посланник в Литву 248, 249
Полушкин Яков, подьячий 249, 260
Поплевин-Морозов И. С. См. Морозов-Поплевин И. С.
Попович Филипп, купец 119
Порфирий, игумен Троице-Сергиева м-ря 290
Поссевин Антоний, папский посол 280, 408
Пресняков А. Е., историк 391, 393, 395
Прозоровский Ф. Ю., кн. 120
Пронский Ю. Д., кн., посол в Крым 193, 315
Пронштейн А. П., историк 28
Проня, торговый человек 101
Протасий, епископ рязанский и пермский 209, 235
Протасьевы, землевладельцы 224
Прощелкины, солепромышленники 220
Псковитин Алеша, подьячий Мисюря 360
Путятин Григорий Меньший (Меншик), Никитин сын, дьяк 297, 369, 392—394, 410, 413, 414, 420
Путятины, дьяческая фамилия 412
Пушечников Петр, зодчий, строитель 222
Пушкин Василий Алексеевич, посол в Казань 382

Рааб Г., историк 352
Рабенштейн Мельхиор, орденский посол 180, 201, 202
Радзивилл Николай, кн., виленский воевода 79, 150, 200, 202
Радзивилл Юрий, литовский кн., гетман 189
Радзивилл Ян, литовский кн. 84
Радищев А. Н., русский революционный мыслитель, писатель 15
Раков Матвей Третьяк, Михайлов сын, дьяк 250, 297, 393, 413, 414
Раковы, дьяки 412
Репня Оболенский И. М. См. Оболенский Иван Репня Михайлович
Рехенберг, фон, Иоанн, немецкий рыцарь, советник Сигизмунда I 165
Ржига В. Ф., историк литературы 34, 328, 329
Рожков Н А., историк 23
Розен А. Е., декабрист 16

Ростислав, смоленский кн. 138
Ростовский Александр Владимирович, князь, боярин, воевода 77, 119, 120, 149, 151, 154, 160, 172, 184
Ростовский Иван Буйнос Александрович, кн., воевода 120, 190
Рычков П. И., историк 12
Ряполовские, кн. 76
Ряполовский Василий Мних Семенович, кн. 76
Ряполовский Петр Лобан Семенович, кн. 76, 90, 148
Ряполовский Семен Иванович, кн. 283
Ряполовский Семен Хрипун Иванович, кн. 76, 90, 107
Ряполовский Федор Стрига Семенович, кн. 76, 148

Саадат-Гирей, казанский хан 241, 246, 252, 259—261, 265, 300, 301, 303, 312, 368, 370, 371, 379, 380
Сабуров Андрей Васильевич, окольничий, воевода 168, 274
Сабуров Иван Данилович, сын боярский 273, 274
Сабуров Иван Константинович, дворецкий Василия III 219, 274
Сабуров Иван Юрьевич, рында, брат в. кн. московской Соломонии 274, 295
Сабуров К., воевода 67
Сабуров Михаил Андреевич, рында (возможно, кравчий) 274
Сабуров Юрий Константинович, отец в. кн. московской Соломонии 67
Сабурова Мария, кн., жена В. С. Стародубского 75
Сабурова Соломония (Соломонида). См. Соломония Юрьевна Сабурова
Сабуровы, боярский род 103, 274, 278, 293
Сабуровы-Годуновы. См. Годуновы-Сабуровы
Савва, игумен Пантелеймонова м-ря 270
Савва, историк церкви 106, 107
Савва, русский монах 270
Савва Грек, архимандрит спасский 273
Савва (Сава) Грек, афонский старец, переводчик 52, 269, 270, 273, 279—281, 288, 289
Савины, солепромышленники, землевладельцы 220
Савич А. А., историк 227
Савонарола Джироламо, флорентийский религиозно-политический деятель 269
Сагиб-Гирей (Сап-Кирей), крымский хан, сын Менгли-Гирея 145, 194, 240, 241, 246, 252, 253, 261, 262, 265, 301, 371, 387, 388
Салтаньяр, крымский посол в Москву 388
Салтыган, касимовский царевич 69, 77, 78
Салтыков Андрей Михайлович, оружничий 144
Салтыков Василий Михайлович, наместник в Опочке 184
Самуил, автор трактатов 354
Сапега Иван Богуславович, литовский вельможа 378
Сафа-Гирей, казанский хан, сын Мухаммед-Гирея 262, 265, 266, 304, 311, 364, 365, 368, 369, 388
Сахарусов. См. Арсений Комельский
Сахарусовы, мелкие землевладельцы 228
Свирщевский Ян, литовский воевода 173
Святский Д. О., историк астрономии 354
Сеит, казанский военачальник 246

Селим I, турецкий султан 151, 158, 171, 176, 181, 190, 197, 206
Семен Борисович, кн. суздальский 232
Семен Иванович, кн. калужский, сын Ивана III 63—65, 71, 98, 116, 131, 149, 151, 155, 160, 188, 189, 196, 209, 210, 225, 257, 377, 397, 400
Семенов Лука, дьяк 413
Серапион, троицкий игумен, архиепископ новгородский 62, 72, 73, 104—110, 124—128, 132—136, 139, 235, 317, 323, 338, 406, 420
Сербина К. Н., историк 38
Сергеев Елизар (Елка), дьяк, русский посол 188, 359, 413
Сергеев Иван Елизаров, подьячий 310, 380
Сергий, архимандрит Андроникова м-ря, епископ рязанский 235, 255
Сергий Радонежский, игумен, основатель Троице-Сергиева м-ря, «чудотворец» 295, 374, 391
Сигизмунд (Жигмонт) I Казимирович, король польский, в. кн. литовский 42, 57, 80—83, 85—87, 89—94, 114, 140, 143, 145—150, 153, 155—161, 163, 165, 167—169, 172, 173, 175, 177—184, 188—191, 196, 198, 199, 201, 203—206, 210, 240, 242, 244, 248, 250, 254, 259, 298, 299, 302, 304—306, 308—311, 313, 316, 376, 379
Сиди Улан, казанский мурза 240
Силуян, архимандрит юрьевский 321
Сильван, монах, переводчик 323, 324
Сильвестр, протопоп Благовещенского собора, писатель-публицист 278, 334, 339, 423
Симеон (Стремоухов), архимандрит Андроникова м-ря, епископ суздальский 109—111, 236
Симеон, монах Пантелеймонова м-ря 114
Симеон, прот афонских м-рей 269
Симеон Бекбулатович, казанский царевич 423
Симеон Метафраст, церковный писатель 324
Симон, митрополит 50, 61, 72, 105, 108, 109, 131, 132, 356
Синицына Н. В., историк 34
Сицкий Ф. П., кн. 84
Скиндер (Искандер), турецкий посол 221, 250, 251, 259, 267, 268, 279—281, 285, 301, 307
Скобеев Алеша, слуга Федора Борисовича Волоцкого 104
Скорина Франциск, виленский книгопечатник 294
Скрынников Р. Г., историк 5
Слуцкий, кн. 312
Смирнов И. И., историк 32, 186, 194, 240, 246, 253, 264, 280, 377, 395
Смирнов П. П., историк 212
Соболевский А. И., историк литературы 353
Собинин Никита, житель Волоцкого княжества 101
Сокол, воевода 184
Соловцев Пантелеймон Мисюрь 361
Соловьев А. С., врач 391
Соловьев С. М., историк 16—18, 20—23, 63
Сологуб Юрий Андреевич, воевода 159, 161, 163
Соломония (Соломонида) Юрьевна Сабурова (в пострижении София), в. кн., жена Василия III 10, 41, 67, 122, 215, 258, 274, 293—297, 300, 367, 401, 418, 419, 423

Сопегин (ошибочно Копегин) 150
Сопежич Богдан, посол Сигизмунда I 84
София (Зоя) Палеолог, в. кн. московская, вторая жена Ивана III 9, 60, 61, 67, 276, 283, 286, 344, 408, 417
Спиридон-Савва, митрополит, публицист, церковный деятель 137—139, 141
Срезневский В. И., историк литературы 340
Стародубский Василий Мних Семенович, кн. 50, 75, 76, 85, 92, 146, 154, 168, 170, 209, 403, 404, 417
Стародубский Семен Иванович, кн. 64, 403
Стародубский Федор Хрипун Семенович, кн. 76
Стен Стур, король шведский 158, 248
Степанов Д., русский гонец в Турцию 181
Стефан, господарь Волошский (Волосский) 60, 86, 88, 298
Стефан, деспот сербский 115
Стефан, инок, основатель Николаевского Озерского м-ря 229
Стефан, пушкарь 161
Стригин А. И., кн., козельский наместник 84
Строганов Аника, купец, солепромышленник 220
Строгановы, купцы 220
Строев П. М., историк 235, 255, 289, 317
Стрыйковский Матвей, хронист 12, 57, 58, 71, 153, 161, 164—166, 169, 183, 200
Судимонт Иван, костромской и владимирский наместник 44
Суков Е., дьяк, посол 170, 413
Сулейман Великолепный, султан 206, 242, 247, 250, 267, 301, 307
Сырков Дмитрий Иванович, купец 218, 219, 319
Сырковы, купцы 218
Сыроечковский В. Е., историк 32
Сысоев Кузьма, псковский посадник 119

Табай, казанский кн. 311, 365, 368—370
Тараканов Василий Никитич, новгородский купеческий староста 218
Тараканов (Торокан) Владимир Никитич, купеческий староста 83, 219
Тараканов Гаврила Никифоров, землевладелец 219
Тараканов Никита Федорович, новгородский помещик 219
Тараканов Панфил, землевладелец 219
Тараканов Прокофий, землевладелец 219
Тараканов Семен, землевладелец 219
Тараканов Филипп, купец 219
Таракановы, купцы и землевладельцы 218, 219
Татищев В. Н., историк 11
Теввекель, казанский кн., посланник в Москву 368, 369
Тевель, переводчик Сафа-Гирея 304
Телепнев-Оболенский Иван Овчина Федорович, кн. 312, 313, 364, 365, 370, 371, 389, 390, 419
Телепнев-Оболенский Федор Лопата Васильевич, кн. 184, 242, 244, 312, 366, 370
Телешов (Телешев) Иван Иванович, дьяк 161, 177, 194, 250, 367, 413, 419
Телятевский И. М., кн. 84
Тетерин В., дьяк 413
Тихомиров М. Н., историк 5, 27, 29, 38, 40—42, 48, 81, 112, 162

Тихон, старец волоколамский 375
Тихон, епископ кирилло-белозерский, игумен коломенский 236, 289
Токмак Иван Васильевич. См. Ноздреватый Иван Токмак Васильевич
Токмаков Юрий Иванович, кн., воевода 273
Токузан-мурза, крымский мурза 182
Толстой Ф. И., историк 14
Томас Мюнцер, вождь Крестьянской войны в Германии 363
Томицкий П., польский подканцлер 178
Траханиот Андрей, посланник в Рим 81
Траханиот Дмитрий, Грек, Толмач Митя Великий, переводчик, писатель 321, 358
Траханиот Юрий Дмитриевич, казначей, печатник 67, 111, 190, 244, 255, 259, 275, 293, 297, 341, 351, 408, 410, 419, 420
Траханиоты, греки 235, 408
Тревизан Иван, венецианский посланник в Орду 271
Третьяков Иван Иванович, печатник, казначей 126—128, 130, 136, 338, 420
Триволис Михаил. См. Михаил Грек
Трифон, монах, один из основателей Печенгского Троицкого монастыря 227
Трофимов Мисюрь 361
Трубецкие, кн. 225, 402, 403
Трубецкой Андрей Иванович, кн. 88
Трусов Еремей Матвеевич, дьяк, русский посол в Рим 305, 306, 362
Тургенев Н. И., декабрист 15
Турн, фон, Ганс, племянник С. Герберштейна 182
Турн, фон, Георг, римский посол в Москву 351
Турн фон Ян, посол 191
Тутыхин Иван, военачальник 183
Тучков Василий Михайлович, сын боярский 145, 273, 274, 276, 290
Тучков Михаил Васильевич, боярин, окольничий 145, 173, 177, 274, 394
Тютин Юшка (Юшко) 273, 275
Тягибердей, крымский посланник в Москву 380

Ункель Иоганн, ганзейский купец 351
Урвихвостов Юрий, купец 213
Усеин Хозя, индийский посланец в Россию 381
Ушатый К. Ф., кн. 84, 120
Ушатый Ю. В., кн. 200, 207

Фабр Д. Иоанн 56, 142, 213
Феогност Ленков, монах 375
Федор Борисович, кн. волоцкий 49, 63, 64, 66, 77, 100—105, 107, 108, 110, 126, 128, 130, 132, 133, 136, 151, 214, 375, 397, 401
Федор Васильевич, кн. рязанский 60, 61, 209
Феогност Шаровка, монах, основатель Шаровкина м-ря 224
Феодорит, монах, один из основателей Печенгского Троицкого м-ря 227
Феодосий, архимандрит Хутынского м-ря, архиепископ новгородский 97, 321, 406
Феодосий Иконник, иконописец 96
Феодосий Косой, холоп «еретик» 363
Феолипт, патриарх константинопольский 140, 270
Феофил, медик, лекарь Василия III 223, 392
Феофил, митрополит белградский 114
Фердинанд I, император, ко-

роль чешский 56, 178, 304, 305
Фехнер М. В., историк 28
Филипп, митрополит 422
Филипп Ирапский, монах, основатель Красноборской пустыни 229
Филиппов Василий Алферьевич, сын боярский, посланник в Крым 249
Филофей, старец Псковского Елиазарова м-ря, публицист, создатель теории «Москва — III Рим» 8, 33, 53, 141, 327, 329, 339—343, 345, 355, 356, 362
Флоровский А. В., историк 294
Фомин Г., воевода 245, 246
Фонвизин М. А., декабрист 16
Форузат, казанский посланец в Москву 369
Фофан, старец Возминского м-ря 102
Френчужок Петр, зодчий 83
Фридрих, магистр Тевтонского ордена 85, 93, 147
Фридрих III, император 351
Фрязин Алевиз Новый, итальянский зодчий 66, 95—97, 160, 214, 222
Фрязин Бон, итальянский зодчий 66, 96, 222
Фрязин Иван, зодчий 183
Фрязин Николай, итальянский мастер 383
Фрязин Петр (Петрок) Малый, итальянский зодчий 83, 222, 420
Фурс Петр, сын боярский 91
Фурс Федор Андреев, сын боярский 91

Хабар И. В., кн., окольничий 69, 208, 244, 245, 261
Харламов Андрей, дьяк 146, 187
Харламов Иван Некрас Владимиров, дьяк, посол 177, 201—203, 275, 413
Харуза, сотник 152
Хованский Андрей Федорович, кн. 386
Ховрины. См. Головины
Хозников Алексей, купец, московский городничий 218
Хозников Семен Андреевич, купец 218
Хозниковы, купеческая фамилия 218
Холмские, кн. 275
Холмский Андрей Иванович, кн. 273, 274
Холмский Василий Данилович, кн. 12, 13, 69, 77, 85, 89, 92, 275, 419
Холмский И. И., кн. 84
Холмский Петр Андреевич, кн., сын боярский 275
Хрептов Мисюрь, литовский воевода 361
Хрептов Черкас, литовский воевода 184, 361
Христиерн II, король датский 153, 158, 172, 202, 223, 248, 260, 308, 309
Хуссейн, астраханский хан 251, 259, 260

Цыплятев Елизар Иванов, дьяк 131, 233, 306, 315, 393, 412—414, 420
Цыплятевы, дьяческая фамилия 412

Чабык, крымский посол в Москву 313
Челищев Илья Никулин, сын боярский 192—193
Челяднин Василий Андреевич, боярин, дворецкий 109, 131, 133, 224, 407, 408, 420
Челяднин Иван Андреевич, боярин, конюший 93, 119, 120, 146—149, 151, 152, 161, 164—166, 224, 407, 408, 420
Центурионе (Паоло) Павел, генуэзский купец 56, 205, 302
Черепнин Л. В., историк 7, 27
Чернов С. Н., историк 268, 373, 374

Чиж Василий, литовский посланец в Москву 308
Чура, казанский посол 304

Шадрин Василий Иванович, сын боярский 192, 282
Шаинсиф, казанский хан 68
Шайсуп, казанский посол 176, 194
Шапиро А. Л., историк 35
Шатагин Н. И., историк 31
Шаусеин-Сеит, казанский посол 146, 147, 176, 177
Шахматов А. А., историк 41—43, 340—343, 360—362, 392
Шевченко И., историк 135
Шеин Л. В., воевода 78
Шейх-Аулиар (Ших-Овлияр, Шихавлиар), касимовский царевич 98, 151, 194, 195, 369
Шелешпанский С. А., кн. 233
Шемяка Дмитрий Юрьевич, кн. 129
Шемячич Василий Иванович, кн. новгород-северский 50, 64, 85, 87—89, 91, 92, 146, 151, 154, 168, 170, 186, 209, 254—256, 283, 290, 402—404, 417, 419
Шеремердень Кураш, казанский кн., посол в Москву 311
Шереметев Иван Васильевич, боярин 242
Шестунов П. В., кн., окольничий 117, 123
Шагалей (Шах-Али), казанский хан, сын Шейх-Аулияра 187, 194—197, 208, 240, 241, 253, 261, 369, 370, 377, 378, 382, 385, 419
Шигона Поджогин Иван Юрьевич. См. Поджогин Шигона Иван Юрьевич
Шидловский К., польский канцлер 178
Ширины, казанские мурзы 194
Ших-Ахмет, хан Большой орды 68, 75, 83, 86, 143, 175
Шишкин Яков Васильевич, дьяк 44, 321, 362, 363, 420
Шляйниц Христофор, штатгальтер Тевтонского ордена 147, 148, 153
Шнитценпаумер, фон, Георг, орденский посол в Россию 156, 157, 170, 185
Шонберг Дитрих, имперский дипломат 179, 187, 188, 190, 198
Шонберг Николай, папский легат 179, 198, 205
Штоффлер Иоанн, издатель «Альманаха» 326, 355
Шуйские, кн. 395, 404
Шуйский Андрей Михайлович, кн. 314, 315, 419
Шуйский Василий Васильевич, кн., боярин 122, 151, 154, 155, 160, 163, 167, 173, 189, 200, 243, 245, 246, 253, 314, 315, 370, 377, 378, 380, 385, 386, 388, 393, 394, 419
Шуйский Иван Васильевич, кн. 315, 393, 394
Шуйский Иван Михайлович, кн. 148, 189, 200, 201, 314, 315, 419

Щекин Алексей, дьяк 171
Щеня Даниил Васильевич, кн. 88, 89, 127, 148, 151, 154, 160, 161, 163, 173
Щенятев Михаил Данилович, кн. 120, 164, 200, 203, 245, 249, 367
Щербатый Иван Васильевич, кн. 233
Щербатов М. М., историк 11—15
Щит Ян, маршалок могилевский 183, 185

Эдинг Б. Н., историк 217
Энгельс Ф. 25, 26
Эрдед, кардинал 159
Эразм Роттердамский, ученый, гуманист 363

Юрий Васильевич, кн. дмитровский, сын Василия II Темного 63, 91, 214
Юрий Васильевич, кн. угличский, сын Василия III 42, 224, 385
Юрий Грек, Юрий Малый. См. Траханиот Юрий
Юрий Дмитриевич, кн. галицкий 99
Юрий Иванович Жилка, кн. дмитровский, сын Ивана III 49, 62—65, 71, 74, 77, 82, 98—101, 116, 130, 131, 136, 148, 149, 151, 154, 155, 160, 189, 210, 211, 217, 242, 249, 256—259, 271, 273, 276, 277, 282, 296, 314, 315, 334, 367, 368, 377, 378, 385, 386, 388, 393—395, 397—402, 417
Юсуф, ногайский мурза 387
Юшка Петр, посланник в Молдавию 310
Яганов Иван, сын боярский 400, 401
Яков, монах афонского Пантелеймонова м-ря 81, 114
Яков Захарьевич. См. Захарьин Яков
Якимов Иван, литовский посланец в Россию 308
Яковлев Постник, псковский зодчий 123
Якшенин Темир, московский посланец «в Ногаи» 83
Ян Ласский. См. Иоанн Ласский
Яналей, хан, сын Шейх-Аулиара 369, 377, 378, 382, 387
Янглич, казанский мурза 312
Янчура, крымский посол 173, 174
Янович Матвей, литовский посланец в Москву 308

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.
АЮБ	— Акты, относящиеся до юридического быта Древней России
БАН	— Библиотека Академии наук СССР
ВМЧ	— Великие минеи четьи
Временник ОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГАИМК	— Государственная академия материальной культуры АН СССР
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГКЭ	— Грамоты коллегии экономии
ГПБ	— Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения
ИЛ	— Иоасафовская летопись
ИОРЯСЛ	— Известия отделения русского языка и словесности Академии наук
КИ	— Казанская история
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
НЛ	— Новгородские летописи
НПК	— Новгородские писцовые книги
О	— Список Оболенского Никоновской летописи
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Академии наук
П	— Патриарший список Никоновской летописи
ПДС	— Памятники дипломатических сношений
ПЛ	— Псковские летописи
ПРП	— Памятники русского права
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РВ	— Русский временник
РИБ	— Русская историческая библиотека

РК	— Разрядная книга 1475—1598 гг.
РЛА	— Русско-Ливонские акты
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
Труды МГИАИ	— Труды Московского государственного историко-архивного института
УЛС	— Устюжский летописный свод
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
Чтения ОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
Э	— Эрмитажное собрание ГПБ

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ 8
Дореволюционная историография . . . . . —
Классики марксизма-ленинизма и советская историография 25
Глава 2. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ 37
Глава 3. ВСТУПЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ III НА ПРЕСТОЛ . . . 59
Глава 4. ОТНОШЕНИЯ С ЛИТВОЙ И ВОССТАНИЕ МИХАИЛА ГЛИНСКОГО 79
Глава 5. ДЕЛА УДЕЛЬНЫЕ И ЦЕРКОВНЫЕ 95
Глава 6. ПСКОВ 112
Глава 7. «ЗЕМНОЙ БОГ» 124
Глава 8. БОРЬБА ЗА СМОЛЕНСК 142
Глава 9. ПОИСКИ МИРНЫХ РЕШЕНИЙ 169
Глава 10. ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ . 208
Глава 11. КРЫМСКИЙ СМЕРЧ 240
Глава 12. ДЕЛО МАКСИМА ГРЕКА И ВТОРОЙ БРАК ВАСИЛИЯ III 267
Глава 13. ДИПЛОМАТИЯ И ЕЩЕ РАЗ ДИПЛОМАТИЯ . . . 300
Глава 14. КЛЕРИКАЛЫ И ГУМАНИСТЫ 323
Глава 15. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ III . . 364
Глава 16. ИТОГИ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО . 396

Указатель имен 426
Список принятых сокращений 451

Зимин А. А.

З-62 Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., «Мысль», 1972.

452 с. 1 л. карт.

Первая треть XVI в. — время, когда в результате экономического и политического подъема Русское государство заняло видное место в системе крупнейших европейских государств. Успехи во внешней и внутренней политике сочетались с важными явлениями в общественной мысли и литературе. В книге даются портреты видных политических деятелей: осторожного и умного Василия III, гуманиста Федора Карпова, лидера воинствующих церковников Иосифа Волоцкого и многих других.

Книгу доктора исторических наук А. А. Зимина, основанную на широком использовании архивных и опубликованных источников, с интересом прочтут все, кого волнует историческое прошлое нашей Отчизны.

1—6—4
2-Б3-22-71 9(С)13

Зимин, Александр Александрович

РОССИЯ НА ПОРОГЕ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

Редактор — *Бочкова О. П.*
Младший редактор — *Игнатова С. С.*
Художник по оформлению — *Бобров А. Б.*
Художественный редактор — *Брантман А. А.*
Технический редактор— *Чистякова К. С.*
Корректор — *Чигина Л. М.*

Сдано в набор 18 июня 1971 г. Подписано в печать 11 января 1972 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$, № 2. Усл. печатных листов 24,44 с вкл. Учетно-издательских листов 27,41 с вкл. Тираж 40 000 экз. А 04906. Заказ № 787. Цена 1 р. 83 к.

Издательство «Мысль». 117071.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Типоофсетная фабрика «Атлас» Комитета по печати при Совете Министров УССР. Львов, Зеленая, 20.